

Р 63.3(0)

И 90

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ ВТОРОЙ

ОГИЗ-ГОСПОЛИТИЗДАТ-1945

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ ВТОРОЙ

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

(1872—1919 гг.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

академика В. П. ПОТЁМКИНА

СОСТАВИЛИ:

проф. *Хвостов В. М.* и проф. *Миц И. И.*

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1945—ЛЕНИНГРАД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1872—1919 гг.)

	Стр.
В в е д е н и е	1—8

Глава первая

ПОСЛЕ ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1872—1875 гг.)

(проф. Хвостов В. М.)

Франко-германские отношения в 1871—1873 гг. Соглашение трёх императоров. Франко-германский конфликт 1874 г. Миссия Радовица (февраль 1875 г.). Военная тревога 1875 г. . .	9—21
--	------

Глава вторая

ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС (1875—1877 гг.)

(проф. Хвостов В. М.)

Герцеговинское восстание. Англо-русская борьба в Средней Азии в 70-х годах XIX века. Болгарское восстание и сербо-турецкая война. Рейхштадтское свидание. Антитурецкая кампания в Англии. Миссия генерала Вердера. Миссия барона Мюнха. Константинопольская конференция. Будапештская конвенция. Франко-германская военная тревога 1877 г. и Лондонский протокол	22—39
--	-------

Глава третья

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА (1877—1878 гг.) И БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС (1878 г.)

(проф. Хвостов В. М.)

Русско-турецкая война. Сан-Стефанский мир. Берлинский конгресс 1878 г.	40—50
--	-------

*Глава четвёртая***АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ
ДОГОВОРА ТРЁХ ИМПЕРАТОРОВ**(проф. *Хвостов В. М.*)

Ухудшение русско-германских отношений. Австро-германский союз (7 октября 1879 г.). Возобновление союза трёх императоров . . . . . 51—58

*Глава пятая***КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ**(проф. *Хвостов В. М.*)

Причины колониальной экспансии буржуазных государств в 70—80-х годах XIX века. Колониальная экспансия Англии в 70-х годах XIX века. Захват Туниса (1881 г.). Заключение Тройственного союза (1882 г.). Закабаление Турции. Захват Египта (1882 г.). Англо-французский финансовый контроль в Египте. Захват Конго (1879—1884 гг.). Берлинская конференция. Колониальная политика Бисмарка. Афганский конфликт 1885 г. . . . . 59—75

*Глава шестая***ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БИСМАРКА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ЕГО КАНЦЛЕРСТВА**

(1885—1890 гг.)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА

(1891—1893 гг.)

(проф. *Хвостов В. М.*)

Болгарский кризис 1885—1886 гг. Русско-германские экономические противоречия. Рост реваншизма во Франции. Крах союза трёх императоров. Военная тревога в январе 1887 г. Средиземноморская Антанта. Договор перестраховки. Ухудшение русско-германских отношений. Солсбери и английская политика «блестящей изоляции». Отставка Бисмарка. Бисмарк как дипломат. Франко-русский союз (1891—1893 гг.). 76—106

*Глава седьмая***НАЧАЛО АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО АНТАГОНИЗМА.
ОБОСТРЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ**(проф. *Хвостов В. М.*)

Обострение дальневосточного вопроса. Японо-китайская война 1894—1895 гг. Успехи русской политики в Китае. Армянский вопрос. Набег Джемсона и телеграмма Вильгельма II Крюгеру. Последствия южноафриканского кризиса. Австро-русское соглашение 1897 г. Захват Киао-Чао. Переговоры об англо-германском союзе. Бюлов как дипломат. Германский военно-морской закон 1898 г. Фашодский инцидент. Багдадская железная дорога . . . . . 107—139

*Глава восьмая***ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РАЗДЕЛ МИРА
И ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ЗА ЕГО ПЕРЕДЕЛ
(1898—1904 гг.)**(проф. *Хвостов В. М.*)

Испано-американская война. Доктрина Хэя («открытые двери» в Китае). Англо-бурская война. Договор о Панамском канале. Германская военно-морская программа. Гаагская конференция 1899 г. Народное восстание в Китае («боксерское восстание»). Вопрос об эвакуации Манчжурии. Миссия Ито. Англо-японский договор. Попытка англо-русского сближения. Русско-японская война . . . . . 140—159

*Глава девятая***ОБРАЗОВАНИЕ АНТАНТЫ
(1904—1907 гг.)**(проф. *Хвостов В. М.*)

Англо-французская Антанта. Попытки заключения русско-германского союза в конце 1904 г. Марокканский кризис 1905—1906 гг. Свидание Николая II и Вильгельма II в Бьёрке. Портсмутский мир. Алжирская конференция. Военное сотрудничество Англии и Франции. Англо-русское соглашение . . . . . 160—180

*Глава десятая***БОРЬБА АНТАНТЫ И АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО БЛОКА
(1908—1911 гг.)**(проф. *Хвостов В. М.*)

Англо-германское морское соперничество. Борьба за Балканы и Турцию в начале XX века. Русско-австрийское соглашение в Бухлау в 1908 г. Инцидент в Касабланке. Потсдамское свидание. Агадир. Итало-турецкая война. «Демарш Чарыкова». Миссия Холдена. Упрочение англо-французской Антанты . . . 181—215

*Глава одиннадцатая***БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ
(1912—1913 гг.)**(проф. *Хвостов В. М.*)

Балканский блок. Первая балканская война. Совещание послов в Лондоне. Вторая балканская война. Бухарестский мир. Балканский вопрос в конце 1913 — начале 1914 г. . . 216—237

*Глава двенадцатая***НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**(проф. *Хвостов В. М.*)

Международное положение к лету 1914 г. Ближний Восток. Дальневосточный вопрос в 1908—1914 гг. Англо-германские отношения в 1913 и начале 1914 г. Германский империа-

лизм решается начать войну. Сараевское убийство. Переговоры в Потсдаме. Эдуард Грей как дипломат. Приезд Пуанкаре в Петербург. Австро-венгерский ультиматум Сербии. Грей раскрывает позицию Англии. Германский ультиматум России. Начало русско-германской войны. Борьба в английском кабинете. Объявление Германией войны Франции. Вторжение германских войск в Бельгию	238—266
--	---------

Глава тринадцатая

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(проф. *Хвостов В. М.*)

1. Выступление Японии. Выступление Турции. Выступление Италии. Взаимоотношения держав Антанты. Захватнические планы держав Антанты. Захватнические планы Германии. Выступление Болгарии. Выступление Румынии. Раздел Азиатской Турции. Двадцать одно требование Японии к Китаю. Поворот в ходе мировой войны. Вступление в войну США. Буржуазно-демократическая революция в России. Положение Австро-Венгрии. «Мирные» маневры германского империализма в 1917 г. Наступление Керенского. Западные союзники и Россия в 1917 г.	267—301
--	---------

Глава четырнадцатая

ВЫХОД РОССИИ ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(проф. *Миц И. И.*)

1. Советская дипломатия. Образование Наркоминдела. Опубликование тайных империалистических договоров. Декрет о мире. Объявление перемирия.	
2. Перемирие с германским блоком. Открытие советско-германских переговоров о перемирии. Планы интервенции Антанты	303—318

Глава пятнадцатая

БРЕСТСКИЙ МИР

(проф. *Миц И. И.*)

1. Первый период переговоров о мире. Советские условия мира. Противоречия в германском блоке. Принятие Германией советской формулы мира. Германия раскрывает свои империалистические замыслы.	
2. Второй период мирных переговоров. Использование Германией предателей из Украинской Центральной рады. Германская дипломатия переходит в наступление. Предъявление условий мира. Ультиматум.	
3. Заключение Брест-Литовского мира. Новый немецкий ультиматум. Брестский мирный договор. Предложения военной помощи со стороны Антанты. Роль Ленина в дипломатических переговорах о мире. Признание независимости Финляндии. Захват Бессарабии Румынией	319—357

*Глава шестнадцатая***ПОБЕДА АНТАНТЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ**(проф. *Миц И. И.*)

Поражение германского блока. Гибнущая Германия продолжает агрессию. Предложение Австро-Венгрией мира. Перемирие с Болгарией. Четырнадцать пунктов Вильсона. Просьба Германии о перемирии. Капитуляция Австро-Венгрии и Турции. Предварительные переговоры о перемирии. Компьенское перемирие	358—376
--	---------

*Глава семнадцатая***НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ**(проф. *Миц И. И.*)

Высадка вооружённых отрядов Антанты в Советской России. Дипломаты в роли организаторов восстания. Заговор Локкарта. Завершение дипломатической изоляции Советской России в 1918 г.	377—394
<i>Библиография</i>	395—417
<i>Указатель имён</i>	418—423

ДИПЛОМАТИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ (1872—1919 гг.)

ВВЕДЕНИЕ

В период от конца франко-прусской войны до завершения первой мировой войны деятельность дипломатии характеризуется новыми чертами, порождёнными развитием империализма. То был период «начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого „свободного“ капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции»¹.

На смену старому капитализму, основанному на свободной конкуренции, приходит капитализм монополистический — империализм. На этой стадии развития капитализма промышленный капитал срачивается с банковым: устанавливается господство монополий и финансового капитала; всё большее значение приобретает вывоз капитала; завершается раздел мира между капиталистическими государствами. Все эти процессы обозначаются в 70-х годах XIX века; на рубеже XIX и XX веков империализм как новейшая фаза капитализма приобретает вполне сложившийся характер.

Последние десятилетия XIX века характеризуются борьбой за захват ещё свободных колониальных территорий; идёт лихорадочный раздел мира. К концу XIX века ни в Африке, ни в Полинезии, ни в Азии, ни в Америке уже почти не остаётся незанятых земель, представляющих интерес для империалистов. Возникает задача передела мира между сильнейшими державами. Этой задаче отныне служат внешняя политика и дипломатия руководящих империалистических государств.

С переходом к империализму историческое развитие капиталистических стран становится всё более неравномерным. Такие государства, как Англия и Франция, ранее бывшие экономически передовыми, с конца XIX века уже оттесняются

---

¹ Сталин, Жданов и Киров, *Замечания о конспекте учебника по новой истории*. Сборник «К изучению истории», Огиз, 1938, стр. 26.

молодыми капиталистическими странами — Германией, Соединёнными штатами, Японией. Эти страны в результате бурного развития их промышленности опережают старые капиталистические державы.

В различных странах империализм имел свои особенности. Всего ранее империализм стал складываться в Англии. Там он приобрёл по преимуществу колониальный характер. Гигантский вывоз капиталов направлялся из Англии главным образом в её необъятные колонии. Из колоний получалось сырьё; они же играли видную роль и в качестве рынков сбыта произведений британской промышленности.

Французский империализм отличался ростовщическим характером. Французские капиталы вкладывались главным образом в государственные займы и отчасти в колонии. В гораздо меньшей степени помещались они в промышленные предприятия. «Франция — это финансовая олигархия, Франция — это ростовщик всего света»¹, — отмечал Ленин, цитируя слова французского писателя по финансовым вопросам Лизиса.

Германия представляла третью разновидность империализма. В результате франко-прусской войны завершилось объединение Германии и образовалась Германская империя. «Появился новый хищник, создавалась в 1871 г. новая капиталистическая держава...»². Германский капитализм уже с 70-х годов стал превращаться в империализм.

Одной из особенностей империализма в Германии являлось то, что к его услугам был мощный военный аппарат милитаристической прусской монархии — костяка новосозданной Германской империи. Создался теснейший контакт между прусским юнкерством и монополистическим капиталом. Ленин в следующих словах обрисовал природу немецкого империализма: «Мы имеем „последнее слово“ современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, *подчинённой юнкерски-буржуазному империализму*»³. Связь с юнкерством и прусским милитаризмом придавала германскому империализму сугубо реакционный характер.

Капитализм в Германии начал развиваться значительно позже, чем в Англии или даже во Франции. Германия пришла «к столу капиталистических яств, когда места были заняты»⁴. Лишь в 80-х годах прошлого века приступила она к захвату колоний. Спустя десятилетие именно германский империализм поставил со всей резкостью вопрос о коренном переделе мира. В этом проявилась другая особенность германского империализма — его исключительно агрессивный характер.

¹ Ленин, Соч., т. ХХХ, стр. 336.

² Там же, стр. 337.

³ Ленин, Соч., т. ХХII, стр. 516.

⁴ Ленин, Соч., т. ХХХ, стр. 336.

Относительная молодость немецкой промышленности обеспечивала ей ряд преимуществ. Германский капитализм по сравнению с Англией и Францией создал «лучшую технику, несравненную организацию»¹. Технические и организационные преимущества сочетались с наличием совершенной прусской военной машины, только что показавшей свою мощь в войнах с Австрией (в 1866 г.) и с Францией (в 1870—1871 гг.). При таких данных германский империализм вырос в колоссальную и опасную силу.

Вслед за западными европейскими странами вступила на путь империализма и Россия. Но к концу XIX века она всё ещё была капиталистически отсталой страной и находилась в финансовой зависимости от Франции. Это создавало ей подчинённое положение «секунданта» западных держав. Притом российский империализм сохранял военно-феодалный характер. «В России всецелое влияние капитала сливалось с деспотизмом царизма»². Отсталый царский режим был неспособен развивать неисчислимые естественные ресурсы страны, поддерживать и поднимать ещё выше могучие материальные и духовные силы русского народа. Чем дальше, тем больше царизм становился тормозом на пути развития России.

Японский империализм представлял смесь военно-феодалного империализма с империализмом германского типа.

Образование Германской империи внесло коренные перемены в международное положение Европы. У России и Франции появился опасный сосед, жадный до чужих земель и обладающий значительной военной силой. Наличие такого соседа внушало тревогу и порождало гонку вооружений. В Европе после 1871 г. установился «вооружённый» мир. Под его покровом шла непрерывная подготовка к неизбежной новой войне. В деле подготовки будущей войны дипломаты не отставали от военных. Почин принадлежал всё той же Германии. Она первая приступила к созданию военной коалиции, центром которой стал Берлин. Так возник Тройственный союз. В него вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия. Произошло это в 1882 г.

Естественно, что Россия и Франция стали искать друг в друге опору против милитаристической Германии и её союзников. Особенно напряжёнными являлись франко-германские отношения: захват Германией Эльзаса и Лотарингии создавал для Франции угрожаемое положение; со своей стороны и Германия опасалась французского стремления к реваншу. Пока германским канцлером был Бисмарк, он, страшась войны

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 337.

² Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 4.

с ненавистной ему Россией, всячески старался предотвратить её сближение с Францией. Бисмарк стремился обособить Францию, дабы придать будущей франко-германской войне локализованный характер. В течение некоторого времени германскому канцлеру удавалось тормозить франко-русское сближение. Дипломатическим усилиям Бисмарка помогало наличие англо-русских противоречий: взаимные распри России и Англии в борьбе за Ближний и Средний Восток вынуждали обеих соперниц оглядываться на Германию. Это соперничество приобрело особую остроту во время русско-турецкой войны. Не раз вспыхивало оно и в последующие годы.

Всё же в 1891—1893 гг. франко-русский союз стал совершившимся фактом. Он скреплялся займами, которые начал предоставлять царизму французский капитал. Таким образом, произошло оформление двух крупных военно-политических группировок: Тройственного союза в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии и двойственного франко-русского союза.

На противоречиях этих группировок играла Англия, до начала XX века не примыкавшая ни к одной из них и следовавшая политике так называемой «блестящей изоляции». Англия стремилась сохранить свободу действий при назревающих в Европе международных конфликтах. Она полагала, что союзники ей не нужны, так как её достаточно защищает море: при тогдашнем состоянии военной техники это соображение имело известные основания. Более того, английская дипломатия рассчитывала, что взаимная борьба континентальных держав позволит ей отстаивать колониальные интересы Британии с минимальным напряжением сил. После 1871 г. Англия уже усматривала опасность в поползновениях Германии добиться гегемонии на континенте. Однако главными соперниками Англии на колониальной арене в 70—80-х годах являлись Россия и Франция.

С конца 70-х годов в деятельности дипломатии на видное место начинает выдвигаться борьба за колонии. Захват Египта Англией, русско-турецкая и англо-афганская войны и завоевание Туркмении Россией в конце 70-х и в 80-х годах обострили англо-французские и русско-английские отношения. Франко-итальянское соперничество также приобрело напряжённый характер после присоединения к Франции Туниса. Это и направило Италию на путь сотрудничества с Германией и Австрией. К тому же времени относится выступление Германии в качестве нового претендента на колониальные территории.

Конец XIX века характеризуется сравнительно мирным ходом событий в Европе. Правда, идёт всё ускоряющаяся гонка вооружений, но после 1878 г. до войны дело не доходило. Зато

вне Европы шли непрерывные колониальные экспедиции и войны. В конце концов они привели к ряду крупных международных кризисов. Франция, стремясь к захвату Судана, в 1898 г. оказалась всего на шаг от войны с Англией. Япония, предпринявшая в 1894 г. захватническую войну против Китая, дала толчок общему обострению дальневосточной проблемы. Россия, в ответ на японскую агрессию в свою очередь начавшая экспансию в Китае, обострила свои отношения с Англией и Японией. Ища приложения своих капиталов в «натиске на Восток», Германия в своих вождедениях закабалить Турцию столкнулась с Англией и Россией. Англия ревностно охраняла свои позиции в Египте, на Ближнем Востоке, на путях в Индию. Россия не могла допустить, чтобы контроль над проливами перешёл из рук Турции к какой-либо соперничающей великой державе.

В общий водоворот вовлекались колониальные и полуколониальные страны Востока, вступавшего в этот период в полосу буржуазно-национальных революций. Таково, например, было народное «боксёрское» восстание в Китае против феодалов и иностранных империалистов, подавленное соединёнными силами империалистических держав. Большое влияние на развитие революционного движения на Востоке оказала русская буржуазно-демократическая революция 1905 г. Не случайно за нею последовали буржуазные революции в Персии, младотурецкая буржуазная революция в Турции, буржуазно-демократическая революция в Китае.

В 90-х годах германский империализм поставил вопрос о коренном переделе мира. Это вызвало глубокие сдвиги в международном положении. Крупнейшей колониальной державой оставалась Англия. Захватнические вождедения немецких империалистов задевали в первую очередь именно её. К концу XIX века на первый план в международных отношениях выступает англо-германский антагонизм. Его следствием было сближение Англии с Францией, а затем и с Россией. На почве совместной борьбы против Германии Англия вступает в блок с франко-русской группой. Так создаётся в 1904—1907 гг. тройственная Антанта.

Уже на рубеже XIX и XX веков происходят первые войны за передел колоний и за сферы влияния — испано-американская, англо-бурская и русско-японская. Каждый из этих международных кризисов сопровождался лихорадочными военными приготовлениями великих держав. Затем завязывается борьба германского империализма с Антантой. Ряд конфликтов возник между Германией, Францией и Англией по поводу Марокко. Аннексия Боснии и Герцеговины Австрией чуть было не привела эту державу к войне с Россией. В 1911 г. вспыхнула война между Италией и Турцией из-за Триполи. В 1912—1913 гг.

произошли две балканские войны. Они явились прологом к первой мировой войне.

Война 1914—1918 гг. была вызвана в первую очередь борьбой за передел колоний и сфер влияния. Основную роль играло при этом соперничество между Германией и Англией. Англия защищала от Германии своё морское и колониальное первенство. Не могла она допустить и германской гегемонии в Европе. Для Франции германские притязания на гегемонию представляли ещё большую угрозу.

Немалое значение имела, конечно, и политика русского царя; однако она играла сравнительно подчинённую роль, и преувеличивать её влияние не следует. Забвение основных факторов войны приводит к самым серьёзным ошибкам в её оценке.

«Если империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду, как фактор надвигающейся мировой войны, если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти что освободительной?»

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от „русского варварства“ и т. п.»¹

Во время империалистической мировой войны 1914—1918 гг. дипломатия враждующих сторон развернула кипучую деятельность. Обе группировки старались перетянуть на свою сторону нейтральные страны и завербовать как можно больше союзников. Немало дипломатических усилий потребовалось, чтобы оторвать Италию от Тройственного союза. В конце концов, соблазнённая обещаниями территориальной добычи, она перешла в лагерь Антанты. К державам Антанты присоединились Япония, Сербия, Румыния и Греция. Германии и Австро-Венгрии удалось привлечь на свою сторону Турцию и Болгарию. Соединённые штаты, хотя и связанные с Антантой значительными экономическими и финансовыми интересами, предпочли в первые годы войны остаться нейтральными и наживаться на военных поставках. Лишь в 1917 г. американцы

¹ Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царя», «Большевик», 1941, № 9, стр. 5.

вступили в войну на стороне Антанты. После этого поражение Германии стало неизбежным.

В соответствии с ведущей ролью финансового капитала в международных отношениях XX века дипломатия этого периода отражает в своей деятельности влияние монополистических объединений, банков и биржи. Так называемые дипломаты карьеры в ряде случаев отступают на задний план. Их место занимают международные дельцы, финансовые агенты, спекулянты крупного масштаба, экономические и политические разведчики.

Новые методы дипломатической работы начинают применяться прежде всего в колониях, а также и в ряде стран, «политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»¹. Обычными приёмами закабаления колониальных и полуколониальных стран становятся финансовый контроль, концессии, займы, экономическая разведка, назначение советников. Наряду с этим «мирным» проникновением ведётся и подрывная работа в форме подготовки восстаний, дворцовых переворотов, создания марионеточных правительств. Национально-освободительные и революционные движения подавляются вооружённой силой и удушаются руками империалистической дипломатии.

Подготовка к мировой войне велась империалистическими правительствами в глубокой тайне от народных масс. Буржуазно-демократические представительные учреждения не обладали средствами, позволявшими контролировать деятельность дипломатии. Парламенты стали орудием в руках исполнительной власти, выполняющей волю финансовой олигархии. Всё же волей-неволей империалистическим правительствам приходилось считаться и с общественным мнением своих стран, в особенности с рабочим движением. Поэтому дипломатия и стала усиленно заниматься обманом собственного народа. Важнейшим средством такого обмана становится пресса, принадлежащая крупным монополистическим организациям. В результате подкупа и прямой купли органов печати возникает «рептильная» печать. Ею пользуются не только дипломаты в своей стране, но зачастую и иностранные правительства, а также их разведки.

Тотчас после начала войны дипломаты воюющих стран занялись сочинением версий, обелявших их собственные правительства от обвинения в разжигании войны. В сериях так называемых «цветных» книг дипломаты всех стран старались внушить массам, что их правительства ведут лишь оборонительную войну. В этом деле империалистическая дипломатия нашла себе угодливого союзника в лице II Интернационала.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 139.

Империализм доводит до крайней остроты противоречия не только между империалистическими державами, не только между этими державами и зависимыми странами, но и между трудом и капиталом. В период империализма происходят жесточайшие схватки между рабочим классом и капиталистами. «Империализм подводит рабочий класс к революции»¹.

Среди держав, вступивших в войну, наиболее слабым звеном оказалась царская Россия. В результате порочного управления страной, устаревшей организации армии, крайней отсталости промышленности, сельского хозяйства и транспорта, наконец в результате ряда серьёзных поражений царской армии Россия не выдержала испытаний войны. Назревший революционный кризис привёл к тому, что в феврале 1917 г. был свергнут царизм, а в октябре того же года было свергнуто Временное правительство. У власти в России стали Советы, руководимые большевиками. Приход к власти большевиков-антиимпериалистов привёл к выходу России из войны и заключению с Германией тяжёлого по условиям Брестского мира.

Другим слабым звеном среди воюющих держав оказалась Австрия. Совершенно обессиленная в результате четырёхлетней войны, Австрия оказалась не в состоянии вести дальше войну и стала требовать от Германии согласия на мир с Антантой. Самой Германии становилось всё труднее выдерживать испытания войны, особенно после вступления в войну США. В результате этого австро-германский блок оказался вынужденным признать своё поражение и запросить мира. Антанта согласилась прекратить военные действия и продиктовала австро-германскому блоку весьма тяжёлые условия перемирия в Компьене в 1918 г. и ещё более тяжёлые условия мира в Версале в 1919 г.

Таким образом, Франкфуртский мир 1871 г., отразивший поражение Франции и выдвижение Германии в Европе на первый план, привел к первой мировой войне 1914—1918 гг., а первая мировая война привела к Версальскому договору 1919 г., отразившему поражение Германии и начало господствующего положения Антанты в Европе и вне её пределов.

---

¹ Сталин, Об основах ленинизма, «Вопросы ленинизма», изд. 41-е, стр. 3.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОСЛЕ ФРАНКФУРТСКОГО МИРА (1872—1875 гг.)

Франко-германские
отношения
в 1871—1873 гг.

Франкфуртский договор не ослабил давней франко-германской вражды. Наоборот, он значительно её усилил. Франция не могла примириться с навязанными ей условиями грабительского мира. Если уже в 1870 г. германское вторжение оказалось легко осуществимым, то с потерей Лотарингии германская угроза ещё более приблизилась к Парижу.

Словно дамоклов меч нависла над Францией опасность нового немецкого нашествия и вызывала стремление к реваншу.

Правда, в 1871 г. серьёзным французским политикам было ясно, что на ближайшие годы Франция нуждается в мире: страна была слишком ослаблена, чтобы вновь начинать войну. Не только Тьер, которого упрекали в пресмыкательстве перед Бисмарком, но и его противники слева, не исключая Гамбетты, равно как и его оппоненты справа вроде де Бройля и Деказа, не думали, что в скором времени Франция сможет с шансами на успех начать новую войну против Германии. После опыта 1870 г. для всякого здравомыслящего француза было очевидно, что вообще лучше не тягаться с Германией один на один, без союзников. Не подлежало сомнению, наконец, и то, что, пока Франция не восстановила своих вооружённых сил, с ней никто не захочет заключать союз. Итак, французы не помышляли о развязывании войны. Но все французские политики в 70-х годах сходились на том, что Франция должна как можно скорее восстановить свои силы и обзавестись союзниками. Она должна быть готова встретить во всеоружии всегда возможное новое нападение восточного соседа. Так смотрел на дело и Тьер, который нес тогда ответственность за внешнюю политику Франции и слыл сторонником мирных отношений с Германией. В 1872 г. Тьер в следующих словах изложил свой взгляд на этот вопрос: «Если в Европе возникнет конфликт... — писал он, — то будет вполне естественным, что мы

вахотим использовать представившийся случай»¹. В ожидании такого момента Франция, по мнению Тьера, должна восстанавливать свою армию и подготавливать почву для будущих союзов.

И Тьер и наиболее крупные его преемники на посту руководителей французской внешней политики — герцоги де Бройль и Деказ — в качестве будущих союзников Франции представляли себе и Австрию и Англию, но в первую очередь Россию. «Мы знаем, — писал Ж. Фавр, министр иностранных дел в правительстве Тьера, — насколько интимны отношения, связывающие петербургский и берлинский дворы. Не подвергая себя риску несомненной неудачи, мы не можем сегодня требовать от России какой-либо услуги, могущей привести к серьёзному охлаждению отношений между обоими правительствами. Но семя будущего их раздора несомненно имеется»².

С тревогой наблюдал германский канцлер, что разбитая Франция восстанавливает свои силы. Ему казалось, что это происходит слишком быстро.

Для дипломатических приёмов Бисмарка характерно, что, не сделав ни одной попытки смягчить франко-германские противоречия, он сразу принялся за дрессировку побеждённой Франции методом нажима и угроз. В апреле — мае 1872 г. между Францией и Германией шли переговоры о способах досрочной уплаты оставшихся 3 миллиардов контрибуции. Тьер рассчитывал добиться за это досрочной эвакуации оккупированной французской территории. В принципе Бисмарк на это соглашался: он боялся, как бы Франция не уклонилась от платежа, и поэтому торопился скорее получить с неё деньги. Но предложенный Тьером способ погашения долга не удовлетворял Бисмарка. Чтобы заставить Тьера принять германские условия расчётов, канцлер пригрозил ему чуть ли не новым нападением на Францию. Напуганный Тьер пошёл на уступки.

Запугивая Францию, Бисмарк одновременно заботился и о том, чтобы она не смогла найти себе союзников. Он старался привлечь на сторону Германской империи возможных друзей Франции. Таким образом канцлер рассчитывал держать Францию в состоянии политической изоляции. По меткому выражению русского дипломата графа Петра Шувалова, Бисмарка преследовал «кошмар коалиций».

Этот кошмар не случайно нарушал покой германского канцлера. Международное положение начала 70-х годов давало Бисмарку достаточно оснований опасаться сближения Франции с Австрией и Россией.

¹ «Documents diplomatiques français (1871—1914)», 1-ère série, v. I, № 151, p. 177.

² Ibid., № 21, p. 42.

Самым фактом своего существования Германская империя с военной машиной прусского милитаризма, уже сумевшей показать Европе свою силу, представляла угрозу для всех своих соседей. Естественно, что это должно было содействовать их сплочению перед лицом общей опасности.

При известных условиях и Австрия, разбитая пруссаками в 1866 г., могла по примеру Франции встать на путь политики реванша. Как раз в 1871 г., в феврале, в австрийской половине Габсбургского государства к власти пришёл кабинет графа Гогенварта, глубоко враждебный новосозданной Германской империи.

К счастью для Бисмарка, министерство Гогенварта не долго оставалось у власти. Уже в октябре 1871 г. оно пало. На смену ему пришло правительство немецких либералов, которые стояли за тесную дружбу с Германией. Это обстоятельство значительно облегчало Бисмарку осуществление намеченного им сближения с Австро-Венгрией.

Вскоре после падения Гогенварта австро-венгерским министром иностранных дел стал Гуила Андраши, бывший участник венгерской революции. Как истый представитель венгерского дворянства Андраши видел в России и в славянах главных врагов, а в Англии и в Германии — желанных союзников. Андраши стремился к союзу с Германией, надеясь заострить его против России и привлечь к нему также и Англию. В августе 1871 г., незадолго до своего назначения министром иностранных дел, Андраши сопровождал императора на курорт Гаштейн. Там состоялось свидание императора Франца-Иосифа с Вильгельмом I и с Бисмарком. Свидание это открыло длинный ряд монарших встреч, которые сыграли немалую роль в дипломатической истории 70-х годов прошлого века.

В Гаштейне Андраши попытался вовлечь Бисмарка в фарватер антирусской политики. Бисмарк отклонил эти попытки. Он хотел иметь дружественные отношения и с Австро-Венгрией и с Россией. «Союз трёх императоров» — вот та комбинация, к которой стремился германский канцлер. Создание австро-русско-германского союза было тем дипломатическим маневром, которым он рассчитывал предотвратить возможность и грозной коалиции — Австрии, Франции и России — и менее страшной, но всё же достаточно опасной двойственной франко-русской комбинации.

Бисмарк ненавидел Россию и боялся её. Но именно потому, что Россия внушала ему страх, он придавал исключительное значение поддержанию так называемых «традиционных дружественных отношений» с Россией. Он боялся войны с Россией. Канцлер знал, что эта война вследствие гигантских размеров своего театра, сурового климата России, стойкости русского солдата, при неисчислимых людских резервах

страны, её неисчерпаемых ресурсах неминуемо привела бы Германию к катастрофе. К тому же Бисмарк знал, что вооружённое столкновение с Россией почти неизбежно повлечёт вмешательство Франции и превратится в непосильную для Германии войну на два фронта.

В начале 70-х годов обстоятельства складывались благоприятно для задуманной Бисмарком комбинации — союза трёх императоров. Вскоре после беседы с Бисмарком в Гаштейне Андраши обратился к Англии, чтобы попытаться осуществить свой план австро-английского сближения против России. Но он очень скоро убедился, что, хотя английское правительство и «сочувствует» Австро-Венгрии, всё же от кабинета Гладстона не приходится ждать действительного участия в борьбе с Россией за преобладание на Балканах. Гладстон избегал каких-либо союзных обязательств. Свои расчёты он строил на взаимных противоречиях держав континента. Ничего не имея против того, чтобы Австрия вела политику, враждебную России, сам он стремился к англо-русскому сближению.

После неудачных поисков союзника против России Андраши оставалось только одно: волей-неволей договариваться с этой могущественной соперницей Австро-Венгрии. Правда, борьба между Россией и Австрией за влияние на Балканах не прекращалась. Однако в начале 70-х годов она ещё не принимала острых форм.

У России также были основания искать сближения с Австро-Венгрией. Россию пугала перспектива австро-германского сотрудничества. Русская дипломатия надеялась обезвредить это сотрудничество посредством австро-русского соглашения.

В сентябре 1872 г. Франц-Иосиф должен был приехать в Берлин, чтобы отдать визит Вильгельму I и продемонстрировать, таким образом, «забвение» войны 1866 г. Это свидание возбудило беспокойство в Петербурге. Во время смотра Балтийского флота император Александр II неожиданно обратился к германскому послу. «Вам не писали из Берлина, — спросил царь, — не хотят ли меня видеть там одновременно с австрийским императором? Как вы думаете, будет ли это приятно королю?» В своём донесении Вильгельму¹ посол сообщал: «Император поднял этот вопрос таким образом, что, если вашему величеству его план не подходит, я буду иметь полную возможность оставить его без ответа, как невзначай брошенное замечание».

Бисмарк, однако, нашёл, что намёк царя следует использовать. По мнению канцлера, приезд царя в Берлин может «обескуражить» те элементы, которые «угрсают миру». Очевидно, Бисмарк имел в виду Францию и её друзей в различных странах.

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. 1, № 121.

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялось свидание трёх императоров. Само по себе оно имело демонстративное значение. Бисмарк следующим образом повествовал об этом английскому послу лорду Одо Росселю: «Впервые в истории три императора сели вместе обедать в интересах мира. Я хотел бы, чтобы они образовали дружную группу вроде трёх граций Кановы. Я желал бы, чтобы они стояли молчаливо и позволяли восхищаться собой. Но я решил не давать им говорить. Я этого и добился, как это ни было трудно, так как все трое воображают себя более значительными государственными людьми, чем они являются на самом деле».

Итак, императоры молчали, т. е. мало говорили о политике. Зато между министрами, которые сопровождали своих монархов, происходили самые оживлённые переговоры. Следует отметить, что министры почти не обсуждали политических вопросов втроём: беседы велись между отдельными министрами с глазу на глаз. Особенно часто беседовали друг с другом Андраши и Горчаков. Русский канцлер постарался использовать берлинское свидание, чтобы оторвать Австрию от Англии и обеспечить западную границу России на случай англо-русского конфликта.

Свидание трёх императоров почти совпало с началом англо-русского конфликта из-за Хивы. Континентальным союзником Англии против России в это время могла быть только Австрия: Франция была разбита Германией, Германия искала благоволения России. Ввиду этого сближение с Австрией представлялось для России весьма заманчивым.

В свою очередь и Андраши добивался от Горчакова некоторых гарантий на Балканах. Он доказывал, что великосербское движение противоречит интересам Австро-Венгрии. Ведь часть подданных империи принадлежит к той же сербской нации и могла бы в результате этого движения проникнуться освободительными стремлениями¹. Горчаков заверил Андраши, что Россия и не думает поддерживать великосербскую пропаганду и вполне удовлетворена *status quo* на Балканах.

Между обоими министрами была достигнута устная договорённость. Они условились, что Россия и Австро-Венгрия будут придерживаться сохранения *status quo* на Балканах и принципа «невмешательства» в балканские дела в случае, если помимо их воли *status quo* на полуострове будет всё-таки нарушен.

Что касается Бисмарка, то главной его целью в дни свидания трёх императоров оставалась изоляция Франции. Однако как раз это менее всего входило в намерения Горчакова.

¹ *Meyendorff, Conversations of Gorchakov with Andrassy and Bismarck in 1872, «Slavonic Review», December 1929, p. 402.*

Вокруг французского вопроса и завязался в Берлине дипломатический поединок двух канцлеров.

Во франко-прусской войне 1870 г. Россия соблюдала по отношению к Германии благожелательный нейтралитет. Но после войны дальнейшее ослабление разбитой Франции представлялось уже невыгодным для России. Оно грозило нарушением равновесия сил в Европе. Поэтому в дни дипломатических собеседований в Берлине Горчаков сделал всё, чтобы пригнать антифранцузское остриё, которое, по замыслу германского канцлера, должно было приобрести берлинское свидание. С этой целью Горчаков имел беседу с французским послом в Берлине Гонтто-Бироном. Он дал ему понять, что Россия не станет поддерживать Германию против Франции, если немцы вздумают мешать французам восстанавливать свою армию. «Я вам это уже говорил и рад это повторить, — заявил Горчаков, — нам необходима сильная Франция»¹.

Гонтто-Бирон сделал правильный вывод, сообщив в Париж, что Бисмарк не получил от берлинской встречи того, чего хотел.

Однако независимая линия, проводимая русской дипломатией в её отношении к Франции, вовсе не означала, что в Петербурге совсем не дорожили поддержанием русско-германской дружбы. В начале 1873 г., по инициативе русского фельдмаршала графа Берга, наместника Царства Польского, возник проект заключения формальной военной конвенции России с Германией. Договор держав о взаимной военной помощи должен был иметь оборонительный характер. Бисмарк одобрил мысль фельдмаршала. Однако он многозначительно подчеркнул, что военная конвенция «не будет иметь силы, если к ней не примкнёт Австрия»².

В начале мая 1873 г. Вильгельм I приехал с визитом в Петербург в сопровождении Бисмарка и Мольтке. Там и была подписана русско-германская военная конвенция. «Если какая-либо европейская держава, — гласила статья 1 этой конвенции, — напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из двухсот тысяч человек боеспособного войска». Подписали конвенцию два генерала — Мольтке и Берг. В тот же день, 6 мая, она была ратифицирована обоими монархами.

В июне того же года Александр II в сопровождении Горчакова отправился в Вену. То был первый визит русского царя в австрийскую столицу после Крымской войны. Таким образом, поездка приобретала демонстративное политическое значение. Россия как бы заявляла о забвении той «неблагодарности», которой Австрия «удивила мир» в 1853—1856 гг.

¹ «Documents diplomatiques français», 1-ère série, v. I, № 156.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. I, № 126.

Царь и Горчаков попытались склонить австрийских правителей примкнуть к русско-германской конвенции. Но те отказались. По их мнению, это могло вовлечь Австрию в войну против Англии. Вместо военной конвенции австрийцы предложили России иное соглашение. Оно и было подписано 6 июня в Шенбрунне, под Веной. Документ имел форму договора между монархами, и под ним стояли только их подписи. Оба императора обязывались договариваться в случае возникновения разногласий в конкретных вопросах, дабы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка». В случае угрозы нападения со стороны третьей державы оба монарха обязывались условиться друг с другом «о совместной линии поведения». Если бы в результате этого соглашения потребовались военные действия, характер их должна была бы определить специальная военная конвенция.

Легко видеть, что соглашение 6 июня 1873 г. носило довольно расплывчатый характер. 23 октября, по приезде в Австрию, Вильгельм I присоединился к Шенбруннскому соглашению. Оно-то и получило неточное наименование союза трёх императоров.

Русская дипломатия заключила этот договор, ибо он давал некоторые гарантии безопасности западной границы. Этим приходилось особенно дорожить ввиду враждебной политики Англии в странах Востока. Но Горчаков был далёк от того, чтобы идти на поводу у Бисмарка. Последующие события показали, что Россия не позволит немцам установить свою гегемонию в Западной Европе посредством нового унижения Франции.

Франко-германский конфликт 1874 г. Почти одновременно с заключением соглашения трёх императоров пало во Франции правительство Тьера. К власти пришли монархисты. Во время правления Тьера они особенно громко кричали о рсванше. Теперь Бисмарк опасался, что как правоверные католики они сумеют договориться с клерикальным венским двором, а в качестве политических единомышленников завоюют доверие и русского царя. Словом, канцлер боялся, что с приходом к власти монархистов Франция станет более «союзоспособной». Ещё важнее было то, что в 1872 г. Франция приняла систему всеобщей воинской повинности и начала быстро восстанавливать свою армию. В сентябре 1873 г. германские оккупационные войска покинули французскую территорию. Благодаря этим обстоятельствам Франция получила возможность проявлять большую независимость в своей внешней политике. Это чрезвычайно усилило подозрительность и нервность Бисмарка.

Чтобы предотвратить воссоздание вооружённых сил Франции, канцлер был готов прибегнуть к угрозе войной. В

совершенно секретной переписке ещё в 1871 г. он сообщал своим подчинённым, что «незачем ждать», пока Франция восстановит свои силы, а, напротив, лишь только эта опасность станет реальной, «надо будет тотчас же ударить»¹.

В августе 1873 г. епископ города Нанси выступил с «пастырским посланием», призывая верующих молиться за возвращение Эльзаса и Лотарингии в лоно Франции. В епархию епископа Нанси входила и часть германской Лотарингии. Послание было прочитано с церковных кафедр и опубликовано в католической печати на немецкой территории. Бисмарк решил использовать этот повод для дипломатического наступления против Франции. Он потребовал от французского правительства репрессий против князя церкви, якобы призывавшего германских подданных к отпадению от своего государства.

Новый французский министр иностранных дел, герцог де Бройль, рассыпался в заверениях, что правительство отнюдь не поддерживает пропаганды реваншистов. Однако от репрессий против епископа он постарался уклониться. Переговоры затянулись. Тогда Бисмарк мобилизовал против Франции свою прессу. Канцлер располагал влиятельной печатью, которая послушно подчинялась его указаниям. Для содержания этой прессы у Бисмарка имелись специальные суммы. Он распоряжался почти бесконтрольно фондами, которые составились из средств, конфискованных у Ганноверской династии. «Вельфский фонд» и был источником для оплаты услуг этой «рептильной», т. е. пресмыкающейся, печати, как её называли в оппозиционных Бисмарку кругах. Теперь по поводу выступления нансийского епископа немецкая пресса открыла яростную кампанию, обвиняя Францию в подготовке реванша и требуя от германского правительства ответных мероприятий.

С военной точки зрения война с Францией была бы в 1874—1875 гг., несомненно, выгодна для немцев: на стороне Германии был в то время ещё больший перевес в силах, чем в 1870 г.; через несколько лет положение могло и измениться. Гораздо сложнее была дипломатическая сторона проблемы. Вопрос заключался в том, можно ли обеспечить нейтралитет других великих держав и локализовать франко-германскую войну по примеру 1870 г. Существо дела правильно выразил английский посол в Париже лорд Лайонс. «Было бы нетрудно спровоцировать и раздавить Францию, — писал он своему правительству. — Но можно ли будет сделать это, не вызвав бури в других странах?»²

Французское правительство почувало опасность. 26 декабря 1873 г. французский посол Гонто-Бирон отправил из Берлина

¹ *Waldensee, Denkwürdigkeiten, B. I, S. 139.*

² *Newton, Lord Lyons, v. II, p. 50.*

доклад, в котором выражал серьёзное опасение, что Бисмарк в самом деле готовит войну. К этому времени де Бройля на посту министра иностранных дел сменил герцог Деказ. Он решил смелым маневром парировать угрозы Бисмарка. Ни Австро-Венгрия, ни Россия не желали в ту пору дальнейшего усиления Германии. Деказ обратился к Австрии, России и Англии с заявлением, что Германия намерена начать войну против Франции. Он просил защиты. В Австрии Деказ ловко использовал историю с епископом, затронув католические чувства Франца-Иосифа и заинтересовав могущественные клерикальные круги. В Вене, как и в Петербурге, представления французских послов были встречены сочувственно. Французский демарш как раз совпал с визитом Франца-Иосифа в Петербург, куда император прибыл 13 февраля 1874 г. в сопровождении графа Андраши. Здесь, в русской столице, Горчаков и Андраши предприняли совместную демонстрацию в пользу Франции. Они вместе посетили французского посла и заверили его, что осуждают действия Бисмарка.

Англия тоже сказала своё слово. Королева написала личное письмо Вильгельму I. Виктория предупреждала императора, что если бы Германия начала новую войну против Франции, это могло бы повести к плачевным последствиям¹.

Расчёт Деказа оказался верным. Бисмарку пришлось ретироваться. 17 февраля он дал распоряжение приостановить дальнейшее развитие конфликта, вызванного антигерманским выступлением французского епископа. «Я думаю, что удар, который вам хотели нанести, для данного момента парирован», — так в беседе с французским дипломатом резюмировал Андраши этот инцидент.

Миссия Радовица
(февраль 1875 г.)

Международное положение в 1874 г. складывалось явно неблагоприятно для Бисмарка. Надо было принимать более действительные меры для изоляции Франции. И Бисмарк решил начать с обработки наиболее опасного из её заступников — с России.

В качестве приманки для России сам собой намечался Ближний Восток. Во-первых, он больше всего привлекал русское правительство. Во-вторых, Ближний Восток в те времена ещё мало интересовал Германию: её экономическое проникновение в эту область только что начиналось. А Бисмарк всегда старался выбирать в качестве подарка своим друзьям то, что ему было не нужно или не принадлежало.

В начале февраля 1875 г. Бисмарк направил в Петербург со специальной миссией одного из своих дипломатов, Радовица, который пользовался особым доверием канцлера.

¹ «Letters of Queen Victoria», 2 series, v. II, p. 313.

История миссии Радовица весьма характерна как образец дипломатического зондирования. Первые беседы Радовица в Петербурге отличались чрезвычайной туманностью. Посланец Бисмарка лишь осторожно нащупывал почву. Горчакову Радовиц заявил, что цель его приезда — «ещё более выявить тёплую дружбу наших дворов». Царю он сказал, что его задача — установить путём обмена мнений единство политической линии России и Германии.

Царь выразил радость по поводу согласия, существующего между тремя императорскими дворами, и заявил о своём намерении поддерживать *status quo* на Востоке. Затем царь стал уверять Радовица, что Россия не собирается брать Константинополь. Однако тут же он поставил вопрос, кому достанется Константинополь в случае распада Турции и кто будет тогда держать в узде те народы, которые живут сейчас под властью Порты. Радовиц ничего не ответил: он ограничился общими фразами о политическом сотрудничестве, одновременно многозначительными и туманными. В последующие дни он принялся за урегулирование мелких балканских вопросов, что являлось официальной целью его поездки в Петербург. После инцидента с французским епископом Бисмарк стал чинить России мелкие неприятности по восточным делам, — для крупных козней пока не представлялось случая. Теперь Радовиц якобы должен был урегулировать эти вопросы к обоюдному удовлетворению.

Через несколько дней Радовиц снова заговорил о более важных делах. Он заявил Горчакову, что «Германия стремится быть полезной для русской политики и расположена присоединиться к русской точке зрения на большие вопросы, т. е. на те вопросы, которые для России являются большими»¹. Иначе говоря, Радовиц намекал на то, что поддержка со стороны Германии на Востоке коснётся и самых кардинальных проблем. Горчаков в ответ заверил Радовица в прочности русско-германской дружбы.

После этого Бисмарк, очевидно, решил, что почва достаточно подготовлена. Тогда он позволил своему посланцу затронуть самый щекотливый вопрос. Радовиц прямо попросил Горчакова оказать такое воздействие на Францию, чтобы она утратила всякую надежду на русскую поддержку. «Мы чувствительны не в Сербии и даже не в Польше, — пояснял Бисмарк в инструкции, посланной Радовицу, — но там, откуда Европе грозит опасность, а именно с запада»².

Когда за туманные посулы Горчакова попросили отказаться от дипломатической поддержки Франции, русский министр

¹ *Ерусалимский*, Военная тревога 1875 г., «Учёные записки Института истории РАН ИОН», кн. 6, стр. 157.

² Там же, стр. 158.

решил показать, что Бисмарку не удастся его провести. Горчаков стал крайне рассеянно слушать рассуждения Радовица¹. Мало того, он принялся оспаривать, что во Франции имеется какое-либо враждебное Германии движение. Вообще, как сообщал Радовиц, русский канцлер с явной неохотой шёл на обсуждение французских дел².

Военная тревога
1875 г.

В это время во Франции готовилось принятие закона об увеличении состава полка с трёх батальонов до четырёх. Благодаря этому контингент французской армии мирного времени увеличивался на 144 тысячи человек. В ответ на эти мероприятия бисмарковская пресса пустила слух, будто французское правительство срочно, по любой цене, закупает в Германии лошадей для армии. 4 марта 1875 г. был издан императорский указ о запрещении вывоза лошадей.

Перед русским послом Бисмарк пытался скрыть истинный характер этого предмобилизационного мероприятия, уверяя, будто указ вызван необходимостью сохранить конское поголовье для приближающихся полевых работ. Всё же канцлер не мог не признать, что «обычно от этой меры пахнет порохом»³.

За месяц до указа, 3 февраля, Германия предъявила Бельгии ряд требований относительно изменения её внутреннего законодательства. Поводом послужили антигерманские выступления бельгийских католиков. Такое вмешательство во внутренние дела Бельгии могло создать в любой момент предлог для разрыва с ней и использования бельгийской территории для военных действий против Франции. Одновременно продолжались угрозы и по адресу Парижа.

В инспирированной Бисмарком статье «Kölnische Zeitung» от 5 апреля 1875 г. указывалось на вероятность соглашения Франции с Австрией и Италией и на спешные военные приготовления Франции. 9 апреля последовала также инспирированная канцлером статья в рептильной газете «Post» под кричащим заголовком «Предвидится ли война?» Статья опровергала сообщение «Kölnische Zeitung» о нелояльности Австрии, но полностью подтверждала сведения об угрожающей позиции Франции. Эти статьи произвели сенсацию. В беседах с дипломатами в Берлине проводилось своеобразное разделение труда: Бисмарк твердил о том, что Франция готовит немедленное нападение, а Мольтке — что Германия должна его предупредить и что «война, таким образом, станет неизбежной». Со всех сторон ползли самые тревожные слухи.

¹ Ерусалимский, Озв. соч.

² Wertheimer, Graf Julius Andrassy, B. II, S. 226.

³ «Documents diplomatiques français», 1-ère série, v. I, № 371.

Маневр Бисмарка оказался неудачным: французы не дали себя запугать. При содействии французского посла в Берлине Гонто-Бирона Деказ сумел обернуть против Бисмарка то самое оружие, которым тот действовал против Франции. Собирая решительно всё, что только можно было услышать об агрессивных замыслах Бисмарка, Деказ попытался мобилизовать Россию и Англию на выступление в пользу Франции.

21 апреля 1875 г., за обедом, Радовиц, уже вернувшийся в Берлин, сказал французскому послу, что в Германии многие политические деятели ввиду военных приготовлений Франции считают необходимой превентивную войну. Узнав об этом, Деказ призвал к себе парижского корреспондента «Times» Бловица. Результатом их беседы явилась алармистская заметка в «Times» и вслед за ней — резкая антигерманская кампания в значительной части английской прессы. Затем Деказ разослал французским представителям за границей копию донесения Гонто о беседе с Радовицем, предлагая обратить внимание держав на германскую военную угрозу.

Призыв Деказа и на этот раз не остался без ответа. Французский посол в Петербурге получил от Горчакова и от царя обещание дипломатической поддержки в случае нападения Германии на Францию.

В Лондоне французский демарш совпал с поступлением тревожных сведений относительно планов германского вторжения в Бельгию. Дизраэли, сменивший Гладстона в 1874 г. на посту премьера, был явно обеспокоен возможностью появления Германии у берегов Па-де-Кале и ещё больше — перспективой нового разгрома Франции: наличие в Западной Европе двух соперничающих великих держав оставалось основной картой английской дипломатической игры. Английская политика ввиду этого всегда стремилась к поддержанию «европейского равновесия» и к предотвращению гегемонии той или иной державы на европейском континенте.

Подобно тому как Англия в своё время боролась вместе с Россией против Наполеона, так и теперь Дизраэли выступил против Бисмарка рука об руку с русским правительством. «Бисмарк — это новый Наполеон, — заявлял Дизраэли, — он должен быть обуздан... Необходим союз между Россией и нами для данной конкретной цели».

Министр иностранных дел в кабинете Дизраэли лорд Дерби поручил английскому послу в Берлине лорду Одо Росселю «употребить все усилия», чтобы положить конец «недоразумениям» между Францией и Германией. «Полагают, — писал Дерби, — что русский император будет говорить в этом же смысле во время своего пребывания в Берлине. Если он

сделает это, вы должны его всемерно поддержать в интересах сохранения мира»¹.

Когда в Берлин прибыли с очередным визитом царь и Горчаков, там разыгрался финал дипломатического поединка Горчакова и Бисмарка. Утром произошла встреча обоих канцлеров. Бисмарк рассыпался в заверениях, что и не собирается нападать на Францию. Всякие тревожные слухи он приписывал махинациям биржевиков, которые играют на понижение, и в частности интригам герцога Деказа, «заинтересованного в биржевых операциях». Бисмарк заявил, что Мольтке в политике — «молокосос» и что его заявлений о превентивной войне не стоит и слушать. Обвинять же самого Бисмарка в намерении вызвать войну — значит считать его идиотом².

Вечером того же дня лорд Одо Россель обедал у Бисмарка. За столом он сообщил канцлеру то, что поручил ему передать лорд Дерби. С необычайной пагlostью Бисмарк повторил и английскому послу всё то, что уже сказал Горчакову.

Перед отъездом из Берлина Горчаков послал всем русским посольствам и миссиям следующую телеграмму: «Император покидает Берлин уверенный в господствующих здесь миролюбивых намерениях. Сохранение мира обеспечено». Эта телеграмма была послана шифром, но скоро стала достоянием гласности. Она создавала впечатление, что лишь воздействие России предотвратило вторичный разгром Франции. Такое впечатление ещё усиливалось благодаря тому, что в печать телеграмма попала в искажённом виде. Вместо «сохранение мира обеспечено» было напечатано: «теперь (т. е. после приезда царя) мир обеспечен». Бисмарка эта телеграмма привела в бешенство. В лицо он саркастически заявлял Горчакову, что русскому канцлеру, очевидно, хочется прослыть «спасителем Франции». За глаза он говорил, что для прославления канцлера-миротворца можно устроить театр в германском посольстве в Париже и там показывать русского дипломата в виде ангела-хранителя, в белой одежде, с крыльями и надписью: «Горчаков покровительствует Франции». По свидетельству самого Бисмарка, он жаловался и царю на «нечестный» поступок Горчакова. Александр слушал германского канцлера молча, покуривая и слегка улыбаясь. Ответ его Бисмарку не лишён был дипломатической находчивости. Царь хладнокровно заметил, что не следует принимать всерьёз всякое проявление «старческого тщеславия».

События 1875 г. утвердили Бисмарка в убеждении, что русская дипломатия — главный противник немецкой агрессии. Отсюда — его ненависть к России.

¹ *Temperley and Penson, Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury*, p. 352.

² «Красный архив», 1938, т. 6 (91), стр. 134—135.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС
(1875—1877 гг.)

Герцеговинское
восстание

Едва улеглась франко-германская военная тревога, как в том же 1875 г. обострилась и другая кардинальная проблема международной политики — ближневосточный вопрос. Начался восточный кризис. Он продолжался с 1875 по 1878 г.

Летом 1875 г. сначала в Герцеговине, а затем и в Боснии произошло восстание христианского населения против феодально-абсолютистского гнёта турок. Повстанцы встретили горячее сочувствие в Сербии и Черногории, которые стремились завершить национальное объединение южного славянства.

Сербское национальное движение было направлено в первую очередь против Турции. Но оно представляло опасность и для Австро-Венгрии. Под скипетром Габсбургов жили миллионы южных славян. Каждый успех в деле национального освобождения южного славянства от гнёта Турции означал приближение того дня, когда должно было свершиться и освобождение угнетённых народов Австро-Венгрии. Немецкие и венгерские элементы Австро-Венгрии были злейшими врагами славянской свободы. Господствуя над обширными территориями со славянским и румынским населением, мадьярское дворянство в случае торжества славянского дела рисковало потерять большую часть своих земель, богатства и власти. Немецкая буржуазия Австрии в целом держалась в славянском вопросе той же позиции, что и мадьяры.

Чтобы предотвратить освобождение славянских народов, австро-венгерское правительство под влиянием немецкой буржуазии и мадьярского дворянства стремилось поддерживать целостность Османской империи и тормозить освобождение из-под её ига как южных славян, так и румын. Напротив, Россия покровительствовала славянскому национальному движению. Таким образом, она оказывалась главным противником Австро-Венгрии, а русское влияние на Балканах —

важнейшим препятствием для успеха немецко-мадьярской политики.

Впрочем, борясь против славянской свободы и русского влияния на Балканах, ни мадьярское дворянство, ни немецкая буржуазия в Австрии не стремились в те времена к присоединению балканских областей. Мадыры опасались всякого усиления славянского элемента в монархии Габсбургов. «Мадьярская ладья переполнена богатством, — заметил однажды Андраши, — всякий новый груз, будь то золото, будь то грязь, может её только опрокинуть».

Когда началось герцеговинское восстание, Андраши заявил Порте, что рассматривает его как внутреннее турецкое дело. Поэтому он не намерен ни вмешиваться в него, ни чем-либо стеснять военные мероприятия турок против повстанцев.

Однако удержаться на этой позиции Андраши не удалось. В Австрии имелись влиятельные элементы, которые рассчитывали иначе решить южнославянский вопрос: они думали включить южнославянские области западной половины Балкан в состав Габсбургского государства, начав с захвата Боснии и Герцеговины. Таким образом, наряду с Австрией и Венгрией эти области вошли бы как третья составная часть в монархию Габсбургов. Из дуалистической державы Австро-Венгрия превратилась бы в «триалистическое» государство. Замена дуализма триализмом должна была ослабить в империи влияние мадыр. Сторонники этой программы в отличие от мадыр и от немецкой буржуазии готовы были согласиться на то, чтобы восточную часть Балкан получила Россия. С ней они рекомендовали заключить полюбовную сделку. На такой точке зрения стояли военные, клерикальные и феодалыные круги австрийской половины Австро-Венгрии.

Императору Францу-Иосифу очень хотелось хотя бы чем-нибудь компенсировать себя за потери, понесённые в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосу аннексионистов. Эти политики энергично поощряли антитурецкое движение в Боснии и Герцеговине. Весной 1875 г. они организовали путешествие Франца-Иосифа в Далмацию. Во время этой поездки император принимал представителей герцеговинского католического духовенства, которые приветствовали его как защитника христиан от мусульманского ига. Эта поездка наряду с предшествовавшей хорватско-католической агитацией в немалой мере способствовала тому, что герцеговинцы решились на восстание.

Русское правительство также считало необходимым оказать помощь восставшим славянам. Оно надеялось таким путём восстановить среди них свой престиж, подорванный поражением в Крымской войне. Однако русское правительство отнюдь не желало затевать серьёзный конфликт с Австро-Венгрией.

Стремясь поддержать авторитет России среди славян и при этом не поспорить с Австро-Венгрией, Горчаков решил проводить вмешательство в балканские дела в контакте с этой державой. Такая политика соответствовала и принципам соглашения трёх императоров.

В августе 1875 г. Горчаков заявил в Вене о необходимости совместного вмешательства в турецко-герцеговинские отношения. Он высказал мнение, что восставшим провинциям нужно предоставить автономию наподобие той, какой пользуется Румыния, иначе говоря, близкую к полной независимости.

Создание ещё одного южнославянского княжества отнюдь не улыбалось Австро-Венгрии. От нового государства нужно было ждать установления теснейшего сотрудничества с Сербией и Черногорией. Таким образом, освобождение Боснии и Герцеговины могло явиться первым шагом к образованию «Великой Сербии». Тем не менее Андраши согласился на совместное выступление. Он не желал передавать герцеговинское дело в руки одной России; более того, он считал нужным кое-что предпринять в пользу повстанцев, дабы предупредить вмешательство Сербии. Но при этом Андраши намерен был ограничиться самыми минимальными мероприятиями. В конце концов он добился значительного сужения первоначальной русской программы. Покровительство христианам свелось к плану административных реформ, которых державы должны были потребовать у султана.

30 декабря 1875 г. Андраши вручил правительствам всех держав, которые подписали Парижский трактат 1856 г., ноту, излагавшую проект реформ в Боснии и Герцеговине. Нота приглашала к совместным действиям с целью добиться принятия этой программы как Портой, так и повстанцами.

Все державы изъявили своё согласие с предложениями Андраши. Однако, соглашаясь с его программой, Россия вкладывала в неё свой собственный смысл. Андраши в требованиях реформы усматривал путь к восстановлению власти султана; напротив, Горчаков видел в реформах шаг к будущей автономии, а затем и к независимости восставших областей.

31 января 1876 г. проект Андраши в форме отдельных нот был передан Порте послами всех держав, подписавших Парижский трактат.

Порта приняла «совет» держав и дала своё согласие на введение реформ, предложенных в ноте Андраши. Но вожди повстанцев, почуяв враждебный им характер австро-венгерского проекта, решительно его отвергли. Они заявили, что не могут сложить оружие, пока турецкие войска не будут выведены из восставших областей и пока со стороны Порты имеется одно лишь голословное обещание, без реальных гарантий со стороны держав. Они выдвинули и ряд других усло-

вий. Таким образом, дипломатическое предприятие Андраши потерпело крушение.

Тогда на сцену снова выступила русская дипломатия. Горчаков предложил Андраши и Бисмарку устроить в Берлине свидание трёх министров, приурочив его к предстоящему вывиту царя.

Предложение Горчакова было принято. В мае 1876 г. встреча состоялась. Она совпала с отставкой великого визиря Махмуд-Недима-паши. Махмуд являлся проводником русского влияния; его падение означало, что Турция склоняется на сторону Англии. Разумеется, такое изменение курса турецкой политики не могло не отразиться на отношении русского правительства к Турции.

Привезённый Горчаковым в Берлин план разрешения восточного вопроса коренным образом отличался от ноты Андраши. Горчаков требовал уже не реформ, а автономии для отдельных славянских областей Балканского полуострова; он предусматривал предоставление и России и Австро-Венгрии мандатов на устройство такого управления.

Проект Горчакова был явно неприемлем для Андраши. Австрийский министр не допускал и мысли, чтобы дело освобождения славянства увенчалось успехом, а влияние России восторжествовало хотя бы над частью Балкан. Андраши решил провалить горчаковский план. Он не отверг его открыто. Превознося записку Горчакова как шедевр дипломатического искусства, Андраши внёс в неё столько поправок, что она совершенно утратила свой первоначальный характер и превратилась в расширенную ноту самого Андраши от 30 декабря 1875 г. Новым по сравнению с этой нотой было лишь то, что теперь намечалось некоторое подобие тех гарантий, которых требовали повстанцы. Окончательно согласованное предложение трёх правительств, названное «Берлинским меморандумом», заключалось указанием, что, если намеченные в нём шаги не дадут должных результатов, три императорских двора договорятся о принятии «действительных мер в целях предотвращения дальнейшего развития зла»¹.

Берлинский меморандум был принят тремя державами 13 мая.

На другой же день английский, французский и итальянский послы были приглашены к германскому канцлеру; здесь они застали Андраши и Горчакова. На этом совещании русский канцлер заявил, что Порта не провела ни одной из обещанных ею реформ. Цель трёх императорских дворов заключается в сохранении целостности Османской империи; однако это обуславливается облегчением участи христиан, иначе говоря, «улуч-

¹ «Русско-германские отношения, 1873—1914 гг.», Централархив, М. 1922, стр. 48.

шенным» status quo. Таков был новый дипломатический термин, которым Горчаков выразил основную идею Берлинского меморандума.

Франция и Италия ответили, что они согласны с программой трёх императоров. Но английское правительство в лице Дизраэли высказалось против нового вмешательства в турецкие дела. Англия не желала допустить ни утверждения России в проливах, ни усиления русского влияния на Балканах; для руководителей британской внешней политики Балканы являлись плацдармом, откуда можно угрожать Константинополю. Как раз в это время Дизраэли подготовлял целый ряд мероприятий по расширению и укреплению британского владычества над Индией. Он замыслил подчинение Белуджистана и Афганистана; с другой стороны, он уже приступил к овладению Суэцким каналом и установлению английского господства в восточной части Средиземного моря. После открытия Суэцкого канала (в 1869 г.) через Средиземное море пролегли основные коммуникационные линии Британской империи. Этим линиям мог угрожать французский флот. С переходом же проливов в руки России или при наличии русско-турецкого союза в Средиземном море могла бы появиться и русская эскадра. Ввиду этого английское правительство стремилось подчинить своему контролю не только Египет, но и Турцию. К этому присоединялось и ещё одно соображение. В случае конфликта из-за Балкан Англия могла рассчитывать на Турцию и на Австро-Венгрию. Вот почему для Англии было несравненно выгоднее развязать борьбу с Россией не в Средней Азии, где она одна стояла лицом к лицу с Россией, а на Ближнем Востоке.

Англо-русская
борьба
в Средней Азии
в 70-х годах
XIX века

Ещё в первой половине XIX века английское правительство выдвинуло своеобразное объяснение англо-русских отношений в Азии. Согласно английской версии Россия непрерывно надвигалась на подступы к Индии, захватывая одну область за другой, сама же Англия лишь обороняла свои индийские владения и защищала неприкосновенность Османской империи, через которую пролегает как бы мост из Европы в Индию. Эта версия развивалась во множестве английских «Синих книг» и в парламентских дебатах. Она подхвачена была известным публицистом Урквартом, а позже Раулинсоном и усвоена авторами многих исторических книг. Влияние её распространилось и за пределы Англии.

Версия эта была явно тенденциозна. Положение было вовсе не таково, будто бы Россия наступала, а Англия оборонялась. В Средней Азии сталкивались два встречных потока экспансии. И Россия и Англия вели наступательную политику, и при этом обе опасались друг друга.

Не иначе обстояло дело и на Ближнем Востоке. Обе державы добивались преобладающего влияния в Константинополе и всячески старались помешать друг другу в достижении этой цели. Царская Россия, стремясь к контролю над проливами, конечно, преследовала наступательные цели. Но при этом, разумеется, она и оборонялась, ибо старалась предотвратить возможный переход к Англии ключей от Чёрного моря.

Англо-русская борьба в Средней Азии в 70-х годах прошлого века наглядно иллюстрирует то положение, что «наступала» вовсе не одна Россия. В декабре 1873 г., через несколько месяцев после занятия Хивы русскими войсками, английский кабинет поручил британскому послу в Петербурге заявить царскому правительству, что завоевание Хивы угрожает добрым отношениям между Россией и Англией. Если соседние с Хивой туркменские племена попытаются искать спасения от русских на афганской территории, легко может возникнуть столкновение между русскими войсками и афганцами. Английский кабинет выражал надежду, что русское правительство не откажется признать независимость Афганистана одним из важнейших условий безопасности Британской Индии.

Горчаков заверил англичан, что Россия считает Афганистан лежащим вне сферы её влияния. Однако при этом было подчеркнуто, что русское правительство не признаёт и за Англией права на вмешательство в отношения между Россией и туркменами.

При дальнейших переговорах с Англией Горчаков указывал, что для устранения соперничества между Россией и Англией было бы желательно оставить между ними «промежуточный пояс», или буфер, который предохранил бы их от непосредственного соприкосновения. Таким буфером мог бы служить Афганистан; необходимо лишь, чтобы его независимость была признана обеими сторонами. Тут же русский канцлер подтверждал, что Россия не намерена дальше расширять свои владения в Средней Азии.

Британское правительство отказалось подтвердить признание независимости Афганистана. Оно заявило в октябре 1875 г., что сохраняет по отношению к этому государству полную свободу действий.

Ввиду такой позиции Англии, царь издал 17 февраля 1876 г. указ о присоединении к Российской империи Кокандского ханства. Россия, таким образом, сама воспользовалась «свободой действий» в отношении стран «промежуточного пояса».

Англии было несравненно труднее добиться намеченных ею целей. В частности завоевание Афганистана наталкивалось на огромные природные препятствия. К тому же афганцы рассчитывали на поддержку России в своей борьбе за независимость. Эмир уже искал связей с русским правительством.

Своим отказом принять Берлинский меморандум Дизраэли завоевал господствующее влияние в турецкой столице, расстроил европейский «концерт» в Константинополе и поощрил Турцию на сопротивление требованиям трёх императоров.

**Болгарское
восстание
и сербо-турецкая
война**

Тем временем на Балканах произошли новые события. Почти одновременно с появлением Берлинского меморандума турки подавили восстание в Болгарии. Умирения сопровождались дикими зверствами. В Филиппопольском санджаке в несколько дней черкесами и башибузуками (иррегулярной кавалерией Турции) было вырезано около 15 тысяч человек; убийства сопровождались пытками и всякого рода надругательствами.

Дизраэли старался как-нибудь затушевать турецкие зверства. Чтобы ещё больше подстрекнуть Порту к неуступчивости, он послал к проливам английский флот; британские корабли стали на якорь в Безикской бухте, неподалёку от входа в Дарданеллы.

Было ясно, что, имея поддержку Англии, Порте отклонит Берлинский меморандум. Невзирая на это, Горчаков всё-таки хотел вручить его Порте. Однако Андраши и Бисмарк уговорили его отказаться от этой мысли.

Между тем Сербия и Черногория уже готовились к вооружённому вмешательству в пользу славянских повстанцев. Представители России и Австрии в Белграде и Цетинье официально предостерегали против этого. Но там не придавали этим дипломатическим представлениям особого значения. Сербь были слишком уверены, что в случае, если Сербия и Черногория начнут войну, Россия, невзирая на официальные предостережения, не допустит их разгрома турками.

30 июня 1876 г. князь Милан объявил войну Турции. В Сербии находилось около 4 тысяч русских добровольцев, в том числе много офицеров, во главе с генералом Черняевым, который был назначен главнокомандующим сербской армией. Кроме того, из России притекала и денежная помощь. Русский царизм затевал опасную игру. Тайно поощряя и повстанцев и сербское правительство, он рисковал конфликтом с великими державами, к которому Россия не была подготовлена ни в военном, ни в финансовом отношении. Само царское правительство крайне опасалось такого конфликта и, тем не менее, вело политику, которая грозила втянуть его в серьёзные осложнения.

Объяснялась такая противоречивая политика шаткостью внутреннего положения правительства Александра II в годы аграрного кризиса, всё большего обнищания крестьянства и так называемого «дворянского оскудения». На этой основе рос дворянско-буржуазный либерализм и всё громче разда-

вались требования конституции. Усиливалось в стране и народническое движение. В таких условиях царское правительство надеялось внешними успехами укрепить своё положение внутри страны; с другой стороны, именно из-за шаткости своего положения оно боялось обнаружить слабость, отступив перед упорством турок. В конечном счёте мотивы внутренней политики взяли верх.

Рейхштадтское
свидание

Сербо-турецкая война усилила опасность общеевропейского взрыва. Если бы победила Турция, вмешательство России стало бы неизбежным. При этом ей было бы не легко избежать конфликта с Австро-Венгрией. Если бы победила Сербия, это, вероятнее всего, вызвало бы развал Османской империи. В этом случае вряд ли удалось бы предотвратить жестокую схватку великих держав из-за турецкого наследства. Политика царского правительства во второй половине 1876 г. пытается решить нелёгкую дипломатическую задачу: оказать поддержку балканским славянам, но при этом не столкнуться с Австро-Венгрией.

Первая попытка решить эту задачу после начала сербо-турецкой войны имела место при свидании Александра II и Горчакова с Францем-Иосифом и Андраши в Рейхштадтском замке, в Богемии, 8 июля 1876 г. В Рейхштадте не было подписано ни формальной конвенции, ни даже протокола. Итоги австро-русского стовора были записаны под диктовку Андраши русским послом в Вене, присутствовавшим в Рейхштадте; независимо от этого они были продиктованы Горчаковым кому-то из сопровождавших его чиновников. Эти две записи, никем не заверенные и притом в ряде пунктов расходившиеся друг с другом, являлись единственными документами, в которых закреплены были результаты рейхштадтского свидания. Согласно обеим записям, в Рейхштадте было условлено «в настоящий момент» придерживаться «принципа невмешательства». Если же обстановка потребует активных выступлений, решено было действовать по взаимной договорённости. В случае успеха турок обе державы «потребуют восстановления status quo в Сербии». «Что касается Боснии и Герцеговины, державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на программе, изложенной в ноте Андраши и в Берлинском меморандуме». Было постановлено, что в случае победы сербов «державы не окажут содействия образованию большого славянского государства». Впрочем, под давлением России Андраши согласился на некоторое увеличение Сербии и Черногории. Сербия согласно горчаковской записи получала «некоторые части старой Сербии и Боснии», Черногория — всю Герцеговину и порт на Адриатическом море¹. По записи

¹ «Русско-германские отношения, 1873—1914 гг.», стр. 37—39.

Андраши, Черногория получала лишь часть Герцеговины. «Остальная часть Боснии и Герцеговины должна быть аннексирована Австро-Венгрией». По русской же записи, Австрия имела право аннексировать только «турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней (т. е. с Австрией) части Боснии, согласно плану, который будет установлен впоследствии». О правах Австрии на Герцеговину в русской записи вообще ничего не упоминалось.

Россия получала согласие Австрии на возвращение юго-западной Бессарабии, отторгнутой у России в 1856 г., и на присоединение Батума.

В случае полного развала Европейской Турции Болгария и Румелия должны были, по русской версии, образовать независимые княжества, по австрийской записи, — автономные провинции Оттоманской империи; по австрийской версии, такой провинцией могла стать и Албания. Русская записка вовсе не упоминала об Албании. Эпир, Фессалию (по австрийской записи и Крит) предполагалось передать Греции. Наконец, «Константинополь... мог бы стать вольным городом»¹.

Рейхштадтское соглашение таило в себе зародыши множества недоразумений и конфликтов.

В августе 1876 г., после того как сербы потерпели несколько поражений, Горчаков предложил Бисмарку взять на себя инициативу созыва международной конференции для выработки условий сербо-турецкого мира. Но Бисмарк вовсе не желал, чтобы России удалось без войны разыграть роль покровительницы славян. Наоборот, он очень хотел, чтобы Россия поглубже завязла в восточных делах. Поэтому Бисмарк отклонил предложение Горчакова. Он всячески провоцировал осложнения между Россией, с одной стороны, и Англией и Турцией — с другой.

Антитурецкая кампания в Англии

В это время обстоятельства вынудили Дизраэли несколько изменить свой внешнеполитический курс. В Англии были, наконец, оглашены сведения о турецких зверствах в Болгарии. Гладстон использовал «болгарские ужасы» как оружие для атаки против Дизраэли. Дело в том, что после Крымской войны Англия, как и Франция, неоднократно предоставляла Турции довольно значительные займы, на которых наживались крупные барыши. Займы выпускались из 5—6% — на много выше среднего процента того времени — да ещё при 6—7% комиссионных в пользу банкиров. Один из займов был выпущен по курсу 43,5 за 100. До 1875 г. турецкому правительству на таких условиях было одолжено около 200 миллионов фунтов, т. е. до 2 миллиардов рублей. Эти финансо-

¹ «Русско-германские отношения, 1873—1914 гг.», стр. 37—39.

вые операции разоряли Турцию. В октябре 1875 г. разразилось её банкротство. Заинтересованные в турецких займах капиталистические круги Англии были встревожены и возмущены: они требовали от Дизраэли нажима на несостоятельного должника. Но Дизраэли оберегал Турцию: она нужна была ему как орудие против России. Такая политика Дизраэли вызывала крайнее раздражение кредиторов Турции. Гладстон дал им прекрасный материал для агитации. «Болгарские ужасы» стали одним из лозунгов кампании, направленной против Дизраэли.

Затруднительное положение правительства Дизраэли пришлось для России как нельзя более кстати. Русской дипломатии нужно было спасти Сербию. Оказалось, что с регулярной сербской армией туркам удалось справиться гораздо легче, чем с повстанцами в Боснии и Герцеговине. 26 августа 1876 г. князь Милан обратился к представителям держав в Белграде с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Все державы ответили согласием. Английский посол в Константинополе передал Порте предложение держав предоставить Сербии перемирие сроком на один месяц и немедленно начать переговоры о мире. Турция сообщила о своём согласии. Однако при этом она выдвинула весьма жёсткие условия будущего мирного договора.

«Европейский концерт» под влиянием России отклонил турецкие требования. Дизраэли этому не мешал. 4 сентября в письме к Дерби он развил свой собственный план ликвидации сербо-турецкой войны. Мир с Сербией и Черногорией заключается Турцией на основе *status quo*. Босния, Герцеговина и Болгария получают административную автономию. Дизраэли допускал оккупацию первых двух провинций Австро-Венгрией, а Болгарии — Россией. Наиболее интересной была заключительная часть его плана. «Константинополь с соответствующим округом должен быть нейтрализован и превращен в свободный порт... под защитой Англии»¹.

Вскоре Дерби официально выдвинул английскую программу мира: она полностью воспроизводила письмо Биконсфильда, как теперь стал называться Дизраэли, получивший звание лорда. В программе Дерби осторожности ради был только обойдён молчанием пункт о протекторате Англии над Константинополем.

Русская дипломатия без труда разгадала истинные замыслы Биконсфильда. Горчаков немедленно выдвинул свой контр-проект. Канцлер принимал автономию для Боснии, Герцеговины и Болгарии; при этом он предусматривал их оккупацию соответственно Австрией и Россией, как это намечалось и в письме английского премьера. Всё это представлялось как

¹ *Monypenny and Buckle, Life of Disraeli, v. VI, p. 52.*

будто приемлемым для Англии. Раздражение англичан вызвал лишь последний пункт горчаковского проекта: канцлер предлагал ввести в Мраморное море соединённую эскадру из судов всех великих держав. Ясно, что это ограждало турецкую столицу от притязаний Биконсфильда. Британский кабинет отверг этот пункт русского предложения.

Отклонив проект Горчакова, английское правительство широко использовало его, дабы через прессу устрашить общественное мнение перспективой русского вторжения в Болгарию. Брошена была крылатая фраза, будто появление русских войск в Болгарии и явится началом настоящих «болгарских ужасов». Дизраэли удалось добиться нового поворота английского буржуазного общественного мнения: призрак русского владычества на подступах к проливам вызвал газетные вопли, заглушившие протесты держателей турецких бумаг по поводу турецких зверств.

Австрия ничего не имела против предложения Горчакова ввести в проливы объединённую эскадру. Но зато она боялась появления русских войск в Болгарии, в самом сердце Балкан. Таким образом, завязавшаяся дипломатическая дискуссия ни на шаг не продвинула вопроса о ликвидации сербо-турецкой войны. А между тем успехи турок заставляли Россию торопиться со спасением Сербии.

Миссия
генерала Вердера

В этой связи в конце сентября и в первые дни октября 1876 г. Горчаков попытался применить новый метод, чтобы добиться соглашения с Австро-Венгрией: он обратился в Берлин.

Герцеговинское восстание застало Германию в довольно тягостном дипломатическом положении — после отпора, данного Бисмарку Горчаковым, Деказом и Дизраэли в дни военной тревоги 1875 г. Обострение восточного вопроса пришлось очень кстати для Бисмарка. Восточные осложнения должны были перессорить Россию с Англией и Австрией. В итоге Бисмарк рассчитывал лишить Францию тех союзников, которые наметились для неё в 1874—1875 гг., и таким образом по меньшей мере закрепить её дипломатическую изоляцию. Вот почему канцлер всячески разжигал пламя, занявшееся на Ближнем Востоке.

Впрочем, восточный кризис представлял для Бисмарка и некоторую опасность. Она заключалась в возможности австро-русской войны. Бисмарк очень хотел русско-турецкой, а ещё больше — англо-русской войны. Но он боялся полного разрыва между обоими своими партнёрами по союзу трёх императоров; это заставило бы его произвести между ними выбор. Принять сторону России или просто соблюдать нейтралитет Бисмарк считал невозможным; в этом случае Австро-Венгрия как слабейшая сторона либо была бы разбита, либо пошла бы на полную капитуляцию перед Россией. В обоих случаях это означало

бы усиление России, которое Бисмарк находил чрезмерным. С другой стороны, Бисмарку не хотелось и стать на сторону Австрии против России. Он был твёрдо уверен, что русско-германская война неизбежно осложнится вмешательством Франции и превратится в тяжёлую войну на два фронта.

Бисмарк упорно работал над достижением австро-русского соглашения на основе раздела Балкан на сферы влияния между Россией и Австро-Венгрией. При этом Австрия могла бы округлить свои владения, захватив Боснию, Россия же вернула бы себе Бессарабию, а заодно несколько ослабила бы свои силы войной с Турцией. Бисмарк думал, что и Англия согласилась бы на такое решение при условии, что сама получит Египет. Подтолкнув Англию на захват Египта, Бисмарк надеялся поспорить её с Францией; тем самым предупреждалась возможность повторения английского вмешательства во франко-германские отношения. Так за кулисами Бисмарк осторожно плёл свою сложную дипломатическую сеть.

Как сказано, в августе Бисмарк отклонил проект Горчакова о созыве европейской конференции. Однако он постарался устранить неприятный осадок, который мог после этого остаться в Петербурге. С этой целью канцлер послал в Россию фельд-маршала Мантейфеля в качестве специального представителя кайзера; ему было поручено приветствовать царя во время его приезда на манёвры в Варшаву. Мантейфель передал царю письмо Вильгельма. Кайзер писал, что память о поведении царя с 1864 по 1870—1871 гг. будет руководить его политикой по отношению к России, «что бы ни случилось».

Очень скоро Бисмарку стало ясно, что, посылая Мантейфеля, он, пожалуй, перестарался. В ответном письме Вильгельму Александр II предупреждал, что, «несмотря на всё желание поддержать в восточном вопросе согласие держав, на котором основывается мир, он может оказаться вынужденным занять особую и сепаратную позицию». На этот случай царь хотел знать, может ли он быть уверенным в помощи Германии.

На этот многозначительный вопрос Бисмарк, вопреки всем дипломатическим обычаям, не ответил ничего. В середине сентября через русского посла в Берлине сделано было напоминание о письме царя. Бисмарк снова уклонился от ответа. В конце концов царю надоело ждать. Минувя дипломатический путь, он обратился к военному уполномоченному германского императора в Петербурге генералу Вердери. Царь попросил Вердера ускорить официальный ответ на его вопрос, будет ли Германия в случае австро-русской войны занимать такую же позицию, какую сохраняла Россия в 1870 г., во время войны Германии с Францией.

Дальше отмалчиваться было уже невозможно. 23 октября 1876 г. германский посол Швейниц получил, наконец, предли-

сание канцлера передать русскому правительству ответ, имевший буквально неисчислимые политические последствия.

«Из внимания к дружеским отношениям трёх императоров, — писал Бисмарк, — мы сначала сделаем попытку убедить Австрию, чтобы в случае русско-турецкой войны она поддерживала с Россией мир. Эти усилия не безнадежны, судя по всему тому, что известно о намерениях Австрии. Если бы они не увенчались успехом и если бы, несмотря на все наши старания, мы не смогли предотвратить разрыв между Россией и Австрией, и тогда для Германии ещё не было бы оснований выйти из состояния нейтралитета. Но нельзя наперёд утверждать, что такая война, особенно если в ней примут участие Италия и Франция, не приведёт к последствиям, которые заставят нас выступить на защиту наших собственных интересов. Если счастье изменит русскому оружию перед лицом коалиции всей остальной Европы и мощь России будет серьёзно и длительно поколеблена, то это не может отвечать нашим интересам. Но столь же глубоко будут задеты интересы Германии, если возникнет угроза для австрийской монархии и для её положения в качестве европейской державы или для её независимости: это приведёт к исчезновению одного из факторов, на которых основывается европейское равновесие»¹.

Практически этот ответ означал, что Бисмарк не позволит России разгромить Австро-Венгрию.

Только в одном случае Бисмарк готов был пожертвовать Австро-Венгрией. В инструктивном разговоре со Швейницем, перед его отъездом в Петербург, канцлер заявил, что согласен активно поддержать Россию в случае, если она гарантирует Германии обладание Эльзас-Лотарингией. В интимной беседе с одним из близких людей Бисмарк ещё откровеннее формулировал свои замыслы. «При нынешних восточных осложнениях, — заявил канцлер, — единственной выгодой для нас могла бы быть русская гарантия Эльзаса. Эту комбинацию мы могли бы использовать, чтобы ещё раз совершенно разгромить Францию»². Уверенности, что такая комбинация удастся, у Бисмарка не было. Всё же он осторожно нащупывал почву — слишком уж соблазнительна была такая перспектива.

Швейниц подробно изложил Горчакову первую часть ответа Бисмарка. «Мы ждали от вас больших вещей, — разочарованно ответил русский канцлер, — а вы привезли нам только то, что мы и так знаем давно». В дальнейшем разговоре Швейниц прямо намекнул на то, что русская гарантия Эльзаса и Лотарингии, зафиксированная в договоре, могла бы коренным образом изменить позицию Германии. Но Горчаков решительно

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. II, № 251.

² *Lucius von Ballhausen, Bismarck-Erinnerungen*, S. 93.

отклонил такое соглашение. «Это принесло бы вам мало пользы, — заявил он. — В наше время договоры имеют очень малую ценность». «Однако вы сами только что выражали сожаление, что мы не связаны с вами никаким договором», — ядовито отпарировал Швейниц.

В приведённых дипломатических переговорах нагляднее, чем где-либо, наметилась та расстановка сил, которая постепенно стала определяться в результате франко-прусской войны: Россия и Франция, с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия — с другой. В 1876 г. обе эти группировки ещё не нашли своего оформления в каких-либо договорах, однако они уже достаточно отчётливо обозначились на международной арене.

Миссия барона Мюнха

В результате запроса, сделанного царём через посредство Вердера, русское правительство убедилось, что воевать с Австрией — значит рисковать войной с Германией. Следовательно, воевать с Турцией можно не иначе, как предварительно обеспечив себе австрийский нейтралитет. Цена этого нейтралитета в Рейхштадте была только намечена. Надлежало её уточнить.

Австро-русское соглашение представлялось желательным и для Австрии. Дело в том, что австро-венгерское правительство через специального уполномоченного барона Мюнха задавало Бисмарку почти тот же самый вопрос, какой царь поставил перед ним через Вердера. Мюнх указал Бисмарку на крайнюю опасность, которую, по мнению его правительства, будет представлять оккупация Болгарии русскими войсками. Канцлер отвечал, что никакой особой опасности он в этом не видит и советует в таком случае Австрии оккупировать Боснию. Если же Австрия захочет противодействовать России, она может договориться с Англией. Бисмарк дал понять, что на Германию Австрии рассчитывать нечего. Хотя Бисмарк и не желал допустить разгрома Австро-Венгрии Россией, он отнюдь не склонен был и воевать против России за балканские интересы Австро-Венгрии. С другой стороны, стараясь предотвратить австро-русскую войну, канцлер вовсе не собирался мешать России пачать войну против Турции. Напротив, Бисмарк считал полезным даже разжечь эту войну. Это запутало бы Россию в ближневосточных осложнениях и ещё более испортило бы её отношения с Англией.

Константинополь-
ская
конференция

31 августа 1876 г. на турецкий престол вступил султан Абдул-Гамид II, будущий «кровавый султан», прославившийся армянской резнёй. Это был человек жестокий и трусливый. В то же время он отличался чрезвычайной хитростью: никто лучше него не умел играть на соперничестве великих держав. Не сумев договориться об условиях мира на Балканах, державы по инициативе России снова потребовали

у Порты, чтобы она немедленно, не дожидаясь, пока они столкнутся друг с другом, заключила перемирие с Сербией. На это выступление «европейского концерта» турецкая дипломатия ответила своеобразным маневром. 10 октября Порта не только согласилась предоставить Сербии перемирие, но и выразила готовность обеспечить его сразу на срок в 5—6 месяцев. Это выглядело крайне миролюбиво, на деле же означало длительную оккупацию сербской территории и затяжку переговоров о мире в расчёте, что обстановка может измениться в благоприятном для Порты смысле. Россия посоветовала Сербии отказаться от столь длительного перемирия. Тогда турки, поощряемые Англией, возобновили наступление. Сербы потерпели новые поражения; положение Сербии стало критическим. Ввиду этого 31 октября русское правительство вручило Порте ультиматум с требованием немедленно заключить перемирие сроком на 4 или 6 недель. Для ответа давался 48-часовой срок. При этом указывалось, что в случае отклонения русских требований последует разрыв дипломатических отношений России с Турцией. Одновременно Россия провела частичную мобилизацию — всего до 20 дивизий. Напуганная Порта поспешила принять предъявленные ей требования.

После достигнутого успеха русская дипломатия сделала ещё одну попытку решить без войны балканский вопрос. В конце октября и в начале ноября в разговорах между английским послом лордом Лофтусом, Горчаковым и царём в Ливадии была выдвинута мысль о созыве международной конференции; в случае её срыва русское правительство заранее оставляло за собой свободу действий. Царь при этом заверил Лофтуса, что Россия не стремится к захвату Константинополя. Против конференции не возражали и прочие участники Парижского трактата. Конференция должна была состояться в Константинополе. Уполномоченным России был назначен граф Игнатъев. От Англии на конференцию прибыл лорд Солсбери, который занимал в кабинете Биконсфильда пост министра по делам Индии. Солсбери считался представителем умеренной группировки кабинета, склонной к соглашению с Россией. По прибытии в Константинополь Солсбери сразу же установил контакт с Игнатъевым.

Конференция открылась 11 декабря 1876 г. Игнатъев играл на ней руководящую роль. Представители держав сошлись на проекте автономии для Боснии, Герцеговины и Болгарии; последняя в угоду австрийцам была разделена в меридиональном направлении на восточную и западную. Россия отказывалась от военной оккупации этих территорий; за введением автономного устройства в каждой провинции должен был наблюдать комиссар, назначенный всеми великими державами.

Но в день, когда конференция готовилась официально объявить своё решение, султан, с благословения английского посла Эллиота, проделал ошеломляющий маневр. Прежде всего он назначил великим визирем Мидхата-пашу, сторонника конституционного правления. Вскоре после этого, 23 декабря, состоялось заключительное заседание конференции; на него в первый раз были допущены представители турецкого правительства. Внезапно во время заседания его участники были оглушены артиллерийскими салютами. Иаумлённые делегаты не успели опомниться, как турецкий представитель, министр иностранных дел Сафдет-паша, поднялся со своего кресла. «Великий акт, — торжественно провозгласил паша, — который совершился в этот момент, изменил форму правления, существовавшую в течение 600 лет: провозглашена конституция, которой его величество султан осчастливил свою империю». Труды конференции были объявлены Сафдетом совершенно излишними: ведь конституция уже дарует все необходимые реформы. На этом основании Турция отклоняет решения конференции. Английский посол Эллиот был душой разыгранной комедии; с ним Биконсфилд вёл личную переписку через голову лорда Солсбери и своего министра иностранных дел. Русский делегат предложил силой принудить Турцию принять решение держав. Но Солсбери получил из Лондона категорическое предписание отклонить всякое давление на Турцию.

Конференция пребывала в крайнем смущении. От угроз она перешла к просьбам; Порте было предложено принять её проект хотя бы в урезанном виде. Но явная слабость держав лишь раззадоривала турок. Порта вторично отвергла предложения конференции. Чтобы кое-как «спасти лицо», державы ответили отозванием своих послов из Константинополя. Этот шаг, однако, не означал разрыва дипломатических отношений: в турецкой столице оставлены были поверенные в делах. Таким образом, вся демонстрация оказалась холостым выстрелом. Бисмарк советовал русским начать войну против Турции. Он рекомендовал им при этом не церемониться с Румынией и обещал посодействовать достижению полюбовного соглашения с венским кабинетом¹.

Будапештская конвенция

После неудачи миссий Вердера и Мюнха, т. е. ещё осенью 1876 г., между Россией и Австрией начались переговоры относительно позиции Австро-Венгрии в случае русско-турецкой войны.

15 января 1877 г. в Будапеште была, наконец, подписана секретная конвенция, которая обеспечивала России нейтралитет Австро-Венгрии в войне против Турции. В обмен Австро-Венгрии предоставлялось право оккупировать своими войсками

¹ Татищев, Александр II, изд. 1903 г., стр. 348 и сл.

Боснию и Герцеговину. При этом Австро-Венгрия обязывалась не распространять военных операций на Румынию, Сербию, Болгарию и Черногорию, а Россия — на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. Австро-Венгрия давала, впрочем, согласие на участие Сербии и Черногории в войне на стороне России.

Дополнительная конвенция предусматривала ожидаемые результаты предстоящей войны. Территориальные приобретения в Европе ограничивались для Австро-Венгрии — Боснией и Герцеговиной, исключая Ново-Базарский санджак, т. е. территорию, отделяющую Сербию от Черногории; о ней должно было последовать особое соглашение; для России — возвращением юго-западной Бессарабии. Далее подтверждались условия Рейхштадтского договора о недопущении создания большого славянского государства на Балканах, о независимости Болгарии, Румынии, Албании, о судьбах Фессалии, Эпира и Крита, равно как и Константинополя. Обе конвенции — и основная и дополнительная — были подписаны Андраши и русским послом в Вене Новиковым. Теперь Россия могла воевать, но результаты её возможной победы были заранее урезаны до минимума. За нейтралитет Австро-Венгрии Россия уплачивала ей огромную цену.

Франко-германская военная тревога 1877 г. и Лондонский протокол

Между тем восточный кризис вызвал резонанс и на франко-германской границе. После срыва Константинопольской конференции, в январе 1877 г., по своему обычаю используя печать в качестве дипломатического орудия, Бисмарк поднял новую военную тревогу по поводу слухов о концентрации французской кавалерии вблизи германской границы. Вслед за этим канцлер обратился к английскому послу с предложением заключить союз против Франции. Бисмарк заверял, что Франция подготавливает вторжение в Германию и что для предотвращения этой опасности Германия должна принять меры предосторожности. Меры эти, несомненно, будут истолкованы Францией как провокация; возможно, последует война. Канцлер предлагал Англии заключить оборонительный и наступательный союз¹. Однако британский кабинет, рассмотрев это предложение, отказался его принять.

Результат новой франко-германской военной тревоги был совсем не тот, которого добивался Бисмарк: испугавшись перспективы дальнейшего усиления Германии, кабинет Биконфильда неожиданно для Бисмарка возымел желание достигнуть компромисса с Россией. В феврале 1877 г. между русским

¹ См. документы, опубликованные Сетон-Ватсоном в «*Slavonic Review*», т. IV, March 1926, № 12, особенно стр. 746. Горлиное, Босфор и Дарданеллы, стр. 310—311.

послом в Лондоне Петром Шуваловым и лордом Дерби начались переговоры; они закончились составлением протокола, рекомендовавшего Порте принять реформы, урезанные даже по сравнению с последними (сокращёнными) предложениями Константинопольской конференции. Граф Игнатъев был послан в объезд по европейским столицам для согласования со всеми великими державами этого нового коллективного выступления «европейского концерта». 31 марта представители шести держав в Лондоне подписали протокол. Однако 12 апреля Порта его отклонила; она заявила, что рассматривает его как вмешательство во внутренние дела Турции, «противное достоинству турецкого государства».

Что касается Бисмарка, то он сообразил, как бы угроза франко-германской войны не привела к англо-русскому, а значит и к турецко-русскому миру. Чтобы предупредить подобную неприятность, канцлер обещал России устроить ей заём в 100 миллионов рублей на военные нужды через близкого ему банкира Блейхредера. Одновременно Бисмарк занял примирительную позицию в отношении французов. В результате Биконсфильду уже незачем было заигрывать с Россией. Так изворачивался Бисмарк, дабы спровоцировать русско-турецкую войну и углубить конфликт между Россией и Англией.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА
(1877—1878 гг.)
И БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС
(1878 г.)

Русско-турецкая
война

На отклонение Турцией Лондонского протокола Россия на другой же день (13 апреля 1877 г.) ответила мобилизацией ещё 7 дивизий. Царь выехал в Кишинёв, где находилась ставка верховного главнокомандующего. Там 24 апреля 1877 г. им был подписан манифест об объявлении войны Турции. Активные военные действия на балканском театре начались, однако, только в конце июня.

У Биконсфильда была мысль ответить на объявление Россией войны оккупацией Дарданелл. Но такой план не встретил сочувствия ряда влиятельных членов английского кабинета. Англия ограничилась тем, что 6 мая Дерби вручил Шувалову ноту. В ней сообщалось, что Англия не может допустить, во-первых, блокады Россией Суэцкого канала, во-вторых, оккупации Египта, хотя бы только на время войны, в-третьих, захвата Константинополя и изменения статуса проливов.

Русский посол в Лондоне решил, что Англия собирается вступить в войну. Он так встревожился, что немедленно помчался в Петербург, чтобы доложить там о крайней серьёзности положения.

Русское правительство, только что начав войну, уже подумывало, как бы скорее её окончить на сколько-нибудь приемлемых условиях. Оно поспешило успокоить англичан в отношении Египта и Суэца.

Что касается Константинополя и проливов, то этот вопрос петербургский кабинет объявлял проблемой общеевропейской. Другими словами, Россия обязывалась не решать его единолично.

Русский канцлер не ограничился вышеприведёнными заверениями. Он поручил Шувалову заявить, что Россия готова заключить мир на умеренных условиях; пусть только турки запросят его раньше, чем русские армии перейдут Балканский хребет. Предложения русского правительства представлялись более скромными, чем даже последний вариант требований Константинопольской конференции. Так, например, конферен-

ция предполагала, что Болгария будет простираться на юг почти до Адрианополя и за Родопские горы; теперь Россия готова была ограничиться автономией части Болгарии, к северу от Балканского хребта. Для себя, в случае быстрого заключения мира, Россия готова была удовольствоваться возвращением юго-западной Бессарабии и уступкой ей Батума. 8 июня 1877 г. Шувалов сообщил эту мирную программу лорду Дерби.

Британское правительство отвергло русские предложения. Оно признало их неприемлемыми в вопросе о Константинополе и проливах. Дело в том, что Горчаков предупредил англичан о возможности временного занятия зоны проливов русскими войсками, если по ходу военных действий это окажется необходимым. На это английская дипломатия никак не считала возможным согласиться.

Ещё 19 мая 1877 г. Дерби начал переговоры с Австро-Венгрией о совместном отпоре России. Англия должна была послать свой флот в проливы; Австро-Венгрии предлагалось ударить в тыл русской Дунайской армии. Ясно было, что риск союзников был бы неравным. Английскому флоту не грозила встреча с русскими военными кораблями, по той причине, что таковых в Чёрном море не имелось. Правда, и австрийская армия могла надеяться на сравнительно лёгкий успех в борьбе против русских войск за Дунаем: они оказались бы в клещах между австрийцами и турками. Но после этого Австрии предстояла бы война со всеми вооружёнными силами России. Австрийское правительство правильно оценило положение. Пораздумав, оно предложило англичанам лишь проводить совместную политическую линию в вопросах будущего устройства Востока. От мобилизации против России Австрия отказалась.

Пока шли все эти переговоры, военные действия развивались своим чередом. 19 июля 1877 г. отряд генерала Гурко овладел Шипкинским перевалом. Казалось, после этого должно начаться русское наступление за Балканы, уже непосредственно угрожающее турецкой столице. 27 июля в Лондон пришло паническое донесение от посла в Константинополе Лайарда. Посол сообщал, будто русские стоят под Адрианополем. Под влиянием этого сообщения Биконсфильд решил предложить султану «пригласить» в проливы британскую эскадру; она стояла в готовности в Безикской бухте.

Но паника оказалась напрасной. Лайард даже не успел выполнить данное ему Биконсфильдом поручение. В тот самый день, как отряд Гурко взял Шипку, армия Османа-паши вошла в Плевну, что создавало серьёзную угрозу правому флангу и коммуникациям русской армии. Весть об этом дошла до Лондона с опозданием, но по её получении там успокоились. Война явно затягивалась: это и требовалось, с точки зрения английских интересов.

4 История дипломатии, т.

Иначе реагировал на события Андраши. В момент, когда положение русской армии стало затруднительным, он ощутил прилив необычайной храбрости. Позабыв обещания соблюдать нейтралитет, он предложил своему правительству двинуть войска в Румынию, чтобы перерезать русские коммуникационные линии. Однако план министра потерпел крушение: ему воспротивились австрийские военные круги; они были убеждены, что даже и теперь война с Россией не под силу Австро-Венгрии.

10 декабря 1877 г. русские взяли Плевну. Это крупное военное событие вызвало усиленную деятельность дипломатии. Незадолго до того русское правительство сообщило Германии и Австрии свой проект будущего мира. В нём предусматривалось: образование болгарского вассального княжества в широких границах, намеченных Константинопольской конференцией; автономия Боснии и Герцеговины с передачей их под управление Австрии, если последняя этого пожелает; полная независимость Сербии, Черногории и Румынии; возвращение России юго-западной Бессарабии; компенсация Румынии за счёт Добруджи; присоединение к России Карса и Батума, Ардагана и Баязета; уплата контрибуции. Наконец, намечалось довольно мизерное изменение режима проливов: «прибрежные государства» Чёрного моря, т. е. в частности Россия, получали право, в случаях, когда в том представится надобность, проводить через проливы военные суда, но только «поодиночке» и всякий раз по специальному разрешению султана.

Разбитая Турция грозила уступить, если не последует помощь со стороны Англии. 13 декабря английское правительство предупредило Россию, что даже временная оккупация Константинополя заставит Англию принять «меры предосторожности». Однако внутри английского кабинета продолжались споры, следует ли принимать такие меры. Кабинет был единодушен только в одном — в готовности бросить в огонь Австрию.

На английское предостережение последовал ясный и твёрдый ответ Горчакова: Россия не может гарантировать, что ход военных действий не заставит её временно занять турецкую столицу.

24 декабря Турция обратилась к Англии с просьбой о посредничестве. Английское правительство уведомило об этом Петербург. Ответ Горчакова гласил: если Порты хочет кончить войну, то с просьбой о перемирии она должна обращаться прямо к главнокомандующему русской армией. Дарование перемирия обуславливалось предварительным принятием обязательств будущего мирного договора. Русское правительство при этом подтверждало свою готовность передать на обсуждение международной конференции те пункты договора, которые затрагивают «общеевропейские интересы».

8 января 1878 г. Порта обратилась к русскому главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу («старшему») с просьбой о перемирии. Начались переговоры, а пока они шли, русские войска продолжали продвигаться к турецкой столице.

Английский кабинет беспрерывно обсуждал положение. Королева Виктория писала премьеру отчаянные письма, уверяя, что, будь она мужчиной, она немедленно отправилась бы бить русских. Снова запросили Вену, не склонна ли она мобилизоваться. Сам Андраши был готов на этот шаг. Однако по требованию военного командования он повторил свой отказ, ссылаясь, между прочим, на то, что мобилизация стоит больших денег.

Под влиянием тревожных сообщений из Константинополя английский кабинет 23 января принял, наконец, решение об отправке британского флота в проливы. Между прочим кабинет рассчитывал, что такой шаг подвинет вперед и Австро-Венгрию. В знак протеста лорды Дерби и Карнарвон¹ подали в отставку. Но, тут же отменив своё решение, кабинет послал адмиралу Хорнби новый приказ: немедленно вернуться в Безикскую бухту. После этого и лорд Дерби возвратился на свой пост. Англия и Австрия совместно потребовали передачи всей совокупности условий русско-турецкого мира на обсуждение международной конференции. При этом австрийцы указывали на нарушение Рейхштадтского и Будапештского соглашений: в лице Болгарии Россия создавала на Балканах то самое большое славянское государство, образования которого как раз и было условлено не допускать.

Русское правительство не рискнуло пойти на конфликт с двумя великими державами. Его армия и запасы военного снаряжения пострадали от войны; финансовое положение государства было не из лёгких. Ввиду этого царское правительство официально сообщило, что оно готово передать на обсуждение международного конгресса те условия будущего мирного договора, которые затрагивают «общеевропейские» интересы. Под таковыми в первую очередь разумелся вопрос о проливах.

Опасаясь столкновения с Англией, царь приказал главнокомандующему в случае принятия турками условий перемирия воздержаться от оккупации Константинополя, остановиться под его стенами и во всяком случае не производить оккупации Галлиполи.

31 января 1878 г. турки подписали перемирие. Один из пунктов предусматривал распространение русской оккупации до Чаталджи и Булаира. Но эти районы в тот момент фактически ещё не были заняты русскими войсками. Поэтому продвижение

¹ Статс-секретарь по делам колоний,

русских продолжалось ещё несколько времени и после подписания перемирия. Это вызвало в Лондоне новый приступ паники. Английский кабинет боялся, что русские идут на столицу Османской империи. Для самих англичан был немалый соблазн занять проливы и Константинополь. Ещё в августе 1877 г. Биконсфильд писал Лайарду: «хотел бы видеть наш флот во внутренних водах Турции и переход Галлиполи в наши руки в качестве материальной гарантии»¹.

Шовинистическая агитация приняла в Англии истерический характер. В такой обстановке кабинет 8 февраля снова отдал приказ адмиралу Хорнби идти в Дарданеллы. Адмиралу было сообщено, что английский посол должен получить согласие султана на проход судов через проливы. Флот двинулся в Дарданеллы. В Чанаке он стал на якорь в ожидании султанского разрешения. Простояв некоторое время и ничего не дождавшись, адмирал Хорнби снялся с якоря и направился обратно в Безикскую бухту. Вскоре выяснилось, что султан не посмел пропустить британский флот к Константинополю ввиду угрозы русского главнокомандующего, что в таком случае его войска займут турецкую столицу.

Царь действительно хотел было приказать главнокомандующему ввести войска в Константинополь. Горчаков и военный министр Милютин возражали: они считали, что это приведёт к войне с Англией. Тогда царь изменил своё решение: лишь высадка английского десанта должна была явиться сигналом для оккупации турецкой столицы. Но когда советники ушли, Александр II, оставшись один, снова передумал и опять склонился к тому, чтобы ввести войска в Константинополь. Кончась же он совершенно неожиданным решением: он протелеграфировал главнокомандующему один за другим оба приказа...²

Между тем странные упражнения британского флота грозили сделать его предметом всеобщего посмешища. На здании английского посольства в Константинополе однажды утром нашли наклеенное кем-то объявление: «Между Безикой и Константинополем утерян флот. Нашедшему будет выдано вознаграждение»³. 12 февраля адмирал Хорнби вновь получил приказ двинуться в Мраморное море, хотя бы и без разрешения султана.

Британский флот прошёл через Дарданеллы и 15 февраля бросил якорь у Принцевых островов. Затем, по просьбе султана, флот был отведён подальше, в Муданию, к азиатскому побережью Мраморного моря.

¹ *Temperley and Penson, Foundations of British Foreign Policy, p. 361.*
Письмо Биконсфильда Лайарду от 6 августа 1877 г.

² *Татищев, Александр II, т. II, стр. 447—448.*

³ *Langer, European Alliances and Alignments, p. 136.*

Английское правительство грозило, что вступление русских войск в Константинополь вызовет разрыв дипломатических сношений.

Австрийское правительство тоже заявляло, что в случае оккупации Константинополя русскими войсками оно отзовет своего посла из Петербурга.

Русское правительство решило не создавать конфликта с обеими державами. Оно ограничилось занятием местечка Сан-Стефано, расположенного в 12 верстах от турецкой столицы, на берегу Мраморного моря.

Сан-Стефанский
мир

3 марта 1878 г. в Сан-Стефано был подписан мирный договор.

В эту пору вследствие болезни престарелого Горчакова в деятельности русской дипломатии начал сказываться недостаток необходимого единства. Один из самых видных послов, граф Пётр Шувалов, проводил в Лондоне примирительную линию. Той же позиции держался и сам Горчаков; её поддерживали его ближайшие сотрудники в министерстве Хомина, Гирс и др. Однако наиболее влиятельной фигурой в рядах русских дипломатов являлся в это время бывший посол в Турции граф Игнатъев. Он-то и был уполномочен царём вести мирные переговоры с Турцией. Убеждённый сторонник великодержавной русской политики, он властно диктовал Порте тяжёлые условия мира.

Сан-Стефанский договор расширял территорию Болгарии по сравнению с границами, намеченными Константинопольской конференцией; болгарам передавалась значительная часть Эгейского побережья. При этом турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. Для покровительницы турок — английской дипломатии — такое положение представлялось неприемлемым.

Британское правительство опасалось, что, включив Болгарию в сферу своего влияния, Россия станет средиземноморской державой. Вдобавок новые границы Болгарии так близко подходили к Константинополю, что проливы и турецкая столица оказывались под постоянной угрозой удара с болгарского плацдарма. Ввиду этого Сан-Стефанский договор встретил со стороны Англии резко отрицательное отношение.

Столь же мало отвечал Сан-Стефанский договор и интересам Австро-Венгрии. В Рейхштадте и в Будапештской конвенции от 15 января 1877 г. было условлено, что не будет допущено создание большого славянского государства на Балканах. Чтобы предупредить образование такого государства, Константинопольская конференция разделила в своём проекте Болгарию на две части по меридиональному направлению; западная Болгария должна была войти в сферу австрийского влияния. Игнатъев не пожелал считаться с этими проектами. По его

плану Болгария должна была стать единым государством, которое охватывало бы большую часть Балканского полуострова.

Сан-Стефанский договор предусматривал также полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии, предоставление румынскому княжеству северной Добруджи, возвращение России юго-западной Бессарабии, передачу ей Карса, Ардагана, Баязета и Батума, а также небольшие территориальные приобретения для Сербии.

6 марта Андраши официально выступил с предложением созвать конгресс для обсуждения всех условий мира между Россией и Турцией, а не только статуса проливов, на что ещё раньше соглашался Горчаков. Русскому правительству пришлось дать своё согласие.

Берлинский конгресс 1878 г.

Уступчивость русской дипломатии объяснялась соотношением сил, которое сложилось с самого начала восточного кризиса. Война с Турцией создавала для России риск столкновения с Англией и Австрией. Русское правительство не желало идти на такой конфликт, особенно ввиду позиции, занятой Германией. Ещё 19 февраля 1878 г. Бисмарк произнёс знаменитую речь, в которой заявил, что в восточном вопросе он не более как «честный маклер»: его задача — поскорее привести дело к концу. Таким образом, Бисмарк публично устранился от активной поддержки русского правительства. Всё же русская дипломатия ещё раз попыталась заручиться такой поддержкой. Она помнила, как тот же Бисмарк усиленно подстрекал русское правительство начать войну против Турции. Но оказалось, что канцлер успел превратиться в миротворца. Теперь он «советовал» России в интересах мира согласиться на созыв конгресса. Очевидно, Бисмарк рассчитывал, что германская дипломатия сумеет кое-что заработать в этом международном ареопаге. Русскому правительству не оставалось ничего другого, как примириться с такой необходимостью. Главнокомандующие обеими армиями (Балканской и Кавказской) великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, военный министр Милютин, министр финансов Рейтерн, равно как и Горчаков, — все считали дальнейшую войну нежелательной.

Надо отдать справедливость Биконсфильду: после всех колебаний и ошибок он в эту решающую минуту правильно понял свою тактическую задачу. Необходимо было внушить русскому правительству убеждение, что Англия в самом деле готова воевать, в случае если Россия не уступит. Поэтому Биконсфильд продолжал демонстративные военные приготовления. В знак протеста против этих мероприятий лорд Дерби вторично ушёл в отставку.

Для русского правительства уход лорда Дерби с поста министра был большой потерей. Этот министр более всего сдерживал враждебные настроения Биконсфильда. Кое-что значила для России и леди Дерби. Как известно из недавних публикаций, супруга министра, будучи в приятельских отношениях с Шуваловым, с самого начала кризиса информировала русского посла обо всём, что происходило в английском кабинете.

Преемником лорда Дерби явился лорд Солсбери. То был человек крупных дипломатических дарований. Он не разделял агрессивных замыслов Биконсфильда и сомневался в правильности его политики. Между прочим однажды Солсбери высказал мнение, что, поддерживая Турцию, Англия «ставит не на ту лошадь». Солсбери давно был сторонником соглашения с Россией, но он полагал, что предварительно её следует хорошенько запугать. На это и были рассчитаны первые его выступления. Они побудили Шувалова запросить Солсбери, каких же, в сущности, изменений Сан-Стефанского договора добивается английское правительство. Результатом этого явились переговоры, которые 30 мая 1878 г. закончились подписанием англо-русского соглашения. По этому соглашению, Болгария отодвигалась от Константинополя за оборонительную линию Балканского хребта. Англия обязывалась не возражать против передачи России Батума и Карса и против возвращения ей Бессарабии. За это английский кабинет компенсировал себя соглашением с Турцией. Вскоре Лайарду был послан проект англо-турецкого договора. «В случае, если Батум, Ардаган, Карс или одно из этих мест будут удержаны Россией», — гласил этот документ, Англия обязывается «силой оружия» помочь султану защищать азиатские владения Турции против всякого нового посягательства России. Дальнейший текст договора свидетельствовал, что английская «помощь» предлагалась Турции далеко не бескорыстно. «Дабы предоставить Англии возможность обеспечить условия, необходимые для выполнения её обязательств, — читаем мы в договоре, — его императорское величество султан соглашается предоставить ей оккупацию и управление островом Кипром». В случае, если Россия возвратит Турции Карс и другие свои приобретения в Армении, Кипр будет эвакуирован Англией, и весь договор теряет силу. Наконец, султан обещал ввести реформы, улучшающие положение его христианских подданных в азиатских владениях Турции. Такое обязательство султана перед Англией позволяло ей вмешиваться во внутренние дела Турции¹.

Для ответа султану был дан 48-часовой срок; иначе говоря, ему был предъявлен ультиматум. 4 июня Кипрская конвенция

¹ С. Noradounghian, Recueil d'actes internationaux de l'Empire Ottoman, v. III, p. 522—523.

была подписана. И всё же через некоторое время султан отказался издать фирман об уступке Кипра. Биконсфильд не смутился такой «мелочью»: англичане оккупировали остров без всякого фирмана. Султану ничего не оставалось, как задним числом издать фирман «о добровольной передаче острова».

6 июня между Англией и Австрией было подписано соглашение о совместной политической линии на предстоявшем конгрессе. Оба правительства условились не допускать расширения болгарской территории южнее Балканского хребта и ограничить срок русской оккупации Болгарии шестью месяцами. Англия обязывалась поддержать притязания Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину.

Конгресс открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Представители балканских государств были на него допущены, но не в качестве полноправных членов конгресса. Делегации великих держав возглавлялись министрами иностранных дел или же премьерами — Бисмарком, Горчаковым, Биконсфильдом, Андраши, Ваддингтоном и Корти¹. Каждая делегация состояла из нескольких человек. Из так называемых вторых делегатов большую роль играли Солсбери и Шувалов. Председательствовал Бисмарк, в качестве хозяина. Он установил следующий метод работы. В качестве председателя он намечал повестку заседания и излагал очередной вопрос; затем открывались дебаты. Если обнаруживались серьёзные разногласия, Бисмарк резюмировал прения, закрывал заседание и переносил разрешение спорного вопроса на обсуждение заинтересованных делегаций в порядке частных переговоров. Когда стороны приходили к соглашению, на одном из следующих заседаний вопрос ставился вновь для официальной формулировки решения.

К представителям балканских государств и Турции Бисмарк относился с нескрываемым презрением. Турецким делегатам он грубо заявил, что судьбы Турции ему достаточно безразличны. Если же он и тратит своё время на конгрессе в летнюю жару, то делает это только ради предотвращения конфликтов между великими державами. Он сокрушался, сколько энергии уходит на обсуждение судьбы таких «вонючих гнезд», как Ларнесса, Трикала или другие балканские города.

Основные контуры решений конгресса были намечены уже в англо-русском соглашении от 30 мая. Но там границы Болгарии были определены лишь в общих чертах. Между тем их детали в связи со стратегическим значением балканских перевалов имели весьма серьёзное значение. Поэтому вокруг этих проблем шли оживлённые дебаты. Споры вызвал также вопрос об объёме прав султана в южной части Болгарии, расположенной к югу от Балканского хребта: здесь решено было

¹ Два последних являлись делегатами от Франции и Италии.

образовать автономную провинцию Османской империи под наименованием Восточной Румелии. На другой день после открытия конгресса в английской печати появилось разоблачение англо-русского соглашения 30 мая. Это вызвало сенсацию. Раскрытие предварительной сделки с Россией побудило Дизраэли занять на конгрессе самую непримиримую позицию: в Англии его упрекали в излишней уступчивости, тем более что Кипрская конвенция, которой он себя вознаградил, всё ещё оставалась тайной для публики. 20 июня из-за разногласий по поводу статуса Восточной Румелии и судеб Софийского санджака Дизраэли даже заказал себе экстренный поезд, угрожая покинуть конгресс. В конце концов при посредничестве Бисмарка спорный вопрос был улажен: англичане согласились на передачу Софийского санджака Болгарии в обмен за предоставление султану права вводить свои войска в Восточную Румелию. Срок русской оккупации Болгарии был установлен в 9 месяцев, но за Россией осталась миссия организовать правительственную власть в Болгарском княжестве.

Оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией прошла на конгрессе более или менее гладко. Англия и Германия поддерживали Австрию, а Россия не могла отступить от обязательств, принятых ещё по Будапештской конвенции 1877 г. Турция возражала, но её голос не был принят во внимание. Очень раздражена была Италия, желавшая получить себе «компенсации» за усиление Австро-Венгрии. «На каком основании итальянды требуют себе приращения территории? Разве они опять проиграли сражение?» — остроумно заметил один русский дипломат, намекая на территориальные приобретения Италии, полученные после войны 1866 г., невзирая на сокрушительное поражение при Кустоцце. Немцы и австрийцы предлагали Италии взять Тунис; впрочем, одновременно Бисмарк предлагал его также и французам.

Русские территориальные приобретения в Азии опять едва не привели к кризису конгресса. В англо-русском соглашении 30 мая было сказано, что Россия «займёт» Батум; и Солсбери и Биконсфильд воспользовались эту формулировку, чтобы утверждать, будто они не давали согласия на присоединение Батума, а согласились лишь на его оккупацию. В обмен за уступку в этом вопросе они требовали согласия России на английское толкование статуса проливов, стараясь добиться для английского флота доступа в Черное море. Солсбери объявил, что принцип закрытия проливов, установленный конвенциями 1841 и 1871 гг., носит характер обязательства держав перед султаном. Следовательно, это обязательство отпадает, в случае если сам султан пригласит в проливы тот или иной флот. Со стороны русской делегации такое толкование встретило решительный отпор. Шувалов выступил с декларацией, в которой

заявил, что обязательство о закрытии проливов державы приняли не только перед султаном, но и друг перед другом. Кончилась эта полемика тем, что Батум, равно как и Карс и Ардаган были всё же отданы России. Баязет остался за Турцией. Наконец, конгресс оставил в силе постановление Сан-Стефанского договора о Бессарабии, Добрудже, о независимости Черногории, Сербии и Румынии.

13 июля конгресс закончил свою работу подписанием Берлинского трактата, заменившего собой Сан-Стефанский договор. Россия была лишена значительной части плодов своей победы. «Защитники» Турции, Англия и Австрия, без выстрела захватили: первая — Кипр, вторая — Боснию и Герцеговину. Таким образом, существо Берлинского трактата сводилось к частичному разделу Турции. «Грабят Турцию»¹, — так характеризовал Ленин Берлинский конгресс.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДОГОВОРА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Ухудшение
русско-германских
отношений

Поведение германского канцлера в дни восточного кризиса ясно показало, что в случае австро-русской войны Германия поддержит Австро-Венгрию. Следствием позиции, занятой Бисмарком в дни восточного кризиса, явилось ухудшение русско-германских отношений. После Берлинского конгресса славянофильская печать подняла шумную кампанию. Славянофильские публицисты во главе с И. Аксаковым обвиняли русскую дипломатию в том, что она, якобы по малодушию, растеряла всё, добытое русской кровью. Ещё более страстно выступала славянофильская пресса против Бисмарка. Она негодовала, что он предал Россию, позабыв о том, какую позицию она занимала во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Этот мотив был подхвачен и правительственными кругами. Стараясь оправдаться перед дворянско-буржуазным общественным мнением, царское правительство не препятствовало разоблачению двусмысленной политики германского канцлера.

Бисмарк не остался в долгу. Со своей стороны, через репутильную прессу он пустил в широкое обращение версию о «неблагодарности» России. Этот мотив настойчиво развивался и в дипломатической корреспонденции германского канцлера.

Бисмарк утверждал, будто на Берлинском конгрессе он сделал для России больше, чем все собственные её дипломаты, вместе взятые.

Следует отметить, что ни Горчаков, ни Александр II, несмотря на наличие некоторой обиды, после конгресса первоначально не занимали враждебной Бисмарку позиции. Напротив, русские дипломаты искали поддержки со стороны германских делегатов в созданных конгрессом комиссиях, занятых уточнением новых границ на Балканах.

Первый враждебный шаг был сделан самим Бисмарком. В октябре 1878 г. канцлер дал германским делегатам в этих комиссиях инструкцию занять антирусскую позицию. После

всех дипломатических неудач и в обстановке чрезвычайного политического напряжения в России царское правительство крайне болезненно восприняло такой поворот германской политики.

Другим источником охлаждения русско-германских отношений явились экономические противоречия.

Германия была одним из важнейших рынков для русского сырья. В 1879 г. она поглощала 30% русского экспорта, стоя непосредственно за Англией. Между тем мировой аграрный кризис, начавшийся в 70-х годах, чрезвычайно обострил борьбу за рынки продовольственных и сырьевых товаров. Прусское юнкерство настойчиво требовало ограждения германского рынка от иностранной конкуренции. В угоду юнкерам в январе 1879 г. под видом карантинных мероприятий Бисмарк установил почти полный запрет на ввоз русского скота. Внешним поводом для этого явилась чума, обнаружившаяся в Астраханской губернии. Это мероприятие жестоко ударило по карману русских помещиков и ещё более усилило антигерманскую кампанию в русской прессе. Германский посол в Петербурге генерал Швейниц писал в своём дневнике, что «мероприятия против ветлянской чумы вызвали (в России) больше ненависти, нежели всё остальное»¹.

После проведения карантинных мер, именно 31 января 1879 г., уже не оппозиционная славянофильская печать, а связанная с Горчаковым петербургская газета «Голос» открыла кампанию против Бисмарка. Германский канцлер не уклонился от боя. Так началась шумевшая на всю Европу «газетная война» двух канцлеров.

За стеснением ввоза скота в том же 1879 г. в Германии последовало введение пошлин на хлеб. Хлебные пошлины ударили по русскому сельскому хозяйству ещё сильнее, чем «ветеринарные» мероприятия. Они грозили окончательно подорвать русскую денежную систему. Отношения между Россией и Германией резко обострились.

Австро-германский союз
(7 октября 1879 г.)

Бисмарк не сожалел, что русско-германские отношения ухудшились. Это даже благоприятствовало его целям, так как позволяло закрепить давно задуманное сотрудничество с Австрией. Существенную трудность создавало, однако, для Бисмарка лишь упорное сопротивление престарелого императора Вильгельма, который не желал заключать союз против русского царя. Чтобы преодолеть это препятствие, Бисмарк всячески старался убедить императора во враждебности России. Между прочим в записках, представленных монарху, Бисмарк впервые развил ту версию, будто Россия после Берлинского конгресса заняла в отношении Германии угрожающую позицию.

¹ Schweinitz, Denkwürdigkeiten, B. II, S. 40.

Бисмарк использовал при этом личное письмо, которое Александр II 15 августа написал Вильгельму. В этом послании царь жаловался на поведение Германии в вопросах, связанных с реализацией Берлинского трактата. Царь обвинял Бисмарка в том, что тот предпринимает недружественные действия из ненависти к Горчакову. Заканчивалось письмо предупреждением, что «последствия этого могут стать губительными для обеих наших стран»¹. Для Бисмарка это письмо явилось находкой. Император был задет обращением царя. Но всё же даже и эта обида не заставила Вильгельма изменить своё отношение к австро-германскому союзу. Император решил сделать попытку объясниться с царём. Для этого он послал к нему своего адъютанта фельдмаршала Мантейфеля. Александру II удалось совершенно успокоить посланца германского кайзера. Царь выразил желание лично поговорить с Вильгельмом; тот согласился на эту встречу, невзирая на сопротивление Бисмарка. Свидание состоялось 3—4 сентября в Александрове, на русской территории, близ границы. После этого Вильгельм вернулся в Берлин совершенно примирённый со своим племянником. Он и слушать больше не хотел о союзе с Австрией.

Не смущаясь несогласием монарха, Бисмарк продолжал переговоры с Андраши. 21 сентября канцлер приехал в Вену. Там он условился с австро-венгерским министром о тексте союзного договора. Первоначально Бисмарк добивался от Австро-Венгрии такого соглашения, которое было бы направлено не только против России, но и против Франции. Однако Андраши наотрез от этого отказался. Бисмарк уступил. Андраши рассказывает, как после долгой дискуссии канцлер поднялся со своего кресла, подошёл к Андраши и, глядя ему в упор в глаза, произнёс: «Всё, что я могу сказать вам, это — подумайте хорошенько о том, что вы делаете. В последний раз я вас прошу оставить ваши возражения». Затем, приняв угрожающий тон, он продолжал: «Примите моё предложение, иначе... иначе я приму ваше». «Но, — добавил канцлер со смехом, намекая на старого кайзера, — это доставит мне уйму неприятностей».

Австро-германский союзный договор был принят в формулировке Андраши. Первая статья договора гласила: «В случае, если бы одна из обеих империй, вопреки надеждам и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью вооружённых сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по общему согласию». В случае нападения не России, а какой-либо другой державы обе стороны обещали друг другу лишь

¹ Татищев, Александр II, т. II, стр. 666, Приложения.

благожелательный нейтралитет, если только к агрессору не присоединится и Россия. В последнем случае немедленно вступала в силу статья 1, и каждая из договаривающихся держав обязывалась вступить в войну на стороне своей союзницы. Договор должен был остаться секретным; одним из мотивов этого было то, что Андраши опасался серьёзной оппозиции в австрийском Парламенте.

Договор, специально заострённый против России, был явно неприемлем для Вильгельма. Чтобы сломить сопротивление императора, Бисмарк по возвращении из Вены, 26 сентября, созвал прусский Совет министров и получил от своих коллег согласие на коллективную отставку, в случае если союз с Австрией не будет заключён. В конце концов император уступил: 7 октября договор был подписан в Вене графом Андраши и германским послом князем Рейсом.

После того как договор был подписан, Бисмарк составил проект письма кайзера к царю¹; он считал необходимым как-то объяснить Александру II свою поездку в Вену. Письмо представляло образец дипломатической мистификации, имевшей целью замаскировать истинную цель и содержание австро-германского союза. Царю сообщали, что свидание Бисмарка с Андраши было вызвано желанием последнего объяснить причины своей предстоящей отставки. При этом якобы было заключено соглашение об обоюдной солидарности Германии и Австрии в деле поддержания мира; содержание этого мнимого соглашения, состоявшее из общих мест, сообщалось Александру в специальном меморандуме. В довершение всего русское правительство приглашалось «присоединиться» к этому мифическому договору.

Старик-император переписал предложенный ему текст и послал его царю, скрепив документ своей подписью.

Австро-германский союзный договор был сформулирован как оборонительный. На деле же он оказался источником неисчислимых осложнений. Точную оценку его дал товарищ Сталин: «Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское соглашение, — указывал он, — которое послужило потом одной из основ будущей империалистической войны»².

Заключение австро-германского союза положило начало оформлению тех военных коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в первой мировой войне. Почин в этом принадлежал немцам.

Германия дорого заплатила за этот маневр Бисмарка, хотя расплата наступила и не так скоро, только в начале 90-х годов.

¹ Татищев, Александр II, т. II, стр. 696—697.

² Сталин, Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б), Партиздат, М., 1933, стр. 44.

Договор против России в конце концов привёл к провалу всей политики Бисмарка, главной целью которой была изоляция Франции. «Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 г.г.»¹, — отмечал товарищ Сталин.

Возобновление
союза
трёх императоров

Заключая союз с Австро-Венгрией, Бисмарк не закрывал глаз на таящиеся в нём опасности. Однако он был уверен, что этот враждебный России акт сойдёт ему с рук безнаказанно.

В силу финансового истощения и тревожного внутреннего положения страны царское правительство и думать не могло о возобновлении в ближайшие годы наступательной политики. Потребность в передышке вызывалась ещё и тем, что продолжалось преобразование русской армии, задуманное военным министром Д. А. Милютиним. Новая война помешала бы закончить это дело. Между тем Берлинский конгресс вскрыл крайнюю напряжённость русско-английских отношений. Царское правительство опасалось, что в случае нового конфликта с Англией возможно появление английского флота в проливах и Чёрном море. На Берлинском конгрессе выяснилось, что Англия отнюдь не намерена соблюдать принцип закрытия проливов для военных судов. Если бы Англия стала хозяйкой проливов, тысячевёрстное побережье Чёрного моря оказалось бы открытым для пушек английского флота, а вся внешняя торговля южной России — зависимой от воли Англии.

Перед лицом такой опасности России прежде всего нужно было обзавестись своим флотом на Чёрном море. Но, во-первых, флот нельзя было построить в один день; во-вторых, на его постройку нужны были большие деньги, которых у царского правительства не было. Приступить к постройке военного флота оно смогло лишь в 1881 г., через три года после окончания русско-турецкой войны. Спущены же на воду первые броненосцы на Чёрном море были только в 1885—1886 гг.

Готовясь к возможной борьбе против Англии, Россия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы выйти из состояния той политической изоляции, в которой она оказалась на Берлинском конгрессе. При этом русская дипломатия стремилась отдалить от Англии её вероятных союзников и прежде всего английскую соратницу на Берлинском конгрессе — Австро-Венгрию. Далее имелось в виду дать почувствовать самой Англии, что Россия может причинить ей неприятности в таком чувствительном месте, как северо-западные подступы к пределам Индии. В том же плане предполагалась попытка оторвать Турцию от Англии. Наконец, при отсутствии флота важно было продвинуть хотя бы сухопутные силы России

¹ Сталин, Политический отчёт ЦК XIV съезду ВКП(б), стр. 42.

поближе к проливам. Первую из этих задач русская дипломатия рассчитывала разрешить возобновлением соглашения трёх императоров; вторую — продвижением русских в Средней Азии; решение третьей отчасти предусматривалось тем же соглашением трёх императоров. Но, главное, этому неожиданно помог захват Англией Египта: он оттолкнул Турцию от Англии и разрушил англо-турецкий союз. Четвёртую задачу русское правительство рассчитывало осуществить путём укрепления русского влияния в Болгарии и организации болгарской армии под руководством русских офицеров. Господствуя на болгарском плацдарме, Россия могла держать под ударом проливы. Таковы были цели, которые обстановка конца 1878 г. выдвигала перед руководителями русской дипломатии.

Осуществление указанных дипломатических задач совпало с переменами в руководстве русской внешней политикой. Князь Горчаков с конца лета 1879 г. почти совсем устранился от дел из-за расстроенного здоровья; в 1879 г. ему минул 81 год. Формально он оставался министром до 1882 г., но с 1879 г. управление министерством было поручено товарищу министра Н. К. Гирсу. Гирс был чиновником не глупым, но ни в какой мере не выдающимся. Робость и нерешительность были едва ли не основными его свойствами. Больше всего он боялся ответственности. К тому же он не имел ни связей, ни состояния, а тому и другому придавалось в те времена большое значение. Гирс очень дорожил своим служебным положением и своим окладом. Нового царя, Александра III, он боялся панически. Когда Гирс отправлялся с докладом к царю, ближайший помощник его Ламздорф шёл в церковь молиться о благополучном исходе доклада. Вдобавок Гирс был немцем. Он неустанно заботился о том, чтобы не задевать немецких интересов и быть приятным Бисмарку. Только ради этого и проявлял иногда инициативу этот серый человек. Подчас он выступал буквально как немецкий агент.

В 1878—1881 гг., т. е. в последние годы царствования Александра II, через голову Гирса оказывает воздействие на руководство русской дипломатии несравненно более крупная фигура, военный министр Д. А. Милютин. Милютин участвовал в целом ряде походов, однако по своему складу он был больше профессором военного искусства и первоклассным военным организатором, нежели полководцем и боевым генералом. Правда, Милютин не имел дипломатического опыта; однако, в отличие от Гирса, это была сильная личность. Пока он пользовался влиянием, т. е. пока был жив Александр II, Милютин мог считаться фактическим руководителем внешней политики России. Главную задачу этой политики он видел в том, чтобы обеспечить стране передышку для завершения реорганизации русской армии.

Для восстановления нормальных отношений и договорных связей с Германией в Берлин был послан Сабуров. Вскоре он назначен был туда послом вместо Убри, которого Бисмарк не навидел, считая его сторонником франко-русского сближения. Ещё 1 сентября 1879 г., после поездки Мантейфеля к царю, Бисмарк полагал, что переговоры с Россией о союзе невозможны: они затруднили бы сближение Германии с Австрией. Но после того как с Австрией дело было закончено, Сабуров нашёл канцлера в совершенно ином настроении. Правда, Бисмарк начал с жалоб на «неблагодарность» и враждебность России. По его словам, до него дошли сведения, будто Россия предлагает союз Франции и Италии. Канцлер дал понять, что сам он уже достиг соглашения с Австрией. Однако после всего этого он заявил, что готов приступить к восстановлению союза трёх императоров. Участие Австрии он ставил непременно условием соглашения с Россией. Сабуров вначале вообразил, что с Германией удастся договориться не только без Австрии, но и против неё. Однако вскоре русским дипломатам пришлось убедиться в невозможности такого оборота дела.

Гораздо больше затруднений доставили Бисмарку австрийцы. Надеясь на сотрудничество Англии, австрийские политики долго не желали идти на сделку с Россией. Однако в апреле 1880 г. произошло событие, сделавшее Австрию более сговорчивой. Пал кабинет Биконсфильда; на смену ему пришёл Гладстон. Вся избирательная кампания проводилась Гладстоном под лозунгом борьбы против внешней политики Биконсфильда. Гладстон провозглашал обычные либеральные лозунги: «европейский концерт», отказ от каких-либо сепаратных выступлений, свобода и равенство наций, экономия в военных расходах и уклонение от всяких союзных договоров, которые могли бы связывать внешнюю политику Англии. По существу политика Гладстона оставалась политикой колониальной экспансии; именно при нём совершилась оккупация Египта британскими войсками. Но некоторое реальное содержание во всей этой либеральной фразеологии всё же имелось. Восстановление «европейского концерта», разрушенного Биконсфильдом в момент отклонения Берлинского меморандума, и лозунг свободы и равенства наций в переводе на простой язык означали отказ от англо-турецкого союза, а также от фактического протектората над Турцией, т. е. от основ внешней политики Биконсфильда, ради попытки соглашения с Россией. При прямом поощрении со стороны Биконсфильда султан медлил с осуществлением ряда неприятных для него постановлений Берлинского конгресса. К числу их относилось исправление границ Черногории и Греции. Гладстон резко повернул этот политический курс. Осенью 1880 г. и в начале 1881 г. Россия и Англия при пассивной поддержке Франции и Италии угрозой применения силы

принудили султана уступить Греции Фессалию и удовлетворить претензии Черногории.

Рассчитывать на поддержку Англии Австрия теперь явно не могла. Более того, перед ней выростала угроза англо-русского соглашения. Некоторое время австрийцы не хотели этому верить, и потому переговоры с Россией протянулись ещё около года. Наконец, австрийцы поняли, что от Гладстона им ждать нечего. Тогда колебаниям их пришёл конец. 18 июня 1881 г. был подписан австро-русско-германский договор. По примеру договора 1873 г., он тоже вошёл в историю в громким титулом «союза трёх императоров». В отличие от договора 1873 г., который был консультативным пактом, договор 1881 г. являлся прежде всего соглашением о нейтралитете.

Договаривающиеся стороны взаимно обязывались соблюдать нейтралитет, в случае если какая-либо из них окажется в состоянии войны с четвёртой великой державой. Это означало, что Россия обязывалась перед Германией не вмешиваться во франко-германскую войну. Повидимому, тут сказалось воздействие Гирса и других германистов из царского окружения. Германия и Австрия в обмен гарантировали то же самое России на случай англо-русской войны. Гарантия нейтралитета распространялась и на случай войны с Турцией, при том, однако, непременно условии, чтобы заранее были согласованы цели и предполагаемые результаты этой войны. Было предусмотрено, что никто из участников договора не станет пытаться изменить существующее территориальное положение на Балканах без предварительного соглашения с двумя другими партнёрами. Кроме того, Германия и Австрия обещали России, что окажут ей дипломатическую поддержку против Турции, если та отступит от принципа закрытия проливов для военных судов всех наций. Этот пункт был особенно важен для русского правительства. Он предупреждал возможность англо-турецкого соглашения и устранял опасность появления английского флота в Чёрном море.

Таким образом, посредством договора 18 июня 1881 г. Германия гарантировала себе русский нейтралитет в случае своей войны с Францией; Россия же обеспечивала для себя нейтралитет Германии и Австрии при войне своей с Англией и Турцией.

Договором 18 июня 1881 г. Бисмарк обеспечивал себя от франко-русского союза в обмен за свои гарантии для России на случай англо-русской войны. Уязвимым местом всей этой дипломатической комбинации было то, что согласие трёх императоров могло держаться лишь до тех пор, пока не проснутся вновь австро-русские противоречия, смягчившиеся было после окончания восточного кризиса 1875—1878 гг. Иначе говоря, соглашение трёх императоров было прочно лишь постольку, поскольку положение на Ближнем Востоке оставалось более или менее спокойным.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

Причины
колониальной
экспансии
буржуазных
государств
в 70—80-х годах
XIX века

Конец 70-х годов ознаменовался усилением колониальной экспансии, вызванной новыми потребностями развития капиталистического общества. Наряду со старыми промышленными странами возникали новые, вступающие с ними в конкуренцию. В ряде стран, которые ещё в середине XIX века были преимущественно аграрными, начинается быстрый рост промышленности. Всё острее и глубже становятся промышленные кризисы. В 1873 г. в Германии и в Австро-Венгрии небывалый хозяйственный подъём привёл к такому же невиданному кризису. Кризис захватил и США, а в 1877—1878 гг. перекинулся на Англию. Только в 1879—1881 гг. обозначился слабый и короткий подъём; за ним уже в 1881—1882 гг. последовал новый кризис; затем наступила необычайно длительная по тем временам депрессия, продолжавшаяся до 1889 г.

Вследствие усилившейся конкуренции, особенно в период кризисов и депрессий 70—80-х годов, начинается лихорадочная погоня за рынками сбыта. Усиливаются поиски стран, изобилующих сырьём и дешёвой рабочей силой, удобных для экспорта капитала, где можно было бы оградить себя от иностранной конкуренции, иначе говоря, установить свою монополию. Наиболее подходящими для этого были колониальные и зависимые страны.

Всё это привело к резкому обострению борьбы за раздел мира, которая продолжалась до самого конца века. К этому времени почти весь мир оказался поделённым между капиталистическими государствами. После этого борьба за *раздел* ещё «свободных» территорий сменяется борьбой за *передел* колоний и сфер влияния.

Раньше всех и наиболее активно выступили на арену борьбы за раздел мира две старейшие капиталистические державы, почувствовавшие конкуренцию новых

промышленных стран. То были Англия и Франция. Промышленная монополия Англии подрывалась появлением новых соперников. Страдала от них и Франция, которая до 70-х годов по своему промышленному развитию занимала второе место после Англии. Возмещения своих потерь Англия и Франция искали в колониях. Им и досталась львиная доля колониальной добычи.

Колониальная
экспансия Англии
в 70-х годах
XIX века

Политика Дизраэли в восточном кризисе 1875—1878 гг. определялась интересами не только ближневосточной, но и общеимперской колониальной политики Англии. Прорыв Суэцкого канала в 1869 г. поставило перед английской буржуазией заманчивую задачу овладеть этим новым путём в Индию. Дизраэли начал с того, что обеспечил Англии экономическое господство над каналом. Для этого он приобрёл в ноябре 1875 г. контрольный пакет акций компании Суэцкого канала, принадлежавший египетскому хедиву. Ту же цель — упрочение английских позиций в восточной части Средиземного моря — Дизраэли преследовал и тогда, когда не пускал русских в проливы, захватывал Кипр и стремился обеспечить преобладание английского влияния в Константинополе. Но ближневосточная политика Дизраэли тесно связана была с империалистическими замыслами Великобритании и в Средней Азии.

Голкая Турцию на конфликт с Россией и отвлекая силы России на Ближний Восток, Дизраэли тем самым подготавливал войну против Афганистана. Она началась в 1878 г. Закончилась война уже при Гладстоне, который в 1880 г. сменил Дизраэли. Результатом войны было установление над Афганистаном английского протектората. Эмир получил от англичан ежегодную субсидию и обязался не вести сношений с иностранными государствами иначе, как через посредство Англии. Британские войска эвакуировали Афганистан. Сторонники политики Дизраэли громко порицали Гладстона за этот акт. В начале 1879 г. Дизраэли начал ещё одну колониальную войну — против зулусов в Южной Африке. В 1877 г. он провозгласил аннексию Трансвааля, оккупировав важнейшие пункты этой страны. Однако буры подняли восстание. После поражения английского отряда в битве при Маджубахилле в конце февраля 1881 г. Гладстону пришлось удовольствоваться лишь некоторым контролем над внешней политикой Трансвааля. Ещё до этого, именно в 1874 г., английский империализм закрепил свои позиции в Юго-Восточной Азии, установив протекторат Англии над султанами Малайского полуострова.

Не отставала от Англии и Франция. Двигателем колониальной политики Французской республики являлись интересы её финансовой олигархии. Однако серьёзным тормозом для французской колониальной экспансии был франко-германский

автагонизм. Он не позволял отвлекать крупные силы от восточной границы Франции. При его наличии ссора с Англией была бы крайне опасной для Франции. А такая ссора всегда была возможна при активном выступлении французского капитализма на колониальной арене.

В конце 1877 г. к власти во Франции пришло республиканское министерство. «Умеренные республиканцы» были тесно связаны с крупным капиталом. Они попытались улучшить франко-германские отношения. Это давало им возможность вступить на путь активной колониальной политики, «руководимой биржевыми спекулянтами», по определению Энгельса. Повороту правительственной политики предшествовал новый курс в финансовой политике некоторых руководящих банков. Почин положил «Лионский кредит», который в 70-х годах встал на путь вывоза капитала в колониальные и зависимые страны. Наиболее энергичным проводником колониальной экспансии стал один из лидеров «умеренных республиканцев», Жюль Ферри, «самый подлый из подлых палачей Коммуны и один из самых законченных представителей той оппортунистической буржуазии, которая хочет управлять Францией только для того, чтобы высасывать соки из неё и её колоний»¹. Так характеризовал Энгельс этого государственного деятеля.

Захват Туниса
(1881 г.)

Первой жертвой французского капитала стал Тунис. Командуя вместе с Мальтой и Сицилией над самым узким местом Средиземного моря, Тунис имел немалое значение для борьбы за господство в Средиземноморском бассейне. Ещё в 60-х годах Тунис попал в финансовую кабалу к английскому и французскому капиталу. В 1869 г. тяжёлое финансовое положение этой страны привело к организации Международной комиссии тунисского долга, которая в обеспечение уплаты по займам захватила контроль над значительной частью государственных доходов Туниса. В комиссии хозяйничали французы, англичане и итальянцы; между ними шла ожесточённая борьба. Французские капиталисты получили концессию на телеграф; из-за железнодорожных концессий шла грызня между английским, французским и итальянским капиталом.

Когда в дни Берлинского конгресса появилось разоблачение Кипрской конвенции, французская делегация готовилась протестовать. Чтобы задобрить французов, Бисмарк предложил Ваддингтона: он обещал ему в обмен за поглощение Кипра Англией не чинить препятствий захвату Францией Туниса. В свою очередь и Бисмарк предложил французам Тунис. Канплеру хотелось занять Францию такими проблемами, которые обострили бы её отношения с другими державами,

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 386.

в данном случае с Италией. Это побудило и статс-секретаря ведомства иностранных дел Бюлова сулить тот же Тунис и итальянцам. Германская дипломатия добивалась, чтобы они не протестовали против захвата Боснии Австро-Венгрией, но зато сцепились бы с Францией.

После Берлинского конгресса французское правительство принялось энергично подготавливать захват Туниса. Французский капитал при содействии дипломатии стремился проникнуть во все отрасли народного хозяйства страны. Ожесточённая борьба разгорелась между французским акционерным обществом «Бон-Гуэльма» и итальянской компанией «Руббатино» за железную дорогу Тунис — Гулетта. Борьба развёртывалась также и вокруг телеграфных и иных концессий.

Обычным способом проникновения в Тунис было приобретение иностранным капиталом земли и феодальных прав. Из-за покупки огромных поместий крупного феодала Хереддина в 1880 г. разгорелась жаркая схватка между французским Марсельским обществом и английским подданным неким Леви. Марсельская компания купила у Хереддина его земли, но Леви при поддержке тунисского правительства оспаривал законность сделки, ссылаясь на шариах. Дело долго тянулось в тунисских судах. В конце концов французы выиграли процесс. Но тут вмешалась английская дипломатия. Она заставила французское правительство отказаться от поддержки притязаний Марсельского общества.

Ферри и другим поборникам колониальной экспансии очень хотелось полностью захватить Тунис, оккупировав его французскими войсками. Главным препятствием для осуществления этого плана было серьёзное внутреннее противодействие в самой Франции. Вся оппозиция — и правая, и левая, и радикалы, и монархисты — сходилась на том, что Франция не может отвлекать своё внимание и силы от германской границы. Ферри постарался тщательно замаскировать свои действия: он изобразил поход на Тунис как мероприятие, совершенно необходимое для безопасности Алжира. На тунисско-алжирской границе издавна время от времени происходили инциденты, вызывавшиеся столкновениями с кочевыми арабскими племенами. Один из налётов племени крумиров Ферри постарался изобразить в качестве крупного события, серьёзно угрожающего спокойствию Алжира. Ферри заявил, что французы вынуждены «помочь» тунисскому бею водворить порядок в его владениях. Под видом такой «помощи» французский экспедиционный корпус оккупировал важнейшие центры Туниса. Теперь дипломатии оставалось оформить совершившийся факт: бей должен был сам дать согласие на захват своей страны французами. Французское правительство хотело таким актом связать бейю руки, чтобы помешать ему подстрекать своих поддан-

ных к сопротивлению французам. В летнюю резиденцию бея, Бардо, явились командир экспедиционного корпуса генерал Бреар и французский дипломатический агент в Тунисе Рустан. Французские представители прибыли с внушительным воинским эскортом. Они заявили бею, что их правительство готово сохранить за ним корону, но под условием, что он признает протекторат Франции. Тут же бею был вручен готовый текст договора. На раздумье ему было дано несколько часов. Чтобы облегчить тунисскому властителю бремя сомнений, ему дали знать, что неподалёку от Бардо под охраной французских штыков находится наготове один тунисский принц, являющийся претендентом на престол бея. После краткого размышления бей счёл за благо подписать так называемый Бардоский договор (1881 г.). Над Тунисом был установлен протекторат Франции.

Завлечение
Гройсвенного
союза (1882 г.)

Захват Туниса был не только эпизодом борьбы за преобладание на Средиземном море. Он оказал влияние и на группировку сил в Европе. Поощряя французское правительство на захват Туниса, Бисмарк совершил ловкий дипломатический маневр. Он вовлёл Италию и Францию в ожесточённую борьбу из-за этого куса Северной Африки. Как ни парадоксально это звучит, но, оказывая Франции дипломатическую поддержку против Италии, Бисмарк делал обиженных им итальянцев своими союзниками. Он, можно сказать, пинками загонял мелкого итальянского хищника в свой политический лагерь. В момент захвата Туниса французами в Италии стояло у власти министерство Кайроли. Кайроли был ярким поборником присоединения Триеста и Трентино, так называемой «соединённой Италии», *Italia irredenta*, остававшейся под властью Габсбургов. Ненависть к Австрии делала «ирредентистов» франкофилами: где же, как не в Париже, было искать поддержки против страны, являвшейся союзницей Берлина?

Незадолго до вторжения французских войск в Тунис Кайроли публично заверял встревоженный Парламент, что никогда Франция не совершит столь «вероломного» акта. Когда же этот шаг был всё же сделан, Кайроли подал в отставку. Уходя, он заявил, что в его лице со сцены сходит последнее франкофильское министерство в Италии. Конфликт с Францией побуждал Италию искать сближения с австро-германским блоком. Где уж было такому государству, как Италия, с финансами, вечно находящимися на грани банкротства, и с армией из «героев» Кустоццы, тягаться сразу и с Францией и с центральными державами? Да и наверстать где-либо в другом месте то, что она упустила в Тунисе, Италия могла, только опираясь на сильную военную державу. Бисмарк пренебрежительно, но метко назвал итальянцев шакалами, которые крадутся за более крупными хищниками. Особенно настойчиво стремился к союзу с Германией

итальянский король. Гумберт I полагал, что сближение с монархическими странами упрочит положение монархии в Италии.

Ещё до оформления Бардоского договора итальянское правительство послало к Бисмарку тайного агента, дабы позондировать почву относительно союза. Бисмарк принял посланца довольно сухо. Всё же он ему заметил, что из Рима путь в Берлин пролегает через Вену. Итальянское правительство поняло намёк. Как ни трудно ему это было, но оно решилось сделать попытку сблизиться с Австрией. В январе 1881 г. в Вену также явился итальянский тайный агент. Пристрастие к тайным агентам взамен обычных методов дипломатических сношений не было случайностью. Оно свидетельствовало о слабости Италии; из этой слабости проистекала неуверенность итальянского правительства в себе и боязнь конфуза в случае отклонения его авансов. Ввиду этого оно и стремилось действовать возможно менее официальными путями.

Для Австрии сближение с итальянцами сулило обеспечение тыла на случай войны с Россией. Поэтому Вена после ряда проволочек согласилась на союз с Италией, сколь ни сильно презирал эту страну австрийский двор. Бисмарку же Италия была нужна для изоляции Франции. Всё это привело к тому, что 20 мая 1882 г. был подписан союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, известный под именем Тройственного союза.

Согласно этому договору, два его участника — Германия и Австрия — обещали Италии военную поддержку в случае нападения Франции. Такое же обязательство возлагалось на Италию в случае «невызванного» прямого нападения Франции на Германию. Что касается Австрии, то она и теперь, так же как и по австро-германскому договору 1879 г., освобождалась от оказания Германии помощи против Франции.

Далее, все три участника Тройственного союза обещали друг другу благожелательный нейтралитет в случае войны с любой другой великой державой, кроме Франции, и военную помощь, если бы один из них подвергся нападению сразу со стороны двух великих держав. Практически пункт о нейтралитете означал прежде всего гарантию для Австрии нейтралитета Италии в случае австро-русской войны.

Договор 20 мая 1882 г. существовал параллельно с австро-германским союзом 1879 г., направленным против России, и с соглашением трёх императоров 1881 г. В совокупности они образовали целую систему союзов, в центре которой стояла Германия.

Не только Тунис оказался в кабале у французского капитала. Весь бассейн Средиземного моря, включая Испанию и Италию, стал ареной его деятельности. Помимо Туниса, в наи-

Вазаление
Турция

более тяжёлую зависимость от французского капитала попали страны Ближнего Востока — Египет и Турция.

После банкротства 1875 г. и русско-турецкой войны турецкие финансы пришли в полнейшее расстройство. Турция вторично объявила банкротство. Это позволило банкирам-кредиторам навязать Турции иностранный финансовый контроль.

Два года шли переговоры между Портой и кредиторами. Наконец, в 1881 г. состоялось соглашение. Результаты его были закреплены в так называемом Мухарремском декрете, изданном султаном в том же 1881 г., в декабре, или в месяце мухаррема, по мусульманскому календарю. Сумма внешнего государственного долга Турции была определена в размере 2,5 миллиарда франков. Для обеспечения платежа процентов и погашения капитальной суммы долга было создано так называемое Управление оттоманского государственного долга; оно состояло из представителей кредиторов различных национальностей; французским банкирам фактически принадлежала руководящая роль.

Управлению оттоманского долга был передан целый ряд важнейших источников дохода турецкой казны, как, например, поступления от табачной и соляной монополий, часть таможенных сборов, налоги с шелководства и рыболовства, гербовый сбор и прочее. Из одного этого перечня ясно, какое влияние могло оказывать Управление долга на оттоманское правительство. Французский капитал занимал господствующее место и в Оттоманском банке и в Управлении табачной монополией.

Мухарремский декрет был крупным шагом на пути превращения Турции в полуколонию европейского капитала. Это превращение облегчалось наличием режима капитуляций и усугублялось многочисленными концессиями, принадлежащими иностранным капиталистам.

Захват Египта
(1882 г.)

Наряду с Константинополем и проливами важнейшим объектом в борьбе за господство на Средиземном море и над путями из Европы в Индию был Египет. До второй половины 70-х годов в Египте властвовал французский капитал; вместе с ним преобладало и политическое влияние Франции. Следует напомнить, что англо-французское соперничество в Египте и особенно постройка французами Суэцкого канала обеспечили Германии благожелательный нейтралитет Англии во франко-прусской войне. Правда, этих факторов оказалось недостаточно для того, чтобы Англия вторично заняла такую же позицию в дни военной тревоги 1875 г. И всё же именно с этого года Англия начала решительную атаку на Египет в целях вытеснения французского влияния и подчинения себе этой страны, прикрывающей подступы к Суэцкому каналу.

В ноябре 1875 г. египетский хедив обратился к английскому правительству с просьбой рекомендовать ему двух специалистов по финансовым вопросам. Ответ кабинета Дизраэли был довольно неожиданным. Лорд Дерби ответил, что полагает послать в Египет «специальную миссию для переговоров по поводу просьбы его высочества дать ему совет по финансовым вопросам»¹. Хедив просил двух чиновников к себе на службу, а ему собирались преподавать «советы», которых он, собственно, и не спрашивал. Правительство Дизраэли решило использовать трудное финансовое положение хедива, чтобы навязать ему свой контроль и протекторат в обмен за предоставление займа. В Египет была отправлена миссия во главе с генеральным казначеем Кейвом.

Хедив позволил Кейву обследовать свои финансы. Но соглашение о займе достигнуто не было. Французское правительство, обеспокоенное миссией Кейва, послало в Каир своего финансового уполномоченного; ему было поручено противодействовать домогательствам Кейва². Пользуясь англо-французским соперничеством, хедив сумел избавиться от английского «советника». К тому же со стороны французских банкиров уже получены были более приемлемые предложения.

Английское правительство в свою очередь решило сорвать французский проект «санирования» (оздоровления) египетских финансов. Чтобы добиться этого, оно пригрозило хедиву опубликовать доклад Кейва о их плачевном состоянии. Такая угроза была явным шантажом и злоупотреблением государственными тайнами, доверенными Кейву в Египте. Неудивительно, что хедив заявил протест против опубликования доклада. Тогда Дизраэли, отвечая на парламентский запрос, стал в позу поборника гласности: он заявил, что был бы рад опубликовать доклад Кейва, но, к сожалению, против этого возражает хедив. Все, конечно, поняли, что возражения эти вызваны неблагоприятными выводами доклада³. Курсы египетских бумаг тотчас же упали. «Помощь» и «советы» Кейва лишили хедива всякого доступа к денежным рынкам Европы; в скором времени хедив вынужден был объявить о своём банкротстве (8 апреля 1876 г.).

Однако тактика Биконсфильда не увенчалась успехом. Банкротство заставило хедива ускорить переговоры с французскими банкирами. В мае 1876 г. между хедивом и кредиторами было достигнуто соглашение об организации в Египте института международного финансового контроля, так называемой Кассы египетского государственного долга, и о консолидации египетских займов.

¹ *Ротштейн*, *Захват и закабаление Египта*, М. 1925, стр. 10—11.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 18.

Англо-француз-
ский финансовый
контроль в Египте

Итак, к большому огорчению Биконсфильда, Египет оказался под международным, преимущественно французским, финансовым контролем. В ноябре того же 1876 г. хедиву были навязаны два финансовых советника: один был, правда, англичанин, но зато другой — француз. Первый контролировал доходы, второй — расходы египетской казны. Такой порядок, устанавливавший англо-французский «кондоминиум», более или менее устраивал английских банкиров, заинтересованных в эксплуатации Египта и готовых делать это на паях с французами. Но с точки зрения имперских, в частности индийских, интересов Англии кондоминиум был явно недостаточен.

Система англо-французского финансового контроля на практике свелась к вымогательству последних средств страны для своевременной оплаты купонов. В 1877 г. из 9,5 миллиона фунтов государственного дохода Египет истратил 7,5 миллиона на уплату иностранным кредиторам. За вычетом дани султану и выдачи дивидендов по акциям Суэцкого канала на все нужды управления оставалось всего около 1 миллиона фунтов, лишь немногим более 10% бюджета¹.

Тяжелое положение Египта было использовано англо-французскими банкирами для дальнейшего подчинения страны. В августе 1878 г. администрация Кассы государственного долга вставила хедива создать новое министерство во главе с Нубар-пашой. При этом на ряд министерских постов были назначены иностранцы. Связанная с банкирами и прежде всего с Ротшильдами английская и французская печать мотивировала создание «иностранного министерства» интересами страны. Она утверждала, что все финансовые вложения Египта происходят от самодержавия хедива и что для устранения их необходимо создать «ответственное министерство». Эта либеральная фразеология была лишь маскировкой. Кабинету Нубара отвечать было не перед кем, ибо парламент в Египте был чистой фикцией. Фактически Нубар был ответственным только перед иностранными банкирами, страной же он распоряжался по своему произволу.

Весь план создания министерства Нубара был придуман англичанами. Его автором был вице-председатель Кассы сэр Риверс Вильсон, который предполагал ввести в министерство только одного иностранца, именно самого себя. Он предназначал себе портфель министра финансов. Но французы сумели расстроить планы Вильсона. Они добились того, что министром общественных работ был назначен француз; кроме того, в кабинет Нубара вошли один австриец и один итальянец.

¹ Ротштейн, Захват и закабаление Египта, стр. 37.

Таким образом, благодаря изворотливости французской дипломатии препятствия на пути захвата Египта Англией ещё умножились.

18 февраля 1879 г. в Каире египетские офицеры остановили карету Нубар-паши, когда он ехал вместе с Риверсом Вильсоном; оба были арестованы. Возмущение офицеров отчасти было вызвано тем, что, стремясь сохранить больше денег для удовлетворения кредиторов, Нубар в целях экономии сократил штаты армии и многих военнослужащих уволил в отставку. Несомненно, однако, что негодование офицеров разделялось широкими слоями народа.

Нубар и Вильсон были освобождены только благодаря вмешательству хедива. По некоторым данным, он сам был причастен к выступлению офицеров: при их поддержке он рассчитывал вернуть себе власть. Кабинет Нубара был уволен, включая и министров-иностранцев. Так закончился в феврале 1879 г. первый опыт иностранного контроля над Египтом, установленного в 1876 г.

Возмущению банкиров и капиталистической прессы не было пределов. Однако английское правительство не было недоволено: оно полагало, что с удалением министерства Нубара открывается простор для самостоятельных действий Англии в Египте. «Мы не имеем никакого желания составлять компанию Франции; ещё менее можем мы допустить, чтобы Франция приобрела в Египте какое-либо особое влияние»¹, — писал в эти дни Солсбери британскому послу в Париже лорду Лайонсу. Раньше английская пресса поносила хедива и его «варварское» правительство; теперь такой орган Сити, как «Times», стал систематически нападать на Нубара и иностранных кредиторов и даже взял под защиту египетское национальное движение.

Наоборот, французское правительство было крайне встревожено. Заинтересованных банкиров охватило смятение. Чтобы оказать давление на Египет, парижский Ротшильд отказался выплатить египетской казне остаток по последнему займу, реализованному им ещё при Нубаре. Этот остаток предназначался специально для удовлетворения претензий держателей краткосрочного египетского долга. Среди последних было много немецких капиталистов; в их числе оказался и личный банкир Бисмарка Блейхредер. Бисмарк немедленно обратился к хедиву с резким протестом. Он был поддержан и австро-венгерским правительством. Таким образом Англия оказалась изолированной: перед ней образовался единый фронт — Франции, Германии и Австро-Венгрии. Отстаивая интересы Блейхредера и германских капиталистов, Бисмарк преследовал и полити-

¹ Cecil, *Life of Salisbury*, v. II, p. 352.

ческую цель: по своему обыкновению, он стремился втянуть Францию в осложнения с Англией.

Английское правительство не решилось выступить одно против всех. Хедива принудили отречься от престола (26 июня 1879 г.). Вместо него хедивом был провозглашён его сын Тевфик. Его тут же заставили восстановить двойственный англо-французский контроль с обязательством не увольнять иностранных финансовых комиссаров иначе, как с согласия их правительств.

Результатом восстановления иностранного режима в Египте явилось дальнейшее разорение страны и новое национальное восстание, 9 сентября 1881 г., под руководством полковника Ахмета Араби. Националисты добились того, что хедив, хотя и против воли, в известной мере подчинился их влиянию. Таким образом, временно восторжествовала политика, враждебная иностранным контролёрам и стоявшей за ними международной бирже.

События в Египте совпали с приходом к власти во Франции кабинета Гамбетты. Последний предложил правительству Гладстона сделать хедиву совместное представление и предостеречь его против попыток изменить «установленный в Египте порядок вещей». Гамбетта предполагал, что в случае невыполнения хедивом этих требований должны последовать «меры принуждения» в виде англо-французской военной интервенции. Но Гладстон и статс-секретарь Форейн офис лорд Гренвиль были против совместного вооружённого вмешательства. Зачем пускаться в Египет французские войска? Довольно уже и французских финансистов. Англия подготовляла сепаратное выступление. Обстановка для этого представлялась благоприятной. Только что, в мае 1882 г., образовался Тройственный союз. Договор оставался тайным, но самый факт сближения Италии с Германией и Австрией не подлежал сомнению. При этих условиях Франция особенно остро почувствовала, что все её силы необходимы ей в Европе. Это было тем более очевидно, что Бисмарк вдруг перешёл в египетском вопросе на сторону англичан. Он учёл, что в изменившейся обстановке именно такая позиция должна способствовать углублению англо-французского антагонизма, а это составляло главную задачу всей египетской политики германского канцлера.

В течение некоторого времени правительство Гладстона ещё колебалось. В Константинополе была созвана конференция послов; на ней французы постарались связать руки англичанам всеобщим обязательством держав «не искать в Египте каких-либо территориальных приобретений»¹. Англия принимала это обязательство лишь с оговоркой.

¹ Ротштейн, *Захват и закабаление Египта*, стр. 145.

Пока в Константинополе разыгрывалась эта дипломатическая комедия, в Египте нарастало национально-революционное движение. Одновременно на александрийском рейде, под предлогом защиты интересов иностранных подданных, бросили якорь английские и французские корабли.

12 июня 1882 г. вспыхнуло восстание в Александрии, направленное против иностранцев. Было убито около 50 подданных различных европейских держав. Подобные выступления произошли и в других местностях Египта. Ожидая интервенции, египетское правительство стало укреплять Александрию с моря. Командир британской эскадры адмирал Сеймур сообщил английскому правительству, что возводимые на берегу укрепления представляют опасность для находящихся на рейде кораблей. 3 июля Сеймур получил приказ потребовать прекращения фортификационных работ. В случае необходимости ему предписывалось разрушить уже возведённые укрепления. Формы ради английское правительство сочло нужным предложить Франции принять участие в этом выступлении. У власти во Франции в это время находился уже не Гамбетта, а Фрейсина. Он отказался от вооружённого выступления против Египта, опасаясь оппозиции палаты, в которой преобладало мнение, что Франция не должна отвлекать своё внимание от лотарингской границы. Французские корабли получили приказ покинуть Александрию. 10 июля Сеймур вручил ультиматум египетским властям; 11-го в 7 часов утра началась бомбардировка укреплений и самого города, который вскоре оказался облитым пламенем. 13 июля последовала высадка десанта, и через несколько месяцев весь Египет был оккупирован Англией.

После оккупации Египта правительство Гладстона лицемерно заявило, что не имеет намерения завладеть Египтом: это будто бы противоречило бы принципам либеральной политики правительства её величества. Английские войска уйдут тотчас же, как только это позволит внутреннее состояние страны. На деле Гладстон попытался распространить британскую оккупацию и на Судан. Однако тут он потерпел неудачу: в начале 1885 г. восставшие туземцы, руководимые вождём, известным под именем Махди, истребили в Хартуме английский отряд во главе с генералом Гордоном.

Как сказано, французское правительство не решилось помешать Англии высадить десант в Александрии. Однако оно неустанно противодействовало англичанам в Египте через Кассу египетского долга, пользуясь своим влиянием на египетские финансы. В общем итоге захват Египта чрезвычайно обострил англо-французское соперничество, и великой радости Бисмарка, никогда не забывавшего 1875 года, когда он на мгновение оказался перед грозным фактом англо-франко-русского сближения.

**Захват Конго
(1879—1884 гг.)**

Борьба великих держав за раздел Африки не ограничилась северной частью материка. Ещё в 1876 г. бельгийский король Леопольд II, большой предприниматель и делец, создал под своим председательством так называемую Международную ассоциацию для исследования и цивилизации Африки. Выраженная в этом наименовании и в публичных декларациях филантропическая и научная задача Ассоциации была не более как ширмой. Истинной целью Ассоциации был захват бассейна реки Конго. Леопольд привлёк к себе на службу знаменитого исследователя этих областей американца Стенли. В 1879 г. Стенли во главе экспедиции вновь отправился в бассейн Конго. Он основал там ряд опорных пунктов и заключил около 400 договоров с туземными вождями. Эта деятельность колонизаторов продолжалась до лета 1884 г., когда большая часть бассейна Конго оказалась под контролем Леопольда и его Ассоциации.

Однако у Леопольда и Стенли в Конго нашлись соперники. Французское правительство тоже решило наложить руку на богатства Центральной Африки. На нижнее Конго была послана экспедиция во главе с морским офицером де Браза, который основал там ряд французских укрепленных станций.

Видя, что Франция и Бельгия близки к тому, чтобы захватить всё Конго, английское правительство в начале 1884 г. заключило договор с Португалией, по которому признавало её «права» на устье Конго. Цель этой сделки была ясна: Англия передавала устье Конго, основной торговой артерии Центральной Африки, в руки державы, ещё с XVII века являвшейся её спутником.

В это время во Франции к власти вторично пришёл Жюль Ферри, который уже провёл захват Туниса. Он заявил протест против англо-португальского договора. Англо-французские противоречия перебрасывались, таким образом, и в Центральную Африку. Бисмарк не преминул использовать благоприятный случай, чтобы ещё более разжечь это соперничество. К тому же у него самого возник острый конфликт с Англией. Ввиду всего этого Бисмарк присоединился к протесту Ферри.

**Берлинская
конференция**

Под нажимом Франции и Германии Англия и Португалия были вынуждены аннулировать свой договор относительно устьев реки Конго. Они согласились передать вопрос о Конго международной конференции. Последняя открылась в Берлине в ноябре 1884 г. Германия и Франция совместно поддержали претензии короля Леопольда. В феврале 1885 г. Берлинская конференция закончилась подписанием соглашения; оно устанавливало границы территории, отходившей к Международной ассоциации Леопольда, которая отныне получала признание

держав. Вскоре она была переименована в «Независимое государство Конго», связанное с Бельгией личной унией, т. е. общим королём.

Колониальная политика Бисмарка

Ко времени Берлинской конференции навел довольно острый англо-германский конфликт. Ещё во время франко-прусской войны германские капиталисты, особенно крупные торговые и судоходные фирмы Гамбурга и Бремена, требовали от Бисмарка приобретения колоний. В период 70 и 80-х годов эти требования становились всё более настойчивыми. Их поддерживали такие столпы нарождавшейся в Германии финансовой олигархии, как директор гигантского банка «Дисконто-Гезельшафт» Ганземан и отчасти Блейхредер. Но Бисмарк долгое время относился к вопросу о колониях сдержанно и даже холодно. Известно его выражение, что если бы молодая Германская империя завела себе колонии, то она уподобилась бы польским шляхетским семьям, у которых имеется соболья шуба, но зато нет ночной рубашки. Вместе с тем Бисмарк развивал и ту мысль, что центральное положение Германии в Европе, создавая ей по крайней мере два угрожаемых фронта, не позволяет рисковать конфликтом с Англией из-за колоний.

Тем не менее в конце концов Бисмарку пришлось уступить. Не только нажим со стороны буржуазии побудил его вступить на стезю колониальной политики. На него повлияло и то обстоятельство, что международное положение представлялось в это время исключительно благоприятным для Германии. Захваты Туниса Францией, Египта Англией, Туркмении Россией крайне обострили франко-итальянские, англо-французские и русско-английские отношения; взаимные распри остальных держав обеспечивали положение Германии в Европе.

В 1883 г. бременский купец Людериц основал поселение в Юго-Западной Африке, в районе Ангра-Пекена, и обратился к Бисмарку с просьбой о протекторате. Бисмарк запросил английское Министерство иностранных дел, имеет ли Англия претензии на эту местность. В ответ он получил публично подтверждённое заявление, что всякое покушение на эти пустынные берега Англия сочтёт нарушением своих законных прав. Бисмарк ответил вопросом: на чём основывает Англия свои права? Лорд Гренвиль замешкался с ответом. Он запросил статс-секретаря колониального ведомства лорда Дерби. А лорд Дерби запросил правительство Капской колонии — главное заинтересованное лицо с английской стороны. Капштадт также ответил не сразу.

Подождав некоторое время и не получив ответа, Бисмарк решил поставить англичан перед совершившимся фактом. 24 апреля 1884 г. он провозгласил протекторат Германии над Ангра-Пекена и прилегающим побережьем. Так возникла

первая германская колония — Германская Юго-Западная Африка.

5 мая Бисмарк поручил своему послу сообщить лорду Гренвиллю, что для Англии удобнее всего было бы признать совершившийся факт. Колоний у Англии, дескать, много, и небольшие германские владения не могут ей нанести ущерб. В Лондоне думали иначе. Однако в конце концов, после длительной и острой дискуссии, англичане примирились с происшедшим событием. Вслед за тем в течение 1884—1885 гг. германский флаг был поднят в Камеруне, в Того, в Германской Восточной Африке и в северо-восточной части Новой Гвинеи.

В ответ на водворение немцев в Юго-Западной Африке англичане поспешили овладеть Бечуанлендом. Это было сделано по политическим соображениям: нужно было предотвратить возможность установления территориальной связи между немцами из их новых владений и бурами. Приобретение Бечуанленда исключало подобную возможность; вместе с тем оно открывало англичанам пути для дальнейшей экспансии на север, в экономически весьма заманчивые, богатые области Матабеле, Машона и прочие.

Экспансия проводилась здесь не столько английским правительством, сколько подвизавшимися в Южной Африке британскими капиталистами во главе с Сесилем Родсом. Родс выступал при этом и в роли «дипломата», заключая «трактаты» с местными негритянскими царьками. Так, например, в 1888 г. Родс подписал с властителем Машона и Матабеле Ло-Бенгулой документ, являющийся одним из любопытнейших памятников колониальной дипломатии. Сначала Родс обрабатывал Ло-Бенгулу через миссионеров. В результате этой обработки Ло-Бенгула подписал договор о передаче своего царства под протекторат Родса и его компаньонов, предоставив им также монопольное право на эксплуатацию недр своих владений. За это он получил тысячу ружей с патронами, 100 фунтов стерлингов и... старый речной пароход.

В 1889 г. была учреждена возглавляемая Родсом Южноафриканская привилегированная компания, которой британское правительство передало в эксплуатацию и в управление вновь приобретенные области. В честь Родса эти земли были названы Родезией.

Подобными же методами действовали европейские колонизаторы всех наций и в других частях Африки.

В то самое время, когда между Францией и Италией зрел конфликт из-за Туниса, а между Францией и Англией — из-за Египта, между Россией и Англией наметились новые осложнения в Средней Азии. На установление английского протектората над Афганистаном и на дипломатическую победу Англии на

Афганский
война 1885 г.

Берлинском конгрессе русское правительство ответило присоединением Туркмении. В 1884 г. русские заняли Мерв. Дальнейшее продвижение русских войск к Герату, по мнению англичан, создавало непосредственную угрозу Индии; оно подводило русских к наиболее доступной западной части Афганистана. Вместе с тем завоевание русскими Мерва полагало предел для собственной экспансии Англии, пытавшейся подчинить своему влиянию туркменские племена. На этой почве в марте — апреле 1885 г. Россия и Англия, говоря словами Ленина, оказались «на волосок» от войны. Однако главной заботой русского правительства было обеспечение Черноморского побережья. Ещё Крымская война показала, что для Англии это самая уязвимая часть Российской империи. Существенной частью английского плана военных действий была высадка десанта на Кавказском побережье и морская диверсия против Одессы. Россия воспользовалась договором трёх императоров, чтобы застраховать себя от появления британского флота в Чёрном море. Русское правительство обратилось к Бисмарку, призывая его выполнить свои обязательства по третьему пункту этого договора. И Бисмарк на этот раз оказался лояльным союзником. Объяснялась эта несвойственная ему честность тем, что для Германии было выгодно продолжение русской экспансии в Средней Азии: она отвлекала силы России из Европы и ухудшала англо-русские отношения. В итоге России удалось расстроить намечавшееся было англо-турецкое сближение: султан объявил, что проливы останутся закрытыми. С закрытием проливов и Чёрное море и Кавказ оказывались неуязвимыми для Англии. В спорных вопросах русско-афганского разграничения Гладстону пришлось уступать. Таким образом, в афганском кризисе союз трёх императоров как будто оправдал своё существование.

От этих тревожных дней афганского конфликта остался документ, в котором Бисмарк откровенно разъяснял своему монарху, что Германии следует всячески разжигать англо-русские конфликты. Там же канцлер ярко изобразил страшные последствия, грозящие Германии в случае сближения России и Англии. Вот что писал Бисмарк 27 мая 1885 г. императору Вильгельму I, который выразил было пожелание, чтобы его канцлер посодействовал примирению России с Англией, оказав умеряющее воздействие на Петербург. Канцлер указывал, что германская политика заинтересована «установить между Англией и Россией скорее враждебные, нежели слишком близкие отношения. Если состоится англо-русское соглашение... явится возможность во всякое время, смотря по надобности, усилить это соглашение путём присоединения Франции, в случае, если русско-английская политика встретит сопротивление со стороны Германии; этим создастся основа для

такой коалиции против нас, опаснее которой для Германии ничего и быть не может... Чтобы это вызвать, достаточно *малейшего* прямого или косвенного нажима на Россию... Поэтому правительство вашего величества и проявляет безусловную сдержанность в отношении всяких советов касательно сохранения мира...»¹

В этом примечательном документе Бисмарк предрекал самую серьёзную опасность, которую вообще могла навлечь на себя Германия, — именно англо-русский союз.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА БИСМАРКА В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО КАНЦЛЕРСТВА (1885—1890 гг.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ФРАНКО-РУССКОГО СОЮЗА (1891—1893 гг.)

Болгарский кризис
1885—1886 гг.

В середине 80-х годов надвинулись события, вновь переместившие центры мировых бурь из Африки и Средней Азии на Балканы и в Воезны. Они вызвали весьма резкое изменение всей международной ситуации.

18 сентября 1885 г. в главном городе Восточной Румелии Филиппополе произошло восстание. Болгарские националисты изгнали турецкого губернатора с его чиновниками и провозгласили воссоединение «обеих Болгарий». После некоторых колебаний князь болгарский Александр, бывший принц Баттенбергский, объявил себя князем объединённой Болгарии.

За семь лет до этого в Сан-Стефано и на Берлинском конгрессе русское правительство боролось за создание «Великой Болгарии». Болгария получила национальную свободу благодаря подвигам русского солдата; болгарский народ навеки сохранил память об этих подвигах и чувство благодарности к России; во главе болгарской армии стояли русские офицеры; Александр Баттенбергский был посажен на престол Россией. Казалось, царское правительство должно было бы приветствовать совершившийся факт. Но в течение этих семи лет отношения русского царя с болгарской крупной буржуазией и самим князем Александром резко изменились, хотя народные чувства остались неизменными.

Австро-Венгрия вела успешную борьбу против русского влияния в Болгарии. При этом она опиралась на экономическую зависимость болгарской буржуазии от австрийского капитала. Особенно острый конфликт возник из-за строительства железных дорог. Царское правительство было заинтересовано в постройке линий от Дуная на юг, к Балканскому хребту. Эти линии в случае новой борьбы с Турцией облегчили бы наступление русских войск за Балканские горы. Что касается австрийской буржуазии, то она была заинтересована в скорейшем окончании железной дороги, соединяющей Вену с Белгра-

дом, Софией и Константинополем. Эта линия, которая строилась при ближайшем участии венских банков так называемым Обществом Восточных железных дорог, должна была облегчить завоевание балканского рынка австрийским капиталом, а вместе с тем способствовать подчинению балканских стран политическому влиянию Австро-Венгрии. Большая часть болгарской буржуазии, связанная с австрийским рынком, поддерживала австро-венгерский проект. В 1880 г. Австрия договорилась с Сербией о постройке дороги от Белграда до болгарской границы; в 1883 г. у неё состоялось соглашение с Болгарией и Турцией о продолжении этой линии по болгарской территории. Таким образом, в борьбе России с Австро-Венгрией за железнодорожное строительство в Болгарии победа оказалась на стороне австрийцев.

Усиливать непокорного болгарского князя Александр III не хотел. В ответ на прокламацию воссоединения северной и южной Болгарии царь велел Гирсу протестовать против нарушения Болгарией Берлинского трактата. Одновременно царь отозвал из болгарской армии русских офицеров.

Всё это произошло как раз в тот момент, когда у Болгарии нарастал конфликт с Сербией. После русско-турецкой войны князь Милан был возмущён тем, что Россия взяла под своё покровительство Болгарию. Он считал, что в Сан-Стефано, а затем и на конгрессе в Берлине Россия не отстаивала, как должно, интересов Сербии. Ввиду этого Милан взял курс на Австро-Венгрию. За её поддержку он заплатил ей кабальным торговым договором от 6 мая 1881 г. Между тем экономическая зависимость Сербии от Австро-Венгрии и без того была очень велика: сербский экспорт не имел другого рынка, кроме австрийского; вывоз через Салоники себя не окупал. За торговым договором последовало заключение австро-сербского союза, подписанного 28 июня 1881 г. Этот союз явно относился к числу неравноправных договоров.

Договор устанавливал, что сербское правительство не потерпит на своей территории великосербской пропаганды, направленной против Австро-Венгрии. За это Австро-Венгрия обязывалась не допускать у себя интриг против династии Обреновичей и не возражать против присвоения князем Миланом королевского титула. Статья 4 договора, по существу, устанавливала австрийский протекторат над Сербией. «Без предварительной договорённости с Австро-Венгрией, — гласила эта статья, — Сербия обязуется никогда не вести переговоров о политических договорах и не заключать их с другими правительствами». Далее, договор устанавливал австро-сербское военное сотрудничество. Статья 7 обеспечивала Сербии австрийскую поддержку, если обстоятельства позволят Сербии сделать территориальные приобретения со стороны её «южных границ»,

за исключением лишь Ново-Базарского санджака. Основываясь именно на этой статье, Милан, ввиду расширения Болгарии, и решил добиваться компенсаций для Сербии. Он потребовал от австрийского правительства, чтобы оно оказало поддержку новому курсу сербской внешней политики.

Австро-венгерским министром иностранных дел был в это время граф Кальноки. Он гораздо более Андраши был расположен вступить на путь экспансии на Балканах. Это соответствовало стремлениям военных и клерикальных кругов, интересам железнодорожных предпринимателей, строивших дороги на Балканах, и связанного с ними банковского капитала. Кальноки позволил Милану начать войну против Болгарии. Венские банкиры ссудили Милану необходимые средства.

Если царь рассчитывал, что, отозвав своих офицеров, он обречёт болгар на поражение, то он ошибся. Болгарская армия наголову разбила сербов (1885). Только вмешательство Австро-Венгрии спасло Милана. Австрийский посланник в Белграде поспешил в ставку болгарского князя и ультимативно потребовал от него, чтобы он немедленно приостановил наступление своей армии. Мир был подписан на основе *status quo*.

После одержанной болгарами победы для царя стало ещё труднее лишить Баттенберга Румелии. Перед царским правительством открывались два пути — либо примириться со свершившимся фактом, либо послать в Болгарию русские войска и посадить там князем своего человека. Гирс придумал ещё третий выход: он предложил своим партнёрам по союзу трёх императоров, чтобы они совместно с Россией посредством дипломатического давления добились от Болгарии отказа от Румелии, а от Турции — посылки в Румелию турецких войск для водворения там «порядка».

Попытка царской дипломатии заставить Австро-Венгрию, главную соперницу России на Балканах, работать вместе с Турцией над восстановлением русского престижа в Болгарии представлялась как будто безнадежной. Но политика Гирса нашла себе совершенно неожиданного союзника в лице злейших врагов России — мадьяр.

Вожди мадьярского дворянства в румелийских событиях усмотрели лишь одно — именно, усиление одного из близких славянских государств. Цепляясь за *status quo*, как за магическую формулу своей балканской политики, они потребовали, чтобы Кальноки добивался его восстановления. Тем самым противники австро-русского сотрудничества невольно помогли его продлению на некоторый срок: они неожиданно сошлись с Россией на общей программе действий.

Что касается Бисмарка, то с первых же дней румелийских событий германский канцлер стал на ту позицию, будто бы он заранее согласен со всем тем, о чём Россия договорится с

Австро-Венгрией. В интимном кругу канцлер откровенно заявлял, что его крайне мало интересуют «овцекрады с нижнего Дуная»; поэтому он дал инструкцию германскому послу в Константинополе «утопить в чернилах» весь румелийский вопрос. В Константинополе состоялась конференция послов, на которой была принята русская программа: «улучшение» внутреннего законодательства Восточной Румелии с сохранением её, однако, под властью турецкого генерал-губернатора. Италия согласилась с этим из внимания к просьбе Бисмарка, а Франция — чтобы не перечить России. Англия протестовала, но с ней не посчитались.

Однако вскоре оказалось, что принятое решение некому провести в жизнь. Австро-Венгрия ни за что не согласилась бы допустить в Болгарию русские войска; султан не решался послать свои, боясь, что конфликт с Болгарией может вызвать тяжёлые последствия. Положение осложнялось тем, что вслед за Сербией и Греция требовала компенсаций и грозила Турции войной.

В этот момент английская дипломатия в лице нового премьер-министра Солсбери предприняла решающий маневр. Солсбери понял, что вследствие ухудшения русско-болгарских отношений Болгария из русского плацдарма перед Константинополем превращается в барьер на пути России к турецкой столице: чем этот барьер будет шире, тем труднее будет его взять. Поэтому Солсбери обещал туркам оградить их от войны с Грецией; для этого британский флот должен был явиться в греческие воды. В обмен за услугу Солсбери уговорил султана не посылать своих войск в Румелию, а, напротив, заключить соглашение с болгарским князем.

Турецко-болгарское соглашение явилось весьма своеобразным актом. Им подтверждалось, что Румелия является турецкой провинцией. Она управляется губернатором, назначенным султаном. Таким образом, буква Берлинского трактата была соблюдена: юридически северная и южная Болгария оставались разделёнными. Но губернатором Восточной Румелии султан, по турецко-болгарскому соглашению, должен был назначить князя болгарского. Таким образом, фактически в северной и южной Болгарии устанавливалось одно правительство.

Россия была вынуждена в начале 1886 г. санкционировать это турецко-болгарское соглашение, к злорадному удовольствию своего «союзника» Кальноки, а также и Бисмарка, который хотел как можно скорее, любым путём уладить румелийское дело. Канцлер опасался, как бы оно, затянувшись, не привело к австро-русскому конфликту. Ведь слишком ясно было, что под внешним покровом сотрудничества неугасимо тлело австро-русское соперничество.

После победы, одержанной английской дипломатией в румелийском вопросе, англо-австрийское влияние уже решительно

возобладало в Болгарии. Раздосадованный неудачей, Александр III решил избавиться от Баттенберга. В августе 1886 г. болгарский князь был низложен. В Софии водворилось руссофильское правительство во главе с митрополитом Климентом и вождём русской партии Цанковым.

Но не успела ещё русская дипломатия отпраздновать эту победу, как правительство митрополита Климента в свою очередь было свергнуто; у власти оказалось «регентство» из трёх человек во главе со Стамбуловым. То был крупный капиталист, лидер консервативной партии, связанный с орудовавшими на Балканах австрийскими железнодорожными дельцами и державшийся австрийской ориентации. Перед царизмом снова стал вопрос, как восстановить своё влияние в Болгарии.

Русско-германские
экономические
противоречия

Ответ на этот вопрос пришлось давать в обстановке, осложнённой экономической борьбой, которая развернулась между русской и германской промышленностью. Объектом этой борьбы был внутренний рынок России, на котором до конца 70-х годов господствовала германская индустрия. С 1876 г. русское правительство начинает мало-помалу поднимать ввозные пошлины. Этого домогались промышленники; правительство уступало им тем охотнее, что само рассчитывало извлечь кое-что для оскудевшей казны от увеличения таможенных доходов.

Германская буржуазия, сама требовавшая высоких пошлин, сочла, однако, себя жестоко задетой русским протекционизмом. Завоевание русского рынка было началом постепенного закабаления России германским капиталом. То было проявлением всё того же германского «натиска на Восток». Русский протекционизм мешал наступлению немецкого капитала. Поэтому немецкая пресса поднимала крик при каждом новом указе царя о повышении той или иной пошлины. И действительно, германская промышленность в 80-х годах стала стремительно терять русский рынок, на котором преобладала в предыдущие десятилетия.

Бисмарк был весьма чувствителен к интересам германской тяжёлой индустрии. Его дипломатия прилагала немало стараний, чтобы изыскать рынки для сбыта германских товаров в условиях депрессии 80-х годов. В 1883 г. канцлер склонил Турцию передать военные заказы от Армстронга Круппу и Маузеру. В 1885 г. он добился для Круппа заказов у китайского правительства. Пытался Бисмарк вырвать и сербские военные заказы из рук французских фирм, но здесь он потерпел неудачу. Зато ему удалось обеспечить германским предприятиям поставку оружия и железнодорожных материалов для Румынии и Италии. Но наиболее важным по своему объёму оставался всё-таки русский рынок. В нём были заинтересованы такие столпы тяжёлой индустрии, как фирмы Круппа или

силезского магната князя Хенкеля фон Доннерсмарка. Бисмарк не раз обращался к русскому правительству с представлениями, просьбами, угрозами, добиваясь снижения пошлин. Всё было напрасно: русские пошлины росли. В 1884—1885 гг. было проведено новое их повышение.

Через свою прессу Бисмарк начал пугать Россию стеснениями русского импорта в Германию и повышением пошлин на хлеб. Газеты канцлера грозили также, что Германия помещает намечавшейся конверсии русских займов. При финансовой слабости царского правительства и при зависимости русского сельского хозяйства от германского рынка это были серьёзные предупреждения.

В начале мая 1886 г. Бисмарк имел беседу с русским послом Павлом Шуваловым. Канцлер заявил послу, что с его точки зрения Россия имеет право послать в Болгарию войска и вообще любыми средствами восстановить своё влияние на болгарское правительство. Мало того, «Австрия, — продолжал Бисмарк, — не имеет никакого права выказывать зависть по отношению к вашим действиям, и я не премину дать ей это почувствовать». Затем Бисмарк перешёл к вопросу о русских пошлинах. «Вы, кажется, намерены в ближайшее время поднять тарифы на железо и уголь, — сказал канцлер. — Я не стану скрывать, что эта мера будет иметь самое плачевное влияние на нашу промышленность».

Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, что Болгария предлагалась России в обмен за таможенные уступки. Но Бисмарк не удовольствовался такого рода воздействием на царское правительство. По своей обычной манере, он решил, что вслед за пряником полезно показать и хлыст. Канцлер начал плакаться, что как ни «антипатична» ему всякая мера против русского экспорта, однако ему очень трудно противостоять натиску аграриев, требующих нового повышения ставок на хлеб¹.

Ближайшей своей цели Бисмарк добился: намеченное повышение тарифных ставок на железо и уголь было отсрочено.

Канцлер, однако, не терял надежды и на большее. Летом 1886 г. он всячески ухаживал за царским правительством. Он помог России избавиться от порто-франко, установленного в Батуме после Берлинского конгресса. «Лет через десять вы будете господствовать в этих водах», — заметил он Шувалову. Посол охотно подхватил эту тему. Он принялся объяснять Бисмарку, как важно для России обеспечить себе безопасность в районе проливов. Бисмарк принял наивный вид и заметил, что ведь международные договоры гарантируют закрытие проливов. На это Шувалов возразил, что нельзя основывать безопасность

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

только на одних трактатах. «Мы должны иметь возможность, — заявил посол, — повесить замки на нашу дверь». Помолчав немного, Бисмарк произнёс: «Ну что же, если вы их повесите, то с нашей стороны вы, конечно, не встретите препятствий».

Шувалов был в восторге. Но на Александра III всё это не произвело большого впечатления. Против последней фразы шуваловского донесения царь лаконично пометил на полях: «ещё бы»¹. Александр III, так же как и Гирс, вовсе не помышлял в эти годы о приобретении проливов. И Бисмарк напрасно рассчитывал спровоцировать Россию на новое выступление против Турции.

Если бы царское правительство и было расположено пойти на уступки Бисмарку, то сделать это было бы довольно трудно. Русские протекционистские круги почували опасность для своих пошлин. Их глашатай Катков начал в «Московских ведомостях» кампанию против внешней политики правительства. Газета требовала разрыва с Германией и сближения с Францией.

Каким путём в условиях царской России мог Катков проводить такую агитацию, станет понятным, если учесть его крупные связи в правительственных сферах, где имелось сильное антигерманское течение. В частности многие представители высших военных кругов стояли за сотрудничество с Францией. Такова была, например, позиция генерала Скобелева, а после его смерти — генерала Обручева, долголетнего начальника русского генерального штаба. Да и сам Александр III был настроен весьма подозрительно к Германии. В особенности недолюбливал он её канцлера. Как-то на полях посольского донесения он наградил Бисмарка совсем не дипломатическим эпитетом.

Сложность обстановки усугублялась тем, что почти одновременно с событиями в Румелии возникло обострение франко-германских отношений. Европа оказалась лицом к лицу с двумя кризисами: один вспыхнул на Балканах, другой грозил разразиться на Рейне.

В 1883 и 1884 гг. второй кабинет Ферри предпринял захват Индокитая. Овладев Аннамом, французы принялись за Тонкин, находившийся в вассальной зависимости от китайского богдыхана. В Тонкине французских колонизаторов ждали некоторые трудности. В марте 1885 г. их экспедиционный корпус потерпел поражение от китайских войск. Весть об этом вызвала в Париже взрыв бурного протеста против колониальной политики и привела к падению кабинета Ферри. Реваншисты постарались использовать эти события в собственных целях.

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

Осенью того же 1885 г. во Франции произошли парламентские выборы, которые принесли поражение «умеренным». Усилились как монархисты, так и радикалы. Иначе говоря, упало влияние сторонников колониальных захватов и заигрывания с восточным соседом. Возросло влияние реваншистов всех мастей. Началась агитация генерала Буланже, призывавшего к подготовке реванша. В 1886 г. Буланже вошёл в правительство, получив портфель военного министра. Он принялся проводить энергичные мероприятия по усилению армии. В свою очередь и Бисмарк начал помышлять о новой расправе с Францией. Являлся вопрос, не использовать ли ему те трудности, которые сулила России болгарская проблема. Быть может это позволит обеспечить нейтралитет России в случае войны с Францией. Но болгарский вопрос мог породить и нечто другое — австро-русский конфликт...

Международное положение Германии осложнялось. Перед лицом вероятных конфликтов с Францией Бисмарку нельзя было ссориться с Россией, которую он ненавидел, но которой боялся. Нельзя было также терять и Австро-Венгрию. Канцлер старался ладить с обеими. Однако при обострении болгарского вопроса сделать это было нелегко: после августовских событий в Болгарии Бисмарку пришлось призвать себе на помощь всю свою дипломатическую изворотливость.

Крах союза трёх императоров

Незадолго до свержения Баттенберга Бисмарк встретился с Кальноки на курорте в Киссингене. Здесь они договорились о поддержании союза трёх императоров на базе невмешательства в болгарские дела. В тот момент «невмешательство» практически означало, что в угоду России Германия и Австрия предоставляют свободу действий врагам Баттенберга.

Когда Баттенберг пал, Бисмарк устами своего официоза громко заявил, что это событие не касается германского правительства, что, пожалуй, такой факт заслуживает даже положительной оценки. На другой день после контрпереворота в Софии Бисмарк встретился с Гирсом в Франценсбаде. Они условились предпринять совместные шаги перед султаном, чтобы тот не допускал реставрации Баттенберга¹.

Когда об этом узнали в Вене, Кальноки запротестовал. Ведь ещё совсем недавно, в Киссингене, они договорились с Бисмарком о «невмешательстве» в болгарские дела, а теперь немцы собираются провозвести демарш в Константинополе. Последовали австро-германские переговоры. В результате их при встрече с русским поверенным в делах Бисмарк имел несколько сконфуженный вид. В конце концов он заявил, что ничего не имеет против того, чтобы Россия силой выдворила из Болгарии

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

враждебное ей правительство. Пусть только она сначала договорится об этом с Австро-Венгрией. Но тут же и сам Бисмарк признал, что это едва ли достижимо. Со своей стороны канцлер давал понять, что в своей помощи России он не пойдёт дальше «непризнания» Баттенберга, в случае если бы тот вернулся в Софию¹.

Тем временем, 25 сентября 1886 г. в болгарскую столицу приехал специальный эмиссар царя генерал Каульбарс. Он имел поручение добиться согласия болгарских регентов на водворение в Болгарии «законного» правительства, иначе говоря, нового князя, дружественного русскому царю. Генерал действовал неумело и ещё более испортил русско-болгарские отношения. Кончилось дело его отозванием и разрывом дипломатических отношений между Петербургом и Софией. Политическая атмосфера стала ещё более напряжённой. Русское правительство уже заговаривало об оккупации Болгарии.

На самом деле то были одни разговоры. Царь боялся посылки русских войск в Болгарию. Угрозы были вызваны лишь желанием побудить союз трёх императоров дипломатическим путём привести болгарских регентов к покорности и тем избавить Вену от неприятной для Австрии перспективы — увидеть в Болгарии русские войска.

Но Кальноки не понимал истинных целей русской политики. Он серьёзно боялся нового появления русских войск в сердце Балкан по примеру 1877—1878 гг. Опасения эти разделялись и Англией.

9 ноября, на традиционном банкете у лондонского лорд-мэра, Солсбери позволил себе произнести по адресу России резкие слова. А через несколько дней после этого, выступая перед венгерской делегацией, Кальноки пошёл ещё дальше. Он прямо пригрозил России войной в случае появления русских войск в Болгарии.

С самого начала болгарского кризиса английское правительство стремилось втянуть Австрию и Германию в конфликт с Россией. Со своей стороны и Бисмарк с не меньшим усердием трудился над тем, чтобы спровоцировать англо-русское столкновение, а самому при этом остаться в стороне.

Вскоре после того как Солсбери в 1885 г. сменил Гладстона у власти, он послал к Бисмарку своего секретаря Ф. Керри со специальной миссией. Цель её заключалась в том, чтобы подтолкнуть Германию на борьбу против России. Однако это вовсе не входило в расчёты Бисмарка, который со своей стороны всегда стремился к тому, чтобы осложнить англо-русские отношения. Бисмарк ответил английскому правительству, что «Англия ни в коем случае не может рассчитывать на союз с Германией про-

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

тив России». Как неоднократно выражался Бисмарк, он не желал, чтобы немцы таскали для Англии каштаны из русского огня. Он считал, что чем пассивнее будет держаться Германия в восточном вопросе, тем больше будет шансов, что англичане решатся сами выступить против России, бок о бок с Австро-Венгрией. Таким образом, столь желанный для германского канцлера англо-русский конфликт был бы налицо. Канцлер настойчиво уговаривал австрийцев не ссориться с Россией до тех пор, пока у них не будет абсолютной уверенности, что Англия также не уклонится от борьбы. При этом Бисмарк неустанно твердил, что Австро-Венгрии не следует рассчитывать на поддержку Германии в войне из-за Болгарии: ведь договор 1879 г. распространяется лишь на случай прямого нападения России на австро-венгерскую территорию. «Если Англия не пойдёт впереди, — писал в другой раз Бисмарк, — глупа будет Австрия, если будет на неё рассчитывать. Если Рандольф Черчилль (один из влиятельных министров кабинета Солсбери. — *Ред.*) боится выступить вместе с Австрией и Турцией, то ради чего же тогда одна Австрия должна ухватить кошку за хвост? Чтобы потом быть покинутой Англией?»¹ Следующая записка Бисмарка ясно определяет суть политики германского канцлера: «Мы должны стремиться сохранить свои руки свободными, чтобы в случае, если дело дойдёт до разрыва с Россией из-за восточных вопросов, мы не были тотчас же втянуты в конфликт, так как все наши силы понадобятся нам против Франции. Если мы останемся нейтральными в войне Австрии и её союзников против России, то мы сможем избежать войны с Францией, так как последняя не может начать войны, пока мы не втянуты в борьбу с Россией... Если мы выдержим намеченную здесь линию, — продолжает Бисмарк, — то весьма вероятно, что обе войны, которые угрожают Европе, могут пройти отдельно одна от другой»². Таким образом, Бисмарк ясно формулирует свои цели: избежать войны на два фронта и обеспечить условия для локализации будущих войн.

С осени 1886 г., по мере ухудшения австро-русских отношений, Бисмарк начинает энергично работать над установлением англо-австрийского сотрудничества. Он стремится связать Англию возможно более твёрдыми обязательствами перед Австрией, а также и Италией на случай совместных действий против России, а отчасти и против Франции.

Может показаться, что Бисмарк совершил поворот в своей политике в сторону открытого антирусского курса. Однако это было бы упрощённым и неправильным пониманием его

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. IV, № 866. Пометки Бисмарка.

² Ibid., № 900.

политики. Бисмарковская дипломатия была очень сложна: канцлер одновременно проделывал маневры в разных направлениях.

Ещё в середине октября 1886 г. Бисмарк настойчиво предостерегал Шувалова против оккупации Болгарии. Но вот 21 ноября 1886 г. в Берлин приехал брат царя великий князь Владимир Александрович. Во время этого визита сын канцлера, ставший к этому времени статс-секретарём ведомства иностранных дел, в продолжительной беседе с великим князем опроверг всё то, что и он сам и его отец совсем недавно говорили Шувалову, предостерегая против посылки русских войск в Болгарию. Теперь России предоставлялась на это *carte blanche*, совсем как миновавшей весной, когда Бисмарк думал купить у царского правительства таможенные уступки.

Что же заставило канцлера вернуться к своей весенней позиции? Дело в том, что в октябре Бисмарк узнал об улучшении франко-русских отношений. А 5 ноября 1886 г. французский премьер Фрейсинаэ рассказал германскому послу, будто Россия предлагала Франции союз против Германии. На самом деле разговоры о союзе вело не русское правительство, а приезжавшие в Париж агенты Каткова. Но Бисмарк принял сообщение Фрейсинаэ за чистую монету. Это не удивительно, если учесть, что в России имелось сильное течение в пользу франко-русского сближения.

В такой обстановке Бисмарк и предпринял один из самых сложных маневров, какие только знает история дипломатии. С одной стороны, он не скупится на авансы России и подталкивает её на военную интервенцию в Болгарию. С другой — он сдерживает Австрию в её противодействии России. В то же время канцлер работает над активизацией английской политики и стремится вызвать англо-русский конфликт, будучи готов в этом случае спустить и Австро-Венгрию с цепи, на которой он её твёрдо решил держать, пока не последует выступление Англии. Однако для Германии Бисмарк намерен был даже и в этом случае оставить руки свободными и сохранить «дружественные» отношения с Россией.

Этим не исчерпывалась сложнейшая игра, которую повёл Бисмарк. Одновременно с маневрами в области англо-австро-русских отношений германский канцлер довёл до крайней степени возбуждения газетную кампанию против Франции.

Эта кампания имела для Бисмарка большое значение и с точки зрения внутренней политики. Исключительный закон, проведённый канцлером против социалистов, не давал ожидаемых результатов. Выборы в 1881 и 1884 гг. оказались для Бисмарка крайне неудачными. Партия центра держала себя слишком независимо. К тому же император дряхлел, и надвигалась смена монарха. Предстояло, наконец, возобновление закона об утверждении военного бюджета на семилетний срок (септен-

ната) и значительное усиление армии. Канцлер был заинтересован в том, чтобы вызвать в стране взрыв шовинизма. Он уже не раз успешно применял подобный приём. Поэтому его пресса подхватывала и непомерно раздувала все факты реваншистской пропаганды. А французские националисты своими выходками сами помогали тому, чтобы антифранцузская кампания германского канцлера не оставалась без пищи.

Военная тревога
в январе 1887 г.

Припавшись с конца октября усердно ухаживать за Россией, Бисмарк добился известного успеха: обман удался, хотя и не надолго.

В конце 1886 г. сам Александр III на некоторое время проникся доверием к повороту в германской политике. «Теперь действительно видно, — говорил царь, — что Германия заодно с нами в болгарском вопросе»¹. Царя особенно заботил один, в сущности довольно мелкий, вопрос: как бы ненавистный ему Баттенберг не вернулся в Болгарию. Это было бы для Александра III личным оскорблением. Графу Петру Шувалову, который собирался ехать в Берлин по своим частным делам, было поручено переговорить по этому вопросу с германским канцлером; нужно было, чтобы кайзер запретил Баттенбергу как офицеру немецкой службы возвращение на болгарский престол.

Пётр Шувалов, так же как и брат его Павел, с 1885 г. занимавший пост посла в Берлине, был давнишним сторонником тесной дружбы с Германией. У Бисмарка он был *persona grata*. Когда Пётр Шувалов прибыл в Берлин, он вместе с братом побеседовал сперва с сыном канцлера графом Гербертом Бисмарком. Тот обещал, что его отец окажет царю содействие в деле Баттенберга. Вслед за тем братья Шуваловы, по собственному почину, перешли к вопросу о дальнейшей судьбе союза трёх императоров: срок договора 1884 г. истекал предстоящим летом. Пётр Шувалов предложил Герберту Бисмарку возобновить договор без Австрии; отношения России с этой державой слишком уже испортились после событий минувшей осени. Двойственный русско-германский договор должен был строиться на следующей основе: Россия гарантирует Германии свой нейтралитет в случае франко-германской войны. «При этом, — заявил Шувалов, — безразлично, нападёт ли Франция на Германию, или же вы начнёте против неё войну и наложите на неё 14 миллиардов контрибуции, или даже посадите прусского генерала в качестве парижского губернатора». Предложение Шувалова было по условиям 80-х годов столь смелым, что сам Бисмарк, читая донесение сына, поставил на полях вопросительный знак. В обмен Шувалов просил у Германии обязательства, что она не станет препятствовать России овладеть проливами и восстановить русское влияние в Болгарии.

¹ Ламадорф, Дневник 1886—1890, стр. 4.

«С большим удовольствием», — пометил канцлер на донесении Герберта.

Через несколько дней братья Шуваловы и Бисмарк, сидя за бутылкой шампанского, составили проект договора на только что изложенной основе. Были, впрочем, добавлены ещё некоторые важные пункты; они обязывали Россию «ничего не предпринимать против территориальной целостности Австро-Венгрии» и признавали Сербию сферой австрийского влияния¹.

Бисмарк был в восторге от бесед с Шуваловым. На другой день, 11 января 1887 г., предстояло большое выступление канцлера в Рейхстаге. Этому выступлению ждал весь политический мир. Бисмарк говорил весьма смело. В его речи были две основные мысли: дружба с Россией и вражда с Францией. «Дружба России для нас важнее, чем дружба Болгарии и чем дружба всех друзей Болгарии в нашей стране», — заявил канцлер. О возможности войны с Францией Бисмарк высказался в том смысле, что никто не может знать, когда эта война придёт: быть может через 10 лет, а может быть и через 10 дней.

В эти дни германские дипломатические представители в Константинополе и в Софии получили из Берлина предписание — в болгарском вопросе самым энергичным образом поддерживать русскую политику. Одновременно Бисмарк усилил дипломатический нажим на западноевропейском международном фронте. 13 января 1887 г. он обратился к бельгийскому правительству с запросом, принимает ли оно меры (и какие именно) для обеспечения своего нейтралитета в случае якобы возможного французского вторжения в Бельгию. 22 января поверенному в делах в Париже было предписано срочно представить сведения о французских военных приготовлениях. Канцлера, как он заявлял в своём письме, «занимает вопрос, не следует ли обратить внимание французского правительства на то обстоятельство, что его военные приготовления заставляют сомневаться в его миролюбии».

28 января Бисмарк беседовал в Берлине с французским послом. Посол заверял канцлера в мирных намерениях Франции. Бисмарк ему ответил, что и не сомневается в миролюбии существующего правительства. Однако оно представляется ему непрочным. «А если Буланже станет председателем Совета министров или президентом республики, — угрожающе заключил канцлер, — тогда произойдёт война»².

30 января, на заседании прусского министерства, т. е. в узком, закрытом собрании, Бисмарк оновестил своих коллег

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. V, № 1062 und 1063.

² «Documents diplomatiques français», 1-ère série, v. VI, № 415, p. 426.

о возможности войны в течение ближайших же недель. Он заявил, что на следующей неделе в прусский Ландтаг должен быть внесён проект закона о займе в 300 миллионов марок на покрытие военных надобностей. Рейхстаг был распущен ввиду провала септениата, а новые выборы предстояли лишь 20 февраля. Очевидно, Бисмарк не считал возможным обождать ещё три недели и решил обратиться к Ландтагу за санкцией военного займа. «Едва ли можно поверить, — записал в своём дневнике один из прусских министров, — что Бисмарк хочет применить такое средство только как избирательный маневр. Это означает войну»¹.

31 января в газете «Post» появилась инспирированная статья под заглавием «На острие ножа». В ней доказывалось, что Франция лихорадочно вооружается, что шовинистические чувства накалены в ней до последнего предела, что Буланже является в Париже господином положения и что, придя к власти, он обязательно начнёт войну. Вслед за этой статьёй поползли тревожные слухи, будто Бисмарк готовит ультиматум Франции с требованием отставки Буланже. Агенты Бисмарка усердствовали во-всю. Сам же канцлер в течение всего этого времени с нетерпением ждал известий о судьбе проекта русско-германского договора, предложенного ему Петром Шуваловым.

Привезённый Шуваловым в Петербург плод его личной дипломатии не встретил одобрения даже со стороны такого германофила, как Гирс. Министр нашёл, что Шувалов продешевил, наобещав Бисмарку гарантию целостности Австрии и её преобладания в Сербии. Сам царь отнёсся к проекту Шувалова ещё более недоверчиво. 17 января, на докладе царю, Гирс к ужасу своему убедился, что под вопросом стоит вся проводимая им политика германской ориентации. Ближайший сотрудник Гирса Ламздорф записал в этот день в своём дневнике: «Повидимому, интриги Каткова или какие-нибудь другие пагубные влияния опять сбили нашего государя с пути. Его величество высказывается не только против тройственного союза (с участием Австро-Венгрии. — *Ред.*), но даже против союза с Германией. Ему будто бы известно, что союз этот непопулярен и идёт вразрез с национальными чувствами всей России; он признаётся, что боится не считаться с этими чувствами и т. д.»². По приказу царя Гирс предписал Павлу Шувалову пока что совершенно воздержаться от разговоров с Бисмарком о заключении русско-германского договора.

Поднявшаяся военная тревога повергла французское правительство в подлинное смятение. Сначала министр иностранных дел Флуранс решил было обратиться за помощью к Рос-

¹ *Lucius von Ballhausen, Bismarck-Erinnerungen, S. 366.*

² *Ламздорф, Дневник 1886—1890, стр. 34—35.*

сии. 21 января, крайне взволнованный, он приехал к русскому послу барону Моренгейму, чтобы обратить внимание русского правительства на агрессивные замыслы Германии. Одновременно через полуофициального агента министр запросил Моренгейма, может ли Франция рассчитывать на моральную поддержку России в случае, если Германия выступит в Париже с требованием разоружения французской армии.

22 января депеша Моренгейма прибыла в Петербург. Гирс предлагал ответить французам крайне сдержанно. Но царь решил иначе. На вопрос, будет ли Франции оказана «моральная поддержка», он реагировал пометкой: «Конечно, да»¹. Так и полагалось ответить Моренгейму. Но германофил Гирс остался верен себе. Прежде чем передать французам решение царя, он решил предварительно разузнать в Берлине, «имеют ли сведения Моренгейма какие-либо основания».

Ради этого 23 или 24 января (точная дата неизвестна) Павел Шувалов, по поручению Гирса, отправился к Бисмарку. Содержание происшедшего между ними разговора точно неизвестно. Шувалов, повидимому, удовлетворился трафаретными заверениями Бисмарка, что тот не собирается нападать на Францию. Однако основное значение этого разговора заключалось в другом: следуя инструкции из Петербурга, Шувалов ровно ничего не сказал Бисмарку насчёт того вопроса, который больше всего интересовал канцлера. Шувалов промолчал о судьбе проекта, составленного его братом Петром.

После беседы с Шуваловым Бисмарк испытывал большое беспокойство. Это явствует хотя бы из того, что 24 января он счёл нужным разослать германским дворам циркулярную депешу, в которой разъяснял, что в своей речи 11 января он нарочно преувеличил сердечность русско-германских отношений.

В тот же день, 24 января, Бисмарк предпринял новый дипломатический ход. Посол в Лондоне граф Гатцфельд явился в Министерство иностранных дел и повёл там следующий разговор: Германия, заявил он, не хочет войны с Францией, но, тем не менее, эта война «очень близка». Затем посол с настойчивостью задал вопрос, будет ли Англия в случае войны поддерживать Австрию и Турцию против России. Солсбери заявил, что, по его мнению, Англия должна это сделать, но, ввиду неуверенности в позиции Парламента, он не может взять на себя твёрдые обязательства. При этом Солсбери решил «подбодрить» Бисмарка. Недаром он писал британскому послу в Париже о своей надежде, что франко-германская война избавит Англию от той «непрерывной пытки, которой Франция под-

¹ Ламедорф, Дневник 1886—1890, стр. 45—46.

вергает её в Египте»¹. 4 февраля близкая к Солсбери газета «Standard» поместила статью о бельгийском нейтралитете. В этой статье, в предвосхищение плана Шлиффена, указывалось, что Бельгия — самый удобный путь для вторжения немцев во Францию, и ставился вопрос, что должна будет делать Англия, если Германия действительно двинется по этому пути. Ответ давался совершенно определённый: в таком случае для Англии было бы «неразумно» защищать Бельгию. «Англия не может стать на сторону Франции против Германии, — заключала газета. — Этим Англия спутала бы основные цели английской политики во всех точках земного шара». Так изменилась позиция Англии с 1875 г. вследствие обострения борьбы за раздел мира, в которой Франция в ту пору всё ещё оставалась для Англии более опасным соперником, чем Германия. Таким образом, в случае новой франко-германской войны Бисмарк мог уверенно рассчитывать на то, что Англия воздержится от вмешательства в этот конфликт.

Совсем иной была позиция России. В первые дни февраля Бисмарку, наконец, стало уже совершенно ясно, что проект Шувалова не встретил одобрения царя и что, следовательно, на поддержку России рассчитывать не приходится. При таких условиях Бисмарку оставалось только одно — отказаться от плана нападения на Францию. Французский посол в Берлине телеграфировал в Париж о явном разрежении атмосферы. 17 февраля Бисмарк писал Швейницу, что, очевидно, предложение Шувалова успеха в Петербурге не имело.

Как же вело себя в дни военной тревоги французское правительство? В январские дни 1887 г. французские политики были совершенно парализованы страхом. Сделав было 21 января описанную выше попытку заручиться сотрудничеством России, Флуранс в последующие дни проникся убеждением, что единственное спасение Франции заключается в том, чтобы не дразнить Бисмарка какими-либо симптомами сближения с Россией. «Если мы только пошевелимся, Бисмарк бросится на нас»², — твердил Флурансу из Берлина французский посол Эрбетт, являвшийся подлинным вдохновителем этой политики «непротивления злу».

26 января посол в Петербурге Лабуле по собственной инициативе обратился к Гирсу с вопросом, «окажет ли Россия его родине моральную поддержку, продвинет ли она свои войска к границе Пруссии и не связана ли она какими-либо обязательствами по отношению к Германии». Гирс ответил, что Россия никакими обязательствами не связана (что было не вполне точно) и поэтому располагает свободой действий. «И вы мне

¹ *Newton, Lord Lyons, v. II, p. 386.*

² «*Documents diplomatiques français*», 1-ère série, v. VI, № 428.

позволите сохранить таковую, — довольно резко добавил он, — не принимая никаких обязательств по отношению к вам»¹. Сколь это ни удивительно, обескураживающий ответ русского министра чрезвычайно обрадовал Флуранса. Заявление Гирса избавляло его от необходимости продолжать переговоры с Россией, которые могли бы ещё больше раздражить германского канцлера.

Средиземноморская Антанта

Зато опасность войны оживила переговоры, которые велись между Англией и Австрией, а также между Англией и Италией. Международная обстановка толкала Англию на сближение с Австро-Венгрией и Италией: с ними, а также и с Германией у Англии были в ту пору общие враги — Россия и Франция. Но Солсбери решительно отклонял предложения заключить союзный договор, содержащий твёрдые военные обязательства. Борьбу с Россией и Францией он рассчитывал провести силами держав Тройственного союза. В крайнем случае для предотвращения перебежки Италии во французский лагерь он готов был пойти на соглашение менее обязывающего характера — о проведении общей политической линии. Однако даже и с этим он не спешил. Тогда в начале февраля 1887 г. Бисмарк пригрозил Солсбери, что если соглашение с Италией и Австрией не будет заключено, он прекратит поддержку Англии в египетских финансовых делах. Угроза подействовала. 12 февраля состоялся обмен нотами между Италией и Англией. В этих нотах обе стороны обязывались сотрудничать в деле поддержания *status quo* на берегах Средиземного, Чёрного, Эгейского, Адриатического морей и на побережье Северной Африки.

«В случае, если по причине каких-либо роковых событий, — гласила британская нота, — сохранение *status quo* во всей полноте окажется невозможным, обе державы желают, чтобы никакая иная великая держава не распространяла своего владычества в какой-либо части этих побережий».

Но, указывалось далее в британской ноте, «характер этого сотрудничества должен быть установлен, когда явится в нём надобность, смотря по обстоятельствам каждого данного случая»². В письме к королеве Солсбери давал следующее толкование этому типичному образчику творчества английской дипломатии того времени. «Английская нота так составлена, — писал он, — что оставляет совершенно свободным суждение, должно ли сотрудничество с итальянским правительством в каждом данном случае доходить до оказания военной помощи»³. 24 марта к соглашению, с оговорками, примкнула и Австро-

¹ *Ламадорф*, Дневник 1886—1890, стр. 53.

² *Pribram*, Politische Geheimverträge Oesterreich-Ungarns, B. I, S. 38.

³ «*Letters of Queen Victoria*», 3 series, v. 1, p. 272.

Венгрия. Присоединялась она не особенно охотно: Кальноки боялся, как бы такое «сотрудничество» против России без определенных военных обязательств Англии не кончилось тем, что Англия втянет Австрию в конфликт с Россией, а затем ретируется, оставив её вдвоём с Италией.

Договор перестраховки

К моменту завершения англо-итальянских переговоров Бисмарку уже было совершенно ясно, что проект Шувалова потерпел неудачу. Но, убедившись в этом, канцлер всё-таки не терял надежды договориться с Россией, дабы обеспечить её нейтралитет на случай войны с Францией. Чтобы добиться этого, он с половины февраля принялся вредить России всюду, где только мог; таким путём он надеялся убедить царя в пользу германской «дружбы». Чиня России множество крупных и мелких неприятностей, Бисмарк в то же время то и дело заговаривал с ней о соглашении. В наиболее полной форме идея русско-германского соглашения была развита перед русским послом Нелидовым уже известным читателю Радовицем, к этому времени занявшим пост германского посла в Турции. Интересы России, говорил Радовиц, сосредоточены на Востоке. Германия это всецело признаёт: она готова предоставить там России полную свободу действий. Что же касается самой Германии, то её внимание приковано к Рейну. В случае возникновения войны с Францией Германия ожидает от России соблюдения нейтралитета¹.

Однако русское правительство вовсе не собиралось поднимать восточный вопрос и, тем более, нападать на Турцию. Поэтому русская дипломатия опасалась неравноценной сделки. «Мы дали бы Германии немедленную выгоду, — писал по этому поводу Жомини, советник российского Министерства иностранных дел, — а в обмен получили бы преимущество эвентуальное и отдалённое»².

Всё же усилия Бисмарка не пропали даром: в апреле 1887 г. царь дал, наконец, согласие на возобновление переговоров с Германией о замене истекавшего договора трёх императоров двойственным русско-германским соглашением. Переговоры начались в Берлине между Павлом Шуваловым и Бисмарком. 11 мая 1887 г. Шувалов передал Бисмарку русский проект договора двух держав. Первая статья этого проекта гласила: «В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сохранит по отношению к ней благожелательный нейтралитет». Вокруг этой статьи и развернулись наиболее жаркие споры. Заслушав русский проект, Бисмарк сделал несколько сравнительно второстепенных замечаний,

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

² Там же.

а затем, как повествует Шувалов, «канцлер обратился к своей любимой теме: он снова стал говорить о Константинополе, о проливах и т. д. и т. п. Он повторил мне, — сообщал Шувалов, — что Германия была бы очень рада, если мы там обоснуемся и, как он выразился, получим в руки ключ от своего дома». Словом, Бисмарк, по своему обычаю, торговал чужим добром. Он предложил Шувалову составить отдельную, особо секретную статью, содержащую согласие Германии на захват проливов царским правительством. «Это соглашение, — заметил канцлер, — такого рода, что его следует спрятать под двойное дно». Он предложил Шувалову средактировать к следующей их встрече проект соответствующей статьи.

Полагая, что он сделал максимум возможного, чтобы сблизить русское правительство и побудить его пойти на уступки, Бисмарк перешёл к самому главному. Он взял портфель, извлёк из него какую-то бумагу и прочёл изумлённому Шувалову текст австро-германского союза. При этом Бисмарк выразил «сожаление», что обстановка 1879 г. заставила его заключить подобный договор. Теперь он уже связан и в силу этого должен настаивать на том, чтобы из будущего русско-германского договора о нейтралитете был исключён один случай, а именно, когда Россия нападёт на Австрию. Шувалов стал возражать, но недостаток времени заставил прервать беседу.

Через два дня встретились снова. Шувалов возобновил свои возражения; Бисмарк также стоял на своём. Тогда 17 мая Шувалов предложил канцлеру добавить к строкам об ограничении германских обязательств на случай войны между Россией и Австрией следующую оговорку: «а для России исключается случай нападения Германии на Францию». Смысл этого добавления был очень ясен и прост. Он сводился к следующему: Вы не хотите нам позволить в случае надобности разбить Австрию. Хорошо. Но имейте в виду, что и мы не позволяем вам разбить Францию. Обещая свой нейтралитет в случае её нападения на вас, мы будем лишь сдерживать её собственные агрессивные замыслы, подобно тому как и вы обещаете это сделать в отношении вашей союзницы Австрии. Бисмарк был крайне недоволен, но Шувалов оказался столь же твёрд, как и он сам. Было перепробовано немало различных редакций. Наконец, сошлись на нижеследующем тексте статьи 1 договора:

«В случае, если бы одна из высоких договаривающихся сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или Франции в случае, если бы таковая возгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из высоких договаривающихся сторон».

Так гласила статья 1. Статья 2 касалась балканского вопроса:

«Германия признаёт права, исторически приобретённые Россией на Балканском полуострове, и особенно законность её преобладающего и решительного влияния в Болгарии и в Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном *status quo* названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой».

Статья 3 воспроизводила статью договора 1881 г. относительно закрытия проливов.

К договору был приложен особый протокол. В нём Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император найдёт нужным «принять на себя защиту входа в Чёрное море» в целях «сохранения ключа к своей империи». Германия обещала также никогда не давать согласия на реставрацию принца Баттенбергского на болгарском престоле. Договор вместе с протоколом был подписан Шуваловым и Бисмарком 18 июня 1887 г. Он получил название договора перестраховки: застраховавшись от России и Франции с помощью союзов с Австро-Венгрией и Италией, Бисмарк теперь как бы перестраховывался посредством соглашения с Россией.

Обещая России, согласно новому русско-германскому договору, свой нейтралитет в случае нападения на неё Австрии, Бисмарк, с другой стороны, ещё в 1879 г. гарантировал Австрии военную помощь в случае нападения на неё России. Следует отметить, что ни один из этих договоров не содержал определения, что следует считать «нападением». Решение вопроса, кто на кого напал, Бисмарк оставлял за собой, предлагая положиться на его «лояльность». Ясно, что тем самым он создавал себе орудие для давления и на Россию и на Австрию.

Сложность положения усугублялась тем, что с 1883 г. существовал австро-румынский союз, в силу которого Австрия должна была оказать военную помощь Румынии в случае нападения на неё России. К этому договору немедленно после его подписания примкнула и Германия. Таким образом, она была обязана и в случае войны России против Румынии объявить России войну. Между тем по новому русско-германскому договору Германия обязывалась перед Россией соблюдать в подобном случае нейтралитет. Положение было таково, что могло поставить втупик и самого искушённого дипломата. Но Бисмарка оно не смущало. Он быстро вышел из положения, мимоходом бросив замечание, что для Румынии у Германии всё равно не нашлось бы большого количества войск¹. В 1888 г. Бисмарк

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. VI, № 1162. Пометка Бисмарка.

возобновил договор с Румынией, нимало не смущаясь тем, что у него уже имелось противоречащее ему соглашение с Россией.

Гораздо больше тревожила Бисмарка недостаточность русских обязательств на случай войны с Францией. С этой точки зрения соглашение с Россией не удовлетворяло германского канцлера. Вскоре же по подписании договора он решил привести в действие все рычаги для давления на Россию.

Бисмарк начал с того, что уклонился от помощи России, когда та хотела воспрепятствовать избранию на болгарский престол неприемлемого для неё австрийского ставленника — принца Фердинанда Кобургского. Затем при содействии Бисмарка 12 декабря 1887 г. было заключено новое англо-австро-итальянское соглашение: оно уточняло линию, намеченную соглашением от 12 февраля — 24 марта. Ещё более действенными обещали быть средства экономического давления. Германская пресса начала кампанию против русского кредита. Бисмарк издал указ, запрещающий правительственным учреждениям помещать деньги в русские бумаги; Рейхсбанку он запретил принимать эти бумаги в залог. О новом займе в Берлине русскому правительству не приходилось и думать. Наконец, в конце 1887 г. в Германии было проведено повышение пошлин на хлеб.

**Ухудшение
русско-германских
отношений**

Результатом всех мероприятий, предпринятых Бисмарком против России, было резкое ухудшение русско-германских отношений.

Оно совпало с ещё более острым кризисом в отношениях России с Австро-Венгрией.

Причиной этого кризиса была энергичная поддержка, которую Австро-Венгрия оказывала новому болгарскому князю, в то время как Россия упорно уклонялась от его признания, считая его узурпатором. Осенью Кальноки в публичной речи подверг резкой критике русскую политику. Русское правительство в свою очередь приняло в отношении Австрии угрожающий тон. Всё это сопровождалось шумной газетной перебранкой.

Особую серьёзность придавало этим событиям то обстоятельство, что в России они совпали с переброской нескольких воинских частей на австрийскую границу. На самом деле эта переброска была частью большого плана изменения дислокации русской армии, который был выработан уже давно, ещё до русско-турецкой войны. Новые переброски войск в конце 1887 г., таким образом, не заключали в себе ровно ничего непосредственно угрожающего. Но в накалённой атмосфере 1887 г. австрийцы очень испугались этих военных мероприятий России. Со своей стороны и русская дипломатия (и даже Гирс) не рассеивала этих страхов, рассчитывая использовать их для давления

на Австрию в вопросе о судьбах болгарского княжеского престола.

В довершение всего осенью, во время пребывания Александра III в Копенгагене у родителей его жены, царю были переданы документы, из которых явствовало, что и Бисмарк активно поддерживает князя Фердинанда.

На обратном пути из Копенгагена царь заехал в Берлин. Бисмарк встретил его весьма своеобразно. За день до приезда Александра он издал упомянутый выше указ, запрещающий ломбардирование русских бумаг в Рейхсбанке. А затем, показав таким образом когти, при личной встрече канцлер со всем своим краспоречьем постарался убедить царя, что Германия вовсе не заинтересована в поддержке Фердинанда Кобургского. При этом, разумеется, Бисмарк доказывал подложность переданных царю документов.

Мольтке и его помощник генерал-квартирмейстер Вальдервее, ссылаясь на военные приготовления России, требовали превентивной войны против неё. Они указывали на перевес Германии в отношении боевой готовности и напоминали, что в скором времени соотношение сил может измениться. Но как ни ненавидел Бисмарк Россию, он, тем не менее, не хотел войны против неё. Он предвидел необычайные трудности этой войны. Он знал, что она неизбежно осложнится вмешательством Франции, и понимал все тяготы войны на два фронта. Канцлер запугивал Россию, но решительно противился воинственным планам германского генерального штаба.

К концу декабря русское правительство поняло, что угрозы по адресу Австрии ему не дадут ничего. Но и Бисмарк в свою очередь убедился, что не достигнет тех целей, которые себе ставил, и лишь окончательно испортит русско-германские отношения. Тогда канцлер переменял фронт. Он помог царю получить чисто демонстративное удовлетворение, добившись от султана как сюзерена Болгарии прокламации о незаконности избрания Фердинанда. Последний, впрочем, остался на престоле, хотя и не был признан де юре. После этого политическая атмосфера несколько разрядилась. Но состояние Европы напоминало тяжёлое похмелье. Бисмарк не сумел направить русскую политику в нужный ему политический фарватер. Своим нажимом на Россию Бисмарк достиг результатов, прямо обратных тем, к которым стремился: собственной рукой он заложил фундамент того самого франко-русского союза, предотвращению которого он после 1871 г. в течение стольких лет отдавал свои силы.

Деньги, в которых отказывали в Берлине, царское правительство нашло в Париже. В 1887 г. были заключены первые русские займы во Франции, а в 1888—1889 гг. на парижском денежном рынке была проведена огромная финансовая операция по конверсии русского государственного долга. С тех пор

один заём следовал за другим. Французский капитал стал главным кредитором царизма. Вскоре царская Россия сделалась важнейшей сферой экспорта французского капитала. Дальнейшие события показали, каким важным политическим орудием явились эти займы в отношениях Франции с царской Россией.

После событий 1887 г. прогерманская клика Фердинанда Кобургского вовлекла Болгарию в орбиту австро-германской политики. Но ни ошибки царской политики, ни преступная деятельность болгарской правящей клики не смогли ослабить чувства солидарности, связывающего болгар с их освободителями — русскими. Это чувство осталось важнейшим политическим фактором, с которым в той или иной мере вынуждена была считаться дипломатия кобургской камарильи.

Одним из результатов ухудшения русско-германских и франко-германских отношений явилось и то, что Бисмарк приостановил германскую колониальную экспансию. Ссориться с Англией снова стало опасно. С 1886 г. Бисмарк не производит новых колониальных захватов, если не считать некоторого расширения ранее приобретённых колоний. В 1889 г. Бисмарк предложил Солсбери заключить союз против Франции. На это ему было отвечено отказом.

Солсбери
и английская
политика «блестя-
щей изоляции»

Во внешней политике Солсбери придерживался так называемой «блестящей изоляции» Англии. Солсбери полагал, что Англия всегда сможет использовать конфликты континентальных держав, чтобы спокойно устраивать свои собственные дела. По своим личным свойствам этот министр был как будто создан для такой политики. Умный и тонкий политик, но великий медлитель, ленивый аристократ, без особых усилий оказавшийся во главе торийской партии, он был лишён кипучей энергии Бисмарка, который в непрестанных боях пробивал себе дорогу к власти. Но вместе с тем Солсбери превосходил Бисмарка выдержкой. «Смотреть и выкидать» — такова была его тактика. В лице Солсбери Бисмарк после смерти Горчакова имел единственного более или менее достойного противника на арене европейской дипломатии.

В течение пяти лет между Бисмарком и Солсбери длился скрытый поединок. Решался вопрос, кто из двух партнёров будет втянут в конфликт с Россией. Выигрышной картой Бисмарка были средиземноморская и восточная Антанты. Однако эти обязательства всегда давали Англии возможность ускользнуть от участия в войне. Козыри Солсбери были сильнее: он мог рассчитывать на непримиримость мадьяр в отношении России и на то, что если они втянут Австрию в войну, то и Германия волей-неволей вынуждена будет выступить на стороне своей союзницы.

Отставка
Бисмарка

Во времени переговоров с Англией в 1889 г. положение Бисмарка пошатнулось. В марте 1888 г. умер Вильгельм I, а через три месяца скончался и его сын Фридрих III. На престол вступил Вильгельм II. Самовлюбленный, суетливый, любитель театральных поз и напыщенных речей, всегда стремившийся играть эффектную роль, молодой кайзер скоро поссорился с властным стариком-канцлером, который не терпел вмешательства в свою политику. Между канцлером и кайзером имелись серьезные разногласия по вопросу об отношении к России. Генерал Вальдерсее, сменивший в 1888 г. дряхлого Мольтке, продолжал настаивать на превентивной войне против России; молодой кайзер склонялся к этой точке зрения. Бисмарк, как всегда, считал войну против России губительной.

В силу целого ряда обстоятельств, преимущественно внутренней политики, в марте 1890 г. Бисмарк вынужден был уйти в отставку после 28 лет пребывания на посту главы правительства сначала Пруссии, а затем Германской империи. Это случилось в тот момент, когда между ним и Шуваловым уже начались переговоры о возобновлении договора перестраховки, срок которого истекал в июне 1890 г.

Новый канцлер генерал Каприви был заражен настроениями генерального штаба. Он считал, что избежать войны с Россией нельзя и что договор с ней ввиду этого бесполезен. Таковы же были взгляды и советника ведомства иностранных дел барона Гольштейна. Этот чиновник, скромный по рангу, начал свою карьеру, исполняя обязанности бисмарковского шпиона за своим непосредственным начальником — послом в Париже графом Арнимом. Говорят, Гольштейну доводилось подслушивать беседы Арнима, лёжа под большим диваном в приёмной посольства. Берлинское высшее общество подвергло Гольштейна ostracismu, но он держался прочно благодаря всемогущему канцлеру. Это не мешало тому же Гольштейну принимать живейшее участие в интригах против Бисмарка в расчёте на то, что после ухода канцлера к нему самому перейдёт фактическое руководство внешней политикой Германской империи. Гольштейн не ошибся. Каприви мало смыслил в дипломатии. Не особенно опытен в ней был и новый статс-секретарь Маршалль фон Биберштейн. Между тем Гольштейн прекрасно знал все дела, был на редкость трудоспособен и вскоре прибрал к рукам всю германскую дипломатию. Гольштейн чуждался всякого гласного выступления: он умел действовать только в недрах своего кабинета. Основной чертой его характера была крайняя подозрительность. Она порождала у Гольштейна вечные, часто фантастические, сомнения и страхи: нередко в своих политических выкладках он исходил из совершенно химерических положений. После отставки Бисмарка Гольштейн вообразил,

что возобновление договора перестраховки крайне опасно; при ухудшившихся отношениях русское правительство может использовать этот документ, чтобы, показав его австрийцам, взорвать Тройственный союз. Это было чистой фантазией. Никто так не боялся разглашения тайны этого договора, как царь Александр III, чрезвычайно считавшийся с катковскими кругами. Как бы то ни было, Гольштейн, Маршалль и Каприви решили, что договора возобновлять не стоит.

Дипломатия Бисмарка ставила своей задачей предотвращение непосильной войны на два фронта. Дипломатия Каприви считала эту задачу невыполнимой. Она исходила из предпосылки, что Германия должна готовиться к войне против франко-русского блока.

Для успеха подготовки нужно было создать такую группировку, которая превосходила бы по своей силе Россию и Францию, взятые вместе. Ключ к разрешению задачи находился в руках Англии. Её присоединение к Тройственному союзу дало бы ему безусловное превосходство над франко-русской группой. Оно обеспечило бы верность Италии, открытое побережье которой не позволяло ей идти против Англии — этой владычицы морей. Оно помогло бы привлечь и Турцию на сторону Тройственного союза.

Сближение было начато договором, заключённым между Германией и Англией летом 1890 г. Германия уступала Англии ряд важных территорий в Африке, прежде всего Уганду, открывавшую доступ к верховьям Нила. Она соглашалась и на британский протекторат над Занзибаром, центром восточно-африканской торговли. В обмен Англия уступала Германии Гельголанд. Его стратегическое значение было огромно. Гельголанд является ключом к германскому побережью Северного моря. Англичане в те годы недооценивали важность этой позиции.

Однако, невзирая на удачное начало англо-германского сближения, надежды Каприви на Англию не оправдались. Английское правительство упорно отклоняло многократные предложения примкнуть к Тройственному союзу, которые делал Каприви в период своего канцлерства (с 1890 по 1894 г.).

**Бисмарк
как дипломат**

С уходом Бисмарка завершился крупнейший этап в истории германской дипломатии. Бисмарк был, несомненно, единственным выдающимся дипломатом Германской империи. Он являлся представителем прусского юнкерства и германской буржуазии в период борьбы за национальное объединение Германии, а затем за упрочение созданного им государства. Он жил и действовал в эпоху, когда империализм ещё далеко не сложился. Проблемы колониальной политики не стояли для Бисмарка на первом плане. Не помышлял он и о создании мощного гер-

манского флота. Изоляция Франции составляла главную задачу дипломатии первого германского канцлера, а высшим своим достижением он счёл бы новую локализованную войну против Франции — лишь бы удалось добиться прочных гарантий против вмешательства третьих держав. Такая война превратила бы Германию в гегемона Западной Европы.

Отличительной особенностью дипломатии Бисмарка был её боевой и насильнический характер; в этом смысле канцлер был с ног до головы представителем прусского военного государства. К Бисмарку полностью применимо определение Никольсона, что «немецкая политика в основном является политикой силы». Когда Бисмарк видел перед собой противника, то первым движением канцлера было отыскать наиболее уязвимые его места, чтобы как можно сильнее по ним ударить. Нажим и удар были для Бисмарка средством не только побеждать врага, но и добывать себе друзей. Чтобы обеспечить верность союзника, Бисмарк всегда держал против него камень за пазухой. Если подходящего камня в его распоряжении не оказывалось, он старался запугать своих друзей всяческими мнимыми неприятностями, которые он якобы может им причинить.

Если нажим не помогал или при всей своей изобретательности Бисмарку не удавалось отыскать никакого средства давления или шантажа, он обращался к другому излюбленному своему приёму — к подкупу, при этом чаще всего за чужой счёт. Постепенно у него выработались своего рода стандарты взяток. Англичан он покупал содействием в египетских финансовых делах; русских — предоставлением помощи или свободы действий в той или иной из восточных проблем; французов — поддержкой в деле захвата самых разнообразных колониальных территорий. Арсенал таких «подарков» был у Бисмарка достаточно велик.

Менее охотно применял Бисмарк такой дипломатический приём, как компромисс, которым столь богаты летописи дипломатии англо-саксонских стран. Конечно, на протяжении долгой дипломатической деятельности канцлера найдётся немало компромиссов; достаточно вспомнить хотя бы переговоры с Шуваловым о формуле нейтралитета в договоре перестраховки. Но в общем это был не его стиль.

Бисмарк являлся большим реалистом. Он любил, когда это требовалось, толковать о монархической солидарности. Однако это не мешало ему поддерживать республиканцев во Франции, а в 1873 г. и в Испании в противовес монархистам, поскольку он тогда считал, что республиканские правительства в этих странах с точки зрения интересов Германской империи будут наиболее удобными.

Бисмарк не давал простора чувствам в своей политике: он всегда старался руководствоваться исключительно расчётом.

Если какое чувство иногда и врывалось в его логику, то чаще всего — гнев. Гнев и ненависть были, пожалуй, единственными эмоциями, которые порой могли на время отклонить канцлера с пути холодного и трезвого расчёта.

Бисмарк полагал, что в политике уместно любое вероломство, позволительна любая гнусность. Пример с русско-германским договором показывает, что Бисмарку ничего не стоило подписать два несовместимых обязательства: лояльное выполнение одного из них исключало выполнение другого. Эсская дедеша не исчерпывает списка совершённых им провокаций. В сущности, в течение всего своего канцлерства он занимался непрерывным провоцированием русско-турецких, англо-русских или франко-английских конфликтов.

Другой чертой дипломатии Бисмарка была исключительная активность. Бисмарк был энергичной, чрезвычайно деятельной натурой, которая буквально не знала покоя. Его мозг непрерывно и неутомимо работал над поисками всё новых дипломатических комбинаций.

Читая доклады Бисмарка императору, его инструкции послам и записки, которые он порой диктовал для самого себя или для уяснения своих взглядов ближайшим сотрудникам, нельзя не поражаться тем, какое множество сторон международной ситуации охвачено и связано друг с другом в этих документах. Перед читателем развёртывается бесконечно сложная и вместе с тем цельная и продуманная политическая концепция. Странно, но из-под пера этого политического дельца порой выходили строки, которые по своему характеру больше напоминают углублённый теоретический анализ международного положения или серьёзную журнальную статью, нежели официальный документ. Если бисмарковский анализ международного положения поражает своей сложностью, то практические выводы, которые Бисмарк делал из этого анализа, не меньше изумляют многообразием намечаемых дипломатических комбинаций. Простота не принадлежала к особенностям бисмарковской политики, несмотря на то, что цель её бывала обычно выражена с предельной ясностью.

Бисмарк почти всегда отчётливо знал, чего он хочет, и умел развивать поразительное волевое напряжение для достижения своей цели. Шёл же он к ней иногда и напролом, но чаще — сложными, порой запутанными, тёмными, всегда разнообразными и беспокойными путями.

После мировой войны немецкие историки, без устали фальсифицируя историю, часто изображали Бисмарка как непогрешимого политика. Таковым он, конечно, не был. Список его ошибок не так уж мал. Но, тем не менее, он был крупнейшим дипломатом Германии. Если же сравнить его с деятелями последующего поколения, с теми, которые руководили

политикой Германии после его отставки, то он и в самом деле может показаться «недосягаемым» и «непогрешимым» политиком.

Бисмарка изображают порой чуть ли не другом России. Это неверно. Он был её врагом, ибо усматривал в ней главное препятствие для германской гегемонии в Европе. Бисмарк всегда старался вредить России. Он стремился втянуть её в конфликты с Англией, Турцией. Но канцлер был достаточно умен, чтобы понимать, какая огромная сила таится в русском народе. Бисмарк видел, что царская власть скрывает могучие силы России, и это было одной из причин, почему он предпочитал царское самодержавие всякому другому русскому режиму. Всячески вредя России, Бисмарк старался это делать чужими руками. Грозным предостережением звучат строки, посвящённые Бисмарком проблеме русско-германской войны. «Эта война с гигантскими размерами своего театра была бы полна опасностей, — говорил Бисмарк. — Примеры Карла XII и Наполеона доказывают, что самые способные полководцы лишь с трудом выпутываются из экспедиции в Россию»¹. И Бисмарк полагал, что война с Россией явилась бы для Германии «большим бедствием». Если бы даже военное счастье улыбнулось Германии в борьбе с Россией, то и тогда «географические условия сделали бы бесконечно трудным доведение этого успеха до конца»².

Но Бисмарк шёл дальше. Он не только сознавал трудности войны с Россией. Он считал, что если бы даже, вопреки ожиданию, Германии удалось добиться полного успеха в чисто военном смысле этого слова, то и тогда она не достигла бы настоящей политической победы над Россией, ибо нельзя победить русский народ. Полемизируя со сторонниками нападения на Россию, Бисмарк в 1888 г. писал: «Об этом можно было бы спорить в том случае, если бы такая война действительно могла привести к тому, что Россия была бы разгромлена. Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия. Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских... Эти последние, даже если их расчленишь международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как частицы разрезанного кусочка ргути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...»³

Строки эти отнюдь не свидетельствуют о симпатиях канцлера к России. Они говорят о другом: старый хищник был осторожен и зорок.

¹ «Documents diplomatiques français», 1-ère série, v. V, № 168, p. 176.

² Cecil, Life of Salisbury, v. III, p. 258.

³ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. VI, № 1340.

**Франко-русский
союз
(1891—1893 гг.)**

Русское правительство без замедления сделало свои выводы из отказа правительства Каприви от возобновления договора перестраховки и из попыток Германии сблизиться с Англией. Франция отныне должна была стать не только кредитором, но и союзником Российской империи. Гирс, правда, по мере своих сил тормозил сближение с Францией. Когда весной 1891 г. французское правительство, оправившись от испуга, объяввшего его в 1887 г., поставило в Петербурге вопрос о союзе, оно сначала получило уклончивый ответ. Царскому правительству скоро пришлось об этом пожалеть: парижский Ротшильд тут же отказал ему в очередном займе, вдруг вспомнив об участии своих единоверцев-евреев в Российской империи.

В военном союзе Франция нуждалась больше, чем Россия. При этом финансовую зависимость царизма от французского капитала она могла использовать, чтобы побудить Россию связать себя союзными обязательствами. Не следует, однако, видеть в этой зависимости единственную основу франко-русского союза. Хотя и не так сильно, как Франция, но и царское правительство тоже боялось остаться изолированным перед лицом Германии. Особенно встревожилось оно после того, как 6 мая 1891 г. состоялось возобновление Тройственного союза, сопровождавшееся демонстрациями дружбы между его участниками и Англией.

В июле 1891 г. французский флот прибыл с визитом в Кронштадт; при встрече эскадры царь Александр III с непокрытой головой прослушал «Марсельезу». То было невиданным зрелищем: самодержец всероссийский обнажил голову при звуках революционного гимна.

Одновременно с кронштадтской демонстрацией был заключён франко-русский консультативный пакт (самый термин, впрочем, в ту пору ещё не употреблялся). Пакту была придана довольно сложная форма. 21 августа 1891 г. Гирс послал русскому послу в Париже Моренгейму письмо для передачи французскому министру иностранных дел Рибо. Письмо начиналось с указания на причины, которые ближайшим образом вызывали заключение франко-русского соглашения. Гирс указывал на «положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом». В письме далее констатировалось, что «в случае, если бы мир оказался действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны устремляются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий на-

стоятельным для обоих правительств». 27 августа Рибо ответил письмом на имя Моренгейма. В нём он подтверждал согласие французского правительства со всеми положениями Гирса и, кроме того, ставил вопрос о переговорах, которые заранее уточнили бы характер предусмотренных данным соглашением «мер». По существу, Рибо предлагал заключение военной конвенции. Летом 1892 г. в Петербург приехал заместитель начальника французского генерального штаба. Во время его пребывания в русской столице военная конвенция была предварительно подписана представителями генеральных штабов. После этого по приказу царя её текст был послан на политическую апробацию министру иностранных дел.

Гирс считал, что обмена прошлогодними письмами о взаимной консультации вполне достаточно. Он положил проект конвенции под сукно. В таком положении дело оставалось до декабря 1893 г. Панамский скандал, создавший некоторую неустойчивость внутреннего положения Франции, помогал Гирсу тормозить оформление военной конвенции.

Сдвинуть с мёртвой точки дело франко-русского сближения помогло германское правительство. Оно совершило по отношению к России новые враждебные акты. Стремясь завоевать для своей промышленности русский рынок, оно явно клонило дело к таможенной войне. В 1893 г. такая война, наконец, разразилась. Таможенная война должна была способствовать экономическому закабалению России германским капиталом. В том же году в Германии был принят закон о новом значительном усилении армии. В результате в 1893 г. русская эскадра демонстративно отдала визит французскому флоту в Тулоне. 27 декабря 1893 г. Гирс был вынужден сообщить французам, что Александр III одобрил проект франко-русской военной конвенции.

Статья 1 конвенции гласила:

«Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию».

Статья 2 устанавливала, что «в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав Франция и Россия по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам». Далее определялось количество войск, которое будет двинуто Россией и Францией против Германии как сильнейшего члена враждебной группировки. Французы очень добивались, чтобы Россия поменьше

сил направляла на австрийский фронт. Для французов было очень важно, чтобы возможно большее количество русских войск было брошено против Германии. Это вынудило бы германское командование перебрасывать на восток свои войска с французского фронта. С апробацией военной конвенции франко-русский союз был окончательно оформлен.

Германское правительство пожинало плоды своего отдаления от России. Страшной ценой расплачивалось оно за близорукость и самонадеянность своей дипломатии: расплатой явился франко-русский союз. Хотя соглашения 1891 и 1893 гг. и оставались строго секретными, но Кронштадт и Тулон достаточно ясно говорили о том, что происходило за кулисами. Германия осложнила отношения с Россией, но не добилась взамен союза с Англией.

Германское правительство попыталось было исправить свою ошибку и вновь сблизиться с Россией. В 1894 г. таможенная война закончилась заключением русско-германского торгового договора. Это отчасти открывало путь и для нормализации политических отношений.

Потребность восстановить неосторожно нарушенные нормальные отношения с Россией была тем сильнее, что влиятельные капиталистические круги Германии всё решительнее требовали приобретения обширных колоний; это означало, что внешняя политика Германии должна вступить на антианглийский путь. Опасность одновременного отчуждения и от России и от Англии была слишком очевидна. За восстановление прежних отношений с Россией агитировал и опальный Бисмарк: он развернул энергичную борьбу против правительства Вильгельма II. Но франко-русский союз стал уже фактом; устранить его Германия не могла.

Итоги развития международных отношений с 1871 по 1893 г. можно резюмировать словами Энгельса: «Крупные военные державы континента разделились на два больших, угрожающих друг другу лагеря: Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой»¹. Англия оставалась пока вне этих двух блоков; она продолжала строить свою политику на их противоречиях. При этом до середины 90-х годов её дипломатия тяготела скорее к германской группировке, хотя объективно уже в течение довольно долгого времени нарастал англо-германский антагонизм.

¹ Маркс и Энгельс, Соч. т. XVI, ч. 2, стр. 33.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

**НАЧАЛО АНГЛО-ГЕРМАНСКОГО
АНТАГОНИЗМА.**

**ОБОСТРЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
ПРОБЛЕМЫ**

С тех пор как Пруссия разбила Францию и создала Германскую империю, Англия не могла не опасаться новых актов немецкой агрессии. Дальнейшее усиление Германии могло привести к её гегемонии на континенте. Многие проныцательные люди в рядах британских политиков не упускали из виду этой страшной угрозы. Впрочем, не было недостатка среди них и в охотниках разрешить колониальные конфликты с Россией или Францией, спровоцировав войну между каждой из них и немцами. Именно так рассуждал Солсбери в 1887 г., хотя позже и он понял опасность такой политики.

Вскоре после событий 1871 г. к угрозе германской гегемонии присоединилась опасность германской торговой конкуренции. Начиная с кризиса 1873 г., Англия всё острее ощущала успехи своего нового соперника. В 1883 — 1885 гг. Германия захватила свои первые колонии. С этих пор она выступает уже не только в качестве торгового конкурента Великобритании, но и как её соперник в борьбе за раздел ещё свободных колониальных территорий. Тем не менее в течение 70—80-х годов, невзирая на торговую конкуренцию, политические отношения между Германией и Англией, за исключением 1875 г., а также периода с 1880 по 1885 г., оставались нормальными, а порой и дружественными.

Положение изменилось в 90-х годах. С середины последнего десятилетия XIX века перед внешней политикой Германии была поставлена новая задача: создание обширной колониальной империи и установление «сфер влияния» в отсталых странах. Это становится основным делом германского капитализма.

Однако в это время раздел мира уже приближался к своему завершению. Германии приходилось думать уже не столько о захвате «свободных» земель и выкраивании «сфер влияния» в неподелённых странах, сколько о том, чтобы отнять колонии

и «сферы влияния» у других капиталистических держав. Дело шло, таким образом, не только о разделе, но и о переделе ранее захваченных территорий.

С середины 90-х годов, когда захват колоний стал основной задачей германской внешней политики, англо-германские отношения начали обостряться. К 1893 г. Гольштейн и Каприви окончательно убедились в том, что им не удастся привязать Англию к Тройственному союзу. Именно это и было непосредственным поводом к повороту в германской политике по отношению к Англии. Всюду, где только возможно, Германия начинает противодействовать британской колониальной политике. В Египте, где в 80-х годах Германия обычно поддерживала интересы Англии, она теперь всё чаще использует свою помощь как средство шантажа в целях вымогательства у Англии разных колониальных уступок. При этом она становится нередко и на сторону Франции. В 1894 г. совместно с Францией Германия срывает договор об аренде Англией полосы земли у Конго, что дало бы возможность установить территориальную связь между британскими владениями в бассейне верхнего Нила и Британской Южной Африкой. Здесь предполагалось провести телеграфную линию; в будущем проектировалась грандиозная трансконтинентальная железная дорога Каир — Кейптаун. С 1893—1894 гг. Германия начинает заигрывать с бурами, поощряя их к сопротивлению англичанам.

В 1891 г. образовался так называемый Пангерманский союз. Формальным поводом для его создания был протест колониальных кругов против уступок, сделанных Англии по договору 1890 г. Организация эта включала ряд видных парламентариев, преимущественно из консервативной, а ещё больше из национал-либеральной партии, профессоров, юристов, промышленников, генералов и офицеров. Союз финансировался крупными металлургическими фирмами. Монополистическая тяжёлая индустрия и была подлинным его хозяином. Союз оказал немалое влияние на деятельность германской дипломатии.

Пангерманский союз занимался пропагандой самой бесшабашной империалистической экспансии; он проповедывал превосходство немцев над всеми другими народами и провозглашал, что немецкая культура является самой высокой культурой во всём мире. Многие бредовые идеи гитлеризма будут заимствованы впоследствии из арсенала пангерманцев.

Пангерманский союз требовал создания обширной колониальной империи в Африке и в Южной Америке. Он призывал германское правительство к переделу колоний, рекомендуя начать с владений малых держав (Португалии, Бельгии), но не останавливаться и перед захватом колоний Англии и Франции. Он советовал не стесняться такими «пустяками», как международное право — вроде, например, торжественно признанного самой Гер-

манней нейтралитета Бельгии. Тем более не стоило, по мнению пангерманцев, церемониться с доктриной Монро.

Особое внимание уделяли пангерманцы Турции. Они носились с идеей превращения всей Турции в немецкую колонию. Междуречье Тигра и Евфрата должно было стать житницей Германской империи и её хлопковой плантацией, которая дала бы недостающее Германии текстильное и военное сырьё. Турки и арабы должны были стать колониальными рабами немцев.

Требуя колониальной экспансии, пангерманцы, пожалуй, ещё больше интересовались захватами в Европе. Скандинавия, Голландия, Дания и часть Швейцарии должны были стать частями Германской империи. Ту же участь пангерманцы готовили Бельгии и восточной Франции; здесь их особенно интересовало побережье Па-де-Кале — по соображениям стратегическим — и железорудные бассейны Бриэй и Лонгви — по мотивам экономическим. Пангерманцы стремились к ограблению и расчленению России. Они требовали захвата Прибалтики, Украины, Кавказа. Среди пангерманцев было много остзейских немцев, которые отличались особенной ненавистью к России.

Пангерманцы были злейшими врагами славянства. Все славяне, в частности народы Балканского полуострова, обращались, по их замыслам, в рабов германского империализма.

Союзную Австро-Венгрию пангерманцы предполагали «объединить» с Германской империей. Вместе с Балканами она должна была составить для немцев мост в Турцию, по которому — предполагали они — пойдёт немецкий «натиск на Восток», пресловутый «Drang nach Osten».

Легкомысленно толкая Германию и на Восток, против России, и против Англии и Америки, пангерманцы бросали вызов величайшим державам мира. Эти авантюристы считали, что удар немецкого «бронированного кулака» разрешит все мировые политические проблемы.

Пангерманский союз был невелик, но его пропаганда постепенно захватывала весьма широкие круги немецкой буржуазии. Юнкерская и буржуазная печать с 90-х годов заполнена была призывами к захватам как в колониях, так и в Европе. Вот что писал известный в своё время журнал «Zukunft», статья которого может служить образчиком этой пропаганды. Призывая к войне против Франции, журнал считал необходимым отнять у неё ряд восточных департаментов, а дабы избежать увеличения инонациональных элементов в Германской империи, — искоренить всё местное французское население. Взывая к традициям древнегерманских варваров, автор продолжал: «Как, вы хотите обратиться к огню и мечу и уничтожить или изгнать жителей? — спросят нас с ужасом. — Конечно, нет, друзья. Я намерен держаться в рамках полуварварства... Я не

хочу ничего сверх двух средств, применяемых цивилизованными народами, — экспроприации и контрибуции». Такого рода пропаганда германские империалисты десятилетиями отравляли сознание немецкого народа. Уже в 90-х годах пангерманские настроения стали овладевать кайзером и многими членами его правительства. Германская дипломатия проникается идеей, что политика Бисмарка была слишком узкой, только «европейской» политикой. Теперь Германия должна вести «мировую политику» (*Weltpolitik*). Было бы, конечно, преувеличением сказать, что уже тогда, в 90-х годах прошлого века, германская дипломатия, канцлеры и сам сумасбродный кайзер полностью принимали захватническую программу пангерманцев. Этого тогда ещё не было. Но влияние пангерманцев всё возрастало. Основная мысль — о необходимости широчайшей экспансии — была усвоена Вильгельмом II, такими канцлерами, как Булов, такими министрами, как адмирал Тирпиц, или как Кидерлен-Вехтер и Ягов. Германская политика начиная с конца XIX века становится всё более агрессивной. Её провокации становятся всё наглее и наглее. Финалом была война 1914 г. и крах, последовавший в 1918 г.

Германские притязания на мировую гегемонию глубоко задевали Англию с её огромными колониальными владениями.

Однако вскоре выявились три обстоятельства, которые побуждали английскую дипломатию до поры до времени изыскивать все средства, чтобы задержать или хотя бы затушевать нарастание англо-германского антагонизма. К этому вынуждали: 1) рост русского влияния на Дальнем Востоке, 2) конфликт Англии с Францией из-за господства над верхним Нилом и 3) подготовка войны с бурами.

Обострение
дальневосточного
вопроса.
Японо-китайская
война
1894—1895 гг.

В течение 70—80-х годов Япония превратилась в довольно значительную военную державу с ярко выраженными агрессивными стремлениями. В 1874 г. Япония захватила Формозу, но тут же вынуждена была её покинуть по требованию Англии, которая, владея

Гонконгом и распорядившись в шанхайском селтльменте, считала себя хозяйкой всех морей, омывающих Южный и Средний Китай. Но ещё больший интерес, нежели приобретение островной базы в районе Южных морей, представляло для Японии завоевание плацдарма, который мог бы быть использован для дальнейшей широкой экспансии на азиатском материке.

В качестве такого плацдарма намечалась Манчжурия как ближайшая к Японии часть Китая, в те времена слабо населённая и почти незащищённая. Подступом к Манчжурии являлась Корея. Она представляла как бы мост, ведущий с японских островов на континент; к тому же она занимала ключевую по-

зицию у входа в Японское море. Корейский король являлся вассалом китайского богдыхана, и усилия Японии были направлены на то, чтобы оторвать Корею от Китая и подчинить её себе.

Японское правительство стало засылать в Корею своих агентов. Под видом торговцев, комиссионеров, ремесленников они вели там подрывную работу. Подкупом и угрозами Япония создавала свою партию при королевском дворе в Сеуле. Уже в 70-х годах завязалась японо-китайская борьба за Корею. Разными путями Китай пытался воспрепятствовать росту японского влияния в корейском королевстве. Так, например, в 80-х годах Ли Хун-чжан в противовес влиянию Японии поощрял заключение Кореей договоров с другими иностранными державами. Ли называл это «применением одного яда против другого»¹ — приём, обычный для дипломатии слабых стран. Для характеристики принципов японской дипломатии интересен разговор, который имел место в 1876 г. между Ли Хун-чжаном и японским дипломатом Мори Аринори: «Мне кажется, что на трактаты нельзя полагаться», — заметил Мори. «Мир народов зависит от трактатов. Как вы можете утверждать, что полагаться на них нельзя?» — наставительно ответил Ли. «Трактаты подходят для обычных торговых отношений, — возразил Мори. — Но великие национальные решения определяются соотношением сил народов, а не трактатами». «Это ересь! — воскликнул Ли. — Полагаться на силу и нарушать трактаты несовместимо с международным правом». «Международное право также бесполезно», — отвечивал Мори². В 1889 г. Ито заявил Ли Хун-чжану, что претензии Китая на Корею имеют лишь «сентиментальный» и «исторический» характер. Между тем у Японии они основываются на экономической необходимости — потребности в корейском рынке и в территории для колонизации.

В 1885 г. между Японией и Китаем был заключён договор, согласно которому оба государства обязывались не посылать в Корею войск без взаимного извещения. Тем самым Китай признал за Японией право на ввод японских войск в Корею при известных условиях. Согласившись на этот договор, китайское правительство вслед за этим, однако, напрягло все усилия, чтобы упрочить своё положение в Корее. Скоро китайский представитель в Сеуле, знаменитый впоследствии Юань Ши-кай, на некоторое время стал подлинным хозяином корейской политики.

Стратегическое значение Кореи привлекало к ней внимание и русского правительства. Оно всячески стремилось помешать как захвату Кореи Японией, так и упрочению там влияния

¹ *Rolland, American Relations with Korea 1882—1895, «Chinese Social and Political Science Review», 1932, № 3, p. 426.*

² *Tsiang, Sino-Japanese Diplomatic Relations 1870—1894, «Chinese Social and Political Science Review», 1933, t. XVII, № 1, p. 59.*

Китая, за которым стояла Англия. Что касается корейского правительства, то оно само искало поддержки у России.

Нарастающая угроза русским дальневосточным владениям со стороны других держав активизировала и политику России в странах Дальнего Востока. Во время англо-русского конфликта из-за Афганистана (1885 г.) обозначилась возможность нападения английского флота на дальневосточную окраину России, в ту пору почти беззащитную: переброска войск из России на Дальний Восток походным порядком через необозримые пространства всей Сибири представляла бы чрезвычайные трудности. Вскоре после афганского инцидента и был поставлен вопрос о проведении железной дороги через Сибирь до Владивостока. Этому требовали не только военные, но и экономические соображения. Английская опасность усугублялась тем, что в ту пору британское влияние господствовало в Пекине, и Англия могла использовать против России и Китай. Ещё более серьёзную угрозу для русского Дальнего Востока представляла собой Япония.

В 1891 г., пользуясь приливом денег из Франции, Россия начала строить великую Сибирскую железную дорогу. В 1892 г. министром финансов Российской империи был назначен С. Ю. Витте. 18 ноября 1892 г. он представил царю Александру III докладную записку о Дальнем Востоке, в которой наметил широкую финансовую и политическую программу. Сибирская дорога, по мысли Витте, должна была отвлечь грузы от Суэцкого канала и стать проводником русских промышленных изделий на китайский рынок. Дорога «обеспечит русскому военному флоту всё необходимое и даст ему твёрдую точку опоры в наших восточных портах, — писал Витте. — Посему, — продолжал он, — с открытием дороги флот этот может быть значительно усилен и, в случае политических осложнений как в Европе, так и на Азиатском Востоке, получит в высокой степени важное значение, господствуя над всем международным коммерческим движением в тихоокеанских водах»¹. Записка Витте была первым наброском дальневосточной программы русского правительства, подлинным вдохновителем которой стал новый министр финансов. Руководящая роль Витте отчасти определялась тем, что в экспансии на Дальнем Востоке большую роль должны были играть железнодорожное строительство и финансовое закабаление экономически слабого Китая. Вслед за Дизраэли Витте был едва ли ни крупнейшим «некарьерным» дипломатом. Но лидер английских консерваторов пришёл к дипломатической деятельности в качестве партийного политика; что касается Витте, то он вступил на дипломатический путь благодаря своему положению министра финансов, кото-

¹ Романов, Россия в Манчжурии, Л. 1928, стр. 60.

рый был посредником между русской государственной казной и международной биржей.

Гроза разразилась на Дальнем Востоке раньше, нежели царское правительство успело закончить Сибирскую дорогу и явиться во всеоружии к своим дальневосточным рубежам.

В 1894 г. в Корее вспыхнуло восстание. Корейское правительство не имело сил справиться с ним и обратилось с просьбой о помощи к сюзерену Кореи, китайскому императору. Китайское правительство направило в Корею около 3 тысяч солдат. Немедленно туда послала свои войска и Япония: ими был оккупирован ряд портов и окрестности столицы. Китайское правительство испугалось. Утверждая, что восстание уже подавлено, Китай предложил Японии обоюдно отвести из Кореи войска. Но Япония отказалась сделать это до тех пор, пока в Корее не будут проведены «реформы», водворён «порядок» и реорганизована с этой целью местная администрация. Япония «пригласила» Китай совместно заняться «реформированием» Кореи. Китайское правительство понимало, что «реформы» на практике окажутся лазейкой, через которую Япония проберётся к руководству всей корейской политикой и станет фактической хозяйкой страны. Поэтому китайское правительство отклонило японское предложение, ответив, что японский план предполагает недопустимое вмешательство во внутренние дела Кореи.

25 июля Япония открыла военные действия против Китая. Объявление войны последовало лишь через несколько дней, 1 августа 1894 г. Таким образом, японской дипломатии принадлежит «честь» введения в международную практику нового времени обычая начинать войну без её объявления.

До этих лет безусловное экономическое и политическое первенство в Китае принадлежало Англии. Японо-китайская война, конечно, чувствительно задевала британские интересы. Но в Англии преобладала точка зрения представителей тяжёлой промышленности и англо-индийских кругов; главную опасность для Англии они усматривали в России и готовы были мириться с успехами Японии, надеясь использовать её в будущем против своего старого русского соперника.

Иной оказалась позиция русского правительства. Озабоченное безопасностью своих владений на Дальнем Востоке, оно отнюдь не желало встретить там Японию в качестве соседа. Как вести себя перед лицом событий на Дальнем Востоке? Этот вопрос стал предметом обсуждения так называемых «особых совещаний». В России, за отсутствием единого кабинета министров, издавна для наиболее ответственных политических решений собиралось Особое совещание, состоявшее из министров и других сановников империи; на его заседаниях нередко председательствовал сам царь. В течение японо-китайской

войны Особое совещание собиралось 4 раза. Первое из этих совещаний состоялось 21 августа 1894 г. По предложению Гирса, оно решило сделать попытку совместно с Англией добиться прекращения войны на основе «сохранения status quo» в Корее, «не оказывая каким-либо способом предпочтения той или другой из воюющих держав»¹. Из этого плана ничего не вышло. Япония продолжала войну.

Китай был разбит и запросил мира. Япония была готова начать для вида мирные переговоры, дабы этим предупредить опасность иностранного вмешательства. Однако она отнюдь не собиралась доводить эти переговоры до конца и в самом деле прекратить войну. 30 января 1895 г. китайские уполномоченные прибыли в Коба; но японская дипломатия, явно стремясь затянуть войну, объявила их полномочия недостаточными. Под этим предлогом японцы продолжали военные действия.

1 февраля 1895 г. в Петербурге собралось второе Особое совещание. Оно вынуждено было считаться с фактом захвата японцами таких стратегических позиций, как Корея, часть Манчжурии, Ляодун и Вэй-Хай-Вэй. Министерство иностранных дел предложило захватить остров Каргодо, который, по его мнению, мог бы стратегически компенсировать Россию. По поводу этого предложения на совещании развернулась оживлённая дискуссия. Морской министр Тыртов, не надеясь на готовность флота, предложил лучше действовать на суше и занять часть Манчжурии. Тогда выступил военный министр Ванновский. В свою очередь он отверг возможность использовать против Японии сухопутные силы. В конце концов было решено попытаться войти в соглашение с Англией и Францией о совместном воздействии на Японию в целях обеспечения независимости Кореи. В марте 1895 г. между Петербургом, Парижем и Лондоном было достигнуто соглашение об ограждении корейской независимости.

Японская дипломатия была напугана возможностью англо-русского сближения. Она твердила, что Япония и не помышляет покушаться на захват Кореи.

13 марта 1895 г. Китаю был вручён текст японских мирных условий. Они предусматривали отказ Китая от сюзеренитета над Кореей, которая объявлялась независимой. Эта «независимость» Кореи должна была лишь маскировать фактическое господство Японии. Далее, Япония потребовала Ляодун с южно-манчжурским побережьем от корейской границы до Инкоу, Формозу, Пескадорские острова, контрибуцию в 300 миллионов таэлей и ряд коммерческих льгот, включая открытие семи новых портов для иностранной торговли и право навигации по верхнему течению Ян-Цзы.

¹ Романов, Россия в Манчжурии, стр. 66—67.

20 марта 1895 г. в Симоносеки открылись японо-китайские переговоры о мире.

Китайское правительство не имело сил для сопротивления. Ему пришлось принять эти тяжкие условия. 17 апреля 1895 г. между Японией и Китаем был подписан Симоносекский мирный договор. Соглашаясь на униженный мир, китайский уполномоченный Ли Хун-чжан втайне рассчитывал на иностранное вмешательство. Эта надежда имела основания: русское правительство после некоторых колебаний решило оградить себя и Китай от проникновения Японии на азиатский материк.

В этот решающий момент английский кабинет отказался от вмешательства в японо-китайские дела. Между тем, раз мир был уже подписан, русскому правительству нельзя было мешкать ни минуты. К этому времени Гирс умер. Вместо него министром иностранных дел был назначен бывший посол в Вене князь Лобанов-Ростовский. Лобанов обладал многолетним опытом. Новый министр не сразу решился выступить против Японии ввиду неясности позиций Франции и Германии и явного самоустранения Англии. Одно время он думал, что недостаток сил вынудит Россию встать на путь «сотрудничества» с Японией в целях совместного дележа Китая; в качестве компенсации за японские завоевания он предлагал приобрести незамерзающий порт на Тихом океане и Северную Манчжурию для выпрямления линии Сибирской железной дороги. Николай II одобрил идею «компенсации»: он предполагал захватить Порт Лазарева в Корее с полоской земли, соединяющей его с русскими владениями. Однако спустя несколько дней, 11 апреля, Лобанов явился на Особое совещание с сообщением, что германское правительство заявило ему о своей готовности присоединиться к любому выступлению России за ограничение японских завоеваний. Лобанов успел снестись и с Францией; от неё он получил обещание действовать солидарно с Россией. Ввиду новой, более благоприятной обстановки большинство членов Совещания во главе с Витте высказалось за то, чтобы изгнать Японию с материка. Не без колебаний отказался Николай от Порта Лазарева и утвердил (16 апреля) журнал Совещания. Таким образом, Россия взяла на себя роль защитника Китая от посягательств Японии.

23 апреля 1895 г. представители России, Германии и Франции в Токио одновременно, но каждый в отдельности, потребовали от японского правительства отказа от Ляодунского полуострова. Германская нота оказалась наиболее резкой: она была составлена в оскорбительном для Японии тоне.

Россия, Франция и Германия все вместе располагали в дальневосточных водах внушительными военно-морскими силами. Они могли угрожать морским коммуникациям японской армии в Китае. Выступление трёх великих держав произвело в Японии отрезвляющее впечатление. Японское правительство

сочло необходимым уступить. 10 мая 1895 г. оно публично заявило о возвращении Китаю Ляодуна, выговорив себе, правда, увеличение контрибуции на 30 миллионов таэлей.

Вмешательство в японо-китайские отношения было проделано Лобановым с большой ловкостью. Оно явилось эффективным успехом России и поражением японской дипломатии, которая явно не сумела учесть соотношение сил. В ноябре 1895 г. было подписано японо-китайское соглашение о пересмотре Симоносекского мирного договора.

Обещая России свою поддержку против Японии, германское правительство стремилось втянуть Россию в конфликт на Дальнем Востоке и отвлечь внимание русского правительства от германской и австрийской границ. «Я сделаю всё, что в моей власти, чтобы поддержать спокойствие в Европе и охранить тыл России, так, чтобы никто не мог помешать твоим действиям на Дальнем Востоке», — заверял Николая Вильгельм. Ибо несомненно, продолжал кайзер, «что для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой жёлтой расы. В этом деле я буду всегда по мере сил своих твоим помощником». Вместе с тем германские империалисты рассчитывали, что, вмешиваясь в дела Дальнего Востока, они сумеют урвать и себе какой-либо кусок добычи за счёт Китая. «Надеюсь, — писал кайзер царю, — что как я охотно помогу тебе уладить вопрос о возможных территориальных аннексиях для России, так и ты благосклонно отнесёшься к тому, чтобы Германия приобрела порт где-нибудь, где это не „стеснит“ тебя»¹.

Успехи русской политики в Китае

Достигнутый Лобановым успех был только первым шагом русской экспансии в Китае. В дальнейшем царская дипломатия использовала момент, когда Китаю понадобились деньги на уплату японцам контрибуции. Китайское правительство начало было переговоры с лондонскими, парижскими и берлинскими банкирами. Эти финансисты явно стремились закабалить Китай. Предполагалось дать ему заём при условии установления международного контроля над китайскими финансами. Такой контроль был бы для царского правительства серьёзным препятствием в деле подчинения Китая русскому влиянию. Витте решил вмешаться в дело. Воспользовавшись соперничеством французских и немецких банкиров, он предложил китайскому правительству добыть для него заём в 450 миллионов рублей под гарантию русского правительства. Китай получал 94 за 100 из 4% годовых. Французские банкиры взялись реализовать эти деньги. Контракт был подписан 6 июля

¹ «Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914 гг.», П.—М., Госиздат, стр. 8.

1895 г. Он содержал обязательство Китая не соглашаться на иностранный контроль над своими финансами, если в нём не будет участвовать русское правительство. Немцы, как и англичане, были отстранены от этой финансовой комбинации. В конце 1895 г., по инициативе Витте, был основан Русско-Китайский банк. Он был учреждён группой французских банков и одного русского банка под покровительством русского правительства, которое обеспечило своим представителям руководящее положение в правлении. Устав банка предусматривал самые разнообразные операции на Дальнем Востоке, включая финансирование китайских властей, сбор и хранение налоговых поступлений, получение железнодорожных и иных концессий на всей территории Китая.

Следующим делом Витте было создание специального фонда для подкупа китайских сановников, чтобы добиться получения от Китая железнодорожной концессии в Манчжурии. С планом Витте совпало начало борьбы капиталистов Англии, Франции, Германии и США за железнодорожные концессии в Китае; все эти дельцы пользовались поддержкой своих правительств. Прямым конкурентом русского железнодорожного строительства в Манчжурии явился американский банковский синдикат, который проектировал грандиозную дорогу Кантон — Ханькоу — Пекин и далее на соединение с Сибирской магистралью. Этот проект означал бы установление железнодорожной связи Манчжурии с Центральным и Южным Китаем, с его открытыми портами, где царил европейский капитал. Американский проект означал наводнение Манчжурии европейскими или американскими товарами, с которыми русская промышленность не могла бы конкурировать, а главное, он создавал серьёзные препятствия для политического преобладания России в Северном Китае. Между тем Витте хотел изолировать Манчжурию от центров иностранного капитала в Китае и привязать её экономически к Сибирской магистрали. Переговоры из Пекина было решено перенести в Петербург, подальше от конкурентов. В конце апреля для этих переговоров в Петербург приехал Ли Хун-чжан; официально он прибыл на коронацию Николая II. Иностранцы в Пекине наперерыв подкупали китайских министров. Витте тоже дал Ли Хун-чжану огромную взятку.

Результатом переговоров был так называемый Московский договор от 3 июня (22 мая) 1896 г. об оборонительном союзе против Японии. В случае её нападения на Китай, на Корею или на восточноазиатские владения России каждая из договаривающихся сторон должна была прийти другой на помощь своими вооружёнными силами. Для облегчения подвоза войск при выполнении этого договора Китай разрешал России постройку железной дороги через Манчжурию на Владивосток, выдав на это концессию Русско-Китайскому банку. Витте добивался также

в ответвления дороги на юг, к Люодуну; однако, несмотря на взятки, этой концессии он не получил. Ли было обещано 3 миллиона рублей, но из них 2 миллиона ухитрились несколько задержать. В дальнейшем смерть престарелого китайского са-новника помогла русскому правительству сэкономить эти деньги.

Концессионный договор между китайским правительством и Русско-Китайским банком был подписан 8 сентября 1896 г. Для сооружения и эксплуатации дороги банк учреждал Общество Китайской Восточной железной дороги, фактически работавшее на средства русской казны; концессионный контракт предоставлял Обществу право самостоятельно устанавливать железнодорожные тарифы. В числе многих других привилегий, созданных для Общества КВЖД, особое значение получила следующая: Обществу предоставлялось право безусловного и исключительного управления своими землями, т. е. всей полосой отчуждения. Условия концессионного договора превращали эту полосу отчуждения в нечто вроде большого, вытянутого русского селтльмента¹. На основе условий концессионного договора Общество КВЖД завело даже свою собственную вооружённую полицию.

Армянский вопрос

В то самое время, когда русская дипломатия одерживала победы на Дальнем Востоке, в Турции и на Балканах снова становилось беспокойно. В середине 90-х годов в Турции разразился очередной внутренний кризис. На революционное движение армян султан Абдул-Гамид ответил организацией резни в ряде местностей Малой Азии, а затем и в самой столице своей империи. Английское правительство воспользовалось этими событиями для вмешательства в дела Турции. Формальное основание для этого шага оно усматривало в статье 61 Берлинского трактата 1878 г. Она гласила:

«Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего промедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями, в областях, населённых армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их осуществлением».

Действительной причиной антитурецкого курса английской политики было падение британского влияния в Турции. Вследствие захвата Египта англо-турецкие отношения осложнились. Султан чем дальше, тем больше склонялся к сближению с Россией. После русско-турецкой войны царское правительство не помышляло о захвате Константинополя и проливов; оно предпочитало поддерживать султана в качестве «стража» у ворот из Средиземного моря в Чёрное.

¹ Романов, Россия в Манчжурии, стр. 127.

Английское правительство рассчитывало своим вмешательством в пользу армян запугать султана, дабы заставить его примириться с оккупацией Египта и сменить царскую дружбу на британскую. Таким образом оно надеялось снова подчинить Турцию английскому влиянию, как то было при Пальмерстоне и при Дизраэли.

Была у Англии и другая цель. Морской путь в Индию обеспечивался британским господством в Египте и на Кипре, равно как и недопущением русского контроля над проливами. Но имеются и сухопутные подступы к Индии. Помимо Афганистана таковыми являются Персия, Аравия и Азиатская Турция, составляющие как бы мост из Европы в Индию. Внимание британской дипломатии было приковано ко всему этому поясу земель, обрамляющих Индийский океан и особенно Персидский залив. Проект железной дороги Кейптаун — Каир нашёл своё продолжение в проекте Каир — Калькутта. Так постепенно набрасывались контуры грандиозной азиатско-африканской империи с Индийским океаном посередине.

Действительную основу проармянских симпатий английской дипломатии вскрывают два донесения турецкого посла в Лондоне, которые султанские чиновники продали русскому послу. «Если оттоманское правительство хочет действовать сообразно своим интересам, финансовым и иным, — говорил лорд Солсбери турецкому дипломату, — оно должно изменить нынешнюю политику. Поднимая вопрос о Египте, Порта причинит себе лишь беспокойство, ничего не выгадывая»¹. В другой раз Солсбери ясно намекал на финансовую помощь со стороны британского правительства в случае, если султан примет английскую ориентацию. Весьма правильно определял английскую политику в турецком вопросе граф Гатцфельд, германский посол в Лондоне. «Или удастся план, — писал он, — сохранить в живых турецкое государство путём проведения действительных реформ и этим вырвать его из-под исключительного влияния России, или план этот не удастся, и дело дойдёт до краха и раздела Турции»². В 1895 г. Солсбери излагал Вильгельму II план такого раздела. Выяснилось, что помимо окончательного утверждения в Египте английское правительство при разделе Турции имело виды на Месопотамию, Аравию и Крит.

В августе 1896 г., после покушения армянских националистов на захват Оттоманского банка и последующей резни в Константинополе, положение Турции стало критическим.

На помощь дипломатам к Дарданеллам была направлена сильная английская эскадра. В Петербурге опасались появления британского флота в проливах. Русское правительство

¹ По материалам Архива внешней политики в Москве.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XII, № 3086.

известило Лондон, что в этом случае Черноморский флот немедленно войдет в Босфор. Было решено ни в коем случае не допускать утверждения Англии в проливах. «Вся торговля южной России, — писал Лобанов-Ростовский, — не имея другого выхода, кроме проливов, окажется тогда отданной на произвол Англии»¹.

Солсбери ещё в 1895 г. был готов отдать приказ флоту войти в проливы. Но первый лорд адмиралтейства Гошен возразил, что, войдя туда, флот окажется запертым, как в мышеловке, между французской и русской эскадрами. Солсбери ворчливо ответил Гошену, что если его корабли сделаны из стекла, то, понятно, придётся несколько изменить политику.

Заручившись содействием Германии и Франции, царская дипломатия дала отпор замыслам Англии на Ближнем Востоке. Таким образом, она спасла султана и спасла Турцию от раздела; себе же самой она развязала руки на Дальнем Востоке.

Германская дипломатия действовала на Ближнем Востоке так же, как и на Дальнем: она стремилась обострить англо-русские противоречия. С одной стороны, Германия оказывала русскому правительству поддержку в его борьбе против англичан, с другой — та же германская дипломатия натравливала Англию на Россию. Она подстрекала Лондон послать в проливы британский флот, заявляя, что это было бы самым верным средством воздействия на султана. Таким образом, германское правительство всячески стремилось спровоцировать англо-русский конфликт. Разумеется, двойная игра германской дипломатии не оставалась тайной для руководителей английской внешней политики. Англо-германские отношения продолжали сохранять напряжённый характер.

Набег Джемсона
и телеграмма
Вильгельма II
Крюгеру

Резкое обострение англо-германских отношений обозначилось на почве борьбы за раздел Южной Африки.

В 1886 г. в Трансваале были обнаружены богатейшие в мире золотые россыпи. Английские капиталисты поспешили завладеть этими богатствами. Над большей частью приисков приобрела контроль финансовая группа Сесилия Родса. Вскоре у Родса и руководимой им золотопромышленной компании «Консолидэтед Гольдфильдс» возникли острые конфликты с правительством Трансвааля и его президентом Крюгером.

Могущество южноафриканской клики английских капиталистов было очень велико. Родс не только контролировал всю алмазную и большую часть золотой промышленности Южной Африки; он был и председателем Южноафриканской при-

¹ Хвостов. Ближневосточный кризис 1895—1897, «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 27—28.

вилегированной компании, которой британское правительство в 1889 г. передало как эксплуатацию, так и управление громадной территорией, простирающейся от северной границы Бечуанленда и Трансвааля до пределов Бельгийского Конго и озёр Танганайка и Ньясса. В 1890 г. Родс, кроме того, стал премьером Капской колонии. Он был связан с Ротшильдами и с другими столпами лондонской финансовой олигархии и имел своего человека в английском правительстве в лице Джозефа Чемберлена.

Воглавляемая Родсом группа финансового капитала повела в Южной Африке свою собственную политику; в конце концов она втянула английский народ в затяжную войну против буров. Пожалуй, нигде так ярко не выявилось сращивание дипломатии с финансовой олигархией, как в этой южноафриканской аванюре.

Германское правительство решило использовать англо-бурский конфликт ради вымогательства у Англии колониальных уступок. Чтобы нажать на Англию, оно поддержало буров. Оно даже послало военные корабли в бухту Делагоа, откуда шла железная дорога к столице Трансвааля. В январе 1895 г. Крюгер публично заявил, что он надеется на германскую помощь.

Родс и связанная с ним группа крупнейших капиталистов (Бейт, Филиппс, Барнато) были чрезвычайно напуганы тем, что Трансвааль, где находились их несметные богатства, может ускользнуть из-под влияния Англии. Они решили покончить с его самостоятельностью. В начале 1895 г. их агентура приступила к организации заговора в главном золотопромышленном центре Трансвааля Йоганесбурге: там была сосредоточена большая часть английских колонистов, наводнивших после открытия приисков золотоносную область Трансвааля. Эти «уитлендеры», как их называли, ненавидели буров, которые платили им тем же. Контрабандой агенты Родса переправляли оружие в Йоганесбург. Мятеж был назначен на 27 декабря 1895 г. Одновременно в Трансвааль из Бечуанленда должен был вторгнуться отряд полиции Южноафриканской компании, чтобы двинуться на помощь мятежникам. Во главе отряда стоял управляющий Южноафриканской компании, некий Джемсон.

В последнюю минуту вожди заговора нашли, что у них ещё не всё готово. Восстание было перенесено на 6 января. Тем не менее 29 декабря Джемсон вторгся в пределы Трансвааля и пошёл на Йоганесбург. Его постигла неудача. Он был окружён бурами и 2 января 1896 г. взят в плен со всем своим отрядом. Заговорщики в Йоганесбурге были арестованы. Предприятие Родса закончилось провалом. За ним последовал один из величайших скандалов в истории дипломатии нового времени.

1 января 1896 г. статс-секретарь германского ведомства иностранных дел Маршалль обратился к французскому послу с предложением установить соглашение по ряду конкретных вопросов и этим отнять у Англии возможность играть на франко-германских противоречиях. Маршалль говорил о необходимости положить предел «ненасытному аппетиту англичан». Этот шаг был задуман как начало создания лиги континентальных держав против Англии. План такого объединения был набросан Гольштейном в меморандуме от 30 декабря 1895 г.¹ По расчётам германской дипломатии, угроза образования континентальной лиги должна была сделать Англию более сговорчивой, принудить её уступить Германии какие-либо колониальные территории и пойти на сотрудничество с Тройственным союзом.

Не дожидаясь французского ответа, берлинское правительство 2 января поручило своему послу в Лондоне вручить английскому правительству ноту с резким протестом против налёта Джемсона. Посол отправил ноту в Форейн офис в тот же день, поздно вечером. Но тем временем в Берлине узнали о поражении Джемсона. Тотчас послу телеграфировали предписание приостановить отправку ноты, если только ещё не поздно. Ввиду ночного часа нота, уже доставленная в опустевший Форейн офис, осталась лежать там до утра в нераспечатанном конверте. Благодаря этой случайности германский посол успел взять её обратно.

3 января утром состоялось совещание кайзера с канцлером Гогенлоэ, Маршаллем и высшим морским командованием. Вильгельм II, находившийся в чрезвычайно возбуждённом состоянии, предлагал объявить германский протекторат над Трансваалем, хотя бы и ценой риска войны против Англии. Его советники отвергли этот план. Однако было всё-таки решено, что император в то же утро пошлёт демонстративную телеграмму президенту Крюгеру. В этой телеграмме кайзер поздравлял президента с тем, что бурам удалось собственными силами, «не прибегая к помощи дружественных держав», «восстановить мир и отстоять независимость», дав отпор «вооружённым бандам». Телеграмма кайзера являлась вызовом, брошенным Англии. Именно так она и была понята англичанами.

Последствия
южноафрикан-
ского взрыва

Английская националистическая пресса во главе с «Times» с восторгом приветствовала «налёт Джемсона»; столь же бурно выражала она и огорчение по поводу его неудачи. Когда стала известна телеграмма Вильгельма Крюгеру, в Англии поднялась настоящая буря. Кампанию открыла газета «Times» 4 января. Немедленно же в неё включилась большая часть английской прессы. «Morning Post» угрожающе писала, что

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XI, № 2640, S. 67—69.

Англия никогда не забудет нанесённого ей оскорбления и угроз германского кайзера. «Saturday Review» обозвала Вильгельма «деспотом, похожим на фронтового фельдфебеля». В Лондоне толпа била стёкла в немецких магазинах. Годами накопившаяся ненависть к главному торговому конкуренту Англии выливалась наружу. Англо-германский антагонизм вскрылся во всей своей остроте. Тотчас после телеграммы Крюгеру в Англии усилилась агитация против германской торговой конкуренции.

Обострив отношения с Англией, германское правительство очень скоро убедилось в том, что проект континентальной лиги потерпел полную неудачу. Правда, сначала французская печать столь же резко, как и германская, нападала на джемсоновский рейд. Однако 6 января в «Temps» появилась весьма многозначительная статья, в которой отвергались «противоестественные союзы». Скоро выяснилось, что на сотрудничество Франции Германии рассчитывать не приходится. Царское правительство также не склонно было оказывать Германии поддержку в южноафриканском вопросе.

Обострение англо-германского антагонизма ослабило Тройственный союз. И Австрия и Италия дорожили своими отношениями с Англией: первая — в целях борьбы против России на Ближнем Востоке, вторая — из страха перед английским флотом. Ссора с Англией могла поставить под угрозу всю внешнюю торговлю Италии, шедшую преимущественно морскими путями. После того как глава Тройственного союза поссорился с Англией, становилось ясным, что участие в этом союзе может вовлечь и Италию в борьбу с «владычицей морей». С другой стороны, с конца 80-х годов Франция изматывала экономически слабую Италию таможенной войной. Италия заколебалась. В 1896 г. итальянское правительство сделало серьёзный шаг в сторону Франции: оно признало французский протекторат над Тунисом. Ещё через два года, в 1898 г., был заключён франко-итальянский торговый договор; за ним последовало открытие для Италии французского денежного рынка, на который она не допускалась со времени вступления в Тройственный союз. Таким образом, Франция прекратила таможенную войну против Италии, а равно и кампанию против её кредита, которыми она с середины 80-х годов истощала народное хозяйство Италии, стремясь оторвать эту державу от германской группировки.

Австро-русское соглашение 1897 г.

Англо-германский антагонизм повлиял и на другого члена Тройственного союза. Австро-Венгрия поторопилась договориться с Россией, тем более, что на Ближнем Востоке возникли новые осложнения: в 1896 г. началось восстание на Крите. В 1897 г. Греция выступила на помощь своим критским единоплеменникам. Началась греко-турецкая война.

В мае 1897 г. между Россией и Австрией было заключено дружественное соглашение: обе державы обязались поддерживать *status quo* на Балканах. В случае, если бы, вопреки их стараниям, сохранить этот *status quo* не удалось, Россия и Австрия взаимно обязывались договориться об обоюдных интересах, которые придётся учесть при предстоящих территориальных переменах на Балканах. Однако судьбы Константинополя и проливов не были определены в австро-русской сделке. Они были признаны вопросами общеевропейского характера. Таким образом, австро-русское соглашение не намечало никакого решения важнейшей проблемы, которая составляла основу почти всех ближневосточных осложнений.

Соглашению была придана форма обмена нотами; в них явственно отразились разногласия, оставшиеся между договаривающимися сторонами. Австрия в своей ноте выговаривала себе право в случае необходимости превратить оккупацию Боснии и Герцеговины в аннексию и, кроме того, присоединить часть Ново-Базарского санджака. Нота предусматривала далее раздел остальной части Балкан между балканскими государствами, с тем, однако, чтобы между ними не было нарушено «равновесие». Таким образом, оставаясь злейшим врагом славянства, так же как и в дни восточного кризиса 70-х годов, Австрия не допускала образования большого славянского государства. Албания должна была стать самостоятельной. Этим австрийцы думали закрыть для Сербии выход к Адриатике, равно как и предотвратить переход Албании в итальянские руки.

Ответная нота нового русского министра иностранных дел Муравьёва (Лобанов умер в 1896 г.) отказывалась точно фиксировать все эти «вопросы будущего». Благодаря этому от соглашения остался, в сущности, лишь пункт о сохранении *status quo*. Впрочем, на данном этапе он имел реальное значение, так как обе стороны были заинтересованы в том, чтобы на некоторое время «заморозить» восточный вопрос — по образному выражению Лобанова-Ростовского¹. Для России это было нужно, чтобы иметь свободные руки на Дальнем Востоке. Для Германии — чтобы раздуть дальневосточный конфликт, поживиться за счёт Китая, ослабить давление России на Балканах. Австрии же пока что было не до внешних авантур ввиду тяжёлого внутреннего кризиса.

В конце 1897 г. Германия предприняла важный шаг на Дальнем Востоке. Германское правительство стремилось приобрести военно-морскую базу в дальневосточных водах. Выбор бывшего командующего немецкой дальневосточной эскадрой адмирала Тирпица (ставшего теперь морским министром) пал на бухту

Захват
Кюнао-Чао

¹ Хвостов, Ближневосточный кризис 1895—1897, «Историк-марксист», 1929, № 13, стр. 52—53.

Киао-Чао, на южном побережье Шаньдуна. В августе 1897 г. Вильгельм II посетил царя в Петергофе. Во время этого визита Вильгельм постарался выяснить, не грозит ли захват Киао-Чао конфликтом с Россией, которая обладала правом якорной стоянки в этой бухте для своих военных кораблей. Николай II заверил кайзера, что Россия не претендует на Киао-Чао и намерена приобрести себе базу севернее, — царь назвал один из корейских портов. Царь заявил, что не станет возражать, если германские суда воспользуются бухтой по согласованию с русским военно-морским командованием. В конце сентября германское правительство известило Пекин и Петербург о своём намерении использовать Киао-Чао как стоянку для своей эскадры. При этом в Пекине немцы ссылались на согласие Петербурга. Однако царское правительство поспешило напомнить в Берлине, что свою готовность предоставить Германии якорную стоянку в Киао-Чао царь обусловил предварительным запросом русского военно-морского командования.

Это происходило в начале ноября. Как раз тогда в Шаньдуне были убиты китайцами немецкие миссионеры. Это дало немцам желанный предлог для решительных действий. Вильгельм II сообщил царю, что вынужден занять Киао-Чао, дабы обеспечить защиту миссионеров. Кайзер выражал надежду, что царь не станет возражать. При этом он ссылался на петергофские переговоры.

Ответ Николая гласил, что Киао-Чао России не принадлежит; ввиду этого он не может ни одобрить, ни осудить германского шага. Получив такой ответ, Вильгельм II отдал своим кораблям приказ войти в облюбованную бухту.

Однако 9 ноября в Берлине было получено известие, что русский министр иностранных дел Муравьёв протестует против захвата Киао-Чао Германией, напоминая, что Россия имеет в Киао-Чао преимущественное право якорной стоянки. Русская эскадра получила приказ отправиться в Киао-Чао тотчас же, как только туда войдут германские корабли.

Германское правительство было раздражено этим шагом Муравьёва. Но оно сочло целесообразным предложить Петербургу компромисс: Россия не будет возражать против захвата Киао-Чао Германией и в свою очередь вознаградит себя приобретением Порт-Артура. Не дожидаясь конца переговоров, немцы применили свой излюбленный дипломатический приём: они поставили Россию перед совершившимся фактом, высадив 14 ноября 1897 г. десант на побережье Киао-Чао.

Возникла угроза русско-германского конфликта. Но вскоре царское правительство решило пересмотреть свою позицию: оно приняло предложенный немцами компромисс за счёт Китая. В декабре 1897 г. российская эскадра бросила якорь на рейде Порт-Артура.

Поворот в политике русского правительства имел свои причины. Для России было бы всего выгоднее на данном этапе не допустить захвата китайских портов. Из этого первоначально и исходил Муравьев. Нужный ему открытый и незамерзающий порт царское правительство приглядывало не в Китае, а в Корее. Но занятие порта в Корее должно было вызвать сопротивление Японии, которую наверно поддержала бы Англия. Сибирская дорога ещё далеко не была закончена; царское правительство не было готово к войне с Японией. К тому же Германия заняла решительную позицию, и помешать ей в деле захвата Киао-Чао было трудно. В конце концов царское правительство сочло за благо лучше взять Порт-Артур, где сопротивление обещало быть менее серьёзным, чем в Корее, и отказаться от преобладающего влияния в этой стране, что вскоре и было оформлено в соглашении с Японией от 25 апреля 1898 г. Витте возражал против приобретения Порт-Артура, указывая, что этот шаг противоречит духу Московского договора (1896 г.). Но ему не удалось отстоять свою точку зрения.

6 марта 1898 г. было подписано германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии Киао-Чао на началах аренды сроком на 99 лет. Одновременно китайское правительство предоставило Германии концессию на постройку двух железнодорожных линий в Шаньдуне и ряд горных концессий в этой провинции. Один из пунктов германо-китайского договора гласил: «Китайское правительство строго обязывается во всех случаях, когда ему понадобится иностранная помощь людьми, капиталом или материалами для какой-либо цели в Шаньдунской провинции, предложить соответствующее предприятие или доставку материалов в первую очередь германским промышленникам и торговцам. В том случае, когда германские промышленники или торговцы не будут склонны принять на себя осуществление подобных предприятий или доставку материалов, Китай будет иметь право поступить дальше по своему усмотрению». Таким образом, Шаньдун превращался в сферу германского влияния.

В марте 1898 г. был подписан договор об аренде Россией Порт-Артура и Ляодунского полуострова. Китайское правительство давало согласие на постройку Россией железной дороги от Порт-Артура до Харбина на соединении с КВЖД.

Англия постаралась не отстать от конкурентов, которые нарушили её былую монополию в Китае. Её дипломатия добилась от Китая расширения прав английского судоходства по рекам Китая и, главное, фактического признания бассейна Ян-Цзы, т. е. богатейшей части Китая, сферой английского влияния. 1—2 сентября 1898 г. Англия признала за Германией монополию на железнодорожные концессии в Шаньдуне и в бассейне

Хуанхэ (кроме провинции Шанси). Германия со своей стороны признала аналогичные права Англии в бассейне Ян-Цзы и в провинции Шанси. В том же 1898 г. Англия добилась обязательства китайского правительства замещать должность генерального инспектора таможен англичанином, пока английская торговля продолжает занимать в Китае первое место.

Несмотря на эти успехи, приобретение Порт-Артура Россией вызвало в Англии настоящее смятение. Заинтересованные в Китае капиталистические группы осаждали правительство требованиями положить предел русскому проникновению в Китай. Как мотивировали они свою тревогу? Сегодня Россия захватила Порт-Артур, ключ к морским подступам к Пекину; завтра она захватит и самый Пекин. Освоение Манчжурии может её занять на более или менее долгое время. После этого она будет иметь возможность спуститься в Печжили, а «между Печжили и Ян-Цзы нет естественных преград». Так говорилось в поданной лорду Солсбери петиции Китайской ассоциации — влиятельного органа капиталистических кругов, связанных с Дальним Востоком.

Дипломатическое положение Англии в эти годы было не из лёгких. После телеграммы Вильгельма Крюгеру отношения с Германией испортились. Надвигалась схватка с Францией из-за верховьев Нила. А теперь назревал конфликт с Россией. Англия была изолирована, поссорившись сразу и с Германией, и с Францией, и с Россией. И эту изоляцию уже никак нельзя было назвать «блестящей». Английская внешняя политика должна была искать новых путей: надо было договориться либо с Германией, либо с франко-русской группой. Из этих трёх держав Франции Солсбери не особенно боялся ввиду наличия франко-германского антагонизма. В возможность сговора Англии с Германией он не очень верил. Поэтому британский премьер предпочёл добиваться соглашения с Россией, чтобы таким образом оградить дальневосточные интересы английского капитала и уменьшить число врагов Англии в Европе.

Уже в дни ближневосточного кризиса в 1896 г. Солсбери намекал в Петербурге на желательность соглашения с Россией. В январе 1898 г., вскоре после приобретения Россией Порт-Артура, Солсбери предложил царскому правительству грандиозный раздел Китая и Османской империи. Застенный Китай и северную часть Собственно Китая до долины Хуанхэ он готов был предоставить России в качестве сферы её влияния. Бассейн Ян-Цзы должен был стать сферой влияния Англии. В Турции для России в качестве сферы влияния предназначались северная часть Малой Азии, северная Месопотамия и проливы, а для Англии — южная Месопотамия, Египет и Аравия. Россия отклонила это предложение Солсбери. Тогда Англия захватила бухту Вэй-Хай-Вай на северном побережье Шаньдуна, дабы иметь свою

базу на подступах к Пекину в качестве некоторого противовеса Порт-Артуру. Затем она повела с Китаем переговоры о продолжении Шанхайгуаньской железной дороги до Ньючуана и далее, в глубь Манчжурии. Маневр этот до известной степени удался. Оценивая сооружение английской железной дороги как явную угрозу своим интересам, царское правительство дало Англии согласие на сделку более ограниченного масштаба, нежели та, которую предлагал британский премьер. В апреле 1899 г. было достигнуто соглашение о размежевании сфер железнодорожного строительства в Китае. Великобритания обязывалась не домогаться железнодорожных концессий к северу от Великой китайской стены и обещала не препятствовать России приобретать концессии в этой зоне. Россия принимала аналогичные обязательства в отношении бассейна реки Ян-Цзы.

Таким образом, к концу 90-х годов завершился раздел значительной части Китая на сферы влияния. Англия сохранила под своим влиянием богатейшую часть Китая — долину Ян-Цзы. Россия приобрела Манчжурию и до некоторой степени другие области застенного Китая, Германия — Шаньдун, Франция — Юннань. Япония в 1898 г. вернула себе преобладающее влияние в Корее, потерянное было ею после пересмотра Симоносекского мира. Опасаясь, как бы занятие Порт-Артура не привело к англо-японскому сближению, русское правительство в угоду Японии отозвало из Кореи своих военных инструкторов и финансового советника.

Переговоры об
англо-германском
союзе.
Бюлов
как дипломат

Широкое соглашение Англии с Россией по делам Дальнего и Ближнего Востока не удалось. Русская дипломатия не пожелала связать себе руки. Отчасти ею руководил страх, что соглашение с Англией взорвёт франко-русский союз. Ведь Англия требовала от России, чтобы та санкционировала оккупацию Египта. Как взглянут на это в Париже?

Видя, что сделка с Россией не налаживается, британское правительство стало искать иных политических путей. Прежде всего некоторым его членам пришёл в голову вопрос: нельзя ли убавить количество противников, договорившись с немцами? Быть может, их руками удастся даже нанести удар несоговорчивой России?

Это представляло довольно деликатную дипломатическую задачу. Телеграмма Вильгельма Крюгеру отнюдь не свидетельствовала о дружелюбной позиции Германии по отношению к Великобритании. В конце 1897 г. новый статс-секретарь германского ведомства иностранных дел фон Бюлов произнёс в Рейхстаге речь, в которой заявил, что «довольно немцам глядеть на то, как другие делят сладкий пирог», пора и им добиваться для себя «места под солнцем». Солсбери учитывал агрессивные

настроения империалистической Германии. Сам он сомневался в возможности англо-германского соглашения. Но министр колоний Чемберлен, лидер крайних империалистов, был сторонником сговора с немцами. Он считал своевременным заключение англо-германского союза. Он замышлял договор не только с Германией, но и с Соединёнными штатами. Ему и были поручены переговоры с немцами. Солсбери не возражал, хотя и относился к этой попытке без энтузиазма. Встреча Чемберлена с германским послом состоялась 29 марта 1898 г. в доме банкира Ротшильда.

На фоне дипломатических обычаев и нравов конца минувшего века Джозеф Чемберлен представлял довольно своеобразную фигуру. Дипломаты карьеры, почти исключительно дворяне, воспитанные на французском языке, выросшие в обстановке так называемого высшего света, не без удивления смотрели на этого бирмингамского промышленника и на его манеру вести политические дела. Когда германский посол граф Пауль Гатцфельд встретился у Ротшильда с Чемберленом, чопорный немецкий дипломат был ошеломлён тем, что без всякого зондирования и без дальних слов английский министр колоний предложил ему заключить союз между Германией и Англией.

По мнению профессиональных дипломатов, Чемберлен вёл дипломатические переговоры со всеми ухватками «современного купца». Свои предложения он, подобно товару, прямо выкладывал на стол, будучи убеждён, что за хорошую цену всегда можно сделать хорошее дело.

Гатцфельд, конечно, немедленно передал в Берлин сделанное ему предложение. Здесь рассмотрением проекта Чемберлена занялись руководители германской дипломатии.

В 1897 г. во главе германского ведомства иностранных дел стал Бернгард фон Бюлов. Бюлов был превосходным оратором и блестящим светским собеседником. Он был находчив; ловок и изворотлив; в дипломатической беседе, как и в Парламенте, он умел мгновенно находить выход из самых трудных положений, притом с элегантностью, которой мог бы порой позавидовать и сам Горчаков. Можно сказать, что он был превосходным тактиком. Но стратегом он был слабым. Продумывать более отдалённые цели и перспективы внешней политики Бюлов был не способен. Его неглубокий и ленивый ум скользил по поверхности явлений. У Бюлова было достаточно терпения, чтобы часами разучивать перед зеркалом предстоящую речь в Рейхстаге; но серьёзно изучать вопрос, всесторонне обдумывать международное положение — на это его не хватало.

Чего не доставало статс-секретарю, то восполнял давний советник иностранного ведомства Гольштейн. Этот дипломат давал Бюлову общие политические идеи.

В начале 90-х годов, в дни канцлерств Каприви и Гогенлоэ, Гольштейн решил, что с Англией немцам не удастся добиться договорённости, основанной на твёрдых и равных обязательствах. С тех пор руководящей идеей дипломатии Гольштейна стало балансирование между Россией и Англией, дабы использовать одну против другой.

Летом 1898 г. в письме к кайзеру Бюлов следующим образом формулировал эту политику, вдохновителем которой был Гольштейн: «Всякое соглашение с Англией при теперешнем международном положении окажется направленным против России и уменьшит безопасность восточной германской границы... С другой стороны, при теперешней европейской конъюнктуре для нас совершенно немыслимо заключить союз... с Россией, без того, чтобы он не оказался направленным против Англии, т. е., иначе говоря, не ограничивал бы перспектив на приобретение нами колоний... Поэтому ваше величество несомненно правильно решили пока... не связывать себя ни с той, ни с другой стороной»¹.

Дипломатия Гольштейна, заключавшаяся в игре на англо-русских противоречиях, основывалась на ложной предпосылке. Гольштейн считал, что англо-русские противоречия непримиримы. Исходя из этого он и строил свою политику. Гольштейн не уловил основных изменений, происходивших в международной обстановке. Он не понял того, что новый англо-германский антагонизм был глубже и устойчивее, нежели старые англо-русские или англо-французские противоречия. Германская политика «свободных рук» оказалась на деле положением «между двух стульев», или, лучше сказать, между двух огней, ибо в конце концов Германия поссорилась и с Англией и с Россией. Но надо отдать должное Гольштейну. Получив из Лондона от Гатцфельда предложение Чемберлена, и он и Бюлов сразу поняли, что путём заключения союза с Германией английская дипломатия рассчитывает втянуть Германию в конфликт с Россией. Они решили отклонить предложение Чемберлена.

Вильгельм II, однако, попытался предварительно извлечь из английского демарша дипломатический барыш. Он написал личное письмо Николаю II, сообщая, что Англия обратилась к нему с чрезвычайно заманчивыми предложениями. Кайзер давал понять, что предложения эти направлены против России, и осведомлялся не без цинизма, что даст ему царь, если он откажется от сделки с Англией. Ответ русской дипломатии не был лишён находчивости. В письме Вильгельму царь сообщал, что совсем недавно Англия обращалась и к России с далеко идущими предложениями. Они были отклонены. Этим царь и ограничился. На вопрос кайзера, что Россия даст Германии за отказ

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XIV, Teil 1, № 3802.

от союза с Англией, ответа не последовало. Таким образом, попытка Вильгельма пошантажировать Россию кончилась полной неудачей.

Что же касается ответа Чемберлену, то Гольштейн и Бюлов обратились к нему с контрпредложением. По их мнению, раньше, чем толковать о союзе, надо было бы позаботиться об умиротворении общественного мнения, которое в Германии настроено враждебно к Англии. Бюлов и Гольштейн предложили выработать сначала соглашения по отдельным колониальным вопросам. Как раз в это время, в апреле 1898 г., началась война между Испанией и США. Ожидалось крушение остатков испанского колониального владычества, и германские правящие круги мечтали, не удастся ли им захватить все испанские владения на Тихом океане, не исключая Филиппинских островов. Бюлов попытался было убедить англичан, что лучший способ подготовить почву для англо-германского союза — это помочь Германии в приобретении испанских колоний, на которые претендовали и США. Однако германским дипломатам пришлось убедиться, что английское правительство отнюдь не склонно ссориться с великой американской державой. Больше успеха имело другое предложение Бюлова. Он выдвинул мысль о разделе португальских колоний в Африке. В случае, если Португалии понадобятся деньги, Англия и Германия условились совместно предоставить ей заём. Залогом должны были служить португальские колонии. Предполагалось, что Англия получит южный Мозамбик и центральную Анголу, а Германия — северный Мозамбик, южную и северную части Анголы и Тимор.

Солсбери и Чемберлену не очень улыбалась мысль давать Германии новые куски Африки, тем более, что в португальских колониях уже хозяйничал английский капитал. Ещё в мае 1898 г. в Лондоне между Солсбери и Гатцфельдом произошёл разговор, в котором выяснилось нежелание англичан поступиться своей колониальной монополией. Гатцфельд заметил, что сейчас «первая задача состоит в том, чтобы путём уступок в текущих мелких вопросах подготовить общественное мнение обеих стран к более тесному сближению». Солсбери ответил, что он согласен; однако он не понимает, почему Англия должна при этом всё время быть «дающей» стороной, а Германия — только «принимавшей» дары. Гатцфельд возразил на это, что ведь дело идёт о колониях, поэтому он не может согласиться с данной постановкой вопроса. Каждому известно, что «Англия имеет почти всё, мы же, напротив, обладаем очень малым»¹. заявил он.

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XIV, Teil 1, № 3798.

В обмен за раздел португальских владений германское правительство обещало предать буров. Оно обязывалось прекратить всякую поддержку бурских республик. Это имело для Англии немаловажное значение, и англичане решили уступить. Договор о разделе португальских колоний был заключён 30 августа 1898 г. Однако в жизнь он проведён не был. Английский кабинет принял все меры, чтобы договор остался мёртвой буквой: заём Португалии не понадобился. 14 октября 1899 г. Англия подтвердила старинный договор с Португалией, впервые заключённый в XVII столетии и с тех пор много раз возобновлявшийся. Этот договор предоставлял Португалии британскую гарантию неприкосновенности её территорий как в Европе, так и в колониях¹.

Подтверждение этого договора, который известен под названием Виндзорского, было проведено англичанами в секретном порядке. Однако Бюлов вскоре разузнал об этом акте благодаря нескромности одного дипломата. Бюлов понял, что англичане его обманывают: они только сулят немцам португальское добро, а на деле ободряют Португалию, обещая ей помочь сохранить свои владения².

Германский
военно-морской
закон 1898 г.

Вдумчивый наблюдатель уже тогда, в 1898 г., мог бы убедиться, что англо-германский союз невозможен. Стороны говорили на разных языках. Немцы воспринимали предложения Чемберлена как попытку заставить Германию таскать для Англии каштаны из русского огня; англичане считали вымогательством колониальные притязания немцев. Но эти обоюдные впечатления составляли только субъективную сторону англо-германских отношений.

Объективно антагонизм был ещё более глубоким, нежели сами его участники успели это осознать. Дело не исчерпывалось колониальными притязаниями Германии, торговой конкуренцией, её стремлением к гегемонии. Важнее было то, что Германия приступила к сооружению сильного военно-морского флота. До тех пор, имея могущественную армию, Германия на море довольствовалась кораблями береговой обороны. Теперь положение стало изменяться.

В 1898 г. германский Рейхстаг принял закон об усилении военного флота. К 1904 г. состав флота должен был быть доведён до 17 линейных кораблей, 9 броненосных, 26 лёгких крейсеров и соответствующего числа мелких судов. Для выполнения намеченной программы предстояло в течение семи лет построить 7 броненосцев, 2 тяжёлых и 7 лёгких крейсеров. С обоснованием необходимости постройки флота перед Рейхстагом выступил

¹ *Langer, Diplomacy of Imperialism, v. II, p. 625.*

² *Бюлов, Воспоминания, рус. перев. М.—Л. 1935, стр. 135.*

адмирал Тирпиц. «Морские интересы Германии, — заявил он, — возросли со времени основания империи совершенно неожиданным образом. Их обеспечение сделалось для Германии вопросом жизни. И если препятствовать или серьёзно вредить этим морским интересам, страна пойдёт навстречу сначала экономическому, а затем и политическому упадку. Что вы ни возьмёте: политические, экономические вопросы или защиту немецких подданных и торговых интересов за границей — всё это может найти охрану только в немецком флоте». В Англии первую германскую морскую программу встретили сравнительно спокойно. Очевидно, значение её ещё было недооценено. Она и в самом деле была ещё не так велика. Но программа 1898 г. была только началом.

Появление сильного военного флота делало Германию самым опасным из всех мыслимых врагов Англии. Россия в силу своего географического положения не могла и думать о нападении на Британские острова или на морские коммуникации империи. Франция, расположенная поблизости, обладала значительным флотом. Но её главным противником всегда была Германия; притом французский военный потенциал был недостаточен для того, чтобы посягнуть на Англию при наличии германского соседства. Германия была много сильнее Франции. Правда, пока у Германии не было флота, она могла причинить Англии затруднения только дипломатическим путём. Но по мере постройки большого флота Германия стала представлять всё большую военную опасность как для самих Британских островов, так и для морских коммуникаций, связывающих их с другими частями империи, с источниками продовольствия и сырья. Однако в 1898 г. ещё далеко не все в Англии осознали тот факт, что наиболее опасным противником Британии является именно Германская империя.

Фалодский
инцидент

Англо-германские переговоры о союзе совпали с новой вспышкой англо-французской борьбы за владычество над верховьями Нила, а тем самым и над Египтом.

Ещё в 80-х годах, когда французское правительство стало проявлять известную активность в Джибути, английская дипломатия оказала ему противодействие. Она стала покровительствовать проникновению Италии на Красноморское и Сомалийское побережья. С помощью Англии были основаны итальянские колонии Сомали и Эритрея. Отсюда итальянцы в 1887 г. попытались проникнуть в Абиссинию, но посланный туда отряд был разбит абиссинцами. В 1895 г. итальянцы повторили свою попытку, но в начале 1896 г. претерпели сокрушительный разгром при Адуа. Итальянская буржуазия жаждала колоний. Однако, по выражению Бюлова, у Италии был хороший аппетит, но скверное пищеварение. Жадность намного превос-

ходила те силы, которыми она располагала для удовлетворения своих вождений.

Поражение при Адуа дало Англии благовидный предлог для посылки экспедиции в Судан: англичане пошли туда якобы для того, чтобы выручать итальянцев, которым грозили не только абиссинцы, но и владычествовавшие над Суданом махдисты. На самом деле английское правительство было озабочено другим. Поражение итальянцев усиливало французскую угрозу верхнему Нилу. Оно позволяло французам в борьбе с Англией надеяться на помощь освободившихся абиссинских сил. Таким образом, поражение при Адуа форсировало захват Судана Англией. В 1896 г. английское правительство отправило из Египта на юг, вверх по Нилу, экспедицию под командованием Китченера в целях покорения Судана. Наперерез Китченеру, с запада из Французского Конго, в марте 1897 г. двинулся французский отряд под командой капитана Маршана. 10 июля 1898 г. Маршан дошёл до Нила и поднял французский флаг в местечке Фашода, на полуразрушенной старой египетской крепости. В середине сентября к Фашоде подошёл Китченер. Там он нашёл Маршана с его небольшим французским отрядом. Китченер предложил Маршану покинуть долину Нила. Французский офицер отказался эвакуировать свои войска без прямого приказа своего правительства. Переговоры между Маршаном и Китченером протекали во внешне любезной форме. Зато английская пресса взяла самый воинственный тон; от неё не отставали члены правительства и ряд лидеров оппозиции. Так, например, канцлер казначейства Хикс-Бич заявил, что «бывают и худшие несчастья, чем война».

В это время французским министром иностранных дел был Теофиль Делькассе. Раньше он был гамбеттистом, а в дни буланжистского движения — секретарём реваншистской Лиги патриотов. Делькассе был убеждён, что Германская империя является главным врагом его родины. Уже одно это не располагало его к тому, чтобы ввязываться в конфликт с Англией. К тому же Франция переживала внутренний кризис, связанный с известным делом Дрейфуса. Это, конечно, также требовало некоторой осторожности.

Всё-таки Делькассе хотел что-либо получить с англичан в обмен за эвакуацию Фашоды. Но британский кабинет отказался разговаривать о каких-либо компенсациях для Франции. Он заявил, что, пока Маршан не очистит долины Нила, переговоры невозможны. Англия демонстративно приступила к военным приготовлениям, намекая, что она может прервать переговоры и выступить в Париже с ультиматумом.

Французское правительство было охвачено паникой, какой не переживало ещё с 1887 г. Военно-морское превосходство Англии в эти годы было подавляющим; война с ней представлялась

для Франции явно безнадёжной. Ссылаясь на необходимость получить подробные донесения от Маршана, Делькассе постарался выиграть время для самых необходимых военных приготовлений; нужно было также выяснить позицию России. 15 октября в Париж прибыл министр иностранных дел Муравьёв, за ним — Витте и военный министр Куропаткин. Повидимому, русские посоветовали Делькассе уступить. Впрочем, и без того это было неизбежно. 3 ноября 1898 г. французский Совет министров принял постановление: эвакуировать Фашоду без всяких условий.

Нерешённым оставался вопрос о разграничении английских и французских владений в Судане. Делькассе всё ещё претендовал на область Бахр-эль-Газель и некоторую территорию по верхнему Нилу. Приобретение хотя бы маленького клочка на Ниле могло смягчить понесённое Францией дипломатическое поражение. Однако английское правительство не соглашалось приступить к переговорам иначе как на основе полной капитуляции; оно продолжало выдерживать самый вызывающий тон по адресу Франции. Между прочим обычно корректный и осторожный посол в Париже сэр Эдмунд Монсон публично заявил, что французское правительство умышленно ведёт «политику булавочных уколов». Она «может принести эфемерное удовлетворение недолговечным министерствам, но неизбежно вызовет крайнее раздражение по ту сторону канала». Создавалось впечатление, будто английский кабинет во что бы то ни стало хочет довести дело до войны.

Для Франции война с Англией влекла за собой риск нападения Германии: последняя могла бы воспользоваться удобным случаем для нового разгрома своей западной соседки. Ввиду этого Делькассе решил завязать переговоры с Берлином, чтобы выяснить, можно ли рассчитывать на нейтралитет Германии в случае англо-французского конфликта. Правда, Делькассе не пошёл на то, чтобы официально запросить Берлин. Через лицо неофициальное — парижского корреспондента «*Kölnische Zeitung*» — он передал в начале декабря германскому правительству, что хотел бы достигнуть франко-германского сближения. Ответ был дан 15 декабря 1898 г. на страницах той же «*Kölnische Zeitung*». «Франко-германское сближение станет возможным лишь тогда, — заявляла газета, — когда слова Эльзас и Лотарингия исчезнут из словаря французской прессы и французских государственных людей»¹. Несколько позже, через одного влиятельного и богатого судовладельца, Делькассе предложил Берлину обменять Эльзас и Лотарингию на одну из французских колоний. И на этот раз он получил отрицательный ответ. Германское правительство дало Делькассе понять, что только формальный отказ

¹ *Langer, Diplomacy of Imperialism, v. II.*

Французского правительства от надежды на возвращение Эльзаса и Лотарингии может обеспечить франко-германское сотрудничество. Делькассе был вынужден продолжать отступление перед Англией и отказаться также и от области Бахр-эль-Газель: Эльзас и Лотарингия стоили, конечно, дороже, чем весь нильский бассейн или любая другая колония.

Добившись капитуляции Франции в борьбе за бассейн Нила, английское правительство решило протянуть пряник побитому врагу. В феврале 1899 г. с Францией были начаты те самые переговоры, в которых ей отказывали до капитуляции. 21 марта 1899 г. было достигнуто соглашение между Лондоном и Парижем. Африканские владения обеих держав были разграничены. Франция оказалась окончательно удалённой из бассейна Нила. За это она получила некоторые компенсации. Граница была проведена в основном по водоразделу между бассейнами озера Чад, Конго и Нила. За отказ от бассейна Нила Франция получила бассейн озера Чад со спорной до этого областью Вадаи.

В том же самом 1898 г., столь богатым событиями на колониальной арене, германский империализм начал борьбу за концессию на Багдадскую железную дорогу. Это предприятие должно было стать в его руках орудием закабаления Турции.

Ещё в 1887 г. Дейче Банк приобрёл у турецкой казны небольшую железнодорожную линию от Гайдар-Паша на азиатском берегу Босфора до Измида — гавани на берегу Мраморного моря. Кроме того, банк получил от турецкого правительства концессию на продолжение этой линии от Измида до Анкары. Перед совершением сделки Дейче Банк запросил мнение канцлера. Бисмарк ответил концессионеру, что возражений против задуманного предприятия он не имеет, но и никакой особой поддержки этому делу не окажет. Бисмарк твёрдо держался своего мнения о незаинтересованности Германии в турецких делах: он рассчитывал, что при такой позиции Германии легче будет извлекать барыш из соперничества других держав на Ближнем Востоке.

Бисмарк придавал так мало значения германской железнодорожной концессии в Турции, что через несколько дней, как видно из документов, он уже забыл об этом эпизоде с запросом Дейче Банк. Однако кайзер Вильгельм II с гораздо большим интересом относился к германской экспансии в Турции. Ещё будучи наследником, он был близок к тем военным кругам, которые полагали, что война с Россией неминуема. Вместе со многими генералами Вильгельм считал, что в этой войне Турцию необходимо будет использовать как союзника. Турецкие железные дороги приобретали в связи с этим для Германии не только экономический, но и военно-политический интерес. В феврале 1893 г. султан передал обществу Анатолийских железных

дорог, созданному Дейче Банк, концессию на постройку дороги от Эскишехира, расположенного на линии Измид — Анкара, до Конии. И Россия, и Франция, и особенно Англия возражали против новой германской концессии. Английский посол заявил султану протест, указав, что новый концессионный договор задевает интересы английской компании, владевшей Смирно-Айдинской железной дорогой. Однако Германии удалось преодолеть сопротивление конкурентов. Она пригрозила Англии прекращением поддержки в египетских финансовых делах; это побудило английский кабинет отказаться от протеста против немецкой концессии. Сооружение дороги на Конию было завершено в 1896 г. Теперь уже нельзя было больше утверждать, будто у Германии нет интересов на Ближнем Востоке. Германский империализм явно собирался превратить Турцию в свою колонию.

В 1898 г. Вильгельм II отправился в Палестину, якобы на поклонение «святым местам». По пути в октябре 1898 г. он посетил Константинополь и нанёс султану визит. Одновременно в Константинополе оказался и директор Дейче Банк Сименс: он вёл переговоры о концессии на продление железнодорожной линии от Конии до Багдада и на оборудование порта в Гайдар-Паша, на азиатском берегу Босфора. После паломничества к «святым местам» кайзер побывал в Дамаске. Там в публичной речи он объявил себя другом 300 миллионов мусульман и их халифа, турецкого султана. Абдул-Гамиду чрезвычайно понравилась эта речь. Произнеся её, Вильгельм II немало помог Дейче Банк получить искомую грандиозную концессию на железную дорогу до Багдада. Концессия на сооружение порта была выдана султаном уже в январе 1899 г.

Весть о германской концессии на портовые сооружения в Гайдар-Паша, а тем более слухи о проекте железной дороги на Багдад были восприняты в Петербурге весьма недружелюбно. Русский посол в Берлине заявил Бюлову, что экономические успехи Германии могут привести к её политической гегемонии в Турции. Этого Россия допустить не может. Бюлов возражал. Он принялся объяснять послу, что Германия нуждается в рынках сбыта. Она преследует в Турции чисто экономические цели и не имеет будто бы намерения противодействовать политическим стремлениям России¹.

В апреле 1899 г. царское правительство обратилось в Берлин с предложением заключить формальное соглашение относительно проливов. Царское правительство заявляло, что его цель заключается в поддержании целостности Османской империи, ибо интересы России не допускают водворения иностранного влияния в проливах. В случае появления такой опасности,

¹ *Langer, Diplomacy of Imperialism, v. II, p. 640.*

но именно только в этом случае, Россия вынуждена будет обеспечить себе контроль над проливами. Русское правительство предлагало Германии формально признать за Россией право на данный шаг. За это Россия готова была обязаться не препятствовать Германии в её железнодорожных предприятиях в Малой Азии¹.

Германское правительство отказалось заключить предлагаемое соглашение. Истинная причина отказа заключалась в том, что положение Германии было в это время исключительно благоприятным. После приобретения Порт-Артура Россией немецкой дружбы добивалась Англия, а после Фашоды — и Франция. При таких условиях германская дипломатия не видела необходимости ограничивать себя в Турции. Она считала лишним прочно связываться с Россией и изменять своей политике балансирования между Россией и Англией.

Экспансия на Дальнем Востоке сковала силы царской России. Её дипломатия не могла приостановить проникновение Германии в Турцию. 27 ноября 1899 г. появилось ирада² султана. В нём объявлялось, что немецкой компании будет выдана концессия на постройку в течение восьми лет дороги от Конии через Багдад до Басры. Подробности, как указывалось далее в султанском ирада, будут установлены концессионным договором.

Частично русской дипломатии всё же удалось оградить свои интересы. По требованию России в апреле 1900 г. султан дал формальное обязательство в течение десяти лет не допускать иностранных концессий на сооружение железных дорог в районах Малой Азии, примыкающих к Чёрному морю и к русской кавказской границе. В Петербурге очень опасались, как бы немцы не закабалляли Турцию. «Они хотят окружить Россию от Полангена до Эрзерума», — так выразил существо этих опасений военный министр генерал Куропаткин.

Проникновение Германии в Турцию и особенно к берегам Персидского залива задевало в интересы Англии. Эти области представляли своего рода кордон перед индийской границей.

Ради предосторожности английское правительство в 1901 г. захватило новый опорный пункт на Персидском заливе — Кувейт, неподалёку от устья Шат-эль-Араба.

К концу XIX века в Европе создалось следующее положение. Англия, продолжая соперничество с Францией и Россией, приобрела нового противника в лице Германской империи. Германия, невзирая на то, что внешне снова произошло некоторое сближение её с Россией, оставалась врагом франко-русского блока; вместе с тем она стала соперником Англии. Вопрос заключался

¹ *Langer*, *Diplomacy of Imperialism*, v. II, p. 640.

² Указ.

в том, какие противоречия окажутся более глубокими: противоречия ли между Германией и Англией или же между Англией, Россией и Францией. Иначе говоря, какая из трёх мыслимых дипломатических группировок окажется более жизнеспособной: англо-франко-русское согласие, англо-германский блок или же континентальная лига против Англии. История решила вопрос в пользу первой из перечисленных комбинаций. Германия обострила отношения одновременно и с Россией и с Англией. Расплатой за это явилось её поражение в 1918 г. Оно подтвердило пророчество Бисмарка об опасностях, которыми грозит Германии англо-русское сближение.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА РАЗДЕЛ МИРА И ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ЗА ЕГО ПЕРЕДЕЛ (1898—1904 гг.)

Испано- американская война

В 90-х годах правительство США начало активизировать свою политику на Тихом океане и на Карибском море. В 1893 г. были заняты Гавайские острова. В апреле 1898 г. США начали войну против Испании ради приобретения испанских колоний. В 1895 г. на Кубе вспыхнуло восстание против испанского владычества. Куба всегда имела важное стратегическое значение на подступах к Панамскому перешейку и к Мексиканскому заливу, омывающему южное побережье США. Ещё в 1849 г. правительство США предлагало Испании продать ему Кубу за 100 миллионов долларов. Теперь Соединённые штаты решили воспользоваться восстанием, чтобы начать войну против Испании.

В США началась агитация против испанских жестокостей и преступлений. Весной 1898 г. правительством США был секретно послан на Кубу один сенатор с поручением ознакомиться с положением острова. По возвращении в марте 1898 г. он выступил в Сенате с пространной речью; в ней он разоблачал вверстывание испанских властей, а также нищету и голод кубинского населения. Речь заканчивалась призывом объявить Испании войну. Сенатская комиссия по иностранным делам занялась изучением вопроса об ущербе, понесённом американскими гражданами во время волнений на Кубе.

Затем подоспел взрыв на американском крейсере «Мэн», стоявшем на рейде в Гаванне. В США приписывали взрыв испанцам и отклонили предложенное Испанией расследование и передачу дела на арбитражное решение. 6 апреля по просьбе Испании последовало вмешательство великих европейских держав в испано-американский конфликт. Однако оно приняло форму совершенно невинной коллективной ноты, вручённой послами держав в Вашингтоне. Державы призывали «президента и народ Соединённых штатов» руководствоваться в своих отношениях с Испанией «чувствами гуманности и умеренности».

Ответ правительства США не был лишён юмора. Он гласил, что США оценили дружественный характер обращения европейских держав, что они будут действовать, руководствуясь именно принципами «гуманности», и что во имя неё постараются поскорее покончить с создавшейся на Кубе ситуацией...

Правительство США хорошо знало, что Европа не желает усиления Соединённых штатов. Но оно знало и то, что при взаимном соперничестве европейских держав они не сговорятся о совместном вмешательстве, а выступить сепаратно не решится ни одна из них из опасения толкнуть США на сближение с кем-либо из её соперников. И США были спокойны. Президент Мак-Кинли предъявил Испании новые требования в дополнение к принятым ею ранее — обычный приём дипломатии, применяемый тогда, когда хотят во что бы то ни стало вызвать конфликт. Теперь США требовали уже эвакуации Кубы. Этого, конечно, испанская дипломатия принять не могла. Война стала неизбежной. 21 апреля дипломатические отношения между Испанией и США были порваны, а затем сначала (23-го) испанское правительство, потом (25-го) Конгресс США объявили состояние войны. Ни одна из европейских держав не вмешалась в пользу Испании:

США одержали быструю победу, разбив испанскую армию и флот. 10 декабря 1898 г. в Париже был подписан испано-американский мир. Испания отказывалась от Кубы, и вскоре остров был объявлен «независимым». Фактически он подпал под протекторат США. Порто-Рико, Гуам и Филиппины, согласно мирному договору, переходили к Соединённым штатам. Как уже отмечалось, на Филиппины претендовала и Германия. Однако германскому империализму пришлось удовольствоваться меньшим. Германское правительство добилось лишь того, что Испания продала ему расположенные на Тихом океане острова, ещё остававшиеся в её владении, — Каролинские, Марианские и Палау.

Испано-американская война была своего рода вехой мировой политики. До сих пор шёл раздел территорий, ещё никем из европейских государств не захваченных. Теперь США приобретали колонии, принадлежавшие Испании. Испано-американская война была первой войной не за раздел, а за *передел* мира.

Доктрина Хэя
(«открытые
двери» в Китае)

Испано-американская война не только изменила в пользу США обстановку в Карибском море и в Центральной Америке. Поскольку США приобрели Филиппины, война отразилась и на Дальнем Востоке.

В эти годы США уже рассматривали Китай как один из важнейших будущих рынков для американского капитала и товаров. Раздел Китая на сферы влияния противоречил интересам

США. США не могли рассчитывать в скором времени обеспечить для себя в Китае желаемую сферу влияния: для этого они ещё не располагали в дальневосточных водах необходимыми военно-морскими базами. В военном отношении США в Китае были много слабее не только Японии, но и России, и Англии, и даже Франции с её владениями в Индо-Китае и союзом с Россией. Зато в будущем они рассчитывали воспользоваться рынком всего обширного Китая. Понятно, что США стремились предотвратить растаскивание Китая по кускам.

6 сентября 1899 г. статс-секретарь США Хэй обратился к великим державам с нотами, в которых, провозглашая так называемую доктрину «открытых дверей» в Китае, приглашал присоединиться к этому принципу. Хэй предлагал каждому из правительств заявить:

«1. Что оно не будет покушаться на права какого-либо договорного порта или нарушать какие-либо обоснованные интересы [других держав] в пределах любой из так называемых „сфер интересов“ или арендованных территорий, каковыс оно (т. е. данное правительство) может иметь в Китае.

2. Что ныне существующий китайский договорный таможенный тариф будет применяться ко всем товарам, выгруженным или доставленным во все такие порты, находящиеся в пределах подобных „сфер интересов“ (за исключением „вольных портов“) безотносительно к тому, к какой бы национальности они ни принадлежали; следуемые на этом основании пошлины будут взиматься китайским правительством.

3. Что оно не будет взимать с судов иной национальности, заходящих в какой-либо порт в подобной „сфере“, более высоких судовых сборов, чем те, которые будут взиматься с судов его собственной национальности, а равно и более высоких железнодорожных тарифов на линиях, сооружённых, контролируемых или действующих в его сфере».

Английское, германское, французское, японское и итальянское правительства ответили на ноту Хэя согласием. Россия дала уклончивый ответ. Русские товары в Манчжурии больше всего нуждались в тарифной защите. Между тем японская торговля в Корее и в других местах и без этого имела огромное преимущество вследствие близости расстояния между Японией и Китаем. Ввиду этого Япония имела возможность без особого ущерба для себя воздержаться от возражений на ноту Хэя. США и ранее считали, что главной угрозой для их интересов в Китае является Россия. Теперь русская политика встала в прямое противоречие с американской политикой. В итоге США примкнули на Дальнем Востоке к англо-японской группировке; в дальнейшем совместно с нею они будут действовать против России.

**Англо-бурская
война**

Прошло менее года после того, как прекратились военные действия в западном полушарии, и уже разразилась новая война — на этот раз в Южной Африке.

В качестве предлога для войны английская дипломатия избрала вопрос о положении так называемых уитлендеров. Так именовались иностранцы, преимущественно англичане, которые наводнили Трансвааль после открытия золотых россыпей в Уитватерсранде. Бурское правительство отказывало этим искателям наживы в полноте политических прав. Именно из этого вопроса английская дипломатия и решила создать *casus belli*.

Английская дипломатия вела переговоры с бурскими правительствами таким образом, что цель её была совершенно очевидна: она явно стремилась довести дело до разрыва. Вместе с тем ей нужно было время, чтобы приучить общественное мнение Англии к мысли о неизбежности войны. Стоило бурам принять те или иные требования английской дипломатии, как англичане немедленно предъявляли новые. Их прямым расчётом было не дать конфликту замереть. Зная, что военные приготовления Англии ещё не закончены, оба бурских правительства решили, что не следует позволять англичанам выиграть время. 11 октября 1899 г. буры объявили Англии войну. Английские войска после упорной борьбы заняли обе столицы бурских республик — Преторию и Блумфонтейн. Но вскоре англичанам пришлось убедиться, что сопротивление противника ещё далеко не сломлено. Буры начали партизанскую войну. Англичане оказались хозяевами лишь тех пунктов, где стояли их воинские части. Вокруг простиралась враждебная страна, которая кишела партизанскими отрядами. Они непрерывно угрожали английским коммуникациям и не позволяли англичанам удаляться сколько-нибудь от места расположения их частей. Так как Англия, имея громадный флот, располагала ничтожной армией, то справиться с бурскими партизанами оказалось очень трудно. В Южную Африку пришлось перебросить до 250 тысяч человек. Понадобился 31 месяц упорной борьбы, пока, наконец, 31 мая 1902 г. не был подписан мир. Буры были вынуждены отказаться от независимости и признать себя подданными британской короны. Впрочем, они сумели выговорить себе внутреннюю автономию.

Военные неудачи нанесли чувствительный удар военному, а вместе с тем и международно-политическому престижу Англии. Англо-бурская война началась в момент очередного обострения как англо-русских, так и англо-французских отношений. Во Франции антианглийская пропаганда после Фашоды достигла апогея: часть прессы уже провозглашала лозунги «Нил — за Рейн», «Пирамиды — за Страсбургский собор».

Английское правительство опасалось, как бы Франция и Россия не воспользовались затруднениями, порождёнными для Англии бурской войной.

Чтобы парализовать возможность вмешательства держав континента в англо-бурские отношения, английское правительство продолжало переговоры о союзе с Германией. Надобно было во что бы то ни стало предотвратить возможность сговора обеих континентальных группировок. Без уверенности в благожелательном отношении Германии ни Россия, ни тем более Франция не решились бы на открытый конфликт с Англией.

Вильгельм и его правительство поняли, что Англия нуждается в германской дружбе. Они постарались не упустить благоприятного момента. Соглашение о разделе португальских колоний их не удовлетворяло; в сущности, оно заключало одни лишь посулы на будущее. Немцы захотели извлечь из затруднений Англии более осязательные колониальные выгоды.

Смуты, начавшиеся в 1898 г. на островах Самоа, дали германской дипломатии повод поставить вопрос о разделе этого архипелага. С 1889 г. над островами Самоа был установлен кондоминиум трёх держав — Германии, Англии и США. Теперь германское правительство задумало получить архипелаг или хотя бы часть его в своё полное владение: оно рассчитывало создать там военно-морскую базу для своего флота в тихоокеанских водах. Английскому правительству очень не хотелось отдавать Германии Самоа. Немецкое предложение о разделе архипелага встретило оппозицию со стороны Австралии и Новой Зеландии. Английская дипломатия всячески старалась мобилизовать и США для противодействия германским планам.

Неожиданно германская дипломатия получила возможность использовать в своих целях закулисные связи одного из самых влиятельных капиталистов Англии.

Весной 1899 г. в Европу приехал Сесиль Родс, чтобы хлопотать об осуществлении проекта, с которым он носился уже несколько лет. Дело шло о сооружении железнодорожной и телеграфной линий от Капа до Каира. Фактически предстояло проложить рельсовый путь от Булавайо и Родезии до соединения с египетской железнодорожной сетью, ибо от Капа до Булавайо дорога уже была построена. Родс добивался от английского правительства государственной гарантии облигаций этой дороги. Однако, несмотря на все свои связи, такой гарантии он не получал. Постройка телеграфной линии была предприятием более простым, но и в этом деле имелись затруднения. Как и проектируемая железная дорога, линия телеграфа частично должна была пройти по иностранной территории — либо через Бельгийское Конго, либо через Германскую Восточную Аф-

рику. Родс поехал в Брюссель, однако ему не удалось договориться с королём Леопольдом.

Тогда германское правительство пригласило Родса в Берлин. Здесь он встретился с кайзером. Родсу было дано согласие на проведение телеграфа по немецкой территории; не отказывались немцы вести переговоры и о железной дороге, когда у Родса будет возможность пачать это дело. Со своей стороны Родс обещал похлопотать в Лондоне насчёт уступки немцам Самоа. Родс выполнил своё обещание. Однако ему не удалось поколебать ни Чемберлена, ни Солсбери, хотя Германия и добилаь согласия США.

Переговоры между Лондоном и Берлином приняли острый оборот. Немцы грозили то русско-германским, то франко-германским сближением. Англичанам стало известно, что Бюлов готов пойти на разрыв дипломатических сношений. Вильгельм демонстративно отказался от уже объявленного визита в Англию на лодочные гонки в Коус.

В конце концов, учитывая затруднения, связанные с бурской войной, Солсбери решил уступить. 14 ноября 1899 г. было подписано соглашение, по которому Германия получала два острова из архипелага Самоа; другие два острова этого архипелага были переданы США. Англия отказывалась от всяких претензий на Самоа; за это она приобретала острова Тонга, часть Соломоновых островов и небольшую спорную территорию на границе англо-германских владений в Того, в Африке.

Конфликт из-за Самоа привёл в крайнее раздражение обе стороны. В Германии и правительство и пресса были разъярены нежеланием англичан хотя бы немного поступиться своей колониальной монополией. В Англии были возмущены настойчивостью германских покушений на эту монополию. «Германская политика — открытый шантаж», — писал Чемберлен Солсбери в сентябре 1899 г.

Так или иначе, очередной конфликт был улажен. В ноябре 1899 г. Вильгельм в сопровождении Бюлова, наконец, прибыл в Виндзор; на состязания в Коусе кайзер уже опоздал.

Чемберлен снова заговорил с немцами о союзе. В обмен за военный союз против России, который принудил бы её приостановить экспансию на Дальнем Востоке, Чемберлен предлагал Германии часть Марокко и поддержку в деле постройки Багдадской дороги. Как и в 1898 г., кайзер и Бюлов ответили, что не могут ссориться с Россией. Со своей стороны они предложили расширить соглашения по колониальным проблемам, начало чему было положено договорами о португальских владениях и об островах Самоа. Из переговоров о союзе, таким образом, снова ничего не вышло.

Как бы то ни было, Германия оставалась нейтральной в течение англо-бурской войны. Но германская дипломатия, следуя

своей политике поджигательства, подстрекала другие державы выступить против Англии. Эти внушения дали свои плоды.

Уже в конце февраля 1900 г. русский министр иностранных дел Муравьев зондировал французское правительство насчет возможности совместного выступления против Англии. Делькассе соглашался, но при условии, что Россия при этом договорится с Германией. Без уверенности в безопасности своей восточной границы Франция не решалась вступить в конфликт с «владычицей морей». Впрочем, своё согласие Делькассе давал неохотно: он пошел на предложение Муравьева лишь для того, чтобы не ослабить франко-русского союза. Как бы то ни было, в Англии поползли тревожные слухи о возможности французского вторжения на Британские острова.

После переговоров с Делькассе Муравьев обратился в Берлин. Здесь ему ответили, что в антианглийской коалиции Германия может принять участие лишь в том случае, если Франция, Германия и Россия взаимно гарантируют друг другу свои владения, иначе говоря, если Франция откажется от притязаний на Эльзас и Лотарингию. Муравьев возразил, что французское правительство, сделав такой шаг, не продержится на своём посту и одних суток.

Германская дипломатия поспешила извлечь свой барыш из переговоров с Муравьевым. Вильгельм II решил использовать этот случай, дабы ещё более осложнить англо-русские отношения. Он принялся хвалиться перед англичанами, будто не кто другой, как он, спас Англию от образования враждебной коалиции. Кайзер сообщил королеве и принцу Уэльскому о предложении Муравьева. Но и русская дипломатия не дремала: она в свою очередь уведомила англичан, что сами немцы предлагали России вмешательство в пользу буров, но что Россия от этого уклонилась.

Вмешательство европейских держав в англо-бурскую войну не состоялось. Эльзас-Лотарингия перевесила все колониальные проблемы: континентальный блок оказался неосуществимым.

Однако соперники Англии всё-таки сумели извлечь свою пользу из затруднительного положения британского империализма. Царское правительство добилось новых успехов в Средней Азии. 6 февраля 1900 г. русское правительство известило английский кабинет, что потребности торговли и территориальное соседство с Афганистаном не позволяют России далее воздерживаться от прямых политических сношений с этой страной. Предварительно на афганской границе были сконцентрированы русские войска. Англо-индийская армия была ослаблена отправкой многих частей в Южную Африку. Обстановка была такова, что Англии пришлось проглотить пилюлю. Вскоре,

опираясь на Россию, новый эмир, Хабибула, вступивший на престол в 1901 г., демонстративно отказался от британской субсидии. В Персии, где также шла англо-русская борьба за влияние, русская дипломатия тоже достигла значительного успеха. В январе 1900 г. Россия предоставила Персии заём, обеспечением которого явились таможенные сборы северной части страны.

Договор
о Панамском
канале

По мере обострения отношений с Германией, при одновременно развёртывавшейся борьбе с Россией за Дальний Восток, британское правительство, естественно, искало сближения с США. Что Англия избегает всякой ссоры с США, стало ясно, когда у Англии возник конфликт с Венецуэлой. Дело шло о разграничении между этой южноамериканской республикой и Британской Гвианой. США в 1895 г. довольно грубо вмешались в этот спор: американцы заявили, что не допустят удовлетворения английских претензий, ибо они противоречат доктрине Монро. Англия благоразумно уступила. В испано-американской войне Англия соблюдала по отношению к Америке благожелательный нейтралитет. Зато во время бурской войны и США в свою очередь заняли такую же позицию в отношении Англии. На Дальнем Востоке США и Англия в полном согласии действовали против России. Таким образом, последние годы прошлого века ознаменованы были установлением англо-американской дружбы. Однако это не помешало американской дипломатии использовать стеснённое положение, в которое поставили Англию её враждебное отношение к России и борьба в Южной Африке: США постарались обеспечить себе контроль над Панамским каналом.

Вопрос о прорытии канала между Атлантическим и Тихим океанами обсуждался уже несколько десятилетий. В 1850 г. Англия заставила США подписать так называемый договор Клейтон-Бульвера о нейтрализации будущего канала и о свободе плавания по нему. Англия и США обязывались совместно охранять нейтралитет и безопасность канала и приглашали все остальные державы присоединиться к ним в осуществлении этой задачи. Все эти дипломатические и юридические формулы на деле означали устранение США от единоличного контроля над будущим каналом. В 1898 г. Англия согласилась начать переговоры о пересмотре договора 1850 г.

Новый договор о режиме Панамского канала был подписан 18 ноября 1901 г. государственным секретарём Хэем и английским послом в Вашингтоне Паунсфотом. Этот договор устанавливал, что канал будут строить США — либо само правительство, либо через какую-нибудь частную компанию, по усмотрению правительства США. Далее договор подтверждал принцип нейтрализации канала, установленный договором Клейтон-Бульвера. Канал объявлялся свободным для плавания всех военных

и торговых судов всех наций на условиях полного равенства. Однако гарантия «нейтралитета» и свободы навигации по каналу обеспечивалась теперь только США. США могли содержать в зоне канала вооружённую охрану.

В 1902 г. правительство США выкупило у французской компании её концессионные права на сооружение канала. В январе 1903 г. был подписан договор между США и Колумбией об уступке США в аренду на 99 лет на Панамском перешейке территории в 6 миль шириной, от одного океана до другого, для сооружения канала. Однако колумбийский конгресс отклонил этот договор. Тогда в ноябре 1903 г. американские агенты создали на перешейке правительство Панамской республики, которое провозгласило независимость Панамы и отложилось от Колумбии. США немедленно признали новое государство и одновременно оккупировали его своими войсками. Начались работы по прорытию канала. Закончились они только в 1914 г.

Германская военно-морская программа

Уже к концу XIX века становилось очевидно, что, невзирая на переговоры о союзе, основная борьба за передел мира развернётся между Германией и Англией. Готовясь к этой борьбе, германский империализм в 1898 г. приступил к сооружению военно-морского флота. В разгар бурской войны в Берлине решили, что момент благоприятен и что можно бросить уже настоящий вызов Англии в борьбе за морское первенство. В июне 1900 г. германское правительство провело через Рейхстаг новый закон о флоте, который предусматривал увеличение состава флота и объёма судостроительной программы. По этому закону к 1915 г. состав германского флота должен был быть доведён до 34 линейных кораблей, 11 тяжёлых и 34 лёгких крейсеров и около 100 миноносцев, не считая резервной эскадры из 4 броненосцев, 3 тяжёлых и 4 лёгких крейсеров. Программа 1900 г. была уже серьёзным покушением на английское морское первенство. Германский империализм, строя флот, явно готовился к борьбе с Англией за коренной передел мира.

Характерен предлог, который избрало правительство кайзера для того, чтобы внести в Рейхстаг проект нового закона о флоте. Английские крейсера задержали немецкие торговые суда по подозрению в провозе военной контрабанды в Южную Африку. По этому поводу в германской печати началась антибританская кампания; поднялись жалобы на «беззащитность» немецкой морской торговли; вывод гласил: нужно усилить германский военный флот. Вокруг постройки флота была поднята величайшая шумиха. Таким образом, закон о флоте был проведён прямо против Англии, под аккомпанемент резкой антианглийской кампании.

Гаагская
конференция
1899 г.

Одновременно с постройкой флота Германия безостановочно увеличивала и свои вооружения на суше. Конец 90-х годов ознаменовался новым этапом в развитии военной техники и в гонке вооружений. Почин исходил от Германии, которая ввела в 1896 г. скорострельную полевую пушку. Германская полевая 77-миллиметровая пушка образца 1896 г. делала 6—10 выстрелов в минуту, в то время как до того число выстрелов равнялось 1—2. За Германией последовала Франция, введя известную 75-миллиметровую пушку образца 1897 г. Но в России и в Австро-Венгрии перевооружение артиллерии наталкивалось на недостаток денежных средств.

Финансовая нужда навела русское правительство на мысль выступить с проектом созыва первой международной конференции по ограничению вооружений. Это и было сделано в августе 1898 г. Русская дипломатия при этом преследовала и другую цель — сплотить континентальные державы против Англии, обеспечив им возможность затратить на флот часть средств, сохранённых в результате ограничения вооружений на суше.

Конференция собралась в Гааге и заседала с мая по июль 1899 г. Она, однако, заранее была обречена на неудачу из-за отрицательного отношения к ней большинства держав. Особенно резко выступила против неё Германия. Но и Франция была недовольна инициативой своей союзницы. Конференция ровно ничего не сделала в смысле разоружения или ограничения новых вооружений. Она ограничилась разработкой некоторых международных правил ведения войны: запрещения применять разрывные пули и отравляющие вещества, режима содержания раненых и пленных и т. д. Много споров вызвал проект принудительного международного арбитража. Вопросы, связанные с государственным достоинством и с «жизненными интересами» того или иного государства, решительно и единогласно исключались из арбитража, но англичане предлагали сделать его обязательным для менее важных проблем. Однако по настоянию Германии принудительный арбитраж был полностью отвергнут. Германский делегат откровенно объяснял в кулуарах, что арбитражная процедура может нанести Германии ущерб. Германия лучше всех подготовлена в военном отношении. У неё мобилизация и сосредоточение армии займут каких-нибудь 14 дней или немногим больше. Противники могут использовать арбитражную процедуру, чтобы выиграть время для военных приготовлений; так будут сведены на нет те преимущества, которые обеспечиваются Германии совершенством её железнодорожной сети и мобилизационной системы. Германский империализм продемонстрировал в Гааге свою особую агрессивность; в деле саботажа мер по ограничению вооружений он бесспорно взял первый приз.

Народное восста-
ние в Китае
(«боксерское
восстание»)

Пока шла война в Южной Африке и резонанс её слышался то в Персии, то в Афганистане, то в Марокко, и даже в Панаме и на островах Самоа, события на Дальнем Востоке развивались своим чередом. Закабаление и раздел Китая вызвали в стране мощное антиимпериалистическое народное движение. В 1898—1899 гг. произошёл ряд местных вспышек. Начавшись в Шаньдуне, движение перекинулось на Чжили, Шанси и Мавчжурию. В мае 1900 г. оно вылилось в большое народное восстание, известное под названием боксерского. В июне боксеры дошли до Пекина. 20 июня на улице Пекина был убит германский посланник Кеттелер. Вслед за тем боксеры подвергли осаде дипломатические миссии. Тогда в Тяньцзине был сформирован двухтысячный сводный отряд, составленный из моряков стоявших там иностранных военных судов. Однако его попытка пробиться к Пекину потерпела неудачу. Зато военные корабли подвергли бомбардировке форты Дагу. 17 июня форты были заняты десантом.

В целях освобождения осаждённых миссий готовилась интервенция заинтересованных империалистических держав. Главным мотивом выступления была их боязнь потерять свои привилегии в Китае.

Но какими силами подавить восстание? Сговориться на этот счёт оказалось не легко.

За переговорами скрывалась старая борьба за влияние в Китае. Ясно было, что кто «освободит» пекинский посольский квартал, тот и станет хозяином столицы. Английская дипломатия предлагала поручить подавление боксеров японцам: она рассчитывала образовать из них в Пекине заслон против России. Японии весьма улыбался этот план: ей хотелось утвердиться в Пекине с санкции других держав. Россия смотрела на японскую интервенцию резко отрицательно. В конце июня с помощью Германии ей удалось сорвать английское предложение.

После этого договорились на том, что все великие державы пошлют в Пекин свои контингенты. На пост главнокомандующего международной карательной экспедицией Вильгельм II предложил германского фельдмаршала Вальдерзее. Россия приняла это предложение: она предпочитала германское командование и японскому и английскому. На русское же командование никогда не согласились бы ни Англия, ни Япония. К России нехотя присоединилась и Франция. После этого и другим державам пришлось принять кандидатуру Вальдерзее. Кайзер был весьма польщён, что международным корпусом будет командовать его генерал. 27 июля, обращаясь к отправляющимся в Китай войскам, он публично призывал их учинить в Китае такую расправу, чтобы китайцы столь же твёрдо запо-

нили германское имя, как в своё время народы Европы сохранили в памяти имя туинов и их вождя Аттилы¹.

Впрочем, когда германский фельдмаршал прибыл на театр военных действий, борьба с восстанием в основном уже была закончена. Ещё до его прибытия из Тяньцзина на Пекин отправился международный экспедиционный корпус под руководством русского генерала Линеви́ча. Линеви́ч разбил китайцев и 14 августа освободил миссии. Восстание было подавлено. Китайское правительство покинуло Пекин и бежало в Сяньфу. Когда прибыл Вальдерзее, ему пришлось ограничить свою деятельность карательными экспедициями против мирных городов и деревень. Иностранцы подвергли варварскому грабежу пекинские дворцы; японцы перещеголяли всех, вывезя со своей добычей и китайский государственный серебряный² фонд.

Русское правительство лишь с неохотою согласилось на интервенцию в Пекине. Оно опасалось, что появление иностранных войск усилит иноземное влияние в китайской столице. Но в Манчжурии позиция России была иной. В июле боксёры совершили нападения на русские железные дороги, и после этого царское правительство ввело в Манчжурию свои войска. К середине октября вся Манчжурия была оккупирована русскими.

Пекин, Тяньцзин и другие пункты провинции Чжэли оказались оккупированными международным экспедиционным корпусом. Пребывание там иностранных вооружённых сил беспокоило царское правительство. 25 августа 1900 г. новый министр иностранных дел Ламздорф циркулярно уведомил державы, что русские войска теперь же отзываются из Пекина и что они покинут и Манчжурию, как только там будет восстановлен порядок. Вместе с тем русское правительство демонстративно заявляло, что не считает себя находящимся в состоянии войны с Китаем, ибо его правительство вынуждено было выступить против иностранцев только под давлением «мятежников». Самым эффектным в циркуляре было, однако, нечто другое. Ламздорф предлагал ввиду освобождения посольств без промедления увести все иностранные войска из Пекина. Тогда китайское правительство сможет вернуться в свою столицу и само восстановит окончательный порядок. Державы отвергли это предложение, и из Пекина ушли одни только русские войска. Царское правительство явно рассчитывало на сепаратный стовор с правительством богдыхана, чтобы помочь ему отделаться от оккупантов и тем приобрести руководящее влияние в Пекине. Главными сторонниками этой политики

¹ Бюлов, Воспоминания, рус. перев., стр. 164.

² В Китае была серебряная валюта.

русско-китайского сближения в Петербурге были Витте и Ламздорф.

По просьбе китайского правительства начались мирные переговоры между Китаем и державами. Они закончились 7 сентября следующего, 1901 года подписанием заключительного протокола. Этот акт возложил на Китай контрибуцию в 450 миллионов таэлей. Вместе с процентами это составляло около 1,5 миллиарда рублей. Тяжесть этого обязательства усугублялась тем, что китайские финансы за шесть лет до того, после войны 1894—1895 гг., уже были истощены уплатой контрибуции Японии. Протокол этим не исчерпывался. Китай подвергался тяжёлым унижениям. Китайское правительство должно было казнить участников восстания, включая и высших сановников, воздвигнуть «искупительные памятники» пострадавшим иностранным дипломатам и т. д.

«Цзай И, князь Дуань, и Цзай Лань, герцог Фу Го, — гласил протокол, — были преданы уголовному суду, чтобы быть казнёнными в осеннюю сессию, и было постановлено, что, если император сочтёт возможным даровать им жизнь, они будут сосланы в Туркестан и будут осуждены на бессрочное заключение без какого-либо смягчения.

Цзай Сюнь, князь Чжуан, Ин Нянь, председатель палаты цензоров, и Чжао Шу-цзяо, председатель Министерства юстиции, приговорены к лишению себя жизни.

Юй Сянь, губернатор Шанси, Цай Сю, председатель палаты церемоний, и Сю Чжен, бывший перед тем товарищем министра уголовных дел, были осуждены на смертную казнь».

Протокол содержал длинный перечень подобных репрессий. Чтобы оценить всю их тяжесть, нужно учесть, что, например, князь Дуань был одной из влиятельнейших особ китайского двора. Согласно статье 7, квартал, занимаемый иностранными миссиями в Пекине, предназначался для одних иностранцев и был поставлен под охрану иностранной специальной полиции; селиться в этом квартале китайцы не имели права. В Китай в течение двух лет воспрещался ввоз оружия. Форты Дагу подлежали срытию.

Россия приняла участие в мирных переговорах и подписала заключительный протокол. Однако русские войска не участвовали в карательных экспедициях германского фельдмаршала.

С августа 1900 г. германское правительство начало переговоры с Англией о совместной англо-германской гарантии территориальной целостности Китая и незыблемости принципа «открытых дверей» для торговли всех наций. За этими дипломатическими формулами скрывалось на деле нечто иное. Германия подозревала Англию в намерении захватить Шанхай и вообще закрепить своё полумонопольное положение в бассейне Ян-Цзы. Поэтому она и спешила связать соперника обещанием соблюдать территориальную неприкосновенность Китая и не

нарушать принципа «открытых дверей». Со своей стороны англичане, вступая в эти переговоры, хотели втянуть немцев в борьбу против русских в Манчжурии. Как только немцы это поняли, они отказались распространить свою гарантию на Манчжурию. Солсбери был вынужден уступить. Он принял предложение Германии заключить соглашение о «совместной» охране территориальной неприкосновенности Китая, свободы торговли и принципа «открытых дверей» лишь в тех областях Китая, «на которые распространяется влияние обеих держав». Иными словами, Манчжурия оказалась изъятой из сферы действия соглашения, подписанного 16 октября 1900 г. Таким образом, новая попытка Англии подстрекнуть Германию на выступление против России опять не увенчалась успехом. Германское правительство на это не шло: оно само усердно работало над тем, чтобы вынудить Англию и Японию ввязаться в борьбу против России.

Вопрос
об эвакуации
Манчжурии

Продолжая курс на сделку с пекинским правительством, царская дипломатия завязала с ним переговоры. В обмен на эвакуацию Манчжурии она стремилась добиться там для России исключительно привилегированного положения, распространив его при этом заодно и на весь застенный Китай.

9 ноября 1900 г. русское правительство через «главного начальника» Квантунской области адмирала Алексеева заключило «местное соглашение» с цзянь-цзюнем (генерал-губернатором) Мукденской провинции Цзеном. Соглашение это ставило генерал-губернатора под русский протекторат. Вслед за тем в Петербурге был выработан проект общего соглашения с центральным китайским правительством относительно Манчжурии. Проект предусматривал восстановление там власти китайского правительства. Но это обставлялось целым рядом таких условий, которые упрочивали русское влияние в манчжурских провинциях Китая. Соглашение предусматривало временное оставление в Манчжурии русских войск под предлогом охраны КВЖД; вывод из Манчжурии всех китайских войск впредь до завершения постройки КВЖД; после этого численность китайских войск предстояло определить особым соглашением. Китайское правительство обязывалось смещать цзянь-цзюней всех трёх манчжурских провинций по требованию русского правительства. Далее, предусматривалась концессия на железную дорогу от одного из пунктов КВЖД или ЮМЖД до Китайской стены, с направлением на Пекин. Наконец, проект содержал обязательство китайского правительства никому не выдавать концессий во всём застенном Китае без согласия России. Однако Ли Хун-чжан не решался подписать подобный договор. Тем временем, в январе 1901 г., через посредство самих же китайцев, которые рассчитывали вызвать таким

путём иностранное вмешательство, в «Times» было опубликовано соглашение Алексеева с мукденским цзянь-цзюнем.

Тогда же, в январе 1901 г., английская дипломатия сделала новую попытку побудить немцев заключить союз против России. Предложение на этот раз сопровождалось угрозой, что в случае отказа Англия сумеет договориться не только с самой Россией, но и с Францией.

Германская дипломатия выдвинула свои встречные предложения. Немцы приглашали Англию присоединиться к договору о Тройственном союзе; при этом они рекомендовали предварительно договориться с Веной. Смысл этого проекта был ясен. Британское правительство предлагало союз между Германией и Англией. Этот договор обязал бы Германию участвовать против России в войне, которая легко могла быть вызвана Англией из-за любого англо-русского конфликта. Между тем самой Германии в конфликт с Россией легче всего было втянуться из-за своего союза с Австрией. Теперь германская дипломатия и предлагала Англии такую форму договора, которая не позволила бы англичанам ускользнуть от участия в борьбе против России, если эта борьба возникнет на почве австро-русско-германского, а не англо-русского конфликта. Англия не пожелала взять на себя столь стеснительные обязательства и отклонила германский проект.

Между тем Россия продолжала добиваться от Китая соглашения по вопросу о Манчжурии и остальном застенном Китае. Ввиду этого в феврале 1901 г. в Пекине последовал совместный протест Японии, Англии, США против договора, закрепляющего русское влияние в Манчжурии.

Япония приступила к подготовке войны с Россией сразу же после пересмотра Симоносекского мира. Она стремилась захватить Корею и Манчжурию. Японская военщина считала, что ей выгодно начать войну возможно скорее, пока ещё не окончена Сибирская железная дорога. Японию сдерживала лишь её финансовая слабость да опасение, как бы Россию не поддержали Германия или Франция, как это уже случилось в 1895 г. Чтобы обеспечить Японию от вмешательства третьих держав в русско-японскую войну, японское правительство начало в Лондоне переговоры об англо-японском союзе. Но Англия не была уверена в силе и возможностях Японии и боялась, как бы договор с неполноценным союзником не втянул Англию в войну при неблагоприятной обстановке.

Зато германская дипломатия всячески покровительствовала проекту англо-японского союза. Ей очень улыбалась мысль втянуть Японию в войну с Россией. Вот почему она дала Японии устное заверение, что в случае русско-японской войны Германия будет соблюдать по отношению к Японии благожелательный нейтралитет.

Со времени японо-китайской войны германская дипломатия неустанно подстрекала Россию к агрессии на Дальнем Востоке. Одной из форм воздействия на Россию была личная переписка кайзера с царём. Вильгельм не давал покоя Николаю. Он убеждал его выполнить историческую роль заступника Европы от «желтолицых», поносил японцев и обещал, что обеспечит ему тыл по европейской границе. А теперь с цинизмом, редкостным в летописях дипломатии, немцы обещали свою благожелательность также и самим носителям «жёлтой опасности».

Так разжигали войну германский кайзер и его советники. Война на Дальнем Востоке, сковав силы России на её далёкой окраине, должна была обеспечить Германии свободу действий против Франции.

Японское правительство всё более смелело. В марте 1901 г. оно перешло к прямым угрозам. Царская Россия решила уступить. Китаю был предложен смягчённый проект договора. В нём отсутствовали статьи о недопущении китайских войск в Манчжурию, а также о русских притязаниях на другие области застенного Китая. Однако под влиянием Англии, Японии и США Китай отверг и эти предложения.

Переговоры прекратились, но русские войска оставались в Манчжурии.

Месяца Ито В июне 1901 г. в Японии пал сравнительно умеренный кабинет Ито; к власти пришли крайние милитаристы в лице кабинета Кацуры. Тем же летом японское правительство возобновило переговоры с Англией о союзе. Вновь убедившись в нерешительности своих английских друзей, японское правительство осенью предприняло обходный дипломатический маневр. Оно послало в Петербург бывшего премьера маркиза Ито, известного противника войны с Россией; ему было поручено начать там переговоры о русско-японском соглашении. Японский дипломат Исии сообщает в своих «Дипломатических комментариях»¹, что «русские деятели и сам царь устроили маркизу Ито более чем королевский приём. Они говорили с ним о политических вопросах и заняли чрезвычайно благожелательную позицию». Маркизу Ито было заявлено, повествует Исии, что главный интерес России в Корее заключается в свободе плавания по Цусимскому проливу. Добавлено было, что, если это условие будет принято, Россия «без колебаний признает высшие политические и коммерческие интересы Японии в Корее». Правда, признавая за Японией «право» вводить в Корею свои войска, русское правительство требовало, чтобы численность этих войск и сроки их пребывания в Корее были ограничены и «чтобы Корея не использовалась для стратегических целей». Кроме того, эти

¹ Исии, Дипломатические комментарии, рус. перев., М. 1942, стр. 39.

войска не могли преступать определённую зону у русско-корейской границы. В обмен требовалось признание русского преобладания в Манчжурии и в других областях Китая, примыкающих к русской границе. Точнее говоря, русские настаивали, чтобы японцы отказались от всякого вмешательства в эти вопросы, всецело предоставив их урегулирование России и Китаю. Русское правительство соблазняло японцев, что в случае их согласия на изложенные условия оно устроит им заём в Париже. Ито советовал своему правительству заключить соглашение с Россией. Но лидеры военщины Ямагата и Кацура, начиная переговоры с Петербургом, вовсе не стремились довести их до конца. Миссия маркиза Ито была для них только средством нажима на Англию: страх перед русско-японской сделкой должен был побудить Англию побороть последние колебания и заключить союз с Японией для войны против России.

Англо-японский договор

Маневр японской военной партии увенчался успехом: 30 января 1902 г. Англия и Япония подписали союзный договор. В первой его статье обе стороны признавали друг за другом право на вмешательство во внутренние дела Китая и Кореи ради защиты своих интересов, «если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее». Статья 2 обязывала каждую из сторон соблюдать строгий нейтралитет в случае, если другая сторона, защищая свои интересы в Китае или Корее, окажется в состоянии войны с третьей державой. В случае войны одного из союзников с двумя и более державами договор (согласно статье 3) обязывал другую договаривающуюся сторону оказать ему военную помощь. Англо-японский союзный договор был крупной победой японской дипломатии. Он давал Японии возможность начать борьбу с Россией, обладая уверенностью, что ни одна держава не окажет России вооружённой поддержки из опасения войны уже не с одной Японией, но и с Англией. Вместе с тем Японии обеспечивалась и финансовая помощь Англии.

Русская дипломатия немедленно обратилась к Франции с предложением совместно выступить с ответом на англо-японский союз. Франция не одобряла отвлечения сил России на Дальний Восток. Всё же она согласилась на то, чтобы 20 марта 1902 г. оба союзных правительства опубликовали общую декларацию. Она гласила: «Будучи вынужденными учитывать возможность враждебных действий других держав либо повторения беспорядков в Китае, оба союзных правительства оставляют за собой право озаботиться в такого рода случаях принятием мер, необходимых для охраны их интересов». Декларация эта имела малообязывающий характер.

Франция не оказала своей союзнице существенной помощи на Дальнем Востоке.

Летом 1901 г. царское правительство возобновило с Китаем переговоры по манчжурскому вопросу, постепенно отказываясь от своих первоначальных притязаний. 8 апреля 1902 г. было подписано русско-китайское соглашение, по которому Россия обязывалась эвакуировать Манчжурию в три приёма в течение 18 месяцев. Единственное, на чём царская дипломатия сумела настоять, заключалось в оговорке, что эвакуация может быть приостановлена смутами в Манчжурии или же такими действиями иностранных держав, которые не позволят России вывести свои войска.

В конце лета 1902 г. японское правительство, как бы в продолжение миссии Ито, предложило русскому нижеследующее соглашение: Россия признаёт японский протекторат над Кореей. В обмен Япония признаёт за Россией в Манчжурии всего лишь свободу действий в смысле охраны там русских железных дорог. Это предложение в Петербурге сочли неудовлетворительным.

Как раз в это время на Николая II стала оказывать большое влияние безответственная придворная группа во главе с Безобразовым. Группа эта убеждала Николая не уходить из Манчжурии вопреки заключённому с Китаем соглашению; более того, не довольствуясь Манчжурией, царя подстрекали проникнуть и в Корею, в которой с 1898 г. Россия фактически терпела преобладающее влияние Японии. Безобразовская клика приобрела в Корее частную лесную концессию. Территория концессии захватывала бассейны двух рек: Ялу и Тумыни и тянулась на 800 километров вдоль китайско-корейской и русско-корейской границ от Корейского залива до Японского моря. Короче, она занимала всю пограничную зону. Формально концессия была приобретена частным акционерным обществом. Фактически за ним стояло царское правительство, которое под видом лесной стражи вводило на концессию войска. Стараясь проникнуть в Корею, оно медлило с эвакуацией Манчжурии, хотя сроки, установленные договором 8 апреля 1902 г., уже миновали. Между тем военная подготовка царского правительства на Дальнем Востоке значительно отставала от его политических замыслов.

Попытка англо-русского сближения

С заключением англо-японского союза Англия, наконец, нашла, чьими руками ей бить своего русского соперника. Вскоре после этого, 31 мая 1902 г., Англия заключила мир с Трансваалем.

Заключение союза с Японией и подписание мира с бурами освободили английский империализм от затруднений, которые связывали его с середины 90-х годов. Для Англии отпала необходимость во что бы то ни стало ладить со своим опаснейшим противником — Германией. В то же время вторая германская морская программа открыла многим англичанам глаза

на то, что именно Германия представляет самую серьёзную угрозу для Англии. Переговоры об англо-германском союзе прекратились. Английский империализм готовился вступить в открытую борьбу с германским конкурентом. Перед лицом мощного врага Англия стала искать примирения с Россией и Францией. В 1901 г. умерла королева Виктория; на английский престол вступил Эдуард VII, который и раньше был известен как сторонник англо-русского сближения. Заручившись союзом с Японией, английская дипломатия сделала новую попытку договориться с Россией. Король Эдуард полагал, что заключение англо-японского союза напугало царское правительство. Он рассчитывал, что теперь Россия проявит больше уступчивости.

Главный узел англо-русских противоречий заключался вовсе не в Манчжурии. Манчжурия интересовала Англию лишь потому, что она могла послужить трамплином, с которого России легко было броситься на китайскую столицу, а затем и на остальной Китай. При условии, что Россия дальше Манчжурии не пойдёт, Англия готова была даже признать «особые интересы» и «особое положение» России в этом крае, с оговоркой насчёт принципа «открытых дверей» для иностранной торговли. Английская дипломатия довела об этом до сведения Петербурга. В обмен она настойчиво домогалась отказа России от прямых дипломатических сношений с Афганистаном, установленных в 1901 г. Она желала также, чтобы Россия признала и Тибет находящимся вне сферы её влияния. Наконец, южную Персию она стремилась превратить в сферу влияния Англии. Все эти домогательства Англии сводились к тому, чтобы окружить индийскую границу поясом буферных территорий, подчинённых английскому контролю. Северную Персию Англия готова была признать сферой влияния России. Русское правительство не желало ни порывать с Афганистаном, ни отдавать англичанам часть Персии. Царское правительство сочло английские предложения неприемлемыми. Но оно готово было продолжать переговоры. И они велись в течение всего 1903 г. В начале следующего года они были прерваны внезапным нападением Японии на Россию.

Русско-японская
война

Англо-русские переговоры побудили Японию форсировать военную развязку русско-японских противоречий.

В августе 1903 г. японское правительство возобновило переговоры с Россией. Помимо признания преобладающего влияния и фактического протектората Японии в Корее японцы требовали от России согласия на продолжение корейской железной дороги до соединения с китайской линией Нью-чуан, Шанхайгуань. Японцы явно обнаружили намерение проникнуть в Южную Манчжурию. В Петербурге на это не шли. Японский протекторат над Кореей там попрежнему готовы были признать — с оговорками относительно свободы

плавания по Корейскому проливу, запрета вводить японские войска в пограничную с Россией и Манчжурией зону (севернее 39-й параллели) и т. д. Но за это требовали, чтобы Япония признала Манчжурию областью, находящейся «во всех отношениях вне сферы её интересов»¹. В дальнейшем русская дипломатия всё время настаивала на том, что манчжурский вопрос касается исключительно России и Китая и что Япония вообще не должна вмешиваться в манчжурские дела. Японцы же требовали, чтобы объектом русско-японского соглашения стало положение России и Японии не только в Корее, но и в Манчжурии.

23 декабря японское правительство в лаконичных выражениях, по форме напоминающих ультиматум, сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить императорское российское правительство пересмотреть своё предложение в этом смысле»². Русское правительство пошло на уступки. Но 13 января 1904 г. Япония ещё повысила свои требования. Чувствуя свою военную неподготовленность, царское правительство уже собиралось дать примирительный ответ, но промедлило с его формулировкой. Японцы не стали его дожидаться. 6 февраля они порвали дипломатические отношения с Россией. 8 февраля без объявления войны Япония открыла военные действия неожиданным нападением на русский флот на рейдах Порт-Артура и Чемульпо.

Так началась война между Россией и Японией за передел сфер влияния на Дальнем Востоке.

В русско-японской войне Англия и США поддерживали Японию. Союзница России Франция не оказала России существенной политической помощи. Зато России был гарантирован нейтралитет Германии, которая прикрывала русский тыл и была весьма довольна тем, что силы России частично скованы войной на Дальнем Востоке.

Россия была обеспечена и от неожиданностей на Балканах со стороны Австро-Венгрии. В дополнение к австро-русскому соглашению 1897 г. осенью 1903 г., при свидании Николая II с Францем-Иосифом в Мюрцштеге, была достигнута договорённость о совместной политике в Македонии, где происходили непрерывные волнения. Это соглашение должно было предотвратить столкновения обоих его участников на зыбкой почве Балканского полуострова. Россия вынуждена была избегать осложнений на Балканах, поскольку она была занята войной с Японией. Нуждалась в мире и Австро-Венгрия ввиду крайнего обострения национальной борьбы внутри страны, обозначившейся в конце 90-х годов XIX века.

¹ «Русско-японская война. Работы военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны», т. I, стр. 37 и др.

² Там же, стр. 57—58.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ АНТАНТЫ (1904—1907 гг.)

Англо-француз-
ская Антанта

После того как в 1902 г. Англия заключила союз с Японией и получила некоторую уверенность, что её дальневосточные интересы отныне будут обеспечены японскими руками, после того, далее, как в том же 1902 г. Англия избавилась, наконец, от забот в Южной Африке — английская дипломатия не считала уже необходимым во что бы то ни стало ладить с Германией. Одним из первых симптомов этой перемены явился пересмотр позиции Англии по отношению к Багдадской железной дороге. До сих пор Англия не мешала этому предприятию. Более того, между банкирами велись переговоры об участии в нём английского капитала; это было для немцев весьма желательно, ибо с финансированием строительства дороги Дейче Банк испытывал немало затруднений. Но в апреле 1903 г. эти переговоры были прерваны. Британская пресса настойчиво развивала мысль, что дорога на Багдад является прямым путём, выводящим немцев на подступы к Индии. Английское правительство стало препятствовать осуществлению багдадского железнодорожного проекта.

Багдадская дорога была лишь частным вопросом во всей совокупности англо-германских противоречий. Между Англией и Германией шла борьба за коренной передел мира. Британская дипломатия уже вербовала себе союзников для надвигавшейся европейской войны.

Борьба с Германией толкала Англию на сближение с давней своей соперницей — Францией — и по возможности с Россией. Англия не желала уступать Германии своих колониальных владений. Посредством соглашения с Францией и Россией английская дипломатия рассчитывала лишить Германию возможности играть на англо-русских и англо-французских противоречиях и вымогать у Англии те или иные уступки.

Разразившаяся в 1904 г. русско-японская война ускорила перегруппировку империалистических держав вокруг двух противоположных центров — Англии и Германии.

Статс-секретарь иностранных дел Ленсдаун, сменивший на этом посту Солсбери, полагал, что соглашение с Францией прочнее обеспечит её нейтралитет в русско-японской войне. А это было важно, ибо выступление какой-либо державы на стороне России, по условиям англо-японского союза, вынуждало воевать и Англию.

Убеждённым поборником англо-французского и англо-русского сближения выступал и король Эдуард VII. К уверенности, что этого сближения требуют интересы Англии, у Эдуарда присоединялась личная неприязнь к Вильгельму II. Эдуард VII давно усматривал в Германии главного врага Англии. Германия страшила Эдуарда своей мощью; она раздражала его беспокойной назойливостью, вымогательством колониальных уступок. Бюлов пишет в своих мемуарах, что «могучее развитие германской промышленности, торговли и флота возбуждало в короле те же самые чувства, которые испытывает владелец большой старинной банковской фирмы, когда перед ним вырастает молодой, менее родовитый, несимпатичный ему и очень деятельный конкурент»¹.

Английская конституция оставляет не много места для вмешательства монарха в руководство политикой. Тем не менее Эдуард VII сыграл заметную роль в деле примирения Англии с её старыми соперниками. Любитель пожить, законодатель мод, король обладал и дипломатическими способностями, умением обходиться с людьми. Он пользовался особым расположением высшего света едва ли не во всех европейских странах. Это облегчало ему выполнение дипломатических задач.

Весной 1903 г. Эдуард VII приехал в Париж. Он придал своему визиту характер довольно эффектной демонстрации англо-французского сближения. Король много говорил в Париже о том, что время вражды ушло в прошлое и что должна наступить эра англо-французской дружбы.

Для Франции вопрос об англо-французском сближении приобретал ещё большую остроту, чем для Англии. Франции нельзя было мешкать, ибо дальневосточная война отвлекала силы России от германской границы. Франция снова оказывалась наедине лицом к лицу со своим опаснейшим восточным соседом.

Правда, за последние годы французская дипломатия успешно развивала свою работу по отрыву Италии от Тройственного союза. Со второй половины 80-х годов Франция вела против Италии ~~таможенную~~ войну. Изматывая таким образом хилое народное хозяйство Италии, Франция рассчитывала принудить её к разрыву Тройственного союза. Французское правительство и банки действовали при этом рука об руку.

¹ Bülow, Denkwürdigkeiten, B. I, S. 341.

Началось с того, что в интересах промышленной буржуазии Северной Италии итальянское правительство предприняло поход против ввоза французских фабрикатов. Французское правительство ответило контрмерами против итальянского сельскохозяйственного экспорта во Францию. В результате между Францией и Италией началась таможенная война. Одновременно французские банки предприняли поход против итальянских ценных бумаг; в Италии последовали массовые банкротства. И без того слабые государственные финансы Италии были ещё более подорваны. До конца 90-х годов германский капитал имел некоторую возможность поддерживать итальянские финансы. Тем не менее французский нажим чувствовался всё сильнее. В результате уже в начале 90-х годов Италия стала делать попытки сблизиться с Францией; этим она явно шантажировала Германию, вымогая у неё экономическую поддержку и добавочные политические гарантии. В 1896—1898 гг. экономическая и финансовая нужда, а также катастрофа в Абиссинии заставили Италию предпринять более решительные шаги к примирению с Францией. Как уже было сказано, Италия признала французский протекторат над Тунисом. За это через два года она получила от Франции торговый договор, который положил конец таможенной войне. Кризис 1900 г. лишил германский капитал возможности оказать Италии финансовую поддержку. Зато дипломатия Делькассе воспользовалась этим моментом для воздействия на Италию. Французские кредиты спасли Италию от краха. Тут же Делькассе предложил итальянцам соглашение о разделе Северной Африки. Он готов был признать итальянские «права» на Триполи в обмен за согласие на захват Марокко Францией. Договор был подписан 15 декабря 1900 г.

1 ноября 1902 г. Франция заключила новое соглашение с Италией. Обе стороны обязывались соблюдать строгий нейтралитет; в случае если одна из них «прямо или косвенно станет объектом нападения со стороны одной или нескольких держав». Более того, соглашение устанавливало, что «строгий нейтралитет» распространяется и на тот случай, если одна из сторон «вследствие прямого вызова окажется вынужденной принять на себя инициативу объявления войны». При таких обстоятельствах та из договаривающихся сторон, которая станет жертвой провокации, должна была сообщить другой о своём намерении объявить войну, чтобы другая сторона могла судить, есть ли действительно налицо «прямой вызов».

Не противореча букве Тройственного союза, соглашение 1902 г. обесценивало его по существу. По условиям союзного договора Италия обещала Германии военную помощь, в случае если та «без прямого вызова» окажется жертвой нападения со стороны Франции. Теперь та же Италия обязывалась перед

Францией соблюдать нейтралитет при наличии «прямого вызова» со стороны Германии. Право судить, кто кого провоцирует в любом франко-германском конфликте, Италия оставляла за собой.

Соглашение 1902 г. было важным достижением французской дипломатии в плане подготовки к войне с Германией. Понятно, однако, что нейтралитет плохой итальянской армии ни в какой мере не мог возместить Франции частичной утраты русской помощи.

Летом 1903 г. президент Французской республики Луба отдал визит королю Эдуарду VII. Его сопровождал Делькассе, главный поборник англо-французского сближения с французской стороны. Между Делькассе и главой Форейн офис лордом Ленсдауном начались деловые переговоры. После отъезда гостей переговоры продолжались между Ленсдауном и французским послом Полем Камбоном. Прежде всего требовалось устранить те острые колониальные разногласия, которые до тех пор разделяли Англию и Францию. Вот почему англо-французский договор принял форму соглашения о разделе колоний. «Делят Африку»¹, — характеризовал Ленин англо-французскую сделку.

Соглашение было подписано 8 апреля 1904 г. Договор Антанты представлял собой один из любопытнейших документов, когда-либо выходивших из рук дипломатии. В договоре было две части: одна — предназначавшаяся для опубликования, другая — секретная. «Правительство Французской республики, — гласила статья 1 публичной декларации о Египте и Марокко, — объявляет, что оно не будет препятствовать действиям Англии в этой стране (т. е. в Египте. — *Ред.*), настаивая на том, чтобы похищен был срок британской оккупации, или каким-либо иным образом». В обмен за Египет Англия предоставляла Франции возможность захватить большую часть Марокко. Статья 2 публичной декларации гласила: «Правительство Французской республики объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Марокко. Со своей стороны правительство его британского величества признаёт, что Франции принадлежит следить... за спокойствием в этой стране и оказывать ей помощь во всех необходимых ей административных, экономических, финансовых и военных реформах... Оно объявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле».

В статьях секретного соглашения, в противоположность статье 1 публичной декларации, предусматривалась возможность изменения «политического положения» как Марокко, так и Египта. Здесь речь шла уже о том случае, если «одно из обоих правительств увидело бы себя вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении

¹ Ленин, Тетради по империализму, Политиздат, 1939, стр. 621.

Египта или Марокко». На этот случай каждая из договаривающихся сторон ограничивалась по секретному соглашению лишь ограждением своих коммерческих интересов в отношении пошлин, железнодорожных тарифов и т. д., а также обязательством не нарушать свободы судоходства по Суэцкому каналу и не укреплять Марокканского побережья вблизи Гибралтарского пролива.

Статья 3 секретного соглашения вполне ясно вскрывала истинный его смысл. Статья гласила, что область, «прилегающая к Мелилье, Цеуте и другим президам... в тот день, когда султан (Марокко. — *Ред.*) перестанет осуществлять над нею свою власть, должна войти в сферу влияния Испании». Очевидно, предусматривая переход Марокко под власть Франции, Англия такой оговоркой страховала себя от захвата французами южного побережья Гибралтарского пролива. Отдельная декларация устанавливала раздел Сиам на сферы влияния по реке Менам. Наконец, улаживался ещё ряд колониальных вопросов, сравнительно второстепенного характера.

Таким образом, по соглашению 8 апреля 1904 г. Англия и Франция делили едва ли не последние «свободные» колониальные территории. Тем самым, устраняя взаимные распри, они создавали себе возможность совместно действовать против Германии. В самом тексте договора ни единым звуком не упоминалось о сотрудничестве против немцев. Между тем именно оно и сообщало договору 8 апреля значение исторического документа первостепенной важности. «Готовятся к войне с Германией»¹, — продолжает Ленин характеристику англо-французской сделки.

Попытки заключения русско-германского союза в конце 1904 г.

Не удивительно, что Германия была уязвлена англо-французским соглашением. Она не могла примириться с тем, что уплывает такой соблазнительный, ещё не поделённый кусок, как Марокко. Ещё больше тревожил её самый факт англо-французского сотрудничества. В нём она усматривала препятствие для своих захватнических планов.

После соглашения с Францией английское адмиралтейство стянуло в отечественные воды около 160 военных судов, разбросанных по многочисленным владениям Англии, но главным образом из Средиземного моря; там после соглашения с Францией английские коммуникации оказывались в относительной безопасности. Ещё в 1903 г. Англия начала постройку военно-морских баз на своём восточном побережье, обращённом в сторону Германии. Раньше главные базы английского флота находились на побережье Ламанша, против французских берегов. В английских военно-морских кругах зрела мысль,

¹ Ленин, Тетради по империализму, стр. 621.

не лучше ли заблаговременно посредством неожиданного нападения пустить ко дну германский флот, как это когда-то было сделано с датским флотом на Копенгагенском рейде. Слухи об этих замыслах дошли и до немцев. 23 ноября 1904 г. Вильгельм писал Бюлову: «Я сегодня получил новое сообщение о всё более ухудшающемся настроении, о статьях, которые прямо призывают к нападению, а также о разговорах с дамами из морских кругов; они открыто заявляли, что нам вскоре должны объявить войну, так как наш флот пока ещё настолько мал, что его можно уничтожить без опасности для Англии, а через два года будет уже поздно»¹. Никогда британское правительство не принимало подобного решения. Лишь адмирал Фишер и первый гражданский лорд адмиралтейства Ли держались того мнения, что внезапный удар по вражескому флоту был бы с военной точки зрения самым целесообразным способом действий. «Если возникнет война, — заявил Ли, — британский флот сумеет нанести первый и сокрушительный удар, прежде чем противная держава унает, из газет, что война объявлена»².

Сначала немцы внешне не реагировали на заключение Антанты. Но по мере того, как царская Россия терпела поражения в войне с Японией, германские империалисты стали смелеть. И вот, в ответ на англо-французскую Антанту германская дипломатия в лице Гольштейна задумала встречный дипломатический маневр. Она решилась на попытку заключить союз с Россией. Хотя и поздно, но Бюлов и Гольштейн поняли, что их политика балансирования между Россией и Англией была ошибкой. Момент был для Германии благоприятен. Во время войны с Японией Россия, естественно, нуждалась в дружественных отношениях с Германией. Германское правительство не упустило такого случая, чтобы вытянуть у царизма максимум уступок. Первым средством оплаты немецкой «дружбы» стал торговый договор, который немцы навязали России в 1904 г. Они использовали стеснённое положение царского правительства, чтобы заставить его снизить пошлины на фабрикаты. Договор широко открывал путь в Россию для германских товаров и для германского капитала. Он способствовал росту немецкого засиления в народном хозяйстве России. Когда на Дальний Восток была отправлена из Балтики эскадра адмирала Рожественского, то германское правительство дозволило своим судовладельцам снабжать русские суда в пути углём. Это ещё более увеличило зависимость России от Германии.

В конце октября 1904 г. неожиданный инцидент породил англо-русский конфликт. Адмирал Рожественский получил

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XIX, Teil 1, № 6126, S. 316.

² *Paléologue*, Un grand tournant de la politique mondiale 1904 — 1906, Paris 1934, p. 234.

ложные агентурные сведения, что в Северном море его поджидают японские миноносцы. Опасаясь нападения, Рождественский обстрелял близ Доггер-Банка, неподалёку от Гулля, английские рыболовные суда, приняв их за японские эсминцы. Так возник гулльский инцидент. Не довольствуясь дипломатическим протестом, английское правительство приступило к некоторым подготовительным мероприятиям военного характера.

Германская дипломатия уже давно поджидала какого-либо подобного момента — как хищник подкарауливает добычу. Теперь ей показалось, что настало время для прыжка. Кайзер лично телеграфировал царю, сообщая, что Англия намерена помешать Германии снабжать углём русский военный флот; он предлагал совместно положить конец этим поползновениям и сообща принудить Францию присоединиться к России и Германии для солидарного отпора Англии. Царь и его правительство были напуганы возможностью военных осложнений с Англией. Николай по телеграфу ответил Вильгельму согласием и попросил прислать проект союзного договора. Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе». К этому чувствительному посланию прилагался проект союзного договора. «В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, — гласил проект, — союзница её придёт к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя, согласно условиям договора франко-русского союза»¹.

Николай II и Ламздорф предложили внести в проект некоторые поправки. Но вскоре в Петербурге возникло сомнение: не лучше ли предварительно показать проект договора французам? Об этом царь сообщил Вильгельму. Фактически это означало срыв переговоров: Германии как раз надо было поставить Францию перед совершившимся фактом русско-германского соглашения. «Дорогой Бюлов, — сообщил Вильгельм своему канцлеру, — при сем посылаю вам только что полученную от царя шифрованную телеграмму, которую я расшифровал при помощи Куно и Гогенау. Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов, и он такая тряпка, что даже этот договор с нами не желает заключать без их разрешения, а значит, не же-

¹ «Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914 гг.», М.—П., Госиздат, стр. 72—75.

даёт его заключать также и против них. По моему мнению, нельзя допустить, чтобы Париж что-нибудь узнал, прежде чем мы получим подпись „царя-батюшки“. Ибо если до подписания договора сообщить Делькассе, то это равносильно тому, что он даст телеграмму Камбону и в тот же вечер её напечатают в „Times“ и „Figaro“, а тогда делу конец... Такой оборот дела очень огорчает, но не удивляет меня: он (т. е. царь. — *Ред.*) по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен»¹.

Дело ограничилось тем, что по категорическому требованию немцев 12 декабря им была гарантирована вооружённая помощь России в случае, если у них возникнет конфликт с Англией специально из-за угольных поставок русскому флоту.

Почему царское правительство отказалось от союза с Германией? Союз с Германией означал разрыв союза с Францией и вовлекал Россию в фарватер германской политики. Это главное. Другой причиной отказа была финансовая зависимость русского царя от французского капитала. В дни переговоров с Германией министр финансов Коковцев представил царю доклад². В нём исчислялось, что при использовании всех трёх доступных России денежных рынков — парижского, берлинского и амстердамского — в течение 1905 г. удастся занять не более 500 миллионов рублей, которых хватит лишь на 8 месяцев войны. А между тем предвиделся ещё дефицит в 40 миллионов в обыкновенном бюджете. Из 500 миллионов, на получение которых, по исчислению Коковцева, могла рассчитывать Россия на германском рынке, уже было добыто всё, что возможно было оттуда выкачать. Там только что приступили к реализации займа в 231 миллион, которые поступали России мелкими долями в течение всего следующего, 1905 г. Остальные 270 миллионов германский капитал дать уже не мог; их можно было получить лишь в Париже. При таких условиях спориться с французами не приходилось. В течение 1904 г. было уже немало фактов, свидетельствовавших, что на каждый симптом русско-германского сближения Париж отвечает ударом по царским финансам. Когда русскому правительству пришлось заплатить Германии за её нейтралитет торговым договором, французское правительство в порядке компенсации выговорило передачу русских военных заказов французским промышленникам, хотя их цены и были выше германских. В результате Россия переплачивала на шрапнели, лишь бы не терять доступа к парижскому денежному рынку. Зависимость царской России от французского капитала ярко иллюстрирует и другой эпизод. В марте 1905 г. в Петербург приехали Нецлин, Готтингер и другие француз-

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XIX, Teil 4, № 6126.

² Романов, Россия в Манчжурии, стр. 508.

ские банкиры. После долгой торговли они договорились с Коковцевым о займе в 300 миллионов рублей. Контракт был окончательно составлен 13 марта. Вечером Нецлин и Готтингер отобедали у Коковцева, и было условлено, что на следующий день в 11 часов утра они приедут к нему для подписания контракта. Но произошло нечто неслыханное: банкиры не явились! Они даже не сочли нужным принести лично извинения, а лишь прислали письмо, в котором сообщили, что ночью ими получено указание из Парижа воздержаться от подписания контракта¹.

Такими приёмами французский империализм пытался принудить Россию заключить мир с Японией. «Боясь революции, — писал Ленин, — капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией»².

И действительно, после этой неудачи Коковцев представил царю записку о необходимости немедленного мира. Но затем оказалось, что в Берлине ещё можно раздобыть немного денег: банкирский дом Мендельсона из ростовщических процентов ссудил русскому правительству 150 миллионов рублей. Война продолжалась, а парижские банкиры изнывали от зависти, подчитывая, какой барыш сорвал с русских Мендельсон.

Как бы то ни было, Германии не удалось заключить союз с Россией. Таким образом, эта первая попытка германской дипломатии парировать англо-французское соглашение сорвалась. Но Гольдштейн и Бюлов не сложили оружия. Используя ослабление России, они решили нанести удар Франции, чтобы показать ей, как рискованно сближаться с Англией и как опасно идти против Германии.

Марокканский
кризис
1905—1906 гг.

Между тем в феврале 1905 г. французская дипломатия приступила к реализации своей сделки с Англией. Марокканскому султану был предъявлен проект «реформ», принятие которого означало бы «тунификацию» Марокко, т. е. французский протекторат над ним по образцу Туниса. Германская дипломатия решила испортить англо-французскую игру и при этом так запугать Францию, чтобы отвадить её от всякой антигерманской или просто Германии неугодной политики.

Германская дипломатия начала с того, что принялась подстрекать султана отвергнуть французские домогательства.

Вслед за тем по настоянию Бюлова Вильгельм II под предлогом обычного путешествия отправился на своей яхте в Средиземное море: всем было известно, что император — большой

¹ Романов, Россия в Манчжурии, стр. 512.

² Ленин, Соч., т. VII, стр. 175.

любитель морских прогулок. В марте 1905 г. кайзер высадился на берег в Танжере. Согласно принятым обычаям, ему была организована торжественная встреча. Марокканский султан послал в Танжер своего дядю, чтобы приветствовать германского императора, посетившего марокканскую землю. Отвечая на приветствия, кайзер выступил с речью, которая немедленно облетела всю мировую печать. Вильгельм провозгласил, что Германия требует в Марокко свободной торговли и равенства своих прав с другими державами. Он добавил, что желает иметь дело с султаном, как с независимым государем, и что со стороны Франции ожидается уважения этих пожеланий.

Речь кайзера означала, что Германия обращается к Англии и в особенности к Франции с требованием отказаться от своей сделки насчёт Марокко. Так все и поняли выступление Вильгельма. Это был дерзкий вызов, публично брошенный в лицо Франции.

Вслед за тем Бюлов обратился ко всем участникам Мадридского договора 1880 г., предлагая поставить вопрос о Марокко на обсуждение конференции. Мадридский договор устанавливал равенство торговых и иных прав всех иностранных держав в Марокко. Предложенная Бюловым конференция должна была вновь урегулировать положение Марокко на основе принципа «открытых дверей». Предложение Бюлова сопровождалось намёками, что в случае, если Франция его отклонит, ей будет грозить война.

Министр иностранных дел Делькассе, один из творцов Антанты, решительно отклонил германские требования. Делькассе не верил, что Германия начнёт войну: её угрозы он считал блёфом. Делькассе был убеждён, что Вильгельм II не решится подвергнуть свой молодой флот опасности полного разгрома. «Европа на моей стороне, — заявил Делькассе своим сотрудникам, — Англия поддерживает меня полностью. Она тоже не остановится перед войной... Нет, конечно, не мне надо домогаться посредничества, моё положение превосходно». «Германия, — продолжал министр, — не может хотеть войны, и её нынешнее выступление не более, как блёф: она знает, что против неё выступит Англия. Я повторяю, Англия поддержит нас до конца и не подпишет мира без нас»¹. Однако многие влиятельные французские политики во главе с председателем Совета министров Рувье испугались войны. Момент был слишком благоприятен для Германии. Рувье указывал, что английский флот не заменит для Франции русскую армию, занятую на полях Манчжурии: ведь флот «не имеет колёс» и не сможет защитить Париж.

¹ *Paléologue, Un grand tournant de la politique mondiale 1904—1906, p. 307—308.*

1 июня 1905 г. Бюлов телеграфировал германскому послу в Париже: «Граф Таттенбах¹ сообщает, что французы непрерывно грозят марокканскому султану действиями с алжирской границы в том случае, если он отвергнет французскую программу. Однако 28 мая султан сообщил французскому представителю, что о принятии французских предложений относительно реформ может быть речь лишь после того, как эти предложения будут рассмотрены и одобрены державами — участницами договора»². Бюлов угрожающе добавлял: «Нам пришлось бы сделать соответствующие выводы в том случае, если бы после заявления султана, которое неопровержимо с точки зрения международного права, Франция продолжала ту политику запугивания и насилий, которой до сих пор держался Делькассе и которая затрагивает не только интересы, но и достоинство государств, находящихся в одинаковом с нами положении и участвовавших в заключении договора... В интересах мира важно, — продолжал Бюлов, — чтобы вышеизложенные соображения были безотлагательно доведены до сведения премьера и чтобы он не принимал предстоящего ему решения, не будучи вполне осведомлён о положении дела»³. Через несколько дней итальянское правительство довело до сведения Парижа, что германский посол в Риме сделал ему ещё более ясное заявление. Посол прямо предупредил, что, «если французские войска переступят границу Марокко, германские войска немедленно перейдут границу Франции»⁴.

Получив это сообщение, Рувье поспешил в Елисейский дворец. Там он заявил президенту республики, что в корне не согласен с политикой министра иностранных дел. Заручившись согласием Лубэ, Рувье созвал 6 июня заседание Совета министров. Он сказал министрам, что уйдёт со своего поста, в случае если его коллеги по кабинету солидаризируются с Делькассе. Большинство членов Совета высказалось против министра иностранных дел. Делькассе подал в отставку. Рувье принял портфель министра иностранных дел и вступил в переговоры с Берлином.

Рувье заявил немцам, что не одобряет идеи международной конференции, но предлагает договориться о способах компенсировать Германию в обмен за поглощение Марокко Францией. Оказалось, однако, что Рувье напрасно рассчитывал избежать таким путём конфликта с немцами. Гольштейн и Бюлов явно стремились обострить положение. Они настаивали на безоговорочном согласии Франции на созыв международной конференции.

¹ Управляющий германской миссией в Танжере.

² Имеется в виду Мадридский договор 1880 г.

³ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XX, Teil 2, S. 392—393 (курсив принадлежит редакции).

⁴ *Paléologue, Un grand tournant de la politique mondiale 1904—1906*, p. 347—348.

21 июня 1905 г. германский канцлер предостерег французского посла, чтобы Рувье не затягивал решения. «Не следует, — заявил он, — медлить на пути, по краям которого зияют обрывы и даже пропасти»¹.

Германская дипломатия продолжала толкать дело к разрыву. И вдруг в германской тактике произошёл неожиданный поворот: Бюлов взял более примирительный курс. Он продолжал настаивать на конференции, но изъявил согласие предварительно признать за Францией наличие «особых интересов» в Марокко. Канцлер, видимо, заколебался, развязывать ли мировую войну. Это позволило Германии и Франции 8 июля 1905 г. достигнуть предварительного соглашения об условиях созыва конференции.

Свидание
Николая II
и Вильгельма II
в Бьёрке

Пока в Европе развёртывалась дипломатическая битва вокруг англо-французского договора от 8 апреля 1904 г., в Восточной Азии продолжалась вооружённая борьба. Царизм терпел одно поражение за другим. За

Ляояном последовало падение Порт-Артура, затем разгром при Мукдене и, наконец, гибель русского флота при Цусиме в мае 1905 г. В России нарастала буржуазно-демократическая революция. Тяжёлое положение царского правительства и вспышка марокканского кризиса побудили германскую дипломатию сделать в июле 1905 г. ещё одну попытку оторвать Россию от Франции и заключить русско-германский союз. С одобрения Бюлова Вильгельм во время морской прогулки предложил Николаю встретиться в Балтике. Встреча состоялась в июле 1905 г. в финляндских шхерах, около острова Бьёрке. Вильгельм предложил Николаю вернуться к прошлогоднему проекту союзного договора. Он убедил царя подписать документ, сходный с тем, который обсуждался в конце минувшего года. Николай согласился. Подписав договор, он призвал сопровождавшего его морского министра Бирилёва, закрыл ладонью текст и велел Бирилёву расписаться под ним. Тот подмахнул. Таким образом царская подпись была контрассигнирована министром в соответствии с требованием основных законов империи.

По возвращении в столицу царь сообщил о договоре Ламздорфу. Тот пришёл в смятение. Немедля он посвятил в дело Витте. Оба принялись убеждать царя уведомить Вильгельма, что договор не может войти в силу, пока Франция не даст на него своего согласия. Так царь и поступил. Это было, конечно, дипломатической формой отказа.

Напрасно кайзер зывал к царю: «Мы подали друг другу руки и дали свои подписи перед богом... Что подписано, то

¹ *Hammann, Zur Vorgeschichte des Weltkrieges, 1919, S. 138.*

подписано». Призывы кайзера остались без ответа. Кстати, к этому времени и мир с Японией уже был подписан; Россия стала меньше зависеть от Германии. Портсмутский мир открывал возможности и для переговоров с Парижем о предоставлении займа. При этом предполагалось привлечь не только французские банки, но и лондонский банкирский дом «Бр. Баринг», а может быть, и американца Моргана. Бьёркский договор сделал бы невозможным получение займа ни в Лондоне, ни в Париже. Между тем в целях подавления революции заём был нужен царизму более чем когда-либо. Если Вильгельм II и Бюлов рассчитывали использовать внутренние затруднения царизма для расторжения франко-русского союза, то они ошиблись: революция 1905 г. ещё больше обострила нужду царизма во французских деньгах.

Портсмутский мир

Когда Япония готовилась к войне с Россией и дальше, в течение самой войны, она получала от Англии и США довольно значительную финансовую помощь. Лишь это и дало Японии возможность разбить царскую Россию. Ленин уже в годы интервенции писал, что Япония самостоятельной силы не представляет. Тем более это было так в 1905 г.

После Цусимы английское правительство сочло, что Япония усилилась более чем достаточно и что войну пора кончать; ради этого оно постепенно стало закрывать для Японии лондонский денежный рынок. Ещё более крутой поворот произошёл в Соединённых штатах.

В начале войны Соединённые штаты, как и Англия, поддерживали Японию. Президент Теодор Рузвельт предостерег Германию и Францию, что если бы они встали на сторону России, США выступили бы против них на стороне Японии. Поддерживая Японию, Рузвельт рассчитывал на взаимное истощение России и Японии длительной войной. При этом он надеялся, что и после войны антагонизм между ними на Дальнем Востоке не прекратится. Однако чрезмерное усиление Японии не входило в его виды. После русских поражений правительство Соединённых штатов пришло к выводу, что приближается время для заключения мира. Тогда Рузвельт предложил сторонам своё посредничество. Оно было принято и в Петербурге и в Токио. Скоро в приморском курортном городке Портсмуте, в США, начались мирные переговоры.

Русским главным уполномоченным царь назначил Витте. На мирной конференции русская делегация приняла японские требования в отношении Южной Манчжурии и Кореи. Царское правительство изъявило готовность признать их сферами исключительного влияния Японии. Однако по двум вопросам разгорелся жаркий спор. Японцы намеревались получить остров Сахалин и контрибуцию в 1 200 миллионов иен. Витте наотрез

отказался разговаривать о какой бы то ни было контрибуции. Президент Рузвельт поддержал Россию. Он пригрозил японцам, что если они будут настаивать и война возобновится, то США изменят своё отношение к воюющим сторонам. Ввиду этого, а главное благодаря твёрдости русской дипломатии, японцы уступили. Как пишет в своих мемуарах Исии, Япония имела дело со страной, которая на всём протяжении своей истории никогда не платила контрибуции.

Витте отказался и от уступки Сахалина. Японское правительство стало перед вопросом, продолжать ли войну ради захвата этого острова. Кабинет и Совет генро собрались на совместное заседание. Оно длилось целый день и всю ночь. Было решено, что Япония так истощена, что больше воевать не может. В присутствии императора было вынесено решение отказаться от Сахалина. Это произошло 27 августа 1905 г.

Между тем за несколько дней до этого, стремясь скорее покончить с войной, Рузвельт послал царю телеграмму, в которой советовал уступить Сахалин Японии. 23 августа царь принял американского посланника и заявил ему, что в крайнем случае согласен отдать южную половину острова. Царь готов был на любой мир, лишь бы развязать себе руки для подавления надвинувшейся революции.

Случайно заявление царя стало известно японцам. Они узнали о нём тотчас же по окончании упомянутого заседания 27 августа. Японское правительство изменило своё решение. Правда, морской министр заявил, что если информация о согласии царя не верна, передавшему её чиновнику придётся произвести себе харакири. Однако, сокрушался министр, это не вернёт Японии возможности заключить столь необходимый мир. Главе японской делегации в Портсмут была послана инструкция требовать южной части Сахалина. Витте уступил, следуя велению царя: японцы получили часть острова к югу от 50-й параллели северной широты. Этот эпизод¹ свидетельствует, до какой степени Япония была истощена войной.

Токийскому правительству было ясно, что продолжать войну невозможно. К тому же выводу пришёл и такой военный наблюдатель, как начальник германского генерального штаба граф Шлиффен, внимательно изучавший опыт войны. Россия, по мнению Шлиффена, легко могла бы продолжать войну; её ресурсы были едва затронуты, и она могла выставить если не новый флот, то новую армию. Шлиффен считал, что, несмотря на ряд понесённых ею поражений, Россия в состоянии добиться успеха. Стоило только лучше мобилизовать силы страны. Но

¹ Его описывает Исии в своих «Дипломатических комментариях» рус. перев., стр. 54—57.

царизму эта задача была не по плечу. «Не русский народ, — писал Ленин, — а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению»¹. «Не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки»², — признавался в своих мемуарах Витте.

Мир был заключён 5 сентября 1905 г. По Портсмутскому договору Россия признавала Корею сферой японского влияния. Статья 2 Портсмутского договора гласила: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои императорское японское правительство могло бы почтёстно необходимым принять в Корее».

Согласно статье 5, Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а по статье 6 — Южно-Манчжурскую железную дорогу от Порт-Артура до станции Куань-Чен-Цзы, несколько южнее Харбина. Тем самым Южная Манчжурия оказывалась сферой влияния Японии. Россия уступала Японии южную часть Сахалина. Согласно статье 12, Япония навязывала России заключение рыболовной конвенции: «Россия обязуется войти с Японией в соглашение в видах предоставления японским подданным прав по рыбной ловле вдоль берегов русских владений в морях Японском, Охотском и Беринговом. Условлено, что такое обязательство не затронет прав, уже принадлежащих русским или иностранным подданным в этих краях». Статья 7 Портсмутского мирного договора гласила: «Россия и Япония обязуются эксплуатировать принадлежащие им в Манчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических».

Алхесирасская
конференция

В январе 1906 г. разыгрался финал марокканского кризиса. В согласии с договорённостью, достигнутой между Германией и Францией в июле 1905 г., в испанском городе Алхесирасе собралась конференция участников Мадридского договора.

В декабре 1905 г. начальник германского генерального штаба фельдмаршал Шлиффен представил кайзеру записку, в которой развивал новый вариант своего известного плана вторжения во Францию через Бельгию с выделением всего лишь 10 германских дивизий на восточный фронт. Шлиффен имел в виду временную слабость России. Гольштейн, повидимому, был совершенно солидарен с мнением фельдмаршала. Неудивительно,

¹ Ленин, Падение Порт-Артура, Соч., т. VII, стр. 49.

² Витте, Воспоминания, т. I, стр. 337.

что конференция собиралась в тревожной обстановке: её участники подозревали, что Германия доведёт переговоры до разрыва и, быть может, до войны.

Но тут выяснилось обстоятельство, крайне тревожное для Германии: она оказалась изолированной. Не только Англия, но и США поддерживали Францию. За Францию стояла и Россия. Италия, формально остававшаяся членом Тройственного союза, в соответствии с франко-итальянским соглашением 1900 г. встала на сторону Франции. Лишь одна Австро-Венгрия, хотя и вяло, поддерживала Германию.

При такой международной обстановке Бюлов и кайзер не решились начать войну, тем более что война из-за Марокко была бы заведомо непопулярна в Германии. Изобразить её в качестве оборонительной было бы чрезвычайно трудно. Бюлов сообщает в своих мемуарах содержание письма, которое Вильгельм II прислал ему к рождественским праздникам 1905 г.¹

В письме этом кайзер заявлял, что «не хочет войны до тех пор, пока не будет заключён союз с Турцией», а также «со всеми арабскими и мавританскими государями... Но главное, — продолжает Бюлов изложение монаршего послания, — из-за наших социалистов мы не можем взять в стране ни одного человека, если нет самой крайней опасности для жизни и имущества граждан». Отсюда кайзер делал свой вывод: «Сначала перестрелять, обезглавить, обезвредить социалистов, если нужно, с помощью кровопролития, и тогда — внешняя война, но не раньше и не сейчас!» В последние дни декабря 1905 г. Вильгельм II уволил Шлиффена. Несколько позже должен был уйти в отставку и Гольштейн. Он отомстил Вильгельму на свой лад: через журналиста Максимилиана Гардена он разоблачил противоестественные пороки, царившие в интимном кружке ближайшего друга Вильгельма, графа Филиппа Эйленбурга.

Конференция закончила свою работу 7 апреля 1906 г. подписанием трактата, определявшего положение марокканского государства. Трактат устанавливал независимость султана, «целостность его государства», «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении». В соответствии с этим Марокканский государственный банк создавался под контролем иностранных банков: английского (Bank of England), французского, германского Рейхсбанка и Испанского государственного банка. Наиболее острый конфликт возник из-за организации полиции в Марокко. Германия не хотела отдавать в руки Франции контроль за поддержанием внутреннего порядка в Марокко. Немцы грозили было разрывом, но, оказавшись в изоляции, не могли помешать тому, что Франции вместе с Испанией было поручено фактическое

¹ Bülow, Denkwürdigkeiten, B. II, S. 198.

руководство марокканской полицией. «В помощь султану, — гласил Алхесирасский трактат, — для устройства... полиции будут командированы в его распоряжение соответствующими правительствами испанские и французские офицеры и унтер-офицеры инструкторы». Правда, в качестве верховного контролёра над марокканской полицией был поставлен швейцарский офицер со званием «генерального инспектора». Но на самом деле он не играл никакой роли. Алхесирасский трактат устанавливал международный контроль над таможенными. Однако на алжирской границе таможенный контроль переходил в руки одной Франции, а в Риффской области — к Испании.

Германии не удалось использовать благоприятную обстановку, создавшуюся вследствие ослабления царской России в 1904—1906 гг. Германская дипломатия не смогла ни оторвать Россию от Франции, ни расстроить англо-французскую Антанту. Наоборот, в результате марокканского кризиса Антанта окрепла, хотя так и не приняла характера формального военного союза.

Военное
сотрудничество
Англии и Франции

С апреля 1905 г. между Англией и Францией завязались переговоры о военном сотрудничестве против Германии. В дни своей борьбы с Рувье Делькассе утверждал, что у него имеется обещание лорда Ленсдауна оказать Франции военную помощь. Повидимому, так оно и было. Но в декабре 1905 г. в Англии пал консервативный кабинет, и к власти пришли либералы; статс-секретарём Форейн-офиса вместо Ленсдауна стал Эдуард Грей.

10 января 1906 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон в связи с приближением Алхесирасской конференции запросил Грея, гарантирует ли он Франции английскую военную помощь, если конференция кончится разрывом. Грей ответил, что если возникнет война, то английское общественное мнение будет настроено в пользу Франции, однако формальную гарантию он дать не в состоянии. Тогда Камбон попросил хотя бы начать переговоры между генеральными штабами; он доказывал, что нужно подготовиться в военно-техническом отношении на тот случай, если Англия всё же решится вступить в войну¹.

В ближайшие дни Грей переговорил с военным министром Холденом. Тот дал указание английскому генеральному штабу начать переговоры с французским военным атташе². Велись эти переговоры в строжайшей тайне. Сам английский премьер Кемпбелл-Баннерман не был о них полностью информирован.

¹ «British Documents», v. III, № 210, p. 170; Grey, Twenty five years, v. I, p. 72 ss.

² «British Documents», v. III, № 214, p. 176.

В результате в нескольких памятных записках в течение января — марта 1906 г. было зафиксировано, что если Англия вступит в войну, то она переправит во Францию всего 4 дивизии. Были определены сроки и способы перевозки и нанесены на карту рубежи, предназначенные для развёртывания британских экспедиционных сил. 18 января 1906 г. английский генеральный штаб с разрешения Грея и Холдена начал аналогичные переговоры и с бельгийским генеральным штабом¹.

Переговоры с Францией и Бельгией велись британской дипломатией весьма своеобразно. Сторонами разрабатывались подробные планы военного и морского сотрудничества. Но планы эти принимались Греем с оговоркой, что в силу они войдут только в том случае, если то признает необходимым британский кабинет. Категорического обязательства воевать англичане на себя не принимали, ссылаясь на невозможность дать его без санкции Парламента. Вместе с тем это являлось дипломатическим приёмом; он был рассчитан на то, чтобы создать во Франции некоторую неуверенность в позиции Англии. Таким образом, Англия приобретала лишний рычаг для давления на французов; вместе с тем для неё обеспечивалась возможность ускользнуть от сотрудничества с Францией, если бы она нашла это нужным. Как ни старался Камбон добиться от Грея заключения союзного договора, достигнуть этого он не смог.

8—11 апреля 1906 г. состоялась встреча начальников французского и русского генеральных штабов. Их совещания регулярно созывались в 90-х годах. После 1901 г. они на время прекратились в связи с манчжурской авантюрой царизма, вызывавшей недовольство французов. Теперь эти совещания возобновились. В результате их франко-русский союз получал всё большее заострение против главы враждебной коалиции: французы нажимали на русских, добиваясь, чтобы в случае войны максимальное число русских войск было сразу брошено против Германии. Против Австрии Россия, по мнению французов, должна была направить возможно меньшее количество сил. Одновременно французский генеральный штаб настаивал на скорейшем восстановлении военной мощи царской России, пострадавшей в результате событий 1904 г. и последующих лет.

Англо-русское
соглашение

Соглашение с Францией английская дипломатия намеревалась дополнить договором с Россией.

Эта задача была более сложной. Англо-русские противоречия были глубже англо-французских, и несколько попыток англо-русского сближения уже потерпели неудачу. Тем не менее тотчас по окончании русско-японской войны Англия предприняла ряд шагов для установления сотрудничества

¹«British Documents», v. III, № 221, p. 187.

с Россией. Так, вместе с Францией Англия приняла участие в займе, который в начале 1906 г. был предоставлен царскому правительству.

Русская революция 1905 г. ещё более укрепила английскую дипломатию в убеждении, что ей нужно договориться с русским царизмом. Дальневосточный антагонизм между обеими державами был в известной мере притуплен японскими победами; соперничество на Ближнем Востоке также несколько ослабело с тех пор, как у Англии и России оказался там общий враг в лице Германии. Прежнюю остроту сохраняли главным образом противоречия в Средней Азии, особенно в Афганистане и в Персии.

Уже на Алхесирасской конференции английская дипломатия начала зондировать почву относительно возможности англо-русского соглашения. В начале 1906 г. русский министр иностранных дел граф Ламздорф вышел в отставку. Вместо него был назначен Извольский, бывший посланник в Копенгагене, долго вращавшийся в германофобской датской придворной среде. Извольский был весьма склонен к англо-русскому сближению. Он очень боялся новых осложнений с Японией и стремился предотвратить их посредством соглашения с Англией. Он надеялся также, что такое соглашение позволит русской дипломатии разрешить вопрос о проливах.

В марте 1907 г. состоялся визит русского флота в Англию, в Портсмут. Группа русских офицеров по приглашению короля приехала в Лондон; здесь им устроили тёплую встречу. На спектакле, организованном для русских моряков, присутствовал сам Грей.

Опасения Извольского в отношении Японии имели под собой серьёзную почву. Переговоры о рыболовной конвенции, начатые на основе Портсмутского договора, протекали не гладко. В начале 1907 г. они привели к новому обострению русско-японских отношений. В Петербурге боялись, что Япония пользуется временное бессилие России, чтобы отнять у неё её дальневосточные владения. Извольский полагал, что соглашение с Англией будет лучшим способом добиться известных гарантий против Японии. Форейн офис тоже понимал, что нужно обеспечить русский тыл на Дальнем Востоке, для того чтобы в полной мере использовать Россию против Германии. Однако Англия и Япония оставались союзниками. В августе 1905 г., в период портсмутских переговоров, англо-японский союзный договор был возобновлён. Союзные обязательства были при этом распространены и на случай нападения какой-либо державы на Индию. Договор фактически признавал протекторат Японии над Кореей. Таким образом, английская дипломатия сохраняла за собой японскую страховку как от России, так и на случай войны с Германией. Но теперь Англии приходилось налаживать

русско-японские отношения, дабы распространить страховку и на своего будущего русского союзника.

28 июля 1907 г. состоялось, наконец, подписание рыболовной конвенции; 30 июля 1907 г. было заключено и русско-японское политическое соглашение. Япония признала Северную Манчжурию — к северу от линии Хуньчун, озеро Биртан, устье реки Нонни — сферой влияния России. Со своей стороны царская Россия признала сферой Японии Южную Манчжурию и Корею. Соглашение это значительно улучшило русско-японские отношения. Если русские опасения за безопасность Владивостока, Приморья и КВЖД и не были окончательно рассеяны, то всё же они были ослаблены. Незадолго до заключения русско-японского соглашения состоялось и соглашение между Японией и Францией (10 июня 1907 г.).

Наконец, 31 августа 1907 г. не без содействия Франции было подписано англо-русское соглашение. С русской стороны его подписал Извольский, с английской — посол в Петербурге, поборник англо-русской Антанты А. Никольсон.

Соглашение касалось Афганистана, Тибета и Персии. Персию разделили на три зоны: северную — русскую, южную (точнее, юго-восточную) — английскую и среднюю — нейтральную. Каждая сторона обязывалась не искать концессий политического или коммерческого свойства в «чужой» зоне и не препятствовать получению их партнёром. В нейтральной зоне каждая сторона сохраняла право добиваться концессий, не мешая таковым же действиям другого участника договора.

Соглашение предусматривало право контроля над доходами персидского правительства в русской и английской зонах. Контроль предполагалось ввести в случае неисправности персидского правительства в платежах по займам русскому Учётно-ссудному банку или английскому Шахиншахскому банку. При этом русское правительство могло установить контроль над доходами персидской казны, поступавшими с областей, отнесённых к русской зоне. Английское правительство получало соответствующие возможности в пределах своей зоны. Оба правительства обязывались «войти предварительно в дружественный обмен мнений в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля».

Афганистан царская Россия признавала находящимся «вне сферы русского влияния» и обязывалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством британского правительства».

И Россия и Англия давали обязательство не вмешиваться во внутренние дела Тибета, не нарушать его территориальной целостности и сноситься с ним исключительно через сюзеренное китайское правительство.

Вопреки стараниям Извольского, о Константинополе и о проливах в соглашении не упоминалось: Англия не дала на этот счёт России никаких обязательств.

Ленин следующим образом оценивал англо-русское соглашение 1907 г.: «Делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией)»¹.

Соглашение 1907 г. создало так называемое Тройственное согласие — тройственную Антанту в составе Англии, Франции и России, противостоящую Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии. Впрочем, Италия в результате франко-итальянского соглашения в 1902 г. фактически уже отошла от Тройственного союза. Таким образом, в результате своей агрессивной политики Германия оказывалась изолированной — вдвоём со своей слабой союзницей Австро-Венгрией. При этом соглашениями всех членов Антанты с Японией в большей или меньшей мере обеспечивались их тылы на Дальнем Востоке. Это имело, конечно, немаловажное значение в случае войны с Германией.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА АНТАНТЫ И АВСТРО- ГЕРМАНСКОГО БЛОКА (1908—1911 гг.)

Англо-германское
морское
соперничество

Образование Антанты свидетельствовало о том, что англо-германский антагонизм оказался глубже англо-русских и англо-французских противоречий. Англия вынуждена была признать Германию главным своим врагом и перед лицом немецкой опасности договариваться с франко-русской стороной. Один из руководящих чиновников лондонского Форейн офис, Эйр Кроу, в меморандуме от 1 января 1907 г.¹ достаточно ярко обрисовал характер англо-германских отношений. «В то время как великий канцлер, — писал Кроу, разумея Бисмарка, — заставлял Англию уступать требованиям, которые были неприемлемы скорее по форме, чем по существу, и вёл себя подобно Ричарду III, ухаживающему за лэди Анной, — его преемники явно пришли к убеждению, что их основная цель заключается в том, чтобы добиваться от Англии важных уступок путём оскорбительных угроз и докучливого приставанья... Отношение Германии к нашей стране после 1890 г. может быть уподоблено действиям профессионального шантажиста, занимающегося вымогательством, угрожающего своим жертвам, в случае отказа, какими-то неопределёнными, но ужасными последствиями... Первенство Германии на море, — продолжал Кроу, — не может быть совместимо с существованием Британской империи. И даже если бы Великобритания исчезла, соединение в руках одного государства величайшей военной мощи на суше и на море вынудило бы весь мир объединиться, чтобы избавиться от этого кошмара. Приобретение колоний, пригодных для немецкой колонизации в Южной Америке, нельзя примирить с доктриной Монро, являющейся основным принципом политического символа веры Соединённых штатов. Создание немецкой Индии в Малой Азии в конечном счёте зависит от германского господства на море

---

¹ «British Documents», v. III, p. 397—420.

либо от завоевания Германией Константинополя и стран, находящихся между Босфором и её нынешними юго-восточными границами. Правда, каждый из этих грандиозных планов кажется невыполнимым при современных международных условиях; однако похоже на то, что Германия носится со всеми ими сразу, сама нагромождая, таким образом, на своём пути препятствия и развязывая силы сопротивления встревоженного мира».

Кроу был весьма невысокого мнения об искусстве германской дипломатии. «Поведение Германии лишь доказывает, — заключал он, — как мало логики, последовательности и целеустремлённости содержится в этой бурной деятельности, в тех ошеломляющих выходках и в том пренебрежительном отношении к чувствам других наций, которые столь типичны для последних актов германской политики».

Статс-секретарь Форейн офис сэр Эдуард Грей и король Эдуард VII выразили своё согласие с мыслями, изложенными Кроу в этом документе.

Особенно беспокоило англичан развитие германского военного флота. После кризиса 1905—1906 гг. Англия и Германия ещё более усилили гонку морских вооружений. В 1905 г. в Англии был заложен бронепосец нового типа, названный «Дредноут» (отсюда — общее название однотипных кораблей). Британское адмиралтейство думало, что созданием более мощных боевых судов оно усилит морское превосходство Англии. Оно полагало, что в течение ряда лет немецкие верфи не смогут начать постройку дредноутов. Адмиралтейство ошиблось: Германия очень быстро приступила к их сооружению. В 1908 г. в строю и на верфях в Англии было 12 дредноутов. В этом же году Германия спустила на воду свои первые дредноуты в количестве четырёх, а всего в постройке имела их уже восемь или девять. Между тем соотношение броненосцев старого типа было — 63 (Англия) : 26 (Германия). С появлением дредноутов корабли старого типа значительно обесценивались. Морское соперничество начиналось теперь с нового старта — с постройки первого дредноута. Уже в 1906 г. германский Рейхстаг принял закон, гласивший, что все новые броненосцы должны быть кораблями типа «Дредноут». Одновременно прошло новое увеличение состава военно-морского флота на 6 больших крейсеров и одну минную эскадру. В 1908 г. срок службы линейных кораблей был сокращён с 25 до 20 лет, и в зависимости от этого и темп строительства был ускорен: раньше на основе закона 1900 г. в Германии в среднем ежегодно спускалось на воду по два броненосца; за 8 лет (1900—1907 гг. включительно) их было построено 16 единиц. Отныне же ежегодно до 1912 г. предполагалось спускать на воду по 4 корабля типа «Дредноут» с соответствующим числом крейсеров и минонос-

цев. Морское первенство Англии, таким образом, было поставлено под серьезную угрозу.

Надо было показать английскому общественному мнению, что в возрастании налогов и в усилении военной опасности виноваты немцы. С этой целью английское правительство решило обратиться к Германии с предложением ограничить строительство новых судов. Если немцы не согласятся, можно будет говорить английскому народу, что он страдает по вине германских милитаристов. Если же предложение будет принято — на что шансов, правда, мало, — то будет закреплено существующее соотношение сил на море, пока ещё обеспечивавшее преобладание Англии. Таковы были расчёты английского правительства. В наиболее эффектной форме с трибуны мирового масштаба английская дипломатия выступила с предложением ограничения морских вооружений в 1907 г. на второй Гаагской конференции. Германское правительство и в Гааге и в других подобных случаях отвечало неуклонным и грубым отказом.

В августе 1908 г. Эдуард VII посетил Вильгельма II в Кронберге. Короля сопровождал Гардинг. Даже германофильски настроенные историки, как американец Фей, признают, что в дипломатических переговорах с английскими гостями Вильгельм держал себя крайне непримиримо¹: Гардинг пытался было уговорить кайзера ограничить темпы морских вооружений. Но разговор кончился тем, что Вильгельм угрожающим тоном заявил: «Тогда мы будем воевать, ибо это вопросы национальной чести и достоинства». Гардинг успел переменить тему беседы.

Некоторые немецкие дипломаты, воздерживаясь от столь вызывающего отказа от переговоров, прибегали к маневру, который заранее обречал на неудачу всякие попытки английской дипломатии склонить Германию к соглашению. Они запрашивали за ограничение морских вооружений непомерную цену, требуя от Англии разрыва Антанты с Францией и Россией в качестве предпосылки для сокращения военно-морского строительства. Что это требование было уловкой, явствует из признания германского посла в Лондоне. «Я обострил бы без надобности отношения, — писал граф Меттерних незадолго до свидания в Кронберге, — если бы обнаружил перед ними (перед британскими министрами. — *Ред.*), что мы никогда и ни в каком случае не согласимся на заключение договора об издержках на флот. Но цену, которую я за него назначил, сэр Эдуард Грей заплатит нам не так-то легко»².

Зная, что кайзер и Тирпиц не пойдут на ограничение

¹ Фей, Происхождение мировой войны, т. I, рус. перев., стр. 176.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXIV, № 8217.

вооружений, Меттерних старался дипломатически замаскировать непримиримость немецкой политики.

Английские попытки добиться ограничения морских вооружений кайзер квалифицировал с истинно прусской грубостью как «наглость, которая граничит с оскорблением германского народа и его императора». Так гласили пометки Вильгельма на донесении Меттерниха.

После неудачных попыток договориться с Германией английская дипломатия публично заявила о решении строить по два корабля на каждый германский — «два килля против одного».

Борьба за Балканы и Турцию в начале XX века Морское соперничество являлось не единственным проявлением англо-германского антагонизма. Одновременно развёртывалась и борьба за преобладание на Ближнем Востоке. После получения концессии на Багдадскую железную дорогу Германия усиленно работала над тем, чтобы закабалить Турцию и превратить её в свою колонию. Со своей стороны и султан Абдул-Гамид думал укрепить свой пошатнувшийся трон с помощью германского правительства и немецкого капитала, чтобы найти в них опору против национально-освободительного движения славян на Балканском полуострове, против армян в Малой Азии, против арабов, а также против прогрессивных элементов самого турецкого народа.

Германский империализм тем охотнее поддерживал деспотический режим «кровавого султана», что в правящих кругах союзницы Германской империи — Австро-Венгрии — всё сильнее нарастала ненависть к славянству.

В 80-х годах прошлого века ошибки царского правительства позволили Австро-Венгрии укрепить своё положение в Сербии и Болгарии. Однако политика австрийских ставленников, как короля Милана в Сербии или Стамбулова в Болгарии, ясно показала, что Австрия, а вместе с ней и её союзница Германия являются злейшими врагами славянской национальной независимости. В конце концов даже князь Фердинанд — немец, посаженный на болгарский трон руками Австрии, — вынужден был искать примирения с Россией. В результате в 1896 г. со стороны России последовало признание Фердинанда болгарским князем. Ещё круче повернула в сторону России Сербия: слишком очевидным представлялось, что только там могли найти поддержку национальные чаяния сербского народа.

В 1903 г. в Белграде произошёл государственный переворот, и династия Обреновичей уступила место Карагеоргиевичам. За этим событием последовало чрезвычайное усиление национальной пропаганды, направленной не только против Турции, но и против Австро-Венгрии. В начале 1906 г. между Австро-Венгрией и Сербией началась таможенная война. В Австрии усилилось влияние кругов, которые стремились,

пользуясь ослаблением России, дать южнославянскому вопросу радикальное разрешение; это означало — захватить сербские области Балкан и включить их в состав монархии Габсбургов, перестроив её на началах либо триализма, либо федерализма. Такова была старая программа австрийских феодально-клерикальных и военных кругов. Эти планы поддерживали и влиятельные группы венской финансовой олигархии, заинтересованные в экономической эксплуатации Балкан. Во главе этого течения стали наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, начальник генерального штаба фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф и отчасти министр иностранных дел Эренталь.

Эренталь, Конрад фон Гетцендорф и Франц-Фердинанд замыслили в первую очередь аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных Австрией в 1878 г. на основе статьи 25-й Берлинского трактата, но ещё остававшихся под номинальным суверенитетом Турции. Таким актом они рассчитывали положить конец надеждам сербского народа на воссоединение этих областей с Сербией. В качестве последующего этапа намечалась превентивная война против Италии и Сербии и «аннексия Сербии». «Если наши войска, — писал Гетцендорф, — будут в Нише, если мы там будем господами, то наше влияние будет обеспечено — в юго-западной части Балкан в особенности, но также на Балканах вообще»¹. Эренталь несколько колебался насчёт войны с Италией. Но в общем он разделял замыслы Конрада фон Гетцендорфа. Он только, пожалуй, предпочёл бы вместо захвата всей Сербии отдать часть её болгарам. После этого, «в момент благоприятной обстановки в Европе, мы наложим руку на ещё сохранившуюся часть Сербии. Тогда у нас будут надёжные границы»². Разжигание сербо-болгарского антагонизма занимало видное место в политических замыслах Эренталя. Во всяком случае, он был убеждён, наравне с Конрадом фон Гетцендорфом, что Сербию необходимо ликвидировать. Как он поведал немецкому статс-секретарю иностранного ведомства Шёну, нужно «полное уничтожение сербского революционного гнезда».

Если бы Германии удалось окончательно закабалить Турцию, а её австро-венгерской союзнице — осуществить задуманные планы на Балканском полуострове, весь Ближний Восток со всеми его человеческими и материальными ресурсами оказался бы под пятой германского империализма. С этим не могла примириться Англия, которая всегда рассматривала страны Ближнего Востока как мост из Европы в Индию. Не могла допустить этого и Россия: подчинение Турции и Балкан влиянию Германии и Австрии означало бы угрозу для безопас-

¹ *Conrad von Hötendorf, Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, B. I, S. 530.*

² *Ibid., S. 138.*

ности всего русского юга от Черноморского побережья до закавказской границы. Россия не желала отказаться от своей роли покровительницы славян. Не могла она взирать равнодушно ни на водворение немцев на Босфоре, ни на постройку стальной колеи, по которой можно будет подвозить оружие и войска из Константинополя и даже прямо из Берлина почти к самому армянскому нагорью. Не удивительно, что, несмотря на разделявшие их противоречия, Англия и Россия оказывались заинтересованными в том, чтобы дать отпор германскому проникновению на Восток.

Английское правительство активно противодействовало германской экспансии в Турции. Оно использовало при этом разные пути. Прежде всего оно обратилось к чисто финансовому воздействию. В апреле 1903 г. английские банкиры отказались участвовать в финансировании Багдадской дороги. Между тем общество Багдадской железной дороги имело от турецкого правительства полную гарантию прибыльности этого предприятия. Это требовало от Турции значительных средств, а денег у неё не было. Достать их она могла, только повысив некоторые налоги и прежде всего таможенные пошлины. Но в силу существовавшего в Турции режима капитуляций Турция не располагала таможенной независимостью: ввозные пошлины были установлены в 8% стоимости товара. Поднять их Турция могла не иначе, как с согласия великих держав. Однако Англия решительно отказывалась дать согласие на повышение пошлин. Франция и Россия, невзирая на всю напряжённость англо-русских отношений, полностью разделяли английскую точку зрения по вопросу о таможенной надбавке. Таким образом, тормозилось финансирование Багдадской железной дороги, которое для берлинского денежного рынка и без того оказалось не особенно лёгким делом.

Наконец, Англия воспользовалась волнениями, которые в 1902—1903 гг. возникли в Македонии, чтобы произвести сильный политический нажим на султана. Как известно, в 1903 г. в Мюрцштеге Россия и Австрия договорились о программе реформ в Македонии. В ту пору, хотя и по разным мотивам, оба правительства были заинтересованы в том, чтобы хоть временно притушить македонское движение и не дать снова закипеть балканскому котлу. Английская дипломатия в лице лорда Ленсдауна выдвигала программу более радикальных реформ. План её был рассчитан на то, чтобы лишить султана почти всякой реальной власти в Македонии. Теперь Англия возобновила свой нажим на продавшегося Германии султана. Она снова подняла македонский вопрос. При этом английская дипломатия стремилась добиться поддержки России, чтобы совместным давлением принудить султана изменить свою внешнеполитическую ориентацию. В июне 1908 г. в Ревеле состоя-

лось свидание Эдуарда VII с Николаем II. Короля сопровождали помощник статс-секретаря Форейн офис Гардинг, адмирал Фишер, генерал Френч. Гардинг убеждал Извольского поддержать английскую программу реформ в Македонии. В этой связи было выпущено коммюнике, в котором сообщалось, что между Россией и Англией достигнуто полное согласие по всем международным проблемам.

В ходе дискуссии по македонскому вопросу Извольский старался придать английской программе более умеренный характер. Он не скрыл от своего британского собеседника, что Россия опасается военного превосходства Германии. Ввиду этого, говорил русский министр, Россия должна вести свою политику «с величайшей осторожностью в отношении Германии и не давать ей повода думать, что сближение России с Англией приведёт к соответствующему ухудшению отношения России к Германии». Гардинг соглашался, что не следует понапрасну раздражать немцев. Он признал, что для России «осторожность ещё более необходима», чем для Англии. Поэтому он советовал русскому правительству озаботиться скорейшим восстановлением военной мощи своей страны. «Нельзя упускать из виду, — говорил Гардинг, — что вследствие слишком значительного увеличения германской морской программы в Англии содалось глубокое недоверие к будущим намерениям Германии. Это недоверие будет со временем обостряться по мере осуществления германской морской программы и возрастания налогового обложения в Англии, вызываемого необходимыми военно-морскими контрмероприятиями. Через 7 или 8 лет может возникнуть кризисное положение, в котором Россия, если она будет сильна в Европе, может стать арбитром в деле мира и оказать гораздо большее влияние на его обеспечение, нежели любая Гаагская конференция»¹.

Итак, царской России надлежало ещё восстанавливать свою мощь, ослабленную неудачной войной с Японией и потрясениями 1904—1905 гг. А пока её противники спешили воспользоваться благоприятным моментом для укрепления своих позиций на Балканском полуострове. В первую очередь принялась за это австрийская дипломатия.

Эренталь приступил к этой задаче в начале 1908 г. Он выдвинул проект сооружения железной дороги от австрийской границы через Ново-Базарский санджак к Салоникам. Эта дорога должна была обеспечить Австрии путь к Эгейскому морю. 27 января 1908 г. Эренталь публично заявил о своём плане.

Выступление Эренталя вызвало в России крайнее возмущение. Дорога на Салоники упрочила бы влияние Австрии во

¹ Отчет Гардинга о пребывании в Ревеле в «British Documents», т. V, № 195, р. 237—239.

всей западной половине Балканского полуострова. По выражению Извольского, «осуществление австрийского плана привело бы к германизации Македонии»¹. Ясно было, что Россия не может остаться безучастной к проекту австрийского министра. 3 февраля в Петербурге было созвано совещание министров. На нём Извольский предложил использовать сближение с Англией, дабы отказаться от чисто оборонительной политики, которой держалась Россия на Востоке в течение последних лет. Ещё в 1907 г., во время переговоров с англичанами, Извольский добивался согласия Англии на изменение международно-правового режима проливов. Он хотел, чтобы Россия получила право на свободный проход через проливы своих военных судов как из Чёрного моря в Средиземное, так и обратно. Тогда Англия уклонилась от формального соглашения по этому вопросу. Но Грей не отнял у Извольского некоторых надежд на будущее. Эти-то надежды и руководили Извольским, когда он ставил вопрос о более смелой политике России на Ближнем Востоке. Однако остальные русские министры, являвшиеся участниками совещания, единодушно отвергли предложение Извольского. Товарищ военного министра Поливанов указал на военную неподготовленность России, вооружённые силы которой не были ещё реорганизованы после поражения на Дальнем Востоке. Возражал и министр финансов Коковцев. Но с особой решительностью восстал против воинственных замыслов Извольского Столыпин. Через несколько дней, 10 февраля, Совет государственной обороны принял следующее решение: «Вследствие крайнего расстройств материальной части армии и неблагоприятного внутреннего состояния необходимо ныне избегать принятия таких агрессивных мер, которые могут вызвать политические осложнения»².

Таким образом, Извольскому приходилось ограничиться применением дипломатических средств. Он начал с того, что противопоставил австрийскому железнодорожному проекту собственный контрпроект. Извольский намечал сооружение дороги от одного из адриатических портов Албании к Дунаю. Эта линия должна была дать Сербии выход к морю, экономически и политически независимый от Австро-Венгрии. Тем самым ослаблялась кабала, в которой Австро-Венгрия держала Сербию. Ясно, что проект Дунайско-Адриатической железной дороги был крайне невыгоден для австрийцев. Англичане обещали поддержать проект Извольского при условии, что Россия будет заодно с Англией в вопросе о реформах в Македонии³. Теперь наступала очередь Эренталя предаваться

¹ «British Documents», v. V, № 195, p. 242.

² «Вестник Народного комиссариата иностранных дел», 1919, № 1—2, стр. 19—26.

³ «British Documents», v. V, № 254, p. 353—354.

смятению по поводу железнодорожного строительства на Балканах.

В эти самые дни, летом 1908 г., когда шёл торг из-за железнодорожных проектов и из-за реформ в Македонии, в Турции произошла буржуазная революция. 3 июля в Македонии, в крепости Ресна, восстал гарнизон, поднятый офицерами-младотурками по сигналу центрального комитета этой партии. В ночь на 24 июля султан был вынужден принять конституцию. Великим визирем стал англофил Киамиль-паша. То была победа Англии¹.

Русско-австрийское соглашение в Бухлау в 1908 г.

Турецкая революция побудила Эренталья поспешить с осуществлением своих давно задуманных планов. Падение всевластия Абдул-Гамида означало переход Турции от курса на Германию к ориентации на Англию. Эренталь боялся, что новое турецкое правительство, опираясь на Англию, потребует возвращения Боснии и Герцеговины. С другой стороны, момент внутреннего кризиса в Турции Эренталь считал наиболее удобным для покушения на её территорию. Не только соперник — Россия, но и объект грабежа — Турция — переживали момент, для войны отнюдь не подходящий. Австро-венгерское правительство решило, что настало время аннексировать Боснию и Герцеговину.

Ленин тогда же, в 1908 г., разоблачил захватнические замыслы империалистов, указывая, что они «продолжают политику, которая самым очевидным образом представляет из себя политику *раздела Турции*»².

Эренталь лелеял хитроумный план. Он решил захватить Боснию и Герцеговину с соизволения России. Если бы ему удалось убедить царское правительство согласиться на аннексию, то это, надеялся Эренталь, скомпрометировало бы Россию в глазах всего южного славянства и подорвало бы её влияние на Балканах. Сверх того согласие России, конечно, облегчило бы для Австрии и осуществление самой аннексии обеих провинций. Ради всего этого можно было обещать России согласие Австрии на изменение режима проливов: ведь сделай только Россия серьёзную попытку добиться свободного прохода через Босфор и Дарданеллы для своих военных кораблей, — и конфликт с Англией и Турцией был бы налицо. А что могло быть приятнее такого конфликта для Австрии и Германии? Особенно желателен был он в момент, когда Турция ускользала из-под немецкого влияния, а Англия и Россия установили общую линию поведения в целом ряде ближне-

¹ См., например, донесение русского поверенного в делах в Константинополе, опубликованное в «Красном архиве», т. 43, стр. 41—42.

² Ленин; События на Балканах и в Персии, Соч., т. XII, стр. 358.

восточных проблем. На счастье Эренталя и всего австро-германского блока, как раз в вопросе о проливах англичане русским не уступали. Теперь, после младотурецкой революции, Англия сделалась в вопросе о проливах ещё менее податливой, чем во время переговоров об англо-русской Антанте год тому назад: с появлением у власти Киамиля Англия надеялась упрочить своё влияние в Турции. Ввиду этого английская дипломатия вовсе не желала осложнять отношения с Турцией постановкой вопроса о проливах. По мнению Эренталя, Извольский охотно должен будет принять из рук Австрии право проводить русские военные корабли через проливы. Расчёты Эренталя имели некоторое основание.

Ещё 2 июля 1908 г. Извольский переслал Эренталю записку по балканскому вопросу. В ней он в общем высказывался за сохранение существующего положения на Балканах. При этом он подчёркивал, что вопрос об аннексии Боснии, так же как и вопрос о проливах, имеет общеевропейское значение. Россия и Австро-Венгрия не вправе вдвоём пересматривать Берлинский трактат. Однако ввиду особой важности балканских вопросов для России и Австрии Извольский изъявлял согласие обсудить их «в дружественном духе» с австро-венгерским правительством¹. Эренталь пригласил Извольского посетить его в замке Бухлау. Извольский принял приглашение. 15 сентября 1908 г. в Бухлау состоялось свидание обоих министров. Между ними было достигнуто устное соглашение. Австро-Венгрия обязывалась не возражать против открытия проливов для русских военных судов: взамен этого Россия соглашалась на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Свои пожелания в отношении режима проливов Извольский (согласно записи Эренталя) изложил в Бухлау следующим образом: «В случае, если Россия сочтёт нужным предпринять шаги с целью добиться свободного прохода через Дарданеллы для отдельных русских военных судов, Австро-Венгрия обещает соблюдать благожелательную и дружественную позицию. Разумеется, что такое изменение существующего права не должно ни в какой мере затрагивать независимость и безопасность Оттоманской империи; другим государствам, расположенным по берегам Чёрного моря, будут предоставлены такие же права»². Обе стороны решили не возражать, если Болгария объявит о прекращении своей вассальной зависимости от турецкого султана. Эренталь уверял в своём отчёте о переговорах в Бухлау, будто он сказал Изволь-

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXVI, Teil 1, № 9055, S. 191—192.

² «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik», 1908—1914. Diplomatische Aktenstücke des Oesterreich-Ungarischen Ministerium des Aeussern, Wien und Leipzig 1930, B. I, № 79, S. 86 ff.

скому, что аннексия Боснии и Герцеговины может быть провозглашена Австрией уже в начале октября. «Во всяком случае он будет мною своевременно предупреждён об этом», — так передаёт сам Эренталь содержание тех заверений, которые он дал Извольскому¹. Этого обещания Эренталь не выполнил. Даже из записки Эренталья совершенно ясно, что Извольский потребовал компенсаций для Сербии и Черногории за счёт Австро-Венгрии. Эренталь отклонил это требование. Извольский поставил и вопрос о созыве международной конференции для оформления намеченного пересмотра Берлинского трактата. По обоим этим вопросам — о компенсациях для Сербии и о конференции — в Бухлау не было достигнуто ясной договорённости, но несомненно, что Извольский выдвигал эти требования как предпосылки своего согласия на аннексию Боснии и Герцеговины.

Из Бухлау Извольский отправился в круговую поездку по Европе, чтобы получить и от других держав такое же согласие на изменение режима проливов, какого он только что добился от Эренталья. 26 сентября Извольский встретился в Берхтесгадене с Шёном, статс-секретарём германского ведомства иностранных дел. Извольский заявил Шёну, что хотя Россия очень хотела бы открыть проливы для своих военных кораблей, но сейчас момент неподходящий для того, чтобы немедленно же поднимать вопросы, поставленные в Бухлау. Так, например, провозглашение независимости Болгарии может вызвать турецко-болгарскую войну. В случае, если Болгария будет разбита, России придётся её защищать, а между тем она не расположена втягиваться в войну. С другой стороны, Россия не может допустить и захвата Константинополя болгарами или греками в случае поражения Турции. Шён в мало обязывающих выражениях дал понять русскому министру, что Германия не будет возражать против открытия проливов, но в свою очередь потребует за это компенсаций².

Из Берхтесгадена Извольский отправился в Дезио. Там он встретился с итальянским министром иностранных дел Титтони. Извольский заявил ему, что согласие России на аннексию Боснии и Герцеговины обусловлено одновременным разрешением вопроса о проливах и компенсацией Сербии и Черногории. Проект аннексии Боснии привёл Титтони в ярость. Что же касается русских планов в отношении проливов, то к ним Титтони отнёсся по существу положительно: он лишь поставил условием, что Россия в свою очередь даст своё согласие на захват Триполи Италией. Некоторое время спустя Титтони заявил в Парламенте, что в Дезио была достиг-

¹ «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik», B. I, № 79, S. 86 ff.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXVI, Teil 1, № 8935, S. 40—41.

нута полная согласованность русской и итальянской точек зрения. Так составился заговор империалистических держав против младотурецкой Турции в целях её частичного раздела. С гениальной проницательностью, по отрывочным данным, проникавшим в прессу, В. И. Ленин разоблачил на страницах партийной печати «состоявшееся уже предварительно соглашение в коренном, т. е. в выступлении против младотурецкой революции, в дальнейших шагах к разделу Турции, в нересмотре под тем или иным соусом вопроса о Дарданеллах»¹. Таким образом, не имея в ту пору почти никаких документов, Ленин вскрыл основы соглашения, состоявшегося при свиданиях Извольского с Эренталем, Шёном и Титтони.

Из Дезио Извольский направился во Францию. Подъезжая к Парижу, он на одной из станций вышел из вагона и купил свежие газеты. Из них он с изумлением узнал, что Австро-Венгрия не сегодня-завтра объявит об аннексии Боснии и Герцеговины. И действительно, 6 октября был обнародован рескрипт императора Франца-Иосифа на имя Эренталья о присоединении Боснии и Герцеговины к австро-венгерской монархии. Очевидно, Эренталь решил поставить Извольского и весь мир перед совершившимся фактом. Извольский понял, что Эренталь его обошёл. Правда, он обещал России свободный проход через проливы; это было дороже, чем превращение бессрочной оккупации двух турецких провинций в их аннексию. Однако Извольскому нужно было ещё много похлопотать для получения своей доли австро-русской сделки; между тем Эренталь уже держал в руках австрийскую часть добычи.

В Париже Извольского ожидали новые неприятности. Правда, французский министр иностранных дел Пишон на словах сочувственно отнёсся к русским планам. Однако он не выказал ни малейшего желания активно помочь их осуществлению. Что было особенно важно, он тут же подчеркнул необходимость согласия Англии. Извольский двинулся в Лондон.

Но там он встретил решительный отказ. Грей заявил, что не исключает возможности пересмотра статута проливов; однако момент для обсуждения этого вопроса ещё не наступил. Грей ссылаясь на английское общественное мнение. Оно-де недовольно русской политикой в Персии. В действительности позиция Грея объяснялась проще. Младотурецкая революция сулила усиление английского влияния в Константинополе. Английская дипломатия рассчитывала, что теперь она легче сможет оторвать Турцию от Германии. При таких условиях в Лондоне полагали, что поднимать вопрос о проливах несвоевременно. Да и вообще английская дипломатия не собиралась даром дать России своё согласие на изменение правового

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 360.

режима проливов. Грей сказал, что англичане охотно пошли бы на открытие проливов для всех держав, т. е. чтобы и Англия могла вводить свой флот в Чёрное море.

После свидания с Греем Извольский потерял надежду добиться своей цели в отношении проливов. Но он решил в таком случае либо заставить и Австро-Венгрию отказаться от своей добычи, т. е. от аннексии Боснии и Герцеговины, либо же добиться компенсаций для Сербии. В этом он встретил горячую поддержку со стороны Грея. Руководитель английской дипломатии полностью разделял возмущение Извольского по поводу политических приёмов Эрентала. Грей тотчас уведомил венское правительство, что «нарушение или изменение условий Берлинского трактата без предварительного согласования с другими державами, из которых Турция в данном случае затронута больше всех, никогда не может быть ни одобрено, ни признано правительством его величества»¹. Король Эдуард VII ещё яснее выразил своё мнение. Он заявил австро-венгерскому послу, что аннексия наносит удар новому турецкому режиму. Это, конечно, весьма приятно немцам: ведь захватом Боснии австрийцы как бы показывают Турции, что пока султан дружил с ними и с немцами, он был застрахован от таких вероломных актов насилия, как односторонняя отмена международного договора².

Когда Извольский изложил Грею план созыва конференции участников Берлинского трактата для принятия решения по поводу самочинных действий Австро-Венгрии, английский министр живо подхватил эту мысль. С помощью конференции он, во-первых, мог ущемить союзника Германии. Во-вторых, он оказывал услугу России, чем надеялся смягчить неприятное впечатление, созданное в Петербурге его позицией по вопросу о проливах. Наконец, в-третьих, он надеялся привлечь на свою сторону Турцию, по меньшей мере добыв ей какие-либо компенсации за отнятые провинции. Поэтому Грей горячо поддержал проект международной конференции.

В борьбе с Эренталем Извольский мог опереться и на Сербию. Там поднялась волна национального протеста против захвата Австрией населённых сербами областей. Извольский ободрял сербов, обещая им помочь добиться компенсаций; однако тут же он предупреждал, что сейчас необходимо избежать войны, ибо Россия ещё не оправилась от понесённого ею поражения. В Турции возмущение против Австрии было не меньше, чем в Сербии. Турки начали бойкот австрийских товаров.

Извольский не отрицал, что дал Эренталу согласие на аннексию. Но он утверждал, что обусловил этот акт предвари-

¹ Grey, Twenty five years, v. I, p. 176. Письмо Грея Гошену от 5 октября 1908 г.

² «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik», B. I, № 192.

тельным созывом международной конференции. Поскольку аннексия Боснии и Герцеговины нарушает Берлинский трактат, постольку, заявлял Извольский, согласия одной России недостаточно; необходимо добиться того же от всех держав, участвовавших в Берлинском конгрессе. Извольский уже выработал и программу конференции. Любопытно, что о статуте проливов он там даже не упомянул.

Франция в вопросе о конференции пошла за Англией и Россией. Италия также поддерживала Антанту, не желая допустить усиления Австро-Венгрии.

Выяснилось, что Эренталь обманул не одного только Извольского. Титтони тоже стал жертвой недобросовестности австрийского министра. Извещая Титтони об аннексии обеих турецких провинций, Эренталь сослался на переговоры, которые он незадолго перед тем вёл с Титтони в Зальцбурге. В своём ответе Титтони резко и решительно опроверг утверждение Эренталя, будто в Зальцбурге он дал австрийскому министру согласие Италии на аннексию. «При наших переговорах в Зальцбурге, — писал Титтони, — вы мне сказали, что с вашей точки зрения проблема Боснии и Герцеговины должна быть разрешена между Австро-Венгрией и Турцией, не нося международного характера. Но вы не сообщили мне о вашем намерении осуществить аннексию. Я не считал её ни вероятной, ни близкой и поэтому не высказывался на этот счёт»¹.

Австро-Венгрия официально заявила, что отказывается передать вопрос об аннексии на международное обсуждение. Австрийское правительство поясняло, что могло бы пойти на созыв конференции лишь при том условии, если бы все её участники заранее обязались не возражать против совершённого им акта. Германия безоговорочно поддерживала Австрию. 8 декабря Бюлов объявил это публично. Он известил австро-венгерское правительство, что в случае осложнений оно может твёрдо рассчитывать на помощь Германии. В инструкциях, 28 октября 1908 г. преподанных Бюловым германскому послу в Петербурге, указывалось, что неудачи русской политики являются следствием поворота России в сторону Англии². Эта инструкция свидетельствует о том, что Германия преследовала ту же цель, которую с самого начала имел в виду и Эренталь: оторвать Россию от Антанты, дав ей почувствовать, какие тяжёлые удары может ей нанести Германия. То было повторением приёмов германской дипломатии в отношении Франции в дни марокканского кризиса. Пурталес достаточно откровенно высказал Извольскому, что антирусская

¹ «Oesterreich-Ungaras Aussenpolitik», B. I, № 132, S. 130.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXVI, Teil 1, № 9074.

позиция Германии является последствием присоединения России к Антанте. Россия, выбирая между Германией и Антантой, склонилась на сторону последней. Это её дело. Но пусть не удивляется, если Германия сделала из этого свои выводы. Вильгельм II на донесении Пурталеса об этой беседе сделал пометку: «Наконец-то Извольский услышал правду»¹.

На антиавстрийское движение, поднявшееся в Сербии, Австро-Венгрия ответила военными приготовлениями. Это произошло в декабре 1908 г. Одно время можно было опасаться, что Австрия нападёт на Сербию. Конрад фон Гётцендорф с большой откровенностью рассказал о том, как протекали события.

«4 и 17 января 1909 г., — повествует он, — у меня были совещания с бароном Эренталем.

На первом совещании барон Эренталь присоединился к моему мнению, что конфликт с Сербией должен быть решён силой оружия. Ведь через каких-нибудь 2—4 года Россия и Италия будут в состоянии прийти сербам на помощь. Тогда мы можем оказаться вовлечёнными в войну с Россией, с Италией и на Балканах одновременно. Этого во что бы то ни стало надо избегать.

Однако на совещании 17 января Эренталь совершенно изменил своё мнение, заявив, что присоединение Сербии неосуществимо, так как мы не в состоянии переварить Сербию; он сказал, что задачей его политики является только всестороннее обеспечение аннексии Боснии и Герцеговины.

Он добавил, что дальнейшее могут сделать его преемники. Барон Эренталь не принял при этом во внимание, что не может быть и речи об обеспечении аннексии до тех пор, пока Сербия продолжает существовать в качестве второго Пьемонта. У меня не было никаких сомнений в том, что он изменил своё мнение под влиянием венгерских кругов. Последние противились присоединению к монархии новых южнославянских областей, из страха, что это создаст опасный противовес мадьярскому элементу. Такая точка зрения постоянно и упорно отстаивалась с венгерской стороны и в последующие годы, в особенности графом Тиссой»².

В угоду венграм Эренталь выдвинул план раздела Сербии между Австрией, Болгарией и Румынией.

К этому времени в Турции произошли новые перемены. Камиль-паша был устранён от власти. 26 февраля 1909 г. австрийской дипломатии с германской помощью удалось добиться крупного успеха. Состоялось соглашение с турецким прави-

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXVI, Teil 1, № 9085, S. 239.

² *Conrad von Hötzen*, Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, В. I, S. 138.

тельством. За 2,5 миллиона фунтов стерлингов Турция отказалась от своего номинального суверенитета над Боснией и Герцеговиной. За это Австро-Венгрия в свою очередь отказывалась от оккупации Ново-Базарского санджака, право на которую было ей предоставлено Берлинским конгрессом. Австрия давала также своё согласие на повышение турецких пошлин и на отмену режима капитуляций. Однако обе последние уступки приобретали силу лишь после того, как все остальные заинтересованные державы изъявят на это своё согласие. А до этого было ещё далеко.

Между тем возбуждение в Сербии и в России всё возрастало. Военные мероприятия Австрии и протесты Сербии сопровождались ожесточённой австро-русской полемикой в прессе и в дипломатической переписке. Положение настолько обострилось, что 17 марта в Петербурге в Совете министров поставлен был на обсуждение вопрос о возможности войны. Министры и на этот раз пришли к выводу, что Россия не готова и воевать не может. Однако именно ввиду неподготовленности России в Австро-Венгрии усиливалось течение в пользу превентивной войны против Сербии. В своих мемуарах Конрад фон Гетцендорф достаточно откровенно, без дипломатических околичностей обосновывал необходимость войны. «Корнем всех зол для Австро-Венгерской монархии, — писал начальник генерального штаба, — были её отношения с Сербией и стоящей позади Сербии Россией... Всё остальное имело второстепенное значение. Путь, который я себе всегда представлял, заключался прежде всего в достижении мирными средствами длительного государственного объединения Сербии с Габсбургской монархией. Если бы Сербия, однако, отклонила объединение и продолжала бы питать свои, враждебные монархии, замыслы, что и имело место, то тогда выходом должно было бы явиться военное разрешение вопроса в соответствующий момент. Я указывал на это уже в 1906 г., при моём назначении начальником генерального штаба; в 1908—1909 гг. я считал момент подходящим для внесения ясности во взаимоотношения с Сербией, имея в виду, что с течением времени шансы неизбежного расчёта с ней будут (для Австрии) лишь ухудшаться»¹.

Германия подстрекала Австрию, поддерживая партию эрцгерцога и Конрада фон Гетцендорфа. В январе—марте 1909 г. состоялся обмен письмами между начальниками германского и австрийского генеральных штабов Мольтке (младшим) и Конрадом фон Гетцендорфом. В этих письмах австро-германский договор 1879 г. получил новое истолкование, в своё время решительно отвергнутое Бисмарком. Мольтке с ведома и согласия канцлера

¹ *Conrad von Hötendorf, Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, B. III, S. 11.*

Бюлова значительно расширил германские обязательства. Он обещал Австро-Венгрии, что Германия будет считать за *casus foederis* даже и такой австро-русский конфликт, который будет вызван не прямым нападением России на Австрию, а хотя бы вмешательством России в австро-сербские осложнения¹. Вот что Мольтке писал 21 января:

«Необходимо иметь в виду, что может наступить такой момент, когда придёт конец долготерпению монархии (Австро-Венгерской. — *Ред.*) по отношению к сербским провокациям. Тогда ей не останется иного выхода, кроме вторжения в Сербию. Я полагаю, что лишь такое вторжение может вызвать активное выступление России. В этом случае для Германии наступит *casus foederis*»².

В том же письме Мольтке предвидит почти неизбежное вмешательство Франции в войну Германии и Австрии против России. В переписке Мольтке с Конрадом фон Гётцендорфом намечался общий стратегический план войны против Франции, России и Сербии с учётом различных вариантов возможного поведения Италии. По существу этот обмен письмами между начальниками генеральных штабов был равносильен военной конвенции. Оба кайзера — Вильгельм и Франц-Иосиф, оба министра — Эренталь и Бюлов — одобрили все условия, изложенные в письмах начальников генеральных штабов.

20 февраля Эренталь известил Бюлова, что мобилизация и выступление против Сербии намечены на середину марта. Сербии будут предъявлены требования: отказаться от притязаний на компенсации, от протеста против аннексии и дать заверения, что она не питает агрессивных замыслов против Австро-Венгрии. Если Сербия не удовлетворит этих требований, Австрия вручит ей ультиматум, а в случае его отклонения последует война. Эренталь указывал, что огромное значение будет иметь воздействие из Берлина на Петербург³.

Поддерживая Австро-Венгрию, Бюлов думал не только об укреплении союза с ней. Он рассчитывал, что Россия не устоит перед его угрозами, уступит и тем самым продемонстрирует свою слабость. Германское правительство надеялось таким путём ослабить влияние России на Балканах и в Турции. Итак, боснийский вопрос перерастал в борьбу великих держав за преобладание на Ближнем Востоке.

21 марта 1909 г. Бюлов поручил своему послу в Петербурге графу Пурталесу потребовать от Извольского ясного ответа: готова ли Россия безоговорочно согласиться на отмену пара-

¹ *Conrad von Hötendorf, Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, B. I, S. 379—393, 631 ff.*

² *Ibid.*, B. I, S. 380 ff.

³ «*Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik*», B. I, № 1022, S. 854 ff.

графа 25 Берлинского трактата, признать аннексию Боснии и Герцеговины и добиться того же от Сербии, или же намерена упорствовать и дальше. «Вы должны, — писал Бюлов послу, — в твёрдой форме заявить Извольскому, что мы ожидаем точного ответа — да или нет». Уклончивый или неясный ответ будет рассматриваться как отказ. В случае же такового, угрожающе добавлял Бюлов, Германия «устранится», т. е., иначе говоря, предоставит Австро-Венгрии напасть на Сербию. «Ответственность за все дальнейшие события, — заключал Бюлов, — падёт тогда исключительно на г. Извольского». Если Извольский будет продолжать настаивать на созыве конференции, то Германия сочтёт это за попытку затянуть ответ, равносильную отклонению германского «предложения»¹.

22 марта Пурталес предъявил эти требования Извольскому. Форма их напоминала ультиматум. В тот же день, 22 марта, Австро-Венгрия объявила «состояние тревоги» для 7-го и 13-го корпусов.

Извольский ответил Пурталесу, что раньше, чем дать столь серьёзный ответ, он обязан доложить царю. Министр ясно видел, что перед ним поставили альтернативу: или уступка, или австрийское вторжение в Сербию. В тот же день после доклада Извольского Николай II телеграфировал кайзеру, что Россия принимает германские требования.

Так царское правительство капитулировало перед германским шантажем. 29 марта в Австро-Венгрии была объявлена частичная мобилизация пяти корпусов. 31 марта 1909 г. сдала свои позиции и Сербия. Она сочла себя вынужденной заявить, что аннексия Боснии и Герцеговины не нарушает её прав. Германская дипломатия торжествовала.

Однако её победа была в значительной мере лишь кажущейся. Несмотря на то, что временная слабость России была продемонстрирована перед балканскими пародами, русское влияние в Сербии подорвано не было. Это понятно: Сербии нигде было искать поддержки, кроме как у России и её союзницы Франции. Ещё важнее было другое. Грубое вмешательство Бюлова в пользу Австро-Венгрии до крайности обострило отношения между Германией и Россией. Разумеется, это было отнюдь не безопасно для победительницы.

Русская дипломатия не замедлила взять свой реванш. В октябре 1909 г. в Италии, в Раккониджи, состоялось свидание Николая II с итальянским королём Виктором-Эммануилом III. Здесь Извольский и Титтони оформили ту сделку, основы которой были намечены ещё в Дезио. Россия и Италия дого-

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXVI, № 9460, S. 694—695.

ворились совместно противодействовать австрийской экспансии на Балканах. На дипломатическом языке это было выражено следующим образом:

«1. Россия и Италия должны стремиться в первую очередь сохранить *status quo* на Балканском полуострове.

2. При всех случайностях, могущих возникнуть на Балканах, они должны придерживаться применения национального принципа, содействуя развитию балканских государств в целях устранения всякого иностранного преобладания.

3. Обе стороны обязуются сообща противодействовать всем противоположным стремлениям»¹.

Далее, Италия обязывалась «относиться благожелательно к интересам России в вопросе о проливах». Со своей стороны царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике». Соглашение в Ракошидзи осталось секретным. Оно было симптомом дальнейшего отхода Италии от Тройственного союза.

В 1908 г. произошло новое обострение марокканского вопроса. Франция использовала Алхесирасский акт, чтобы постепенно прибрать Марокко к рукам. В предложениях недостатка не было. Брат марокканского султана Мулай-Гафид поднял мятеж и захватил марокканский престол. При происшедших беспорядках был убит один французский подданный. Это событие явилось поводом для оккупации французскими войсками смежных с Алжиром областей Марокко. Несколько позже, в августе 1908 г., французы оккупировали порт Касабланку с прилегающей территорией.

Видя, что Франция понемногу захватывает Марокко, дипломатия Бюлова не оставалась в бездействии. 25 сентября 1908 г. в Касабланке произошёл крупный инцидент. Местный германский консул устроил побег 6 дезертиров из французского иностранного легиона. В момент, когда беглецы селись на готовый к отплытию пароход, они были схвачены французами; произошла свалка, в которой пострадал секретарь германского консульства. Германская дипломатия предъявила французскому правительству требование освободить трёх германских подданных, которые при этом были задержаны французскими оккупационными властями. Она потребовала, далее, извинения за насилие, якобы учинённое над персоналом консульства. Французское правительство решительно отвергло эти дерзкие домогательства. Казалось, что конфликт между Германией и Францией неизбежен. Но момент оказался неподходящим. Боснийский кризис был в разгаре; Австро-Венгрия

¹ «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М. 1922, стр. 290.

боялась толкнуть западные державы на активную поддержку России. Под нажимом Австро-Венгрии немецкая дипломатия вынуждена была пойти на уступки. В ноябре Германия согласилась на передачу касабланкского дела в Гаагский трибунал. Спустя некоторое время трибунал вынес решение, в основном благоприятное для Франции.

Вскоре после касабланкского инцидента между Францией и Германией начались переговоры по марокканскому вопросу. 9 февраля 1909 г. сторонами было достигнуто соглашение. Франция обещала обеспечить германским подданным равенство прав в отношении коммерческой и промышленной деятельности в Марокко. В обмен за это Германия заявила, что преследует в Марокко «только экономические интересы»; за Францией она признала там «особые политические интересы, тесно связанные с укреплением порядка и внутреннего мира». После заключения этого соглашения в Марокко временно установилось сотрудничество германских фирм с представителями французского капитала.

Потсдамское
свидание

В 1910 г. Извольский в результате понесённых им неудач покинул министерский пост и был назначен послом в Париж. Его заменил Сазонов, родственник Столыпина и его доверенное лицо.

Сазонов начал свою деятельность с попытки улучшить отношения с Германией, дабы выиграть время для восстановления сил русской армии и флота. Серьёзные конфликты с Англией в Персии, равно как и недостаточность англо-французской поддержки в вопросе о проливах влекли Россию к сближению с немцами.

В Германии тоже произошла смена политического руководства. В 1909 г., вскоре после ликвидации боснийского кризиса, Бюлов ушёл в отставку. На его место был назначен Бетман-Гольвег. Трудно было сделать менее удачный выбор. Положение Германии было не из лёгких. Своей вызывающей политикой она задевала и Россию и Англию. Этим она поставила себя в изолированное положение, если не считать союза с Австро-Венгрией. В такой обстановке стране нужен был гибкий дипломат, способный подготовить более благоприятные условия для предстоящей борьбы за передел мира. Вместо этого во главе правительства был поставлен посредственный бюрократ. Новый канцлер был усердным и знающим чиновником. Но он был человеком среднего ума. Отличительными его чертами были педантизм и отсутствие эластичности. Бетман был лишён политического чутья и при этом чрезвычайно нерешителен. Он вечно колебался. «Сегодня папа менял своё решение всего лишь три раза», — иронически заметил однажды его сын.

За спиной Бетмана внешней политикой Германии руководил статс-секретарь иностранного ведомства Кидерлен-Вех-

тер. Он являлся прямой противоположностью своему шефу. Если Бетман был нерешителен и робок, то Кидерлен не останавливался перед самыми дерзкими приёмами внешней политики. Бетман был педантом и формалистом, Кидерлен никогда не смущался перед юридическими затруднениями. Обладая известной гибкостью, Кидерлен, однако, был чересчур груб, заносчив и неосторожен, чтобы стать крупным дипломатом. Нового канцлера он презирал; он прозвал Бетман-Гольвега «земляным червём» — в отличие от Бюлова, которого за изворотливость величал «вьюном».

В ноябре 1910 г. Николай II в сопровождении Сазонова прибыл в Германию. В Потсдаме состоялись переговоры между новыми руководителями внешней политики обеих стран. Кидерлен сделал очередную попытку оторвать Россию от Антанты. Он заверял Сазонова, что Германия отнюдь не намеревается поддерживать дальнейшие агрессивные замыслы Австрии на Балканском полуострове. Багдадскую дорогу Кидерлен изображал как чисто коммерческое предприятие; наконец, он обещал не чинить России препон и в северной Персии, куда в последние годы усиленно начал проникать немецкий капитал. Сазонов со своей стороны обещал не препятствовать немцам в сооружении ветки Багдадской железной дороги к Хацекену, находящемуся на турецко-персидской границе. Бетман составил проект русско-германского договора. Кроме соглашения по перечисленным персидским и турецким вопросам канцлер предлагал включить в договор взаимное обязательство России и Германии не принимать участия в каких-либо враждебных друг другу политических группировках. Ясно, что принятие такого обязательства означало бы отход России от Антанты.

Сазонов не решился подписать Потсдамское соглашение. Он взял проект с собой в Россию. Вернувшись в Петербург, министр прибег к замысловатому дипломатическому приёму: он дал интервью представителю газеты «Новое время», связанной с министерством иностранных дел. В этом интервью Сазонов постарался свести к минимуму свои уступки Германии, очевидно, с расчётом укрепить своё собственное положение в России, а также попытаться кое-что добавочно выторговать у немцев. Сазонов объяснял германскому послу Пурталесу, что без некоторого преуменьшения русских уступок он не может отстаивать соглашение перед русским общественным мнением. В самом деле, сообщения о проектируемом соглашении с Германией вызвали целую бурю в московских торгово-промышленных кругах: там опасались, что по новой железной дороге в Персию устремится поток немецких товаров, которые вытеснят русские фабrikаты с прибыльного персидского рынка. Были у Сазонова и другие опасения. Он не решался поставить свою подпись под соглашением, которое заключало

фактический отказ от Антанты. Вот почему он намеренно затягивал переговоры, давая Пурталесу уклончивые ответы.

Внезапно Бетман выступил в Рейхстаге с заявлением, что в Потсдаме Россия и Германия обещали не принимать участия во враждебных друг другу комбинациях. Этим провокационным выступлением германский канцлер лишь повредил своему делу. Его заявление встревожило и Лондон и Париж. Вновь назначенный в Петербург британский посол сэр Джордж Бьюкенен при вручении верительных грамот выразил царю тревогу по поводу потсдамских переговоров. По своему обыкновению Николай II поспешил заверить посла, что Россия не заключит соглашения с Германией, не ознакомив с ним предварительно британского правительства.

Было ясно, что общеполитического договора с Германией Сазонов не подпишет. Убедившись в этом, немцы решили удовольствоваться соглашением относительно Персии и Багдадской дороги. Английская дипломатия попыталась было сорвать эти переговоры. Ей ревностно помогал царский посол в Лондоне граф Бенкендорф. На русскую политику он всегда смотрел глазами Форейн офис. И в данном случае он пугал Сазонова, уверяя, что Грей порвёт договор Антанты, если русское правительство пойдёт на сепаратное соглашение о немецком железнодорожном строительстве в Турции.

Сазонов не поддался паническим внушениям Бенкендорфа. Он продолжал переговоры с Бетманом о русско-германском соглашении по турецким и персидским вопросам. 19 августа 1914 г. оно было подписано.

Согласно статье 1-й Германия обязывалась не добиваться концессий в Персии в пределах русской сферы влияния. За это Россия обещала не препятствовать постройке Багдадской железной дороги (статья 3), но согласия на повышшие турецких таможенных пошлин в договоре не содержалось. Русское правительство заявляло, что как только немцами будет закончена постройка ветки от Садидже на Багдадской дороге до Ханекена на турецко-персидской границе, оно тотчас же испрастит у персов концессию на постройку продолжения этой линии от Ханекена до Тегерана (статья 2). Русская дипломатия упорно добивалась, чтобы сама Германия обязалась не строить железных дорог к северу от Багдадской дороги и от линии Садидже — Ханекен, т. е., иначе говоря, вблизи русской границы. Но пока ей пришлось удовольствоваться лишь устным обещанием на этот счёт германского кайзера и его правительства. Соглашение было выгодно для Германии, поскольку Россия отказывалась от противодействия сооружению Багдадской дороги и открывала путь для германского экспорта в Персию по линии Садидже — Ханекен — Тегеран. Всё же главной цели Кидерлен не достиг: оторвать Россию от Антанты ему так и не удалось.

Агадир Окончание русско-германских переговоров совпало с новым, уже третьим по счёту, обострением марокканской проблемы.

Весной 1911 г. вспыхнуло восстание в окрестностях столицы Марокко — Фецца. Воспользовавшись этим, французы под предлогом восстановления порядка и защиты французских подданных в мае 1911 г. оккупировали Фецц. Стало ясно, что Марокко переходит под власть Франции.

Среди германских империалистов зрело убеждение, что вся марокканская политика Германии, начиная с Танжера, была ошибочной. Наиболее крайние империалистические круги уже начинали открыто нападать на своё правительство. Правительство Вильгельма II оказалось весьма чувствительным к этой критике. Оно решило попытаться поправить дело: получить от французов часть Марокко или в крайнем случае взять за переход Марокко к Франции хорошую плату, которую ещё в 1905 г. предлагал немцам Рувье. Тогда Бюлов отказался от такой сделки, рассчитывая, что достигнет большего. Теперь в Берлине сохватались и весьма об этом сожалели.

Французы ещё в апреле предупреждали германское правительство, что для защиты европейцев они, возможно, временно введут свои войска в Фецц. Кидерлен не протестовал; он только ядовито заметил, что не сомневается в лояльности Франции, но что «события часто бывают сильнее, чем это представляется». Они иногда приводят к последствиям, которых люди не предвидят. Кидерлен добавил, что если французские войска останутся в столице, о независимости марокканского султана, конечно, говорить уже не придётся. Следовательно, и Алжирский трактат фактически утратит силу. Тогда и Германия не будет считать себя больше связанной трактатом и возвратит себе свободу действий¹.

Вслед за тем Кидерлен предложил кайзеру оккупировать марокканские гавани Агадир и Могадор; заручившись этим приобретением, можно будет спокойно выжидать, что предложат французы. «Оккупация Фецца, — писал Кидерлен, — подготовила бы поглощение Марокко Францией. Мы ничего не достигли бы протестами и потерпели бы благодаря этому тяжкое моральное поражение. Поэтому нам следовало бы обеспечить себе для предстоящих переговоров такой объект, который склонил бы французов к компенсациям. Если французы водворятся в Фецце из «опасения» за своих соотечественников, то и мы вправе охранять наших соотечественников, которым угрожает опасность. У нас имеются крупные немецкие фирмы в Могадоре и Агадире. Немецкие корабли могли бы направиться в эти гавани для охраны

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXIX, № 10545, S. 97—98.

этих фирм. Они могли бы совершенно спокойно оставаться там лишь для предотвращения предварительного проникновения других держав в эти важнейшие гавани южного Марокко». «Обладая таким залогом, мы могли бы спокойно следить за дальнейшим ходом событий в Марокко и ждать, не предложит ли нам Франция подходящих компенсаций в своих колониях, в обмен за что мы покинем обе эти гавани»¹.

Вильгельм II принял этот план.

Первые недели после захвата Феца берлинское правительство хранило загадочное молчание. Зато немецкая пресса бесновалась: она требовала то самых широких компенсаций в других колониях, то прямого раздела Марокко. Поведение Германии не могло не волновать Парижа. Французская дипломатия, как и в 1905 г., стала осторожно сама заговаривать с Германией о компенсациях, например о постройке железной дороги из Германского Камеруна к реке Конго. Особенно добивался франко-германского соглашения министр финансов Кайо, вскоре ставший председателем Совета министров. Через неофициального агента, директора пароходной компании в Конго Фондере, заинтересованного в сотрудничестве с немецким капиталом, Кайо предлагал немцам часть территории Французского Конго. Чтобы продемонстрировать свою «незаинтересованность» в этих комбинациях, Кидерлен 15 мая уехал в месячный отпуск на курорт. Во время этого «отпуска» он разрабатывал план оккупации Агадира. Французский посол в Берлине Жюль Камбон, желая выяснить позицию Германии, решил отправиться к Кидерлену в Киссинген. Беседа с министром состоялась 21 июня. Камбон искал соглашения, говорил о компенсациях, но не скрыл от Кидерлена, что о прочном утверждении немцев в Марокко не может быть и речи. Кидерлен отмалчивался, давая понять, что ждёт конкретных предложений. «Привезите нам что-нибудь из Парижа», — сказал он, расставаясь с Камбоном, который собирался поехать во Францию².

Не дожидаясь возвращения Камбона, Кидерлен решил по настоящему припугнуть французов. 1 июля 1911 г. в Агадир прибыла германская канонерская лодка «Пантера». Следом за ней в марокканские воды шёл лёгкий крейсер «Берлин». «Прыжок „Пантеры“» взволновал весь мир. То была дерзкая провокация, которая уже пахла порохом.

9 июля напуганный Камбон снова явился к Кидерлену. Посол только что прибыл из Парижа. В донесении об этой встрече Кидерлен отметил, что у Камбона был встревоженный вид. Поздоровавшись, оба сели. Воцарилось молчание. Его прервал Камбон:

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXIX, № 10549, S. 104—108. Меморандум Кидерлена от 3 мая 1911 г.

² «Livre Jaune», VI, Affaires du Maroc, p. 372.

«— Ну, как? — спросил посол.

— Что нового? — как ни в чём не бывало осведомился Кидерлен.

— Вы имеете мне что-либо сказать? — повторил Камбон свой вопрос.

— Нет, мой дорогой посол, — продолжал издеваться Кидерлен.

— Я тоже, — вспылил Камбон».

Вновь последовало тягостное молчание.

Так как Кидерлен не произносил ни слова, Камбон опять заговорил первым. Он заявил, что появление в Агадире «Пантеры» его крайне изумило. Кидерлен развязно ответил, что если французы охраняют своих подданных в Феце, то и немцы могут это делать в Агадире. Вообще же он советует лучше не сетовать на прошлое, а говорить о будущем. Камбон предложил продолжить разговор о компенсациях. Он назвал несколько возможных объектов: вопросы железнодорожного строительства в Турции, расширение немецкого участия в управлении Оттоманского долга и т. д. Кидерлен пренебрежительно отклонял все эти «мелочи».

Разговор затянулся. Оба дипломата порой умолкали: ни один из них не хотел первым выступить с окончательным предложением. Наконец, в качестве возможного объекта компенсации было названо Французское Конго. Кидерлен дал понять, что об этом стоит поговорить. Но дальше этого разговор не пошёл. Осталось неясным, чего именно хочет Германия в Конго и какую долю готова предложить ей там Франция. Всё же Камбон понял, что на самое Марокко Германия не претендует и готова предоставить там Франции *carte blanche*, по буквальному заявлению Кидерлена¹. Ко времени своей беседы с Камбоном Кидерлен уже знал, что Англия не допустит водворения Германии по соседству с Гибралтаром. Вероятно это обстоятельство и повлияло на его позицию. 15 июля Кидерлен, наконец, заявил Камбону, что Германия должна получить всё Французское Конго целиком. По сообщению Кидерлена Бетману, Камбон от ужаса и изумления «едва не упал навзничь»². Французское правительство полагало, что от немецких вымогателей можно отделаться, бросив им какие-нибудь клочки своей колониальной добычи. Овладев собой, Камбон заявил, что отдать всё Конго Франция не может. После этого Кидерлен сообщил Бетману, что «для достижения благоприятного результата, очевидно, придётся выступить весьма энергично»³.

В этот момент на арене дипломатической борьбы появилась

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXIX, № 10598, S. 173 ff.

² Ibid., № 10607, S. 185.

³ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXIX, № 10607, S. 184—186.

Англия. Ещё в начале июля Грей предупредил германского посла, что Англия не допустит утверждения Германии на западном побережье Марокко. 21 июля по поручению кабинета канцлер казначейства Ллойд Джордж публично выступил по марокканскому вопросу. Он заявил, что Англия не позволит решать этот вопрос без её участия. «Я готов, — продолжал Ллойд Джордж, — на величайшие жертвы, чтобы сохранить мир... Но если нам будет навязана ситуация, при которой мир может быть сохранён только путём отказа от той значительной и благотворной роли, которую Великобритания завоевала себе столетиями героизма и успехов; если Великобританию в вопросах, затрагивающих её жизненные интересы, будут третировать так, точно она больше не имеет никакого значения в семье народов, тогда — я подчёркиваю это — мир, купленный такой ценой, явился бы унижением, невыносимым для такой великой страны, как наша»¹. Эти слова оказали желаемое действие. Речь Ллойда Джорджа вызвала вопли ярости в немецкой шовинистической печати. Но она наугала германское правительство. Бетман сообщил англичанам, что Германия вовсе и не претендует на западное побережье Марокко. С французами он повёл переговоры о компенсациях более скромного масштаба. После долгой торговли, в ноябре 1911 г., было, наконец, подписано франко-германское соглашение. Германия безоговорочно признавала Марокко находящимся под протекторатом Франции; в обмен она получала лишь часть Французского Конго. Вместо большой и ценной колонии Германии пришлось удовольствоваться некоторым пространством тропических топей. Получилось, что немецкие империалисты подняли шум на весь мир, и только для того, чтобы в конце концов, испугавшись, удовольствоваться «клочком болот», по пренебрежительному выражению французского премьера Кайо.

Пожалуй, ни один международный кризис предшествовавших лет не вызывал такой волны шовинизма во всех странах, как агадирский инцидент. В Германии и пресса, и правительство, и кайзер пылали ненавистью к Англии. В Рейхстаге сообщение канцлера о договоре с Францией было встречено гробовым молчанием. Германские империалисты обвиняли своё правительство в трусости и неспособности отстаивать интересы Германии. В той же атмосфере шовинизма выдвинулась во Франции кандидатура Пуанкаре, ставшего в начале 1912 г. премьером, а затем и президентом республики. Главной целью нового президента была подготовка войны против Германии ради возвращения Эльзаса и Лотарингии. Такое же действие оказал агадирский кризис и на Англию, где усилилась антигерманская агитация. Одним из важнейших

¹ *Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1911, S. 354—355.*

последствий Агадира была целая серия мероприятий по усилению вооружений, проведенных всеми великими державами с начала 1912 г. по лето 1914 г. Впереди всех в этой гонке вооружений шла Германская империя.

Итало-турецкая война

С 1911 г. военная опасность грозной тучей непрерывно висит над Европой. Не успевает разрешиться один кризис, как уже возникает другой.

Действительно, едва миновал напряжённейший момент марокканского конфликта, как Италия начала захватническую войну против Турции. Итальянский империализм давно стремился наложить руку на Триполи. Эта пустынная область имеет серьёзное стратегическое значение: вместе с Сицилией она командует над сравнительно узким местом Средиземного моря. Правда, значение Триполи для Италии уმაлялось английским владычеством над Мальтой и французским — над Тунисом. Тем не менее итальянские империалисты рассматривали Триполи как исходный плацдарм для дальнейшей экспансии. Римский банк, связанный с Ватиканом, также имел в Триполи серьёзные интересы. Война за эту область и была вызвана ближайшим образом «корыстью итальянских финансовых тузов»¹.

Ещё в 1900 г. Италия заручилась согласием Франции на захват Триполи и Киренаики. Широкий подкуп французской прессы немало способствовал обеспечению благожелательной позиции Франции. В 1909 г. в Раккониджи Италия добила того же и от России. Итальянские империалисты рассчитывали, что Германия и Австро-Венгрия также не станут им противодействовать и предадут интересы покровительствуемой ими Турции. Истинные отношения Германии к Турции хорошо вскрыл русский поверенный в делах в Константинополе Свечин: «Когда в боснийском конфликте Германия оказалась в необходимости высказаться недвусмысленно (так в подлиннике. — *Ред.*) между Турцией и Австро-Венгрией, она не могла не стать на сторону последней. Если бы ход событий поставил её перед необходимостью такого же выбора между Италией и Турцией, едва ли может быть сомнение в том, что перевес окажется на стороне Италии»².

Итальянская дипломатия выжидала момента, когда её предположения превратятся в полную уверенность в нейтралитете других держав. Такой момент наступил при вспышке агадирского кризиса. Германия, Франция и Англия поглощены были взаимной распрей. Ясно было, что в эту минуту им не до Триполи и что Италия может действовать.

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 201.

² «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. 1, № 410.

28 сентября итальянское правительство почти без предисловий направило Порте ультиматум. То был один из поразительнейших по цинизму документов. Он начинался с заявления, что Турция держит Триполи и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты. Далее шли жалобы на противодействие турецких властей итальянским предприятиям в Триполи. Вывод был ошеломляющий: «Итальянское правительство, вынужденное позаботиться об охране своего достоинства и своих интересов, решило приступить к военной оккупации Триполи и Киренайки». Но последнего предела наглости итальянская дипломатия достигла в заключительных строках ультиматума: в них Турции предлагалось не более и не менее как самой способствовать захвату своей территории, приняв меры к тому, чтобы «предупредить всякое противодействие» итальянским войскам!

Как ни низко пало в это время турецкое правительство, но принять такое требование не смогло и оно. Началась война.

Итальянские войска без труда справились с незначительными турецкими гарнизонами. Но затем им пришлось вести нелёгкую войну против местного арабского населения. Война затягивалась. Турция не соглашалась на мир; арабы продолжали сопротивление. Италия оккупировала острова Додеканез, бомбардировала с моря Бейрут и другие турецкие порты, но крупного ущерба нанести Турции не смогла. В апреле 1912 г. итальянский флот подверг бомбардировке устье Дарданелл. Однако предпринять более серьёзные действия в проливах Италия не решалась.

«Демарш
Чарыкова»

Царская дипломатия решила воспользоваться итало-турецкой войной, чтобы ещё раз сделать попытку добиться открытия проливов для русского военного флота. В октябре 1911 г. русский посол в Константинополе Чарыков получил предписание начать переговоры с Портой. 12 октября Чарыков вручил великому визирю Саид-паше проект русско-турецкого соглашения. Русское правительство выражало готовность отказаться от противодействия железнодорожному строительству в значительной части запретной зоны, установленной русско-турецким соглашением 1900 г. Это представляло собой уступку не только Турции. В железнодорожном строительстве в северной Анатолии были заинтересованы французские капиталисты. Россия надеялась этой уступкой купить согласие Франции на самое важное условие задуманного договора. Условие это гласило:

«Русское императорское правительство обязуется, кроме того, оказывать оттоманскому правительству действительную поддержку для сохранения существующего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя вышеупомянутую поддержку равным образом и на прилегающие территории,

в случае если последние подвергались бы угрозе со стороны иностранных вооружённых сил.

С целью облегчить выполнение вышеупомянутого ограничительного условия оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Применение такого истолкования конвенции, заключённой в Лондоне 13 марта 1871 г., находится в зависимости от предварительного согласия других держав, подписавших вышеупомянутую конвенцию».

Русское правительство соглашалось, далее, приступить к переговорам об отмене капитуляций, ограничивавших национальную независимость турецкого народа, и принять меры к установлению «прочных добрососедских отношений между Оттоманской империей и балканскими государствами на основе *status quo*». Эти последние условия, бесспорно, представляли для Турции большую ценность.

Однако великий визирь уклонился от ответа и принялся тянуть переговоры. Демарш Чарыкова вызвал беспокойство в Париже. Правда, французское правительство ответило согласием на русский проект. Но, по своему обычаю, оно тут же сослалось на необходимость урегулировать вопрос с Лондоном. В Лондоне же менее всего были расположены даром предоставлять России проход через проливы. Однако Грей по примеру французов любезно сообщил, что приветствует сближение России с Турцией. Не возражает он и против открытия проливов, но только не для одной России. Он придерживается того заявления, которое сделано им было осенью 1908 г. Принятие предложения Грея лишь ухудшило бы для России существующий режим проливов. Все попытки Иавольского добиться от французского правительства письменного обязательства поддержать Россию в вопросе о проливах оказались тщетными.

Турецкое правительство, находившееся под влиянием Германии, отнеслось к русскому предложению отрицательно. Оно обратилось к германскому послу барону Маршаллю; тот посоветовал своему правительству немедленно выступить против России. Однако в Берлине рассудили иначе. Там рассчитывали, что русские планы сорвёт Англия. Немцы не ошиблись. Грей действительно сообщил турецкому послу, что считает русское предложение неприемлемым. Таким образом, царское правительство наткнулось на неодолимые дипломатические препятствия. На открытую борьбу оно не решалось. Сазонов не нашёл другого выхода, как дезавуировать выступление Чарыкова. В интервью сотруднику «*Matin*», известному французскому журналисту Стефану Лозанну, он заявил, что по вопросу о проливах «Россия ни о чём не просит, не начинала

никаких переговоров, не предпринимает никаких дипломатических шагов»¹. Был пущен слух, будто Чарыков вышел за пределы данных ему инструкций. Вскоре после этого, в марте 1912 г., Чарыков был отозван со своего константинопольского поста.

Миссия
Холдена

Хотя германский империализм и угрожал морскому первенству Англии, хотя он и посягал на её интересы на Ближнем и Среднем

Востоке, тем не менее в Англии имелись сторонники сближения с Германией. Наибольшее влияние эти прогерманские элементы имели в либеральной партии, именно в её пацифистском крыле. Они были представлены и в кабинете Асквита. «В течение семи лет, — писал Грей 5 марта 1913 г., — некоторые пангерманцы обрабатывают наших прогерманцев. Пангерманцы — шовинисты, наши прогерманцы — пацифисты, но тем не менее они весьма подвержены влиянию первых». В числе пангерманцев Грей называл профессора Шимана. Этот балтийский немец известен был не только крайностями своего шовинизма, не только необузданностью захватнических вождений, но и своей зоологической ненавистью к России. Спекуляция на англо-русских противоречиях, особенно из-за Персии, играла в этой обработке английских прогерманцев немаловажную роль.

Грей утверждал (не совсем точно), будто этим пронемецким влияниям никогда не удавалось воздействовать на внешнюю политику британского правительства. «Но, — тут же добавлял он, — это не является основанием для того, чтобы мы сами любезно доставляли им пищу для их интриг»². Очевидно, считаясь с влиянием прогерманских элементов в кабинете, во главе которых находился лорд Морлей, Грей старался создавать впечатление, что не упускает ни единого случая «примирить» англо-германские противоречия. «Я всегда ощущал, — говорит он в своих мемуарах, — что прогерманский элемент страны был вправе требовать, чтобы наша внешняя политика до известного крайнего предела была направлена на дружбу с Германией. Этот предел оказался бы превзойдённым лишь в том случае, если бы нам предложили нечто такое, что привязало бы нас к Германии и нарушило бы согласие с Францией... Было важно, чтобы эта политика поддерживалась именно теми, кто придавал величайшую ценность Антанте. Это было единственным средством сохранить в кабинете и в либеральной партии единство, необходимое для поддержания англо-французской Антанты». Грей добавляет, что именно поэтому он и не отверг предложения о поездке в Берлин одного из английских министров. Идея эта возникла в начале 1912 г.

¹ «Международные отношения», т. XIX, стр. 173, прим. 2.

² Grey, Twenty five years, v. I, p. 256. Письмо Гошену от 5 марта 1913 г.

Стало известно, что германское правительство имеет в виду новое увеличение судостроительной программы. Действительно, в Берлине было решено в течение 1912 г. внести в Рейхстаг закон о постройке трёх дополнительных дредноутов в период с 1912 по 1917 г.

Английское правительство готовилось ответить на это усилением собственных морских вооружений. Но оно считало тактически целесообразным предварительно произвести пацифистский маневр: ему важно было продемонстрировать, что ответственность за рост вооружений ложится на Германию.

Переговоры начались через частных лиц — двух влиятельных крупных капиталистов. Одним был директор Гамбургско-Американской компании Баллин, поборник сближения с Англией, другим — банкир Эрнст Кассель, личный друг короля Эдуарда VII. При посредстве Баллина Кассель имел свидание с Бетман-Гольвегом.

Договорились о желательности приезда в Берлин Эдуарда Грея. Однако Грей ехать в Берлин отказался. Он лично не верил в возможность примирения с Германией и боялся, что поездка министра иностранных дел уж слишком напугает Париж. Кабинет решил вместо Грея послать в Берлин военного министра Холдена. Перед его отъездом Грей известил французское правительство о задуманных переговорах. Он заверил, что не подпишет с немцами никакого документа, который связал бы ему руки, и добавил, что поездка Холдена имеет чисто информационный характер.

8 февраля 1912 г. утром Холден прибыл в Берлин. В тот же день он встретился с Бетман-Гольвегом. Беседа коснулась прежде всего политического соглашения о нейтралитете. Это всего больше интересовало Бетмана, желавшего оторвать Англию от России и Франции. Бетман предложил следующую формулу: каждая держава обязуется соблюдать нейтралитет, если другая «окажется вовлечённой в войну». Согласие Англии на такого рода договор означало бы её прямой отказ от Антанты. Холден отклонил проект Бетмана, заявив, что Англия не может допустить разгрома Франции. Он выдвинул иную формулу: каждая из двух держав обязуется не участвовать в непровоцированном нападении на другую. Бетман выразил сомнение в эффективности формулы Холдена. «Он ответил, — пишет Холден, — что очень трудно определить, что надо понимать под агрессией или непровоцированным нападением. Я возразил, что нельзя определить количество зёрен, составляющих кучу, но всякий, кто видит кучу, знает, что это такое». Бетман кончил заявлением, что он ещё «подумает» над проблемой такого соглашения. После этого собеседники перешли к вопросу о флоте. Холден высказал мнение, что соглашение о нейтралитете осталось бы мёртвой буквой, если бы продолжалось сопер-

ничество в области морских вооружений. Бетман возразил, что Германия не может отказаться от нового морского закона. Тогда Холден поставил вопрос, нельзя ли хоть отложить срок закладки предусмотренных германским планом кораблей. На соответствующий намёк Бетмана Холден добавил, что в случае успешного разрешения обоих затронутых вопросов будет открыт путь для частичного удовлетворения колониальных требований Германии. При этом он дал понять, что можно будет вернуться к вопросу о разделе португальских колоний, а также обеспечить Германии и кое-какую другую добычу. Было упомянуто и о соглашении относительно строительства Багдадской дороги, финансирование которого попрежнему тормозилось Англией. Взамен Англия должна была бы получить контроль над последним участком дороги от Багдада до Персидского залива.

На другой день утром Холден встретился с кайзером и адмиралом Тирпицем. Разговор вращался вокруг морского вопроса. Тирпиц занимал непримиримую позицию. После долгой и бесплодной дискуссии Вильгельм предложил следующий выход: нужно сначала заключить договор о нейтралитете и соглашение по колониальным вопросам. В обмен за это его правительство отсрочит на один год выполнение нового морского закона, т. е. дополнительные линкоры будут закладываться не в 1912, 1914 и 1916 гг., а в 1913, 1915 и 1917 гг. Холден признал эту уступку совершенно недостаточной. После встречи с кайзером Холден снова беседовал с Бетманом. Холден заявил канцлеру, что вряд ли британский кабинет что-либо даст Германии в обмен за столь ничтожные уступки. Бетман-Гольвег имел подавленный вид. Но Тирпиц был явно доволен неудачей переговоров¹.

Холден и большинство английского кабинета тоже не были огорчены. Жест был сделан, и данные для демонстрации английского пацифизма были налицо. Кроме того, Холден привёз из Берлина ценную информацию о новом германском морском законе и вообще о германском флоте.

Вскоре Грей официально сообщил германскому послу, что соглашение о нейтралитете невозможно, раз продолжается соревнование в морских вооружениях. Бетман попытался добиться от Вильгельма и Тирпица более значительных уступок англичанам, но потерпел неудачу. После того как вопреки обычаю кайзер лично протелеграфировал послу в Лондоне весьма жёсткие инструкции, Бетман даже подал было в отставку, но по настоянию Вильгельма сейчас же взял её обратно. Всё же поездка Холдена не осталась безрезультатной: она послужила началом

¹ «British Documents», т. VI, № 506. Записки Холдена от 8 и 9 февраля 1912 г.; «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», B. XXXI, S. 112 ff.

англо-германских переговоров по ряду колониальных вопросов и сдвинула с мёртвой точки переговоры о Багдадской железной дороге. Эти результаты, как и самый факт приезда Холдена, создавали в Берлине впечатление, что германская агрессия вовсе не обязательно должна встретить такое решительное противодействие Англии, как в дни «прыжка „Пантеры“».

Упрочение англо-
французской
Антанты

Грей сообщил Камбону о результатах миссии Холдена и об отказе Англии подписать с Германией соглашение о нейтралитете. Но, по видимому, окончательно успокаивать французов английская дипломатия не хотела. Некоторая неуверенность французского правительства в позиции Англии представлялась Грею отнюдь не излишней. Она должна была побудить Францию ещё больше заботиться о поддержании дружественных отношений с Англией. Впрочем, некоторые английские дипломаты не сочувствовали этой игре. Пуанкаре рассказывает в своих мемуарах следующий своеобразный эпизод. После того как он выразил в Лондоне удовлетворение по поводу того, что Англия отказалась гарантировать Германии свой нейтралитет, к нему 27 марта 1912 г. явился английский посол лорд Берти. Посол предупредил, что будет говорить в качестве частного лица; он просил «забыть на мгновение, что он посол». После этого Берти заявил президенту, что не совсем понимает, почему Пуанкаре успокоился. Правда, Англия отказала Германии в благожелательном нейтралитете, о котором просил Бетман. Но этот ответ, по мнению Берти, не следует рассматривать как отказ в нейтралитете в собственном смысле этого слова. Берти посоветовал президенту добиваться от Лондона более определённых заверений¹.

В марте 1912 г. в английский Парламент был внесён билль, предусматривавший закладку двух кораблей против каждого вкладываемого в Германию. В мае была намечена переброска большей части базировавшегося на Гибралтар «атлантического флота» в отечественные воды. Это означало новый этап в сосредоточении военно-морских сил Великобритании в Северном море. Новая дислокация флота влекла за собой необходимость передать важнейшие коммуникационные линии Британской империи в Средиземном море под охрану французского флота. При этом приходилось позаботиться о том, чтобы совокупная морская мощь держав Антанты в Средиземном море не уменьшилась вследствие ухода английских кораблей. Для этого в августе английский кабинет решил приступить к переговорам между английским и французским адмиралтействами. Французов убеждали перевести в Средиземное море свою атлантическую эскадру, которая базировалась на Брест. Однако французское правительство не считало возможным обнажить побережье Ламанша

¹ Poincaré, Au service de la France, v. I, p. 170—171.

и Атлантики до получения от Англии гарантий, что в случае войны Франция может быть уверена в её военной помощи.

Серьёзность этих военных соображений не подлежала сомнению. Но помимо них французская дипломатия руководилась желанием использовать потребность Англии во французском флоте, чтобы превратить Антанту в действительный союзный договор. Именно таковы были планы Пуанкаре, который вскоре после избрания его президентом республики стал подлинным руководителем французской внешней политики. Его роль во французской дипломатии оказалась несравненно значительнее той, которую предоставляла президенту прежняя французская государственная практика.

Руководящие чиновники Форейн офис Никольсон и Кроу также считали необходимым заключить с Францией союзный договор. Но Грей на это не пошёл. Он знал, что это вызовет кризис кабинета Асквита: в кабинете имелась сильная прогерманская группировка. Грей предпочёл своеобразную дипломатическую форму. Он обменялся письмами с французским послом в Лондоне Камбоном. Текст письма Грея, датированного 22 ноября 1912 г., гласил:

«Дорогой посол. За последние годы французские и британские морские и военные эксперты совещались время от времени. Всегда предполагалось, что такие совещания не ограничивают свободы каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может принудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые ещё не наступили и, возможно, никогда не наступят. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне. Вы, однако, отметили, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьёзные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооружённую помощь другого.

Я согласен, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьёзные основания ожидать невызванного нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

Примите и пр. Э. Грей».

Характерно, что своё письмо Грей пометил: «Частно».

Ответ Камбона от 23 ноября подтверждал все положения, выдвинутые в письме английского министра.

Смысл обоих писем заключался в том, что Англия и Франция, подготавливаясь к войне с Германией, будут планировать все свои военные мероприятия в расчёте на совместное проведение этой борьбы. Но вопрос о том, будет ли эта борьба на самом деле совместной, оставался открытым; он предоставлялся свободному решению обоих правительств. Конечно, на деле письмо Грея в значительной мере превращало свободу этого решения в фикцию. Военная необходимость в решающую минуту, очевидно, должна была перевесить дипломатические оговорки английского министерства.

В духе писем Камбона — Грея между морскими штабами была заключена англо-французская военно-морская конвенция. Согласно ей, Англия брала на себя охрану Атлантического побережья Франции, французский флот — защиту английских интересов в Средиземном море.

Любопытно, что Парламент ничего не знал об этом акте. Кабинет в целом точно так же не был о нём осведомлён. Знали о конвенции лишь отдельные министры: Грей, Черчилль, Асквит, Холден.

В отношении военно-морской подготовки англичане делали всё, что требовалось для большой войны. Но на суше мероприятия Англии оставались мизерными: для перевозки на континент на помощь Франции готовилось всего 4—6 дивизий.

Чтобы оценить эту цифру, стоит только вспомнить, что в августе 1914 г. немцы развернули на Западе около 80 дивизий.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ
(1912—1913 гг.)

Балканский
блок

Итало-турецкая война ускорила наступление ещё одного, давно назревавшего кризиса. Она побудила балканские государства договариваться между собой о союзе против Турции и начать против неё войну.

Русская дипломатия весьма деятельно способствовала образованию балканского блока. Но при этом она рассматривала его как орудие не столько против Турции, сколько против Австрии и Германии. Иначе говоря, создание балканского блока было в её глазах этапом подготовки к надвигающейся мировой войне. Посол в Константинополе Чарыков предполагал даже пригласить Турцию войти в состав этого блока и гарантировать ей добрососедские отношения со стороны балканских государств. Таким образом, он рассчитывал парализовать австро-германское влияние на всём Ближнем Востоке и заострить намечавшийся блок против Австрии и Германии. План этот встречался с рядом препятствий. Турция была слишком закабалена Германией, чтобы согласиться на подобную комбинацию. Болгария, выпрывая многое от союза против Турции, ничего не могла бы получить от союза с её участием. В конце концов в Петербурге победила другая точка зрения: её сторонники высказывались за образование такого блока, который представлял бы собой объединение одних христианских государств Балканского полуострова. Главным поборником такого плана был посланник в Сербии Гартвиг.

Из числа балканских государств Сербия была больше всего заинтересована в подготовке к борьбе с Австрией. Её интересы, таким образом, целиком совпадали с интересами покровительницы балканских славян — России. Но ни Болгарию, ни Грецию нельзя было склонить к союзу, направленному только против Австрии. Их национальные чаяния могли осуществиться лишь после победы над Турцией.

Основная трудность в деле создания балканского союза заключалась в том, как достигнуть соглашения о разделе Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией.

Будущий делёж турецкого наследства сулил и другие осложнения. В частности они должны были возникнуть из-за судеб Албании.

Сербия, захватив Албанию, получила бы выход к морю. Именно поэтому Австро-Венгрия и не допускала передачи Албании сербам. Против сербских притязаний Австро-Венгрия выступала вместе с Италией. Но интересы двух союзниц были противоположны. Стремясь к господству на Адриатике, Австрия и Италия оспаривали друг у друга преобладающее влияние в Албании.

Переговоры о создании балканского блока начались по инициативе Сербии. В апреле 1911 г. сербский премьер Милованович предложил болгарскому посланнику Тошеву заключить соглашение о «полюбовном разделе сфер влияния в Македонии». Это соглашение, по мысли Миловановича, могло послужить основой для совместного военного выступления против Турции. «Возможно наступление такого момента, — говорил он, — когда мы вынуждены будем ускорить события»¹. Болгарское правительство первоначально отнеслось к сербскому предложению отрицательно. Однако переговоры возобновились в связи с итало-турецкой войной. Предполагая, что она может создать благоприятную обстановку для выступления против Турции, болгарский кабинет на этот раз сам решил обратиться к Сербии с предложением начать переговоры. Русское министерство иностранных дел одобрило идею сербо-болгарского соглашения.

В рядах русской дипломатии Гартвиг был едва ли не самым активным поборником сербо-болгарского сближения. Идея Гартвига имела больше шансов на осуществление, нежели план Чарыкова: Сербия, Болгария и Греция стремились к разделу Турции, а вовсе не к её сохранению. В частности русская дипломатия стремилась прекратить лавирование царя Фердинанда между Австрией и Россией, которое стало правдом со времени восстановления русско-болгарских отношений, т. е. с 1896 г. Но русское правительство высказалось за сербо-болгарское сближение лишь с оговоркой: оно заявило, что «самовольное выступление» славянских держав не встретит сочувствия России. Несвоевременно затеянный конфликт может вызвать вмешательство Австро-Венгрии² и преждевременно развязать европейскую войну.

Образование балканского блока представляло для России большой интерес; однако оно таило в себе и немалый риск.

¹ «Международные отношения», т. XVIII, ч. 1, стр. 4, примечание.

² Там же, ч. 2, № 526.

В чём именно, — это ещё весной 1911 г. изложил в своём донесении секретарь русской миссии в Софии Урусов. «Непризнанная теперь благоприятной политической конъюнктура, — писал он, — может быть признана таковой балканскими деятелями через некоторое время»¹. Если Сербия и Болгария договорятся друг с другом, они смогут начать против Турции войну, чреватую возможностью вмешательства Германии и Австро-Венгрии, раньше чем Россия закончит восстановление и реорганизацию своих вооружённых сил. «Прекрасно понимая, — продолжал Урусов, — что Россия на Ближнем Востоке имеет неистребимые великодержавные, исторические интересы, здешние политики учитывают то обстоятельство, что Россия от славянской политики никогда не сможет отказаться и не откажется и от защиты и поддержки своих славянских аванпостов на Балканах. Таким образом, Россия неизбежно будет вовлечена в войну, начатую помимо её желания славянскими державами»².

Однако выгоды балканского блока представлялись царской дипломатии настолько неоспоримыми, что перевешивали все опасения, связанные с его созданием. Ведь австрийская военная партия могла приступить к захвату западных Балкан и не дожидаясь завершения русских военных приготовлений. Посланник в Софии Неклюдов писал, что сербо-болгарское соглашение, «сплотив воедино до полумиллиона штыков и притом великолепного войска», «поставит несомненно серьёзную преграду всяким замыслам оккупации или захвата с северо-западной стороны полуострова», т. е. со стороны Австро-Венгрии³.

Во время осенних переговоров 1911 г. царь болгарский Фердинанд находился в своём венгерском поместье. Для окончательных решений к нему выехал премьер-министр Гешов. Обратный путь Гешов совершал через Белград. Здесь к нему в вагон для личных переговоров должен был явиться Милованович. Когда Милованович поджидал болгарского коллегу, он был изумлён сообщением, что Гешов уже проехал через Белград. Но оказалось, что то была дипломатическая хитрость Гешова. Чтобы сохранить абсолютную тайну, он сначала отправил в Софию какого-то болгарина под своим именем. Через день под строжайшим инкогнито на станцию Белград прибыл сам Гешов. Милованович вошёл в его вагон и проводил болгарского министра на протяжении нескольких перегонов. Гешов сообщил, что Фердинанд одобрил соглашение с Сербией. После этого оба министра занялись размежеванием сербских и болгарских интересов в Македонии. Болгария требовала всю Македонию. Сербия настаивала на её разделе. Сговориться было

¹ «Международные отношения», т. XVIII, ч. 1, № 6.

² Там же.

³ Там же, ч. 2, № 598, стр. 140.

нелегко. Гешов описал в своих мемуарах эти дипломатические переговоры в поезде. «Не будем проводить никакой разграничительной линии теперь, — сказал ему Милованович. — Таким образом вы не подвергнетесь в Болгарии упрекам в том, что согласились на предварительный раздел Македонии. Когда наступит момент и когда... вы получите львиную часть, никто не возразит против того, что маленькую часть Македонии русский император, под чьим покровительством и возвышенным чувством справедливости совершится это великое дело, отдаст Сербии. О да! Если бы одновременно с ликвидацией Турции могло наступить и распадение Австро-Венгрии, разрешение очень упростилось бы: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию, и мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией»¹.

Пока, однако, приходилось довольствоваться разделом территорий Османской империи. Гешов и Милованович приблизительно определили тезоны, которые бесспорно должны были отойти к Болгарии и Сербии. Судьба спорной зоны, по мысли Миловановича, должна была решиться после будущей войны с Турцией; вопрос предоставлялся третейскому решению России.

Во второй половине ноября 1911 г. сербский король и Милованович побывали в Париже; там они почерпнули уверенность, что и французское правительство горячо одобряет план блока балканских государств.

Выдвинутая Миловановичем идея спорной зоны и русского арбитража сначала не встретила одобрения в Софии. Там полагали, что Россия обязательно выскажется в пользу Сербии. Начались переговоры о непосредственном размежевании спорной зоны. В течение всего конца 1911 г. и в начале 1912 г. между сербами и болгарами велся ожесточённый торг. Главная трудность заключалась в решении судеб Ускюба (Скоплие), Велеса и Струги. Сербии этот район был нужен для прикрытия с юга будущего выхода к Адриатике и линии Дунайско-Адриатической железной дороги. Для Болгарии на Ускюб и Велес шли единственные удобные пути в долину Вардара, к центру её будущих македонских владений. Спорили из-за каждой деревни, особенно в окрестностях Ускюба и Струги. Русская дипломатия и военный агент в Софии полковник Романовский усердно мирили сербов с болгарами. Впрочем, оба русских посланника, Неклюдов и Гартвиг, сами перессорились друг с другом: они обменивались раздражёнными письмами и телеграммами, минуя своё начальство. Министерство в Петербурге не знало, как разрешить спор между своими агентами: оно требовало от болгар принятия сербского проекта разграничения,

¹ Гешов, Балканский союз. Воспоминания и документы, Петроград 1915, стр. 17.

то навязывало сербам болгарские предложения. Гартвиг в ответ телеграфировал, что с обладанием Стругой связаны «жизненные интересы» Сербии и что уступить её болгарам никак невозможно. Кончилось тем, что болгары всё-таки согласились на установление «спорной воны», судьбы которой подлежали арбитражу России.

13 марта 1912 г. был, наконец, подписан следующий сербо-болгарский союзный договор.

Статья 1: «Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целостность их территории, обязуясь... прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких держав».

Статья 2: «Обе договаривающиеся стороны обязуются точно так же прийти на помощь друг другу всеми своими силами в случае, если какая бы то ни было великая держава сделает попытку присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, если одна из договаривающихся сторон найдёт подобный акт противным своим жизненным интересам и сочтёт его за *casus belli*».

Одна из последующих статей предусматривала заключение военной конвенции.

Обе, изложенные статьи обеспечивали Сербии болгарскую помощь в случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, либо в случае покушений австрийцев на Ново-Базарский санджак или другие турецкие области. Казалось, Болгария входила в фарватер общеславянской политики. Казалось, она повёртывала фронт против злейшего врага славянской свободы — германо-австрийского блока. Так оно и было. Но только не надолго.

Договор сопровождался особым секретным приложением, которое вносило в него ряд существенных дополнений.

Статья 1 этого приложения гласила:

«В случае, если в Турции наступят внутренние неурядицы, которые могли бы угрожать государственным и национальным интересам обеих договаривающихся сторон или одной из них, а равно и в том случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, могущих наступить для Турции, *status quo* на Балканском полуострове будет поколеблен, та из договаривающихся сторон, которая первая убедится в необходимости военных действий, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, обязанной в свою очередь немедленно вступить в обмен мыслей и, в случае несогласия со своей союзницей, дать последней обстоятельный ответ.

Если соглашение о действиях состоится, то о сём будет сообщено России, и, в случае отсутствия препятствий со стороны последней, союзники приступят к действиям согласно

состоявшемуся уговору, руководствуясь во всем чувствами солидарности и соблюдая обоюдные интересы. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, вопрос будет представлен на усмотрение России, мнение которой, каковым бы оно ни было, явится обязательным для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не пожелает высказать своего мнения и если и после того соглашение между договаривающимися сторонами не будет достигнуто, то, в случае самостоятельного начала военных действий против Турции стороною, высказавшеюся за вооружённое вмешательство, другая сторона должна соблюдать по отношению к своей союзнице дружественный нейтралитет, немедленно приступить к мобилизации в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и помочь всеми своими силами союзнице, если бы какая-либо третья держава стала на сторону Турции».

Суть этой пространной статьи была довольно проста. Она заключалась в том, что Сербия и Болгария в удобный для себя момент готовы напасть на Турцию. С точки зрения России, эта статья была наиболее опасной: она таила в себе риск ненужной для России и преждевременной войны. Однако обойтись без указанной статьи было невозможно: именно она и была той платой, за которую Болгария переходила в общеславянский лагерь и склонялась на сторону Антанты. Некоторую страховку против преждевременного выступления участников договора представляло их обязательство — перед тем как начинать войну, предварительно запросить согласие Петербурга. Однако нетрудно понять, что при наличии в Сербии и Болгарии национального подъёма отказать им в разрешении начать войну было бы для Петербурга политически немыслимо. Отказ был бы сопряжён с риском потерять свой престиж в обеих славянских странах.

Статья 2 приложения содержала условия того раздела будущей добычи, над которым так долго и упорно трудились сербские, болгарские и русские дипломаты.

«Вся территория, приобретённая совместными действиями согласно статьям 1 и 2 договора, равно и статье 1 сего секретного приложения, поступит в общее управление обеих союзников; ликвидация кондоминиума состоится не позже трёхмесячного срока со дня заключения мира на следующих основаниях:

Сербия признает права Болгарии на территории на восток от Родопа и реки Струмы, а Болгария — права Сербии на территории к северу и западу от Шар-Планины.

Что же касается территории, лежащей между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и Охридским озером, то, буде обе стороны удостоверятся в невозможности образования из неё... отдельной автономной области, с этой территорией будет поступ-

лено на основании следующих постановлений: Сербия обязуется ничего не требовать за линией... которая начинается от турецко-болгарской границы у Голем-Верха (севернее Кривой-Паланки) и следует в юго-западном направлении... до Охридского озера у монастыря Губовцы. Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, к которому будет обращена просьба быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу означенной линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу в означенных пределах ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон».

Статья 4 устанавливала, что «всякий спор, который мог бы возникнуть по поводу толкования и исполнения какой-либо статьи сего договора, секретного приложения и военной конвенции, представляется на окончательное решение России».

О подписании сербо-болгарского договора были извещены французское и английское правительства, которые тотчас же выразили своё полное одобрение¹. Договор открыл Болгарии путь к парижской бирже: французское правительство одобрило предоставление займа Болгарии.

12 мая 1912 г. мартовский союзный договор был дополнен подписанием сербо-болгарской военной конвенции. В случае войны против Турции или Австрии Сербия должна была выставить 150, а Болгария 200 тысяч человек. При этом было детально определено, сколько войск и в какие сроки выставляет каждая сторона в случае войны с Турцией, сколько — в случае войны с Австрией и т. д.

Оценку болгаро-сербского союза дал Урусов в донесении Министерству иностранных дел. «Заря болгаро-сербского соглашения не есть заря мира, — писал он. — Соглашение это рождено войной и рождено для войны». Урусов указывал, что Болгария не станет ждать, пока договор понадобится для бесполезной ей защиты Сербии от Австрии. Она постарается использовать его скорее, форсируя войну против Турции².

Одновременно с сербо-болгарскими переговорами происходили и переговоры греко-болгарские, но уже без активного участия русской дипломатии³. В мае 1912 г. Греция предложила Болгарии следующий проект союзного договора. Обе стороны обязывались оказать друг другу военную помощь при нападении Турции на одну из них, а также и в случае нарушения Турцией их прав, вытекающих из международных договоров или

¹ «Международные отношения», т. XIX, ч. 2, № 708, 748, 752, 767.

² Там же, № 777, стр. 423.

³ «Международные отношения», т. XX, № 100, стр. 88.

даже вообще «из международного права». Это звучало достаточно неопределённо: можно сказать, что договор допускал ничем не ограниченный выбор предлога для войны. Проект был сообщён болгарам русскому правительству. Царская дипломатия попыталась несколько ослабить агрессивность греческого проекта и воздействовать в этом духе на болгар¹. Это оказалось безуспешным: 29 мая греко-болгарский договор был подписан².

Первая
балканская
война

Русская дипломатия, создавая балканский блок, ковала орудие для надвигавшейся мировой войны. Но она переоценила своё влияние. Орудие вышло из повиновения у мастера. Балканский блок начал действовать раньше, чем завершилась военная и дипломатическая подготовка России, необходимая для того, чтобы она могла использовать его в своих интересах. Если Россия отнюдь не торопилась с войной, то балканские правительства действовали иначе. Осенью они вызвали острый конфликт с Турцией. Русское правительство пыталось ускорить заключение итало-турецкого мира: он мог бы обеспечить свободу проливов для русской торговли и охладить военный пыл балканских союзников. Не хотела войны и Австро-Венгрия — главный соперник России в балканских странах. Но усилия России, поддерживаемые Францией, оказались тщетными; безуспешными остались и старания Австрии. Утром 9 октября 1912 г. Черногория открыла боевые действия. 17 октября Сербия и Болгария, а 18 октября — Греция также объявили войну Турции и приступили к военным действиям.

Турецкая армия потерпела быстрое и сокрушительное поражение. Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия двигалась прямо на турецкую столицу. Турции не оставалось ничего другого, как запросить мира. 3 ноября 1912 г. турецкое правительство обратилось к державам, прося их принять на себя мирное посредничество.

Обращение Порты нашло благоприятную почву. Две державы, наиболее заинтересованные в балканских делах, с нетерпением ожидали прекращения войны. То были два главных соперника — Россия и Австрия.

Царское правительство было встревожено. Оно боялось, как бы падение турецкого владычества над Константинополем не дало повода другим великим державам ввести в проливы свои военно-морские силы. Появление болгар в турецкой столице легко могло завершиться международным вмешательством. Да и могла ли доверять Россия Кобургской династии и лично

¹ «Международные отношения», т. XX, ч. 1, № 1 (с примечанием).

² Гешев, Балканский союз, стр. 96.

царю Фердинанду? Из Петербурга в Софию направлялись настоятельные советы приостановить продвижение войск и вообще соблюдать умеренность. Совершенно неожиданно, в последнюю минуту, вопрос разрешился иначе: на чаталджинских позициях турецкие войска сумели задержать наступление болгар.

Австро-Венгрия не в меньшей мере была обеспокоена появлением сербов на берегах Адриатики. В ноябре Австро-Венгрия провела мобилизацию значительной части своей армии и сосредоточила крупные силы на сербской границе. Германия поддерживала Австро-Венгрию: подстрекая её на вооружённое выступление, она обещала ей свою помощь. Вильгельм II заявил Францу-Фердинанду, что отступать в сербском вопросе нельзя. Он дал понять, что, если понадобится, он не побоится развязать войну европейского масштаба. Очевидно, в Берлине пришли к выводу, что наступает подходящий момент для решительной борьбы за передел мира. 22 ноября Франц-Фердинанд и генерал Шемуа, который в 1911 г. заменил Конрада на посту начальника генерального штаба, прибыли в Берлин. Там они вели переговоры с кайзером, Мольтке и Бетманом. Все трое заверили гостей в неизменной союзнической верности. Мольтке подробно изложил Шемуа свои стратегические планы на случай европейской войны.

Русское правительство поддерживало сербские притязания. Однако, не чувствуя себя подготовленным, оно стремилось избежать войны. Сазонов настойчиво советовал белградскому правительству уступить и не доводить дела до вооружённого столкновения.

В отличие от России и от своей собственной недавней позиции французское правительство, руководимое Пуанкаре, осенью 1912 г. проявляло воинственное настроение. Ещё в августе Пуанкаре был в Петербурге. Он предупредил своего русского союзника, что из-за чисто балканских дел Франция не может начать войну. Но вместе с тем он заверил, что если в войну вмешается Германия, то Франция полностью выполнит все свои союзнические обязательства. Всё же Пуанкаре содействовал России в её попытках предотвратить балканскую войну. Но после того, как на деле выявились высокие боевые качества болгарской и сербской армий, Пуанкаре склонился к более агрессивной политике. Он уже был крайне недоволен той уступчивостью, которую проявляла царская дипломатия. Французы довольно бесцеремонно нажимали на своего русского союзника. Характерный разговор произошёл в критические дни австрийской мобилизации между военным министром Мильераном и русским военным агентом полковником Игнатьевым:

«Мильеран. Какая же, по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?»

Игнатьев. Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран. Следовательно, вам придётся предоставить Сербии своей участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине: мы готовы, и необходимо учесть это. А не можете вы по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев. Славянский вопрос остаётся близким нашему сердцу, но история научила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлечённых идей.

Мильеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всём Балканском полуострове».

«Но вы всё-таки кое-что да делаете по военной части?» — таким саркастическим вопросом закончил Мильеран свою нотацию¹.

Чтобы принудить Россию форсировать свои вооружения, французская дипломатия использовала и финансовый нажим. Предоставление очередного займа России (выпуск его последовал в 1913 г.) было обусловлено рядом обязательств, относившихся к улучшению русской подготовки к войне. Речь шла о сооружении нескольких стратегических железных дорог и о значительном увеличении численного состава русской армии.

Что касается Англии, то сначала её дипломатия заняла в австро-сербском конфликте уклончивую позицию: ей явно хотелось сохранить за собой роль арбитра между своими союзниками и австро-германским блоком. К тому же открытое выступление в пользу балканского блока против Турции было в этот момент несудобно для Англии по соображениям колониальной политики: это лишило бы англо-индийское правительство поддержки влиятельных мусульманских элементов Индии.

Мир был спасён благодаря неподготовленности и уступчивости России. Под воздействием русской дипломатии Сербия капитулировала и отказалась от выхода к Адриатическому морю. Было, однако, неясно, удовольствуются ли Австрия и Германия тем, что не допустили Сербию к морю. Не исключённой казалась возможность, что австрийская военная партия

¹ *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне. Планы войны, М. 1926, стр. 179—180.

с благословения Берлина начнёт войну в целях полной ликвидации сербского государства.

Русское правительство выступило с предложением разрешить спорные вопросы путём совместного их обсуждения представителями всех великих держав.

Английское правительство поддержало эту инициативу. Иначе повела себя Германия. Она ответила, что её точка зрения находится в зависимости от позиции, которую займёт Австро-Венгрия. Последняя же медлила изъявить своё согласие.

2 декабря 1912 г. германский канцлер публично заявил, что в случае «нападения» на Австрию Германия выполнит свои союзнические обязательства. «При той нервности, — комментировал эту речь французский посол в Вене, — до которой доведено общественное мнение в Австро-Венгерской монархии, всякая манифестация, каковы бы ни были намерения её виновника, усиливает беспокойство; такое впечатление производит теперь в Вене и речь германского канцлера. Многие усматривают провокацию по адресу тройственной Антанты в том, что для г. Бетман-Гольвега, может быть, является лишь демонстрацией мощи Германской империи и выражением желания, чтобы её престиж господствовал над ходом событий... Многим австрийцам, — продолжал посол, — война, к которой здесь готовятся с лихорадочной поспешностью... к несчастью, представляется желанным выходом из нестерпимых болезней Габсбургской монархии»¹. 12 декабря один из лидеров австрийской военной партии, Конрад фон Гетцендорф, был возвращён на пост начальника генерального штаба, покинутый было им в 1911 г.

Об агрессивных замыслах руководящих австрийских кругов Конрад фон Гетцендорф сам достаточно откровенно рассказывает в своих мемуарах.

«2 января 1913 г., — вспоминает он, — я передавал наследнику престола эрцгерцогу Францу-Фердинанду годовой доклад; при этом после обсуждения общего положения между нами произошёл следующий диалог:

Я. Ясно, что ни у кого нет охоты впутываться в осложнения. Но следует видеть вещи такими, каковы они на самом деле. В 1909 г. мы упустили благоприятный момент, и вследствие этого положение изменилось для нас к худшему. Я обращаю внимание на то, что теперь мы должны считаться с опасностью не только пансербской, но и панрумынской пропаганды...

Эрцгерцог. Армия в своём развитии *никогда* не бывает готова. То, что у неё теперь меньше шансов, чем в 1909 г., верно, но в конечном счёте с тем, что у нас есть, мы и *теперь* ещё можем рисковать. Это, безусловно, нелёгкое решение, но,

¹ «Documents diplomatiques français», 3-ème série, v. IV, № 618.

раз положение этого требует, его надо принять, пока не стало поздно»¹.

В ответ на выступление Бетмана Грей дал понять в Берлине, что и Англия, возможно, не останется нейтральной, если дело дойдёт до европейской войны с участием Германии и Франции. В начале декабря в Лондон приезжал брат Вильгельма принц Генрих. Ему пришлось услышать то же самое из уст английского короля. Заявление Грея произвело совершенно то же действие, какое в своё время оказало выступление Ллойд Джорджа по поводу «прыжка „Пантеры“». Германия изменила свою позицию. Она оказала воздействие и на Вену. Вместе с Германией Австрия поспешила изъявить согласие передать разрешение спорных вопросов совещанию послов великих держав в Лондоне. Она потребовала, однако, чтобы ей заранее было обещано, что Сербия не получит территориального доступа к морю.

Совещание
послов
в Лондоне

В середине декабря 1912 г. в британской столице приступили к работе одновременно две международные конференции. На одной встретились друг с другом представители воюющих сторон — Турции и держав балканского блока. На другой заседали представители шести великих европейских держав. Председателем этой конференции был Грей, делегатами — послы великих держав в Лондоне. Решения требовали единогласия; по принятии их они передавались послами на утверждение своим правительствам. И Турция и её балканские противники имели своих покровителей среди империалистических государств, Турция — в лице Германии и Австрии, государства балканского блока — в лице Антанты и прежде всего России.

На первом же совещании послов, 27 декабря, в угоду Австрии и Италии было принято постановление создать автономную Албанию под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. Албания должна была преградить Сербии выход к морю.

Невзирая на это решение, Австрия отказалась демобилизоваться, пока Сербия фактически не очистит албанских областей. По совету России, Сербия заявила, что эвакуирует свои войска тотчас по заключении мира. Лондонское совещание послов вынесло, однако, постановление, что Сербия должна вывести свои войска из Албании, как только этого потребуют великие державы.

Вопрос о выходе Сербии к Адриатике был, таким образом, ликвидирован. Но этим далеко не исчерпывался бесконечный ряд спорных проблем, которые всплыли на поверхность, едва лишь закипел балканский котёл. Целая сеть интриг сплелась вокруг «мирных» переговоров. Прежде всего на конференции

¹ *Conrad von Hötendorf, Aus meiner Dienstzeit, B. III, S. 75—76.*

развернулась борьба между Турцией и её противниками. Победители требовали, чтобы границей Европейской Турции стала линия Мидия — Родосто; они настаивали на сдаче всё ещё сопротивлявшегося Адрианополя и на отказе от островов Эгейского моря. По этим двум последним вопросам Турция не шла ни на какие уступки. По вопросу об Адрианополе Россия и Австрия оказались на одинаковой позиции. Странно, но такое единство взглядов было порождено ожесточённейшим соперничеством. Обе державы ратовали за интересы Болгарии, претендовавшей на Адрианополь. Россия поддерживала болгарские притязания, дабы предотвратить переход Болгарии в австро-германский лагерь; не менее энергично выступала за Болгарию и Австро-Венгрия, чтобы оторвать её от России. Таким образом, русская и австрийская дипломатия, преследуя противоположные цели, заняли одинаковые позиции. В дальнейшем развитии балканского кризиса встретятся и другие примеры подобного дипломатического «сотрудничества» между злейшими врагами.

Царское правительство сообщило Порте, что если Турция не уступит и возобновятся военные действия, то Россия не гарантирует сохранения своего нейтралитета. На кавказской границе уже сосредоточивались русские войска. Турецкое правительство было склонно уступить, не полагаясь на силу своей армии.

Но 23 января 1913 г. в Турции произошёл государственный переворот: к власти пришёл младотурецкий кабинет Махмуд-Шевкет-паши. Германское правительство многозначительно предупредило Петербург, что военное выступление России против Турции оно сочтёт за угрозу для европейского мира. Поощряемый Германией, новый турецкий кабинет собирался занять непримиримую позицию. Ввиду этого 3 февраля балканские союзники возобновили военные действия. Турок снова преследовала одна неудача за другой. В марте пали крепости Адрианополь и Янина. Турки были вынуждены вторично запросить мира.

Помогли Турции ссоры между её противниками: Болгарией, Сербией и Грецией. Назревала грызня за раздел добычи. К тому же Румыния за свой нейтралитет требовала от Болгарии территориальных компенсаций в Добрудже. Когда же после падения Адрианополя болгары стали перебрасывать войска к Чаталдже, вновь встревожилась Россия. Опять создавалась угроза появления болгарской армии на побережье проливов и в Константинополе. Черноморский флот уже готовился к отплытию в Босфор. Царское правительство предприняло в Софии дипломатические шаги, требуя немедленного перемирия. За это оно обещало помочь болгарам в предстоящем торге с Сербией за делёж добычи.

16 апреля 1913 г. было, наконец, заключено перемирие между Болгарией и Турцией. 20 апреля перемирие было за-

ключено и другими союзниками. Только Черногория продолжала осаду Скутари. Переговоры возобновились и вновь происходили в Лондоне. И во время этого второго тура мирных переговоров в конфликтах не было недостатка. Греция стремилась провести свою границу с Албанией у Химарры; Италия — всемерно урезать греческие приобретения. Грецию энергично поддерживала Франция; как всегда, она видела в ней противовес Италии в восточном Средиземноморье. Греция требовала себе, кроме того, все Эгейские острова; однако и это её требование наталкивалось на сопротивление, притом уже не одной лишь Турции. Россия опасалась отдать грекам Имброс, Лемнос, Тенедос и Самофракию, прикрывающие выход из Дарданелл. Она боялась, что, владея этими островами, Греция или её покровители смогут запереть проливы. Германия, поддерживая Турцию, естественно, не шла на удовлетворение греческих притязаний. Вопрос об островах Эгейского моря осложнялся позицией Италии. По Лозаннскому мирному договору от 18 октября 1912 г., завершившему итало-турецкую войну, Италия обещала вернуть Турции оккупированный ею Додеканез. Но теперь она уже не думала о выполнении своего обязательства и вовсе не собиралась отдавать острова — ни туркам, ни грекам.

Переговоры грозили затянуться до бесконечности. Наконец, Грей заявил их участникам, что желающие приглашаются немедленно подписать мирный договор; тем же, кто на это не согласен, лучше «покинуть Лондон»¹. Угроза подействовала, и мирный договор был, наконец, подписан. Это произошло 30 мая 1913 г.

Согласно Лондонскому договору, почти вся территория Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов с небольшим хинтерландом по линии Энос — Мидия, вместо линии Родосто — Мидия, которой добивались болгары, — вот всё, что осталось в Европе от когда-то могучей Османской империи. Вопросы о границах и о внутреннем устройстве Албании и об участии Эгейских островов остались нерешёнными: они передавались на рассмотрение великих держав.

Пока между Турцией и балканскими союзниками происходила вся эта борьба, на крайнем западе Балкан из-за небольшого городка разыгрывался новый конфликт, тоже поднявший на ноги всю европейскую дипломатию. Дело шло о северной границе Албании и о судьбе города Скутари, осаждённого черногорскими войсками. Австрия категорически настаивала, чтобы он перешёл к Албании. Черногория отказывалась снять осаду. Россия её поддерживала. Между Россией и Австрией снова стал назревать острый конфликт. Под давлением Англии Австрия в марте 1913 г., наконец, вынуждена была демобили-

¹ «British Documents», т. IX, р. 2, № 1006, р. 817.

зоваться. Одновременно и Россия распустила запасных, призываемых в ответ на военные приготовления Австро-Венгрии. Но самый вопрос о Скутари¹ конференция решила в согласии с австрийскими пожеланиями. Впрочем, Австрия согласилась предоставить Черногории некоторые компенсации за отказ от злополучного городка.

Вскоре, однако, выяснилось, что постановление великих держав, достигнутое после упорной борьбы, ещё не решало судьбы Скутари. Черногорские войска продолжали осаду турецкого гарнизона. Чтобы обуздать черногорцев, Лондонская конференция постановила провести против Черногории военно-морскую демонстрацию соединёнными силами европейских великих держав. Однако на блокаду своего побережья Черногория обратила столь же мало внимания, как и на дипломатические увещания. Черногорский князь даже заключил сделку об уступке Скутари Черногории с начальником осаждённого турецкого гарнизона Эсадом-пашой, который вместе с тем являлся одним из албанских феодальных вождей. За это Черногория признавала этого пашу королём Албании.

Лишь после долгих проволочек, под дипломатическим давлением России черногорцы, наконец, ушли из-под Скутари. К 14 мая город был занят международным отрядом, высаженным с соединённой эскадры, которая блокировала Черногорию. Известно выражение Сазонова, что черногорский князь готов был «разжечь пожар мировой войны, чтобы на нём зажарить для себя яичницу».

Вторая балканская война

Первая балканская война ослабила позиции австро-германской группировки. Усиление Сербии вынуждало Австро-Венгрию в случае европейской войны отвлекать большее количество сил из Галиции на балканский фронт. Турция, на которую Германия и Австрия рассчитывали в случае войны с Россией, была ослаблена поражением: теперь она могла сковать уже меньшее число русских дивизий. Усилия Австро-Венгрии сосредоточивались на том, чтобы оторвать Болгарию от Сербии. Таким путём австрийская дипломатия рассчитывала разбить балканский блок и создать для Сербии угрозу с тыла в лице враждебной ей Болгарии. Правительство царя Фердинанда должно было вернуться к австрийской ориентации.

В лице балканского союза на стороне Антанты стояла немалая военная сила. Задача австро-германской дипломатии заключалась в том, чтобы парализовать эту силу. Сделать это было не так уж трудно ввиду непрекращающейся борьбы между балканскими странами.

¹ Мозилевич и Айрапетян, На путях к мировой войне, М. 1940, стр. 145 и сл.

Не получив выхода к морю, Сербия решила компенсировать себя в Македонии. В феврале 1913 г. она обратилась к Болгарии с предложением пересмотреть территориальные условия сербо-болгарского союзного договора от 13 марта минувшего года. Серьезные трения возникли также между Болгарией и Грецией. Не получив всего того, чего она хотела в северном Эпире, Греция намеревалась вознаградить себя за счёт Болгарии в южной Македонии и во Фракии. С самого начала войны между Болгарией и Грецией шла борьба из-за судьбы Салоник. Невзирая на то, что Сербия и Греция ещё продолжали совместно с Болгарией вести войну против Турции, они начали между собой переговоры о действиях против Болгарии. Через день после заключения Лондонского мира с Турцией, т. е. 1 июня 1913 г., был подписан греко-сербский союз. К нему примкнула и Румыния.

В течение войны с Турцией Румыния требовала от Болгарии южной Добруджи в качестве компенсации за свой нейтралитет. Сначала румыны добивались границы по линии Туртукай — Балчик, затем, несколько умерив свои притязания, — по линии Силистрия — Балчик¹. Вмешательство России спасло Болгарию от потери большей части этой области; дело ограничилось передачей Румынии города Силистрии. Но Румынии было мало этого. Теперь она охотно откликнулась на приглашение Сербии и Греции совместно добиваться от Болгарии больших уступок.

Стремясь сохранить балканский блок, русская дипломатия прилагала все усилия, чтобы побудить Сербию и Грецию умерить свои притязания, а Болгарию — проявить уступчивость.

Наоборот, Австро-Венгрия всячески подталкивала Болгарию на войну. Австрийцы обещали предоставить ей заём и дать гарантию её территориальной целостности. Они обещали также организовать в Албании банды, которые беспокоили бы сербов с тыла.

Болгарское правительство сначала пыталось склонить Россию занять в болгаро-сербском споре решительную антисербскую позицию. На это русская дипломатия не шла. В Петербурге сознавали, что из всех балканских государств Сербия всего теснее связана с Россией. Сазонов отверг болгарские предложения. Он заявил болгарам, что: пока они не договорятся с Сербией, никакие переговоры с Россией для них невозможны. Он предложил лишь русский арбитраж в соответствии с сербо-болгарским договором 13 марта 1912 г.

Усилия русской дипломатии сохранить единство славянских государств успехом не увенчались. Болгария, руководимая

¹ Могилевич и Айрапетян, На путях к мировой войне, стр. 180 и сл.

военной партией во главе с царём Фердинандом и генералом Савовым, решительно повернула к сближению с Австро-Венгрией. 29 июня 1913 г. болгарские войска открыли военные действия против сербов и греков. Началась вторая балканская война.

Совершая нападение на своих прежних союзников, болгарское правительство рассчитывало, что Германия и Австрия сумеют удержать Румынию от вступления в войну. Этот расчёт оказался ошибочным. 3 июля 1913 г. Румыния объявила мобилизацию, а 10 июля начала войну против Болгарии.

Австрийское правительство было готово к вмешательству во вторую балканскую войну. Сначала, пока ждали победы Болгарии, Австрия собиралась воспрепятствовать русским попыткам заступиться за Сербию. Но скоро стало ясно, что болгары будут разбиты. Теперь Австрия уже готовилась выступить на их защиту, напад на Сербию с тыла, хотя бы такое выступление и вызвало отпор со стороны России. При этом она надеялась на поддержку Германии. Германский посол сообщал из Вены нижеследующее:

«Граф Берхтольд пригласил меня сегодня к себе. Министр заявил, что считает своим долгом не оставлять германского правительства в неясности относительно серьёзности положения монархии (Австро-Венгерской. — *Ред.*). Югославский вопрос, т. е. беспрепятственное владение провинциями, населёнными южными славянами, является для монархии, как и для Тройственного союза, вопросом жизни. Югославские провинции для монархии будет невозможно удержать при наличии на Балканах мощной Сербии, — в этом согласны все авторитетные круги. Поэтому в случае, если бы Сербия в союзе с Румынией и Грецией сокрушила Болгарию и получила территориальные приобретения, выходящие за пределы старой Сербии, Австрия, возможно, была бы вынуждена вмешаться. Монастир ни в каком случае не может быть оставлен в руках Сербии.

На мой вопрос, в какой момент и какого рода вмешательство он себе представляет, министр заметил, что психологический момент, без сомнения, можно было бы найти. Относительно способа и рода вмешательства он, конечно, ещё ничего не может сказать: это будет зависеть от обстоятельств. Он думает, что вмешательство должно будет начаться с дипломатического представления в Белграде; в случае безрезультатности оно будет подкреплено военным давлением. Если при этом выступит Россия, акция будет перенесена в Петербург. Министр ещё раз подчеркнул, что в Берлине — он надеется — понимают затруднительное положение монархии... Маленькая, разгромленная противником Сербия явилась бы для него, естественно, наиболее приятным разрешением вопроса; он безусловно предпочёл бы его оккупации Сербии Австрией. Но если первая альтернатива не будет иметь

места, монархия будет вынуждена действовать, чтобы обеспечить свои владения»¹.

На этот раз германское правительство отказало Австро-Венгрии в поддержке. После того как в декабре 1912 г. прозвучал предостерегающий голос Англии, оно, так же как и в дни агадирского кризиса, предпочло воздержаться от войны. Большое влияние на решение Германии оказал военный фактор. Как раз в 1913 г. были начаты чрезвычайные мероприятия по усилению германской армии. Они должны были дать эффект уже к концу 1913 г., но не ранее. Учитывало германское правительство и то обстоятельство, что Румыния стояла на стороне Сербии. Русская дипломатия усиленно работала над тем, чтобы окончательно перетянуть Румынию в лагерь Антанты; всего больше содействовала этому румынско-венгерская борьба из-за Трансильвании.

5 июля 1913 г. кайзер решил предостеречь австрийцев. Вильгельм II поручил сообщить в Вену, что он «считает серьёзной ошибкой графа Берхтольда его решение занять в отношении Монастира ту же позицию, которая была в своё время занята им в отношении Дураццо»², т. е. доступа Сербии к Адриатическому морю. Австрийцы подчинились указаниям Германии, тем более что немцев энергично поддерживала Италия.

Тяжёлым положением болгар воспользовалась Турция. 16 июля она напала на Болгарию вместе с двумя балканскими державами, с которыми только что воевала. 20 июля турки отняли у болгар Адрианополь.

После предостережений со стороны Германии Австрия не оказала Болгарии ожидаемой поддержки. Поэтому в Софии были, естественно, разочарованы в австрийцах.

Для русской дипломатии как будто намечалась возможность вернуть болгар в лагерь Антанты. Ради этого она попыталась возвратить Болгарии Адрианополь. В Лондоне снова началось совещание послов. Оно напомнило Турции об условиях Лондонского мирного договора касательно границы по линии Энос — Мидия. Но без применения реальной силы оказалось невозможным заставить Турцию признать нерушимость Лондонского мира. Вернуть Болгарии Адрианополь России не удалось. Всё же Россия спасла её от многих потерь в той войне, на которую Болгарию толкнула Австро-Венгрия.

В конце июля разбитая Болгария запросила мира. 30 июля в Бухаресте открылась мирная конференция³. Во время мирных переговоров самая острая борьба развернулась между Болгарией и Грецией из-за порта Каваллы. Россия и Австрия, наперебой

¹ «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXV, № 13483.

² Ibid., № 13486.

³ Могилович и Айрапетян, На путях к мировой войне, стр. 194 и сл.

взывая Болгарию на свою сторону, поддерживали болгарские притязания на эту гавань. Германия была гораздо сдержаннее, чем ее союзница; покровительством Болгарии она опасалась окончательно оттолкнуть Румынию. Из вопроса о Кавалле германская дипломатия сделала средство привлечь на свою сторону Грецию. Франция также поддерживала Грецию, не желая дать ей ускользнуть в германский лагерь и учитывая ее стратегическое значение в Средиземном море в качестве противовеса Италии. Итальянская дипломатия, естественно, поддерживала Болгарию. Кончилось дело победой Греции, на сторону которой стала и Англия.

Бухарестский мир

Мир был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Сербия получила не только «спорную», но и почти всю «бесспорную» болгарскую зону в Македонии; Греция — кроме южной Македонии с Салониками часть западной Фракии; часть восточной Фракии с Адрианополем вернулась к Турции; Румыния приобрела южную Добруджу. Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих завоеваний, но и некоторые давние свои владения.

Вторая балканская война означала новую расстановку сил на Балканах. Вместо единого балканского блока под эгидой России теперь наметились две группировки: Сербия, Греция и Румыния, с одной стороны, Болгария, вскоре завязавшая переговоры с Турцией, — с другой. Самый факт распада блока был чрезвычайно выгоден для Германии и Австрии. Однако этот выигрыш умалялся отходом Румынии в лагерь Антанты. После Бухарестского мира державы повели лихорадочную работу, стремясь закрепить свое влияние на каждую группировку. Одним из главных средств этой борьбы было предоставление займов балканским странам.

Балканский вопрос в конце 1913 — начале 1914 г.

Вскоре на Балканах вспыхнул новый международный конфликт. Сербия, чрезвычайно усилившаяся после второй войны, решилась еще раз попытаться добиться выхода к Адриатике, заняв часть Албании. Между тем летом 1913 г. Лондонская конференция послов приняла «органический статут албанского государства». Албания объявлялась независимым княжеством «под гарантией шести держав». Выбор монарха предоставлялось произвести великим державам в шестимесячный срок. «Контроль над гражданским управлением и финансами Албании», согласно статуту, поручался «международной комиссии, составленной из делегатов шести держав и делегата Албании». В нескончаемых спорах и интригах конференция послов устанавливала границы албанского государства, вопрос о которых был оставлен открытым в Лондонском мирном договоре от 30 мая и передан на усмотрение

рение великих держав. Россия и Франция при проведении границы поддерживали Сербию и Грецию; Германия, Австрия и Италия — Албанию. Англия изменила свою позицию по сравнению с мивувшей зимой. Она теперь становилась на сторону Германии, Австрии и Италии. 11 августа конференция вынесла решение об основном направлении границ. Были созданы две разграничительные комиссии; они выехали на место, чтобы реализовать постановления международной конференции. Это означало, что дипломатическая борьба из здания Форейн офис, где заседала Лондонская конференция, переносится в палатки международных комиссий в Албанских горах. Там царили весьма своеобразные нравы. Русский уполномоченный генерал-майор Потапов перехватил письма германского уполномоченного майора Лафферта; они дают некоторое понятие о приёмах работы разграничительных комиссий.

25 октября Лафферт писал: «Теперь Союз (Тройственный. — *Ред.*) стоит сплочённо против Согласия. Француз так обозлился, что уже грозил отъездом. Союз сегодня днём обработал англичанина, и мы должны были перетянуть его к себе».

26 октября: «Мы переубедили англичанина. Большой конфликт. Правительства запрашивают информации... На обратном пути я прогалопировал мимо француза, чтобы испугать его лошадь, которая несколько упряма. Результат был великолепен сверх ожиданий. Теперь он хромает и на здоровую ногу тоже... В общем Союз хочет видеть Албанию елико возможно большей, Согласие — елико возможно меньшей. Затем, как Италия, так и Австрия считают Албанию сферой своего влияния и благодаря этому ежеминутно ссорятся. Англию... мы перетягиваем на свою сторону»¹.

Пока тянулась работа комиссий, между сербами и албанцами происходили непрерывные конфликты. В октябре, после одного нападения албанцев, сербское правительство провело частичную мобилизацию и оккупировало часть албанской территории. При этом оно заявило, что не освободит её, пока в Албании не будет установлен порядок. Тогда австрийское правительство решило, что нужно воспользоваться, наконец, сербским выступлением для превентивной войны и полного разгрома Сербии.

14 октября Берхтольд телеграфировал австрийской миссии в Белграде: «Мы должны поставить сербскому правительству вопрос, намерено ли оно прекратить военную подготовку к вторжению в Албанию, — вернее, готово ли оно отозвать в определённый краткий срок находящиеся на албанской территории войска. От ответа на этот вопрос и от выполнения прежних сербских заявлений должно будет зависеть

¹ Могилевич и Айрапетян, На путях к мировой войне, стр. 204.

дальнейшее отношение монархии к Сербии, так как мы решились обеспечить всеми способами, которые найдём подходящими, безусловное соблюдение лондонских решений»¹. Берлин на этот раз снова заверял Вену в своей полной поддержке. Инструкция, посланная заместителем статс-секретаря ведомства иностранных дел послу в Вене, гласила: «Вам следует сказать графу Берхтольду, что в стремлении к обеспечению жизнеспособной Албании мы твёрдо стоим на стороне Австро-Венгрии и предписали императорскому поверенному в делах в Белграде решительно поддерживать австрийский демарш. Кроме того, мы пригласили к сотрудничеству Англию, под председательством которой выносились поставленные под угрозу лондонские решения»². Это было передано по телеграфу в Вену 16 октября. А в ночь с 17 на 18 октября 1913 г. австрийский министр иностранных дел граф Берхтольд отправил австрийскому посланнику в Белграде предписание вручить сербскому правительству ультиматум. Австрия требовала немедленного очищения Албании. В противном случае она грозила войной. Сербское правительство, посоветовавшись с русским правительством, приняло ультиматум: оно вывело войска на 24 часа раньше срока, к великому огорчению австрийских империалистов. Ещё раз Россия и Сербия отступили под австро-германским нажимом.

Едва прошёл месяц после австрийского ультиматума Сербии, как на Ближнем Востоке уже возник новый международный конфликт. В ноябре 1913 г. между Германией и Турцией было заключено соглашение об отправке в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров. Во главе миссии был поставлен генерал Лиман фон Сандерс. Миссия должна была заняться реорганизацией турецкой армии. При этом Лиман фон Сандерс был назначен на должность командующего корпусом, расположенным на берегах проливов. 14 декабря Лиман прибыл в Константинополь.

Миссия Лимана вызвала в Петербурге негодование. Получалось так, что на берегах Босфора оказывалась военная сила, которой командовали немцы. Председатель Совета министров Коковцев проездом из Парижа остановился в Берлине и лично вёл с германским канцлером и с самим Вильгельмом переговоры о миссии Лимана. Он требовал по крайней мере отказа Лимана от командного поста в столице. Германское правительство как будто соглашалось, что германский генерал может командовать корпусом, расположенным и в другом месте. Но, повидимому, по тайному внушению тех же немцев, Порта

¹ «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik», В. VII, № 8228.

² «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette», В. XXV, Teil 1, № 14162.

решительно отвергла вмешательство России в функции германского генерала в Турции. Царское правительство обратилось за поддержкой в Париж и Лондон. Франция, хотя и не особенно охотно, но всё-таки выразила готовность поддержать Россию. Англия заняла более уклончивую позицию. После довольно острых переговоров русская дипломатия добилась от немцев и турок некоторой уступки. Лимана произвели в следующий чин; это давало формальное основание освободить его от должности командира корпуса. Таким образом, от командного поста в столице Лиман отказался. Но фактически германская миссия всё-таки продолжала играть в турецкой армии руководящую роль. Усиление германского влияния в Турции грозило сделать Германию хозяйкой проливов.

Дело Лимана фон Сандерса совпало с подготовкой к переговорам о новом русско-германском торговом договоре. Он должен был замечать договор 1904 г., по которому Россия в трудную минуту сделала Германии очень большие уступки, дабы обеспечить её благожелательный нейтралитет в войне на Дальнем Востоке. Предстоявшие переговоры вызывали ожесточённую полемику между русской и германской печатью.

Дело Лимана фон Сандерса было новой провокацией германского империализма. Она дополнила длинный перечень тех испытаний, которым Германия подвергла международный мир. Открылся этот перечень танжерским выступлением кайзера. Он продолжался провокацией в Касабланке и ультиматумом Бюлова в дни боснийского кризиса, «прыжком „Пантеры“» и двоекратными угрозами Сербии: в конце 1912 г. и, наконец, спустя ровно год после этого.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Международное
положение
к лету 1914 г.
Ближний Восток

Балканские войны привели к ещё большему обострению международной ситуации. Правда, они завершили освобождение балканских славян от гнёта Турции. Но они же усилили противоречия между балканскими государствами. Турецкий гнёт был свергнут не революцией, а войной балканских монархических правительств; это привело к ожесточённейшей борьбе между победителями Турции. Болгария жаждала реванша за вторую балканскую войну; Турция ждала благоприятного момента, чтобы отнять у Греции Эгейские острова; Италия не очищала занятого ею Додеканеза; Греция и Сербия не хотели примириться с новыми границами Албании. Но это не всё. За балканскими монархиями стояли великие империалистические державы, которые оспаривали друг у друга влияние на Ближнем Востоке. Россия и Англия стремились вырвать Турцию из-под германского влияния. В Софии, Бухаресте и Афинах шла ожесточённая борьба между Антантой и австро-германским блоком за политическую ориентацию балканских правительств, за их военные силы, необходимые ввиду надвигавшейся мировой войны. Австрия ждала случая расправиться с Сербией; Сербия стремилась освободить югославян Австро-Венгрии; Россия покровительствовала сербам. Венское правительство видело в Сербии и южнославянской пропаганде опасность для самого существования Австро-Венгерской империи. Россия усматривала в Сербии лучшую свою опору против Австрии на балканском плацдарме. Стоило ещё раз вспыхнуть австро-сербскому конфликту, достаточно было России не отступить перед центральными державами, — и могла начаться австро-русская война. А тогда уже неизбежно заработал бы механизм союзов. Австрия не решилась бы начать войну с Сербией без санкции Германии. Если бы такая война возникла, это означало бы, что Германия признаёт момент подходящим для решительного боя за передел мира. Франция

не могла бы не поддержать России, ибо разгром Российской империи не только уничтожил бы шансы на реванш, но и оставил бы Францию беззащитной перед лицом германского империализма. Наконец, и Англия не могла бы не оказать помощи Франции против своего опаснейшего германского соперника. Таким образом, Балканы превратились в пороховой погреб Европы. Стоило бросить в него спичку, чтобы произошёл общеевропейский взрыв.

Весной 1914 г. дипломатия обеих группировок продолжала спешно работать над укреплением своих позиций в ожидании неизбежной схватки. В июне 1914 г., во время свидания Николая II с румынским королём в Констанце, Сазонов приложил все старания, чтобы окончательно склонить Румынию на сторону Антанты. В свою очередь и австро-германский блок продолжал свою работу по привлечению Болгарии. При этом предполагалось добиться её сближения с Турцией, чтобы объединёнными болгаро-турецкими силами парализовать антантофильскую группу балканских государств и прежде всего — Сербию.

Румыно-венгерские противоречия в Трансильвании приобрели настолько острый характер, что венгры уже считали безнадежным делом добиваться соблюдения Румынией союзных обязательств по отношению к центральным державам. Германское правительство, напротив, полагало, что необходимо во что бы то ни стало удержать Румынию на своей стороне; поэтому оно требовало от венгров уступок трансильванским румынам. На этой же точке зрения стоял и эрцгерцог Франц Фердинанд. Он не питал симпатии к венграм; они платили ему той же монетой. Во время свидания в Конопште (в июне 1914 г.) Вильгельм II договорился с Францем-Фердинандом о следующей дипломатической программе: укрепление союза с Румынией; поощрение болгаро-турецкого сближения; наконец, примирение Румынии с Болгарией.

Дальневосточный
вопрос в 1908—
1914 гг.

Подготовка к войне против Германии требовала от Антанты обеспечения своих интересов и тыла на Дальнем Востоке. Особенно повелительно стояла эта задача перед Россией и Англией. России было необходимо оградить себя от опасности возникновения второго фронта на Дальнем Востоке, Англии — обеспечить неприкосновенность своих гигантских колониальных владений и своих экономических интересов в Китае и во всём бассейне Тихого океана.

После заключения русско-японского соглашения в 1907 г. Россия и Япония продолжали таить взаимную вражду. У царского правительства не могло быть прочной уверенности, что Япония не предпримет каких-либо агрессивных действий против России в Северной Манчжурии. Но вместе с тем Россия

и Япония в известном смысле являлись и союзниками. По соглашению 1907 г. они поделили Манчжурию. Поэтому, при всём взаимном недоверии, они оказывались солидарными, когда третьи державы пытались нарушить их монополию в этой части Китая. Такие попытки имели место преимущественно с американской стороны. Если Англия и после русско-японской войны всё-таки осталась союзницей Японии, то США всё больше рассматривали её как своего опаснейшего врага.

Правда, ещё до заключения Портсмутского мира, в июле 1905 г., Рузвельт дал согласие на японский контроль над Кореей. В обмен японское правительство обязалось не покушаться на захват Филиппинских островов. 30 ноября 1908 г. последовало так называемое соглашение Рут — Такахири. По этому соглашению, заключённому в форме обмена нотами, США и Япония заявляли, что «политика обоих правительств, не руководимая никакими агрессивными тенденциями, имеет целью сохранение существующего *status quo* в вышеназванной области (т. е. в бассейне Тихого океана) и защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае». Иначе говоря, Япония как бы подтверждала своё согласие с американской доктриной «открытых дверей». Далее, Япония и США заявляли, что «они... питают твёрдое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области». Соглашение предусматривало взаимную консультацию на случай каких-либо потрясений *status quo* в бассейне Тихого океана: «Если бы какое-либо обстоятельство стало угрожать вышеописанному *status quo* или вышеустановленному принципу равных возможностей, два правительства вступят в сношения друг с другом с целью прийти к соглашению насчёт мер, которые они сочтут нужным принять».

Невзирая на дипломатические соглашения, американо-японский антагонизм постепенно углублялся. Достаточно ярко проявился он, например, в тех попытках интернационализации манчжурских железных дорог, которые уже давно исходили от американских деловых кругов при прямой и официальной поддержке правительства США. В 1908 г. царское правительство, подумывая о ликвидации своих североманчжурских интересов, обратилось к группе американских капиталистов с предложением организовать досрочный выкуп КВЖД китайским правительством. Американское правительство заинтересовалось этим планом. В 1909 г. оно повело переговоры с Россией, прямо указывая, что осуществление подобного проекта может стать орудием против дальнейших захватов со стороны Японии. Предполагалось образование международного банковского синдиката, который реализовал бы Китаю заём для выкупа всех железных дорог в Манчжурии. После этого эксплуатация дорог была бы поручена Китаем тому же синдикату. 8 января 1910 г. царская Россия, уже несколь-

ко оправившаяся от потрясений 1904—1905 гг., отклонила этот проект. Вместо ликвидации КВЖД она стала на путь дальнейшего соглашения с Японией.

Японское правительство относилось к проекту выкупа КВЖД резко враждебно, так же как и к американским попыткам купить ЮМЖД. Почти одновременно с предложением США об интернационализации манчжурских дорог Япония предложила царскому правительству дипломатическое соглашение и даже союз для совместной охраны их обоюдной монополии в Манчжурии. 4 июля 1910 г. было подписано новое русско-японское соглашение, шедшее ещё дальше договора от 30 июля 1907 г. Оно состояло из публичных и секретных статей. В публичной части провозглашалось: «Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются оказывать друг другу дружественное содействие для улучшения их железнодорожных линий в Манчжурии и для усовершенствования соединительной службы вышеуказанных железных дорог, воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели». Далее следовали пункты о поддержании в Манчжурии *status quo* и о взаимной консультации в случае, если он окажется под угрозой нарушения.

В секретных статьях подтверждался раздел Манчжурии на сферы влияния, установленный договором 1907 г. При этом, однако, добавлялось (статья 2): «Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах. Они признают, следовательно, за каждой из них право свободно принимать в её сфере все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов».

Это последнее положение, по существу, представляло обоюдное признание права почти неограниченного вмешательства России и Японии в манчжурские дела в пределах соответствующих сфер влияния.

В том же 1910 г. Япония формально аннексировала Корею.

В 1911 г. в Китае произошла буржуазно-демократическая революция. Японское правительство, опасавшееся, что этот переворот поведёт к национальному сплочению Китая и к усилению борьбы против иноземных империалистов, попыталось склонить Россию к интервенции для восстановления власти богдыхана.

Первыми заговорили с русскими об интервенции тогдашний лидер японской военщины Кацура и военный министр Исимото. Последний заявил русскому военному агенту, что для переговоров об интервенции он выделяет известного генерала Танака (в ту пору начальника департамента). На другой день Танака предложил русским детально разработанный план совместной вооружённой интервенции России и Японии. Танака пере-

числял, какие воинские части и каким путём будут отправлены в Китай, предлагал России использовать Южно-Манчжурскую железную дорогу и т. д. «Целью посылки отряда генерал-майор Танака выставлял поддержку с согласия России и Англии китайского императора»¹. Ближайшей территориальной сферой интервенции он называл Пекин, Тяньцзинь и железную дорогу от этих пунктов до Шанхайгуаня. Через несколько дней генерол Кацура, считавшийся закулисным руководителем японской политики, дал понять русскому посланнику, что Танака действовал по его указанию. Японское Министерство иностранных дел (в лице министра Уцида) было, однако, враждебно этим планам «военной партии», возглавлявшейся Кацура и Ямагата². Организовать интервенцию не удалось, и в конце концов Япония согласилась консолидировать режим Юань Ши-кая посредством предоставления ему займа.

Обширные коммерческие и финансовые интересы Англии в Китае не могли не порождать англо-японских противоречий. Однако борьба против Германии делала для Англии желательным сотрудничество с Японией. 13 июля 1911 г. состоялось возобновление англо-японского союза.

В 1912 г. Англия воспользовалась внутренней борьбой в Китае для превращения Тибета в свою сферу влияния.

Крупные перемены произошли и в Монголии. После падения в Китае монархии правитель Монголии (хутухта) отказался повиноваться республике и отложился от Китая. 3 ноября 1912 г. им было заключено соглашение с Россией.

Россия фактически согласилась считать Тибет сферой влияния Англии. Велись переговоры об изменении в этом смысле соглашения 1907 г. Со своей стороны Англия признала русские интересы во Внешней Монголии. То же самое сделала и Япония. Восточная Внутренняя Монголия с согласия России становилась сферой влияния Японии. По соглашению от 5 ноября 1913 г., Россия добилась от Китая признания национальной автономии Монголии.

Таким образом, на Дальнем Востоке нарастал японо-американский антагонизм, в то время как англо-японские и русско-японские противоречия притуплялись тем, что Россия и Англия были заняты подготовкой к борьбе с Германией. С началом первой мировой войны зависимость этих держав от Японии на Дальнем Востоке ещё увеличилась. Теперь Япония могла в полной мере использовать те особые «удобства грабить Китай», о которых писал Ленин и которые обеспечивались ей географическим положением.

¹ «Международные отношения», серия 2-я, т. XVIII, ч. 2, № 787, 794 и 802.

² Там же, № 802.

Англо-германские
отношения в 1913
и начале 1914 г.

В напряжённой международной борьбе главными противниками оставались Германия и Англия. Англо-германский антагонизм и был основным фактором в империалистической борьбе, приведшей к войне 1914 г. Однако в 1913 и в начале 1914 г. усилия британской дипломатии были направлены на то, чтобы замаскировать остроту англо-германского антагонизма. В эти годы Англия, во-первых, заигрывала с Тройственным союзом при определении границ Албании, во-вторых, как бы в продолжение миссии Холдена, она вела с Германией переговоры касательно возобновления известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний¹. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги.

Договор 30 августа 1898 г. о разделе португальских колоний был извлечён из пыли архивов и даже несколько изменён в пользу Германии. Теперь ей должна была достаться уже вся Ангола, в то время как в 1898 г. ей отводилась только часть этой области. Переговоры об этом соглашении в основном были завершены во время пребывания короля Георга V в Берлине, в мае 1913 г. Визит этот и сам по себе имел значение как манифестация англо-германского «сближения». В августе 1913 г. соглашение о португальских колониях было парафировано. Впрочем, Грей затянул подписание и опубликование уже парафированного документа. Окончательная договорённость была достигнута только в конце июля 1914 г., всего за несколько дней до начала мировой войны.

Вопрос о Багдадской дороге разрешался параллельно с судьбой португальских колоний. Ещё в 1906 г. Англия дала согласие на 3-процентную надбавку турецких пошлин, но с тем, чтобы полученный благодаря этому излишек государственного дохода в большей своей части пошёл на улучшение администрации в Македонии. Таким образом, финансирование Багдадской дороги от этого ничего не выиграло. Скорее, оно даже осложнилось, так как теперь его источником могло стать лишь новое увеличение пошлин. Так встал вопрос о дальнейшей, 4-процентной надбавке к таможенному обложению, с тем чтобы довести его до 15% стоимости товара. Так как для Англии особую важность представляли земли, прилегающие к Персидскому заливу, то явилась мысль получить согласие Англии на повышение пошлин ценой уступки ей последнего участка Багдадской железной дороги, простирающегося от Багдада до побережья Персидского залива.

Осенью 1912 г. Англия выразила готовность согласиться на 4-процентное повышение пошлин, в случае если Турция при-

¹ О нём см. выше, гл. VII, стр. 132.

знает Персидский залив сферой английского влияния. Кроме того, Англия требовала, чтобы Багдадскую дорогу не продолжали за Басру без специального на то разрешения Англии. Она добивалась, далее, контроля над портом Басра и подтверждения Турцией британских привилегий в вопросе о навигации по Тигру и по Шат-эль-Арабу. Наконец, в правление Багдадской дороги должны были войти два английских представителя.

После первой балканской войны великий визирь приезжал в Лондон. Здесь, стремясь завоевать благоволение Англии для предстоявших мирных переговоров, он изъявил согласие на удовлетворение английских пожеланий. В свою очередь и Германия, соблазненная к тому же предложенной ей добычей в португальских колониях, обещала Англии без её соизволения не продолжать железной дороги за Басру, к побережью залива. Признав наличие у Англии «специальных интересов» на Шат-эль-Арабе, немцы удовлетворили и другие пожелания, выполнением которых английская дипломатия обусловила своё согласие на завершение Багдадской дороги. Между прочим создавались акционерные общества для эксплуатации мосульской нефти и судоходства по Шат-эль-Арабу, в которых доля английского капитала равнялась 50 %. Другая половина акций нефтяной компании делилась поровну между немцами и голландцами. При тесных связях голландского нефтяного капитала с английским это соглашение означало, что экономически мосульская нефть достанется Англии. Таково было содержание англо-германской конвенции, которая была совсем готова для подписи к 15 июня 1914 г. Но акт подписания был несколько отложен; разразившаяся вслед за тем война застала неподписанным также и этот документ.

Известно, что Грей искал смягчения англо-германских отношений прежде всего потому, что боялся прогерманской оппозиции в кабинете. Эта его слабость, а быть может и лицемерие, повлекла тяжёлые последствия. В Берлине никогда не страдали избытком скромности. А в результате пацифистских жестов и маневров английской дипломатии в Берлине и в Вене укрепилась надежда на то, что Англия и не собирается участвовать в войне против Германии. Подобные иллюзии не делали чести провицательности австрийских и германских политиков; тем не менее они остаются историческим фактом.

Симптомы англо-германского сближения начали сильно беспокоить и Париж и Петербург. Английские дипломаты ничего не имели против того, чтобы посредством переговоров с Германией поднять себе цену у своих партнёров по Антанте. Но они вовсе не хотели отталкивать их от себя. Поэтому для некоторого успокоения французов весной 1914 г. был организован визит английского короля в Париж. Вместе с Георгом V отправился туда и Грей.

В Париже Пуанкаре стал убеждать Грея установить более

близкие отношения с Россией. Ради этого французы уговаривали англичан заключить с Россией военно-морскую конвенцию. Вопрос о ней был поставлен Сазоновым ещё в 1912 г., во время его пребывания в Англии, в замке Бальмораль. Теперь по просьбе Сазонова Пуанкаре возобновил разговор на эту тему. Грей выразил готовность обсудить вопрос. Вскоре действительно начались англо-русские переговоры. Они немедленно стали известны немцам, которые имели своего агента среди персонала царского посольства в Лондоне. В немецкой печати появились сенсационные разоблачения. Раздосадованные англичане прервали переговоры. 11 июня Грей категорически отрицал в Парламенте факт каких-либо переговоров о конвенции с Россией.

Германский
империализм
решается
начать войну

Обе враждовавшие друг с другом группировки держав, и Антанта и Тройственный союз, вели империалистическую политику и подготавливали захватническую войну. Поэтому в войне 1914—1918 гг. «её виновники — империалисты всех стран»¹. Но непосредственно начала войну летом 1914 г. Германия. Она была самой агрессивной державой, вооружалась наиболее поспешно и успела лучше и быстрее всех подготовиться к войне.

По состоянию военной подготовки на суше Германии в 1914 г. было выгодно форсировать давно подготавливавшуюся обеими сторонами войну за передел мира. Расчёты германского империализма достаточно ясно изложил в июле 1914 г. статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов. «В основном, — писал он послу в Лондоне, — Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; её Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа, между тем, всё более слабеет»². Этими последними словами Ягов намекнул на прогрессирующее разложение Австро-Венгрии.

«В России, — продолжал Ягов, — это хорошо знают и поэтому безусловно хотят ещё на несколько лет покоя. Я охотно верю вашему кузену Бенкендорфу, что Россия сейчас не хочет войны с нами»³. Вряд ли кто другой доказал более убедительно, что именно Германия начала войну в августе 1914 г., чем это сделал сам германский министр иностранных дел.

Соображения военного порядка и определили позицию германской дипломатии, когда в конце июля 1914 г. возник очередной австро-сербский конфликт. Разыгралось это столкновение в связи с убийством наследника австрийского престола.

¹ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 155.

² «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch», В. I, № 72, S. 100.

³ Ibidem.

Сараевское убийство

В Сербии имелся ряд националистических организаций, которые ставили своей задачей объединение южных славян и создание «Великой Сербии». Среди офицеров сербской армии существовала тайная организация под наименованием «Чёрная рука». Целью её было освобождение сербов, находившихся под властью Австро-Венгрии. «Чёрная рука» была построена на основе строжайшей конспирации. Имена её членов были известны только центральному комитету. Рядовые участники не знали друг друга. Каждый член общества был обязан привлечь в него нового члена и отвечал своей жизнью за его верность. Вождём «Чёрной руки» был полковник Драгутин Дмитриевич, по кличке «Апис», начальник сербской контрразведки. Правительство Пашича его побаивалось.

Старый австрийский император Франц-Иосиф доживал свои последние годы. По мере того как он дряхлел, в политической жизни Австро-Венгрии всё большее значение приобретал его племянник, наследник престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, глава военной партии, подготовлявшей войну против Сербии. Планы эрцгерцога были известны «Чёрной руке». Эта организация задумала убийство австрийского наследника. Сербское правительство догадывалось о заговоре и не одобряло его. Оно опасалось его последствий в момент, когда ещё не была закончена программа реконструкции русской армии, а сербская армия ещё не залечила ран, нанесённых балканскими войнами. Но сербское правительство не мешало «Чёрной руке», которая держала его в страхе.

28 июня 1914 г. Франц-Фердинанд был убит в населённом сербами боснийском городке Сараево, куда он приехал, чтобы присутствовать на происходивших там манёврах австро-венгерской армии.

Переговоры в Цотсдаме

На другой день после убийства эрцгерцога в Вене царил полная растерянность. Начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф требовал войны против Сербии. Его поддерживал и министр иностранных дел, легкомысленный аристократ граф Берхтольд. Однако премьер Венгрии граф Тисса выступал против «военной партии», — а этот государственный деятель пользовался не малым влиянием. Престарелый император колебался. Весь опыт его долгой жизни научил его одному: высшая политическая мудрость, по его мнению, заключалась в том, чтобы, по возможности, никогда не принимать никаких ответственных решений.

В этой обстановке колебаний и нерешительности, вполне понятных ввиду внутренней непрочности Габсбургской монархии, было, конечно, совершенно естественным запросить мнение союзника. Даже Конрад фон Гетцендорф полагал, что без

помощи со стороны Германии нельзя идти на риск войны. На этом первом этапе кризиса вопрос о войне и мире фактически решался в Берлине. Вильгельму II было послано личное письмо Франца-Иосифа и меморандум венского правительства по поводу балканской политики Австро-Венгрии. Эти документы повёз секретарь Берхтольда граф Гойос. В своём письме Франц-Иосиф допускал, что в сараевском деле «будет невозможно доказать соучастие сербского правительства. Тем не менее, — продолжал император, — по существу нельзя сомневаться, что политика сербского правительства направлена на объединение южного славянства и, следовательно, против владений габсбургского дома». И старый император приходил к заключению, что Сербия должна быть «устранена с Балкан в качестве политического фактора».

Австро-сербский конфликт не был новостью. Столкновения между Австрией и Сербией было немало в последние годы. Много раз мир висел на волоске, но войны удавалось избежать: либо Россия из-за своей военной неподготовленности убеждала Сербию уступить, либо сама Германия, считая момент не подходящим, удерживала своего австрийского союзника.

На этот раз германское правительство считало положение благоприятным. В Берлине знали, что, с одной стороны, Россия ещё не готова к войне, а с другой, — что эта неподготовленность скоро отойдёт в область прошлого. «Вооружаясь изо всех сил в расчёте на войну, Россия не замышляет её в настоящий момент или, лучше сказать, сейчас она ещё недостаточно подготовилась к ней». Если Россия и решится выступить на защиту Сербии, которая является главной опорой её политики на Балканах, то «она сейчас ещё далеко не готова в военном отношении и ещё не так сильна, как она предположительно будет через несколько лет». Так доносил своему правительству австро-венгерский посол в Берлине граф Сегени. Русская большая военная программа должна была завершиться только в 1917 г. Итак, если Россия не вмешается в австро-сербскую распрю, Австрия уничтожит Сербию; это будет серьёзным выигрышем для австро-германского блока. Если же Россия всё-таки решится воевать, то разберётся большая война в условиях, выгодных для Германии. Дальше эти условия грозят измениться в худшую сторону. Саксонский военный агент 2 июля 1914 г. также доносил из Берлина в Дрезден, что германское военное руководство стремится начать войну. «У меня создалось впечатление, что большой генеральный штаб считал бы желательным возникновение войны сейчас», — писал он. Позиция германской военщины и германской дипломатии была совершенно ясно разоблачена Лениным. «Немецкая буржуазия, — писал Ленин осенью 1914 г., — распространяя сказки об оборонительной войне с её стороны, на деле выбрала наиболее удоб-

ный, с её точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предреши́нные Россией и Францией»¹.

5 июля 1914 г. Вильгельм II принял в Потсдамском дворце австрийского посла Сегени и дал ему ясный ответ: «не мешкать с этим выступлением» (против Сербии). Так передавал Сегени слова германского императора. «Позиция России будет во всяком случае враждебной, но он (кайзер. — *Ред.*) к этому уже давно подготовлен, и если даже дело дойдёт до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены в том, что Германия с обычной своей союзнической верностью будет стоять на нашей стороне»².

Сегени и Гойос встретились также с Бетманом и помощником статс-секретаря иностранных дел Циммерманом. Бетман заявил австрийцам, что в конфликте из-за Сербии Австрия «может с уверенностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять за нею в качестве союзника и друга»³. Таким образом, Вильгельм II обеспечил победу военной партии в Вене; решающий шаг к мировой войне был сделан.

Одобрив план австрийской расправы с Сербией, Вильгельм II тут же вызвал к себе в Потсдам представителей военного и морского командования. Он предупредил их о вероятности войны. В ответ ему было заявлено, что всё готово. «Мне нечего было делать после этой аудиенции, — сообщает генерал-квартирмейстер германского генерального штаба. — План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова».

Написавший эти строки генерал не хвастался понапрасну. Летом 1914 г. Германия превосходила своей военной подготовкой и царскую Россию и Францию. Это превосходство относилось к скорости мобилизации, точности работы железных дорог, обилию офицерских кадров, предварительной подготовке широкого боевого использования резервных формирований, к насыщенности армии артиллерией, в особенности к наличию полевой тяжёлой артиллерии.

После потсдамских бесед были приняты меры довольно примитивной дипломатической маскировки: руководящие германские политики отправились отдыхать, как будто на международной арене ничего чрезвычайного не происходило. Официозная пресса получила задание — заметки об австро-сербских отношениях редактировать «нарочито мягко». Так гласила директива, данная в середине июля ведомством иностранных дел газете «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*». «Высоко официозный

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 61—62.

² «*Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik*», В. VIII, № 10058.

³ *Ibid.*, № 10076, S. 320.

орган, — писал Ягов об этой директиве, — не должен преждевременно бить тревогу».

7 июля 1914 г., по получении ответа из Берлина, в Вене состоялось заседание Совета министров. «Все присутствующие, — гласит протокол этого совещания, — за исключением королевского венгерского председателя Совета министров (Тиссы. — *Ред.*), придерживаются мнения, что чисто дипломатический успех, даже в том случае, если бы он закончился полнейшим унижением Сербии, не имел бы ценности. Поэтому нужно предъявить к Сербии настолько радикальные требования, чтобы можно было заранее предвидеть их отклонение, дабы приступить к радикальному же разрешению вопроса путём военного вмешательства»¹.

Однако в Вене к делу приступили не сразу. Пока Тисса возражал против войны, начинать её было немыслимо. Нельзя было воевать, когда глава правительства одной из двух составных частей государства заявлял, что он на это не согласен. Позиция Тиссы объяснялась тем, что в случае победы он опасался аннексии славянских областей, замены австро-венгерского дуализма австро-венгерско-славянским триализмом и умаления роли Венгрии. В случае поражения он ждал гибели старой Габсбургской монархии. Лишь с большим трудом сторонникам войны удалось переубедить графа Тиссу. Когда этого достигли, наступила уже середина июля.

Эти проволочки вызывали недовольство в Берлине. Оттуда торопили, опасаясь, как бы Австро-Венгрия не стала бить отбой. Вильгельму казалось, что «дело тянется слишком долго». На донесении германского посла в Вене, что Берхтольд ломает себе голову над тем, какие требования предъявить сербам, Вильгельм сделал следующую пометку: «Очистить санджак! Тогда немедленно последует свалка!»² — такого рода советы летели в Вену.

Пока австро-венгерское правительство раздумывало над выступлением против Сербии, дипломатия держав Антанты не теряла времени даром. Наиболее сложной была дипломатическая игра английского правительства.

Эдуард Грей
как дипломат

Во главе британского Министерства иностранных дел с конца 1905 и по декабрь 1916 г. стоял сэр Эдуард Грей. Историки немало спорили о том, что за человек скрывался под безукоризненной внешностью этого прекрасно воспитанного, изысканно вежливого, спокойного, сдержанного джентльмена, возглавлявшего Форейн офис. Сэр Эдуард не любил говорить много; то же немногое, что он говорил, он предпочитал выражать неясно. Собеседник Грея часто не знал, как, собственно, надо понимать речи британского министра: усматривать ли в них многозначительный

¹ *Conrad von Hölzendorf, Aus meiner Dienstzeit, B. IV, S. 51.*

² «Die Deutschen Dokumente», B. I, № 29, S. 47.

намён, либо же полную бессодержательность, т. е. желание уклониться от выражения собственных мыслей.

Некоторые представители новейшей историографии стремятся изобразить Эдуарда Грея как человека, который старался не раздражать германского соперника и тем надеялся спасти Англию и весь мир от надвигавшейся страшной войны. Но факты несколько иначе рисуют политику Грея.

Британское Министерство иностранных дел было прекрасно информировано о положении вещей. Уже очень скоро после сараевского убийства Грей знал, что этот террористический акт будет использован венским правительством для агрессивного выступления против Сербии и что со стороны Германии Вена встретит поощрение. Несколько позже Грею стало известно, что и Россия не намерена ещё раз отступить перед австро-германским блоком. Как же должен был действовать Грей, если он хотел спасти мир? Ответ на этот вопрос мог дать его собственный практический опыт. Когда в 1911 г., в момент агадирского кризиса, возникла угроза общеевропейской войны, английское правительство публично — устами канцлера казначейства Ллойд Джорджа — и в секретно-дипломатическом порядке — через самого Грея — предупредило Германию, что Англия выступит на стороне Франции. И Германия ретировалась. Совершенно так же обстояло дело и в конце 1912 г.: заявление Англии, что она не останется нейтральной, вызвало умеряющее воздействие Германии на Австро-Венгрию.

Этот опыт подсказывал, что именно следовало сделать летом 1914 г., если Грей хотел спасти мир. Надо было рассеять в Берлине иллюзию, что Англия останется нейтральной в надвигавшейся европейской войне. Сделать это было тем более необходимо, что английская дипломатия в течение 1913—1914 гг. поддерживала в Берлине надежду на британский нейтралитет.

Как же повёл себя сэр Эдуард Грей? 29 июня 1914 г. он публично выразил в Парламенте сочувствие горю императора Франца-Иосифа. Это было актом вежливости. Дальше, в первые дни после сараевского убийства, Грей не предпринимал почти ничего. Он только собирал информацию...

6 июля 1914 г., на другой день после свидания Вильгельма с Сегени в Потсдаме, Грей виделся с германским послом князем Лихновским. Посол сообщил Грею о глубоком удовлетворении, которое испытывает император Вильгельм по поводу визита английской эскадры в Кильскую гавань. Поговорив немного о пустяках, Лихновский принялся зондировать Грея насчёт позиции, которую займёт Англия в надвигающихся международных осложнениях. С этой целью он заявил Грею, что австрийцы собираются предпринять выступление против Сербии. «Они, конечно, при этом не думают захватить какую-либо территорию?» — спросил Лихновского Грей. Лихновский заверил,

будто цель Австрии заключается вовсе не в территориальных аннексиях. Затем он довольно откровенно разъяснил позицию Германии. Если Германия откажет Австрии в помощи, Австрия будет недовольна. Если она поддержит Австрию, — возможны серьёзные осложнения с Россией. Посла особенно беспокоило, что если между Англией и Россией ведутся какие-то переговоры о морской конвенции, это может поощрить Россию на сопротивление Австрии. Грей убеждал Лихновского в миролюбии России. Если же осложнения всё-таки надвинутся, то он обещал сделать всё, чтобы «предотвратить грозу». Грей подтвердил предположение, высказанное Лихновским, что Англия «не может допустить уничтожения Франции». Дальше этого Грей не пошёл¹.

Через два дня, 8 июля, Грей беседовал с русским послом Бенкендорфом. Он обрисовал ему всю серьёзность положения. Когда Бенкендорф попробовал изобразить ситуацию в менее тревожном свете, Грей возражал. Он настаивал на вероятности австрийского выступления и всячески подчёркивал враждебность Германии к России.

9 июля состоялась новая встреча Грея с Лихновским, вторая после убийства эрцгерцога. Английский министр снова говорил о миролюбивом настроении России и заверил, что Англия, не связанная с Россией и Францией какими-либо союзными обязательствами, располагает полной свободой действий. Германский посол старался узнать, согласится ли Англия в случае австро-сербского конфликта оказать умиротворяющее воздействие на Петербург. «Я сказал, — сообщает Грей, — что если австрийские меры в отношении Сербии будут проведены в определённых рамках, то будет, конечно, сравнительно легко склонить Петербург к терпимости». Австрия не должна, однако, преступать определённый предел. Иначе славянские симпатии могут побудить Россию обратиться к Австрии с чем-либо вроде ультиматума. Грей снова заверил Лихновского, что сделает «всё возможное, чтобы предотвратить войну между великими державами»².

Любопытно, что если в беседах с Бенкендорфом Грей выдерживал пессимистический тон, то в те же дни, при встречах с Лихновским, он был уже оптимистом. Лихновский сообщал в Берлин, что Грей «был настроен весьма уверенно и в бодром тоне заявил, что не имеет оснований оценивать положение пессимистически»³. Накануне же царскому послу Бенкендорфу тот же Грей говорил, что «известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся». «Я ответил, — сообщал Бенкендорф, — что если Австрия попытается использовать содеянное убийство, общественное мнение в России не останется равнодушным». «Вот по-

¹ «British Documents», v. XI, № 32, p. 24—25; «Die Deutschen Dokumente», № 20. Донесение Лихновского.

² «British Documents», v. XI, № 41; «Die Deutschen Dokumente», № 30.

³ «Die Deutschen Dokumente», B. 1, № 30, S. 49.

чему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьёзным». «Его впечатления относительно намерений Берлина, — заключал Бенкендорф, — почерпнутые из многих источников, являются в общем не особенно благоприятными»¹.

Достоинно внимания, что, предупреждая Петербург, Грей не сделал предостерегающего заявления в Берлине. Он не попытался осадить германских империалистов, хотя и видел, что они берут курс на войну. Почему он не повторил опыта 1911 и 1912 гг.? Быть может, Грей боялся «пацифистского» крыла кабинета, которое подняло бы шум по поводу угроз по адресу Германии? Возможно, что именно эти соображения заставили его медлить с предостережением по адресу Берлина. Во всяком случае, каковы бы ни были мотивы Грея, избранная им линия поведения отнюдь не способствовала сохранению мира. Напротив, политика Грея поощряла немецкую агрессию.

Впрочем, с английской точки зрения, момент для войны был не так уж неблагоприятен. «Ни разу в течение трёх последних лет мы не были так хорошо подготовлены»², — заявляет Черчилль, занимавший в кабинете Асквита пост первого лорда адмиралтейства. Во всяком случае на море Англия была ещё несравненно сильнее Германии.

Незадолго до вручения австрийского ультиматума Сербии Грей отклонил предложение Сазонова, чтобы Россия, Англия и Франция коллективно воздействовали на венское правительство. 23 июля, в день вручения ультиматума, в первый раз за всё время кризиса, английский министр встретился с австрийским послом. В Лондоне довольно хорошо знали, какой провокационный документ заготовили австрийцы для Сербии. Накануне вручения ультиматума, 22 июля, «Times» довольно точно изложил его содержание. Конечно, не хуже редакции газеты знал его и Грей. Да и Менсдорф сообщил Грею основные пункты австрийской ноты. И тем не менее при встрече с графом Менсдорфом Грей удовлетворялся сожалением, что предъявляется нота с ограниченным сроком для ответа; он отказался обсуждать её по существу, пока не увидит документ воочию. Затем он стал распространяться об ущербе, который нанесёт торговле война между четырьмя великими державами: Россией, Австрией, Францией и Германией. О возможности участия пятой державы, Англии, Грей не обмолвился ни словом. Донесение о беседе с Греем Менсдорф заключал следующими словами: «Он был хладнокровен и объективен, как обычно, настроен дружелюбно и не без симпатии по отношению к нам»³. Это ли не было поощрением агрессии?

¹ «Международные отношения», серия 3-я, т. IV, № 146.

² Churchill, The world crisis, v. I, p. 494.

³ «Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges», B. I, № 107; «Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik», B. VIII, № 10537, S. 602—603.

Приезд
Пуанкаре
в Петербург.
Австро-
венгерский
ультиматум
Сербии

В первые дни после убийства эрцгерцога в Петербурге царило безмятежное спокойствие. Русская дипломатическая машина продолжала работать обычным своим ходом. От посла в Вене поступили успокоительные сообщения, и в министерстве были заняты такими предметами, как вопрос о 4-процентном повышении турецких пошлин, о предоставлении России места в Совете оттоманского государственного долга, о займе для Монголии и т. п. Первый сигнал тревоги пришёл в Петербург от Бенкендорфа из Лондона. Затем итальянское посольство информировало Петербург об угрожающей позиции своих союзников-австрийцев. 20 июля в Россию приехал Пуанкаре. Он заверил, что в случае войны с Германией Франция выполнит свои союзнические обязательства. Царское правительство решило на этот раз не отступать перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 гг.

Между тем в Вене было решено с вручением ультиматума обождать, пока президент Французской республики не покинет русской столицы. Венские политики полагали, что без личного воздействия Пуанкаре царь и его министры легче примирятся с австрийским ультиматумом и, быть может, позволят Австро-Венгрии без помехи расправиться с Сербией. Дождавшись отъезда Пуанкаре из Петербурга, венское правительство поручило своему посланнику в Белграде передать 23 июля сербскому правительству ультиматум с 48-часовым сроком.

Ультиматум начинался с указания на попустительство со стороны сербского правительства антиавстрийскому движению и даже террористическим актам, вопреки обязательству, принятому Сербией в 1909 г. после аннексии Боснии. «Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, — гласил ультиматум, — что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками... и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлён начальствующими лицами сербской пограничной службы». Ввиду этого Австро-Венгрия требовала торжественного публичного осуждения сербским правительством всякой пропаганды и агитации против Австрии в официальном органе и особо — в приказе короля по армии. Далее следовали 10 требований более конкретного характера. В числе их были следующие: недопущение враждебной Австро-Венгрии пропаганды в сербской печати; раскрытие антиавстрийских организаций; увольнение офицеров, чиновников и учителей, замешанных в антиавстрийской деятельности и пропаганде, причём списки этих лиц составлялись австро-венгерским правитель-

ством; устранение из школьного обучения всех элементов антиавстрийской пропаганды; участие австрийских властей в подавлении антиавстрийского движения на территории Сербии и в частности в следствии по сараевскому делу; строгое наказание лиц, замешанных в сараевском убийстве.

Текст австрийского ультиматума нарочито был средактирован так, чтобы государство, дорожащее своей честью, не могло его принять. Вручая ноту, австро-венгерский посланник барон Гизль заявил, что, если в установленный срок нота не будет принята целиком, он потребует свои паспорта. Сербское правительство тотчас же обратилось к России с просьбой о защите; оно заявляло, что ни одно правительство не может принять эти требования, которые равносильны отказу от суверенитета.

24 июля, утром, Сазонов срочно прибыл в Петербург из Царского Села. Ему сразу же подали свежую телеграмму из Белграда с сообщением об ультиматуме. Прочитав её, он воскликнул: «Это европейская война!» В тот же день состоялось заседание Совета министров. Совет решил предложить Сербии, если она своими силами не сможет защищаться, не оказывать сопротивления, но заявить, что она уступает силе и вручает свою судьбу великим державам. Далее, было решено, «в зависимости от хода дел», объявить мобилизацию четырёх военных округов. После заседания Сазонов дал сербскому посланнику совет отвести войска и рекомендовал проявить всяческую умеренность в ответе на австрийскую ноту. Наоборот, с германским послом Сазонов говорил весьма твёрдым тоном¹. Если он рассчитывал этим побудить Германию воздействовать на Австрию, то он ошибся: в Берлине были готовы идти не только на локализованную австро-сербскую войну, но и на вооружённую борьбу с Россией и Францией. Вильгельм II всецело одобрял текст австрийского ультиматума. «Браво, — заметил он по поводу „энергичного тона“ этого документа. — Признаться, от венцев этого уже не ожидали».

25-го, в назначенный срок, сербский премьер Пашич привёз барону Гизлю ответ сербского правительства. Сербская нота была составлена весьма дипломатично. Сербия не отклоняла наотрез провокационных требований Вены. Хотя и с оговорками, она принимала девять пунктов австрийского ультиматума. Только на одно Сербия отказывалась дать своё согласие: она не желала допустить австрийских представителей к расследованию заговора на жизнь эрцгерцога, считая, что это «было бы нарушением конституции и закона об уголовном судопроизводстве». Барон Гизль бегло просмотрел ответ. Убедившись, что сербы чего-то не принимают, он немедленно затребовал паспорта. В тот же вечер австро-венгерская миссия покинула

¹ «Международные отношения», серия 3-я, т. V, № 19 и 25.

Белград; оказалось, что Гизль заранее приказал упаковать архивы и прочее имущество.

25 июля Сазонов обратился к Грею с просьбой «ясно и твёрдо» осудить перед австрийцами их политику. «К сожалению, — писал он Бенкендорфу, — по имеющимся сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что её требования не встретят возражений со стороны Англии; этим расчётом до известной степени и было обусловлено её решение». Аналогичная просьба поступила в Лондон и со стороны французского правительства.

Грей
раскрывает
позицию Англии

24 июля австрийский посол в Лондоне Менсдорф привёз Грею копию ультиматума. Грей выразил отчаяние. Он заявил, что это «самый страшный документ из всех когда-либо порождённых дипломатией»¹. В тот же день, 24 июля, Грей принял и Лихновского. Он заявил ему, что, пока дело идёт о локализованном столкновении между Австрией и Сербией, его, сэра Эдуарда Грея, это не касается. Иначе обстоял бы вопрос, если бы общественное мнение России заставило русское правительство выступить против Австрии. «В случае вступления Австрии на сербскую территорию, — продолжал Грей, — опасность европейской войны надвинется вплотную». «Всех последствий подобной войны четырёх держав, — Грей определённо подчеркнул число четыре, подразумевая Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию, — совершенно нельзя предвидеть». Затем Грей пустился в рассуждения об обнищании и истощении, которое вызовет война, о возможности революционного взрыва и об ущербе, грозящем мировой торговле. Что в войну может вмешаться пятая великая держава, Англия, об этом Грей снова не упомянул ни словом².

Наконец, 26 июля король Георг V беседовал с братом кайзера принцем Генрихом Прусским. «Отдавая себе совершенно ясный отчёт в серьёзности настоящего положения, — сообщал принц, — король уверял меня, что он и его правительство ничего не упустят для того, чтобы локализовать войну между Сербией и Австрией». «Он сказал дальше, — продолжает Генрих, — дословно следующее: „Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлечёнными в войну и остаться нейтральными“. Я убеждён в том, что эти слова были сказаны всерьёз, как и в том, что Англия сначала действительно останется нейтральной. Но сможет ли она остаться нейтральной долго, об этом, — заключал принц, — я не могу судить»³. Впрочем, длительного нейтралитета Англии для Берлина и не требовалось. Германская дипло-

¹ «Международные отношения», т. V, № 56; «British Documents», v. XI, № 91.

² «Die Deutschen Dokumente», B. I, № 157.

³ Ibid., B. II, № 374.

матия исходила из планов своего генштаба, а так называемый план Шлиффена, как известно, предполагал, что разгром Франции произойдёт в течение нескольких недель. Следовательно, даже кратковременный нейтралитет Англии представлялся уже достаточным для целей германского империализма.

25 июля Бенкендорф в упомянутом донесении сообщал в Петербург о своих впечатлениях от позиции английской дипломатии. «Хотя я не могу представить вам, — писал он Сазонову, — никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьёзно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определённому впечатлению обратного порядка»¹. Очевидно, не связывая себя окончательно, английская дипломатия стремилась внушить смелость России и Франции.

Грей предлагал через Лихновского, чтобы Германия воздействовала на Вену в духе умеренности. Он настаивал, чтобы Австро-Венгрия удовлетворилась сербским ответом на австрийский ультиматум. Но Грей не говорил немцам напрямик, что Англия будет воевать против Германии. Правда, Лихновский уже 27 июля почувствовал, что, повидимому, дело обстоит именно так². Быть может, получив телеграмму Лихновского 28-го, это почувал и кайзер. Всё же с Берлином Грею следовало говорить более твёрдым и ясным языком: тогда, быть может, ещё были бы шансы, что поджигатели войны образумятся. Грей предложил организовать посредничество четырёх держав (Англии, Франции, Германии и Италии) для обсуждения способов разрешения кризиса. Мотивы, которыми при этом руководствовалось Министерство иностранных дел, раскрывает в своих мемуарах сам Грей. Он полагал, что обсуждение создавшейся обстановки за зелёным столом даёт некоторый шанс спасти мир. Но если бы это и не удалось, то и тогда конференция не принесла бы вреда Антанте. «Я полагал, — пишет он, — что германские приготовления к войне были продвинуты много дальше, нежели приготовления России и Франции; конференция дала бы возможность этим двум державам подготовиться и изменить ситуацию к невыгоде для Германии, которая сейчас имеет явное преимущество». Германское правительство без церемоний отвергло предложения Грея.

28 июля австро-венгерское правительство по телеграфу послало сербскому правительству объявление войны и начало военные действия. В Петербурге и Париже настойчиво требо-

¹ «Международные отношения», серия 3-я, т. V, № 56.

² «Die Deutschen Dokumente», B. I, № 265.

вали, чтобы Англия, наконец, определила свою позицию. В ночь с 28 на 29 июля, по приказу адмиралтейства, британский флот вышел из Портлэнда и, с потушенными огнями пройдя канал, направился на свою боевую базу в Скапа-Флоу.

29 июля Грей встретился с Лихновским дважды. Во время первой беседы он не сказал послу ничего существенного. Он лишь продолжал говорить о посредничестве четырёх держав. Через некоторое время Грей известил Лихновского, что хотел бы его повидать ещё раз. Министр встретил посла словами: «Положение всё более обостряется». Затем он заявил Лихновскому, что вынужден в дружественном и частном порядке сделать ему некоторое сообщение. Тут Грей, наконец, впервые изложил германскому послу свою истинную позицию. «Британское правительство, — сказал министр, — желает и впредь поддерживать прежнюю дружбу с Германией и может остаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. Но, если бы в него втянулись мы и Франция, положение тотчас бы изменилось, и британское правительство, при известных условиях, было бы вынуждено принять срочные решения. В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать»¹.

Заявление Грея произвело в Берлине потрясающее впечатление. Чувства германской дипломатии, вызванные этой телеграммой Лихновского, выразила колоритная заметка кайзера. «Англия открывает свои карты, — писал Вильгельм, — в момент, когда она сочла, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Низкая торгашеская сволочь старалась обманывать нас обедами и речами. Грубым обманом являются адресованные мне слова короля в разговоре с Генрихом: „Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне сколь возможно дольше“. Грей «определённо знает, — продолжал кайзер, — что стоит ему только произнести одно серьёзное предостерегающее слово в Париже и в Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить это слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын!»² — так неистовствовал вабешённый Вильгельм II.

В эти же дни Берлину стало известно, что Италия не собирается воевать на стороне своих союзников. Итальянская дипломатия высказывала обиду, что Австрия не посоветовалась с ней по поводу выступления, предпринимаемого против Сербии, как того требовал один из пунктов Тройственного союза.

Все эти известия подействовали на германское правительство, как холодный душ. Давно ли в Берлине досадовали на

¹ «Die Deutschen Dokumente», В. II, № 357 und 368.

² Ibid., № 368, S. 88.

колебания Вены? Давно ли там возмущались медлительностью австрийцев в предъявлении ультиматума? Картина разом изменилась: в Берлине были близки к панике. В 3 часа ночи с 29 на 30 июля, несмотря на поздний час, предупреждения Грея были переданы в Вену. Ещё раньше, 28 июля, когда кайзер осмыслил позицию Италии, австрийцев начали уговаривать удовольствоваться занятием Белграда как залогом и принять посредничество, предложенное Греем. В течение всего дня 30 июля Берлин бомбардировал Вену телеграммами. Однако венское правительство отклонило немецкие предложения. Единственно чего удалось добиться германской дипломатии — это того, чтобы Вена облекла ответ Грею в вежливые формы.

Германский
ультиматум
России

Трудно сказать, как бы в конце концов повели себя австрийцы, если бы германское правительство продолжало свой нажим. Но 30 июля, поздно вечером, он уже был прекращён. Воздействие генерального штаба вернуло кайзера на прежний путь.

Стратегические планы Германии строились в расчёте на молниеносный разгром Франции, облегчаемый медленностью мобилизации и сосредоточения русской армии, завершение которых требовало свыше 40 дней. До истечения этого времени Россия, по немецким предположениям, не могла оказать своей союзнице действительной помощи. Покончив с Францией, предполагалось бросить все силы на Россию и, таким образом, разгромить противников порознь. Каждый лишний день русских военных приготовлений рассматривался как чрезвычайно важный для Германии. Ясно было, что Германия должна была во что бы то ни стало задержать русские мобилизационные мероприятия.

Решив поддержать Сербию, русское правительство всё же чувствовало себя неуверенно. Это и неудивительно. Реорганизация русских вооружённых сил ещё далеко не была закончена, а позиция Англии оставалась не вполне ясной. Сазонов нервничал. То он предлагал, чтобы державы коллективно побудили Австрию продлить Сербии срок для ответа, то настаивал, чтобы Англия и Италия взяли на себя посредничество в австро-сербском конфликте. Наконец, 28 июля царь обратился к Вильгельму с просьбой успокоить Австрию. Всё было бесполезно. Война надвигалась неотвратимо, ибо этого хотели немцы. Тогда русское правительство решило, что надо возможно скорее мобилизоваться.

Германская дипломатия попыталась оттянуть русские военные приготовления. Вильгельм II в тот же день, 28 июля, поздно вечером послал Николаю II телеграмму¹, в которой обещал воз-

¹ Передана с берлинского телеграфа в 1 ч. 45 м. пополуночи 29 июля.

действовать на Вену. 29 июля германский посол Пурталес пришёл к Сазонову и прочёл ему телеграмму Бетмана; тот требовал, чтобы Россия прекратила всякие военные приготовления, иначе Германии придётся объявить мобилизацию, а это может легко привести к войне. «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости», — бросил Сазонов Пурталесу, выслушав телеграмму канцлера. «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения», — вскричал Пурталес. Собеседники расстались весьма холодно¹. Так гласит запись их беседы, сделанная в русском Министерстве иностранных дел.

В тот же день, 29 июля, по настоянию начальника генерального штаба Янушкевича, Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. Вечером начальник мобилизационного отдела генерального штаба генерал Добророльский прибыл в здание петербургского главного телеграфа и лично привёз туда текст указа о мобилизации для сообщения во все концы империи. Оставалось буквально несколько минут до того, как аппараты должны были начать передачу телеграммы. И вдруг Добророльскому было передано распоряжение царя приостановить передачу указа. Оказалось, царь получил новую телеграмму Вильгельма. В своей телеграмме кайзер опять заверял, что будет стараться достигнуть соглашения между Россией и Австрией, и просил царя не затруднять ему этого военными приготовлениями. Ознакомившись с телеграммой, Николай сообщил Сухомлинову, что отменяет указ о всеобщей мобилизации. Царь решил ограничиться частичной мобилизацией, направленной только против Австрии.

Сазонов, Янушкевич и Сухомлинов были крайне обеспокоены тем, что Николай поддался влиянию Вильгельма. Они боялись, что Германия опередит Россию в сосредоточении и развёртывании армии. Они встретились 30 июля утром и решили попытаться переубедить царя. Янушкевич и Сухомлинов попробовали было сделать это по телефону. Однако Николай сухо объявил Янушкевичу, что прекращает разговор. Генерал успел всё же сообщить царю, что в комнате присутствует Сазонов, который тоже хотел бы сказать ему несколько слов. Помолчав немного, царь согласился выслушать министра. Сазонов попросил аудиенции для неотложного доклада. Николай снова помолчал, а затем предложил приехать к нему в 3 часа. Сазонов условился со своими собеседниками, что если он убедит царя, то тотчас из Петергофского дворца позвонит Янушкевичу, а тот отдаст приказ на главный телеграф дежурному офицеру для сообщения указа во все военные округа.

¹ «Международные отношения», т. V, № 224.

«После этого, — заявил Янушкевич, — я уйду из дома, сломаю телефон, вообще сделаю так, чтобы меня уже нельзя было разыскать для новой отмены общей мобилизации».

В течение почти целого часа Сазонов доказывал Николаю, что война всё равно неизбежна, так как Германия к ней стремится, и что при этих условиях мешкать со всеобщей мобилизацией крайне опасно. В конце концов Николай согласился. Он обычно соглашался с тем, кто говорил с ним последний. Из вестибюля Сазонов позвонил Янушкевичу и сообщил о полученной санкции царя. «Теперь вы можете сломать свой телефон», — добавил он. В 5 часов вечера 30 июля встучали все аппараты главного петербургского телеграфа. Они разослали по всем военным округам указ царя о всеобщей мобилизации. 31 июля, утром, он стал достоянием гласности.

В полночь 31 июля германский посол явился к Сазонову с сообщением, что если 1 августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию. Сазонов спросил, означает ли это войну. «Нет, — ответил Пурталес, — но мы к ней чрезвычайно близки». Россия не приостановила мобилизационных мероприятий. В тот же день, 1 августа, и Германия приступила к всеобщей мобилизации.

Начало русско-германской войны

1 августа, вечером, германский посол снова пришёл к Сазонову. Он спросил, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на вчерашнюю ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно. Граф Пурталес выказывал признаки всё возрастающего волнения. Он вынул из кармана сложенную бумагу и ещё раз повторил свой вопрос. Сазонов снова ответил отказом. Пурталес в третий раз задал тот же самый вопрос. «Я не могу дать вам иной ответ», — снова повторил Сазонов. «В таком случае, — произнёс Пурталес, задыхаясь от волнения, — я должен вручить вам эту ноту». С этими словами он передал Сазонову бумагу. Это была нота, или, точнее, целых две ноты, с объявлением войны. Бетман прислал два варианта объявления войны, в зависимости от возможных вариантов ответа Сазонова, а Пурталес, разволновавшись, отдал Сазонову оба документа зараз¹.

Началась русско-германская война. Военные соображения германского генштаба требовали только задержки русской мобилизации. Никакой особой надобности в столь поспешном объявлении войны России немецкий план войны не вызывал. Он требовал лишь скорейшего открытия военных действий против Франции. Всякая отсрочка их на востоке могла принести немцам одну только выгоду. Для чего же понадобилось Бетману торопиться с актом объявления

¹ «Международные отношения», т. V, № 396.

войны России? На этот вопрос ответ даёт Бюлов в своих мемуарах. По его мнению, этот ход Бетмана диктовался внутриполитической обстановкой. Альберт Баллин передал Бюлову яркое описание сцены, разыгравшейся в его присутствии во дворце канцлера утром, в день объявления войны России.

«Когда Баллин вошёл в салон, где были тогда приняты столь потрясающие решения, то он увидел рейхсканцлера, который большими шагами, в сильном возбуждении ходил взад и вперёд по комнате. Перед ним, за столом, заваленным толстыми книгами, сидел тайный советник Криге. Криге был прплежным, честным и усердным чиновником... Бетман от времени до времени обращал к Криге нетерпеливый вопрос: „Объявление войны России всё ещё не готово? Я должен сейчас же иметь объявление войны России!“ Совершенно растерянный Криге копался, между тем, в крупнейших руководствах по международному и государственному праву, начиная с Гуго Гроция и вплоть до Блюнчли, Геффтера и Мартенса, выискивая прецеденты. Баллин позволил себе спросить канцлера: „Почему, собственно, ваше превосходительство так страшно торопится с объявлением войны России?“ Бетман ответил: „Иначе я не заполучу социал-демократов“. Он думал достигнуть этого, — заключает Бюлов, — заострив войну... против русского царизма»¹. Бетман решил, что германскому правительству выгоднее начать войну под лозунгом борьбы с царизмом. Он был уверен, что германские социал-демократы ухватятся за этот лозунг и это облегчит им поддержку немецкого империализма в мировой войне. С точки зрения внутренней политики канцлер не ошибся: «Каутский и Ко, — писал Ленин, — прямо-таки обманывают рабочих, повторяя корыстную ложь буржуазии всех стран, стремящейся из всех сил эту империалистскую, колониальную, грабительскую войну изобразить народной, оборонительной (для кого бы то ни было) войной, и подыскивая оправдания для неё из области исторических примеров *не империалистских войн*»². Таким оправданием и должна была служить идея «народной» войны против царизма, взятая из давно минувшей эпохи 1848 г.

Борьба в английском кабинете

Только 27 июля 1914 г. британский кабинет в первый раз после начала кризиса занялся обсуждением международного положения. Грей начал свой доклад с изложения телеграммы посла в Петербурге Бьюкенена, в которой сообщалось, что в случае войны Сазонов рассчитывает на военную поддержку со стороны Англии. Наступила минута, — заключил Грей, —

¹ *Bülow, Denkwürdigkeiten, B. III, S. 166—168.*

² *Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. XVIII, стр. 242.*

когда кабинет должен вынести определенное решение, примет ли Англия активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты, или же останется в стороне и сохранит абсолютный нейтралитет. Англия не может дольше откладывать решение. События надвигаются с большой быстротой. Грей предупредил, что в случае, если кабинет выскажется за нейтралитет, он подаст в отставку. Воцарилось молчание¹.

Первым нарушил его лорд Морлей. Он высказался против вступления Англии в войну. Такую же позицию заняло подавляющее большинство членов кабинета — одиннадцать, считая самого Морлея. Грея поддерживали только трое: премьер Асквит, Холден и Черчилль; Ллойд Джордж и ещё несколько министров заняли выжидательную позицию.

Положение Грея было не из лёгких. Россия и Франция настаивали на недвусмысленном ответе, желая знать, поможет ли им Англия в надвигающейся войне. Чиновники Форейн офис, особенно Никольсон и Кроу, а также генеральный штаб тоже торопили министра. А группа Морлея, наоборот, требовала мира с Германией. Дискуссия в кабинете возобновилась на следующий день и продолжалась ежедневно. Соотношение сил в правительстве заставляло Грея соблюдать осторожность. Ему надо было, по выражению Бенкендорфа, повлиять на «медлительное сознание» англичан и переубедить своих коллег по кабинету.

Грею помогала сама же германская дипломатия, проявив необузданность своих требований. Ещё 29 июля, в разговоре с английским послом Гошеном, Бетман со свойственной ему неуклюжестью затронул вопрос о войне против Франции и о вторжении германских войск через Бельгию. Если в таком случае Англия обязется соблюдать нейтралитет, Бетман обещал гарантировать неприкосновенность французской и бельгийской территории в Европе после войны. Отвечая на вопрос посла, канцлер, однако, тут же пояснил, что не может распространить эту гарантию и на французские колонии².

Телеграмма Гошена о разговоре с Бетманом пришла в Лондон 30-го утром. Грей заготовил отрицательный ответ на это «неприемлемое» и «бесчестное» предложение. Ответ был выдержан в возмущённом тоне³.

31 июля Грей запросил Берлин и Париж, будут ли они уважать нейтралитет Бельгии⁴. Камбон дал самые категорические заверения, а Лихновский попытался парировать вопрос Грея, в свою очередь спросив его, обязуется ли Англия соблюдать нейтралитет в случае, если Германия

¹ *Morley, Memorandum on Resignation, p. 1—2.*

² «*British Documents*», v. XI, № 293, p. 185—186.

³ *Ibid.*, № 303, p. 193.

⁴ *Ibid.*, № 348.

обещает не нарушать нейтралитета Бельгии. Грей отказался дать такое обязательство. Но он добавил, что для самой Германии было бы крайне важно дать Англии гарантию нейтралитета Бельгии: это оказало бы влияние на английское общественное мнение в благоприятном для Германии смысле.

Тем временем Россия и Франция всё настойчивее требовали от Англии ясных обязательств. Британский кабинет попрежнему откладывал решение.

Группа Морлея грозила расколом кабинета, и 1 августа 1914 г. Грей поддался давлению прогерманцев. В этот день, в противоречие с тем, что он говорил немцам начиная с 29 июля, Грей предложил Лихновскому обсудить следующий проект: он гарантирует нейтралитет Англии и Франции, при условии, что немцы обещают не нападать на эту последнюю¹. Таким образом, Грей задумывал прямое предательство России. Явный смысл его плана заключался в том, чтобы, бросив Германию на Россию, самому остаться в стороне. Конечно, кайзер пришёл в восторг от проекта Грея. Но осуществить его не удалось.

Прежде всего помешали французы. Камбон без стеснения разъяснил Грею, что если Англия предаст своих друзей, то после войны ей самой придётся плохо, независимо от того, кто бы ни предстал перед ней в роли победителя: Германия или Россия и Франция. Грей не мог не понять, что замысел его не только вероломен, но и недостаточно дальновиден.

Французские правящие круги в лице таких политиков, как Пуанкаре, давно решились на войну с Германией. Но при этом французское правительство желало переложить ответственность за неё на самих немцев. Сделать это было нетрудно. Стремясь к быстрейшему разгрому Франции, германский империализм торопился с началом военных действий на Западном фронте. Значит стояло только французскому правительству проявить терпение и выдержку, и германское правительство само взяло бы на себя всю тяжесть ответственности за объявление войны. 30 июля 1914 г. французское правительство отвело войска на 10 километров от границы, тщательно стараясь предупредить пограничные инциденты, которые могли бы дать немцам повод для открытия военных действий.

Уже 31 июля, одновременно с предъявлением в Петербурге требования прекратить мобилизацию, германским послом в Париже была вручена нота французскому министру иностранных дел. Этой нотой германское правительство ставило Францию в известность о требованиях, предъявленных им России. Далее, оно задавало вопрос, готова ли Франция дать обязательство

¹ «Die Deutschen Dokumente», № 562.

соблюдать нейтралитет. Для ответа был дан срок 18 часов. Бетман предусмотрительно сообщил послу Шёну инструкции, как ему поступить, если бы французы дали удовлетворительный ответ. В этом случае посол должен был предъявить французам добавочное, заведомо неприемлемое требование и, таким образом, вынудить их воевать. Франции предлагалось передать Германии крепости Туль и Верден для оккупации их в качестве залога, что обещанный нейтралитет в самом деле будет соблюдаться. Так нагло провоцировали немцы войну.

Но Бетман напрасно измышлял свои ухищрения. Французы ответили, что ничего не могут заранее сказать о своём поведении и сохраняют свободу действий. 1 августа Пуанкаре отдал приказ о мобилизации. Придаться к этому немцам было трудно: в этот день мобилизовалась и сама Германия.

Начальник германского генштаба требовал скорейшего открытия военных действий на Западном фронте. Уже 1 августа Бетман составил текст объявления войны Франции. Для обоснования этого акта германский канцлер использовал непроверенные слухи о пограничных инцидентах и мнимых налётах французской авиации на территорию Германии. Позже и сами немцы признали, что, объявляя войну Франции, они ссылались на такие данные, которые оказались ложными. Так «обосновывался» акт величайшего международного значения: объявление войны Франции. Нота была вручена французскому правительству под вечер 3 августа 1914 г.

Вторжение
германских
войск в Бельгию

Бетману оставался ещё один последний труд: дипломатическое «оформление» германского вторжения в Бельгию. Это было сделано очень просто и столь же аляповато, как и объявление войны Франции. Ещё 29 июля Мольтке прислал в ведомство иностранных дел проект заявления бельгийскому правительству. В нём говорилось, что германское правительство имеет сведения, будто Франция концентрирует войска на Маасе для удара на Намюр. Бельгия, утверждалось далее, явно не сможет своими силами отразить это нападение; ввиду этого германские войска вынуждены будут вступить на бельгийскую территорию. Однако германское правительство предлагает не усматривать в этом враждебного Бельгии акта; оно просит отвести бельгийские войска к Антверпену и не мешать продвижению германских войск. За это Бельгии гарантируются её целостность и независимость и даже территориальные компенсации за счёт Франции. Германское иностранное ведомство вычеркнуло лишь фразу о компенсациях; в остальном оно ограничилось ролью переписчика текста, присланного Мольтке. Срок для ответа давался Бельгии суточный. В берлинских дипломатических канцеляриях всем было, конечно, ясно, что

никакого удара французов на Намюр не ожидается. Тем не менее 2 августа ультиматум был вручен бельгийскому правительству.

Бельгия мобилизовалась ещё 31 июля. Получив ультиматум, брюссельское правительство отклонило его и обратилось к Англии за помощью.

Теперь Грей победил своих коллег-пацифистов. Значение бельгийского побережья для безопасности Англии истари известно было каждому англичанину. Вторжение немцев в Бельгию давало Грею и его единомышленникам самый популярный предлог для вмешательства в войну. 2 августа лидеры консерваторов обещали Асквиту полную поддержку в том случае, если он решится на войну. С этого момента Морлей уже не представлял опасности для Асквита и Грея.

2 августа Грей дал Камбону письменное заверение, что английский флот будет защищать французское побережье Канала и Атлантики в соответствии с условиями морской конвенции¹. Вечером этого дня Джон Бернс, один из министров — противников войны, подал в отставку. На заседании кабинета утром 3 августа было решено вступить в войну. Вслед за Бернсом подал в отставку лорд Морлей и с ним ещё два члена кабинета. Ллойд Джордж решительно перешёл на сторону военной партии.

Днём Грей выступил в Парламенте. Весь мир с нетерпением ждал его речи. Особенно беспокоилось, конечно, германское правительство.

Грей начал свою речь заявлением, что к несчастью «европейский мир не может быть сохранён». Он заверил, что вся его политика была направлена на сохранение мира. Однако все усилия спасти мир остались безуспешными, ибо «некоторые страны» стремились к войне. Огласив своё письмо к Камбону от ноября 1912 г., Грей обосновал необходимость вмешательства Англии в войну на защиту Франции.

Конец своего выступления Грей посвятил Бельгии. Он доказывал, что Англия не может сохранить нейтралитет, если Бельгия подвергнется иноземному нашествию. Грей закончил просьбой, чтобы палата предоставила кабинету неограниченные полномочия для использования всех морских и сухопутных сил Великобритании². И консерваторы и даже ирландцы выразили доверие правительству.

На следующий день, 4 августа 1914 г., британское правительство предъявило Германии ультиматум, требуя безоговорочного соблюдения нейтралитета Бельгии. Ответ предлагалось дать до 11 часов ночи по лондонскому времени.

¹ «British Documents», v. XI, № 487.

² Grey, Twenty five years, v. II, p. 308—326.

Вечером этого дня, 4 августа, кабинет собрался на Даунинг-стрит. Грей был уверен, что ответа не последует. И всё же министры с волнением ожидали, не явится ли кто из германского посольства, дабы вручить ответную ноту. Стрелка часов приближалась к назначенному часу. Срок истёк, ответа не поступило. Грей послал в германское посольство Лихновскому письмо следующего содержания: «Правительство его величества считает, что между обеими странами с 11 часов вечера 4 августа существует состояние войны»¹. К письму были приложены паспорта чинов посольства.

---

¹«British Documents», т. XI, № 643.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление Англии в войну влекло за собой участие в ней всей Британской империи. Европейская война принимала характер мировой войны. К тому же выступление Англии до некоторой степени предрешало и позицию США.

Во время войны главные усилия дипломатии обоих воюющих лагерей были направлены на вербовку новых союзников. Рядом с этой задачей вставала и другая: забота о межсоюзнических отношениях и о начертании контуров будущего мирного договора.

Выступление Японии

Что касается завербования союзников, то эта задача стоила дипломатии обеих сторон немалых трудов. Не заставила себя уговаривать

только Япония, которая сама начала военные действия против Германии. Японские империалисты быстро оценили обстановку. Все европейские державы оказались связанными войной. Япония получала возможность развивать свою экспансию, не опасаясь конкурентов. Первой её добычей должны были стать германские владения на Дальнем Востоке.

Уже 15 августа 1914 г. японское правительство без дальних дипломатических предисловий предъявило Германии ультиматум. В нём выдвинуто было требование, чтобы Германия «без всяких условий и без всякой компенсации» передала японцам Киао-Чао «в целях возвращения его Китаю». Для ответа был дан срок в 8 дней. Японское правительство заявляло в этом всеобразном документе, что это «дружеское предложение» делается им исключительно в целях укрепления мира в Восточной Азии, причём Япония не преследует целей территориальной экспансии.

Германское правительство не ответило на этот ультиматум. Тогда 23 августа 1914 г. Япония объявила Германии войну. Начав военные действия, она захватила Киао-Чао, железную дорогу Циндао, Цзинань-фу, а также ряд принадлежавших Германии островов на Тихом океане. Эти захваты вызвали большое недовольствие не только в США, но и у японского

союзника — Великобритании. Особенно сильно было негодование доминионов — Австралии и Новой Зеландии.

Английская дипломатия с самого начала отнеслась подозрительно к неожиданной готовности Японии выполнить свои союзнические обязательства. Английской дипломатии было ясно, что Япония использует войну в Европе лишь для того, чтобы укрепить свои империалистические позиции на Дальнем Востоке.

Англичане не ошиблись. Главной задачей Японии после захвата германских колоний стало использование европейской войны для экспансии в Китае. После захвата Киао-Чао и островов Япония фактически не принимала дальнейшего участия в войне против Германии, если не считать поставки России боеприпасов и военного снаряжения. При этом к современному вооружению в качестве принудительного ассортимента России навязывался всякий устарелый хлам.

Тем не менее русская дипломатия приветствовала присоединение Японии к Антанте: это давало некоторые дополнительные гарантии против японского нападения на дальневосточные владения России.

Выступление Турции

В первые же дни войны противные стороны начали борьбу за вовлечение в неё Турции. Из-за влияния на эту страну, как известно, уже давно шло ожесточённое состязание между Антантой и австро-германским блоком. Младотурецкое правительство склонялось к германской ориентации. Однако финансово-экономическая зависимость Турции от Антанты была всё-таки весьма велика. К тому же нетрудно было убедиться, что германская дипломатия лишь в целях маскировки заверяла, будто стремится к сохранению территориальной целостности Турции. По признанию германского министра иностранных дел Ягова, это должно было продолжаться лишь до тех пор, «пока мы не укрепимся в наших зонах и не будем готовы к аннексиям»¹.

Турция в 1914 г. не могла ждать ничего доброго от победы ни той, ни другой из воюющих сторон. Антанта грозила её расчленить, Германия — превратить в своего вассала. Собственные же захватнические пантюркистские вождедения младотурок распространялись на русские и английские территории. Младотурки решили пойти на союз с Германией. Впрочем, решение принято было не без колебаний и не без борьбы. В младотурецком триумвирате Энвер и Талаат были германофилами, но Джемаль считался приверженцем Антанты. В конце концов 22 июля 1914 г. военный министр Энвер-паша без ведома большей части членов правительства заявил германскому послу о намерении Турции вступить с Германией в союз.

¹ *Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkrieg, S. 393.* Письмо Вангенгейму.

У посла Вангенгейма имелись сомнения насчёт целесообразности такого союза. Об этом он сообщил по телеграфу в Берлин. Но кайзер решил иначе. На полях телеграммы своего посла он написал: «Теоретически верно, но в настоящий момент неуместно. Теперь дело идёт о том, чтобы добыть каждую винтовку, которая может стрелять по славянам на Балканах на стороне Австро-Венгрии. Поэтому надо согласиться на турецко-болгарский союз с присоединением к нему Австро-Венгрии... Это всё же лучше, чем по теоретическим соображениям толкать Турцию на сторону Антанты»¹.

2 августа 1914 г. был подписан германо-турецкий союзный договор. Суть его сводилась к следующему. Если Россия вмешается в австро-сербский конфликт и Германия выступит на стороне Австрии, Турция также обязана объявить войну России. Договор отдавал турецкую армию в полнейшее распоряжение Германии. Это предусматривалось статьёй 3 договора: «В случае войны германская военная миссия останется в распоряжении оттоманского правительства. Оттоманское правительство обеспечивает осуществление действительного влияния и действительной власти этой миссии в операциях турецкой армии».

2 августа в Турции была объявлена мобилизация.

Тем не менее на другой день после подписания договора с Германией турецкое правительство опубликовало декларацию о своём нейтралитете. Этот акт объяснялся тем, что Турция в военном отношении была не подготовлена. «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время: мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится, и мы сможем принять участие в войне»², — писал впоследствии Джемаль-паша об истинных намерениях младотурецких вождей.

Характерно для нравов младотурецкой дипломатии, что, подписав союз с Германией, тот же Энвер повёл переговоры с русским послом и с военным агентом генералом Леонтьевым, предлагая им заключить союз против Германии. Энвер заявил Леонтьеву, что Турция питает к России самые дружественные чувства. Она-де не связана с Германией каким-либо союзным договором и, более того, готова предоставить свою армию в полное распоряжение России и направить её против любого врага по указанию из Петербурга. За это Энвер требовал возвращения Турции Эгейских островов и части болгарской Фракии. Сазонов с большим подозрением отнёсся к предложению Энвера. Он не доверял искренности младотурок и опасался толкнуть болгар в объятия Германии. В дальнейшем выяснилось, что, предлагая России союз, Энвер прибег к самому примитивному обману. На самом деле он лишь ждал прихода германских

¹ «Die Deutschen Dokumente», B. I, S. 123.

² Джемаль-паша, Записки, 1913—1919, рус. перев., Тифлис 1923, стр. 101—102.

военных кораблей, прорвавшихся к проливам. По замыслу немцев и турок, эти корабли должны были изменить соотношение сил на Чёрном море и угрожать южнорусскому побережью. 10 августа «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы.

Турецкое правительство произвело фиктивную покупку этих кораблей. Антанта протестовала, но не слишком энергично, ибо боялась ускорить разрыв с Турцией. Военные приготовления России на кавказской границе требовали известного времени. На позицию английской дипломатии влияла также необходимость считаться с индийскими мусульманами, чтившими в лице султана своего халифа. Поэтому для английской дипломатии было важно, чтобы инициатива разрыва с Турцией исходила не от Англии. Турция не обратила внимания на протесты Антанты. На требование выслать германских офицеров великий визирь глубокомысленно ответил, что надо ещё «обдумать способ их высылки — сухим ли путём или на нейтральном судне»¹. Германские офицеры остались в Турции. С появлением «Гебена» и «Бреслау» не только турецкая армия, но и флот оказались под командованием немцев.

Чтобы отсрочить, а быть может, и предотвратить выступление Турции, Сазонов предложил союзным державам гарантировать ей территориальную неприкосновенность. Кроме того, он проектировал вернуть Турции остров Лемнос. Он учитывал, что без существенных территориальных приобретений Турция не пойдёт на соглашение с Антантой. Это предложение натолкнулось на сопротивление английской дипломатии. Дорожка отношениями с Грецией, Греция отказалась передать туркам Лемнос. Но гарантия территориальной неприкосновенности была Турции предложена, правда, только на случай покушений во время текущей войны². Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы Антанте удалось добиться соглашения с константинопольским правительством.

В начале сентября 1914 г. российское Министерство иностранных дел получило от разведки достоверные сведения об истинной позиции Турции. Из этих данных Антанте окончательно стал ясен действительный характер турецко-германских отношений.

9 сентября турецкое правительство сообщило всем державам, что оно приняло решение с 1 октября 1914 г. отменить режим капитуляций. Попытка Турции освободиться от империалистической кабалы привела к своеобразному дипломатическому результату. Послы всех держав немедленно вручили турецкому правительству тождественные ноты с протестом против «произвольной отмены капитуляций». Опасение лишиться без соответствующих компенсаций империалистических

¹ «Царская Россия в мировой войне», № 35.

² «Международные отношения», т. VI, ч. 1, № 100, 118, 119 и 173, примечание 3.

привилегий в Турции объединило против неё даже жесточайших врагов.

После вручения этих нот германская дипломатия принялась убеждать турок, что для них самое лучшее — скорее выполнить союзные обязательства и начать войну. Тогда в отношении стран Антанты вопрос о капитуляциях отпадёт сам собой; с державами же Тройственного союза Турция всегда сможет договориться. Со своей стороны и дипломатия Антанты не отказывалась обсуждать вопрос о капитуляциях: лишь бы Турция обещала соблюдать нейтралитет. Переговоры о капитуляциях продолжались в течение всего сентября.

После поражения немцев на Марне стало очевидно, что война затянется. Это привело к тому, что работа по вербовке союзников стала ещё более напряжённой. В октябре Германия предоставила Турции заём. При этом было условлено, что Турция вступит в войну тотчас же по получении части этих денег. Антанта всё это узнавала через русское правительство, разведка которого сумела добыть соответствующие достоверные данные.

Но многие члены турецкого правительства всё ещё не освободились от страха перед войной. В их числе был сам великий визирь. Поражение Германии на Марне и успехи русских войск в Галиции ещё более усиливали их опасения. Ввиду этого Энвер, в согласии с немецким командованием, решил поставить свою страну перед свершившимся фактом. 29 и 30 октября 1914 г. турецкий флот под командой немецкого адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. В тот же день, 29 октября, русский посол в Константинополе получил предписание затребовать свои паспорта.

Турецкое правительство было перепугано провокационными действиями Энвера и Сушона. Великий визирь грозил подать в отставку. Его с трудом уговорили остаться во избежание международного скандала. 1 ноября по поручению визиря к Сазонову явился турецкий посланник Фахреддин. Министр встретил его словами: «Я собирался послать вам ваши паспорта». «А я приношу вам мир», — заискивающим тоном заявил турок. Он прочитал Сазонову телеграмму великого визиря, в которой тот выражал своё сожаление о случившемся. Сазонов ответил, что первым условием восстановления мира должно быть немедленное выдворение из Турции всех немецких офицеров. Этого требования великий визирь уже не мог выполнить, если бы и хотел. Послы Антанты покинули Константинополь. 2 ноября 1914 г. Россия объявила Турции войну. 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция. Так германские империалисты и их агент Энвер-паша ввергли турецкий народ в губительную авантюру.

Выступление Турции отвлекло часть сил России и Англии от германских фронтов. Другим последствием участия Турции

в войне явилось закрытие проливов и для торговых судов. Это прервало морскую связь между Россией и её союзниками через Чёрное и Средиземное моря. На Балтике господствовал германский флот. Не считая долгого пути на Владивосток с его незначительной пропускной способностью, связь с Англией и Францией могла поддерживаться лишь через Архангельск. Дороги на Мурманск ещё не существовало. Пути через Румынию, Сербию и Грецию были очень ненадёжны даже в первый период войны. В конце 1915 г. эта связь была совершенно прервана австро-германским наступлением на Сербию.

Выступление Италии

Борьба за привлечение союзников распространилась и на Италию. Итальянское правительство с самого начала сомневалось, на чью сторону склонится победа. А между тем «шакал», как однажды назвал Италию Бисмарк, всегда старался следовать за тем из крупных хищников, у которого вернее можно поживиться куском добычи. Ввиду этого Италия не торопилась с выполнением своих союзнических обязательств. 3 августа 1914 г. итальянский король сообщил Вильгельму II, что с итальянской точки зрения возникновение данной войны не подходит под формулировку *casus foederis* в тексте договора о Тройственном союзе¹. Король пошёл дальше. Он сделал угрожающий намёк, заметив, что имеются в Италии люди, которые склонны начать войну против Австрии. На полях депеши короля Вильгельм в собственноручной пометке обозвал своего коронованного собрата «мерзавцем». В тот же день, 3 августа, итальянское правительство опубликовало декларацию о нейтралитете. Однако итальянский министр иностранных дел маркиз ди Сан-Джулиано тут же доверительно сообщил германскому послу, что если бы Италию достаточно вознаградили, то она готова была бы «изучить способы оказания поддержки своим союзникам». На другой день, 4 августа, итальянское правительство столь же конфиденциально сообщило Сазонову о позиции, занятой им по отношению к центральным державам. При этом, свидетельствует Сазонов, ему было заявлено, что «ввиду малой надежды получить желаемое от Германии и Австрии Италия могла бы вступить в обмен мнений с нами на означенной почве»².

Итальянское правительство, таким образом, не ограничилось тем, что принялось шантажировать центральные державы. Оно вступило в переговоры и с Антантой, выясняя, сколько та ей даст за объявление войны Германии и Австрии. Начался длительный торг. Уже в августе правительства Антанты предложили итальянцам Трентино, Триест и Валону. Антанте

¹ «Die Deutschen Dokumente», В. IV, № 755.

² «Международные отношения», т. V, № 521.

было легче набавлять цену: притязания Италии в первую очередь распространялись на австрийские территории, на Албанию и Турцию, т. е. на такие страны, которые Антанте не принадлежали. Положение Германии было сложнее: для Италии самыми ценными приобретениями были бы именно австрийские владения, уступка которых, разумеется, наталкивалась на сопротивление со стороны союзного австро-венгерского правительства. Германия могла зато щедро раздавать земли в Северной Африке за счёт Франции. Кроме того, она сулила Италии Ниццу, Корсику и Савойю. Пока шли все эти переговоры, итальянский «шакал» не дремал. В октябре 1914 г., не теряя времени, Италия захватила остров Сасено, расположенный у входа в Валонский залив. В декабре она оккупировала Валону.

Премьер Саландра дал своеобразное политическое и даже «моральное» обоснование принципам итальянской дипломатии. В сентябре 1914 г. он публично заявил, что итальянское правительство устранило из своей политики «всякую заботу, всякий предрассудок, всякое чувство, которые не были бы внушены исключительно лишь одной безграничной преданностью родине, итальянским священным эгоизмом»¹. Бюлов в своих мемуарах несколько иначе и в менее возвышенном стиле охарактеризовал сущность политики Саландры. «Он просто хотел в большой мировой сумятице что-нибудь заработать для своей страны», — лаконически отметил германский дипломат.

Ввиду военно-морской зависимости от Антанты Италия благоразумно воздерживалась от войны на стороне центральных держав. Для неё дело шло о том, соблюдать ли нейтралитет, или же воевать на стороне Антанты против своих союзников. Решался этот вопрос итальянцами в зависимости от того, кто больше даст и у кого больше шансов на победу.

Наступление немцев через Бельгию в августе 1914 г. поддерживало в Италии склонность к нейтралитету и к переговорам с Германией. Битва на Марне и приостановка немецкого наступления изменили положение, и переговоры Италии с Антантой оживились. Правительство Саландры, проводя свою политику «без предрассудков», требовало, чтобы Антанта набавила цену. Большие затруднения чинила Антанте Сербия, которая противодействовала удовлетворению итальянских притязаний на Далматинское побережье, населённое преимущественно славянами. Однако и Австрия не проявляла уступчивости. Саландра стал угрожать своим союзникам, что «общественное мнение» вынудит его стать на сторону Антанты. Вследствие этого германское правительство усилило свой нажим на Вену. В декабре в Рим был послан со специальной миссией князь Бюлов, который был когда-то послом в Италии и обладал там

¹ Renouvin, La crise européenne et la grande guerre, p. 270.

большими связями. В своих мемуарах Бюлов повествует о тех переговорах, которые он вёл в итальянской столице. «В день моего приезда в Рим, — пишет он, — я посетил в Консульстве министра иностранных дел Сиднея Соннино¹. В этом роскошном дворце тогда помещалось Министерство иностранных дел. Когда я вошёл в приёмную министра, я очутился там лицом к лицу с тремя послами Антанты: Баррером, сэром Рейнелем Роддом и Крупенским. Их отношение ко мне было характерно для духа их народов. Добрый Крупенский бросился ко мне и стал заверять меня, что его личное чувство дружбы ко мне несколько не изменилось. Умный и утончённый Родд протянул мне руку и сказал по-английски: „Жму вашу руку и прошу вас передать мои наилучшие пожелания княгине Бюлов“. Из всех троих послов Антанты Камилл Баррер был моим самым старым другом. Но когда он увидел меня, он, с присутствием всем французам актёрским талантом, с ужасом посмотрел на меня, затем закрыл глаза руками и отвернулся». Далее, Бюлов излагает существо своего разговора с Соннино. «Соннино с самого же начала ясно и откровенно изложил мне свой взгляд на создавшееся положение. Антанта предлагает Италии в качестве военной награды все населённые итальянцами австрийские области. Чтобы избежать военного столкновения между Италией и Габсбургской монархией, Австрия также должна со своей стороны предложить уступки в конкретной, связывающей её форме. Эти уступки должны быть предложены приличным образом. Их нельзя бросать Италии, как подачку надоедливому нищему. И прежде всего это нужно сделать как можно скорее. *Минимум таких уступок* представило бы Трентино».

Центральным державам помогал Ватикан. Для установления возможно более тесного контакта с Ватиканом в Рим кроме Бюлова был направлен лидер католической партии центра, депутат Рейхстага Эрцбергер. «Бенедикт XV, — пишет Бюлов, — горячо поддерживал мои усилия, направленные на сохранение мира. Он желал сохранения Габсбургской империи, этой последней католической великой державы. Он ясно сознавал, что войны можно было избежать лишь при условии, чтобы Австрия больше не медлила пожертвовать по меньшей мере Трентино... Папа поручил венскому архиепископу кардиналу Пиффлю переговорить в этом смысле со старым императором Францем-Иосифом. Но восьмидесятичетырёхлетний император даже не дал кардиналу высказаться, когда тот скромно и боязливо стал выполнять желание святого отца. Краска гнева залила его старческое лицо. Он взял кардинала за руку и буквально выставил его за дверь».

¹ Соннино сменил Сан-Джулиано на посту министра иностранных дел.

Не прекращая переговоров в Вене, итальянское правительство в начале марта 1915 г. усилило свой торг с Антантой. Кроме Трентино, Триеста, Валоны, острова Сасено, Далматинского побережья с его островами, колониальных уступок в Африке и прочих прежних своих претензий Италия потребовала ещё образования из центральной Албании автономного княжества со столицей в Дураццо, явно рассчитывая поставить в зависимость от себя сильно урезанную и ослабленную Албанию. Северная Албания подлежала разделу между Сербией и Черногорией, южная отходила к Греции, Валона с округой — к самой Италии; кроме того, она претендовала на заём в Лондоне в сумме 50 миллионов фунтов стерлингов. Наконец, Италия настаивала на заключении военной конвенции: в Риме желали иметь гарантию, что Россия не ослабит своего нажима на галицийском фронте, а англо-французский флот поможет в борьбе с австрийским флотом.

Англия и Франция готовы были всё это обещать. Однако Россия из внимания к Сербии протестовала против передачи Италии территорий, населённых южными славянами.

Италия получила новое средство для давления на Антанту. 8 марта 1915 г. в Вене на коронном совете было, наконец, решено предоставить Италии компенсации. Между Италией и центральными державами начался спор о том, сколько именно должна получить Италия и когда должна состояться передача уступаемых территорий: немедленно или по окончании войны.

Под давлением Англии и Франции пошла на уступки и Россия: она изъявила согласие отдать итальянцам значительную часть Далмации. Таким образом, Антанта удовлетворяла почти все притязания Италии. Теперь «шакал» мог сделать свой выбор. 26 апреля 1915 г. в Лондоне был, наконец, подписан договор. Италия обязывалась через месяц начать войну против своих бывших союзников. Для этого Англия предоставляла ей заём в 50 миллионов фунтов.

3 мая итальянское правительство расторгло договор о Тройственном союзе. Тогда Бюлов пошёл на самый решительный дипломатический ход.

«9 мая, — повествует он в своих мемуарах, — я заставил императорского и королевского посла барона Маккио у меня на вилле „Мальта“, куда я пригласил его для переговоров, написать под мою диктовку заявление, которое в тот же день должно было быть секретным порядком переслано итальянскому правительству и в котором было сказано, что Австро-Венгрия готова уступить населённую итальянцами часть Тироля, а также Градиску и западный берег Изонцо, где имеется чисто итальянское население; Триест должен стать имперским свободным городом с итальянским университетом и итальянским муниципалитетом; Австрия признаёт суверенитет Италии над Валонией

и заявляет о своей политической незаинтересованности в Албании.

Мне пришлось применить сильное давление, чтобы заставить боязливого Маккио совершить тот шаг, который ещё в январе мог бы иметь желательные последствия».

Запасшись такого рода документом, Бюлов немедленно сообщил о нём главе итальянских «нейтралистов» Джолитти и другим их лидерам. Джолитти срочно приехал в Рим. Тотчас по его прибытии 320 депутатов из 508, т. е. большинство, демонстративно завезли ему визитные карточки. Опираясь на большинство в Парламенте, Джолитти заявил королю и Саландре, что не согласен с политикой, намеченной в Лондонском договоре от 26 апреля. Саландра подал в отставку. Казалось, дело Германии выиграно. Но в этот момент крайние шовинисты, сторонники войны, во главе с бывшим социалистом ренегатом Муссолини, состоявшим на содержании у французов, и д'Аннунцио, за которыми стояли мощные капиталистические интересы, организовали демонстрации против Парламента и преобладавших в нём «нейтралистов». Король не принял отставки Саландры. Джолитти был вынужден покинуть Рим. Напуганный Парламент 20 мая 1915 г. вотировал военные кредиты. 23 мая Италия объявила войну Австрии; однако до конца августа следующего года она формально оставалась в мире с Германией.

Лищнические цели своей войны итальянские империалисты прикрывали пышной риторикой. На деле Италия оставалась всё тем же международным «шакалом». «Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времён Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и её допустили к дележу добычи»¹, — писал Ленин.

Взаимоотношения
держав Антанты

Борьба за вербовку новых союзников осложнялась соперничеством между основными членами воюющих группировок. В лагере центральных держав Германия пользовалась неоспоримой гегемонией. Это упрощало их межсоюзнические отношения. Однако и в их среде имели место значительные трения. Это вскрыли, между прочим, австро-германские переговоры относительно компенсации Италии. Ещё больше внутренних конфликтов возникало в лагере Антанты. Споры из-за предоставления Италии южнославянских областей явились примером осложнений, вызванных дележом ещё не полученной добычи. Очень рано воз-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 289—290.

никли между союзниками разногласия и по вопросам стратегического плана войны. Основным фронтом Англия и Франция считали Западный фронт. Русской армии они отводили самую неблагоприятную роль. Она должна была оттягивать на себя силы противника в те моменты, когда этого требовали соображения англо-французского командования. Действительно, русское наступление на Восточную Пруссию спасло Париж и обеспечило успех французов на Марне. Зато России оно стоило величайших жертв. Тяжёлая роль, которую западные союзники навязали России, была следствием зависимости русского царизма от англо-французского капитала. Во время войны эта зависимость возросла ещё больше. Война 1914—1918 гг. предъявила огромные, ранее невиданные требования к промышленности. Отсталая экономика царской России не успевала удовлетворять эти требования. Летом 1915 г. это повело к отступлению русской армии, оставшейся без снарядов. России приходилось обращаться к Англии и Франции. Просьбы прислать боевые припасы и вооружение летели из Петербурга и из русской ставки в Париж и в Лондон. Антанта послала кое-какие военные материалы, но делала это медленно и скупо. Не менее туго продвигались и дипломатические переговоры об объединении военных усилий союзников на обоих главных фронтах. Русское командование откликалось на потребности Западного фронта. Если русские операции в Восточной Пруссии в 1914 г. помогли выиграть битву на Марне, то в 1916 г. блестящее наступление Брусилова способствовало спасению Вердена и стабилизации итальянского фронта. Но Англия и Франция должной оперативности не проявляли.

В 1915 г. германское командование попробовало перенести главный удар на Восточный фронт. Результатом этого было отступление прекрасно сражавшейся, но плохо обеспеченной русской армии. Всё же Россия из строя не выбыла. Достигнутый Германией тактический успех не создал перелома в ходе войны. Сам начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн побоялся продолжать наступление в глубь России. Он считал, что наступление на Москву завело бы германскую армию «в область безбрежного».

Приняв на себя в кампании 1915 г. главный удар немецких полчищ, Россия обеспечила Англии и Франции время для развёртывания их сил и ресурсов. Благодаря этому к 1916 г. немцы уже потеряли те преимущества, которыми они располагали, начиная войну.

Но со своей стороны Англия и Франция почти что пальцем не пошевелили для того, чтобы облегчить летом 1915 г. положение русской армии. Западные союзники не нашли возможным предпринять крупное наступление на французском

фронте. И когда с большим запозданием, наконец, началось французское наступление в Шампани, то оно оказалось мизерным по своим масштабам. Бесконечные проволочки в дипломатических переговорах между странами Антанты по вопросам координации фронтов способствовали затяжке войны. В ставке французского главнокомандующего в Шантильи в течение 1915—1916 гг. состоялся ряд межсоюзнических военных совещаний. Здесь были приняты решения об одновременном наступлении в 1916 г. на всех фронтах против Германии и Австро-Венгрии. Однако эти решения были проведены в жизнь с запозданием, неорганизованно и неполностью. Между тем уже в 1916 г. Антанта не только численно, но и технически была сильнее Германии. Но несогласованность действий союзников помогла немцам продержаться ещё два года. Вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах Ллойд Джордж: «Я пришёл к выводу, что мы могли добиться победы уже в 1916 г. или, самое позднее, в 1917 г., если бы стратегическое руководство военными действиями проявило больше воображения, здравого смысла и солидарности».

Много места в межсоюзнической политике заняли вопросы финансирования войны. Главным кредитором всех стран Антанты на первых этапах войны стал английский капитал. Выступление Италии было куплено за наличные ценой займа в 50 миллионов фунтов. Лондон предоставлял займы и кредиты Петербургу, в значительной мере заменив в этом деле Париж. Он кредитовал и Францию, особенно во второй период войны. Но и сам Лондон вскоре вынужден был прибегнуть к помощи Нью-Йорка. Постепенно, по мере того как война затягивалась, сложилась такая схема финансирования Антанты: Нью-Йорк — Лондон — остальные члены Антанты.

После того как на западе установилась позиционная война, в обоих лагерях начались поиски наиболее уязвимого участка у противника, удар по которому позволил бы ускорить победу. Хотя французское и английское командование считало решающим Западным фронтом, но в лагере Антанты были и сторонники перенесения главного удара на Ближний Восток; отсюда, по их мнению, можно было вернее поразить Германию. К этой группе «восточников» во Франции принадлежали генералы Галлиени и Франше д'Эспере, в Англии — Китченер, Черчилль, Ллойд Джордж.

Этот стратегический вопрос был предметом переговоров между английским и французским правительствами. 3 января 1915 г. было принято решение начать операции против Дарданелл. «Западники» — Жоффр, Френч, Мильтерай — дрались за каждую дивизию, снимаемую с Западного фронта. Дарданельская операция была начата с недостаточными силами и потерпела неудачу. Это стало очевидным уже весной 1915 г.

Однако до своего провала дардапельская операция успела дать толчок к завершению межсоюзнических переговоров о судьбах проливов.

**Захватнические
планы держав
Антанты**

Переговоры о дележе будущей добычи завязались в стане Антанты вскоре же после начала войны. 5 сентября 1914 г. между Россией, Англией и Францией было заключено соглашение, по которому они взаимно обязывались: 1) не заключать в происходящей войне сепаратного мира; 2) «когда настанет время для обсуждения условий мира, ни один из союзников не будет ставить мирных условий без предварительного соглашения с каждым из других союзников»¹.

14 сентября 1914 г. Сазонов наметил послам Палеологу и Бюкенену основные вехи будущего мира. Программа эта предполагала разгром Германской империи и её союзников. Её содержание было таково: 1. Присоединение к России нижнего течения Немана, Восточной Галиции, переход Познани, Силезии и Западной Галиции к будущей Польше. 2. Возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, передача ей «по её усмотрению» части Рейнской области и Палатината. 3. Значительное увеличение Бельгии за счёт германских территорий. 4. Возвращение Дании Шлезвига и Гольштейна. 5. Восстановление Ганноверского королевства. 6. Превращение Австро-Венгрии в триединую монархию, состоящую из Австрии, Чехии и Венгрии. 7. Передача Сербии Боснии, Герцеговины, Далмации и северной Албании. 8. Вознаграждение Болгарии за счёт сербской Македонии и присоединение к Греции южной Албании. 9. Передача Валоны Италии. 10. Раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией. 11. Уплата военной контрибуции². 26 сентября Сазонов выдвинул дополнительные требования России по отношению к Турции: Россия должна получить гарантию свободного прохода своих военных кораблей через проливы. Никаких притязаний на захват турецкой территории Россия не предъявила.

Вопрос о разделе Турции был впервые поставлен английской дипломатией. Отвечая на предложение Сазонова, Грей высказал мнение, что, если Турция присоединится к Германии, «она должна будет перестать существовать»³.

В общем Грей принял предложение Сазонова. Но он высказался за включение в будущую «мирную» программу требований о выдаче германского флота и нейтрализации Кильского канала. Настаивал он и на учёте территориальных интересов Италии и Румынии. Наконец, Грей возражал против перехода Рейнской области к Франции. Таким образом, с первых же ме-

¹ «Международные отношения», т. VI, ч. 1, № 220.

² Там же, № 256.

³ Там же, № 329, стр. 328.

сяцев войны наметились англо-французские противоречия, столь широко развернувшиеся впоследствии на мирной конференции в 1919 г. Очевидно, под давлением английской дипломатии французское правительство вынуждено было заявить, что его территориальные требования в Европе ограничиваются Эльзасом и Лотарингией.

Из-за дележа турецкого наследства уже в 1914 г. между союзниками развернулась дипломатическая борьба. 9 ноября в беседе с Бенкендорфом Грей старался убедить его, что русское правительство не должно использовать персидскую территорию для военных действий против Турции. Одновременно Грей развивал излюбленные мотивы обоих западных союзников: Россия не должна отвлекать силы с германского фронта. Борьба с Германией определит и результат войны против Турции. Для вящей убедительности Грей добавлял, что если Германия будет разбита, то судьба Константинополя и проливов будет решена в соответствии с интересами России. Такие посулы свидетельствовали, что активность русской армии, невзирая на Марну, была крайне необходима Западному фронту. Вскоре слова Грея повторил Бенкендорфу и король. Георг V выразился даже более определённо: он прямо заявил, что Константинополь «должен быть вашим». Но в официальной английской ноте от 14 ноября, адресованной русскому правительству, на первое место выступил основной мотив: необходимо максимальные силы направить на германский фронт, а на турецком ограничиться обороной. К этому присоединилось заверение, что вопрос о проливах и Константинополе «должен быть разрешён в согласии с Россией»¹. Таким образом, на бумаге Грей высказывался менее определённо, чем в устных разговорах.

25 февраля 1915 г. форты, расположенные у устья Дарданелл, были приведены в молчание огнём англо-французских кораблей. Полагая, что дарданельская операция увенчается полным успехом, греческий премьер Венизелос заявил посланникам Антанты, что Греция намеревается вступить в войну против Германии и её союзников и послать в проливы десантные войска и флот. Царское правительство встревожилось, как бы Константинополь не передали грекам. Поэтому оно категорически воспротивилось их участию в Дарданельской экспедиции. «Опасность» эта отпала, ибо король Константин, который являлся сторонником нейтралитета, 6 марта вынудил Венизелоса подать в отставку. Греция сохранила нейтралитет.

Успех дарданельской операции грозил передать проливы в фактическое распоряжение Англии и Франции. Обе они, между тем, не обнаруживали особого желания скрепить данные ими обязательства формальным договором относительно

¹ «Международные отношения», т. VI, ч. 1, № 484, 506, 511.

судеб проливов и турецкой столицы. Французы при этом были не более торопливы, чем англичане. 4 марта 1915 г. Сазонов потребовал от союзников формальных обязательств. Он припугнул их, заявив, что если союзники будут продолжать свои возражения против перехода проливов к России, то он вынужден будет подать в отставку. Возможно, что его заменят лицом, которое является приверженцем «старой системы союза трёх императоров»¹.

12 марта 1915 г. Англия официальной нотой обязалась отдать России город Константинополь с небольшим хинтерландом, включающим западное побережье Босфора, Мраморного моря, Галлипольский полуостров и южную Францию по линии Энос — Мидия. Далее, Россия должна была получить и восточное побережье Босфора до Исмидского залива, острова Мраморного моря и острова Имброс и Тенедос. Россия получала всё это по окончании войны и лишь в том случае, если Англия и Франция осуществят свои планы в Азиатской Турции и в других областях. Англичане требовали в особенности присоединения нейтральной зоны Персии к сфере английского влияния. Русское правительство ответило согласием, в основном приняв эти условия. 10 апреля Франция тоже солидаризировалась с условиями англо-русской сделки.

Захватнические планы Германии
размаху значительно превосходили замыслы Антанты. Германия требовала коренного передела мира. Особенно напумели два немецких документа: меморандум шести могущественных экономических организаций (Центральный союз германских промышленников, Союз промышленников, юнкерско-кулацкий Союз сельских хозяев и др.) и так называемый профессорский меморандум. Меморандум шести хозяйственных организаций требовал приобретения обширных колониальных владений путём захвата английских, французских, бельгийских и других колоний; возложения на Антанту репарационных платежей; протектората над Бельгией; присоединения французского побережья Ламанша до реки Соммы; захвата железорудного бассейна Брай, крепостей Верден и Бельфор и расположенных между ними западных склонов Вогезов. Далее, рекомендовалась конфискация в присоединяемых областях всего среднего и крупного землевладения и передача его в руки немцев с возмещением собственников за счёт Франции. Обширные аннексии предусматривались и на Востоке, за счёт России: после войны, мечтали авторы записки, промышленный подъём «потребует расширения сельскохозяйственной базы». Намечался захват русских прибалтийских губерний и «территорий, расположенных к югу от них».

¹ «Международные отношения», т. VII, ч. 1, № 312.

Ещё в конце октября 1914 г. прусский министр внутренних дел фон Лёбель представил правительству записку о целях войны. В ней развивались следующие идеи:

«Нам нужна на западе граница, которая дала бы нам по возможности ключ к Франции. Нам могут пригодиться районы угля и руды, прилегающие непосредственно к нашей границе. С военной точки зрения желательно улучшить и восточнопрусскую границу. Наконец, нам нужна военная контрибуция, которая связала бы на долгое время Францию в экономическом отношении и лишила бы её возможности развить в других частях света финансовую деятельность во вред нам.

Это значит, что удовлетворение наших потребностей должно пойти в первую очередь за счёт Франции, что необходимо фундаментальное изменение в положении Бельгии. Для обеспечения этого нужно добиться по меньшей мере крупных частичных успехов в борьбе с Англией...

В политическом отношении Великобритания стала теперь тем врагом, который противопоставил свои жизненные интересы нашим и с которым мы рано или поздно должны покончить: Англия не хочет терпеть рядом с собой сильную, дееспособную Германию, играющую роль в мировой политике»¹.

Что касается притязаний австро-венгерского империализма, то он требовал установления своего господства над всеми Балканами.

Грабительскую природу войны со стороны германского империализма разоблачил В. И. Ленин. «Когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут... — указывал он, — ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов (в Эльзас-Лотарингии), ведя наступательную войну против Бельгии и Франции ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который показался им более удобным для использования их последних усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией»².

Выступление Болгарии

Одновременно с борьбой за политическую ориентацию Турции и Италии развёртывалась борьба за Балканы. Здесь наибольшее значение имела Болгария. Во-первых, из всех балканских стран она обладала наиболее сильной армией. Во-вторых, при своём центральном положении она могла служить плацдармом, с которого можно было ударить с тыла по Сербии и Румынии, а

¹ «Заговор против мира», издательство газеты «Правда», 1934.

² Ленин, Соч., т. XXX, стр. 219.

равно и по Греции. Выступление Болгарии на стороне центральных держав создало бы для Сербии крайне тяжёлое положение и, казалось, отнимало у Румынии возможность примкнуть к Антанте. Наоборот, можно было ожидать, что присоединение Болгарии к Антанте побудило бы последовать за ней и Румынию с Грецией.

Итак, Болгария в условиях войны 1914 г. оказывалась ключом ко всему балканскому плацдарму. Поэтому Сазонов с первых же дней войны уделял исключительное внимание привлечению Болгарии; в этом он видел решающий шаг к восстановлению балканского блока, разрушенного второй балканской войной. Достигнуть этого можно было только одним путём: заставить Сербию и Грецию уступить Болгарии области, взятые у неё в 1913 г. Уже с августа 1914 г. Сазонов настойчиво совещал сербскому и греческому правительствам пойти на уступки Болгарии. В Греции эти советы были совершенно безнадежны: они лишь укрепляли позиции германофилов-нейтралистов, во главе которых стоял сам король. Антантофилы, руководимые Венизелосом, были склонны вступить в войну, но, конечно, не для того, чтобы самим платить за это уступкой греческой территории. Не удивительно, что Англия, весьма дорожившая поддержанием тесных связей с Грецией, отнюдь не одобряла политики Сазопова и даже ей противодействовала.

Больше шансов было у Сазопова в Белграде. Сербия воевала, её положение по сравнению с нейтральной Грецией было гораздо более стеснённым. Царя соглашался отдать Болгарии часть сербской Македонии, если война закончится победой Антанты и Сербия получит от Австрии её южнославянские области. Разумеется, такой неопределённой перспективой трудно было соблазнить Болгарию; чтобы примкнуть к Антанте, ей нужно было нечто более осязательное. Но кроме Македонии союзники могли обещать Болгарии лишь линию Энос — Мидия за счёт Турции. Это обещание можно было выполнить опять-таки только после победы. Однако болгарский премьер Радославов определённо давал понять, что лишь немедленная передача Македонии могла бы побудить Болгарию выступить на стороне Антанты. На это сербы отвечали, что сербское правительство скорее «предпочтёт оставить всю Сербию австрийцам, чем уступить клочок Македонии болгарам»¹. Регент, королевич Александр, даже пригрозил сепаратным миром с Австрией, ссылаясь на тяжёлое положение сербской армии. Он требовал военной помощи и настаивал, чтобы Россия перестала добиваться награды «для изменницы славянской солидарности». Таким образом, переговоры не привели ни к каким результатам.

¹ «Международные отношения», т. VI, ч. 2, № 508.

Несравненно более сильными были в Софии позиции центральных держав. Им помогало то обстоятельство, что основные территориальные притязания Болгарии распространялись на союзника Антанты — Сербию.

Однако Болгария ещё не успела подготовиться к войне. Пока она оставалась нейтральной, не присоединяясь окончательно к центральным державам, Антанта сумела подкупить часть болгарской буржуазии. Это было достигнуто, между прочим, организацией закупки сырья и другой продукции болгарского народного хозяйства через специальное акционерное предприятие, созданное английскими, французскими и русскими банками. Болгарской буржуазии, чиновникам и министрам передало около 200 миллионов франков золотом. Летом 1915 г. переговоры Антанты с Болгарией всё ещё продолжались.

Германия и её союзники сулили Болгарии всю Македонию и часть Старой Сербии. В случае присоединения Румынии к Антанта Болгарии обещали, кроме того, передать не только южную Добруджу, но и северную часть этого края.

Окончательно решило исход борьбы за Болгарию изменение военной обстановки. За неудачей Дарданельской экспедиции последовало отступление русской армии, которая оставила Галицию, русскую Польшу, Литву, часть Белоруссии. Затем началась концентрация германских войск против Сербии. Военные успехи Германии преодолели страх болгар перед Антантой. Болгария пошла на соблазнительный, хотя и опаснейший, риск. 3 сентября было подписано турецко-болгарское соглашение, а 6 сентября — союзный договор между Болгарией, Германией и Австрией. Так создаётся Четверной союз.

Выборы в греческий Парламент в августе 1915 г. снова привели к власти Венизелоса. Когда в сентябре вырисовалась непосредственная угроза нападения Болгарии на Сербию, он заявил посланникам Антанты, что готов выполнить обязательства Греции, предусмотренные греко-сербским союзным договором 1913 г., но при условии, что союзники придут Греции на помощь и высадят в Салониках 150-тысячную армию. Английское и французское правительства приняли предложение Венизелоса. Было решено послать в Салоники войска с Галлипольского полуострова¹. Однако французское правительство с большим трудом добилось от главнокомандующего Жоффра распоряжения о посылке в Салоники 64 тысяч человек, включая и эвакуированных с Галлиполи. Англичане обещали столько же. До 150 тысяч, запрошенных Венизелосом, нехватало 22 тысяч. Пока шли эти переговоры, король Констан-

¹ На Галлипольском полуострове в ходе дарданельской операции державы Антанты высадили десант.

тин уволил Венизелоса и подтвердил сохранение нейтралитета. В Салониках союзники успели высадить только сравнительно небольшой отряд. Эта медлительность Англии и Франции немало способствовала тому, что в ночь с 13 на 14 октября Болгария напала на Сербию, открыв военные действия. Одновременно австро-германские силы, действовавшие на балканском фронте, предприняли наступление на Сербию с севера. В конце октября в Салониках было всего 80 тысяч союзных войск. Эти силы не сумели предотвратить разгром Сербии и установление территориальной связи между Германией и Турцией.

Выступление Румынии

С самого начала войны в Бухаресте происходила дипломатическая борьба, сходная с той, которая велась в Константинополе, Риме, Софии и Афинах. Обе воюющие группировки старались привлечь Румынию на свою сторону, предлагая ей разнообразные приманки за счёт своих врагов. Союзный договор 1883 г., связывавший Румынию с Тройственным союзом, к началу войны успел потерять почти всякое реальное значение. Он был расшатан румыно-венгерской борьбой в Трансильвании и румынскими притязаниями на эту область Венгрии. Попытки как Вены, так и Берлина воздействовать на Будапешт, чтобы добиться от венгров уступок трансильванским румынам, имели мало успеха. Однако германская дипломатия с самых дней июльского кризиса 1914 г. попыталась помочь делу, подкупив Румынию обещанием отдать ей Бессарабию. Ответ румынского премьера Братиану гласил, что Бессарабию Румынии можно взять лишь в одном случае — если Россия будет серьёзно разбита, так что и Австрия захватит русские земли. В этом случае Румыния могла рассчитывать, что Австро-Венгрия и Германия будут охранять и румынские захваты. В Бухаресте знали, что население Бессарабии отнесётся враждебно к румынским захватчикам, а Россия никогда не примирится с потерей этой территории. Одновременно с Германией и Россия начала соблазнять Румынию: она предлагала ей Трансильванию. Но румынское правительство предпочитало выждать дальнейшего хода военных событий. Воздерживаясь пока от вступления в войну, оно решило на ближайшее время удовольствоваться возможно более выгодной продажей своего нейтралитета. Братиану стремился получить Бессарабию от самой России в качестве платы за этот нейтралитет. Он встретил поддержку в Париже и в Лондоне. Союзники России находили вполне естественным заплатить Румынии за русский счёт. Однако русское правительство отклонило эти домогательства. Больше успеха имел Братиану, запрашивая у Антанты компенсации за счёт Австро-Венгрии. 1 октября 1914 г. было заключено русско-румынское соглашение, по которому

Россия гарантировала территориальную целостность Румынии и признавала за ней право на австро-венгерские территории с румынским населением. Румыния могла взять эти территории «в момент, который она сочтёт удобным»¹. Иначе говоря, она могла соблюдать нейтралитет, пока победа русского оружия не доставит ей лёгкой добычи. Румынскому правительству удалось добиться займа на лондонском рынке; это тоже было платой за нейтралитет. Характерно для румынской дипломатии, что Германии также приходилось платить Румынии: и за нейтралитет и за пропуск снаряжения в Турцию.

Весной 1915 г. румыны потребовали у Антанты признания их притязаний на австро-венгерские территории до Прута и Тиссы. Россия и Сербия не соглашались отдать румынам украинские и сербские области. Как раз в это время русское командование просило западных союзников отвлечь немецкие силы с востока, предприняв наступление на Западном фронте. В ответ Англия и Франция советовали России добиться военной помощи Румынии. Для этого они настойчиво рекомендовали пойти ей навстречу. Царское правительство вынуждено было согласиться. Но пока шли русско-румынские переговоры, отступление русской армии побудило Братиану снова уклониться от участия в войне. Он требовал возобновления русского наступления в Галиции и Буковине. Однако летом и осенью 1915 г. русская армия об этом не могла и думать.

С поворотом военного счастья вновь изменилась и позиция румынского правительства. Неудача немцев под Верденом и грандиозное наступление Брусилова подняли в 1916 г. шансы Антанты.

17 августа 1916 г. был заключён договор между Румынией и четырьмя державами Антанты. Румыния брала обязательство объявить войну Австро-Венгрии. За это ей обещали Трансильванию, часть Буковины и Банат. 28 августа Румыния объявила Австрии войну. Но уже 10 октября в русскую ставку прибыли уполномоченные румынского короля, буквально молившие о помощи. России пришлось взять на себя румынский фронт. Зато союзная Салоникская армия так и не щелохнулась, не оказав румынам какой-либо помощи. Таким образом, полностью оправдалось мнение русского верховного командования, что участие Румынии в войне принесёт России один ущерб.

Раздел Азиатской
Турции

Одновременно с дипломатической борьбой за вербовку союзников между Антантой и центральными державами продолжалось и соперничество внутри лагеря Антанты. Оно было продолжением борьбы, развернувшейся в 1914—1915 гг. вокруг договора о Константинополе и проливах.

¹ «Международные отношения», т. VI, ч. 1, № 340.

После долгого и сложного торга союзники, наконец, договорились о разделе Азиатской Турции. Инициатива принадлежала западным державам. С английской стороны переговоры вёл Сайкс, с французской — Пико. 9 марта 1916 г. результаты сговора между Сайксом и Пико были сообщены русскому правительству. То был план захвата Антантой большей части Османской империи, включая часть чисто турецких областей. Сазонову очень не понравилось, что между русскими, французскими и английскими владениями не оставлено какого-либо буферного государства. Да и вообще у него возник целый ряд возражений. Последовали новые переговоры. Только после длительного торга и ряда поправок русское правительство признало соглашение Сайкс — Пико. 26 апреля состоялось подписание франко-русского соглашения (в дальнейшем одобренного Англией) о размежевании обоюдных претензий на Азиатскую Турцию, 9 и 16 мая — соглашения между Англией и Францией по тому же самому вопросу. Два последних документа и вошли в историю под наименованием «соглашения Сайкс—Пико».

Англия получала Месопотамию с Багдадом, но без Мосула. Большая часть Аравии признавалась сферой английского влияния. Палестина подпадала под международный контроль, но Англии предоставлялись порты Хайфа и Акра.

Франция получала Сирию, Малую Армению, Киликию, значительную часть Курдистана и даже часть восточной Анатолии. В качестве сферы влияния она приобретала сверх того часть Аравии, расположенную к северу от границы Неджда, и Мосульскую область с её нефтеносным районом.

Россия приобретала области Трапезунда, Эрзерума, Баязета, Вана и Битлиса, часть Курдистана и полосу вдоль Черноморского побережья, к западу от Трапезунда. Всё это — сверх того, что ей было представлено по соглашению о Константинополе и проливах. Французские железнодорожные концессии на территории, отходившей к России, сохраняли свою силу.

Доли Италии не определили, поскольку, начав войну с Австрией, она всё ещё мешкала с объявлением войны Германии. В августе 1916 г. она, наконец, решилась на этот шаг, и после этого ей был на карте выкроен огромный кусок южной и юго-западной Анатолии, включавший Адалию, Конию, Айдин и Смирну. Словом, от Турции оставалась только центральная и северо-восточная Анатолия.

С самого начала войны Англия развила широкую деятельность своих агентов среди арабов. Во главе этих агентов стоял знаменитый разведчик полковник Лоуренс. Этой восточной дипломатией британского империализма руководило не столько Министерство иностранных дел, сколько Интеллид-

жене Сервис. В июне 1916 г. при активном участии этих агентов вспыхнуло арабское восстание.

Французский империализм через Пико развил в Сирии работу, аналогичную деятельности Лоуренса. Вот что гласила инструкция, которую получил Пико от председателя Совета министров: «Раздачей денег вы будете вознаграждать дезертиров и набеги против железных дорог и путей сообщения. Племенам, которые выскажутся в благоприятном для нашего дела смысле, вы раздадите оружие и амуницию и организуете из них банды, способные тревожить нашего неприятеля. Находясь посредством информационной организации в тесном контакте с арабами, вы будете направлять и согласовывать их движения. Наконец, вы создадите при себе совет, состоящий из делегатов различных вождей, и будете направлять их стремления».

Вся эта политика активно поддерживалась капиталистами, имевшими интересы на Ближнем Востоке.

В начале 1917 г. между французским и русским правительствами было заключено ещё одно соглашение об условиях будущего мира. Оно имело форму обмена нот. Русский министр иностранных дел Покровский выражал готовность поддержать Францию в её претензиях на Эльзас-Лотарингию и Саарский бассейн. Остальные германские земли на левом берегу Рейна должны были составить отдельное «независимое и нейтральное государство и быть заняты французскими войсками» до выполнения Германией (и её союзниками) всех требований будущего мирного договора. В обмен французское правительство в ответной ноте подтверждало соглашение о Константинополе и проливах и признавало свободу России в определении своих западных границ.

Двадцать одно
требование
Японии в Китае

Война в Европе нашла отражение и на Дальнем Востоке. Она создавала для Японии благоприятную ситуацию. К концу 1914 г. японцы решили, что пришло время действовать.

В начале декабря 1914 г. японский министр иностранных дел Като публично «разъяснил» смысл сделанного Японией заявления, что она требует себе Киао-Чао лишь ради возвращения его Китаю. Такое заверение содержалось в японском ультиматуме Германии от 15 августа 1914 г. Теперь Като сообщал, что это предложение, оказывается, было сделано лишь в целях мирного разрешения вопроса. Немцы не откликнулись на этот призыв. «Раз война началась, то об участии Циндао можно говорить только тогда, когда война кончится». Никаких обязательств по этому поводу Япония на себя ни перед одним иностранным правительством не принимала¹.

¹ «Международные отношения», т. VI, ч. 2, стр. 25.

Впрочем, Япония не собиралась довольствоваться захватом германских владений на Дальнем Востоке. 18 января 1915 г. китайскому правительству была вручена нота, содержащая 21 требование, сведённые в 5 группы.

Первая группа японских требований касалась превращения Шаньдуна из сферы германского в сферу японского влияния. Наиболее важная статья этой группы гласила: «Китайское правительство обязуется дать полное согласие на все условия, о которых японское правительство может в будущем сговориться с германским правительством относительно всех прав, интересов и концессий, которыми Германия, в силу договоров или иначе, обладает в отношении провинции Шаньдун».

Вторая группа требований предусматривала аналогичную участь для Восточной Внутренней Монголии и углубляла закабаление Южной Манчжурии. Срок аренды Порт-Артура, Южно-Манчжурской и Аньдунь-Мукденской железных дорог предлагалось продлить ещё на 99 лет. Японские подданные получали право приобретать земли в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, свободно селиться в этих провинциях и заниматься там любого вида промышленной и коммерческой деятельностью. Китаю предлагалось дать согласие на предоставление японцам ряда горных концессий. Китай должен был также обязаться без согласия японского правительства не выдавать концессий на сооружение железных дорог в этих своих провинциях и не заключать иностранных займов под залог получаемых с них доходов. Китай, наконец, приглашался передать Японии контроль и управление железной дорогой Гирич — Чанчунь.

Третья группа обеспечивала привилегии японского капитала в Ханьпинской компании, владевшей копиями на реке Ян-Цзы. Она должна была превратиться в смешанное японо-китайское общество. «Без предварительного согласия Японии Китай не будет ни распоряжаться по собственному усмотрению всякого рода правами и собственностью упомянутой компании, ни побуждать её распоряжаться ими (по собственному усмотрению) до 2007 г.» Далее Ханьпинской компании передавалась монополия на разработку всех горных промыслов, расположенных «по соседству» с её предприятиями.

Четвёртая группа сводилась к требованию, в котором за фразами об охране территориальной целостности Китая скрывалось ограничение его государственного суверенитета: «Японское правительство и китайское правительство в целях действительного охранения территориальной неприкосновенности Китая соглашаются о следующей специальной статье: китайское правительство обязуется не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какой-либо гавани, бухты или острова вдоль берега Китая». Этой статьёй японское правительство рассчи-

тывало застраховать себя от конкурентов по расхищению китайской территории.

Но самые тяжёлые условия содержались в пятой группе. Принятие этих требований означало бы прямое признание Китаем японского протектората. Вот те статьи, в которых были изложены важнейшие требования этого рода: «Статья 1. Китайское центральное правительство будет приглашать влиятельных японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам». «Статья 3. Необходимо, чтобы полицейские учреждения в важных местах Китая управлялись совместно японцами и китайцами, или чтобы полицейские учреждения этих мест принимали на службу многочисленных японцев». «Статья 4. Китай будет приобретать в Японии определённое количество вооружения (примерно 50% или более того), в котором нуждается китайское правительство, или же в Китае будет создан, на началах совместной работы, китайско-японский арсенал. Имеют быть приглашены японские технические эксперты и приобретены японские материалы». Тут же содержалась статья, превращавшая провинцию Фуцзянь, расположенную на материке против Формозы, в сферу японского влияния: «Если Китай нуждается в капиталах для разработки горных промыслов, постройки железной дороги и для портовых работ (включая доки) в провинции Фуцзянь, то ему надлежит предварительно посоветоваться с Японией». Порты Фуцзяня интересовали японцев потому, что, захватив их, японские военно-морские круги рассчитывали ослабить военное значение Филиппин. Наконец, предусматривалось право японских храмов, госпиталей и школ приобретать недвижимость и право японских подданных заниматься в Китае миссионерской пропагандой: то и другое могло служить дополнительным путём для внедрения японского влияния.

В условиях войны в Европе, когда все силы держав европейского континента были поглощены вооружённой борьбой, китайское правительство почти не имело возможности использовать против Японии державы Старого Света. Оставались только США. Хотя и их внимание было отчасти отвлечено мировой войной, всё же США оказали Китаю некоторую дипломатическую поддержку. В марте 1915 г. государственный секретарь Брайан направил японскому правительству ноту, в которой возражал против японских требований. Россия тоже высказала недовольство требованиями Японии относительно её советников и полиции в Китае, — несомненно, самыми одиозными из всех. Но, с другой стороны, царское правительство намеревалось воспользоваться выступлением Японии, чтобы самому предъявить сходные притязания на Северную Манчжурию. Правительство Юань Ши-кая затягивало ответ. В подкрепление своих требований Япония усилила свои войска в Шаньдуне и

в других пунктах. Английский посол в Токио запросил, не сделано ли это с целью оказать на Китай давление. На этот вопрос со стороны японского министра иностранных дел последовал классический ответ. «Нет, — заявил министр, — войска посланы не с целью давления, а потому, что неизвестно, какой ответ даст Юань Ши-кай»¹.

Со своей стороны китайское правительство настаивало на возвращении Киао-Чао и допущении Китая к японо-германским мирным переговорам. 7 мая со стороны Японии последовал ультиматум с угрозой в случае отклонения японских требований принять те меры, которые Япония «сочтёт необходимыми». Опасаясь вмешательства Америки, японское правительство сочло, правда, целесообразным умолчать на этот раз о большей части требований пятой группы. Из них остался только пункт касательно провинции Фуцзянь. Соединённые штаты пытались было организовать вмешательство держав. Однако Россия и Англия не решились ссориться с Японией. 8 мая Китай ответил принятием японского ультиматума.

Через несколько дней США известили Токио, что они не признают таких соглашений между Японией и Китаем, которые нарушают американские интересы или равенство прав всех наций в Китае. Этим заявлением США и ограничились.

Поворот в ходе
мировой войны

Два с лишним года военных действий — с августа 1914 г. по конец 1916 г. — не принесли окончательной победы ни той, ни другой сто-

роне. Военные достижения Германии на первый взгляд были больше, чем успехи Антанты. Германия заняла всю Бельгию и значительную часть Франции, русскую Польшу, часть Прибалтики, Литву, часть Белоруссии, разгромила Сербию и Румынию. Всему этому Антанта могла противопоставить лишь битву на Марне и русские победы над австрийцами и турками.

Между тем оба воюющих лагеря стали чувствовать потребность скорее закончить войну. В конце 1916 г. и в начале 1917 г., говоря словами Ленина, совершался «поворот в мировой политике от империалистской войны к империалистскому миру». Две основные причины вызывали у империалистов потребность прекратить затеянную ими войну: истощение военных ресурсов и рост революционного настроения народных масс.

Отсюда возникали всё учащавшиеся попытки завязать переговоры об общем или же о сепаратном мире. Обе отмеченные причины поворота от империалистической войны к империалистическому миру имелись везде. Но наиболее остро они дали себя знать в странах германской группировки, а из держав Антанты — в царской России.

¹ «Международные отношения», т. VII, № 365.

Всем военным успехам Германии противостоял тот неблагоприятный для Германии факт, что, невзирая на них, война затягивалась. А в войне на истощение шансы неизбежно складывались в пользу Антанты. У неё было больше человеческих и материальных ресурсов. Она могла получать поддержку извне — из США и колоний. Между тем в войне 1914—1916 гг. британский флот создал вокруг Германии крепкое кольцо блокады. Участие в войне Италии и особенно России, превратив все сухопутные границы в фронты, привело к тому, что английская блокада оказалась чрезвычайно эффективной. Она вынудила Германию обходиться собственными, совершенно недостаточными ресурсами продовольствия и стратегического сырья.

Ещё более трудным было положение царской России. Сырья и человеческого материала в стране было сколько угодно. Но экономическая отсталость приводила к тому, что это сырьё нелегко было добыть, ещё труднее переработать и уже совсем тяжело было подвезти к месту потребления, будь то фронт или же крупные городские центры. Слабость промышленности, расстройство транспорта, неразбериха и преступные хищения администрации делали экономическое положение царской России безвыходным и усиливали революционный подъём. К тому же Россия была единственной страной, где уже имелась пролетарская партия нового типа, партия большевиков, способная вести массы к решающим классовым битвам.

Уже с 1915 г. с германской стороны началось дипломатическое зондирование возможности сепаратного мира между Россией и Германией. При этом Берлин использовал датского и шведского королей, особенно же широко — немецкую агентуру, наводнявшую придворные круги царской России. Сношения велись через неофициальных лиц, прежде всего через фрейлину русского двора Васильчикову, которую война застала в Австрии, где она проживала в своём имении. У Васильчиковой были связи в придворных кругах Вены и Петербурга. Она переправила Николаю II три письма; в них сообщалось, что Вильгельм II готов заключить мир. В декабре 1915 г. фрейлина лично пробралась в Россию и пыталась добиться аудиенции у царя. Однако слухи об её домогательствах проникли в публику, и её пришлось выслать из Петербурга.

Велись переговоры и через германских родственников русской царицы. В апреле 1915 г. царица получила письмо от брата, принца Эрнста Гессенского, с предложением начать переговоры о мире. Принц послал в Стокгольм доверенное лицо для встречи с представителем русского двора. Но представитель принца не дождался посланца русского правительства. В феврале 1916 г. директор шведского телеграфного агентства Эклунд, близкий к германской миссии в Стокгольме, пытался начать переговоры о мире с русским и японским посланниками.

В апреле через известного миллионера Гуго Стиннеса было устроено свидание между германским и японским посланниками в Стокгольме; здесь германский дипломат поставил вопрос о переговорах между Германией, Японией и Россией. Японский посланник отклонил это предложение. В июле 1916 г. в Стокгольме состоялось свидание между банкиром Варбургом, неофициальным агентом германского правительства, и известным впоследствии распутинцем, товарищем председателя Государственной думы Протопоповым. Варбург изложил условия, на которых был бы возможен мир. Протопопов сообщил об этой беседе некоторым членам Думы и по вызову Николая II доложил обо всём и ему. В сентябре царь назначил Протопопова управляющим Министерством внутренних дел. Всё это было строго конспиративной дипломатией. Министр иностранных дел Сазонов относился к ней отрицательно; однако при дворе она находила поддержку. Мысль о сепаратном мире поддерживали Распутин и председатель Совета министров Штюрмер. С назначением прямого ставленника Распутина, Протопопова, на министерский пост почва для сепаратного мира стала в Петербурге ещё более благоприятной, тем более что Сазонов получил отставку и в июле 1916 г. его портфель царь вручил Штюрмеру.

Однако германское правительство само же нанесло удар своим замыслам. 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия издали декларацию о создании «независимой» Польши под германским протекторатом. Николай был весьма раздражён этим актом. Русское правительство объявило, что считает декларацию недействительной. Она издана, указывало русское правительство, лишь с целью провести в русской Польше набор для пополнения австро-германских армий. Вместе с тем русское правительство ещё раз подтвердило своё решение «образовать целокупную Польшу из всех польских земель» под скипетром русского царя.

Стремление к сепаратному стовору с немцами было присуще не одному только русскому царизму. Оно проявлялось и в Англии. В ноябре 1916 г. один из лидеров консервативной партии, лорд Ленсдаун, — тот самый, который был министром иностранных дел в начале XX века, — выступил с запиской, предназначенной для узкого круга. Ленсдаун доказывал, что необходимо возможно скорее достигнуть соглашения с немцами. Правительство Асквита обнаруживало неспособность и нежелание вести войну с полным напряжением сил. Это давало повод для слухов, что и оно склоняется к сделке с врагом. Между прочим 8 апреля 1915 г. австрийское верховное командование получило следующие сведения: «Нас весьма конфиденциально извещают из авторитетного источника, что Грей уже в течение нескольких дней несомненно

находится в Берлине». Конрад фон Гетцендорф добавлял, будто Грей потребовал у немцев передачи Англии Кале. За это он якобы предлагал Германии Конго¹. Слух этот оказался ложным. Но возникновение его, во всяком случае, было показательным.

Ллойд Джордж, сменивший Асквита в декабре 1916 г., повёл войну более энергично.

В декабре 1916 г. последовало падение Бухареста. Германская дипломатия сочла момент благоприятным для открытого выступления с предложением заключить мир. 12 декабря 1916 г. германское правительство обратилось к правительствам нейтральных держав с нотой, в которой выражало готовность «немедленно приступить к мирным переговорам». В ноте подчёркивались победы и мощь центральных держав, а об основе возможных мирных переговоров говорилось в самых туманных выражениях: «Предположения, — гласила нота, — которые они (центральные державы. — *Ред.*) представят при этих переговорах и которые будут направлены к тому, чтобы обеспечить существование, честь и свободу развития их народов, могут явиться, по их убеждению, подходящей основой для восстановления длительного мира» и т. д.

Выступление германской дипломатии преследовало двойную цель. Во-первых, это был мнимо миролюбивый жест, который, в случае отклонения его Антантой, позволил бы заявлять массам, что войну затягивает лишь она одна. Это обосновало бы и подготавливавшееся немцами объявление «беспощадной» подводной войны. Во-вторых, в случае согласия Антанты, германская дипломатия надеялась использовать мирные переговоры, чтобы внести раскол в ряды противников и заключить сепаратный мир с кем-либо из них за счёт других членов Антанты. В настоящее время известно, что ещё в ноябре 1916 г. между Берлином и Веной были согласованы те требования, с которыми они выступают на мирной конференции. То была широкая аннексионистская программа. Бетман прямо писал Гинденбургу, что он использует мирную конференцию для раскола Антанты.

Но дипломатия Антанты разгадала игру Бетмана. На другой же день после того, как стала известна германская нота, Бриан охарактеризовал её как попытку внести раскол в ряды союзников. Антанта отвергла германское предложение. Отказ своей державы Антанты облекли в усвоенную её дипломатией гуманитарно-либеральную фразеологию. Ответ их последовал 31 декабря 1916 г. Он гласил, что мир невозможен «до тех пор, пока не обеспечено восстановление нарушенных прав и

---

¹ Альдрованди Марескитти, *Дипломатическая война*, рус. перев., М. 1944, стр. 49, примечание.

свобод, признание принципа национальностей и свободного существования малых государств».

Тем не менее немцы продолжали зондирование возможности сепаратного мира. В феврале 1917 г. уже было условлено, что произойдёт встреча русских и австро-венгерских представителей. В начале марта принц Макс Баденский получил через герцогиню Кобургскую сведения, что одна из русских великих княгинь готова взять на себя посредничество между германским правительством и царём. 13 марта Макс Баденский написал царю письмо, в котором, запугивая его революцией, уговаривал заключить мир. Письмо не дошло по адресу. Помешала та самая революция, которой принц собирался напугать царя.

Крах надежд на мирные переговоры и на раскол Антанты усилил в Германии позицию тех группировок, которые считали, что войну можно закончить лишь применением более решительных средств борьбы. В противовес Бетману эту точку зрения отстаивало новое верховное командование в лице Гинденбурга и Людендорфа. На такой же точке зрения стояли находившийся в отставке Тирпиц и правое меньшинство Рейхстага — национал-либералы и консерваторы. По их мнению, решительным средством борьбы должна была стать «неограниченная» подводная война, т. е. потопление судов подводными лодками без всякого предупреждения в пределах известных зон, под чьим бы флагом эти суда ни шли.

Беспощадная подводная война нанесла Англии тяжкий ущерб. Однако она не сокрушила её морского первенства и не смогла довести её до голода. Зато она ускорила наступление весьма неблагоприятных для Германии политических событий. Последовало решение правительства США принять участие в войне на стороне держав Антанты.

Выступление
в войну США

Когда в Европе началась война, США заявили о своём нейтралитете.

Политика США была достаточно сложной. Для них была бы невыгодна полная победа ни той, ни другой воюющей группировки. Америка предпочитала видеть Европу расколотой на два соперничающих лагеря. Ни победа и гегемония Германии, ни полное торжество Англии и России не улыбались США. Но победа Германии была бы наименее желательной: она привела бы к гегемонии единственной державы во всей Европе. Известны были и колониальные планы германского империализма в Латинской Америке, в частности в Бразилии. Не была исключена и возможность германо-японского союза против США. Это было одной из причин, почему нейтралитет США был с самого начала более благоприятным для Англии. Таким образом, поток пацифистских фраз Вильсона и его выступления с целью примирения

воюющих держав имели под собой весьма реальную почву: вся эта дипломатия пацифизма отвечала заинтересованности США в том, чтобы в Европе сохранились две соперничающие группировки.

Однако военно-политическая обстановка внесла свои поправки в позицию Вильсона. Уже к зиме 1914/15 г. стали ясны два факта. Во-первых, что война требует совершенно невиданного количества военного снаряжения и боеприпасов. Во-вторых, что она затягивается и что, следовательно, потребность эта будет весьма длительной. В ноябре 1914 г. представитель Моргана отправился в Лондон для переговоров с британским правительством о финансировании военных заказов союзников в США. С начала 1915 г. в США стали в изобилии размещаться военные заказы Антанты, и перед американским капитализмом открылся новый рынок огромного масштаба. Германия таких заказов разместить не могла, по той простой причине, что в Германию ничего нельзя было провезти. Английская блокада преградила всякий доступ к немецким портам. Это имело неисчислимые последствия. Английское морское первенство, направив весь поток американской военной продукции, продовольствия и сырья в порты Антанты, привязало США к союзникам новыми крепкими нитями.

Поражение Антанты нанесло бы сильнейший экономический ущерб американскому империализму и политический удар Вильсону и демократам. Допустить этого поражения США не могли.

Американский капитал мощным потоком устремился в страны Антанты. Вот что писал государственный секретарь Лансинг президенту в октябре 1915 г.:

«Несомненно, Мак-Аду¹ обсуждал с вами необходимость во избежание серьезных финансовых осложнений предоставления государственного займа воюющим странам, закупающим в столь больших количествах товары в нашей стране. Результатом неплатёжеспособности европейских стран явятся сокращение производства, промышленная депрессия, избыток капиталов и избыток труда, финансовая деморализация, всеобщее разорение и страдания трудящихся классов. Я считаю, что единственным средством, дающим возможность избежать той ситуации, при которой будет нанесён удар экономике нашей страны, явится широкий выпуск обязательств воюющих стран. Мы имеем деньги для займа, и мы должны его предоставить».

Влиятельнейшие капиталистические круги во главе с Морганом требовали от Вильсона поддержки должника США — Антанты. Если бы Вильсон и хотел, он не мог бы им противо-

¹ Мак-Аду — министр финансов США.

стоять. В случае, если бы Антанта была разбита и последовал бы крах финансового благополучия США — пресловутого «просперити», — могущественная пресса деловых кругов ответственность за это возложила бы прежде всего на президента.

Огромную роль в агитации за выступление США на стороне Антанты сыграла кампания против беспощадной подводной войны, проводимой Германией. Эта война была попыткой приостановить поток американских товаров по тому единственному руслу, в которое их направило английское морское первенство, т. е. к портам Антанты. Потопление «Лузитании» и особенно «Сассекса» вызвало энергичные протесты США. В мае 1916 г. подводная война была ослаблена по требованию Бетмана. Это было сделано из опасения толкнуть США в ряды противников Германии. Между тем в самой Америке сторонники вовлечения США в войну возлагали на действия германских подводных лодок главные свои надежды. «Кажется странным, — писал в 1915 г. американский посол в Лондоне Пейдж полковнику Хаузу, ближайшему советнику Вильсона, — но единственным разрешением вопроса явилось бы новое оскорбление вроде „Лузитании“, которое вынудило бы нас вступить в войну».

Кроме действий германских подводных лодок сыграли свою роль и опасения относительно возможного будущего нападения Германии на США. В конце 1915 г. полковник Хауз следующим образом высказался по данному вопросу:

«США не могут пойти на то, чтобы союзники потерпели поражение. Нельзя допустить, чтобы Германия установила над всем миром своё военное господство. Мы, конечно, будем следующим объектом нападения, и доктрина Монро будет значить меньше, чем клочок бумаги».

На протяжении первых лет войны Вильсон и Хауз не раз выступали с мирными и посредническими предложениями. Хауз съездил в Европу зондировать почву для мира. Вот что он писал при этом: «Если Берлин отклонит американские предложения, то, тем не менее, цель вмешательства будет достигнута. Если центральные державы будут упорствовать, то... очевидно станет необходимым присоединиться к союзникам».

Немцы сами в изобилии давали Вильсону предлоги для войны. Так, например, английской разведкой была перехвачена телеграмма, адресованная германскому посланнику в Мексике. Ему поручалось предложить мексиканскому правительству присоединиться к Германии и напасть на Соединённые штаты. Преступления германских шпионов и диверсантов также восставляли американское общественное мнение против Германии. Из числа руководителей германского шпионажа в США

особенно отличился фон Папен, состоявший военным атташе при германском посольстве.

Вскоре после переизбрания Вильсона президентом осенью 1916 г. он решил произвести ещё одно пацифистское выступление. Однако Германия опередила его своим «мирным предложением» от 12 декабря. Тогда, не дожидаясь официального ответа союзников на германский демарш, 18 декабря Вильсон отправил ноту воюющим державам. В ней Вильсон констатировал, что, по заявлению обеих сторон, они борются только за политическую и экономическую свободу, за независимость малых наций и за мир. Обе стороны, продолжал президент, не предлагают, однако, конкретных условий мира. Президент приглашал восполнить этот пробел.

Нота Вильсона вызвала недовольство Германии. Германская дипломатия опасалась, что Вильсон хочет выступить в качестве международного арбитра и навязать Германии выгодный для США мир. 26 декабря германское правительство ответило Вильсону, что мир должен быть достигнут путём прямых переговоров между участниками войны. Антанта сначала также была крайне недовольна выступлением Вильсона. Но, узнав об отрицательном ответе Германии, дипломатия союзников сообразила, что немцы сами возложили на себя ответственность за срыв мирного посредничества президента. Прекрасно понимая, что теперь из этого посредничества всё равно ничего не выйдет, межсоюзническая конференция в Лондоне в декабре 1916 г. решила дать Вильсону самый предупредительный ответ. 10 января Вильсону была послана нота союзных держав. В ней перечислялись конкретные условия мира, как того просил президент. Условия эти были таковы: восстановление Бельгии, Сербии, Черногории; эвакуация немцами французских, русских и румынских областей; соблюдение национального принципа, что означало возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции и расчленение Австро-Венгрии и Османской империи. Заключался ответ союзников указанием на необходимость реорганизации Европы в целях создания гарантий безопасности, свободы и т. д. Нота Антанты упоминала также о восстановлении Польши. Конечно, все эти декларации являлись только дипломатическим маневром. Нужно было угодить Вильсону и продемонстрировать своё миролюбие.

Между тем германская дипломатия проявляла поистине изумительную несообразительность. 31 января Германия известила США о возобновлении неограниченной подводной войны. Вильсон ответил посланием к Конгрессу. Обвиняя Германию в нарушении торжественно принятых ею на себя обязательств, он заявлял о разрыве дипломатических сношений между Германией и США. Это произошло 3 февраля 1917 г.

Весной Антанту постиг ряд неудач. Во-первых, подводная война на первых порах оказалась весьма чувствительной. Во-вторых, после Февральской революции началось разложение царской армии. Русский народ стремился выйти из навязанной ему империалистической войны. Опасения за судьбу Антанты заставили Вильсона совершить последний акт. 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии.

Буржуазно-демократическая революция в России

Царская Россия являлась слабейшим звеном в ряду империалистических держав. К её экономической и технической отсталости присоединялась явная неспособность насквозь прогнившего военно-феодального и бюрократического режима организовать силы страны для борьбы с австро-германским империализмом. Политическое положение в России становилось крайне напряжённым. В народных массах, нёсших на себе всю тяжесть войны, шло грозное брожение. Буржуазия в союзе с частью генералитета готовила дворцовый переворот, чтобы заменить Николая II на престоле его братом Михаилом. Этому заговору было обеспечено содействие Антанты. В конце 1916 и в январе 1917 г. английский посол Бьюкенен настойчиво пытался убедить царя уступить требованиям «прогрессивного блока», составлявшего большинство Государственной думы, т. е. капитулировать перед буржуазией. Дипломатия Антанты рассчитывала создать правительство, более способное «организовать победу» и предупредить возможность сепаратного мира. Кроме того, она надеялась, что переворот сверху поможет предотвратить нараставшую в России народную революцию. Этим надеждам не суждено было сбыться. 12 марта (27 февраля) 1917 г. в России совершилась буржуазно-демократическая революция. Царизм пал. Он был свергнут народным восстанием; застрельщиком революции был пролетариат, который возглавил движение солдатских и крестьянских масс.

Большевики героически руководили борьбой на улицах Петрограда. Но большинство в Советах первоначально захватили меньшевики и эсеры. Меньшевистско-эсеровские лидеры предательски сдали власть буржуазии в лице Временного правительства во главе с князем Львовым. Однако рядом с Временным правительством организовалась и революционная власть — Советы. Получилось двоевластие.

Временное правительство повело чисто империалистическую политику. Власть буржуазии ничего не изменила в характере той войны, которая была начата при царизме. С этой точки зрения для Антанты всё обстояло как будто благополучно. Первые заявления министра иностранных дел Милюкова с полным удовлетворением были приняты правительствами Англии и Франции.

Но факт двоевластия возбуждал у них чрезвычайные опасения; особенно пугало их начавшееся разложение старой царской армии, не желавшей более проливать кровь за чуждые народу задачи, ради которых велась первая мировая война. Дипломаты Антанты настаивали, чтобы Временное правительство самым жестоким образом подавило революцию и прежде всего истребило большевиков. С другой стороны, через английских и французских социал-шовинистов II Интернационала они пытались воздействовать на Ссветы, дабы побудить их поддерживать Временное правительство и политику войны «до полной победы».

Царское правительство, опасаясь территориальных притязаний Греции, противилось изложению короля Константина и вовлечению Греции в войну. С Временным правительством союзники стали считаться ещё меньше, чем с царским. Одним из последствий этого явились события в Греции. Весной 1917 г. Антанта, наконец, принудила Грецию выступить на своей стороне. В Греции продолжалась острая борьба между королём Константином, лично связанным с Германией, и Венизелосом, лидером антантофильской партии. Летом 1917 г. «верховный комиссар Антанты», опираясь на десант, высаженный с союзных кораблей в Пирее, сверг Константина и вручил власть Венизелосу. Новый глава правительства объявил войну центральным державам.

Положение Австро-Венгрии

Положение правящих классов Австро-Венгрии в 1917 г. было лишь немногим лучше, чем в России. Голод и развал транспорта усиливали недовольство рабочего класса и угнетённых наций. Боеспособность армии падала. Австрийские фронты держались лишь с помощью германских войск. В конце 1916 г. умер Франц-Иосиф. Его наследник Карл I не питал симпатий к Германской империи. Стремясь любой ценой спасти свою корону, он был готов заключить сепаратный мир. 12 апреля 1917 г. новый австро-венгерский министр иностранных дел Чернин представил Карлу I доклад, в котором доказывал, что существует лишь один единственный способ избежать революции — возможно скорее заключить мир. Содержание этого доклада было сообщено Вильгельму II. Ещё раньше, но уже в строгой тайне от Берлина, Карл начал переговоры с Антантой через шуррина австрийского императора принца Сикста Бурбона, служившего офицером в бельгийской армии. Карл изъявлял готовность содействовать возвращению Франции Эльзас-Лотарингии. Для себя он требовал лишь восстановления довоенных границ. Пуанкаре и Ллойд Джордж отнеслись к австрийским предложениям с большим вниманием. Но они встретили сопротивление со стороны Италии: она не желала отказываться от Триеста, Далмации и Трентино. Миссия принца Сикста потерпела неудачу.

«Мирные» маневры германского империализма в 1917 г.

В самой Германии почва под ногами господствующих классов всё сильнее начинала колебаться. Февральская революция в России оказала на Германию глубокое влияние.

В апреле в Берлине и Лейпциге произошли грандиозные забастовки на военных заводах; кое-где имели место попытки создать Советы. В августе вспыхнуло восстание в военном флоте. Ресурсы Германии подходили к концу; на Западном фронте ожидалось появление свежей американской армии. Германская дипломатия пробовала прибегнуть ко всяческим маневрам, чтобы спасти положение. Весной 1917 г. ею были использованы вожди немецкой социал-демократии, не меньше канцлера боявшиеся революции. Шейдеманн принялся работать над созывом международной социалистической конференции. Германские империалисты рассчитывали, что на этой конференции им удастся склонить русских меньшевиков и эсеров, составлявших тогда большинство Петроградского совета, к сепаратному миру с Германией. Германский план был полностью разоблачен большевиками. Но меньшевики и эсеры были готовы принять участие в конференции. Местом для неё был намечен Стокгольм. Однако правительства Англии и Франции помешали её созыву. Немецкий маневр был сорван. Между тем среди германской буржуазии усматривалось течение в пользу скорейшего окончания войны компромиссом. К этому течению примыкали партии католического центра, демократы и социал-демократы (партии будущей веймарской коалиции 1919 г.).

19 июля 1917 г. эти три партии провели в Рейхстаге резолюцию о необходимости мира по обоюдному согласию и без аннексий. То была попытка спасти германский империализм. Правое меньшинство Рейхстага, состоявшее из консерваторов и национал-либералов, за которыми стояло верховное командование и которые опирались на юнкерство и тяжёлую индустрию, встретило, однако, эту резолюцию яростными протестами. Им не удалось сорвать её в Рейхстаге. Но за несколько дней до её принятия они добились от кайзера отставки Бетман-Гольвега. Новый канцлер, Михаэлис, был послушной марионеткой Людендорфа. Впрочем, и со стороны правительств Англии, Франции и США резолюция Рейхстага не встретила сочувственного отклика.

В августе 1917 г. римский папа предложил своё посредничество для заключения мира. Папа действовал в интересах австро-германского блока. Он не хотел гибели Австро-Венгрии с её клерикальным католическим правительством. Однако правительства Антанты отвергли и папское предложение. К тому же и позиция Германии обрекала его на неудачу. Немцы упорно отказывались дать недвусмысленное согласие на восстановление независимости Бельгии.

**Наступление
Керенского.
Западные
союзники и Россия
в 1917 г.**

Временное правительство оказалось в ещё большей зависимости от Антанты, нежели царизм. Это происходило как из потребностей снабжения страны и фронта, так и из нужды в финансовой поддержке. При таких условиях Временное правительство и его военный министр Керенский подчинились настояниям Антанты и вновь бросили русские войска в наступление. Оно оказалось бессмысленной и преступной авантюрой, которая стоила России новых кровавых жертв и закончилась полной неудачей.

С лета 1917 г. нажим Антанты на Временное правительство всё усиливался. Особенно настаивала Антанта на более энергичной расправе с революцией. На это у Керенского не хватало сил. Разочаровавшись в Керенском, англо-французская дипломатия попыталась поддерживать Корнилова.

Временное правительство попробовало опереться на США. Ещё в июне в Россию прибыла специальная американская миссия во главе с сенатором Руттом для изучения способов оказания помощи Временному правительству. Комиссия железнодорожных экспертов во главе со Стивенсом изучала вопрос о повышении провозоспособности Сибирской железной дороги. Правительство Керенского рассчитывало противопоставить США Англии. Оно добивалось у США кредитов, думая ослабить свою зависимость от Англии.

Осенью 1917 г. между Англией, США и Францией было достигнуто соглашение о разграничении их деятельности в деле «помощи» России. США брали на себя реорганизацию русских железных дорог, Англия — морской транспорт, Франция — армию. Вскоре соглашение было видоизменено: помощь Мурманской дороге отходила к Англии, а западным и юго-западным дорогам — к Франции. Этот стовор империалистов Антанты предполагал не только широкое вмешательство во внутренние дела России, но и начало её раздела на сферы влияния. России грозила опасность, что зависимость от Антанты приведёт её к состоянию почти колониальной страны.

Русский народ не допустил, чтобы Родину постигла такая участь.

7 ноября (25 октября) 1917 г. совершилась Великая социалистическая революция. Империалистическое Временное правительство было свергнуто. Образовалось советское социалистическое правительство. Это означало, что Россия становится на путь выхода из войны и разрыва с Антантой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ВЫХОД РОССИИ
ИЗ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Образование Наркоминдела В ночь на 9 ноября (27 октября)¹ 1917 г. II Всероссийский съезд Советов создал Совет Народных Комиссаров. В Петрограде только что закончилось победоносное восстание; в городе слышны были ещё отголоски недавнего сражения, но рабоче-крестьянское правительство уже начало свою деятельность. Приступил к работе и Народный комиссариат иностранных дел. Новая власть сразу же встретила с резким сопротивлением старого мира: в день образования Совета Народных Комиссаров враги советской власти призвали всех чиновников старого аппарата власти к саботажу. Когда представители Наркоминдела явились в здание Министерства иностранных дел, они застали там только курьеров. Чиновники, предварительно выкрыв шифры, бежали из министерства.

Здание Министерства иностранных дел на Дворцовой площади было занято красногвардейцами. Они охраняли входы в бронированные комнаты, где в несгораемых шкафах хранились секретные договоры, копии депеш и другие документы. С трудом удалось собрать некоторых сотрудников министерства. Бывший товарищ министра иностранных дел Петряев заявил, что служащие и чиновники министерства не признают нового правительства и работать с ним не желают. Они согласны только охранять министерство и вести текущие дела — о военнопленных, о переводе денег за границу и т. д.

Контрреволюционеры рассчитывали, что большевики, наткнувшись на саботаж чиновников, потерпят крушение. Лидер меньшевиков Церетели цинично заявлял большевикам: «Мы всё же, худо ли, хорошо ли, держались 6 месяцев. Если вы продержитесь хотя бы 6 недель, я признаю, что вы были правы»².

---

¹ Старый стиль указан в датах до 14 февраля 1918 г. — *Ред.*

² «Коммунистический Интернационал», 1919, № 6, стр. 778.

Но расчёты саботирующих чиновников были построены на песке. Они надеялись, что большевики отнесутся к аппарату власти так же, как все деятели прошлых буржуазно-демократических революций: кое-что уберут, подновят состав чиновников, но оставят в целом старый аппарат. На самом деле советское правительство приступило к слому старой государственной машины. Сопротивление чиновников только ускорило её разрушение.

Приказом, опубликованным 29 (16) ноября, советское правительство уволило чиновников министерства. На следующий день, 30 (17) ноября, был лишён полномочий посол Временного правительства во Франции Маклаков; 9 декабря (26 ноября) были освобождены от своих обязанностей все остальные дипломатические представители свергнутого правительства. Иностранные державы отказались, однако, признать это распоряжение советского правительства; ещё долгое время они продолжали сношаться со старыми посланниками и консулами, предоставляя в их распоряжение значительные суммы.

Советское правительство стало спешно создавать свой собственный аппарат.

Во вновь организуемых народных комиссариатах появились новые люди из сознательных рабочих и солдат. В Наркоминдел явились старые большевики, прошедшие хорошую политическую школу, передовые рабочие завода «Сименс и Шуккерт», революционные моряки. Рабочие и красногвардейцы составили первую группу сотрудников Наркоминдела.

К концу января 1918 г. общее число сотрудников комиссариата достигло 200 человек. Они были полны революционного энтузиазма, но ещё неопытны и мало осведомлены в вопросах дипломатии.

Много трудностей представляли в эти первые дни революции сношения с иностранцами. Европейские правительства отказались признать советскую власть. Официальная связь с дипломатическими представителями Антанты и нейтральных государств прекратилась, но неофициальные сношения продолжались. Прежде всего приходилось выдавать разрешения и визы иностранцам, желающим выехать из Советской России. В это время английское правительство арестовало в Лондоне ряд русских большевиков, желавших выехать в Россию. Советское правительство потребовало их освобождения, а пока прекратило выдачу разрешений на выезд из России английским подданным.

Одной из важнейших задач вновь созданного Наркоминдела являлось опубликование тайных империалистических договоров, согласно решению II съезда Советов. В первом же своём декрете от 8 ноября (26 октября) 1917 г. — о мире — советское правительство, по-новому формулируя свои

Опубликование
тайных
империалистиче-
ских договоров

принципы международных отношений, отказывалось от империалистической тайной дипломатии. «Тайную дипломатию, — гласил декрет, — правительство отменяет, со своей стороны выражая твёрдое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтверждённых или заключённых правительством помещиков и капиталистов с февраля по 7 ноября (25 октября) 1917 года. Всё содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отменённым»¹.

Выполняя это решение съезда, сотрудник Наркоминдела матрос Маркин, погибший впоследствии, в 1918 г., смертью героя на Восточном фронте, приступил к изданию секретных документов. Он вскрыл шкафы в министерстве и нашёл зашифрованную корреспонденцию. Вместе с другими красногвардейцами, сотрудниками Наркоминдела, Маркин просиживал целые ночи, добываясь расшифрования документов.

В какие-нибудь 5—6 недель в свет вышло семь сборников тайных документов. Первоначально они печатались в газетах. Было опубликовано, между прочим, тайное соглашение, заключённое Японией и царской Россией 3 июля (20 июня) 1916 г. По нему договаривающиеся стороны обязывались выступить против всякой третьей державы, пытающейся укрепиться в Китае. Договор имел силу до 1921 г.

В другом сборнике были опубликованы: соглашение, заключённое весной 1916 г. между Великобританией, Францией и царским правительством о разделе Турции; тайная конвенция 1916 г., в которой Россия, Франция, Англия и Италия устанавливали плату, подлежащую выдаче Румынии за участие в войне против Германии; документы о балканских войнах; военная конвенция между Францией и Россией 1892 г.; русско-английский секретный договор и конвенция 1907 г. и т. д. В третьем сборнике был опубликован русско-германский договор, подписанный Николаем II и Вильгельмом II в июле 1905 г. при встрече в Финляндии, — так называемый Бьёркский договор, согласно которому обе стороны вступали в оборонительный союз. Немало документов было опубликовано о деятельности в России в 1917 г. послов США, Англии, Франции. Всего было издано свыше 100 договоров и много других дипломатических материалов.

Опубликование тайных документов произвело сильнейшее впечатление во всём мире. Нейтральная пресса их перепечатала.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 14.

Затем они стали появляться и в прессе воюющих стран. Французская Палата депутатов заслушала специальное сообщение по этому вопросу министра иностранных дел. Рабочие западных стран радостно встретили советские разоблачения. Даже орган австрийской социал-демократии, как известно, занимавшей предательскую позицию во время войны, вынужден был приветствовать опубликование советским правительством тайных договоров царской России, признавая, что они срывают демократическую маску как с империалистов Антанты, так и с австро-германского империализма ¹.

В декабре состоялась конференция пацифистской французской Всеобщей конфедерации труда в Клермон-Ферране; она также приняла резолюцию с требованием отмены тайной дипломатии. В начале января 1918 г. был опубликован манифест британской социалистической партии к лейбористской конференции в Ноттингеме; в нём указывалось, что опубликование советским правительством тайных договоров разоблачает империалистов, а советское требование открытого ведения мирных переговоров заставляет германских империалистов выдать свои замыслы ².

Оставшиеся на свободе отдельные члены Временного правительства пытались было опорочить советскую публикацию дипломатических документов. Бывшему товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову поручили выступить в буржуазной печати с заявлением, что документы являются фальсифицированными. Нератов писал, что среди опубликованных материалов «некоторые документы озаглавлены „справка“, „записка“ и т. д. Само собой разумеется, что они никакого официального характера не носят, и за содержание их ни министры, ни ведомство иностранных дел не ответственны» ³. Но и Нератов вынужден был признать, что большевики могли располагать и подлинными текстами.

В. И. Ленин высоко ценил публикацию тайных документов. Выступая с речью на I Всероссийском съезде военного флота, Ленин говорил:

«Мы опубликовали и впредь будем опубликовывать тайные договоры. Никакая злоба и никакая клевета нас не остановит на этом пути. Господа буржуа злобствуют оттого, что народ видит, из-за чего его гнали на бойню. Они пугают страну перспективой новой войны, в которой Россия оказалась бы изолированной. Но нас не остановит та бешеная ненависть, которую буржуазия проявляет к нам, к нашему движению к миру...

...Можно и должно работать рука об руку с революционным классом трудящихся всех стран. И на этот путь встало Совет-

¹ «Arbeiter Zeitung», 28. XI. 1917, № 327.

² «Call», 17. I. 1918, № 93.

³ «Красный архив» № 6, 1924, стр. 220.

ское правительство, когда опубликовало тайные договоры и показало, что правители всех стран — разбойники. Это есть пропаганда не словом, а делом»¹.

Сборники документов раскупались нарасхват. Работники иностранных посольств и саботажники старого Министерства иностранных дел пытались их скупить и уничтожить. Как ни противодействовали противники советской власти, но опубликованные ею документы стали достоянием широких масс. Народ узнал, какую политику вело царское правительство, а вслед за ним Временное правительство, какие губительные договоры заключались за спиной трудящихся.

Далее советское правительство объявило аннулированными все неравноправные договоры, заключённые в тайниках царской дипломатии и направленные к захвату чужих земель, в том числе договоры о разделе Персии, Турции и т. д.

Эта важная декларация от 7 декабря (24 ноября) 1917 г. о внешней политике советской власти была вскоре подтверждена актом вывода русских войск из Персии и Турции.

За разоблачением неравноправных грабительских договоров свергнутого правительства следовали и другие акты. Среди них первое место принадлежит тем, которые имели целью выход Советской России из империалистической войны.

Декрет о мире 8 ноября (26 октября) 1917 г. II съезд Советов принял декрет о мире.

Советская власть предлагала всем народам и правительствам воюющих наций немедленно приступить к заключению демократического мира без аннексий и контрибуций, т. е. без захватов чужих территорий и без насильственного взыскания с побеждённых материальных или денежных возмещений.

«Продолжать эту войну, — гласил декрет, — из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченными слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях»².

Прекрасно понимая, что империалистические правительства не пойдут на демократический мир, Ленин подчёркивал, что советская власть не считает своих условий ультимативными; она согласна рассмотреть любые условия мира, настаивая только на немедленном начале переговоров о мире и безусловном исключении тайны. Этим предложением Ленин лишал империалистов возможности отказаться от переговоров под предлогом непримиримости советской власти.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 101—102.

² Ленин, Декрет о мире, Соч., т. XXII, стр. 14.

Декрет о мире был немедленно опубликован, и радио сообщило о нём по всему миру. Радиоволны, однако, напрасно бороздили эфир: воюющие правительства получили советское предложение, но не удостоили его ответом.

Глухое молчание в ответ на советское предложение мира было проявлением той ненависти, с какой встретили все буржуазные правительства только что созданное советское правительство.

Особенно агрессивно вело себя французское правительство. Образование вскоре после Октябрьской революции (16 ноября 1917 г.) кабинета Клемансо и назначение в нём Пишона министром иностранных дел вся французская печать расценивала как «ответ на русскую революцию».

Не отвечая официально на обращение советского правительства, французское правительство поручило начальнику военной миссии в России генералу Бертело предупредить военное командование России о том, что Франция не признаёт советского правительства и надеется, что русское командование не допустит переговоров с Германией.

Объявление перемирия

В ночь на 21 (8) ноября Совнарком послал радиотелеграмму главнокомандующему русской армии генералу Духонину, приказывая ему немедленно предложить перемирие всем воюющим странам как Антанты, так и германского блока.

На следующий день, 21 (8) ноября, Наркоминдел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, предлагая объявить перемирие на фронте и начать мирные переговоры.

Не получив ответа ни от Духонина, ни от послов, Ленин и Сталин поздно ночью вызвали Духонина по прямому проводу и запросили его, почему нет сообщения о реализации предписания правительства. Генерал пытался было уклониться от ответа; он заявил, что телеграмма Совнаркома не имела печати и подписей и что надо было проверить её подлинность. Ленин и Сталин приказали Духонину немедленно начать переговоры о перемирии. Духонин отказался. Тут же распоряжением по прямому проводу генерал был смещён с должности. Утром 22 (9) ноября Ленин послал телеграмму во все полки армий фронта с предложением солдатам взять дело мира в свои руки. «Пусть полки, стоящие на позициях, — гласила телеграмма, — выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

Этот шаг вырвал армию из рук старых военных властей. Изолировав своих командиров, выборные от полков приступили к переговорам с немцами.

Известие о смещении Духонина распространилось по Петрограду 22 (9) ноября. В тот же день дипломатические представители союзных стран собрались на совещание. Решено было игнорировать ноту советского правительства от 21 (8) ноября

и не посылать на неё никакого ответа. Руководителям военных миссий при штабе верховного главнокомандующего было предложено поддержать Духонина, несмотря на его смещение. 23 (10) ноября главы британской, французской, японской, итальянской и румынской военных миссий вручили генералу Духовину коллективную ноту. Угрожая «самыми тяжёлыми последствиями», союзные военные представители протестовали против нарушения договора от 5 сентября 1914 г., запрещавшего союзникам заключение сепаратного мира или перемирия. Духонин, отказавшись подчиниться приказу советской власти о снятии его с должности, разослал этот протест всем командующим отдельными фронтами.

Не зная ещё об этой провокационной деятельности союзных дипломатов, Наркоминдел того же 23 (10) ноября обратился к послам нейтральных держав с предложением взять на себя посредничество в организации переговоров о мире.

Послы не отвечали. Вокруг Советской России был организован заговор молчания. Представители нейтральных стран — Швеции, Норвегии и Швейцарии — сообщили сухо и кратко, что ноты ими получены. Только испанский посол заявил Наркоминделу, что советское предложение о мире сообщено по телеграфу мадридскому правительству, дабы оно довело его до сведения народа и приложило все усилия для заключения мира. Результат оказался плачевным для посла: испанское правительство немедленно его отозвало. Накануне его отъезда из Петрограда в Наркоминдел явился секретарь испанского посольства и намекнул, что за такую услугу, какую оказал испанский посол, обычно полагается орден. Сотрудники Наркоминдела подошли к шкафу, вытащили кучу орденов, отобранных у старых чиновников Министерства иностранных дел, и высыпали на стол. «Выбирайте любой», — заявили они испанскому дипломату. Поражённый испанец ретировался.

Но иностранные государства организовали не только заговор молчания, а настоящий контрреволюционный фронт против советского правительства. Разбитые революцией контрреволюционные партии кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов и буржуазных националистов вели бешеную борьбу против советской власти. Они саботировали и разрушали производство, организовали антисоветские заговоры, поднимали восстания. На их стороне было немало командиров старой армии. Контрреволюция находила опору в среде кулаков и верхушки казачества. Но враги советской власти ничего не могли сделать без посторонней вооружённой помощи. Русским белогвардейцам помогали некоторые западноевропейские правительства. Реакционные круги Англии, Франции и Соединённых штатов Америки добивались восстановления старой власти в России. Они рассчитывали, что такое правительство будет продолжать

войну с Германией. На самом деле правительство старой России отнюдь не склонно было воевать с Германией. Архивными документами установлено, что само царское правительство вело переговоры с Германией о заключении сепаратного мира, чтобы усилить борьбу против рабочих и трудящихся России. Известно также, что и Временное правительство не прочь было заключить мир с Германией, а некоторые его деятели, как бывший министр иностранных дел Миллюков, прямо предлагали опираться на немцев для подавления революции.

Так в борьбе против Советской республики стали объединяться две силы — иностранная и внутренняя контрреволюция.

Представители Антанты всячески подстрекали генерала Духонина к неповиновению советской власти. Ему обещали материальную поддержку. Ему подсказали и лозунг борьбы.

Итальянский представитель в ставке Духонина получил от итальянского посла Карлотти телеграмму следующего содержания: «Союзники решили освободить Россию от союзных обязательств и предоставить ей возможность заключить более выгодный сепаратный мир, а пока перемирие. Основание этого: оставление войск на своих местах, стороны не имеют права обмениваться пленными и Россия не должна снабжать германцев хлебом и сырьём»¹.

Духонина ознакомили с телеграммой. Заручившись поддержкой представителей Антанты, контрреволюция начала развивать лихорадочную деятельность. В город Могилёв, где находился генерал Духонин, потянулись кадеты, эсеры, меньшевики. Стали подбирать состав нового правительства. Председателем его намечали эсера В. Чернова. Новый кандидат в премьеры успел даже выступить на одном из собраний в городе Могилёве. Ставка обратилась к армии, сообщая, что новое правительство якобы готово заключить мир. Так контрреволюция пыталась украсть у большевиков лозунг мира, чтобы привлечь на свою сторону народные массы и армию. Кстати, когда маневр этот провалился, представители Антанты объявили телеграмму итальянского посла недействительной.

На деле ни русская контрреволюция, ни тем более Антанта не собирались прекращать войну.

В течение трёх лет Россия, истекая кровью, приковывала к себе больше половины всех вооружённых сил германского блока. Все решающие операции Германии на Западном фронте сорваны были мощными действиями русской армии. Так было в самом начале войны, когда немецкие войска, по плану Шлиффена, стремительно двигались через Бельгию к Парижу. Плохо

¹ «Красный архив», т. 23, стр. 236.

вооружённая, ещё не закончившая своей мобилизации, русская армия вторглась в Восточную Пруссию, чтобы задержать движение немцев к Парижу. Так было и в 1916 г., когда армия генерала Брусилова, ценой сотен тысяч жертв, своим грозным наступлением вынудила германские войска прекратить атаку Вердена. Россия несла на себе основную тяжесть империалистической войны. Она пролила больше всего крови, она потеряла больше всего территорий, она в неизмеримо большей степени, чем Англия и Франция, расстроила своё хозяйство. Естественно, что одна мысль потерять русское пушечное мясо приводила империалистов Антанты в бешенство: отказ России от войны ставил под сомнение самый исход войны.

Взрыв ненависти в среде империалистов вызывали и аннулирование советской властью внешних государственных долгов и национализация предприятий, которые принадлежали иностранным капиталистам. Декрет об аннулировании долгов был опубликован 10 февраля (28 января) 1918 г. В ответ на него дипломатический корпус в Петрограде обратился в Наркоминдел с нотой протеста, заявляя, что не признаёт декретов об аннулировании долгов и конфискации собственности, поскольку эти акты касаются интересов иностранных подданных.

Французское и британское правительства совместно опубликовали меморандум, в котором осуждали декрет советского правительства. При этом они ссылались на принцип, в силу которого смена правительства не освобождает нации от их международных обязательств.

Иначе складывалось положение в германском лагере. Отрезанная от всего мира блокадой англо-французского флота, Германия голодала. Ей нехватало стратегического сырья. В Австро-Венгрии начались продовольственные беспорядки. Вовлечённая в войну обещанием быстрой победы, Турция еле держалась. Война затягивалась. Репутацию приобретали такие факторы, как крепость тыла, наличие сырьевых и людских ресурсов. На стороне Антанты в этом смысле оказывалось явное преимущество. Давала себя чувствовать вся тяжесть войны на два фронта, против которой предупреждали в своё время выдающиеся военные и дипломатические деятели Германии — Мольтке и Бисмарк. Доведённые до истощения, Германия и Австро-Венгрия жаждали избавиться от забот на Востоке. «Надо... во что бы то ни стало постараться заключить сепаратный мир с Россией», — требовал германский кронпринц от Вильгельма II летом 1917 г.

В Германии при этом боролись две точки зрения. Военная группа во главе с Вильгельмом II рассчитывала, что Россия может быть разгромлена коротким ударом и подпишет мир на любых условиях; после этого все силы можно будет обратить против Англии и Франции. «На Петербург!» — требовала прус-

ская военщина. «Откровенно говоря, — признавался генерал Гинденбург, — я с большим удовольствием исполнил бы это»¹.

Вторая группа, отражавшая в известной мере мнение промышленников, которые вели до войны торговлю с Россией, также стояла за насильственный мир. Но она считала необходимым скрыть его грабительскую сущность, придав ему приличествующую форму. Это позволило бы поддерживать в народных массах иллюзию, что Германия ведёт справедливую войну, и вместе с тем облегчило бы германской дипломатии игру на Западе.

49 июля 1917 г. Рейхстаг большинством голосов принял резолюцию о мире. В крайне туманной форме она рекомендовала заключить такой мир, с которым «несовместимы насильственное приобретение территорий и политическое, экономическое или финансовое угнетение»². Представители партий явились с этой резолюцией к Вильгельму II. Он заявил депутатам, что одобряет желание Рейхстага заключить «мир по соглашению». Депутаты в недоумении переглядывались: таких слов в резолюции не было. Не замечая их изумления, Вильгельм II несколько раз с удовольствием повторил: «Это замечательные слова». Тут же кайзер пояснил, чем он доволен: мир по соглашению состоит в том, что «мы возьмём у врагов деньги, сырые материалы, хлопок, масла и из их кармана переложим в наш карман»³. Оказалось, что генерал Людендорф, прочитав предварительный проект резолюции, предложил вставить в неё слова: «мир по соглашению». Вильгельму же он, видимо, сказал, что поправка уже принята Рейхстагом. Людендорфу и в голову не приходило, что поправка может не пройти. Настолько военщина считала себя полномочным хозяином положения.

События скоро доказали, что Людендорф не ошибался. Когда по вопросу о внешней политике возник конфликт между Гинденбургом и рейхсканцлером фон Бетманом, оба одновременно подали заявления об отставке. Военная группа победила: Вильгельм II не принял отставки генерала, а рейхсканцлером назначил Михаэлиса, по общему признанию, человека, более близкого для прусской военщины.

Новый канцлер первым же своим шагом подтвердил эту близость. Выступая по поводу мирной резолюции Рейхстага, он заявил, что солидарен с ней. Правда, он добавил: «насколько я её понимаю...» Но понимал он резолюцию так же, как и император.

С первых же дней Октябрьской революции германский генералитет стал готовить поход на Петербург и Москву с целью восстановить на троне монархию Романовых. В своих мемуарах генерал Гофман рассказал о переговорах по этому поводу

¹ «Воспоминания Гинденбурга», «Мысль», 1922, стр. 51.

² Эрцбергер, Германия и Антанта, перев. с нем., Госиздат, М.—П. 1923, стр. 237.

³ Там же, стр. 62.

с представителями русских контрреволюционных партий кадетов и октябристов. Но сил для выполнения намеченного плана не хватало. На Западном фронте назревали решающие бои, требовавшие сосредоточения всех армий. Вновь назначенный германский канцлер Гертлинг в своей речи в Рейхстаге заявил, что мирные предложения советского правительства приемлемы как основа для начала общих переговоров о мире. Скрепя сердце, военная группа согласилась с этим, тем более что существование советской власти казалось непрочным. «Нечего и говорить, — писал Гинденбург, — что переговоры с русским правительством террора очень мало соответствовали моим политическим убеждениям. Но мы были вынуждены прежде всего заключить договор с существующими властями Великороссии. Впрочем, тогда там всё так волновалось, что я лично не верил в длительное господство террора»¹.

27 (14) ноября Германия ответила на предложение советской власти согласием начать мирные переговоры.

В тот же день, 27 (14) ноября, Ленин от имени Совнаркома обратился с нотой к правительствам Франции, Великобритании, Италии, США, Бельгии, Сербии, Румынии, Японии и Китая. Ленин спрашивал их перед лицом всего мира, согласны ли они вместе с советской властью приступить 1 декабря к мирным переговорам или будут продолжать бойню без смысла и цели. «Ответ на эти вопросы, — гласило обращение Совнаркома, — должен быть дан сейчас же, и ответ не на словах, а на деле. Русская армия и русский народ не могут и не хотят больше ждать. 1 декабря мы приступаем к мирным переговорам. Если союзные народы не пришлют своих представителей, мы будем вести с немцами переговоры одни»².

Антанта не ответила и на этот призыв.

2. ПЕРЕМИРИЕ С ГЕРМАНСКИМ БЛОКОМ

<p>Открытие советско-германских переговоров о перемирии</p>	<p>Переговоры с Германией о перемирии начались в Брест-Литовске 3 декабря (20 ноября) 1917 г. На первом заседании представитель советской делегации предложил положить в основу переговоров советский декрет о мире от 8 ноября (26 октября) 1917 г. Представитель Германии генерал Гофман заявил, что не уполномочен вести переговоры о целях войны: его как военного человека интересует только военная сторона перемирия. Гофман при этом отметил, что речь может идти только о сепаратном перемирии, ибо русская делегация не имеет полномочий на ведение переговоров от имени Англии и Франции.</p>
--	--

¹ «Воспоминания Гинденбурга», стр. 57.

² «Правда» № 190, 28 (15) ноября, 1917 г.

На следующем заседании, 4 декабря (21 ноября), советская делегация изложила свои условия: перемирие заключается на 6 месяцев; военные действия приостанавливаются на всех фронтах; немцы очищают Моонзундские острова и Ригу; запрещаются какие бы то ни было переброски немецких войск на Западный фронт¹.

Советская делегация подчёркивала, что речь идёт о прекращении войны вообще, а не о сепаратном соглашении с немцами. Особенно настаивали советские делегаты на принятии пункта о запрещении перебрасывать германские войска: тем самым они ограждали интересы своих англо-французских союзников. Это взбесило генерала Гофмана. Он заявил запальчиво, что такие условия могут предлагать только победители. «Достаточно, однако, взглянуть на карту, чтобы судить, кто является победённой страной», — нагло добавил генерал и выдвинул контрпроект, закреплявший то положение, которое сложилось на фронте.

В ту же ночь советская делегация получила приказ Совнаркома не подписывать перемирия, раз немцы отказываются принять пункт о перебросках. 5 декабря (22 ноября) советская делегация потребовала перерыва переговоров ввиду выявившихся разногласий. Немцы заволновались. Они опасались, что делегация более не вернётся. Создана была военная комиссия, которая предложила временное соглашение: перемирие заключается на 10 дней, с 7 по 17 декабря; войска сохраняют занятые ими позиции. По основному вопросу о перебросках, вызвавшему разногласия, немцы уступили: было решено прекратить всякие перевозки, кроме начатых. Подписав соглашение о перемирии, советская делегация выехала в Петроград. Время перерыва советское правительство использовало для того, чтобы ещё раз предложить странам Антанты присоединиться к всеобщим мирным переговорам. 7 декабря (24 ноября) Наркоминдел снова обратился к союзным послам с нотой, требуя ответа, готовы ли они участвовать в мирных переговорах. В случае отказа Наркоминдел настаивал, чтобы правительства Англии, Франции, Японии и других стран открыто, ясно и определённо заявили, во имя каких целей они заставляют народы истекать кровью четвёртый год. Но Антанта продолжала безмолвствовать.

15 (2) декабря новый период переговоров закончился заключением перемирия на 28 дней. При этом, в случае разрыва, обе стороны обязывались предупредить своего противника за 7 дней. Что касается перебросок на Западный фронт, то советская делегация добилась того, что переброски, начатые до перемирия, заканчиваются, но новые переброски не допускаются.

¹ «Известия ВЦИК» № 235, 25 ноября 1917 г. «Условия перемирия русской делегации».

Советская делегация, оставленная с глазу на глаз с вооружённым до зубов германским империализмом, продолжала бороться за прекращение войны в целом и всячески старалась защитить интересы союзников старой России. «Русские, — писал Гофман, — придавали большое значение тому, чтобы расположенные на Восточном фронте немецкие войска оставались на своих местах и не были отправлены на Западный фронт».

Настойчивость советской делегации заставила германский блок пойти на уступки. Правда, Гофман оправдывал это тем, что большинство войск было переброшено до начала переговоров. «Поэтому я легко мог заверить русских в том, — писал Гофман, — что во время перемирия никакие войска не будут вновь отправлены на запад, кроме тех частей, которые уже туда отозваны»¹.

Но это признание только характеризует цинизм германской военщины: советская делегация по мере сил выполняла свой долг.

Во время перемирия Совнарком неоднократно обращался к народам и правительствам стран Антанты, предлагая им определить своё отношение к вопросу о мирных переговорах. В обращении советского правительства «К трудящимся, угнетённым и обескровленным народам Европы» от 19 (6) декабря сообщалось о том, что в Брест-Литовске подписано перемирие, что Октябрьская революция в России открыла трудящимся всех стран путь к миру.

В своих нотах и призывах советское правительство предупреждало, что если союзники не примкнут к переговорам, оно вынуждено будет самостоятельно вести переговоры о мире с центральными державами.

Планы
интервенции
Антанты

Руководители Антанты не обращали ни малейшего внимания на лояльность Советской страны. Пока Советская Россия, предоставленная самой себе, вела переговоры в Брест-

Литовске, Антанта организовала свои силы для свержения советской власти.

30 ноября в Париже собралась новая межсоюзная конференция. Её участники обсуждали «русский вопрос»; после окончания конференции им продолжал заниматься Верховный совет, созданный в ноябре 1917 г. Военные эксперты разрабатывали различные планы военного вмешательства в советские дела.

Поощряя Духонина к борьбе против советской власти, агенты Антанты вели переговоры с польским корпусом генерала Довбор-Мусницкого, созданным в России из польских офицеров, кулаков и помещиков. Империалисты втягивали в антисо-

¹ Гофман, Записки и дневники, 1914—1918, перев. с нем., изд. «Красная газета», Л. 1929, стр. 116.

детскую борьбу и чехословацкий корпус. Он был создан из военнопленных чехов и словаков, взятых русскими в боях против австро-венгерских армий или добровольно перешедших на сторону России. Кроме того, Антанта решила поддержать Украинскую Центральную раду, выступавшую против советской власти. В декабре 1917 г. Франция назначила генерала Табуи своим официальным представителем при Центральной раде. Через несколько дней в Киеве появился и английский представитель. Франция предложила Раде заём в 180 миллионов франков на борьбу с советской властью. Кстати, Центральная рада, тайком бравшая деньги от представителей Антанты, в то же время завязала тайные связи с Германией. Украинская рада продавалась тому, кто больше давал.

Одновременно представители Антанты прибыли в Ростов к атаману Каледину, поднявшему восстание против советской власти. Франция обещала Каледину заём в 100 миллионов рублей. Представители Англии в свою очередь предоставляли ему значительные суммы. Американский посол Франсис пытался перебросить в Ростов 70 автомобилей из числа посланных в Петроград ещё в адрес Временного правительства. Авантюра Франсиса провалилась: его агент, некий полковник Калашников, был арестован.

Через Каледина контрреволюция была связана с атаманом Дутовым, восставшим против советской власти на Южном Урале.

Особое внимание уделяла Франция Румынии. В городе Яссах находился штаб французского генерала Бертело. Главнокомандующим объединёнными русскими и румынскими армиями считался король Румынии Фердинанд, но фактически главнокомандующим был его помощник царский генерал Щербачёв. Его-то и решили французы поддержать в борьбе против советской власти.

Франция, резко выступавшая против переговоров России о мире с Германией, заняла другую позицию в Румынии: генералу Щербачёву разрешили начать мирные переговоры. Франция полагала, что лучше потерять часть своих позиций, позволить Щербачёву на одном фронте заключить мир, но зато выиграть в целом: развязать руки Щербачёву, чтобы сообща с Центральной радой свалить большевиков и тем самым втянуть всю Россию снова в войну. К тому же Румынию, потерпевшую поражение и начавшую уже тяготиться своим союзом с Антантой, можно было привязать к себе, пообещав ей Бессарабию.

3 декабря (20 ноября) 1917 г. генерал Щербачёв обратился к фельдмаршалу Макензену и эрцгерцогу Иосифу с предложением немедленно начать переговоры о перемирии.

Через два дня начались переговоры, которые закончились 3 декабря (26 ноября) в Фокшанах заключением перемирия меж-

ду объединёнными русско-румынскими и германо-австрийскими войсками. Расчёты Франции оправдались: развязав себе руки перемирием, Щербачёв приступил к борьбе с большевистским влиянием в армии. В ночь на 18 (5) декабря он поручил войскам, верным Центральной раде, занять все штабы. Вслед за этим началось разоружение румынами тех частей, в которых сильно было влияние большевиков. Русские солдаты, оставшись без оружия, без продовольствия, вынуждены были в жестокий мороз, часто по глубокому снегу, пешком брести в Россию. Многие при этом погибли.

Румынские войска стали продвигаться в Бессарабию.

Поддержанные Францией, румыны потребовали отправки в Америку 70 миллионов рублей румынского золота, хранившегося в Москве. На самом же деле это золото предполагалось перебросить на юг, в руки Каледина или генералов Алексеева, Корнилова и Деникина, которые уже приступили в Ростове к формированию Добровольческой армии из офицеров и юнкеров.

Деятельность Франции на юге поддерживала Англия на севере. Агенты Англии связались с врагами советской власти в Мурманске, через который шло снабжение царской армии во время мировой войны. В Мурманске стояла небольшая эскадра союзников. В декабре прибыл английский крейсер «Ифигения», на борту которого находился командующий морскими силами адмирал Кемп. Один из мурманских контрреволюционеров, некий Веселаго, побывал в Петрограде, где наладил связь с английским морским агентом Кроми. Английская миссия стала вербовать бывших офицеров и направлять их в Мурманск. Туда же были посланы и небольшие группы чехословаков. В декабре 1917 г. в Мурманске появился некий А. М. Юрьев, троцкист, на деле агент английского империализма, выдвинутый на пост заместителя председателя Мурманского совета. Юрьев стал готовить почву для интервенции союзников. Один из видных деятелей белогвардейского движения на севере привал впоследствии, что французский посол Нуланс одобрил проект создания нового фронта на севере и даже написал об этом в Париж; впрочем, он заявил инициаторам, что «почин в этом деле должен принадлежать англичанам, так как Северный край в России — зона их влияния»¹.

Послы превращались в легальных шпионов. Прикрываясь дипломатической неприкосновенностью, сотрудники иностранных представительств разъезжали по стране, служа посредниками между отдельными контрреволюционными группами.

Нетрудно видеть, что Антанта пыталась создать кольцо антисоветских военных соединений: польский корпус — в Белорус-

¹ Журнал «Бело дело», т. III. Статья С. Городецкого.

сии, чехословаки, Центральная рада — на Украине, Каледон — на Дону, Дутов — на Урале. Так началось прямое вмешательство Антанты во внутренние дела Советской страны.

23 декабря 1917 г. Англия и Франция заключили тайную конвенцию о разделе сфер действия, подписанную Клемансо, Пишоном и Фошем от Франции, лордом Мильнером, лордом Робертом Сесилем и представителем военного штаба от Англии. Согласно конвенции, в английскую зону входили Кавказ и казачьи территории рек Кубани, Дона, во французскую — Бессарабия, Украина, Крым.

Одновременно британский посол в Токио вёл переговоры с Японией. 27 декабря 1917 г. микадо выступил с речью в Парламенте, призывая к энергичному сотрудничеству с союзниками. Это было расценено в Англии как ответ на приглашение принять участие в интервенции на Дальнем Востоке. В результате тайных переговоров 12 января 1918 г. во Владивостокском порту появился японский крейсер «Ивами», а через день — английский крейсер «Суффолк».

Однако дальше этих первых шагов организаторы интервенции не пошли. США весьма подозрительно встретили выступление Японии, опасаясь закрепления её на Дальнем Востоке. У самой Антанты не было сколько-нибудь значительных боевых сил для организации серьёзной интервенции. В смертельной схватке с германским блоком Антанта не могла освободить руки для борьбы с советской властью. Оставалось одно: попытаться столкнуть Советскую Россию с Германией, чтобы немецкими руками свалить рабоче-крестьянскую власть.

В то время как антантовская дипломатия проявляла свою изобретательность в деле окружения молодой Советской республики, в Брест-Литовске разыгрывались драматические события. Они явились следствием перехода в наступление против Советской России дипломатии и военины германского блока.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

БРЕСТСКИЙ МИР

1. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ

Советские
условия мира

22 (9) декабря в 4 часа 24 минуты пополудни в офицерском собрании в Брест-Литовске начались переговоры о мире. Главнокомандующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский сухим, банальным приветствием открыл заседание мирной конференции, после чего покинул зал. Место председателя занял глава германской делегации министр иностранных дел фон Кюльман. За столом рядом с советской делегацией расположились: австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом Черниным, болгарская, возглавляемая Поповым, и турецкая с председателем Талаат-бесом.

Кюльман выразил пожелание, чтобы ход работ был «быстрым и успешным», и предложил установить порядок ведения переговоров: языком переговоров являются языки всех присутствующих держав, а также французский; председательствуют попеременно представители участвующих стран.

Первый холодок пробежал по залу, когда советская делегация потребовала, чтобы заседания были публичными и чтобы каждая сторона имела право полностью публиковать протоколы заседания. Наступило некоторое замешательство. Чувствовалось, что режиссёры не предусмотрели такого выступления. Турецкий представитель Ибрагим Хакки-паша невнятно выразил «свои сомнения». Никто не понял турецкого дипломата. Кюльман поспешил ему на выручку. «Я позволю себе вкратце передать замечание, которое его превосходительство Хакки-паша формулировал от имени турецкой делегации». Сомнения турецкого представителя состоят-де в том, что, не возражая против публичности, он боится газетной полемики, которая будет вызвана публикацией протоколов. Обрадованный поддержкой, турецкий делегат взял слово вторично и подтвердил, что «вынесение на улицу могло бы помешать, по его мнению, успешности переговоров...»¹

---

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. I, изд. НКВД, М., 1920, стр. 5—6.

Этот небольшой эпизод показал советской делегации, каковы взаимоотношения в германском блоке. На конференции турецкие представители почти не выступали. Болгары не произнесли ни слова. Один раз только поднялся их представитель, чтобы присоединиться к предыдущему, конечно германскому, оратору. Австро-Венгрия плелась за Германией. Зажав рот своим союзникам, Германия властно выступала от их имени.

Сразу после инцидента слово было предоставлено советской делегации.

Исходя из общих принципов декрета о мире от 8 ноября (26 октября), советская делегация предложила принять за основу мирных переговоров следующую программу:

1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2. Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3. Национальным группам, «не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путём референдума; этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев».

4. По отношению к территориям, населённым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию.

5. Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возврату. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путём пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6. Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

В дополнение к этим пунктам советская делегация предлагала признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как-то: экономический бойкот, морскую блокаду, не имеющую в виду военных действий, хозяйственное подчинение страны при помощи навязанного торгового договора и т. д.

Противоречия
в германском
блоке

По заслушании предложений советской делегации Кюльман попросил представить их всем делегатам в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции на один день. На самом деле перерыв затянулся на три дня. Немцы знали советский декрет о мире. Несомненно, они предвидели, что советская делегация на конференции будет исходить из его основных принципов. В Германии заранее обдумывали, что ответить на советские условия. 18 декабря в Берлине состоялось совещание, на котором присутствовали рейхсканцлер Гертлинг, Гинденбург и Людендорф. Через два дня у Гертлинга произошла встреча представителей всех партий Рейхстага. Выяснилось, что общая формула русских может быть принята.

Накануне открытия мирной конференции в Брест-Литовске у генерала Гофмана произошло совещание с Кюльманом и Черниным. Оба министра высказались за присоединение к русской формуле мира, при условии, что к переговорам приступят и державы Антанты. Гофман резко выступил против этого. Он ядовито заметил, что Австро-Венгрия ничего не теряет от присоединения к советской формуле «без аннексий и контрибуций»: ведь она знает, что Антанта хочет расчленить Австро-Венгрию. Но зачем нам подделываться под русский стиль, негодовал Гофман, зачем связывать себя какими-то условиями о присоединении Антанты? «Немецкие генералы, — писал по этому поводу Чернин, — „боятся“, что Антанта согласится на заключение общего мира. Противно слушать такую дребедень»¹.

Гофман предлагал заявить, что советская делегация не имеет полномочий выступать от имени стран Антанты, поэтому на конференции речь может идти только о сепаратном мире. Возмущенного генерала стали успокаивать. На его замечание, что принятие советских предложений означает для Германии отказ от Польши, Литвы и Курляндии, последовал ответ: эти страны не подходят под понятие аннексий; они уже отделились от России; вопрос своего существования они будут решать с Германией.

Кюльман, как и Чернин, готовился, таким образом, к заявлению в самой общей форме. Но советские предложения были сформулированы точно и ясно. Отделаться общими фразами нельзя было. Приходилось давать весьма конкретные ответы. И это оказалось всего труднее. Прежде всего надо было так редактировать ответ, чтобы удовлетворить германское командование; с другой стороны, предстояло добиться согласия у турок и болгар, которые не были предупреждены о намеченной дипломатической игре. Всё это оказалось нелёгким делом.

¹ Чернин, В дни мировой войны, перев. с нем., Гиз, М. — П. 1923, стр. 243.

На совещании делегатов германского блока, где обсуждался проект ответа советской делегации, турки настаивали, чтобы русские войска немедленно очистили Кавказ. Но такое требование было неудобно для немцев; из него вытекало, что и они в свою очередь обязаны освободить Польшу, Литву, Курляндию. С большим трудом удалось убедить турок отказаться от своего требования. Далее, турки добивались, чтобы в мирном договоре было подчеркнуто обязательство России не вмешиваться в чужие дела. Туркам указали, что Австро-Венгрия имеет больше оснований опасаться вмешательства России; тем не менее Чернин не высказывает сомнений. Туркам пришлось удовлетвориться такими разъяснениями.

Труднее было поладить с болгарами. Попов заявил, что при заключении союза Германии и Австро-Венгрии с Болгарией ей были обещаны сербские области и Добруджа. Если Болгария согласится теперь с русской формулой мира, то тем самым будет похоронено обещание Германии и Австро-Венгрии. Болгары требовали специально оговорить в ответе, что приобретение Болгарией румынской и сербской территорий не является аннексией.

Долго уламывали болгар. Заседания шли утром и вечером. Болгарам раскрыли все карты, объяснили, в чём смысл игры, но они упирались. «Напрасно Кюльман и Чернин расточали перед Поповым всё своё красноречие, — писал Гофман. — В сотый раз они ему доказывали, что наш ответ русским никого ни к чему не обязывает, что речь идёт только о том, чтобы с самого начала произвести хорошее впечатление, что, поскольку Франция и Англия сейчас не собираются приступить к переговорам, все наши теперешние декларации, естественно, терпят свою силу»¹.

Болгары грозили отъездом, если им не уступят. Кюльман и Чернин ответили, что в конце концов не возражают против самостоятельного выступления Болгарии с ответом. Попов запросил Софию. Оттуда, как и надо было ожидать, последовал отрицательный ответ.

Принятие
Германией
советской
формулы мира

Только 25 (12) декабря, поздно вечером, возобновилось заседание мирной конференции. На нём Кюльман представил ответ германского блока на советские условия. Кюльман заявил:

«Делегации союзных держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира.

Делегации союзников, в полном согласии с неоднократно высказанной точкой зрения своих правительств, считают, что основные пункты русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире.

¹ Гофман, Записки и дневники, стр. 121.

Делегации Четверного союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей»¹.

Итак, Германия и её союзники присоединились к предложениям советской делегации. Многочисленные чиновники делегаций, эксперты, работники отделов министерств, секретари, корреспонденты газет — а их было на Брест-Литовской конференции свыше 400 — устроили из выступления Кюльмана целую сенсацию. В печати был поднят невообразимый шум. Корреспонденты газет германского блока строчили хвалебные статьи о демократичности Германии. Чиновники посольств в интервью распространялись о её миролюбии. Члены Рейхстага разглагольствовали о новой эре в международных отношениях. Никто при этом не отметил небольшой оговорки в заявлении Кюльмана:

«Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определённый срок, обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия»².

Ясно было, что оговорка Кюльмана сводит нанет согласие Германии на мир без аннексий и контрибуций.

В самом ответе немцы давали ограничительное истолкование отдельным пунктам советской декларации. Так, например, § 3 требовал предоставления возможности национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, свободно, путём референдума, решать вопрос о своём государственном существовании. По этому поводу немцы заявили, что данный вопрос должен решаться в каждом отдельном случае самим государством вместе с народом. Особенно резко выступили немцы против § 6 о колониях. Германское правительство заявляло, что ни в коем случае не может отказаться от своих колоний. Осуществление в них права самоопределения в настоящее время представляется практически невозможным, добавлялось в ноте.

«В германских колониях туземцы, — гласила нота, — несмотря на величайшие затруднения и при минимальных шансах на победу, в борьбе с противником, во много раз более сильным, пользующимся неограниченным подвозом с моря, в самых тяжёлых положениях оставались верны до смерти своим германским друзьям.

Это может служить доказательством их привязанности и их решимости при всех обстоятельствах остаться с Германией.

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 9.

² Там же, стр. 9—10.

Доказательство это по своей вескости и значительности далеко превосходит какое бы то ни было „изъявление народной воли“¹.

Заявление о «дружбе» немцев с африканскими неграми звучало особенно цинично. В памяти всех ещё жива была кровавая расправа с неграми-герреро в 1904—1907 гг., когда немцы фактически истребили почти всё туземное население.

Советская делегация отметила все германские уловки; она подчеркнула имеющиеся разногласия между делегациями, прежде всего по вопросу о колониях. Однако на данном этапе огромное значение имел уже самый факт присоединения германского блока к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций». Констатировав это присоединение, советская делегация предложила объявить десятидневный перерыв, чтобы народы, правительства которых не примкнули ещё к переговорам о всеобщем мире, могли ознакомиться с его принципами. Во время перерыва было решено обсудить в комиссиях непосредственно между государствами отдельные пункты будущего договора.

Германия
раскрывает свои
империалистиче-
ские замыслы

Политическая комиссия начала работать 26 (13) декабря. Предстояли переговоры между Германией и Советской Россией. Но Кюльман заявил, что Германия имеет много точек соприкосновения с Австро-Венгрией и что

Чернин со своей делегацией также примет участие в переговорах. Советская делегация старалась выдвинуть на первый план территориальные вопросы. Однако Кюльман всячески уклонялся от их обсуждения, опасаясь открыть раньше времени захватнические замыслы Германии. Кюльман пытался создать впечатление, что переговоры идут нормальным, деловым порядком. Он настаивал на рассмотрении таких вопросов, как восстановление старых договоров, возобновление торговых соглашений, отмена законов, изданных в целях экономической войны. Немцев интересовали вопросы советской концессионной политики. Кюльман расспрашивал, подвергаются ли национализации иностранные концессии, не будет ли каких-либо изъятий из общего закона.

Вести заседание Кюльман старался в игривом, развязном, а порой и пренебрежительном тоне. Часто он злоупотреблял латинской терминологией, с явным намерением подчеркнуть воображаемое невежество советских делегатов в области международного права. При этом самодовольный немец зачастую срывался с тона и сам попадал в неловкое положение.

Так, немцы предложили немедленно освободить и доставить на родину интернированных и сосланных лиц гражданского состояния. Советская делегация выразила пожелание, чтобы в их состав были включены и лица, пострадавшие за пропаганду мира.

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 11.

«Таких у нас нет, — возразил Кюльман и добавил под смех немцев: — Я хочу сказать, что мы принимаем это пожелание к сведению, но я полагаю, что у ваших союзников вы найдёте в этом отношении гораздо более обширное поле деятельности»¹.

«А Карл Либкнехт?» — заметили Кюльману из советской делегации. Кюльман ничего не нашёл сказать в ответ и поспешил перейти к другим вопросам.

Под конец заседания советская делегация решительно предложила обсудить территориальные вопросы. Кюльман промолчал. Советский представитель вторично потребовал постановки этих вопросов. Тогда Кюльман ответил с явным раздражением:

«Я полагаю, нам не следует поднимать сейчас этот вопрос. Разговоры на эту тему могут вылиться в совещание, а мы ещё не подготовились к обсуждению этой темы»².

Шумиха, поднятая самими же немцами по поводу формулы мира, смутила германское военное командование. Из перехваченного радио немцы узнали, что советская делегация уже сообщила в Петроград о присоединении Германии к демократической формуле мира. Один из офицеров германской делегации передал генералу Гофману, будто в частной беседе русский офицер, прикомандированный к советской делегации, выразил надежду, что немедленно по подписании мира немцы отведут свои войска к границам 1914 г. Германские дипломаты, выступавшие перед своим общественным мнением в роли миротворцев, полагали, что и советские представители только на открытых заседаниях и лишь для публики произносят демократические фразы, а при конкретном обсуждении отдельных вопросов уже «по-деловому» начнут обсуждать с ними, какие страны и народы будут уступлены победителям. И вдруг оказалось, что советская делегация всерьёз приняла согласие немцев на ведение переговоров о демократическом мире.

В Германии поднялся переполох. Из германской ставки в Крейцнахе в адрес Гофмана и Кюльмана поступила телеграмма Гинденбурга с требованием внести ясность в положение. Гофман предложил раскрыть русским «всю призрачность их радужных надежд». Кюльман и Чернин согласились. Вечером 26 (13) декабря за чашкой чаю Гофман заявил советскому представителю, что Германия понимает мир без аннексий иначе, чем советская делегация. Германия не может очистить Польшу, Литву и Курляндию, во-первых, потому, что там расположены мастерские, работающие на вооружение; во-вторых, сами же русские стоят за национальное самоопределение вплоть до отделения. Опираясь на это право, Польша, Литва и Курляндия уже высказались за отделение от России. Если эти три страны вступят

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 26.

² Там же, стр. 28.

теперь в переговоры с Германией о своей дальнейшей судьбе, то это отнюдь не будет аннексией со стороны Германии.

Поражённая цинизмом германских представителей, советская делегация потребовала встречи с Гофманом, Кюльманом и Черниным. Совещание длилось несколько часов. Оно прерывалось не раз по просьбе представителей Германии и Австро-Венгрии, которым нужно было договориться между собой. Чернин предлагал компромисс: пока мир не заключён, продолжается оккупация занятых территорий; по заключении мира плебисцит в Польше, Литве и Курляндии должен решить судьбу этих стран; плебисцит будет проведён под наблюдением нейтральной страны. Идея Чернина была отвергнута не только советской делегацией; она не устраивала и немцев.

Атмосфера в Брест-Литовске начинала накаливаться. «Положение, — записано в дневнике Чернина 27 декабря днём, — всё ухудшается. Грозные телеграммы Гинденбурга об отказе от всего. Людендорф телефонирует через час; новые припадки гнева. Гофман очень раздражён»¹.

Советская делегация заявила о своём отъезде и прекращении переговоров. Эта угроза едва не поссорила Германию с Австро-Венгрией. Чернин говорил Кюльману, что Австро-Венгрия начнёт с Россией сепаратные переговоры, если Германия слишком далеко пойдёт в своих требованиях. Кюльман выразил желание, чтобы заявление Австро-Венгрии было представлено в письменном виде: это нужно было ему для давления на германское командование. Чернин написал, что требовалось. Одновременно он послал в кабинет к Гофману своего военного советника Тишерича повторить угрозу насчёт сепаратного мира.

В конце концов решено было перенести в комиссию детальное обсуждение условий эвакуации.

27 (14) декабря, вечером, после почти двухдневного перерыва, второе заседание политической комиссии открылось выступлением советской делегации по вопросу об очищении оккупированных областей. Предложение советской делегации гласило:

«В полном согласии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России»².

В соответствии с принципом самоопределения наций Советская Россия обещала предоставить населению перечисленных областей возможность самому решить вопрос о своём государственном существовании. При этом в самоопределяющихся

¹ Чернин, В дни мировой войны, перев. с нем., М. — П., 1923, стр. 246.

² «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 28.

областях не должно быть допускаяемо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции. Сроки эвакуации войск устанавливаются специальной военной комиссией.

В ответ на советское заявление Кюльман выдвинул контрпредложение, согласованное с Австро-Венгрией. «Мы стараемся, — говорил Кюльман, — насколько позволяют обстоятельства, пойти навстречу взглядам русской делегации, с которыми мы ознакомились из хода переговоров». В первом пункте контрпредложения Германия обязывалась, как только мир будет заключён и демобилизация русской армии закончится, очистить занятые русские области, «поскольку это не будет противоречить статье 2-й».

В статье же 2-й, предложенной немцами, значилось:

«Так как российское правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, о их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации».

Российское правительство признаёт, что эти заявления при настоящих условиях надлежит рассматривать как выражение народной воли, и готово сделать вытекающие отсюда выводы¹.

После этого Кюльман спросил, не согласится ли советское правительство вывести свои войска из всей Лифляндии и Эстляндии, чтобы дать местному населению возможность соединиться со своими единоплеменниками, живущими в занятых немцами областях. Генерал Гофман осведомился, как обстоит дело с самостоятельностью Финляндии. Через несколько минут генерал Гофман задал вопрос, в каком состоянии находится пассажирское сообщение с Украиной. Советская делегация выразила недоумение по поводу такого вопроса. В ответ Гофман пояснил, что от Украинской Центральной рады поступило сообщение о выезде в Брест-Литовск украинской делегации. Генерал хотел бы знать, каким путём прибудет делегация, для того чтобы позаботиться об установлении с ней телеграфной связи.

Маневр немцев был ясен. Оккупацию Польши и Прибалтики они хотели прикрыть ссылками на национальную политику советской власти; эти области, согласно принципу самоопределения, якобы отделились от России, и дальнейшая их судьба является собственным их делом. А генерал Гофман уже без всякой дипломатии, по-солдатски грубо дал понять, что в случае протеста Советской России против неё будет двинута Украина.

Германская дипломатия приоткрыла свои карты; империалисты обнаружили свои хищнические замыслы. Советская деле-

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 29.

гация прервала переговоры, решив выехать в Петроград. Словившись, не слишком ли рано сброшена маска, германская делегация поспешила смягчить впечатление, созданное её требованиями. Под предлогом ознакомления советской делегации с предварительным проектом мирного договора 28 (15) декабря созвано было заседание политической комиссии мирной конференции. Проект был прочитан, но уже без спорных параграфов по территориальным вопросам. При этом Кюльман поднял вопрос об Аландских островах, настаивая на соблюдении старого договора, по которому эти острова ни в коем случае не подлежат укреплению.

Вечером состоялся пленум мирной конференции. Все рассыпались в любезностях перед советской делегацией. Болгары уверяли, что ей должно быть благодарно человечество. Турки называли русских замечательными дипломатами. Говорилось о новой эре в истории международного права, о творцах мира. Словом, делалось всё, чтобы поддержать всё ту же иллюзию «демократичности и миролюбия» победителей, а также делового характера конференции.

Советская делегация выехала в Петроград.

2. ВТОРОЙ ПЕРИОД МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

**Использование
Германией
предателей
из Украинской
Центральной рады**

Во время перерыва в работе конференции Наркоминдел снова обратился к правительствам Антанты, приглашая их принять участие в мирных переговорах. Антанта попрежнему не ответила. Перед советским правительством встал вопрос, как быть дальше с Германией, которая уже показала свои когти. Ленин предложил перенести переговоры в Стокгольм или другой нейтральный город. Из нейтральной страны можно было легче продемонстрировать советскую политику мира перед народами воюющих стран. В нейтральной стране советская делегация была бы свободнее от стеснительного напора немцев, а её радиосообщения не перехватывались бы противником. Отпала бы и военная цензура немцев, которые фактически контролировали даже все переговоры по прямому проводу.

О перенесении переговоров советская делегация беседовала ещё в Брест-Литовске с Кюльманом и Черниным. Те ответили, что возражают против переговоров в нейтральной стране, но готовы по окончании конференции выехать в Россию, чтобы подписать мир не на оккупированной территории, а, например, в Пскове. Тогда Ленин решил настаивать на перенесении переговоров.

2 января 1918 г. (20 декабря) председателям германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской делегаций была послана телеграмма, в которой советское правительство настоя-

чиво предлагало перенести переговоры в Стокгольм. Вместе с тем в телеграмме подчёркивалось, что формулировка германского блока по территориальным вопросам противоречит принципу свободы самоопределения наций, даже в том ограничительном его толковании, которое дано в декларации немцев от 25 (12) декабря.

Телеграмма советского правительства вызвала переполох в лагере противника, особенно в Австро-Венгрии. «Настроение как у нас, так и у германцев весьма подавленное, — писал в своём дневнике Чернин. — Нет сомнений, что если русские решительно прервут переговоры, положение станет весьма тягостным. Единственный выход из положения заключается в быстрых и энергичных переговорах с украинской делегацией»¹.

Советской делегации была послана телеграмма, решительно отклонявшая перенесение мирных переговоров из Брест-Литовска. Делегация ожидается в Бресте не позже 5 января (23 декабря), подчёркивалось в ответе.

4 января (22 декабря) германский канцлер Гертлинг в своей речи в бюджетной комиссии германского Рейхстага сообщил о требовании советского правительства перенести мирные переговоры из Брест-Литовска в нейтральную страну. Он заявил, что германское правительство на это не согласилось. Гертлинг выступил с протестом против содержащихся в советской прессе обвинений Германии в аннексионистских захватах. Попутно он информировал о прибытии в Брест-Литовск делегации Украинской Центральной рады. Тем самым недвусмысленно давалось понять, что возможны отдельные переговоры с Украиной.

4 января (22 декабря) от советского правительства пришла телеграмма с сообщением, что оно продолжает настаивать на перенесении переговоров. Но так как все делегации уже прибыли в Брест-Литовск, то и советская делегация выезжает туда же, в уверенности, что там легче можно будет договориться о новом месте переговоров.

Прибытие телеграммы из Петрограда сразу повысило настроение дипломатов Германии и Австро-Венгрии. «Было занимательно наблюдать, — писал Чернин, — с каким восторгом это известие было встречено немцами; лишь внезапное и бурное веселье, охватившее всех, показало, какой над ними висел гнёт, как сильно было опасение, что русские не вернуться»².

Что касается Украины, то по отношению к ней интересы Германии и Австрии не совпадали. 2 января (20 декабря) в Германии состоялось совещание между верховным командованием и главой правительства, после чего открылось заседание тронного совета. Линия Кюльмана в Бресте была одобрена.

¹ Чернин, В дни мировой войны, стр. 249.

² Там же.

Теперь предстояло внести ясность в вопрос о судьбах оккупированных территорий и прежде всего Польши. Вопрос этот обсуждался не раз в течение всей войны. Верховное командование Германии настаивало на полном присоединении отторгнутых от России окраин к Германии. Кюльман стоял также за присоединение окраин к Германии. Однако он высказывался против открытой аннексии, а предлагал прикрыть её добровольным соглашением с оккупированными странами.

Масла в огонь подлил генерал Гофман. Он боялся разбить однородность немецкого населения империи присоединением всей Польши. Поэтому он предлагал ограничиться исправлением германской границы за счёт отдельных частей Польши. На аудиенции у Вильгельма II Гофману удалось убедить императора в преимуществе своего варианта. На тронном совете Вильгельм II поддержал точку зрения Гофмана. Это вызвало протесты Гинденбурга и Людендорфа. Гинденбург грозил уходом, требовал отставки Гофмана. Кюльман предложил Людендорфу самому поехать в Брест, чтобы принять участие в переговорах, но тот заявил, что его поездка была бы лишней затеей: «он там может только напортить». Обсуждение продолжалось несколько часов. В конце концов Вильгельм II отказался уволить Гофмана, а по вопросу о Польше принял точку зрения Гинденбурга. Это решило спор. Оставалось уговорить Австро-Венгрию пойти на эту комбинацию.

Однако в Австро-Венгрии к ней отнеслись отрицательно. В начале войны Германия предлагала отдать Польшу Австро-Венгрии в обмен за компенсацию в виде таможенной унии или вечного таможенного союза с Германской империей и особого соглашения о железных дорогах и военных делах. Но в тот период Австро-Венгрия высказалась против присоединения Польши. Возможно, при этом играло роль то соображение, что без Франции, Англии и России решение польского вопроса не может быть окончательным. Притом же в некоторых кругах Австро-Венгрии считали более тесный союз с Германией слишком дорогой компенсацией за Польшу: боялись попасть в полную зависимость от Германии. Сыграл свою роль и протест Венгрии, ибо включение Польши в состав двуединой империи в виде третьего самостоятельного её члена превратило бы двуединую монархию в триединую и грозило умалением влияния Венгрии в делах Габсбургской империи. Так или иначе, в начале войны Австро-Венгрия не приняла «подарка» Германии.

С течением времени обстановка изменилась. Уход Тиссы с поста председателя совета министров Венгрии ослабил сопротивление со стороны Венгрии: австро-венгерские деятели стали склоняться к мысли о присоединении Польши. Но по мере продвижения Германии на восток её собственные аппетиты возрастали. Немцы потребовали, чтобы австрийцы оставили

Люблин. Австрийцы сопротивлялись. Союзные дипломаты спорили, интриговали в Польше, шпионили друг за другом. Дело осложнялось тем, что польские деятели, с которыми велись переговоры, требовали восстановления Польши, включая Галицию, а эта область находилась в руках Австро-Венгрии. Был момент, когда Австро-Венгрия соглашалась отдать Галицию Польше; но зато австрийцы хотели получить в обмен Румынию. «Так как невозможно было сломить сопротивление, исходящее от генерала Людендорфа, — признавался Чернин, — то в дальнейшем мы временно останавливались и на идее присоединения к Австро-Венгрии Румынии вместо Польши»¹.

Но у Германии были свои виды на Румынию. Чтобы сломить сопротивление Австро-Венгрии, немцы согласились на переговоры с украинской делегацией, надеясь разыграть украинскую карту и против Советской России и против Австро-Венгрии.

Деятели Украинской Центральной рады вели в это время сложнейшую интригу. На Украине находились представители Антанты. Они давали деньги Раде и всячески натравливали её против Советской страны. Поддерживаемая этими агентами, Центральная рада помогала русской контрреволюции — генералам Каледину и Дутову, не пропускала советских войск, направляемых для борьбы с мятежными генералами, разоружала советские отряды. Словом, Рада действительно включилась в контрреволюционный блок.

17 (4) декабря 1917 г. советское правительство потребовало от Центральной рады прекратить эту враждебную работу. В случае неполучения удовлетворительного ответа Совнарком предупреждал, что будет считать Раду в состоянии открытой войны против советской власти. Опасаясь возмущения народных масс, Центральная рада, имевшая уже соглашение с представителями Антанты и получившая от них денежные авансы, предложила и советской власти начать переговоры. 2 января 1918 г. (20 декабря 1917 г.) Совнарком постановил принять предложение Рады.

Буквально в эти же дни украинские дипломаты вступили в переговоры и с представителями Германии и Австро-Венгрии. Получилось любопытное положение: Центральная рада вела переговоры сразу с тремя взаимно исключаящими сторонами. Немцы ухватились за столь универсальных дипломатов и ускорили их прибытие в Брест-Литовск. Предварительные переговоры с украинцами вёл Гофман. Делегаты Рады знали, что против их правительства поднялся народ. Они видели, как быстро уменьшается территория, над которой властвует Рада. Только иностранные штыки могли их спасти. Они готовы были пойти на любое предательство, лишь бы добиться

¹ Чернин, В дни мировой войны, стр. 226.

вооружённой помощи Германии. Они обещали дать немцам хлеб, продовольствие, руду, отдать под немецкий контроль железные дороги, при одном условии — поскорее двинуть немецкие войска на Украину.

Гофман быстро разобрался, с кем имеет дело. Генерал решил сначала использовать украинских дипломатов против Австро-Венгрии. Гофман недвусмысленно подсказывал украинцам, как себя вести, что запрашивать. Украинские предатели претендовали на присоединение Холмщины, Буковины и Восточной Галиции. Гофман разъяснил им, что они хватают через край: о Холмщине ещё может идти речь, но требовать присоединения австро-венгерских провинций — это уже слишком. Представители Рады прикусили языки. По указанию Гофмана они согласились добиваться лишь Холмщины; Буковина и Восточная Галиция должны были образовать самостоятельную австро-венгерскую коронную территорию под владычеством Габсбургов. Оба эти проекта явно были на-руку немцам, ибо ставили в затруднительное положение Австро-Венгрию. Если бы Австро-Венгрия согласилась на отделение Холмщины от Польши и на присоединение её к Украине, она тем самым вызвала бы резкое раздражение у поляков. С другой стороны, создание самостоятельной коронной территории из Галиции и Буковины усилило бы национальное движение среди других национальностей Австро-Венгрии, что вело к ослаблению двуединой монархии. Так Гофман с помощью изменников Украины добивался уступок со стороны Австро-Венгрии в польском вопросе. Он из-за кулис дирижировал марионетками и сам любовался своей же работой. Он писал по поводу позиции украинцев: «Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи; они прекрасно отдавали себе отчёт и в том, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И всё же в своих переговорах с графом Черниным они твёрдо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на иоту»¹.

Чернин, конечно, понимал, что представители Рады — только марионетки в руках немцев. Отчаянное положение с продовольствием в Австро-Венгрии вынуждало Чернина добиваться скорейшего договора с Украиной. Но расплачиваться за её хлеб приходилось дорогой ценой: нужно было двинуть на Украину армию, с жадностью прислушивающуюся к переговорам о мире, и уступить ряд областей. Чернин упирался.

Переговоры с украинцами затягивались. Пришлось даже отложить открытие конференции. Кюльман и Чернин приехали на конференцию 4 января (22 декабря), а первое её заседание состоялось только 9 января (27 декабря).

¹ Гофман, Записки и дневники, стр. 133.

Германская
дипломатия
переходит
в наступление

Перед самым открытием конференции Кюльман и Чернин снова решили сообща наметить линию поведения, чтобы не повторилось замешательство, имевшее место в самом начале переговоров в связи с выступлением советской делегации. После тщательного обсуждения всех возможных ходов остановились на следующем решении: предупредить возможный удар со стороны советской делегации и нанести его самим. Были распределены роли, намечен тактический план. В ход предполагалось пустить все виды оружия — выступления дипломатов и угрозы военных.

Как только открылась конференция, слово взял Кюльман. Он напомнил, что по предложению русской делегации в переговорах был сделан десятидневный перерыв, чтобы привлечь к ним и другие страны. Срок этот истёк 4 января 1918 г. в 12 часов ночи. Ни от одной из основных участниц войны не поступило заявления о присоединении к мирным переговорам.

«Как следует из содержания сообщения союзных держав от 25 (12) декабря 1917 г., — говорил Кюльман, — одно из самых существенных условий, которые были в нём поставлены, это — единогласное принятие всеми враждующими державами условий, одинаково обязательных для всех народов.

Неисполнение этого условия повлекло за собой следствие, вытекающее как из содержания заявления, так и из истечения срока: документ стал недействительным»¹.

Оговорка, внесённая Кюльманом в декларацию держав Четверного союза от 25 (12) декабря 1917 г., выручила немцев. Теперь, опираясь на неё, они отказывались от присоединения к советской формуле мира «без аннексий и контрибуций».

Не давая никому возразить, Кюльман сразу после этого перешёл к вопросу о перенесении переговоров в нейтральную страну. Он объявил «окончательное решение держав Четверного союза, не подлежащее отмене». Переговоры будут продолжаться в Брест-Литовске. Что касается обещания перенести окончательное подписание мира в Россию, данного в «необязательной форме», как подчёркивал Кюльман, то он «ради международной вежливости» не возражает против подписания договора в другом месте. Закончил свою речь Кюльман протестом против неLOYяльного тона советской прессы в отношении Германии, что якобы подвергает опасности мирные переговоры.

Вслед за Кюльманом выступил Чернин. Он также высказался против перенесения переговоров в Стокгольм. Это невозможно, во-первых, по причинам технического характера: из Бреста все делегации связаны прямым проводом со своими столицами.

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 45—46.

«Ещё важнее, однако, второй мотив, — говорил Чернин. — Вы, милостивые государи, в своё время пригласили нас на всеобщие мирные переговоры. Мы приняли приглашение и пришли к соглашению относительно основ всеобщего мира.

Оставаясь верными принятым основам, вы поставили союзникам десятидневный ультиматум. Ваши союзники вам не ответили, и сегодня речь идёт не о всеобщем мире, но о мире сепаратном между Россией и державами Четверного союза»¹.

Вслед за Черниным выступили от Турции Талаат-паша и от Болгарии Попов. Оба заявили о полном согласии с предыдущими ораторами.

«Удар в лоб», как выражался Чернин, состоял в том, что германские и австро-венгерские империалисты прямо заявили советским представителям: довольно разговоров о всеобщем мире, дело идёт только о сепаратном мире между нами и вами.

За министрами иностранных дел выступили военные представители. Первым поднялся генерал Гофман с резким протестом против радиотелеграмм и воззваний советского правительства, обращённых к германским войскам. Военные делегаты австро-венгерской, болгарской и турецкой делегаций присоединились к этому протесту.

Поведение военных придавало выступлению немецких дипломатов характер ультиматума.

На следующем заседании, 10 января (28 декабря), Кюльман выдвинул вперёд украинцев. Они огласили декларацию Центральной рады. В этом документе заявлялось, что власть Совнаркома не распространяется на Украину. Поэтому и мир, заключённый Совнаркомом, не обязателен для Украины. Центральная рада будет вести переговоры самостоятельно.

Едва Голубович, председатель делегации Центральной рады, закончил чтение, как Кюльман спросил председателя советской делегации: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?»

Дальнейшими вопросами Кюльман настойчиво добивался ответа, следует ли считать украинскую делегацию частью русской делегации или же она является представительством самостоятельного государства.

Дипломатическое наступление немцев достигло своей цели только вследствие предательства Троцкого, который возглавлял советскую делегацию во втором периоде переговоров, с 9 января (27 декабря). Троцкий знал, что против Центральной рады поднялось восстание, что Рада фактически находится в состоянии войны с Советской Россией. Ясно было, что дни Рады уже сочтены. Тем не менее Троцкий признал украинскую

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 47.

делегацию самостоятельной. Тем самым он изменнически пошёл навстречу германским империалистам.

Вечером 10 января у Чернина с Кюльманом и Гофманом вновь состоялось совещание по вопросу о дальнейшей линии поведения. Генерал Гофман настаивал на продолжении угрожающего нажима на советскую делегацию. «Нужно ещё раз хорошенько ударить по голове», — восклицал он. Но оба министра предлагали перейти к более спокойному обсуждению, рассматривать условия параграф за параграфом, откладывая в сторону всё неясное. Такой тактики требовал прежде всего тот факт, что переговоры с украинцами ещё не завершились из-за грызни между Германией и Австро-Венгрией. К тому же из Украины поступали сведения о выступлениях против Центральной рады, территория которой катастрофически сокращалась. По предложению Кюльмана, обсуждение отдельных пунктов договора перенесено было в политическую комиссию.

На первом же заседании политической комиссии советская делегация вновь потребовала начать с обсуждения территориальных вопросов. Она заявила, что основное разногласие касается судеб Польши, Литвы и Курляндии. Отправляясь в Брест-Литовск, советская делегация пригласила с собой представителей трудящихся этих стран. Они ждут, что скажет им конференция. Кюльман вновь отвёл советское предложение. Пусть приехавшие займутся пока экономическими и правовыми вопросами, заявил он.

Конференция топталась на месте. Каждый пункт вызывал споры.

Длительные дискуссии шли по поводу отдельных формулировок. При этом оказывалось, что немцы и австрийцы не всегда договаривались о согласованных выступлениях. В статье 1, заявлявшей о прекращении войны, имелась формулировка: «Оба государства решили впредь жить в мире и дружбе». Советская делегация предложила снять эту формулировку, ибо она имеет чисто декларативный характер. Немцы и австрийцы запротестовали.

Кюльман предлагал: «оба народа решили впредь жить в мире».

Советская делегация: «оба государства решили».

Немцы: «обе нации решили».

Советская делегация: «Здесь написано „оба договаривающихся государства“».

Кюльман, начиная уже раздражаться, твердит: «„обе нации решили“». Поэтому я и удивляюсь, что вы так сильно возражаете... Приемлемая ли для вас редакция: „обе нации“?»

Советская делегация: «оба народа».

В спор вмешивается Чернин: «Редакция „оба народа“ невозможна, потому что в Австро-Венгрии живёт много народов».

Кюльман разъясняет, что речь идёт о Германии и России. Чернин настаивает на такой редакции, которая подошла бы и для Австро-Венгрии.

Кюльман повторяет, что проект формулировки имеет в виду германо-русские отношения и потому гласит: «обе нации».

Чернин: «Я ничего не имел бы против того, чтобы сказать „договаривающиеся стороны“».

И дальше в том же духе.

Два дня тянулись переговоры в комиссиях. Одновременно Германия и Австро-Венгрия продолжали тайные сношения с Украиной.

Предъявление условий мира

Замедление мирных переговоров раздражало германское верховное командование. Каждый новый день отсрочки подписания мира всё больше разлагал армию. Генерал Людендорф писал: «Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь ещё больше подорвать наши моральные силы»¹. Людендорф бомбардировал Гофмана телеграммами. «Я сидел, — писал Людендорф, — в Крейцнахе, как на углях, и нажимал на генерала Гофмана, чтобы он ускорил переговоры».

Гофман требовал от Кюльмана и Чернина предоставления ему возможности выступить. Целые дни, по свидетельству Чернина, сидел он над подготовкой своей речи. Несколько раз Гофман порывался подняться. 12 января (30 декабря), утром, он снова выступил с протестом против рассылки советской делегацией радиограмм и распространения на фронте советской прессы. Наконец, случай для нового «удара по голове» как будто представился.

Вечером 12 января, на заседании политической комиссии, советская делегация огласила свои формулировки по спорным вопросам. Она требовала, чтобы правительства Германии и Австро-Венгрии категорически подтвердили отсутствие у них намерений включить в территорию Германии или Австро-Венгрии какие бы то ни было области бывшей Российской империи. Решение вопроса о будущей судьбе самоопределяющихся областей должно проходить без всякого внешнего давления, в условиях полной политической свободы. Голосование должно производиться после вывода из этих областей чужеземных войск и по возвращении на родину беженцев и выселенцев. Окончательное решение о государственном устройстве этих областей осуществляется путём всенародного референдума.

Гофман вскипел. «Я должен, — резко заявил он, — прежде всего протестовать против тона этих заявлений. Русская

¹ Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, перев. с нем., Госиздат, М. 1924, стр. 127.

делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории»¹.

В пространной речи, уснащённой злобными выпадами против советской власти, генерал Гофман изложил историю «соглашения» между Германией, с одной стороны, Литвой и Курляндией — с другой. Закончил генерал объяснением, почему германское правительство отказывается очистить оккупированные районы:

«...И из техничеcки-административных соображений верховное германское командование должно отклонить очищение Курляндии, Литвы, Риги и островов Рижского залива. Все эти области не обладают органами управления, не имеют судов и органов судебной защиты, не имеют железных дорог, телеграфа и почты. Всё это создано Германией и управляется Германией.

Равным образом в ближайшем будущем эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию из-за отсутствия соответствующих органов, которые могли бы совдать всё это»².

По Гофману выходило, что немцы застали в Литве и Латвии чуть ли не дикую страну, без дорог и почты. Вибешённый генерал явно потерял чувство меры. Даже делегаты германского блока с трудом скрывали своё смущение. Чернин писал по этому поводу: «Гофман произнёс свою несчастную речь. Он работал над ней целые дни и очень гордился ею. Кюльман и я не скрыли от него, что она достигла только того, что раздражила против нас тыл»³.

Действительно, в тылу положение обострялось. В столице Австро-Венгрии вспыхнули продовольственные беспорядки. Вена стала умолять Берлин о помощи. В Германии разрастались забастовки. Росло недовольство войной и в армии. Германское командование настойчиво требовало скорее кончать мирные переговоры в Брест-Литовске. Наконец, 18 (5) января, на заседании политической комиссии, победители предъявили свои условия. Вынув карту, генерал Гофман заявил:

«Я оставляю карту на столе и прошу гг. присутствующих с ней ознакомиться»⁴.

Генерал даже не счёл нужным объяснить, что представляет собой та линия, которая намечена была на его карте. На требования объяснений генерал отрезал: «Начерченная линия продиктована военными соображениями; она обеспечит народам,

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 96.

² Там же, стр. 94.

³ Чернин, В дни мировой войны, стр. 255.

⁴ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 126.

живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение»¹.

Линия Гофмана отрезала от владений бывшей Российской империи территорию размером свыше 150 тысяч квадратных километров. Германия и Австро-Венгрия занимали Польшу, Литву, некоторую часть Белоруссии и Украины, кроме того, часть Эстонии и Латвии. В руках у немцев оставались также Моонзундские острова и Рижский залив. Это передавало им контроль над морскими путями к Финскому и Ботническому заливам и позволяло развить наступательные операции в глубь Финского залива, против Петрограда. В руки немцев переходили порты Балтийского моря, через которые шло 27% всего морского вывоза из России. Через эти же порты шло 20% русского импорта.

Линия Гофмана почти не имела естественных рубежей. Мало того, на берегу Западной Двины у Риги оставался плацдарм для наступательных операций Германии, угрожающих правому флангу русской оборонительной линии. Двинская крепость оказывалась непосредственно в зоне огня. Установленная граница была крайне невыгодна для России в стратегическом отношении. Она грозила оккупацией всей Латвии и Эстонии, угрожала Петрограду и в известной мере Москве. В случае войны с Германией эта граница обрекала Россию на потерю территорий в самом начале войны.

Советская делегация потребовала нового перерыва мирной конференции на 10 дней.

Ультиматум

Германия и Австро-Венгрия использовали перерыв для завершения переговоров с Украиной. Украинская Центральная рада к этому времени уже перестала существовать. Территория её свелась только к той комнате, которую она занимала в Брест-Литовске. Представителям Украинской Центральной рады после перерыва еле-еле удалось вернуться на конференцию. Как выяснилось позже, дипломаты Рады пробрались в Брест-Литовск обманным путём: они заявили красногвардейцам, что составляют часть советской делегации. Председатель делегации Голубович так и не попал в Брест. К 30 (17) января, когда вновь открылась конференция, в Брест прибыли представители победившей советской власти на Украине. Они и выступили со своей декларацией. В ответ Чернин заявил, что 12 января на пленарном заседании Германия и Австро-Венгрия признали делегацию Украинской Центральной рады самостоятельной и правомочной представить Украинскую Народную Республику. «В настоящее время, — говорил Чернин, — мы вынуждены признать Украинскую Народную Республику как свободное суверенное государство, вполне правомочное вступать в международные сношения»

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 126.

² Там же, стр. 156.

Всё же изгнание Центральной рады восставшими рабочими и крестьянами поставило Германию в затруднительное положение: не стало правительства, с которым велись переговоры. Дипломатическая постройка, с такими ухищрениями возведённая Кюльманом и Черниным, рушилась. На этот раз уже немцам пришлось добиваться перерыва в заседаниях мирной конференции. 3 февраля (21 января) Кюльман и Чернин выехали в Берлин.

Туда же прибыл и Людендорф. На совместном совещании дипломатов и союзного верховного командования подвергнут был обсуждению вопрос, подписывать ли мир с несуществующим правительством Украины. Помимо того, что приходилось заключать союз с мёртвыми душами, Чернин опасался, что последствием подписания мира явится враждебное отношение к Австро-Венгрии со стороны Польши. Но продовольственное положение Австро-Венгрии было крайне тяжёлым: она не могла обойтись без украинского хлеба. Представитель австро-венгерского командования со своей стороны определённо заявил, что Австро-Венгрия и её армия обречены на голод. Решено было договор с Украиной подписать. Людендорф потребовал от Кюльмана, чтобы в течение 24 часов после подписания мирного договора с Украиной им был предъявлен ультиматум советской делегации. Кюльман дал такое обещание. На том же совещании обменялись мнениями об условиях мира с Румынией. Людендорф требовал против неё решительных мер.

Закончив 6 февраля (24 января) совещание в Берлине, Кюльман и Чернин вернулись в Брест-Литовск. Здесь 9 февраля (27 января) был подписан мир с Украинской радой. В основу его было положено её обязательство поставить до 31 июля 1918 г. для Германии и Австро-Венгрии — взамен военной помощи против большевиков — миллион тонн хлеба, 400 миллионов штук яиц, до 50 тысяч тонн живого веса рогатого скота, сало, сахар, лён, пеньку, марганцевую руду и т. д. В секретной приписке к мирному договору Австро-Венгрия обязывалась образовать в Восточной Галиции автономную Украинскую область. В тот же день на заседании политической комиссии Чернин сообщил о подписании мира с Украиной. «Мы признали правительство Украинской рады, — заявил он, — следовательно, для нас оно существует». Чернин заверял, что этот договор не является недружелюбным актом по отношению к Советской России.

В тот же день Людендорф позвонил из Берлина Кюльману и напомнил ему обязательство через 24 часа после заключения мира с Украиной прервать переговоры с советской делегацией. Одновременно и Гинденбург, ссылаясь на то, что русское правительство якобы обратилось к германской армии с призывом к неповиновению, потребовал от Вильгельма II указания Кюльману кончить переговоры. Вильгельм II приказал Кюльману

предъявить советской делегации ультиматум о принятии германских условий и кроме оккупированных областей потребовать от советского правительства немедленного очищения ещё не занятых немцами областей Лифляндии и Эстляндии, притом без всякого права их народов на самоопределение.

Выполняя эти приказания, Кюльман предъявил советской власти в ультимативной форме требования принять немецкие условия мира. Однако упомянуть об Эстонии и Лифляндии Кюльман всё же не решился.

«Наши предложения, — говорил Кюльман, — известны уже давно, все связанные с ними вопросы подробно обсуждались, и, я полагаю, можно сказать с полным правом, что все возможные доводы подверглись всестороннему рассмотрению, и теперь настало время решений».

Вслед за тем Кюльман продиктовал предлагаемую немцами формулировку: «Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит... впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия»¹.

Передавая эту формулировку советской делегации, Кюльман добавил, что принятие её является *conditio sine qua non*, т. е. абсолютно обязательным условием.

10 февраля (28 января) советской делегации предстояло дать ответ на ультиматум Германии и Австро-Венгрии. Вопреки прямой директиве Ленина заключить мир Троцкий объявил, что войну Советская Россия прекращает, но мира не подписывает — «ни войны, ни мира». Мирная конференция кончилась. Делегации разъехались по своим странам.

13 февраля (31 января) в Гомбурге состоялось совещание, в котором приняли участие Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, Кюльман, Гинденбург, Людендорф, начальник морского штаба и вице-канцлер. На совещании было принято решение «нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения»².

Решено было также занять Украину, подавить там большевизм и приступить к извлечению из неё хлеба и сырья. Гинденбург изложил и самый план военного продвижения: предла-

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 185.

² Людендорф, Мои воспоминания, стр. 132.

галось занять всю Прибалтику вплоть до Нарвы и оказать вооружённую поддержку Финляндии. На совещании придумали и формальную мотивировку отказа от перемирия. Решено было считать, что «неподписание Троцким мирного договора автоматически влечёт за собой прекращение перемирия»¹.

Из троцкистской предательской установки — «ни войны, ни мира» — Германия сделала нужный ей агрессивный вывод: 16 февраля она объявила, что уже 18-го, в 12 часов дня, начнётся наступление против русской армии. Тем самым германские генералы грубо и вероломно нарушили одно из условий перемирия, требовавшее предупреждения о разрыве за 7 дней.

18 февраля австро-германские войска начали наступление по всему фронту от Балтийского до Чёрного моря.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРА

Новый немецкий ультиматум

Как только были получены известия о наступлении немцев, Ленин предложил немедленно подписать мир. Изменник Троцкий настаивал на необходимости выждать, пока развернётся наступление немцев. Тем самым он предательски предоставлял немцам возможность захватить побольше территории и боеприпасов. 18 февраля, вечером, Ленин вновь настаивал на своём требовании. На этот раз Троцкий предложил запросить немцев, чего они хотят. Это предложение явно вело к затяжке времени и позволяло немцам ещё больше углубиться в Советскую страну. Ленин разоблачил вероломную цель этого предложения. «Теперь нет возможности ждать, — заявлял он. — Это значит сдавать русскую революцию на слом... Если запросить немцев, то это будет только бумажка... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаём революцию немцам»².

Сломив сопротивление изменников, немецких пособников, провокаторов войны, Ленин 19-го рано утром послал немцам следующую радиограмму: «Ввиду создавшегося положения, Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного Союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные германским правительством точные условия будет дан немедленно»³.

Для того чтобы немцы не могли сказать, что радиограмма ими не получена, и под этим предлогом не продолжали наступления, Ленин вручил копию радиограммы специальному курьеру,

¹ Людендорф, Мои воспоминания, стр. 134.

² Ленин, Соч., т. XXII, стр. 257.

³ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 264.

посланному навстречу наступающим германским войскам. 20 февраля генерал Гофман ответил, что радиграмма получена. Однако она должна быть подтверждена письменно и передана непосредственно в руки германского коменданта города Двинска. Гофману было сообщено, что такой курьер уже выехал. Тем не менее наступление немцев продолжалось. «Немедленно ночью получился ответ, — свидетельствует Гофман, — что курьер с таким письменным предложением в пути. Повидимому, он очень спешит, — мы же нет. К сожалению, наше наступление идёт слишком медленно, нехватает лошадей, дороги плохи. Пока мы не дойдём до озера Пейпус, мы не остановимся»¹.

Копию радиграммы Гофман переслал в Берлин, а сам продолжал наступление. Немецкие войска продвигались по Прибалтике, далее — на Ревель, оттуда — на Нарву и Петроград. Другая группа немцев шла на Псков, чтобы угрожать Петрограду с юга.

21 февраля Ленин объявил «социалистическое отечество в опасности». Повсюду спешно создавались отряды. Вся страна была призвана к отпору иностранным интервентам. Под Псковом и Нарвой полки молодой Красной Армии преградили дорогу немцам. Немецкие передовые отряды были отброшены. Триумфальное шествие кончилось. Германским империалистам стало ясно, что впереди — длительная война с народами Советской страны. День организации отпора немецким захватчикам — 23 февраля — стал днём юбилея Красной Армии.

Только 23 февраля, в 10 часов 30 минут, получен был, наконец, ответ от немцев. Генерал Гофман писал в своём дневнике: «Только сегодня утром отправили ультиматум. Надо прямо сказать, Министерство иностранных дел и верховное главнокомандование хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выставить».

Германский ультиматум состоял из 10 пунктов. Первые два пункта повторяли ультиматум от 9 февраля (27 января), т. е. подтверждали «линию Гофмана». Но в остальном ультиматум шёл несравненно дальше. Пунктом 3 дополнительно предлагалось немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск и красногвардейцев. Обе области занимались немцами. Пунктом 4 Россия обязывалась заключить мир с Украинской Центральной радой. Украина и Финляндия должны были быть очищены от русских войск. По пункту 5 Россия должна была вернуть Турции анатолийские провинции и признать отмену турецких капитуляций.

Пункт 6. Русская армия немедленно демобилизуется, включая и вновь образованные части. Русские корабли в Чёрном и Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть

¹ Гофман, Записки и дневники, стр. 240.

приведены в русские порты и разоружены. Возобновляется мореплавание. В Ледовитом океане сохраняется немецкая блокада до заключения мира.

Пункт 7. Восстанавливается германо-русский торговый договор от 1904 г. К нему присоединяются гарантии свободного вывоза, право беспошлинного вывоза руды, гарантия наибольшего благоприятствования Германии по меньшей мере до конца 1925 г. и обязательство начать переговоры о заключении нового торгового договора.

Пункты 8 и 9. Вопросы правового порядка будут регулироваться согласно решениям русско-германской юридической комиссии. Россия обязуется прекратить всякую агитацию и пропаганду против стран германского блока как внутри страны, так и в оккупированных ими областях.

Пункт 10. Условия мира должны быть приняты в течение 48 часов. Уполномоченные с советской стороны немедленно отправляются в Брест-Литовск и там обязаны подписать в течение трёх дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже чем по истечении двух недель.

24 февраля, в 4 часа 30 минут утра, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял германский ультиматум. В 7 часов утра Ленин сообщил в Берлин, Вену, Софию и Константинополь о принятии ультиматума и отправке делегации в Брест-Литовск. Делегация выехала туда в тот же день. Однако немцы продолжали своё наступление на Белоруссию и на Украину. Прибыв в Псков 25 февраля в 9 часов вечера, советская делегация заявила резкий протест против продолжения военных действий. И всё же наступление продолжалось. 28 февраля советская делегация была уже в Бресте. Здесь она вновь выступила с резким протестом.

Заседание мирной конференции в Брест-Литовске началось 1 марта. Министры иностранных дел четверного блока отсутствовали на её заседаниях. Они выехали в Бухарест, где начались переговоры о заключении мира с Румынией. Германскую делегацию представляли посланник фон Розенберг и генерал Гофман. Открывая заседание конференции, Розенберг заявил, что в распоряжении конференции имеется только три дня. Он добавил, что военные действия будут прекращены только после подписания мирного договора. «Мы собрались здесь, — добавил он, — не для речей и прений, но для подготовительных работ по подписанию мирного договора и для заключения самого договора»¹. Розенберг предложил закрыть заседание и организовать три комиссии: политическую, экономическую и правовую, для обсуждения отдельных пунктов мирного договора. Советская делегация отклонила это предложение. Она заявила, что её

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 213.

задача состоит лишь в том, чтобы «принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией российскому правительству»¹.

Розенберг выразил сожаление, что русская делегация отклонила его предложение, и прочитал условия мирного договора. Оказалось, что немцы изменили свой последний ультиматум. Спohватившись, немцы отрезали в пользу Турции ещё несколько городов. Розенберг предлагал к пункту 5, в котором шла речь о возвращении Турции анатолийских провинций, прибавить: «с включением округов Ардагана, Карса и Батума». При этом Розенберг пояснил: «Однако мы на этом не настаиваем во избежание упреков в аннексионистских стремлениях»². Это не значило, что немцы отказываются от требования отдать Турции Ардаган, Карс и Батум. Как разъяснил Розенберг, его ремарка означала, что в договор можно и не включать этой формулировки; однако указанные три округа должны быть немедленно очищены русскими.

Вечером состоялось совещание председателей делегаций. Здесь советская делегация заявила, что заключение мира «совершается в небывалых условиях, в неслыханной атмосфере насилия». Германские войска продолжают наступать; на обсуждение договора даётся только три дня. В связи с этим советская делегация отказывается обсуждать условия мира и принимает их в той форме, в какой они предлагаются. Розенберг в ответ на это цинично заявил: «Между тем условия да и наши требования изменились. Требования увеличились; но и теперь они ещё далеки от того, чтобы их можно было рассматривать как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил»³.

Вслед за Розенбергом выступил представитель Австро-Венгрии Мерей. Он заявил, что присоединяется к декларации представителя Германии. Мерей добавил: «Считаю, однако, необходимым подчеркнуть также и от имени Австро-Венгрии, что мир, подлежащий подписанию, никоим образом не может рассматриваться как мир, насильственно навязанный и продиктованный России».

Представитель Болгарии присоединился к словам предыдущих ораторов. Расхрабрившись, он даже пустился в нравоучения. «Настоящее положение вещей, — высокомерно заявил он, — является результатом близорукой политики России»⁴.

Кстати любопытно отметить, что темой своего первого публичного выступления в 1919 г. глава немецких фашистов Гитлер избрал Брестский мир. Вслед за Розенбергом и прочей германской военщиной Гитлер уверял, что Брестский мир отнюдь не

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», стр. 214.

² Там же, стр. 215.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Там же, стр. 225.

является унижительным или несправедливым, это — образец мира. Историк германского фашизма пишет, что выступление Гитлера имело место, «возможно, по поручению свыше»¹, т. е. по предложению германского главного командования. Таким образом, уже при своём зарождении так называемый национал-социализм выступал как прямая и неприкрытая агентура германского империализма.

Договор должен был быть заключён на пяти языках. Оказалось, однако, что имеется только немецкий текст, а остальные ещё не готовы.

3 марта состоялось пленарное заседание мирной конференции. Советская делегация вновь заявила, что готова немедленно подписать мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения как бесполезного при создавшихся условиях. Дипломаты четверного блока в своих выступлениях опять доказывали, что заключаемый мир нельзя считать насильственным.

В конце концов стороны приступили к подписанию.

Мирный договор с приложениями экономического и правового характера и дополнениями был подписан 3 марта 1918 г. в 5 часов 50 минут вечера.

В 5 часов 52 минуты мирная конференция была объявлена закрытой.

В тот же день ВЦИК обратился ко всем Советам с телеграммой, в которой сообщал о подписании мирного договора и о созове на 12 марта Всероссийского съезда Советов для его ратификации.

Для ратификации был дан срок в две недели. В Германии и в особенности в Австро-Венгрии имелись опасения, что Советская республика не ратифицирует этого договора. На этот случай намечались соответствующие меры. «Мы ждём, согласится ли Россия ратифицировать мир, — записал в своём дневнике 7 марта генерал Гофман. — Она должна это сделать через 13 дней, иначе мы пойдём на Петербург».

15 марта Всероссийский съезд Советов большинством голосов ратифицировал мирный договор. Советская страна добилась передышки. Но на Украине продолжалось наступление германских и австро-венгерских войск.

Брестский мирный договор состоял из следующих документов: 1) Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией — с другой, 2) Заключительный протокол к договору о таможенных пошлинах и тарифах на отдельные товары, 3) Русско-германский дополнительный договор к мирному договору, 4) Русско-австро-

Брестский
мирный договор

¹ К. Гейден, История германского фашизма, перев. с нем., Соцэкгиз, М. — Л., стр. 14.

венгерский дополнительный договор, 5) Русско-болгарский дополнительный договор, 6) Русско-турецкий дополнительный договор. Все дополнительные договоры касались вопросов о восстановлении дипломатических и консульских сношений, об обмене военнопленными и гражданскими пленными, о вознаграждении за частно-правовые убытки и т. д.

Мирный договор между Россией и центральными державами состоял из 13 статей. В основных статьях было обусловлено, что Россия, с одной стороны, Германия и её союзники, с другой, объявляют о прекращении войны. Россия производит полную демобилизацию своей армии; военные суда России переходят в русские порты до заключения всеобщего мира или же немедленно разоружаются. От Советской России по договору отходили Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия. Кроме того, в руках немцев оставались те районы, которые лежали восточнее установленной договором границы и были заняты к моменту подписания договора немецкими войсками. На Кавказе Россия уступала Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. С Украинской Центральной радой Советская Россия обязывалась заключить мирный договор и признать мирный договор между Украиной и Германией. Финляндия и Аландские острова очищались от русских войск. Советская Россия обязывалась прекратить всякую агитацию против правительства Финляндии. Вновь вступали в силу отдельные статьи невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 г.

В Брестском договоре не были зафиксированы границы России, а также ничего не говорилось об уважении суверенитета и целостности территории договаривающихся сторон. Мало того, что касается территорий, которые лежали к востоку от линии, отмеченной в договоре, то Германия соглашалась их очистить только после полной демобилизации советской армии и заключения всеобщего мира. Военнопленные обеих сторон отпускались на родину. Но Россия должна была уплатить большую сумму за содержание русских военнопленных. Дипломатические и консульские сношения должны были возобновиться немедленно после ратификации мирного договора.

Констатируя исключительно тяжёлые условия Брестского мира, Ленин призывал советский народ не впадать в отчаяние, организовать и собирать силы для новой борьбы. На VII съезде РКП(б) Ленин высказал чрезвычайно важную мысль о роли договора при поражении. «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя, — говорил Ленин. — Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылаюсь на русскую историю. Некоторые определённо, как дети, думают: подписал договор,

вначит, продался сатане, пошёл в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил»¹.

История доказала, что Брестский мир был выдающимся достижением советской дипломатии. Заключение Брестского мира вывело Советскую страну из войны. Мир дал стране некоторую передышку: он позволил демобилизовать старую разложившуюся армию, приступить к социалистическому строительству и накопить новые силы для грядущих победоносных битв.

Брестский договор вошёл в историю как свидетельство тактического гения Ленина, как блестящий образец дипломатии социалистического государства, находящегося в капиталистическом окружении.

«В период Октябрьской революции, — указано в Кратком курсе истории ВКП(б), — Ленин учил большевистскую партию, как нужно бесстрашно и решительно наступать, когда для этого имеются необходимые условия. В период брестского мира Ленин учил партию, как нужно в порядке отступить в момент, когда силы противника заведомо превосходят наши силы, с тем, чтобы с величайшей энергией готовить новое наступление против врагов»².

Предложение
военной помощи
со стороны
Антанты

Трудное положение Советской республики в Бресте дипломатия Антанты попыталась использовать в своих целях. По мере того как затягивались брестские переговоры, у союзников укреплялась надежда, что больше-

вики будут вынуждены вновь воевать с Германией. Это заставило союзную дипломатию на время изменить свою тактику по отношению к Советской республике. В парламентах и прессе Англии, Франции, Италии стали раздаваться голоса в пользу признания советского правительства и посланки дипломатических представителей в Россию.

16 января 1918 г. в английском Парламенте депутаты-лейбористы Макдональд и Кинг задали правительству вопрос: «Есть ли в Петрограде какой-нибудь официальный представитель Англии?» Министр иностранных дел Бальфур ответил: «Мы не признали ни де факто, ни де юре русскую власть как правительство русского народа; неофициально, через агента, действующего по инструкции посольства, мы имеем с ней связь».

В Соединённых штатах отдельные группы выступали с предложениями помощи Советской республике. Если непосредственно после Октябрьской революции американский посол Фрэнсис ваявлял, что США не признают советской власти, то на втором этапе брестских переговоров тон американской дипломатии стал иным. Начальник американской военной миссии

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 334.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 209.

в России генерал Джонсон от имени своего правительства заявил, что «американцы питают величайшую симпатию к русскому народу: они не поддерживают ни одной из борющихся партий в России». В беседе с представителями советского правительства Джонсон сделал такое же официальное заявление: «Если когда-либо существовал момент для протестов и угроз, адресованных советскому правительству, то теперь этот момент миновал». Сам американский президент Вильсон в одном из своих выступлений вдруг заговорил о симпатиях Америки к русскому народу. «Верят или не верят в это их теперешние руководители, — заявил президент, — но самым искренним нашим желанием является найти какую-нибудь возможность помочь русскому народу осуществить его сокровенные надежды на свободу и мир»¹. В том же приблизительно духе была составлена позднее и приветственная телеграмма Вильсона IV съезду Советов. Близкий сподвижник Вильсона полковник Хауз вскрывает истинные мотивы президента. «Послание съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, — писал он, — могло способствовать отказу съезда от ратификации».

В английском Парламенте также заговорили об оказании помощи России. Официальные и неофициальные представители Антанты обращались к Наркоминделу, обещая оружие, деньги, инструкторов для войны с Германией. Все контрреволюционные партии в России — кадеты, эсеры, меньшевики — вслед за Антантой агитировали за войну с Германией. В том же направлении действовали и предатели внутри большевистской партии в лице троцкистов и бухаринцев. Прикрываясь демагогической фразой о недопустимости соглашения с империализмом, эти пособники капиталистов толкали молодую, ещё не окрепшую советскую власть на схватку с Германией.

Во время брестских переговоров в буржуазной печати появились сообщения о том, будто Япония готовится заключить сепаратный мир с Германией и выступить совместно с ней против Советской республики. В. И. Ленин запросил американского представителя Робинса, что предприняла бы Америка, если бы Япония, в силу открытого или тайного соглашения с Германией, попыталась захватить Владивосток и КВЖД, отрезала бы таким образом Советскую Россию от Тихого океана и повела бы вооружённую борьбу против последней.

Переговоры Ленина с Робинсом являются примером ленинской тактики в период брестских переговоров. Эта тактика допускала принятие помощи от одной группы капиталистов, чтобы отбиться от другой.

¹ Гресс, Американская авантюра в Сибири, рус. перев., Военгиз, М. 1932, стр. 15.

**Роль Ленина
в дипломатических
переговорах о мире**

Особого внимания заслуживает роль В. И. Ленина в создании системы советской дипломатии. Ещё до Октябрьской революции большевики имели свою платформу по основным вопросам внешней политики. С первого дня образования советского правительства Ленин принимал активное участие в решении всех, даже самых мелких, дипломатических вопросов. В своих беседах с руководителями Наркоминдела он давал анализ международного положения, а нередко и сам составлял текст ответов тому или другому правительству. Эти ленинские советы и составленные им политические документы могут служить образцами дипломатического искусства, гибкости и одновременно последовательности советской дипломатии. Яркий пример ленинского маневрирования представляет сего беседа с представителем Франции де Люберсаком, о которой сам Ленин рассказывает в своём «Письме к американским рабочим». «Когда хищники германского империализма, — писал Ленин, — в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию, России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я несколько не колебался вступить в известное „соглашение“ с французскими монархистами. Французский капитан Садуль... привёл ко мне французского офицера де Люберсака. Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии, заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я... Это несколько не помешало мне „согласиться“ с де Люберсаком насчёт услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицера, для взрыва железно-дорожных путей в интересах помехи наступлению немцев. Это было образцом „соглашения“, которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего „партнёра“. Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев мы использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контр-интересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали пролетариат и ослабляли буржуавию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление»¹.

Нет сомнения, что только благодаря необычайному ленинскому искусству маневрирования между двумя лагерями империалистов Советское государство сумело выйти из труднейшего положения в период Бреста и добилось мира.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 182.

**Признание
независимости
Финляндии**

В то время как германские победители пере-краивали целые страны, не считаясь с интересами народов, советская власть давала пример правильного решения национального вопроса.

В ноябре 1917 г. в Финляндии было образовано буржуазное правительство во главе со Свинхувудом. 19 (6) декабря финляндский сейм утвердил декларацию правительства о независимости Финляндии. Новое правительство вступило в переговоры с Советской Россией. 31 (18) декабря 1917 г. Совнарком признал государственную независимость Финляндской республики. В тот же день декрет о признании республики был вручен Лениным финляндской делегации в составе Свинхувуда и К. Энкеля, государственного секретаря.

4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.), по докладу товарища Сталина, ВЦИК утвердил декрет о признании независимости Финляндии. Для разработки мероприятий, вытекающих из признания независимости Финляндии, была создана российско-финляндская согласительная комиссия на паритетных началах.

Работы комиссии подвигались медленно: за спиной Финляндии начала интриговать Германия. Немецкие империалисты ещё во время войны связались с буржуазными кругами Финляндии, стремясь с их помощью оторвать Финляндию от России. В Германии тайно формировались батальоны из финской молодёжи.

После Февральской революции 1917 г. интриги Германии в Финляндии усилились. В Финляндии стал формироваться шюцкоровский корпус из сынков крупной и мелкой буржуазии. Во главе корпуса стал генерал Маннергейм, шведский помещик, до революции генерал-майор свиты последнего русского царя Николая II. Немцы доставляли шюцкору оружие.

После победы советской власти в Петрограде Германия усилила нажим на финское буржуазное правительство Свинхувуда, рекомендуя ему добиваться полного отделения от России. Независимость Финляндии Германия расценивала как начало расчленения России. Немецкий журнал «Deutsche Politik» писал 18 января 1918 г.: «Суверенитет Финляндии означает нечто большее, чем новое государство, входящее в систему государств на севере Европы. Он означает начало расчленения России. Финляндия окажет большое влияние на другие прибалтийские страны, на Украину и далее, возможно, на Кавказ».

Во время работ советско-финской комиссии германская пресса, по указанию своих хозяев, разжигала аппетиты Финляндии, всячески подстрекая её против Советской страны. Автор приведённой выше статьи из немецкого журнала писал, что трудно себе представить «более ярко выраженную естественную границу между Финляндией и Россией, чем Онежское озеро».

Российско-финляндская комиссия не успела закончить свою работу: в Финляндии произошла революция. Было создано новое правительство — Совет народных уполномоченных. 1 марта 1918 г. Советская Россия подписала договор «для укрепления дружбы и братства» с правительством социалистической рабочей республики в Финляндии. По этому договору Советская Россия передавала Финляндии всё недвижимое имущество, расположенное в пределах бывшего Великого княжества Финляндского, все реквизированные во время войны суда. Торговым кораблям обеих стран обеспечивался свободный доступ в порты. Советская Россия уступала Финляндии Печенгский край (Петсамо), предоставив тем самым Финляндии доступ к Северному Ледовитому океану. Финляндия обязывалась разрушить крепость Ино, находившуюся на подступах к Кронштадту. Кроме того, обе договаривающиеся стороны согласились предоставить российским гражданам финляндского происхождения в России, равно как и финляндским гражданам российского происхождения в Финляндии, одинаковые права с остальными гражданами соответствующей страны.

Этот первый международный договор Советской России показал всему миру пример справедливости и уважения к независимости малой страны.

Германский империализм, однако, не прекратил своей агрессивной деятельности в Финляндии. Немцы решили помочь финской контрреволюции в борьбе против финского народа.

7 марта 1918 г., через неделю после заключения мира между Советской страной и Финляндией, в Берлине был подписан мирный договор между Германией и свергнутым прежним правительством Финляндии. Снова, как и на Украине, германское правительство вступало в союз с мертвецами. По мирному договору Германия обещала содействовать тому, чтобы независимость Финляндии была признана всеми державами. Представители прежнего правительства Финляндии во главе со Свинхувудом обязались взамен этого не уступать никому никакой части своей территории и вообще не предоставлять на ней никому никаких прав без предварительного согласия Германии. Так они превращали свою страну в вассала Германии. Немедленно по заключении договора Германия приступила к действиям.

В Финляндию был переброшен егерский батальон, который формировался в Германии во время войны. Ещё 5 марта немцы заняли Аландские острова и захватили город Або. 3 апреля в Ганге, в тылу финских революционных войск, высадилась германская 12-я ландверная дивизия под командованием генерала фон-дер-Гольца. Через несколько дней в городе Ловизе высадился немецкий отряд генерала Бранденштейна. С помощью

германских интервентов финская революция была удушена. Немецкие интервенты превратили Финляндию в плацдарм для наступления против Советской России. Германский флот подошёл к устью Финского залива, мечтая о захвате Балтийского флота. Благодаря героизму советских моряков советский флот, преодолевая невероятные трудности — Финский залив ещё был покрыт льдом, — ушёл в Кронштадт и Петербург. Флот был спасён. Но Финляндия в руках германского империализма осталась «револьвером, приставленным к Петрограду».

Захват Бессарабии Румынией

Затруднительным положением Советской России во время брест-литовских переговоров воспользовалась Румыния. Агенты Румынии ещё в 1917 г. проникли в Сфатул-церий (краевой совет Бессарабии), добиваясь оккупации Бессарабии. Но Сфатул-церий высказался против присоединения к Румынии. 15 (2) декабря 1917 г. Сфатул-церий провозгласил создание Молдавской Народной Республики и вхождение её в состав Федеративной Российской Демократической Республики. Румыны не признали решения Бессарабского совета. В декабре румыны, поддержанные генералом Щербачёвым, вторглись в Бессарабию.

Введя войска в Бессарабию, Румыния заявила, что делает это для охраны русских и румынских границ и что немедленно выведет свои полки, как только в крае установится порядок и спокойствие.

29 (16) декабря 1917 г. Наркоминдел обратился с нотой протеста к румынскому послу. Приведя ряд данных о бесчинствах румын, разоружении и аресте русских, Наркоминдел категорически протестовал против вторжения румынских войск в Бессарабию. Вместе с тем Наркоминдел предупреждал, что советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против «контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина — Щербачёва и Рады, совершенно независимо от того, какие посты занимают эти заговорщики в румынской перархии».

В своём ответе румынское посольство признало, что в Бессарабии действительно имели место события, указанные в ноте советского правительства. Выразив сожаление по поводу этих фактов, румынское посольство вместе с тем указало, что сами русские войска якобы вмешивались во внутренние дела Румынии.

Агрессивные действия Румынии продолжались. 13 января 1918 г. (31 декабря 1917 г.) в Петрограде была получена телеграмма 49-й революционной дивизии, сообщавшая, что 194-й Троицко-Сергиевский полк был окружён румынами, разоружён и отведён в тыл и что румынские власти арестовали комитет 195-го полка.

14 (1) января 1918 г. Ленин по радио обратился к румынскому правительству с ультиматумом. Изложив протест 49-й революционной дивизии, Ленин от имени Совнаркома писал:

«Совет народных комиссаров требует от румынского правительства освобождения арестованных, наказания произведших аресты, беззакония и бесчинные действия румынских властей, и гарантий, что подобные действия не повторятся.

Неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных»¹.

В тот же день Совнарком отдал приказ о немедленном аресте румынского посольства во главе с послом Диаманди и всей румынской военной миссии. В официальном правительственном сообщении Совнарком объяснял, почему он прибег к этой мере:

«Чтобы предотвратить войну между русскими солдатами и румынскими, которых несправедливо было бы наказывать за бесчинства их властей, Совнарком решил принять экстраординарную меру, чтобы наказать румынские власти»².

В час дня 14 (1) января 1918 г. американский посол Фрэнсис, старшина дипломатического корпуса, по телефону сообщил Ленину, что весь дипломатический корпус просит принять его в 4 часа дня. Ленин принял дипломатов. Американский посол Фрэнсис на приёме выразил протест против ареста румынского посла и вручил Ленину меморандум, подписанный дипломатическими миссиями всех наций, представленных в России.

Французский посол Нуланс добавил, что по существующим международным нормам арест Диаманди является актом недопустимым.

Ленин ответил, что румынский посол Диаманди был арестован в силу чрезвычайных обстоятельств, никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренных. Румыния формально не объявила войны Советской России; в то же время она окружила советскую дивизию, обезоружила её, арестовала её выборных лиц. По отношению к такой стране репрессии вполне допустимы. В заключение Ленин обещал доложить Совнаркому о просьбе дипкорпуса освободить румынского посла.

Вечером того же 14 (1) января собрался Совнарком. На заседании была оглашена телефонограмма, только что полученная в Наркоминделе:

«Американский посол заверяет, что он немедленно по освобождении Диаманди пойдёт к нему с протестом по поводу нападения румын на русские войска и сделает через американского представителя в Румынии соответствующее заявление румын-

¹ «Правда» № 1 от 16 (3) января 1918 г.

² Там же.

скому правительству. Он рассматривает акт ареста Диаманди как формальное выражение протеста русского правительства против действий румынского командования».

Принимая во внимание, что обещание американского посла подтверждает достижение советским правительством своей цели, а именно — выразить самый резкий протест против действий румынского правительства, Совнарком постановил:

«Румынского посла освободить, сообщив ему, что в три дня должны быть приняты меры к освобождению арестованных румынами русских солдат».

Румыны получили надлежащий урок. Но они не прекратили своих бесчинств. Чувствовалось, что за их спиной стоит некая крупная держава. События скоро показали, кто именно подстрекает Румынию.

В официальном вестнике Сфатул-церия был опубликован следующий документ, полученный от французской миссии в Румынии:

«Французская миссия в Румынии. Яссы. 15 января 1918 г. Французский посланник в Румынии г-ну французскому консулу в Кишинёве М. Сарре.

Полковник Дальбия передал мне просьбу директории, желающей получить письменную гарантию как с нашей стороны, так и со стороны наших союзников, касательно вопроса о вступлении румынских войск в Бессарабию. Все мои коллеги, послы союзных держав и я сам уполномочены вам официально сообщить, что вступление румынских войск в Бессарабию является мерой исключительно военной, имеющей целью охрану нормального функционирования тыла румынско-русского фронта, согласно правилам, установленным всеми воюющими державами.

Вследствие этого вступление румынских войск в Бессарабию не будет влиять ни в чём ни на нынешнее политическое состояние Бессарабии, ни на судьбу этой страны в будущем.

Я вас уполномочиваю сообщить официально всё изложенное директории, и если будет выражено пожелание, то передать ей заверенную копию этого сообщения.

Посланник Франции в Румынии Д. Сент-Олер.

Копия верна: 18 января 1918 г. Сарре, французский консул в Кишинёве»¹.

Франция поддерживала румынское вторжение в Бессарабию, обещая в будущем вывести оттуда войска. Впрочем, последнего обещания Франция не выполнила.

Исчерпав все возможности мирного разрешения конфликта, Совнарком постановил 26 (13) января 1918 г.:

«1. Все дипломатические сношения с Румынией прерыва-

¹ «Сфатул-церий». Официальный вестник, 24 января 1918 г., Кишинёв.

ются. Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путём.

2. Хранящийся в Москве золотой фонд Румынии объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берёт на себя ответственность за сохранность этого фонда и передаст его в руки румынского народа»¹.

Начались военные действия. Советские войска разгромили румынскую дивизию, перебравшуюся через Днестр, и захватили всю её артиллерию. Получив решительный отпор, румыны начали мирные переговоры. Закончились они 5 марта подписанием договора в Яссах, подтверждённым в Одессе 9 марта 1918 г. Румыния обязалась очистить Бессарабию в течение двух месяцев и не предпринимать никаких военных или других действий, ни сама, ни с какой-либо державой, против Советской России. Со своей стороны Советская Россия обещала предоставить Румынии излишек хлеба в Бессарабии. В случае вынужденного отступления румынской армии со своей территории ей предоставлялось убежище и продовольствие на русской территории.

Однако на помощь Румынии пришла Германия. В тот самый день, когда Румыния подписывала договор с Россией об очищении Бессарабии, румынское правительство подписало договор и с Австро-Венгрией и с Германией. Одним из его условий была передача Бессарабии Румынии.

Для Германии Румыния имела большое значение. Там можно было достать нефть и хлеб, в которых столь остро нуждалась Германия. Ещё в январе 1918 г. немцы стали разрабатывать условия возможного мирного договора с Румынией. Прежде всего нужно было создать там новое правительство. Немцы требовали, чтобы король и королевская семья покинули страну до заключения мира. Далее, Германия добивалась того, чтобы Румыния передала в руки немецких торговых обществ нефтяные промыслы, железные дороги и гавани и поставила свои финансы под контроль Германии. Что касается территориальных вопросов, то германское командование предлагало передать южную Добруджу Болгарии. Северную Добруджу немцы хотели оставить за Румынией. Германское командование предлагало, далее, создать вону свободного порта от Констанцы до Черновод, с германским управлением во главе. Против значительного территориального расширения Венгрии за счёт Румынии Германия возражала. Немцы соглашались только на частичное исправление границ в пользу Венгрии. На этих условиях Германия была согласна сохранить румынскую армию. В обмен за территориальные уступки Германия соглашалась на захват у Советской России Бессарабии и передачу её Румынии.

¹ «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 111.

Таким образом, в дополнение к неслыханному грабежу, оформленному Брест-Литовским миром, германские империалисты продолжали отрывать новые куски советской территории.

После того как были разработаны предварительные условия мира, Германия решила познакомить с ними своего австро-венгерского партнёра. Но оказалось, что за спиной германского союзника Австро-Венгрия сама уже начала договариваться с Румынией. Бывшему военному атташе в Румынии, полковнику Ранда, Чернин поручил вступить в переговоры с румынским королём и предложить ему мир. «Мы не были обязаны просить Германию о разрешении пойти на такой шаг»¹, — оправдывался Чернин.

У австрийцев были свои расчёты. В лице немцам они стояли за сохранение династии в Румынии, надеясь с её помощью помешать Германии играть там руководящую роль.

Кроме того, Австро-Венгрия высказывалась за передачу всей Добруджи Болгарии и за предоставление Венгрии крупных территориальных приобретений. Но против этого возражали не только немцы, но и турки. Их войска участвовали в захвате Добруджи. Турки предъявили болгарам встречное требование — вернуть уступленные Болгарии в 1913 г. территории.

Румыны знали о всех этих противоречиях. Сами они занимали колеблющуюся позицию. Между прочим в Румынии была и такая группа, которая настаивала на ведении переговоров с Антантой.

В Австро-Венгрии решили преодолеть эти колебания, переговорив с королём Румынии. 27 февраля намеченная встреча состоялась.

Чернин заявил королю, что в настоящий момент он ещё может заключить мир и сохранить за собой престол, если же будет протестовать, то лишится трона. Румынский король начал сдаваться. Он уныло ответил: вряд ли найдётся министерство, которое согласится на австрийские условия мира. Чернин подсказал королю и соответствующую кандидатуру в лице Маргилломана. Наконец, чтобы прекратить колебания короля, Чернин пообещал ему присоединить Бессарабию к Румынии. Ответ Чернин просил дать в течение 48 часов. Румыния приняла предложение. Кабинет был смещён. Прежде чем Маргилломан вступил в исполнение обязанностей, он имел несколько бесед с Черниным.

5 марта был заключён прелиминарный мир с Румынией. По этому договору Румыния обязывалась в течение ряда лет доставлять Германии и Австро-Венгрии все продукты своего сельскохозяйственного производства. Нефтяные промыслы были переданы в аренду победителям на 90 лет.

¹ Чернин, В дни мировой войны, стр. 279.

Труднее оказалось помирить Турцию и Болгарию. После бесконечных заседаний, во время которых то турки, то болгары угрожали выходом из германского блока, пришли к такому решению. Старая Добруджа была уступлена Болгарии до железной дороги Черноводы — Констанца; северная Добруджа поступала в совместное владение центральных держав. Немцы и австрийцы обещали Румынии сохранить торговый путь через Констанцу. Бессарабия была передана Румынии.

Соблазнённая германскими империалистами, Румыния нарушила своё обязательство, данное в Яссах. 9 апреля 1918 г. Сфатул-церий, три четверти состава которого уже были арестованы румынской полицией, вынес решение о присоединении Бессарабии к Румынии. 7 мая 1918 г. Бухарестский мирный договор подтвердил условия прелиминарного мира.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОБЕДА АНТАНТЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ

Поражение
германского
блока

Брестский мир не спас германского империализма. Правда, Германия получила возможность перебросить значительную часть войск с Восточного фронта на Западный и начала в марте 1918 г. успешное наступление против Антанты. Но несколько десятков дивизий Германия сохранила и на советской границе. Руководители Германии продолжали мечтать о расчленении Советской России. Вильгельм II откровенно говорил представителям атамана Краснова, что «желает иметь соседкой Россию, раздроблённую примерно на 4—5 групп: центральную Россию, Украину, юго-восточные соединения, Закавказье и Сибирь»¹.

Немецкие войска наступали на Украине, в Крыму, Закавказье. В обозах германских войск тащились «правительства», заготовленные для этих областей. Около 500 тысяч солдат было брошено на завоевание Украины и Белоруссии. Но этого не хватало. Для выполнения грандиозных грабительских планов нужны были огромные силы. Между тем две трети германской армии были прикованы к Западному фронту. Германия, таким образом, фактически продолжала вести борьбу на два фронта — и на западе и на востоке. В этом следует видеть одну из причин поражения Германии.

К тому же потерпела крушение и надежда Германии на получение хлеба, обещанного ей Украинской Центральной радой. Народ украинский не дал немцам хлеба! Германия по договору надеялась получить к 31 июля 1918 г. 60 миллионов пудов, а получила не более 9 миллионов. Украинский народ поднялся на отечественную войну против германских оккупантов. Повсюду создавались партизанские отряды. Днём и ночью шла война; изматывающая германскую оккупационную армию. Парти-

---

¹ Центральный архив Октябрьской революции, ф. 1261, 1918 г., оп. 1, л. 46, л. 31—34.

ваны взрывали железные дороги, уничтожали немецкие отряды, жгли склады с продовольствием. Каждый килограмм хлеба немцам приходилось брать с бою. Германские и австро-венгерские войска теряли боеспособность. И без того тяжёлое положение осложнялось тем, что союзники Германии также были истощены. Они непрерывно требовали помощи. Между болгарскими дивизиями были рассыпаны немецкие батальоны. Войска Германии дрались в Месопотамии вместе с турками. Немецкие дивизии воевали на границах Австро-Венгрии.

Непрерывная война, в значительной степени втянутая погоней за непомерной добычей, и особенно влияние Октябрьской революции сломили дух германских войск.

Впрочем, и положение Антанты было не блестящим. Людские резервы её были исчерпаны, дух войск надломлен. Революционное движение охватило в 1917 г. значительную часть французской армии. Подводная война Германии ставила под угрозу снабжение Англии. По сообщению близкого сотрудника Вильсона полковника Хауза, французы были «при последнем издыхании»¹.

Но вступление США в войну весной 1917 г. оказало на неё своё решающее влияние в середине 1918 г. Из Америки в непрерывно возрастающем количестве поступали военные припасы и пополнения. Антанта оправилась от немецких ударов и 18 июля на лесистом участке Виллер-Коттрэ, на фронте в 45 километров, между реками Эн и Марна начала контрнаступление. Без предварительной артиллерийской подготовки Антанта бросила в бой значительное число танков, поддержанных самолётами. Не прекращая общего нажима на фронте, Антанта 8 августа предприняла ещё более решительное наступление. Под прикрытием густого утреннего тумана английские танки прорвали передовую линию немцев. Большое число штабов было захвачено в плен. Руководство немецкими войсками нарушилось, и фронт дрогнул. На следующий день в наступление перешли и французы. В руки наступающих попало множество пленных, большое количество орудий и военного снаряжения.

Немецкие войска принуждены были к отступлению. В течение нескольких дней Германия проиграла всё то, что приобрела своим наступлением в марте 1918 г. «8 августа — самый чёрный день германской армии в мировой войне», — признал Людендорф. Нужно было принимать чрезвычайные меры.

13 августа в городе Спа, в гостинице «Британик», в комнатах Гинденбурга собрались на предварительное совещание Гинденбург, Людендорф, имперский канцлер и министр иностранных

¹ «Архив полковника Хауза», т. III, перев. с англ., Соцаквив, М. 1939, стр. 11.

дел. Все были подавлены. Людендорф заявил, что немецкая армия не в состоянии наступлением на фронте сломить противника; оборонительными действиями добиться мира также невозможно; ждать победы не приходится; надо достигнуть окончания войны дипломатическим путём.

14 августа, утром, состоялось новое совещание под председательством Вильгельма II. Министр иностранных дел сообщил о положении на фронте. Армия больше ничего добиться не может; вся надежда теперь на дипломатию. Вильгельм II был уже подготовлен к этому известию. Он предложил начать мирные переговоры с Антантой через нидерландскую королеву.

В тот же день в Спа пребыли император Карл, министр иностранных дел Бурриан и главнокомандующий австрийскими войсками генерал фон Арц. Бурриан предлагал начать переговоры с Антантой. На этом же совещании поднят был вопрос о Польше. Австрийцы настаивали на своём плане его решения. Надвигалась катастрофа, а хищники всё делили добычу.

Впрочем, германская армия ещё не была разбита. Войска дрались на чужой территории. Можно было ещё держаться. Но генералы торопили начать мирные переговоры. Им было ясно, что война будет проиграна. Приходилось её кончать, — но так, чтобы сохранить как можно больше из награбленной добычи. Германские империалисты старались не допустить перехода войны на территорию своей страны. Нужно было сохранить полностью производственный организм Германии. Надо во что бы то ни стало сберечь и военные кадры, воспитанные десятилетиями. Раз поражение неизбежно, надо готовиться к реваншу, — такой лозунг выдвинули германские империалисты, как только почувствовали приближение краха.

Гибнущая
Германия
продолжает
агрессию

Генералы требовали немедленно открыть переговоры о мире. Но германская дипломатия ещё находилась под гипнозом недавних колоссальных успехов. Всего какой-нибудь месяц тому назад она перскраивала всю карту Центральной и частью Восточной Европы. Это мешало ей теперь трезво оценить положение. Вместо того чтобы содействовать командованию в концентрации всех сил, помочь ему вывести войска с востока, германские и австро-венгерские дипломаты продолжали требовать новых подкреплений для реализации своих замыслов.

Впрочем, дипломаты только продолжали линию верховного командования. Несмотря на наличие Брест-Литовского мира, Германия фактически не прекращала борьбы против советской власти. На Украине немцы подавили советскую власть и создали целиком зависимое от Германии правительство гетмана

Скоропадского. «Оно (правительство Скоропадского. — *Ред.*) является только куклой (nur Puppe) в наших руках»¹, — писал германский посол в Киеве барон Мумм Министерству иностранных дел.

Немцы оказывали поддержку атаману Краснову, вели переговоры с контрреволюционными группами внутри Советской страны. Германские захватчики по своему произволу создавали государства и устанавливали их строй. В Литве предполагалось организовать королевство. Престол короля предложили занять германскому герцогу Вильгельму фон Ураку под именем Миндовга II. Но на литовский престол претендовала и Саксонская династия, а германская военщина носилась с планом передачи этого трона германскому императору Вильгельму II. Оккупанты заставляли литовских крестьян подписывать петицию к Вильгельму II с просьбой поставить страну под его «славный скипетр» и принять корону для себя и для своих наследников. Против всех этих планов возражали польские круги. Они втягивали в спор римского папу, предлагая ему воздействовать на литовских католиков. Спор из-за трона тянулся месяцами, а пока Литва была превращена в германскую «военную губернию», чего и добивалось верховное командование.

Из балтийских стран немцы хотели создать единое государство под именем Балтийского союза. Вильгельм II мечтал возложить на себя балтийскую корону. В Финляндии велись переговоры о выборе королём финнов одного из бесчисленных германских принцев. Так Германия стремилась окружить Советскую страну кольцом своих вассалов, связанных личной унией с правящим домом Гогенцоллернов.

Германские завоеватели готовили поход на Москву, чтобы свалить советскую власть и поставить на её место контрреволюционное правительство. И Гофман и Людендорф откровенно признали это. «С военной точки зрения, — писал Людендорф, — мы были в силах произвести короткий удар на Петроград теми войсками, которые у нас имелись на востоке, и при помощи донских казаков развить наступление и на Москву. Мы могли устранить внутренне столь враждебное нам советское правительство и установить в России другую власть, которая бы не работала против нас и была бы согласна идти заодно с нами. В совокупности это имело бы большое значение для дальнейшего ведения войны. Если бы в России оказалось другое правительство, то можно было бы соответственно пересмотреть Брестский мир»².

¹ «Крах германской оккупации на Украине» (по документам оккупантов), «История гражданской войны», М. 1936, стр. 65.

² Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, стр. 218.

Генерал Гофман стал уже подбирать российского регента. Остановились на кандидатуре великого князя Павла, с которым командующий Восточным фронтом вступил в переговоры через его зятя полковника Дурново.

Германия сознательно обостряла отношения с Советской республикой. Особенно серьезные дипломатические осложнения возникли в связи с провокационным убийством германского посла в Москве Мирбаха 6 июля 1918 г. Германское правительство потребовало введения германских войск, якобы для охраны своего посольства в Москве. Решительный и твердый отказ Ленина, заявившего, что на такую меру советское правительство ответит поголовной мобилизацией всего народа, заставил зарвавшихся немцев ретироваться. Тем не менее новый германский посол Гельферих считал ошибкой сохранение дипломатических отношений с Советской Россией.

«Лишь если бы, — оправдывал он в мемуарах свою позицию, — удалось победить большевистское правительство в самой России, мы могли бы рассчитывать на более спокойное положение на востоке и на освобождение большей части разбросанных там дивизий»¹.

Гельферих просил у своего правительства разрешения вступить в переговоры с контрреволюционными группировками и переехать из Москвы ближе к границе. Таким образом, имелось в виду внушить контрреволюционерам, что надо ускорить восстание в Москве.

Генерал фон-дер-Гольц, командовавший армией на советско-германской границе, одновременно вел тайные переговоры о свержении советской власти и захвате Петрограда с бывшим председателем царского Совета министров А. Ф. Треповым, с великим князем Кириллом Владимировичем и другими монархистами. Штаб 8-й восточной немецкой армии разработал план занятия Петрограда совместно с немецким флотом. План был одобрен верховным командованием Германии². При штабе германских войск в Пскове началось формирование белогвардейской Северной армии с зачислением в неё офицеров, бежавших из Советской России.

Для осуществления этих захватнических планов в ход были пущены и дипломатические средства. Германия требовала от Советской России заключения дополнительного соглашения к Брест-Литовскому договору. Переговоры велись долго. Советское правительство упорно сопротивлялось новым домогательствам Германии, но на страну двигались войска Антанты. Советская Россия была окружена фронтами со всех сторон.

¹ Гельферих, Из воспоминаний, М. 1922, стр. 16.

² Von der Goltz, Meine Sendung in Finnland und im Balticum, Leipzig 1920, S. 92, 190.

В такой обстановке советская власть вынуждена была идти на уступки. 27 августа 1918 г. был подписан русско-германский дополнительный договор к Брест-Литовскому мирному договору. Он устанавливал восточные границы Эстляндии и Лифляндии. Россия обязывалась «отступить от верховной власти над этими областями». С Литвой и прибалтийскими странами Россия заключала торговое соглашение. Она предоставляла Германии четвертую часть добытой в Баку нефти и нефтяных продуктов. Германия продолжала оккупацию Донецкого угольного бассейна, но России предоставлялось право получать уголь в количестве трёх тонн за тонну нефти и четырёх тонн угля за тонну бензина.

По дополнительному финансовому соглашению Советская Россия обязана была уплатить Германии 6 миллиардов марок в шесть взносов. Первый взнос — в 1,5 миллиарда, из них 245 564 килограмма золотом и 545 миллионов кредитными билетами немедленно; второй взнос — к 10 сентября, примерно в той же пропорции, четыре взноса (30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г.), каждый по 50 676 килограммов золота и по 113 с лишним миллионов рублей кредитными билетами. Один миллиард погашался доставкой русских товаров в период между 15 ноября 1918 г. и 31 марта 1920 г. Два с половиной миллиарда погашались билетами особого 6-процентного займа, который обеспечивался государственными доходами, особенно арендной платой за концессии, данные немцам. Погашение последнего миллиарда должно было определяться особым соглашением. Наконец, добиваясь расчленения Советской страны, Германия требовала, чтобы советское правительство заявило «свое согласие на то, что Германия признаёт Грузию самостоятельным государственным организмом». Отсюда, из Грузии, немцы собирались идти на Баку.

Советской дипломатии удалось добиться обязательства Германии не вмешиваться в отношения между Советским государством и его отдельными областями, не вызывать и не поддерживать образования самостоятельных государственных организмов в этих областях. Германия принимала на себя гарантию в том, что с финляндской стороны не последует нападения на русскую территорию, в особенности на Петроград.

Дополнительный договор Германия скрыла от своих союзников. Ни Вена, ни София не были осведомлены о переговорах и крайне были раздражены, узнав, что их обошли при получении 6 миллиардов марок. Турция, сама готовившая захват Баку, угрожала расторгнуть союз с Германией, если договор останется в силе.

Для Германии дополнительный договор был новой гарантией на тот случай, если не удастся организовать наступление против Советской России. На самом деле в тревожные дни,

когда решались судьбы Германии, её руководители всё ещё готовили удар по Советской стране, — в этом вопросе не было разногласий между командованием и правительством. Генерал Гофман признавался в своём дневнике 3 сентября 1918 г.: «Статс-секретарь безусловно ясно разбирается в положении... Я убедился, что мы с ним одного и того же мнения по вопросу о положении в России и о необходимости своевременно произвести там наступление. Разногласия лишь в мелочах и в сроках. Он полагает, что мы ещё можем несколько подождать... Верховное главнокомандование, повидимому, также уясняет себе опасность»¹.

Немцы приступили к захвату Баку, выделив в Грузии соответствующие войска. К этому они привлекли и турецкие части.

Германия дала понять Турции, что не будет мешать ей в наступлении на Баку, хотя по дополнительному договору с Советской Россией обязалась удерживать турок от наступления. Главнокомандующий Энвер-паша, сняв часть войск с Месопотамского фронта, бросил их в Закавказье. «Верховное командование, — писал Людендорф, — приступило к подготовке атаки на Баку и с этой целью привлекло войска Нури и отправило в Тифлис кавалерийскую бригаду и несколько батальонов. Но Нури занял Баку прежде, чем мы успели закончить переброску войск, а последовавшие затем события в Болгарии заставили нас направить эти части в Румынию»².

Советское правительство послало в Берлин резкий протест против наступления Энвера. Но из Германии ответили, что, «по наведённым справкам», на Баку наступают не регулярные части турецкой армии, а какие-то «местные банды».

Германия терпела поражения на западе; катастрофа быстро надвигалась, а германские империалисты всё ещё цеплялись за свою добычу на востоке!

**Предложение
Австро-Венгрией
мира**

Между тем войска Антанты продолжали долбить Западный фронт. Из Америки шёл непрерывный поток военных грузов и подкреплений. За один только август в Европе высадилось больше 300 тысяч американских солдат. Германские войска были отброшены к линии Зигфрида. В некоторых местах англо-французы прорвали и эти позиции, которыми не могли овладеть в 1917 г., несмотря на огромные жертвы. Положение Германии становилось катастрофическим.

На помощь военным силам попыталась прийти дипломатия.

14 сентября граф Бурриан обратился к правительствам всех воюющих держав с нотой, в которой предлагал созвать в каком-нибудь нейтральном государстве конференцию для обсуждения

¹ Гофман, Записки и дневники, стр. 254.

² Людендорф, Мои воспоминания, т. II, стр. 220.

вопроса о мире. Нота была послана также правительствам нейтральных стран и римскому папе. Выступление Австро-Венгрии было самостоятельным шагом; но Германия несомненно знала о нём и выжидала, какое впечатление оно произведёт на Антанту.

Хотя нота Австро-Венгрии и не заключала в себе предложения сепаратного мира, она вызвала сенсацию. Всюду нота была принята как доказательство нежелания Австро-Венгрии воевать. 17 сентября Вильсон поручил государственному секретарю ответить венскому правительству, что США уже не раз сообщали о тех условиях, на которых они хотели бы вести переговоры о мире. Днём раньше в Лондоне выступил Бальфур, заявив в публичной речи, что нота Австро-Венгрии пытается расколоть союзников и вовсе не приближает мира. 17 сентября в Сенате выступил Клемансо с заявлением, что преступления, совершённые центральными державами, не могут остаться безнаказанными: они должны быть оплачены так же, как и выросший на них счёт. Так дипломатическое предложение Австро-Венгрии повисло в воздухе.

Перемирие с Болгарией

Наступление союзников тем временем развивалось. 15 сентября войска генерала Франше д'Эспере прорвали болгарские линии на Салоникском фронте. В первый же день наступления союзники проникли на 30 километров в глубь болгарского расположения. Болгарские войска, истощённые до последней крайности, обратились в бегство. Через 10 дней сопротивление Болгарии было сломлено, несмотря на помощь австро-венгерских и германских войск. 25 сентября Болгария без предупреждения своих союзников обратилась к генералу Франше д'Эспере с просьбой о перемирии. В стране вспыхнуло восстание. Германским войскам удалось подавить это восстание, но царь Фердинанд принуждён был отречься от престола (3 октября) в пользу своего сына Бориса.

29 сентября делегаты Болгарии прибыли в Салоники. Франше д'Эспере продиктовал им условия перемирия, дав на размышление всего два часа. Болгария должна была немедленно очистить от своих войск греческие и сербские территории. Болгарская армия подлежала демобилизации, за исключением незначительных частей для поддержания внутреннего порядка. Антанта получала право занять своими войсками любые болгарские пункты и использовать все средства передвижения в стране. Перемирие было подписано в тот же день.

Разгром Болгарии открывал путь для наступления Антанты в Австро-Венгрию и дальше, на Мюнхен. Нарушена была связь Германии с Турцией, которая обрекалась в свою очередь на поражение. В ночь на 19 сентября английские войска

в Турции перешли в наступление. Через несколько дней турецкая армия в Палестине перестала существовать. В конце сентября войска Антанты и на Западном фронте прорвали линию Зигфрида.

**Четырнадцать
пунктов
Вильсона**

Разложение противника, вызванное военными неудачами, было ускорено дипломатическими действиями союзников. Крупнейшим маневром дипломатии явились 14 пунктов Вильсона, изложенные в его речи 8 января 1918 г. Пункты эти были таковы:

1. Открытые мирные договоры, открыто обсуждённые, после которых не будет никаких тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия будет действовать открыто и на виду у всех.

2. Абсолютная свобода торгового мореплавания в мирное и военное время.

3. Уничтожение препятствий для международной торговли.

4. Справедливые гарантии того, что национальные вооружения будут сокращены, до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью.

5. Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены.

6. Освобождение Германией всей русской территории. Урегулирование «русского вопроса», которое гарантирует России «самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики и обеспечение ей радушного приёма в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя избрёт.

7. Освобождение и восстановление Бельгии.

8. Возвращение Франции Эльзас-Лотарингии; очищение и восстановление оккупированных французских областей.

9. Исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ.

10. Автономия народов, входящих в состав Австро-Венгрии.

11. Эвакуация германских войск из Румынии, Сербии и Черногории; обеспечение Сербии свободного и надёжного доступа к морю.

12. Автономия народам, населяющим Турцию; открытие Дарданелл для судов всех стран.

13. Создание независимой Польши с выходом к морю и присоединение к Польше территорий, населённых поляками.

14. Должно быть образовано общее объединение наций на основе особых статуты в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств.

Вильсон выступил со своей программой мира как раз в тот момент, когда в Советской России началась публикация тайных договоров. Государственным деятелям Европы и США приходилось задуматься, как нейтрализовать впечатление, создаваемое революционной дипломатией советской власти. Программа Вильсона противопоставлена была требованию большевиков о заключении мира без аннексий и контрибуций. Вся мировая пресса и особенно газеты II Интернационала всячески подчёркивали якобы демократический характер вильсоновских пунктов. Но сам Вильсон признавал, что его программа выдвинута в противовес советским предложениям. «Яд большевизма, — говорил он своему секретарю, — только потому получил такое распространение, что являлся протестом против системы, управляющей миром. Теперь очередь за нами, мы должны отстоять на Мирной Конференции новый порядок, если можно — добром, если потребуется — злом!»¹

Но и в своём нарочито демократическом виде туманные и расплывчатые положения Вильсона таили откровенно захватнические вождедения. Первый пункт явно метил в договоры, заключённые между Англией и Францией, о разделе будущей добычи без участия США. Лозунг «свободы морей» открыто был направлен против гегемонии Англии, в защиту стремлений США занять первое место в мировой торговле. Ту же цель преследовал и третий пункт.

Изменение границ в пользу Италии никак не вязалось с требованием «справедливости», о которой так много распространялся Вильсон в своей программе. Пункты шестой, седьмой и восьмой, содержавшие требование, чтобы Германия очистила все захваченные территории, отнюдь не подкреплялись обещанием освободить области, захваченные самой Антантой у Германии или у Турции.

Напыщенный лозунг о создании Лиги наций как средства против новых войн был особенно горячо подхвачен буржуазной пацифистской прессой. Разумеется, в том виде, как мыслилась Лига наций, она не достигала своей цели — быть барьером против новых войн. На деле и она прикрывала захватнические замыслы. Идея Лиги наций была выдвинута в Англии во время войны. Видным её пропагандистом был лорд Сесиль, для которого

¹ Беккер, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, перев. с англ., Гиз 1923, стр. 121—192.

прототипом Лиги наций являлся реакционный институт — Священный союз, созданный на Венском конгрессе.

«В настоящее время все уже забыли, — писал лорд Сесиль полковнику Хаузу 3 сентября 1917 г., — что Священный союз имел своей первоначальной целью сохранение мира. К несчастью, в дальнейшем он выродился в союз тиранов... Подобная опасность, быть может, ныне и не очень велика, но пример этот свидетельствует о том, как легко самые благонамеренные проекты могут потерпеть неудачу»¹.

Инициаторы Лиги наций и не скрывали, что Лига наций, подобно Священному союзу, должна стать стражем той системы, которая сложится по окончании войны.

Когда явственно обозначились признаки победы Антанты, Вильсон начал расшифровывать свои туманные пункты. 27 сентября 1918 г. он выступил в Нью-Йорке с дополнительными комментариями к 14 пунктам. Он говорил о том, что правительство Германии не соблюдает никаких договоров и не признаёт ничего, кроме силы и своих собственных интересов. «Германский народ, — подчёркивал президент, — должен теперь, наконец, понять, что мы не можем верить ни одному слову тех, кто навязал нам эту войну»².

Маневр Вильсона был достаточно ловким. Американский президент пытался захватить в свои руки дипломатическую инициативу международных переговоров и подсказывал немцам, куда им следует обратиться с просьбой о мире.

Просьба Германии о перемирии В тот самый день, когда делегаты Болгарии размышляли над ультиматумом Франше д'Эспере, в отеле «Британик» в Спа состоялось совещание военных и политических деятелей Германии. Гинденбург и Людендорф потребовали немедленного заключения перемирия. Присутствовавшие государственные деятели заявили, что внезапное предложение мира может вызвать резкое недовольство и, возможно, революционное движение в стране. Поэтому предпочтительно сделать предложение о мире от имени нового правительства, облечённого доверием Рейхстага. Министр фон Гинтце предлагал обратиться с просьбой о мире к Вильсону, — сигнал президента, очевидно, был принят во внимание. Гинденбурга и Людендорфа смущало, что длинный путь к Антанте через Вашингтон потребует много времени, а между тем война может переброситься на территорию Германии. Генералы просили отправить ноту как Вильсону, так и Англии с Францией.

Решение совещания было сообщено Вильгельму II. Он поручил составить ноту к президенту Вильсону с просьбой о

¹ «The intimate papers of colonel House», т. IV, р. 7.

² Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, перев. с англ., Соцэкгиз, М. 1935, стр. 134.

перемирия и заключения мира. Днём 29 сентября был составлен манифест о введении в Германии некоторых основ парламентской системы. 30 сентября канцлер Гертлинг подал в отставку. Начали искать нового канцлера. Предполагалось закончить формирование правительства к 1 октября и тогда же послать ноту Вильсону.

Подошёл намеченный срок. Нового правительства ещё не было. Нота лежала без движения. Гинденбург и Людендорф нервничали. Фронт разваливался. Было немало случаев, когда солдаты отказывались идти на передовые линии. Тем, кто шёл в окопы, кричали: «Штрейкбрехеры! Мало вам войны!»

Фронт передвинулся на территорию Германии. Плану спасти, что можно, для будущего реванша угрожало крушение. Генералы требовали немедленного заключения мира. В Берлин был командирован представитель верховного командования, чтобы выступить перед лидерами Рейхстага. Гинденбург выехал в Берлин. Командование настаивало на том, чтобы нота была послана ночью 1 октября, в крайнем случае утром 2 октября. Но канцлера всё ещё не нашли. 3 октября Гинденбург подал правительству записку:

«Верховное командование настаивает на поставленных им в понедельник 29 сентября сего года требованиях о немедленном обращении к нашим врагам с предложением мира... Положение с каждым днём обостряется и может принудить верховное командование к принятию тяжёлых решений»¹.

Гинденбург угрожал тем, что само командование возьмёт в свои руки ведение дипломатических переговоров, — так торопились генералы получить мир.

Наконец, в октябре в Германии было создано правительство во главе с принцем Максом Баденским, который слыл либералом. В состав этого правительства вошли и представители германской социал-демократии. В ночь с 4 на 5 октября Макс Баденский с помощью швейцарского правительства отправил телеграмму президенту США Вильсону с просьбой заключить перемирие и начать мирные переговоры на основе 14 пунктов Вильсона и его разъяснений от 27 сентября.

Руководители германской политики оказались правы. Внезапная просьба о мире произвела в стране ошеломляющее впечатление. Вскрылась официальная ложь правительства. Ещё 1 августа Вильгельм II заявлял, что самое тяжёлое осталось позади; всего неделю спустя, 8 августа, разразилась военная катастрофа. Тиски цензуры не могли скрыть положение на фронте. В стране усиливалось брожение.

5 октября к предложению Германии о перемирии присоединилась и Австро-Венгрия. Рассматривать австрийское пред-

¹ Людендорф, Мои воспоминания, т. II, стр. 279.

ложение Вильсон отказался. Вене было заявлено, что союзники уже давно признали как Чехословакию, так и национальные требования югославы.

**Канитуляция
Австро-Венгрии
и Турции**

Отказываясь вступить в переговоры с Австро-Венгрией, Антанта тем самым ускорила её развал. Армия покидала фронт. Вспыхнуло восстание в хорватских полках, стоявших в Фиуме. Восставшие захватили город. Чехословакия объявила себя независимой. Венгрия превратилась в самостоятельную республику. «Лоскутная монархия» развалилась.

Наступательные операции союзников привели и турок к полному поражению. Большую роль в их разгроме сыграла авантюра Энвера, начавшего наступление на Баку. Это отвлекло значительные турецкие силы с малоазийского театра. 30 октября в порту Мудрос, на острове Лемнос, на британском корабле «Агамемнон» англичане заключили с турками перемирие. Турки должны были очистить Аравию, Месопотамию, Сирию, Армению, часть Киликии. Одним из первых пунктов Мудросского перемирия турки обязывались открыть победителям доступ в Чёрное море и соглашались на оккупацию войсками Антанты Константинополя и проливов.

3 ноября окончательно сдались Австрия и Венгрия. По условиям перемирия, заключённого в Падуе, австро-венгерская армия демобилизовалась и расформировывалась, за исключением 20 дивизий. Половина её военного имущества отдавалась Антанте. Морской и речной флоты разоружались. Союзники получали броненосцы, крейсера, истребители, подводные лодки и воздухоплавательные средства. Блокада Австрии и Венгрии сохранялась. Антанта получала право использовать все средства сообщения для продолжения дальнейшей борьбы против Германии. Положение немцев стало безнадежным.

**Предварительные
переговоры
о перемирии**

8 октября государственный секретарь США Лансинг от имени Вильсона ответил на ноту Германии. Он требовал подтверждения того, что германское правительство принимает все условия, изложенные в 14 пунктах, а также в последующих заявлениях президента. По поводу просьбы о перемирии Вильсон заявлял, что пока германские войска не очистят всех оккупированных районов, он отказывается предложить своим союзникам приостановить военные действия. В заключение президент запрашивал, говорит ли канцлер от лица тех, которые до сих пор являлись руководителями войны. Этим делался явный намёк на императора и германское командование.

9-го в Германии состоялось заседание военного кабинета. Людендорф сообщил, что он беседовал с рядом командующих фронтами и армиями. Все они требуют мира.

На вопрос министра иностранных дел, обращённый к Людендорфу, сможет ли фронт продержаться хотя бы три месяца, последовал резкий ответ: «Нет».

12 октября Германия согласилась на новые предложения. По поводу последнего вопроса Вильсона она уклончиво сообщила, что канцлер говорит от имени германского правительства и германского народа.

Но Вильсону это показалось недостаточным. Нажим Антанты на фронте всё усиливался. По мере новых военных успехов росли и политические требования к противнику. В новой ноте от 14 октября Вильсон требовал от Германии безусловного отказа от подводной войны, а также прекращения опустошений, производимых германскими войсками при отступлении. При этом Вильсон не обещал отказаться от блокады Германии. Далее Вильсон писал, что союзники не пойдут ни на какое соглашение, которое не обеспечит действительного военного превосходства сил США и союзников на фронте. Наконец, Вильсон уже ясно давал понять, что Вильгельм II должен отказаться от власти.

Руководящие круги Германии ждали ответа Вильсона в большой тревоге. Когда стало ясно, что речь идёт об отречении Вильгельма, попробовали спасти кайзера. Людендорф заговорил о возможности сопротивления. Однако положение германских союзников катастрофически ухудшалось: в самой Германии дичья под ногами так быстро накалялась, что решено было пойти по иному пути. Макс Баденский лихорадочно принялся за пересмотр государственного законодательства. Нужно было, чтобы кайзеровская Германия выглядела как можно более конституционной страной. Через Рейхстаг провели два закона: объявление войны могло прозойти впредь только с согласия Рейхстага, и канцлер становился ответственным перед Рейхстагом. Другие реформы ограничивали право кайзера в деле назначения и смещения командного состава.

20 октября Германия сообщила Вильсону о конституционных реформах и заявила о принятии ею новых условий, выразив надежду, что президент не поддержит требований, не согласованных с честью германского народа и с подготовкой справедливого мира.

23 октября из США ответили, что предложение о перемирии будет передано союзникам. Но при этом нота США подчёркивала, что речь может идти только о таком перемирии, которое сделает невозможным возобновление враждебных действий со стороны Германии. Это означало полную капитуляцию Германии.

Пока шла дипломатическая переписка, союзники вступили между собой в переговоры об условиях перемирия. Германская просьба о мире застала союзников врасплох. Самое оптимисти-

ческое воображение не могло представить себе, что после недавнего отчаяния так быстро наступит спасение. Германия была сломлена. Однако она ещё не была окончательно разбита. Перед союзниками стал вопрос, продолжать ли войну до полного разгрома противника. США не прочь были воевать дальше. При том тяжёлом положении, в котором находились Англия, Франция и Италия, война сулила Америке ведущую роль. Но такая перспектива отнюдь не улыбалась партнёрам США. Италия не выражала никакого желания продолжать войну: поражение Австро-Венгрии уже позволяло итальянцам реализовать свои военные планы. Англия также добилась главного: она свалила соперника и захватила германские колонии. Дальнейшее ведение войны не сулило ей серьёзных приобретений, а жертв требовало бы немалых. Надеялась и Франция при перемирии достигнуть всего намеченного без риска новой изнурительной кампании. К тому же всех союзников пугал призрак революции в Германии: оттуда пожар мог распространиться по всей Европе. Тем не менее между союзниками далеко не было единодушия.

Уже в бурных прениях на совещаниях в Верховном совете и особенно 29 октября на межсоюзнической конференции в Париже между участниками Антанты обнаружилось серьёзное противоречие. Франция добивалась полного уничтожения военной и экономической мощи Германии. Руководители Англии, напротив, не желали чрезмерного усиления Франции в Европе. Вместе с Америкой они хотели оставить Германии известное вооружение, чтобы «использовать Германию в качестве бастиона против русского большевизма»¹ — как заявил военный министр Англии лорд Мильнер на одном из совещаний в Париже 28 октября 1918 г.

С другой стороны, Англия резко выступала против США, не желая признавать вильсоновское требование «свободы морей». Вместе с Францией она добивалась не только возмещения убытков разорённым областям Северной Франции и Бельгии, как предусматривалось в 14 пунктах, но и полной компенсации всех расходов и потерь за время войны. Обострение доходило до того, что Америка угрожала начать непосредственные переговоры с Германией и Австро-Венгрией. «Сепаратный мир?» — спрашивал Клемансо. «Да», — последовал ответ. «Мы сожалеем об этом, но будем продолжать войну», — заявил Ллойд Джордж при полном одобрении Клемансо.

Наконец, 5 ноября союзники уведомили Вильсона для передачи Германии, что они согласны начать с ней переговоры на основе 14 пунктов. Однако при этом союзники заявили, что не признают «свободы морей» и настаивают не только на восста-

¹ «The intimate papers of colonel House», v. IV, p. 116.

новлении разорённых областей, но и на полном возмещении Германией всех убытков, причинённых военными действиями на суше, на воде и в воздухе. В тот же день государственный секретарь Соединённых штатов Лансинг сообщил германскому правительству о решении союзников. Точные условия перемирия должен был сообщить Германии главнокомандующий союзными армиями маршал Фош.

Компьенское перемирие

События в Германии тем временем нарастали бурным темпом. В двери стучалась революция. Германские империалисты принимали все меры к спасению как можно большего и прежде всего к сохранению командных кадров. Людендорф ушёл в отставку и занялся подбором надёжных частей. Гинденбург остался. Его именем пытались поддержать хоть какую-нибудь дисциплину в армии. Между генералитетом и гражданскими властями установилось своеобразное разделение труда: гражданские представители вели переговоры о мире, брали на себя обязательство выполнять честно все условия, а генералы создавали обстановку, препятствующую выполнению этих условий. Министры обязывались прекратить подводную войну, а командование прятало подводные лодки, разбирало их по частям и под видом разных машин рассовывало их по складам. Командование исподтишка наталкивало своих подчинённых на пиратские действия, поддерживая тем самым «боевой дух» во флоте. Так, уже после обещания прекратить подводную войну немцы потопили пассажирский пароход «Лейнстер». Немецкая военщина полностью оправдывала положение: «В победе — жестоки, в поражении — низки».

4 ноября немецкие моряки захватили город Киль и военные корабли, стоявшие в порту. На следующий день восставшие рабочие и матросы заняли Любек, Гамбург, Бремен. Революция распространялась по стране, проникая в армию. Повсюду создавались Советы рабочих и солдатских депутатов. 6 ноября генерал Гренер, заместивший Людендорфа на посту генерал-квартирмейстера, докладывал военному кабинету о положении на фронте. Генерал требовал «во что бы то ни стало избежать окончательного поражения армии».

Заседание военного кабинета шло в крайне нервной обстановке. Каждую минуту поступали тревожные телеграммы. В полдень было решено немедленно выслать делегацию, с тем чтобы она начала мирные переговоры не позже 8 ноября. Если даже не последует согласия Антанты, то германская делегация, выкинув белый флаг, должна начать переговоры о перемирии или капитуляции. С этим согласились все и в том числе верховное командование.

Председателем германской делегации был назначен Эрцбергер. Ему выдали необходимые документы. Канцлер вручил

ему чистый бланк с подписью, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению.

7 ноября вечером автомобиль германской делегации под белым флагом пересек фронт. Эрцбергер со спутниками сел в вагон со спущенными занавесками и утром прибыл на станцию Ретонд, в Компьенском лесу, где стоял штабной поезд Фоша. В то же утро делегация была принята маршалом.

Не подав немцам руки, Фош спросил:

— Чего вы хотите, господа?..

— Мы хотим получить ваши предложения о перемирии.

— О, у нас нет никаких предложений о перемирии, — сказал Фош. — Нам очень нравится продолжать войну...

— Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.

— Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело¹.

Заставив, таким образом, германских делегатов просить о перемирии, Фош приказал прочесть им условия. Германия обязывалась в течение 15 дней очистить занятые территории в Бельгии, Франции, Люксембурге, покинуть Эльзас-Лотарингию, освободить территории России и Румынии, вывести войска из Австро-Венгрии и Турции, выдать Антанте 5 тысяч тяжёлых и полевых орудий, 30 тысяч пулемётов, 2 тысячи самолётов, 5 тысяч локомотивов, 5 тысяч исправных автомобилей и т. д. Антанта занимала войсками левый берег Рейна, причём содержание оккупационной армии возлагалось на Германию. Германия отказывалась от Брест-Литовского и Бухарестского договоров. Войска в Восточной Африке должны были сдать. Военнопленные, взятые немцами, возвращались на родину, но германские военнопленные оставались в плену. Германия выдавала 6 дредноутов, 8 тяжёлых крейсеров, 10 крейсеров и 300 подводных лодок; остальные суда разоружались и переходили под контроль союзников. Блокада Германии сохранялась.

То была полная капитуляция. Германской делегации дали 72 часа для ответа — до 11 часов утра 11 ноября. Делегация направила эти условия в Берлин, а до получения ответа предложила организовать частное совещание с представителями англо-французского командования.

На совещании немцы заявили, что условия Антанты невыполнимы. Немцы прибегли к прямому шантажу. Они угрожали, что требования, предъявленные Фошем, толкнут Германию в объятия большевиков. Собеседники немцев отнеслись скептически к этим угрозам. Один из офицеров заметил, что Германия хочет заманить союзников в ловушку, чтобы

¹ *Ллойд Джордж*, Военные мемуары, т. VI, стр. 172.

восстановить армию, собраться с силами и вновь нанести удар.

Немцы возобновили свои угрозы. Эрцбергер заклинал не повторять «той же ошибки», что допустило старое немецкое командование весной 1918 г. по отношению к России, когда Германия считала себя победительницей большевизма, а оказалась побеждённой.

Особенно настойчиво протестовала германская делегация против оккупации Рейнской области, добиваясь сокращения районов, подлежащих занятию войсками Антанты. Немцы долго и упорно настаивали на том, чтобы германская промышленность в районах, временно занимаемых союзниками, не подвергалась разорению, чтобы немецкий персонал оставался на месте и т. п. Основные их старания сводились к тому, чтобы сохранить производственный организм Германии в неприкосновенности.

Контрпредложения немцев были вручены Фошу. Делегатам предоставили возможность держать связь с Берлином. Оттуда ответили, что Вильгельм II низложен с престола и 9 ноября бежал в Голландию. Создано правительство во главе с правым социал-демократом Эбертом. Новое правительство предложило делегации выдвинуть возражения против наиболее беспощадных требований союзников; в случае отклонения возражений — подписать условия, но одновременно заявить протест Вильсону.

Немцы упросили созвать новое частное совещание уполномоченных обеих сторон. Эрцбергер, по его собственному признанию, «настойчиво указывал на большевистскую опасность», добиваясь смягчения требований. С этого момента «большевистская опасность» стала коньком, на котором выезжали все разновидности правительств германского империализма.

10 ноября ночью состоялась встреча с Фошем. Немцы добивались снятия блокады. «Блокада означает продолжение войны. От блокады больше всего страдают женщины и дети. Это некрасиво», — плакались те, которые сами же объявили беспощадную подводную войну и применяли газы против мирного населения.

«Некрасиво! — возразил английский генерал. — Вы без разбора топили наши суда».

В 5 часов 12 минут утра закончилось обсуждение статей перемирия.

В частных совещаниях германская делегация добилась незначительных уступок: сокращения числа выдаваемых пулемётов с 30 до 25 тысяч, самолётов до 1 700. По поводу подводных лодок она заявила, что Германия не в состоянии вернуть 300 подводных лодок, ибо налицо у неё имеется всего 100 единиц. Затем в пункте 12 вместо немедленного очищения занятых областей на востоке Германии было предложено покинуть территорию, «как

только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»¹. Этот пункт явно говорил о намерениях Антанты использовать Германию в борьбе против Советской России.

11 ноября 1918 г., рано утром, условия перемирия были подписаны. В 11 часов грянул первый залп артиллерийского салюта в 101 выстрел, которым заканчивалась война. Война за передел мира кончилась. Начинался самый передел.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

НАЧАЛО ИНТЕРВЕНЦИИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИЗОЛЯЦИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Высадка
вооружённых
отрядов Антанты
в Советской
России**

Заклучив перемирие, победители не спешили с подписанием мира: впереди оставалось много нерешённых вопросов. Среди них на первый план выдвигался вопрос о Советской России.

Как только выяснилось, что втянуть советскую власть в войну с немцами и свалить её руками Германии не удалось, реакционные круги Антанты перешли к другой тактике. Сразу после заключения мира в Брест-Литовске союзные послы покинули Петроград и переехали в небольшой губернский город Вологду. Официальным мотивом переезда, как заявляла капиталистическая пресса, был протест против Брестского мира. Скоро, однако, выяснилось, что Вологда не случайно стала резиденцией послов: их переезд туда означал переход Антанты к активной борьбе против советской власти. 1 марта 1918 г. заместитель председателя Мурманского совета Юрьев сообщил в Москву, что англо-французы предлагают помощь для борьбы с Германией. Плана столкнуть Советскую Россию с Германией — хотя он раз уже провалился во время брест-литовских переговоров — окончательно не оставили и к нему то и дело возвращались. «Если бы Троцкий, — писал представитель английской разведки (Интеллидженс Сервис) в США Уайзман, — призвал союзных интервентов, то германцы сочли бы это враждебным актом и, вероятно, заставили бы правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено»¹.

Сообщая, что на линии Мурманской железной дороги находится около 2 тысяч чехов и сербов, направляемых во Францию, Юрьев спрашивал: «В каких формах может быть приемлема

¹ «Архив полковника Хауза», т. III, стр. 296—297.

помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав?»

В тот же день, 1 марта, в 21 час 25 минут, Троцкий, не согласовав своей телеграммы с Лениным, сообщил Юрьеву от имени Наркоминдела: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий». Это означало — допустить и высадку англо-французов.

Получив телеграмму Троцкого, мурманские контрреволюционеры приступили к выполнению своего предательского плана.

2 марта 1918 г., в 2 часа 30 минут дня, состоялось совещание, на котором присутствовали: Юрьев, английский адмирал Кемп, великобританский консул Холл, капитан Шарпантье, управляющий делами Мурманского совета Веселаго — белогвардейский офицер — и др.

Веселаго зачитал телеграмму Троцкого и тут же предложил обсудить следующее заранее подготовленное «соглашение», облечённое в дотоле неизвестную в дипломатической практике форму:

«Словесное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края.

§ 1. Высшая власть в пределах Мурманского района принадлежит Мурманскому Совдепу.

§ 2. Высшее командование всеми вооружёнными силами района принадлежит под верховенством Совдепа Мурманскому военному совету из 3 лиц — одного по назначению советской власти и по одному от англичан и французов.

§ 3. Англичане и французы не вмешиваются во внутреннее управление районом: о всех решениях Совдепа, имеющих общее значение, они осведомляются Совдепом в тех формах, какие по обстоятельствам дела будут признаны нужными.

§ 4. Союзники принимают на себя заботу о снабжении края необходимыми запасами»¹.

Суть «словесного соглашения» сводилась к тому, что интервенция прикрывалась «просьбой» к англо-французским войскам со стороны Мурманского совета оказать ему помощь.

Кемп и Холл возражали против слишком растяжимой формулировки § 4. Веселаго немедленно изменил его следующим образом:

«Англичане и французы сделают всё возможное для снабжения края необходимыми запасами продовольствия».

С этой редакцией поправки согласились Кемп, Холл и Шарпантье. Английского адмирала немного смущал также § 3 о невмешательстве союзников во внутренние дела края. Кемп

¹ М. С. Кедров, Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане), изд. «Красная газета», Л. 1930, стр. 32.

попросил прочитать ещё раз этот параграф. «Мы никогда не вмешивались во внутренние дела русского народа, — изображая изумление, заявил Кемп, — это наш принцип».

Что касается француза Шарпантье, то его беспокоил вопрос об отношениях между создающимся Мурманским военным советом и Совдепом. Но получив разъяснение, что в оперативном отношении военный совет действует и распоряжается самостоятельно, Шарпантье успокоился.

В заключение Кемп заявил, что передаст условия соглашения своему правительству. «Скажу, — добавил Кемп, — что я согласен с ними, и до получения ответа из Лондона буду оказывать содействие со своей стороны».

Сразу после окончания совещания, в 4 часа дня, было созвано собрание Мурманского совета рабочих депутатов. Оно утвердило «словесное соглашение».

Юрьев разослал всем Советам по линии Мурманской дороги телеграмму, в которой излагалась история переговоров и сообщалось о заключении соглашения. Когда возмущённые предательством Юрьева Советы — в том числе Петрозаводский — обратились в Наркоминдел, Троцкий ответил: «Мурманский совет правильно ссылается на моё разрешение».

Однако Совнарком отнёсся отрицательно к действиям Мурманского совета. Полагая, что Мурманский совет мог стать жертвой обмана, Ленин и Сталин попытались разъяснить ему всю губительность пути, на который вступали мурманцы. Ленин и Сталин вызвали по прямому проводу Юрьева. Сталин спросил Юрьева:

«Ещё ответьте на один вопрос. Англичане никогда не помогают зря, как и французы. Скажите: какое обязательство пришлось взять Совдепу за военную помощь со стороны англичан и французов?»

На это Юрьев ответил: «Помощь оказывалась и оказывается Мурману и Мурманскому пути потому, что им, так же как и России, необходимо сохранить и развить этот край и путь, ибо в настоящее время это единственный путь сообщения России с Англией, Францией, Америкой. Сохраняя Мурман, они делают это не ради краевых интересов, но ради своих интересов в России. Никаких обязательств поэтому от нас не требуется и не требовалось. Вот текст словесного соглашения...»

Прервав Юрьева, Сталин от своего имени и от имени Ленина заявил:

«Примите наш ответ: нам кажется, что вы немножечко попались, теперь необходимо выпутаться. Наличие своих войск в Мурманском районе и оказанную Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальнейшем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации. Если вы добьётесь письменного подтверждения заявления

англичан и французов против возможной оккупации, это будет первым шагом к скорой ликвидации того запутанного положения, которое создалось, по нашему мнению, помимо вашей воли. Ленин. Сталин».

Юрьев стал ссылаться на телеграмму Троцкого, но Сталин подчеркнул:

«Телеграмма Троцкого теперь ни к чему. Она не поправит дела...»¹

Юрьев продолжал предательскую линию. В Мурманске было объявлено осадное положение. Иностранные моряки, высадившиеся на берег, быстро сформировали блиндированный поезд и немедленно связались с отрядом чехословаков и поляков, стоявшим в городе Коле. В Лондон полетели телеграммы с требованием присылки новых отрядов.

В это время с 15 марта в Лондоне происходила союзническая конференция премьер-министров и министров иностранных дел стран Антанты. Она опубликовала декларацию о непризнании Брестского мира. Конференция обсудила также вопрос и об интервенции на севере. По признанию Ллойд Джорджа, «на союзной дипломатической конференции в Лондоне 16 марта рассматривался доклад генерала Нокса (бывшего английского представителя во время войны при штабе русских войск. — *Ред.*), который рекомендовал нам послать в Архангельск отряд в пять тысяч человек. К этому докладу было приложено заявление капитана Проктора, британского военного представителя в Архангельске, который выдвигал проект о посылке смешанного союзного отряда в 15 тысяч человек. Мы передали этот вопрос на обсуждение союзного морского совета и постоянного совета военных представителей в Версале. Однако, когда оба эти совета собрались на совместной конференции 23 марта, разразилось германское наступление на Западном фронте. В такой момент невозможно было обсуждать вопрос о военной экспедиции в северную Россию»².

Посылка отряда на север России отпала. Стали искать других возможностей. Решили обратиться к Японии, предложив ей начать интервенцию на Дальнем Востоке. Решение было принято не без колебаний. Ясно было, что вооружённое выступление Японии поднимет советский народ на борьбу; опасались вместе с тем, что оно может толкнуть советскую власть в сторону Германии. С другой стороны, утверждение Японии в Сибири не входило в планы союзников; несомненно, оно вызвало бы неудовольствие и со стороны США. После долгих переговоров было решено просить США дать согласие на интервенцию Японии. По поручению конференции, английский министр иностранных

¹ «Правда» № 51 от 21 февраля 1985 г.

² Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, стр. 83.

дел Бальфур обратился к Вильсону с письмом. Сообщая о положении в России, Бальфур писал:

«Такова болезнь. Каково лечение? Конференция считает, что есть только одно средство — союзная интервенция. Если Россия не может сама себе помочь, ей должны помочь её друзья. Но помощь может быть оказана только двумя путями: через северные порты России в Европе и через её восточные границы в Сибири. Из них Сибирь, пожалуй, наиболее важна и вместе с тем является наиболее доступной для тех сил, которыми могут располагать сейчас державы Антанты. И с точки зрения человеческого материала и с точки зрения транспорта Япония может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка, Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске. Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии, чтобы она помогла России в её нынешнем беспомощном положении»¹.

Сомнения союзников подтвердились: Вильсон возражал против японской интервенции. Он опасался, что Япония на востоке России сделает то же, что Германия совершила на западе, т. е. захватит в свои руки советские территории. Тогда конференция остановилась на мысли послать на Дальний Восток смешанную экспедицию из американцев, англичан и японцев. Впрочем, Япония не хотела ждать исхода переговоров. В ночь с 4 на 5 апреля 1918 г. было инсценировано нападение на японскую контору во Владивостоке.

Японцы давно готовили захват Дальнего Востока.

Правительственная японская печать утверждала, что после революции 1917 г. в Сибири царит хаос, что именно Япония может и должна восстановить порядок в области вплоть до Иркутска и даже до Урала. Японские власти явно искали лишь предлога для интервенции.

В целях создания такого предлога японские газеты сообщали, что германские и австро-венгерские военнопленные, расквартированные в Сибири, якобы вооружились и готовятся захватить Сибирскую железную дорогу. Для разоблачения этих измышлений Совнарком отправил английского и американского офицеров вдоль Сибирской дороги, предоставив им возможность посетить и лагеря военнопленных. Офицеры (от США — Вебстер, от Англии — капитан Хикс)² проехали весь путь по Сибири; после этого они донесли в Лондон и Вашингтон, что не встретили на своём пути вооружённых военнопленных.

После такой неудачи японские империалисты стали искать другого предлога для интервенции. Они нашли его в убийстве

¹ Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, стр. 87—88.

² «Russian-American Relations», Compiled and edited by C. K. Cumming and W. W. Pettit, New York 1920, p. 104.

двух японцев во Владивостоке. Не дожидаясь расследования, японцы произвели высадку.

К японскому десанту скоро присоединился небольшой английский отряд.

5 апреля 1918 г. адмирал Като, командующий японским флотом, обратился с воззванием к населению Владивостока, извещая его о том, что Япония берёт на себя охрану порядка в городе.

В тот же день, 5 апреля 1918 г., советское правительство опубликовало официальное сообщение. Совнарком объявлял, что в данный момент он ещё ничего не знает о причинах и виновниках убийства; однако, как и всему миру, ему хорошо известно, что японские империалисты в течение нескольких месяцев подготавливали высадку во Владивостоке.

«Ход событий, — говорилось в сообщении по этому поводу советского правительства, — не оставляет никакого места сомнениям в том, что всё было заранее подготовлено и что провокационное убийство двух японцев составляло необходимую часть в этой подготовке.

Таким образом, давно подготавливавшийся империалистический удар с востока разразился. Империалисты Японии хотят задушить советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить сибирских рабочих и крестьян»¹.

5 апреля вечером в Наркоминдел были вызваны представители Англии, США и Франции. Им был заявлен самый решительный протест против японской интервенции. Иностранным представителям было указано, что высадка японцев не могла иметь места без согласия союзников. Представители Англии, США и Франции заверили Наркоминдел, что представляемые ими правительства «непричастны» к японскому вторжению. Правда, каждый из них выразил это по-своему. Американский представитель «категорически заявил, что его правительство против японского вступления в пределы Сибири»; английский — сказал, что «иностранное вмешательство в Сибири противоречит намерениям английского правительства»; наконец, француз назвал выступление Японии «вполне естественной полицейской мерой»². Уже в этом сказались противоречия между державами по отношению к японской интервенции.

На следующий день Наркоминдел разослал ноту протеста правительствам Англии, США и Франции. Он выразил при этом пожелание, чтобы указанные правительства срочно представили свои разъяснения.

10 апреля дипломатический представитель Великобритании в Москве Локкарт сообщил ответ своего правительства. Бри-

¹ «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 137.

² «Правда» № 66 от 7 апреля 1918 г.

танское правительство заверяло, что высадка японцев имеет единственной задачей охрану жизни и собственности иностранных граждан во Владивостоке. Других целей Япония не преследует.

Вся официальная печать Англии, США и Франции подхватила эту версию. Но 7 апреля 1918 г. Ленин послал Владивостокскому совету следующую телеграмму, составленную при участии Сталина:

«Мы считаем положение весьма серьёзным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут все без изъятия союзники»¹.

Протест Наркоминдела остался безрезультатным. Более того, 18 апреля французский посол Нуланс выступил с публичным заявлением о солидарности Франции с японскими интервентами. После этого советское правительство лишило Нуланса дипломатического иммунитета и потребовало его отзыва.

Так началась открытая интервенция на востоке.

Япония, однако, находилась далеко; пока в России мог бы сказаться эффект японского вторжения, прошли бы месяцы. Агенты союзников попытались найти какие-либо вооружённые силы внутри России. Внимание обратили на чехословацкий корпус. По занятии Украины немцами он отступил в центральную Россию. Командование корпуса заключило с правительством Советской России соглашение о переброске чехословаков во Францию через Сибирь. Чехословаки обязывались сдать оружие, оставив только незначительную часть для несения караульной службы, и двигаться к Владивостоку отдельными эшелонами.

Командование чехословацкого корпуса нарушило свои обязательства. Оружие сдано не было. Подсумки солдат были набиты патронами. Под полом и за обшивкой вагонов находились в разобранном виде пулемёты. Эшелоны двигались не в одиночку: на крупных станциях из 8—10 эшелонов составлялись отряды в несколько тысяч человек. По дороге в состав корпуса вливались русские белогвардейцы. Число солдат достигло 60 тысяч. Получив известие о появлении японского десанта во Владивостоке, советское правительство потребовало полного разоружения чехословаков. Но по приказу Антанты в ночь на 25 мая 1918 г. чехословаки, растянувшиеся по Великой Сибирской железной дороге, подняли восстание против советской власти. От Советской России были отрезаны Урал, Сибирь, Поволжье.

Союзная дипломатия откровенно демонстрировала свою солидарность с контрреволюционным выступлением чехословаков.

¹ Ленин, Из эпохи гражданской войны, Партиздат, М. 1934, стр. 32.

4 июня представители Англии, Франции, Италии и США обратились к советскому правительству с требованием отказа от разоружения чехословаков. Они заявили, что будут считать разоружение недружелюбным актом, направленным против них, так как чехословацкие отряды являются союзными войсками и находятся под покровительством держав Согласия.

Наркоминдел ответил нотой от 13 июня 1918 г., что советское правительство после долгих попыток найти миролюбивый выход вынуждено было перейти к разоружению чехословаков, ибо они подняли вооружённый мятеж.

«Чехословацкий мятеж, — гласила нота, — везде сопровождался арестом советских властей, расстрелами и, с другой стороны, созданием контрреволюционных организаций, именующих себя местными правительствами. Чехословаки везде действуют в союзе с белогвардейцами и контрреволюционным русским офицерством»¹.

Советское правительство выражало надежду, что представители четырёх держав Согласия не только признают необходимость и целесообразность мероприятий, предпринятых советской властью, но и вынесут осуждение чехословацким отрядам «за вооружённый мятеж, являющийся самым откровенным и решительным вмешательством во внутренние дела России».

И этот протест советского правительства был оставлен без внимания. Правительства Антанты продолжали идти по пути интервенции. 3 июня 1918 г. Верховный военный совет союзников постановил послать на север России смешанный отряд из американских, английских, французских и итальянских солдат. Иностранные войска стали высаживаться в Мурманске.

17 июня в Мурманск прибыл английский крейсер, на борту которого находились: генерал Ф. Пуль, многочисленные инструкторы и отряд английской пехоты. На следующий день, 18 июня, Пуль выступил на собрании Центрального комитета Мурманской флотилии, на котором заявил:

«Мы здесь нашли способный Совдеп, который не только способен, но и желает работать. Но способности работы этого Совдепа препятствуют, как мы видим, частью население, а частью моряки. Мы не можем работать с Совдепом, если он не может проводить в жизнь те заключения, к которым он пришёл. В данный момент он не находится в положении, чтобы их проводить, а потому мы намерены помогать Совдепу, чтобы он был в состоянии проводить свои резолюции. До сегодняшнего дня матросы достигли своего положения вооружёнными силами. Сейчас находится здесь власть сильнее матросов — это союзники. Союзники здесь имеют силы, и если это потребуется и

¹ «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 145.

если они найдут необходимым, то они готовы применить эти силы»¹.

20—23 июня в Мурманске высадилось 1 500 английских солдат и офицеров. 23 июня в порт пришёл английский крейсер «Соутгемптон».

26 июня из Москвы прибыла телеграмма Ленина с резким протестом против предательских действий Юрьева.

«Английский десант, — гласила телеграмма, — не может рассматриваться иначе, как враждебный против Республики. Его прямая цель — пройти на соединение с чехословаками и, в случае удачи, с японцами, чтобы низвергнуть рабоче-крестьянскую власть и установить диктатуру буржуазии. Нами предписано выдвинуть для обороны Мурманской железной дороги от вторжения насильников необходимые войска. На Мурманский краевой Совдеп возлагается обязанность принять все меры к тому, чтобы вторгающиеся на советскую территорию наёмники капитала встретили решительный отпор. Всякое содействие, прямое или косвенное, вторгающимся насильникам должно рассматриваться, как государственная измена, и караться по законам военного времени. О всех принятых мерах, равно как и обо всём ходе событий, точно и правильно доносить»².

Юрьев пытался попрежнему оправдать своё предательство. Он то вызывал к проводу Наркоминдел, убеждая его не мстить высадке интервентов, то снова принимался доказывать Ленину, что в Мурманске нельзя держаться другой линии. На повторные попытки Юрьева переговорить с Лениным последовала телеграмма:

«Даю ответ т. Юрьеву: „Если Вам до сих пор неудобно понять советскую политику, равно враждебную и англичанам и немцам, то пеняйте на себя... С англичанами мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа“»³.

1 июля за измену родине советское правительство объявило Юрьева вне закона. Неделью спустя, 6 июля 1918 г., «словесное соглашение» между Мурманским советом рабочих депутатов и командованием антантовских войск было заменено письменным договором: «Временное, по особым обстоятельствам, соглашение представителей Великобритании, Северо-Американских штатов и Франции с президиумом Мурманского краевого Совета».

В соглашении имелось 14 статей. Первые две статьи гласили:

«Статья первая. Настоящее соглашение, подлежащее утверждению союзными правительствами Великобритании, США

---

¹ М. С. Кедров, Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане), стр. 112.

² Там же, стр. 115.

³ Там же, стр. 119.

и Францией, с одной стороны, и президиумом Мурманского краевого совета, с другой, — в целях совместных действий сторон, подписавших настоящее соглашение в деле обороны края от держав германской коалиции. Для достижения этой цели обе подписавшие стороны взаимно обязываются к полному содействию друг другу.

Примечание. В состав Мурманского края входят бывшие Александровский и Кемский уезды Архангельской губернии.

Статья вторая. Главное командование союзными и русскими вооружёнными силами в Мурманском крае организуется на тех же началах, что и на прочих союзных фронтах в настоящий момент»¹.

Русские части, как уже существующие, так и формируемые, подчиняются русскому командованию. Представители Англии, США и Франции обещают оказывать русскому командованию содействие в области снабжения, передвижения и инструктирования формирующихся русских вооружённых сил.

Статьёй шестой представители Англии, США и Франции обязывались не вмешиваться во внутренние дела края, не обращаться непосредственно к населению, а прибегать к властям, за исключением прифронтовой полосы, «где приказы союзного военного командования, вызываемые условиями боевой обстановки, должны беспрекословно исполняться всеми». В трёх статьях представители Англии, США и Франции обязывались доставить краю продовольствие, мануфактуру и строительные материалы; при этом во всех статьях оговаривалось: «поскольку это окажется возможным». В других статьях соглашения речь шла о финансовой помощи Мурманскому совету; её размеры, формы и условия предполагалось установить дополнительным соглашением. В заключение интервенты заявляли об отсутствии у них «захватных намерений в отношении Мурманского края как в целом, так и в отдельных частях его».

Соглашение подписали:

Президиум Мурманского краевого совета: председатель *Юрьев*, товарищ председателя *Корельский*, секретарь *Талый*.
Управляющий делами *Веселаго*.

Великобританский представитель *Пуль*, генерал-майор, главнокомандующий союзными силами на севере России.

Французский представитель *Пти*, капитан 1-го ранга, командир «Адмирала Об».

Представитель Северо-Американских Соединённых штатов *Берер*, капитан 1-го ранга, командир «Олимпии».

¹ М. С. Кедров, Без большевистского руководства (Из истории интервенции на Мурмане), стр. 154.

Представители Англии, США и Франции добились своего: общественное мнение своих стран им можно было успокоить, заявив, что интервенция в России происходит по соглашению с Мурманским советом.

Организаторов интервенции отнюдь не смущало, что представители трёх великих держав подписывали соглашение с представителями двух маленьких уездов. Понадобилось всего несколько дней, чтобы вскрыть всё лицемерие заявления о «невмешательстве». Сразу после утверждения соглашения интервенты стали разгонять профсоюзы и комитеты в воинских частях, арестовывать представителей советской власти. Впрочем, сам генерал Пуль лучше свидетельствует о своей работе. Вот его приказ от 13 июля 1918 г.:

«Я, главнокомандующий всеми союзными войсками в России, желаю уверить всех в мирных намерениях союзников, во всём верных лояльным русским и их стране, а также в нашем искреннем желании помочь России освободиться от немцев, белых финнов и всех враждебных агитаторов. В течение вчерашнего дня мне пришлось обыскать в полном согласии с гражданскими властями — и это было тяжёлой обязанностью для меня — некоторые здания с целью отобрания оружия и для временного задержания некоторых лиц — не постоянных жителей Мурманска — на то время, когда энергичные меры должны были быть предприняты для охранения лояльных граждан России, а также чтобы обеспечить спокойную базу, с которой могут предприниматься ваши и наши военные действия против врагов, вторгшихся в Россию. Я прошу всех граждан вернуться к своим занятиям спокойно и без боязни и усердно содействовать нашим войскам в достижении нашей общей с вами цели, т. е. воссоздания свободной и великой, нераздельной России. Да поможет бог России.

Главнокомандующий союзными военными силами в России генерал-майор *Пуль*. Мурманск, 13 июля 1918 г.»

28 июня 1918 г. Наркоминдел обратился к британскому дипломатическому представителю в Москве Локкарту с протестом против высадки десанта в Мурманске.

«РСФСР покинула ряды воюющих держав, — гласила нота, — и вышла из состояния войны, дальнейшее пребывание в котором внутреннее положение России делало для неё невозможным. Трудящийся народ России и исполняющее его волю рабоче-крестьянское правительство озабочены лишь тем, чтобы жить в мире и дружбе со всеми другими народами.

Ни одному народу не угрожает войной трудящийся народ России, и никакая опасность не может угрожать с его стороны Великобритании»¹.

¹ «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 147.

С тем большей решительностью протестовало советское правительство против вторжения в Мурманск вооружённого отряда. Наркоминдел требовал очищения Мурманска и северных вод.

Нота осталась без ответа. Вооружённые отряды продолжали высаживаться. Встрепенулись и русские контрреволюционные силы; в июне к английскому премьеру явился Керенский, предлагая свои услуги. Дипломаты Антанты всё ещё убеждали США принять участие в совместном выступлении на Дальнем Востоке. Предполагалось послать генерала Нокса во Владивосток, с тем чтобы он по пути посетил Вашингтон. Но оттуда дали понять, что Нокс известен как открытый сторонник русского царизма; проезд его нежелателен. Нокс уехал в Сибирь без пересадок. 29 июня 1918 г. чехословаки захватили Владивосток. Как только получены были сведения, что чехословаки закрепились во Владивостоке, Верховный совет Антанты 2 июля снова обратился с длинным меморандумом к Вильсону, доказывая, что в интервенции надо принять участие немедленно; потом будет поздно. Наконец, в конце июля, опасаясь сепаратного выступления союзников на Дальнем Востоке, Вильсон сдался. США настаивали на том, чтобы англичане и американцы послали по 7 тысяч солдат; японцы должны были послать не больше. Союзникам этого казалось мало, тем более что японцы уже высадили больше. Американцы сами отступили от своего предложения: во Владивостоке их высадилось около 9 тысяч. Воспользовавшись этим, японцы в свою очередь довели численность своих войск до... 70 тысяч. Советский Дальний Восток и Сибирь были заняты. «Очень пёстрый по составу кордон союзных войск, — писал Ллойд Джордж, — сторожил всю Сибирь по линии Сибирской железной дороги, вплоть до Урала. Он включал русских белогвардейцев, чехов, британские морские и военные части, японцев, американцев и маленькие группы французов и итальянцев»¹.

Произведя высадку, иностранные правительства одно за другим опубликовали декларацию с объяснением мотивов интервенции.

Общим для всех этих деклараций было утверждение, что основной причиной интервенции является необходимость борьбы с Германией и поддержки чехословаков.

Впрочем, во французской декларации было указано, что интервенция является помощью «элементам русского народа, оставшимся верными союзным обязательствам и стремящимся положить конец большевистской дезорганизации, вызвавшей расчленение и разорение преданной немцам России»².

¹ Ллойд Джордж, Военные мемуары, т. VI, стр. 97.

² Пижон, Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири, перев. с франц., Госиздат, М. — Л. 1925, стр. 73.

**Дипломаты в роли
организаторов
восстания**

В Советской России создалось положение, какого ещё не знала дипломатическая история: в стране находились официальные представители держав, пользующиеся полной неприкосновенностью, а страны, ими представляемые, открыто высаживали вооружённые отряды для борьбы с правительством, с которым не порывали связи и при котором их послы были аккредитованы. И такое положение длилось не день или неделю, а целые месяцы. Правительства Антанты не только не объявили о военных действиях против Советской России, но и всячески отрицали, что ведут против неё войну. Английский, французский, итальянский, японский, американский послы оставались в Вологде. Советское правительство не раз предлагало им вернуться в Москву, посылало с той же просьбой делегации в Вологду, вело длительные переговоры, — но послы оставались в Вологде.

При содействии союзных дипломатов в России возник ряд контрреволюционных организаций.

Показания свидетелей на судебном процессе эсеров в 1922 г. установили существование денежных связей иностранных дипломатов в годы гражданской войны с русскими белогвардейскими организациями. Впоследствии Савинков признал, что получал для своего «Союза защиты родины» свыше 2,5 миллиона рублей от французского посла Нуланса.

Так дипломаты превращались в заговорщиков. При их прямом участии были организованы восстания в 23 городах по Верхней Волге — в Муроме, Ярославле, Костроме, Рыбинске, вплоть до Вологды, — здесь намечался центр восстания.

Заговорщики надеялись установить связь с Архангельском, где предстояла высадка союзнического десанта. Кроме того, они полагали, что восстание на Верхней Волге облегчит чехословакам захват Среднего Поволжья. 6 июля белогвардейцы захватили Ярославль. В Рыбинске восстание началось 5 июля; оно было подавлено в течение суток. В других городах мятеж также провалился.

В тот же день вспыхнуло восстание в Москве, подготовленное «левыми» эсерами в блоке с правыми эсерами, меньшевиками, троцкистами и бухаринцами. Уже одно совпадение дат показывало, что восстания в Москве и Ярославле готовили одни и те же руки. 6 июля «левые» эсеры убили германского посла Мирбаха, явно рассчитывая спровоцировать войну. Через несколько дней, 10 июля, поднял мятеж против советской власти командующий Восточным фронтом «левый» эсер Муравьёв. Он разослал телеграмму о заключении мира с «братьями» чехословаками и совместной борьбе против Германии. Восстание «левых» эсеров было подавлено в несколько часов; не нашла поддержки и авантюра Муравьёва. Он был захвачен и расстрелян.

Для усиления чехословаков и белогвардейцев военное командование Англии двинуло свои части в Туркестан и Баку.

По распоряжению генерала Маллесона, в начале августа в Закаспии появились английские отряды; отряд генерала Денстервиля добрался до Энзели, на южном берегу Каспийского моря, и оттуда стал пробиваться в Баку. Английские агенты, опираясь на меньшевиков и местных националистов в Бакинском совете, добивались его постановления о приглашении англичан в Баку якобы для борьбы с турками.

Ещё в феврале 1918 г. Ленин в телеграмме т. Шаумяну давал чрезвычайно важную для советского дипломата инструкцию.

«Мы в восторге от вашей твёрдой и решительной политики, — писал Ленин. — Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны; пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»¹.

В августе генерал Денстервиль вступил в Баку, падение которого было подготовлено изменнической деятельностью эсеров и местных националистов. Так на севере, востоке и юго-востоке России Антанта создала антисоветское окружение, отрезав Советскую страну от продовольствия и топлива.

«Мурман на севере, чехо-словацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»², — так говорил о плане Антанты Ленин.

Заговор
Локварта

Агенты Антанты не только финансировали русских белогвардейцев, но и подготовляли убийства советских деятелей. 30 августа было

совершено покушение на В. И. Ленина.

Злодейское нападение на Ленина вызвало взрыв негодования во всей стране. В руках Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией имелись сведения о связи контрреволюционных организаций на территории Советской республики с представителями английского консульства в Петрограде. В ночь с 31 августа на 1 сентября сотрудники ВЧК явились в здание английского посольства, где, по полученным сведениям, предполагалось совещание контрреволюционеров и английских чиновников. Когда сотрудники ВЧК в сопровождении чинов миссии поднялись на второй этаж и вошли в комнату, оттуда раздались выстрелы. Один сотрудник ВЧК был убит, другой ранен. Чекисты вынуждены были открыть огонь; ими был убит один из стрелявших. Убитый оказался британским морским атташе Кромби; как потом выяснилось, он первый открыл огонь.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 254.

² Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 156.

В числе арестованных был английский подданный, который не пожелал при аресте назвать свою фамилию. Доставленный в ВЧК, «неизвестный» англичанин заявил, что он — английский дипломатический представитель Локкарт. Сотрудники ВЧК ответили, что Локкарт будет немедленно освобождён; однако они спросили его, не пожелает ли он дать объяснения по поводу своих связей с контрреволюцией. Локкарт категорически отрицал какие-либо свои сношения с контрреволюционерами. Когда же ему были показаны документы и приведены доказательства, что он принимал на своей квартире заговорщиков, Локкарт сослался на своё дипломатическое положение, якобы избавляющее его от каких-либо допросов. Английскому дипломатическому представителю сообщили, что его не допрашивают как арестованного; ему лишь дают возможность доказать, что «некий Локкарт организатор антисоветского заговора» и Локкарт английский дипломатический представитель — разные лица.

Захваченные документы показали, что вместе с французским генеральным консулом в Москве Гренером и французским генералом Лавернем Локкарт пытался подкупить красноармейцев, охранявших Кремль, чтобы арестовать Совнарком и свергнуть советскую власть. После свидания Локкарта с командиром одной из войсковых частей, на которую возлагали задачу захвата Совнаркома, дальнейшие сношения с красными командирами велись через лейтенанта английской службы Сиднея Рейли. Предполагалось одновременно с Кремлём захватить Государственный банк, центральную телефонную станцию, телеграф и установить военную диктатуру. Заговорщики очень беспокоились, как бы при захвате Совнаркома не избежал ареста В. И. Ленин. Арестованных членов Совнаркома и прежде всего Ленина предполагали немедленно отправить в Архангельск, который уже 2 августа был занят англичанами. Агент Рейли, не соглашаясь на отправку Ленина, говорил участникам заговора: «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять»¹.

Выяснилось также, что в случае удаchi переворота предполагалось опубликовать подложную тайную переписку советского правительства с правительством Германии и сфабриковать фальшивые договоры, чтобы создать соответствующее настроение для возобновления войны с Германией. Заговорщики пользовались официальными британскими документами за подписью Локкарта, найдёнными у арестованных.

¹ «Известия» № 189 от 3 сентября 1918 г. «Заговор союзных империалистов против Советской России».

Арест Локкарта вызвал переполох в среде дипломатов. Представители почти всех дипломатических миссий, в том числе и центральноевропейских — германской и австрийской — заявили протест против «красного террора», объявленного советской властью врагам революции.

6 сентября от английского министра иностранных дел получена была телеграмма с требованием «немедленного удовлетворения и строгого наказания всякого ответственного или принимавшего участие» в аресте Локкарта лица. В случае отказа советского правительства дать полное удовлетворение министр угрожал, что «Британское Правительство сочтёт каждого из членов Русского Правительства в отдельности ответственным и примет все меры к тому, чтобы все правительства цивилизованных наций считали их состоящими вне закона, а также к тому, чтобы для них не было убежища, где бы они могли укрыться»¹.

Выступление Бальфура, видимо, было согласовано с Францией. Оттуда в Москве была получена радиотелеграмма, в которой министр иностранных дел Пишон в тех же выражениях, что и в английской ноте, сообщал, что правительства союзных стран должны обратиться к суровым мероприятиям «против видных большевиков, попадающих в их руки». «Из-за отказа, — гласила телеграмма, — немедленно же освободить её сограждан Франция сделает ответственными лично всех большевистских вождей за притеснения и наказания, кои могут претерпеть союзные граждане в России»².

На эти угрозы Наркоминдел ответил телеграммой, в которой сообщил о заговорщической деятельности Локкарта и его агентов и о том, что здание английского консульства в Петрограде превратилось в конспиративную квартиру заговорщиков. Стремясь полностью соблюсти дипломатическую неприкосновенность и правила международного общения, советское правительство, тем не менее, не может предоставить свободу действий заговорщикам. «Поэтому, — писал Наркоминдел, — правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличённых в заговорах, такие условия, при которых они были бы лишены возможности продолжать дальше свою преступную, с точки зрения международного права, деятельность. Когда английские и французские войска продвигаются по территории РСФСР для поддержки открытых мятежей против советской власти, а дипломатические представители этих держав внутри России создают организации для государственного переворота и захвата власти, правительство РСФСР принуждено во что бы то ни стало принять необходимые меры самообороны».

Наркоминдел сообщал, что все арестованные будут немед-

¹ «Известия» № 193 от 7 сентября 1918 г. «Новое выступление союзников против России».

² Там же.

ленно освобождены, как только русские граждане в Англии и Франции и в районе оккупации союзных войск и чехословаков перестанут подвергаться репрессиям. Дипломатические представители той и другой страны, и в том числе глава заговорщиков Локкарт, получают возможность вернуться на родину.

Завершение
дипломатической
изоляции
Советской России
в 1918 г.

Непризнание Советской республики капиталистическими государствами свело на нет так называемую «посольскую неприкосновенность». Буржуазные правительства задерживали и подвергали аресту советских дипломатических представителей за границей. Вследствие этого и советское правительство принуждено было временно задерживать отъезд союзных дипломатических и консульских представителей. Представителям нейтральных стран был предоставлен беспрепятственный пропуск. Однако, следуя примеру Антанты, и эти страны одна за другой порывали дипломатические отношения с Советской Россией. В ноябре 1918 г. это сделали Швейцария и Испания, в декабре — Швеция, а за ней — Норвегия и Дания.

Западноевропейские страны, за исключением Германии, не признавали советских уполномоченных; они ставили их в изолированное положение, продолжая сноситься с прежними послами старой России. При первом удобном случае иностранные правительства старались окончательно избавиться от этих полулегальных представителей Советской России. Так были высланы советские уполномоченные из Англии, Швеции, Дании.

К концу 1918 г. за границей остались только советский представитель в США и посол в Берлине.

Германия не участвовала и не могла участвовать в интервенции блока англо-франко-японо-американцев, так как находилась в состоянии войны с этим блоком. Но и она самым активным образом поддерживала антисоветские силы, которые вели борьбу за свержение советской власти. Германские послы обращались к советскому правительству с резкими нотами и протестами по всякому поводу. Несмотря на то, что в это время Германия находилась в состоянии войны с Антантой, её дипломатические представители не раз присоединялись к выступлениям дипломатии Антанты против советского правительства. Так, например, в начале сентября 1918 г. германский генеральный консул Брейтер заявил протест совместно с представителями Антанты против ареста заговорщика Локкарта.

Потерпев поражение на фронте и желая выслужиться перед победившей Антантой, берлинское правительство инсценировало соответствующий «инцидент»: на берлинском вокзале «случайно» упал и разбился ящик с дипломатической советской почтой; из ящика якобы выпали прокламации, обращённые к германскому пролетариату. Воспользовавшись этим поводом, берлинское правительство 5 ноября, за несколько дней до

революции, выслало советское посольство. Докладывая об этом инциденте VI Всероссийскому Чрезвычайному съезду, товарищ Ленин говорил, что Германия «действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам»¹.

Высылка работников советского посольства из Берлина была последним актом отчаяния кайзеровского правительства: через несколько дней вспыхнула революция в Германии и Австро-Венгрии. Пали короны императоров и королей. 13 ноября 1918 г. советское правительство аннулировало Брестский мир.

С окончанием мировой войны, казалось бы, отпал тот довод, который выдвигали империалисты для оправдания интервенции: создание в России Восточного фронта против Германии представлялось уже явно бессмысленным, раз прекратилась война. Но тут же выяснилось, что не создание Восточного фронта, а борьба с советской властью являлась решающим мотивом интервенции.

13 ноября, через два дня после объявления перемирия, когда в столицах мира ещё продолжалось народное ликование, Англия и Франция подтвердили конвенцию о разделении сфер влияния в России, заключённую 23 декабря 1917 г.

14 ноября 1918 г. военный кабинет Англии решил:

1) помогать Деникину оружием и военным снаряжением;
2) отправить в Сибирь дополнительные кадры офицеров и дополнительное военное оборудование и

3) признать омское правительство (т. е. Колчака. — *Ред.*) де факто.

В ночь с 15 на 16 ноября англо-французская эскадра вошла в Чёрное море. Начался новый период интервенции. Антанта пробовала собственными силами ликвидировать советскую власть.

К концу 1918 г. Антанта добилась колоссальных успехов. Германия лежала у ног победителей. Австрия, Венгрия, Болгария, Турция покорно ждали своей участи. Завершалась дипломатическая изоляция Советской России. Революционная страна была отделена окопами и заграждениями от всего мира. Иностранные войска вместе с русскими белогвардейцами с боем продвигались к центру Советской России. Всемогущий блок Антанты, казалось, мог беспрепятственно приступить к перекройке карты мира и закрепить дипломатическими соглашениями то, что добыто было силой оружия.

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 269.

БИБЛИОГРАФИЯ

Составлена: к главам I—XIII проф. В. М. Хвостовым; к главам XIV—XVII Сектором истории Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР. Библиографическая редакция К. Р. Симона и Л. А. Гелешевой.

I. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Классики марксизма-ленинизма

- Ленин, В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. XIX, стр. 67—175.
- Ленин, В. И.* II конгресс Коммунистического интернационала 19 июля — 6 августа 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 331—383.
- Ленин, В. И.* Война и революция. Лекция 27 (14) мая 1917 г. Соч. Т. XXX, стр. 332—351.
- Ленин, В. И.* Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года. «Тетради по империализму». [М.] 1939, стр. 622—639.
- Сталин, И. В.* Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете в начале апреля 1924 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е. [М.] 1939, стр. 1—77.
- Сталин, И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 4-е. М. 1944, 159 стр.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).* Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] 1942, стр. 154 — 236.

б) Источники

- Гримм, Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. (1842—1925). М. 1927. 218, III стр. (Труды Московского института востоковедения).
- Мартенс, Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. 2. Трактаты с Австрией. 1849—1878. Спб. 1878. Т. VIII. Трактаты с Германией. 1825—1888. Спб. 1888. Т. XII. Трактаты с Англией. 1832—1895. Спб. 1898. Т. XV. Трактаты с Францией. 1822—1906. Спб. 1909.
- Международная политика* новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. I. От Французской революции до империалистической войны. М. 1925. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1926.
- Международные отношения* в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Серия 2-я. 1900—1913. Т. 18, 19, 20. [М.] 1938—1940. Серия 3-я. 1914—1917. Т. 1—10. [М.] 1931—1938.
- Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами (1774—1906).* С введением и примечаниями В. Н. Александренко. Варшава 1906. VIII, 586, VI стр.
- Clercq, J. et A.* Recueil des traités de la France, publiés sous les auspices du ministère des affaires étrangères. Т. XI—XXIII. 1872—1906. Paris 1880—1919.
- A collection of neutrality laws, regulations and treaties of various*

- countries. Ed. and annot. by F. Deak and Ph. C. Jessup. Vol. 1—2. Washington 1939. (Publications of the Carnegie endowment for international peace. Division of international law).
- Documents diplomatiques français, 1871—1914.* Paris. 1-re série (1871—1900). T. 1—8, 1929—1936. 2-me série (1901—1914). T. 1—7, 1931—1937. 3-me série (1912—1914). T. 1—11, 1929—1931.
- Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914.* Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd 1—40. Berlin 1922—1927.
- Pribram.* Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns, 1879—1914. Bd 1—2. Wien 1920.

в) Исторические обзоры

- Зайончковский, А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. С предисл. и под ред. М. П. Павловича. [Л.] 1926. 401 стр. (Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн).
- Зайончковский, А. М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М. 1926. 425 стр. (Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн).
- Новая история.* Ч. 2. Под ред. Е. В. Тарле и др. От франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (1870—1918). М. 1939. 602 стр. (Академия наук СССР. Институт истории).
- Тарле, Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг. Изд. 2-е, доп. М.—Л. 1928. 511 стр.
- Bourgeois, E.* Manuel historique de politique étrangère. T. IV. La politique mondiale. 1878—1919. Empires et nations. 2-me éd. Paris 1927. VI, 836 p.
- Carroll, E. M.* French public opinion and foreign affairs, 1870—1914. [Publ. for] The American historical association. New York [1931]. VIII, 348 p.
- Carroll, E. M.* Germany and the Great powers. 1866—1914. A study in public opinion and foreign policy. New York 1938. XV, 852 p.
- The Cambridge history of British foreign policy, 1783—1919.* Ed. by A. W. Ward and G. P. Gooch. Vol. 3. 1866—1919. London 1923. XIX, 664 p.
- Debidour, A.* Histoire diplomatique de l'Europe [A — B]. Paris 1926—1929. [A]. Depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin (1814—1878). Pt. 2. 1926. [B]. Depuis le Congrès de Berlin jusqu'à nos jours. Pt. 1—2. 1929.
- Gooch, G. P.* History of modern Europe, 1878—1919. London 1923. VII, 728 p. (Перевод: Гуч, Г. П. История современной Европы. Сокращ. перев. с англ. Ю. Соловьёва и Н. Ждановой. Предисл. Ф. А. Ротштейна. [М.—Л.] 1925. VIII, 291 стр.).
- Grant, A. J. and Temperley, H. W.* Europe in the nineteenth century (1789—1914). London — New York 1927. XXI, 569 p.
- Hauser, H.* Histoire diplomatique de l'Europe (1871—1914). Vol. 1—2. Paris 1929.
- Moon, P. Th.* Imperialism and world politics. New York 1927. XIV, 583 p. (Перевод: Мун, П. Т. Империализм и мировая политика. Перев. С. Вальского. [М.—Л.] 1928. 430 стр.).
- Renouvin, P.* La crise européenne et la grande guerre (1904—1918). Paris 1934. (Peuples et civilisations. Histoire générale. Publ. sous la direction de L. Halphen et Ph. Sagnac. T. 19).
- Renouvin, P.* [et autr.]. La paix armée et la grande guerre (1871—1919). Paris 1939. XXVIII, 684 p. (Clio. Introduction aux études historiques. L'époque contemporaine. II).
- Sontag, R. J.* European diplomatic history, 1871—1932. New York — London 1933. XI, 425 p.

II. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ I—VI

а) Классики марксизма-ленинизма

- Маркс, К.* Комитету германской социал-демократической рабочей партии. «Архив Маркса и Энгельса». Т. I—VI, стр. 377—380.
- Энгельс, Ф.* Официозный вой о войне. — Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. XV, стр. 205—213.
- Энгельс, Ф.* Может ли Европа разоружиться? — Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. XVI, ч. II, стр. 335—360.
- Энгельс, Ф.* Внешняя политика русского царизма. — Маркс, К. и Энгельс, Ф. Сочинения. Т. XVI, ч. II, стр. 3—40.
- Сталин, И. В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». «Большевик». 1941. № 9, стр. 1—5.
- Сталин, И. В.* Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма». Изд. 5-е. [М.—Л.] 1928, стр. 342—344.

б) Источники: документы, переписка, мемуары и т. п.

- Вильгельм Прусский.* Четыре письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. Предисл. А. Н. Савина. «Красный архив». 1922. Т. 2, стр. 118—129.
- Европейский конгресс великих держав в Берлине в 1877 г. после русско-турецкой войны 1877 г.* [М.] 1878. 32 стр.
- Ламздорф, В. Н.* Дневник (1886—1890). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. [Перев. с франц.] [М.—Л.] 1926. X, [2], 396 стр. (Центр-архив. Мемуары и дневники царских сановников).
- Ламздорф, В. Н.* Дневник (1891—1892). Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. Подготовил к печати В. М. Хвостов. Перев. с франц. Ю. Я. Соловьёва. [М.—Л.] Academia 1934. XVI, 408, [3] стр.
- Ламздорф, В. Н.* Дневник (1894—1895). Предисл. Ф. А. Ротштейна. [Перев. с франц.] «Красный архив». 1931. Т. 3 (46), стр. 3—37.
- Нелидов, А. И.* Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. Предисл. В. М. Хвостова. «Красный архив». 1931. Т. 3 (46), стр. 179—187.
- Павлов, П. П.* Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. Предисл. В. Коларова. М. 1935. XXIII, 240 стр.
- Русско-германские отношения.* Секретные документы. «Красный архив». 1922. Т. I, стр. 3—208.
- Скобелев, М. Д.* Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. Предисл. Е. В. Тарле. «Красный архив». 1928. Т. 2 (27), стр. 215—225.
- Франко-германский кризис 1875 г.* Предисл. А. Ерусалимского. «Красный архив». 1938. Т. 6 (91), стр. 106—109.
- Шувалов, П. А.* П. А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. Предисл. В. М. Хвостова. «Красный архив». 1933. Т. 4 (59), стр. 82—109.
- Accounts and papers. State papers.* [«Blue books»]. London 1876—1878. (Great Britain. Parliament. Sessional papers). For the year 1876 — vol. 84; for the year 1877 — vol. 90—92; for the year 1878 — vol. 81—83.
- France. Ministère des affaires étrangères.* Documents diplomatiques. Affaires d'Orient. 1875—1876—1877. Appendice. Conférence de Constantinople. [Décembre 1876—janvier 1877]. Paris 1877. 377, 153 p.
- Österreich-Ungarn. Ministerium des Äussern.* Aktenstücke aus den Korrespondenzen des K. u. K. Ministeriums des Äussern über orientalische Angelegenheiten («Rotbücher»). Wien 1878. Vom 16. Mai 1873 bis 31. Mai 1877. Vom 7. April 1877 bis 3. November 1878.
- Saburov, P. A.* The Saburov memoirs of Bismarck and Russia. Cambridge 1929. X, 304 p.
- Staal, G. F. Ch.* Correspondance diplomatique de M. de Staal [1884 — 1900]. Publ. par A. Meyendorff. T. 1—2. Paris 1929.
- Temperley, H. W. V. and Penson, L. M.* Foundations of British foreign

- policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or Documents, old and new. Select. and ed. with historical introd. Cambridge 1938. XXX, 573 p.
- Unprinted documents.* Russo-British relations during the Eastern crisis. Ed. by R. W. Seton-Watson. «Slavonic review». 1924—1926. Vol. 3—4.
- Victoria, queen.* The letters of Queen Victoria. Second series. A selection from Her Majesty's correspondence and journal between the years 1862 and 1885... Ed. by G. E. Buckle. Vol. 2, 1870—1878. London 1926; vol. 3, 1879—1885. London 1928.
- Victoria, queen.* The letters of Queen Victoria. Third series. A selection from Her Majesty's correspondence and journal between the years 1886 and 1901. Ed. by G. E. Buckle. Vol. 1. 1886—1890. London 1930.
- Игнатъев, Н. П.* Записки графа Н. П. Игнатъева [1875—1877]. «Исторический вестник». 1914. Т. 135, январь, стр. 49—75; февраль, стр. 441—462; март, стр. 805—836. Т. 136, апрель, стр. 50—85; май, стр. 430—468; июнь, стр. 825—863; июль, стр. 54—93.
- Игнатъев, Н. П.* Записки графа Н. П. Игнатъева 1864—1874. Пг. 1916. 283 стр. Загл. на франц. и русск. яз.; текст на франц. яз. Отд. отг. из «Известий Министерства иностранных дел» за 1914—1915 гг.
- Игнатъев, Н. П.* Поездка графа Н. П. Игнатъева по европейским столицам перед войной 1877—1878 гг. (С примечаниями П. Д. Воейкова). «Русская старина». 1914. Т. 157, март, стр. 491—516. Т. 158, апрель, стр. 4—19; май, стр. 238—246; июнь, стр. 443—458. Т. 159, июль, стр. 5—18; август, стр. 156—206; сентябрь, стр. 402—407.
- Карцов, Ю. С.* За кулисами дипломатии. [Спб.] 1908. IV, 69 стр.
- Billot, A.* La France et l'Italie, histoire des années troubles, 1881—1899. T. 1—2. Paris 1905.
- Bismarck, O.* Gedanken und Erinnerungen. Bd 1—3. New York — Stuttgart 1898—1922. (Перевод: Бисмарк, О. Мысли и воспоминания. Перев. с нем. Под ред. А. С. Ерусалимского. Т. 1—3, [М.] (1940—1941).
- Blowitz, H. S.* My memoirs. London 1903. 366 p.
- Blunt, W.* Secret history of the English occupation of Egypt. Being a personal narrative of events. London 1907. XII, 606 p.
- Brogie, La mission de M. de Gontaut-Biron à Berlin, 1872—1873 («Correspondant»).* Paris 1895, 25 juillet, 25 août et 10 octobre.
- Bülow, B.* Denkwürdigkeiten. Hrsg. von F. von Stockhammern. Bd 4. Jugend- und Diplomatensjahre. Berlin [1931]. XIII, 732 S.
- Crispi, F.* The memoirs of Francesco Crispi, tr. by M. Prichard-Agnetti from the documents collected and ed. by Th. Palamenghi-Crispi. Vol. 1—3. London 1912—1914.
- Cromer, E. B.* Modern Egypt. Vol. 1—2. London 1908.
- Cyon, E.* Histoire de l'Entente franco-russe. Documents et souvenirs 1886—1894. Paris 1895.
- Dreux, A.* Dernières années de l'ambassade en Allemagne de M. de Gontaut-Biron 1874—1877 d'après ses notes et papiers diplomatiques. Paris 1907. XI, 391 p.
- Elliot, H. G.* Some revolutions and other diplomatic experiences. London 1922. 315 p.
- Freycinet, C.* La question d'Egypte... Paris [1905]. 451 p.
- Freycinet, C.* Souvenirs. 1878—1893. Paris 1913. 516 p.
- Gontaut-Biron, E.* Mon ambassade en Allemagne 1872—1873. Avec avant-propos et notes par A. Dreux. Paris 1906.
- Hohenlohe-Schillingsfürst, Ch.* Denkwürdigkeiten... Hrsg. von F. Curtius. Bd 1—2. Stuttgart — Leipzig 1907.
- Loftus.* Diplomatic reminiscences. 2-d series. 1862—1879. Vol. 1—2. London 1894.
- Lucius von Ballhausen.* Bismarck-Erinnerungen des Staatsministers Freiherrn Lucius von Ballhausen. 4—6. Aufl. Stuttgart — Berlin 1921. XII, 622 S.

- Radowitz, J. M.* Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz. Hrsg. von H. Holborn. Bd 1, 1839—1877; Bd 2, 1878—1890. Stuttgart—Berlin 1925.
- Sabourov, P. A.* Russie, France, Allemagne (1870—1880). «La Revue de Paris», 1912, mars—avril. T. 2, p. 242—256.
- Schweinitz, H. L.* Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Bd 1—2. Berlin [1927].
- Toutin, E.* Alexandre III et la République française. Souvenirs d'un témoin. 1885—1888 (4-me éd.). Paris [1929]. II, 395 p.
- Waldersee, A.* Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee. Bearb. und hrsg. von H. O. Meisner. Bd 1—3. Stuttgart—Berlin 1923—1925.

в) Исторические исследования

- Анучина, А. С.* Берлинский конгресс 1878 года. Спб. 1912. 116 стр.
- Горяинов, С.* Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Государственном и С.-Петербургском главном архивах. Спб. 1902. V, 355 стр.
- Ерусалимский, А. С.* Военная тревога 1875 года. «Учёные записки Института истории РАН ИОН». 1928. Т. 6, стр. 146—184.
- Жигарёв, С.* Русская политика в восточном вопросе. (Её история в XVI—XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1—2. М. 1896. (Из Учёных записок императорского Московского университета. Отдел юридический, вып. 11).
- Мартенс, Ф. Ф.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874—1878. Спб. 1879. VIII, 596, 46 стр.
- Мартенс, Ф. Ф.* Россия и Англия в Средней Азии... С измен. и доп. автора. Перев. К. Ф. Таубе. Спб. 1880. IV, 91 стр.
- Муратов, X.* Роль Англии в «восточном кризисе». «Историк-марксист». 1940. Кн. 7, стр. 65—81.
- Ротштейн, Ф. А.* Захват и закабаление Египта. Перев. с англ. под ред. и с доп. автора. М.—Л. 1925. 308 стр.
- Скавкин, С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. Т. 1. 1879—1884. М. 1928. XI, 356 стр. (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт истории).
- Татищев, С. С.* Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. Спб. 1890. XV, 567 стр.
- Хвостов, В. М.* Кризис внешней политики Бисмарка. «Историк-марксист». 1934. Т. 5 (39), стр. 33—55.
- Albin, P.* L'Allemagne et la France en Europe (1885—1894). Paris 1913. X, 400 p. (La paix armée).
- Argull.* The Eastern question. Vol. 1—2. London 1879.
- Becker, O.* Bismarck und die Einkreisung Deutschlands. Bd I, Bismarcks Bündnispolitik. Berlin 1923. VII, 154 S.
- Charmatz, R.* Geschichte der auswärtigen Politik Österreichs im 19. Jahrhundert. Bd 1—2. 2. veränderte Aufl. Leipzig—Berlin 1918.
- Chiala.* Pagina di storia contemporanea. Vol. 1—3. Torino 1895—1898.
- Chirol, V.* Middle eastern question. London 1904.
- Darmstädter, P.* Geschichte der Aufteilung und Kolonisation Afrikas seit dem Zeitalter der Entdeckungen. Bd 2. Geschichte der Aufteilung Afrikas 1870—1919. Berlin—Leipzig 1920. VI, 176 S. (Перевод: *Дармштеттер, П.* История раздела Африки (1870—1919 гг.). Перев. с нем. М. Качачёва. М.—Л. 1925. 179 стр. (Библиотека международной политики. Под общ. ред. Ф. А. Ротштейна).

- Daudet, E.* Histoire diplomatique de l'alliance franco-russe, 1873—1893. 3-me éd. Paris 1894. IV, 339 p.
- Despagnet, F.* La diplomatie de la Troisième république et le droit des gens. Paris 1904.
- Fuller, J. V.* Bismarck's diplomacy at its zenith. Cambridge 1922. XII, 368 p.
- Fuller, J. V.* The war scare of 1875. «American historical review». 1919, January.
- Gooch, G. P.* Franco-German relations 1871—1914. London 1928. 64 p.
- Gorjainov, S.* The end of the alliance of the emperors. «American historical review». 1918. Vol. XXIII. № 2, p. 324—349.
- Hagen, M.* Bismarcks Kolonialpolitik. Stuttgart 1923. XXVI, 593 S.
- Harris, D.* Diplomatic history of the Balkan crisis of 1875—1878; the first year. London — New York 1936. VIII, 474 p. (Hoover war library publ. № 11).
- Heller, E.* Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis in Bismarcks Aussenpolitik... Berlin 1925. VIII, 148 S.
- Helms, A.* Bismarck und Russland. Inaug.-Dissertation... Bonn 1927. 203 S.
- Herzfeld, H.* Deutschland und das geschlagene Frankreich 1871—1873. Friedensschluss. Kriegsentschädigung. Besatzungszeit. Berlin 1924. X, 300 S.
- Holborn, H.* Bismarcks europäische Politik, zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz... Mit ungedruckten Urkunden aus dem politischen Archiv des Auswärtigen Amtes und dem Nachlass des Botschafters von Radowitz. Berlin 1925. VII, 148 S.
- Italicus* (pseud.). Italiens Dreibundpolitik. 1870—1896. München 1928. 260 S.
- Japikse, N.* Europa und Bismarcks Friedenspolitik (Europa en Bismarck's vredespolitiek). Die internationalen Beziehungen von 1871 bis 1890... Berlin 1927. X, 202 S. (Veröffentlichungen des Niederländischen Comité's zur Untersuchung der Ursachen des Weltkrieges. Bd I).
- Langer, W. L.* The European powers and the French occupation of Tunis, 1878—1881. «American historical review». 1925. Vol. XXXI. № 1, p. 55—78; 1926. Vol. XXXI. № 2, p. 251—265.
- Langer, W. L.* European alliances and alignments. 1871—1890... New York 1931. XIII, 509, XIV p.
- Langer, W. L.* The Franco-Russian alliance. 1890—1894. Cambridge Mass. — London 1929. VIII, 955 p. (Harvard historical studies. Vol. 30).
- Leroy-Beaulieu, A.* La France, la Russie et l'Europe. Paris 1888. IV, 367 p.
- Medlicott, W. N.* The Congress of Berlin and after. A diplomatic history of the Near Eastern settlement, 1878—1880. London 1938. XII, 442 p.
- Medlicott, W. N.* The Mediterranean agreements of 1887. «Slavonic review». 1926. Vol. V. № 13, p. 66—88.
- Nolde, B. E.* L'alliance franco-russe. Les origines du système diplomatique d'avant guerre. Paris 1936, 704 p. (Institut d'études slaves de l'Université de Paris. Collection historique, 7).
- Pinon, R.* France et Allemagne 1870—1913. Nouv. éd. 4-me augmentée d'un chapitre sur les armements. Paris 1913. VIII, 330 p.
- Plehn, H.* Bismarcks auswärtige Politik nach der Reichsgründung. München — Berlin 1920. XII, 381 S.
- Rachfahl, F.* Deutschland und die Weltpolitik, 1871—1914. Bd 1. Die Bismarck'sche Ära. Stuttgart 1923. XIII, 820 S.
- Rosen, G.* Die Stellungnahme der Politik Bismarcks zur Frage der Staatsform in Frankreich von 1871 bis 1890. (Auf Grund der Aktenpublikation des Auswärtigen Amtes)... Detmold 1924, 56 S.
- Rothfels, H.* Bismarcks englische Bündnispolitik... Stuttgart — Berlin 1924. 144 S.

- Rouire, A. M. F.* La rivalité anglo-russe au XIX-e siècle en Asie. Golfe Persique — frontières de l'Inde. Paris 1908. VIII, 298 p. (Перевод: *Рур, А. М. Ф.* Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. Перев. с франц. А. М. Сухотина. [М.] 1924. 180 стр. Социалистическая академия. Кабинет внешних сношений. Библиотека международной политики).
- Salvatorelli, L.* L'Italia nella politica internazionale dell'Era Bismarckiana. «Rivista storica italiana». 1923, aprile.
- Salvemini, G.* La politica estera della Destra. 1871—1876. «Rivista d'Italia». 1924, Novembre 15; 1925, Gennaio 15; Febbraio 15.
- Schefer, Ch.* D'une guerre à l'autre. Essai sur la politique extérieure de la Troisième république (1871—1914). Paris 1920. XI, 371 p.
- Schünemann, K.* Die Stellung Österreich-Ungarns in Bismarcks Bündnispolitik. «Archiv für Politik und Geschichte». 1926. Hft 6, S. 549—593.
- Seton-Watson, R. W.* Disraeli, Gladstone and the eastern question. A study in diplomacy and party politics... London 1935. XV, 590 p. (Studies in modern history).
- Sosnosky, Th.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866... Bd 1—2. Stuttgart — Berlin 1913—1914.
- Sumner, B. H.* Russia and the Balkans. 1870—1880. London 1937. XII, 724 p.
- Taffs, W.* The war scare of 1875. «Slavonic review». 1930. Vol. 9, p. 345—359; 632—649.
- Torre, A.* Come la Francia s'impadronì di Tunisi. «Rivista di Roma». 1899, aprile — maggio.
- Trützschler von Falkenstein.* Bismarck und die Kriegsgefahr des Jahres 1887. Dargestellt auf Grund der Bd 3—6 der grossen Aktenpublikation des Auswärtigen Amtes und mit Benutzung unveröffentlichter Akten des Auswärtigen Amtes und Reichsarchivs. Berlin 1924. XVI, 1555.
- Wahl, A.* Vom Bismarck der siebzigen Jahre. Tübingen 1920. IV, 121 S.

г) Биографии

- Неведенский, С.* Катков и его время... Спб. 1888. XIII, 569 стр.
- Татищев, С. С.,* Имп. Александр II. Его жизнь и царствование... Т. 2. Спб. 1903. XX, 672 стр.
- Cecil, G.* Life of Robert marquis of Salisbury... Vol. 1—4. London 1931—1932.
- Churchill, W.* Lord Randolph Churchill. Vol. 1—2. London — New York 1906.
- Edwards, H.* Sir William White... For six years ambassador at Constantinople. His life and correspondence... London 1902. VII, 284 p.
- Elliot, A. R. D.* Life of George Joachim Goschen, first viscount Goschen. 1831—1907. Vol. 1—2. London 1911.
- Fitzmaurice, E. G. P.* Life of Granville... Vol. 1—2. London 1905.
- Flourens, E.* Alexandre III. Sa vie, son oeuvre. Paris 1894. 364 p.
- Gwynn, S. L. and Tuckwell, G. M.* Life of the Right Honorable Sir Ch. W. Dilke. Vol. 1—2. London — New York 1917.
- Midhat bey.* Midhat-pacha. Sa vie — son oeuvre par son fils Ali Haydar Midhat bey. Préf. de J.-L. de Lannessan. Paris 1908. XXIII, 263 p.
- Монмуффену, W. F. and Buckle, G. E.* The Life of Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield. Vol. 1—6. London — New York 1910—1920.
- Newton, T. W.* Lord Lyons. A record of British diplomacy. Vol. 1—2. London 1913.
- Rimbaud, A.* Jules Ferry. Paris 1903. XXVIII, 553 p.
- Rosi, Cairolì.* Vol. 1—2. Bologna 1929.
- Wertheimer, E.* Graf Julius Andrassy, sein Leben und seine Zeit. Nach ungedruckten Quellen... Bd 1—3. Stuttgart 1910—1913.

III. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ VII—XIII

а) Классики марксизма-ленинизма

- Ленин, В. И. Китайская война. Соч. Т. IV, стр. 60—64.
- Ленин, В. И. Падение Порт-Артура. Соч. Т. VII, стр. 44—50.
- Ленин, В. И. Европейский капитал и самодержавие. Соч. Т. VII, стр. 175—180.
- Ленин, В. И. Горючий материал в мировой политике. Соч. Т. XII, стр. 304—309.
- Ленин, В. И. Воинствующий милитаризм и антимилиитаристическая тактика социал-демократии. Соч. Т. XII, стр. 311—319.
- Ленин, В. И. События на Балканах и в Персии. Соч. Т. XII, стр. 357—365.
- Ленин, В. И. Балканские народы и европейская дипломатия. Соч. Т. XVI, стр. 158.
- Ленин, В. И. О лисе и курятнике. Соч. Т. XVI, стр. 159—160.
- Ленин, В. И. Новая глава всемирной истории. Соч. Т. XVI, стр. 175.
- Ленин, В. И. Социальное значение сербско-болгарских побед. Соч. Т. XVI, стр. 186—187.
- Ленин, В. И. Обновлённый Китай. Соч. Т. XVI, стр. 188—189.
- Ленин, В. И. Крупный успех Китайской республики. Соч. Т. XVI, стр. 354—355.
- Ленин, В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм. Соч. Т. XVI, стр. 356—357.
- Ленин, В. И. Пробуждение Азии. Соч. Т. XVI, стр. 383—384.
- Ленин, В. И. Отсталая Европа и передовая Азия. Соч. Т. XVI, стр. 395—396.
- Ленин, В. И. Вооружения и капитализм. Соч. Т. XVI, стр. 405—406.
- Ленин, В. И. Задачи революционной социал-демократии в Европейской войне. Соч. Т. XVIII, стр. 44—46.
- Ленин, В. И. Реферат на тему: «Пролетариат и война». 14 (1) октября 1914 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XVIII, стр. 49—53.
- Ленин, В. И. Война и Российская социал-демократия. Соч. Т. XVIII, стр. 57—66.
- Ленин, В. И. О национальной гордости великороссов. Соч. Т. XVIII, стр. 80—83.
- Ленин, В. И. Русские вюдекумы. Соч. Т. XVIII, стр. 91—95.
- Ленин, В. И. Конференция заграничных секций Р.С.-Д.Р.П. Соч. Т. XVIII, стр. 124—128.
- Ленин, В. И. Социализм и война. Отношение Р.С.-Д.Р.П. к войне. Соч. Т. XVIII, стр. 185—223.
- Ленин, В. И. Вопрос о мире. Соч. Т. XVIII, стр. 226—229.
- Ленин, В. И. О лозунге Соединённых Штатов Европы. Соч. Т. XVIII, стр. 230—233.
- Ленин, В. И. Крах II Интернационала. Соч. Т. XVIII, стр. 235—281.
- Ленин, В. И. О «программе мира». Соч. Т. XIX, стр. 49—54.
- Ленин, В. И. Предложения Центрального комитета Р.С.-Д.Р.П. 2-ой социалистической конференции. Соч. Т. XIX, стр. 57—63.
- Ленин, В. И. О сепаратном мире. Соч. Т. XIX, стр. 280—286.
- Ленин, В. И. О лозунге «разоружения». Соч. Т. XIX, стр. 314—322.
- Ленин, В. И. Военная программа пролетарской революции. Соч. Т. XIX, стр. 323—332.
- Ленин, В. И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Соч. Т. XIX, стр. 359—378.
- Ленин, В. И. Поворот в мировой политике. Соч. Т. XIX, стр. 379—386.
- Ленин, В. И. Документы и материалы. Соч. Т. XIX, стр. 429—445.
- Ленин, В. И. Война и Временное правительство. Соч. Т. XX, стр. 149—150.
- Ленин, В. И. Нота Временного правительства. Соч. Т. XX, стр. 207—208.

- Ленин, В. И.* Добросовестное оборончество показывает себя. Соч. Т. XX, стр. 218—220.
- Ленин, В. И.* Всероссийская Апрельская конференция Р.С.-Д.Р.П. Соч. Т. XX, стр. 237—283.
- Ленин, В. И.* Тайны внешней политики. Соч. Т. XX, стр. 357—358.
- Ленин, В. И.* Один из тайных договоров. Соч. Т. XX, стр. 359—360.
- Ленин, В. И.* I Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. 16 (3) июня — 6 июля (23 июня) 1917 г. Соч. Т. XX, стр. 477—499.
- Ленин, В. И.* Третьеиюньские зубры за немедленное наступление. Соч. Т. XX, стр. 500—501.
- Ленин, В. И.* Есть ли путь к справедливому миру? Соч. Т. XX, стр. 503—504.
- Ленин, В. И.* Задачи революции. Соч. Т. XXI, стр. 221—228.
- Ленин, В. И.* Кризис назрел. Соч. Т. XXI, стр. 235—241.
- Ленин, В. И.* Письмо к товарищам. Соч. Т. XXI, стр. 334—349.
- Ленин, В. И.* Письмо к членам партии большевиков. Соч. Т. XXI, стр. 350—352.
- Ленин, В. И.* О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии. Соч. Т. XXVII, стр. 101—106.
- Ленин, В. И.* Конец войны Италии с Турцией. Соч. Т. XXX, стр. 201.
- Ленин, В. И.* Тезисы о войне. Соч. Т. XXX, стр. 218—220.
- Сталин, И. В.* Приказ Верховного Главнокомандующего 23 февраля 1944 года № 16, г. Москва. [М.] 1944. 15 стр.
- Сталин, И. В.* 27-ая годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1944 г. М. 1944. 31 стр.

б) Источники: документы, переписка, мемуары и т. п.

- Англо-русское соперничество в Персии в 1890—1906 гг.* [Подготовил к печати А. Л. Попов]. «Красный архив». 1933. Т. 1 (56), стр. 33—64.
- Боксёрское восстание.* [Предисл. А. Л. Попова]. «Красный архив». 1926. Т. 1 (14), стр. 4—49.
- Вильгельм II.* Переписка Вильгельма II с Николаем II 1894—1914 гг. М. — Пг. [1923]. VIII, 198 стр. (Центрархив).
- С. Ю. Витте;* французская пресса и русские займы. [Предисл. Е. В. Тарле]. «Красный архив». 1925. Т. 10, стр. 36—40.
- Документы,* касающиеся заключения между Россией и Японией общеполитического соглашения 17/30 июля 1907 года. Спб. 1907. 15 стр. (Министерство иностранных дел).
- Документы по* переговорам с Японией 1903—1904 гг., хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. Спб. 1905. 50 стр.
- Европейские державы и Греция* в эпоху мировой войны по секретным материалам б. Министерства иностранных дел с прил. копий дипломатических документов. Под ред. и с вступ. статьей Е. А. Адамова. М. 1922. 239, V стр.
- Европейские державы и Турция* во время мировой войны. Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. I—II. М. 1925—1926.
- Зайончковский, А. М.* Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. «Красный архив». 1925. Т. 3 (10), стр. 41—53.
- Захват* Германией Киао-чао в 1897 г. [Предисл. Ф. А. Ротштейна]. «Красный архив». 1938. Т. 2 (87), стр. 19—68.
- Из эпохи* японо-китайской войны 1894—1895 гг. «Красный архив». 1932. Т. 1—2 (50—51), стр. 3—62.
- И истории* первой Гаагской конференции 1899 г. [Предисл. Л. Телешевой]. «Красный архив». 1932. Т. 1—2 (50—51), стр. 64—96.

- К переговорам Коковцева о займе в 1905—1906 гг.* [Предисл. Б. А. Романова]. «Красный архив». 1925. Т. 3 (10), стр. 3—35.
- Коковцев, В. Н.* Переписка... с Эд. Нецлиным. [Предисл. Ф. А. Ротштейна]. «Красный архив». 1923. Т. 4, стр. 131—158.
- Конец русско-японской войны.* (Военное совещание 24 мая 1905 г. в Царском Селе). [Предисл. Б. А. Романова]. «Красный архив». 1928. Т. 3 (28), стр. 182—204.
- Конференция союзников в Петрограде в 1917 году.* [Предисл. Е. Мартынова]. «Красный архив». 1927. Т. 1 (20), стр. 39—55.
- Мартенс, Ф. Ф.* Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». [Предисл. А. Ивина]. «Красный архив». 1927. Т. 1 (20), стр. 175—185.
- Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.* Сборник секретных дипломатических документов бывш. императорского Российского министерства иностранных дел. М. 1922. 720 стр.
- Международное финансовое положение царской России во время мировой войны.* (Доклад А. И. Шингарёва в Военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г.). «Красный архив». 1934. Т. 3 (64), стр. 3—30.
- Милюков, П. Н.* Дневник... «Красный архив». 1932. Т. 5—6 (54—55), стр. 3—48.
- Милюков, П. Н. и Терещенко, М. И.* Переписка... с послами Временного правительства. С предисл. А. Л. Попова. «Борьба классов». 1931. № 5, стр. 84—88.
- Накануне русско-японской войны.* (Декабрь 1900 — январь 1902 г.). «Красный архив». 1934. Т. 2 (63), стр. 3—54.
- Новые документы об Алхесирасской конференции и займе 1906 г.* «Красный архив». 1931. Т. 1 (44), стр. 161—165.
- Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.).* [Предисл. А. Л. Попова]. «Красный архив». 1932. Т. 3 (52), стр. 34—124.
- Портсмут.* [Предисл. Б. А. Романова]. «Красный архив». 1924. Т. 6, стр. 3—47; т. 7, стр. 3—31.
- Портсмутский договор.* М. 1939. 15 стр. (Политуправление РККА...).
- Проект захвата Босфора в 1896 г.* [Предисл. В. М. Хвостова]. «Красный архив». 1931. Т. 4—5 (47—48), стр. 50—70.
- Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. Министерства иностранных дел.* Под ред. Е. А. Адамова. М. 1924. 383 стр. (Европейские державы и Турция во время мировой войны).
- Россия и Алхесирасская конференция.* [Предисл. А. Ерусалимского]. «Красный архив». 1930. Т. 4—5 (41—42), стр. 3—61.
- Русско-германский договор 1905 года, заключённый в Бьёрке.* [Документы]. «Красный архив». 1924. Т. 5, стр. 5—49.
- Сазонов, С. Д.* Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910—1912 гг. «Красный архив». 1923. Т. 3, стр. 5—28.
- Синяя книга.* Сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года. Перев. Н. М. Лагова. Пг. 1915. 56 стр.
- Татищев, С. С.* Донесения из Берлина С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. «Красный архив». 1926. Т. 4 (17), стр. 186—192.
- Финансовые совещания союзников во время войны.* (Доклады министра финансов П. Л. Барна). «Красный архив». 1924. Т. 5, стр. 50—81.
- Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г.* [Предисл. М. Н. Покровского]. «Красный архив». 1926. Т. 5 (18), стр. 3—29.
- Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.* [Предисл. А. Л. Попова]. «Красный архив». 1929. Т. 6 (37), стр. 3—68.
- Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны.* [Предисл. А. Л. Попова]. «Красный архив». 1933. Т. 4 (53), стр. 3—30.
- Царское правительство о проблеме проливов в 1898—1911 гг.* [Предисл. В. М. Хвостова]. «Красный архив». 1933. Т. 6 (61), стр. 135—140.
- L'alliance franco-russe. Origines de l'alliance, 1890—1893. Convention*

- militaire 1892—1899 et convention navale 1912. Paris 1918. X, 439 p. (France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques).
- Bayerische Dokumente* zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuld-spruch im Auftrage des Bayerischen Landtages. Hrsg. vom Abgeordneten P. Dirr... München u. Berlin 1922. IX, 497 S.
- British documents on the origins of the war, 1898—1914.* Ed. by G. P. Gooch... and H. Temperley. Vol. 1—11. London 1926—1938.
- Die deutschen Dokumente* zum Kriegsausbruch 1914. Vollständige Sammlung der von K. Kautsky zusammengestellten Aktenstücke mit einigen Ergänzungen im Auftrage des Auswärtigen Amtes nach gemeinsamer Durchsicht mit K. Kautsky hrsg. von M. Montgelas und W. Schücking. Neue durchgesehene und verm. Ausg. Bd 1—4. Berlin 1927. (Deutschland. Auswärtiges Amt).
- Diplomatische Aktenstücke* zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Wien 1915. XII, 115 S. (Österreich-Ungarisches Rotbuch). (Österreich-Ungarn. K. u. k. Ministerium des Aussen).
- Diplomatische Aktenstücke* zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum Österreich-Ungarischen Rotbuch. Bd 1—3. Wien 1919 (Republik Österreich. Staatsamt für Aussen).
- Hertslet, E.* The map of Africa by treaty. 3d ed. Rev. and completed to the end of 1908 by R. W. Brant and H. L. Sherwood. Vol. 1—3. London 1909 [1st ed. 1896].
- House, E. M.* The intimate papers of colonel House arranged as a narrative by Ch. Seymour. Vol. 1—4. Boston — New York 1926—1928. (Перевод: Хауэ, Э. Архив полковника Хауэа. [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914—1917 гг.]. Подготовлен к печати Ч. Сеймуром. Перев. с англ. Т. 1—4. М. 1937—1945).
- The Lansing papers, 1914—1920...* Vol. 1—2, Washington 1939—1940. (United States. Department of State. Papers relating to the foreign relations of the United States).
- 1914—1918. World War. Vol. 1—8, Washington [1922—1929]. (United States. Department of State. Papers relating to the foreign relations of the U. S.)
- Österreich-Ungarns Aussenpolitik* von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Aussen. Ausgewählt von L. Bittner [und and.]. Bd 1—9. Wien — Leipzig 1930.
- Tirpitz, A.* Politische Dokumente. Bd 1—2. Stuttgart und Berlin 1924—1926.
- Victoria, queen.* The letters of Queen Victoria. Third series. A selection from Her Majesty's correspondence and journal between the years 1886 and 1901. Ed. by G. E. Buckle. Vol. 2—3. London 1931—1932.
- Zur europäischen Politik* 1897—1914. Unveröffentlichte Dokumente. Im amtlichen Auftrage hrsg. unter Leitung von B. Schwerdtfeger. Bd 1—5. Berlin 1919. [Документы бельгийского Министерства иностранных дел, захваченные и изданные немцами].
- Vitte, С. Ю.* Воспоминания. Т. 1—3. Л. 1923—1924.
- Русско-японская война.* Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л. 1925. VII, 190 стр.
- Aldrovandi Marescotti, L.* Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario (1914—1919). Milano 1938. 477 p. (Перевод: Альдрованди Марескотти. Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919). М. 1944. 391 стр. Библиотека внешней политики).
- Bertie, F. L.* The diary of lord Bertie of Thame. Ed. by A. G. Lennox. With a foreword by Grey of Fallodon. Vol. 1—2. London [1924]. (Перевод: Берти, Ф. Л. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. Перев. и примеч. Е. С. Берковича. М.—Л. 1927. 230 стр.).
- Bethmann-Hollweg, Th.* Betrachtungen zum Weltkriege. Т. 1—2. Ber-

- lin 1919—1921. (Перевод: *Бетман-Гольвег, Т.* Мысли о войне. Перев. с нем. В. Н. Дьякова. С предисловием В. Гурко-Кряжина. М. — Л. 1925. XIII, 3, 120 стр.).
- Blunt, W. S.* My diaries. Being a personal narrative of events 1888—1914. With a foreword by lady Gregory. Pt. 1—2. New York 1919—1923.
- Bogitschewitsch, M.* (Bogićević). Kriegsursachen. Beiträge zur Erforschung der Ursachen des europäischen Krieges mit spezieller Berücksichtigung Russlands und Serbiens. Zürich 1919. 182 S. (Франц. перевод автора: *Boghitchewitch, M.* Les causes de la guerre. Tr. par l'auteur. Avant-propos par G. Demartial. Paris [1925]. 254 p. (Cahiers internationaux).
- Buchanan.* My mission to Russia. Vol. 1—2. Boston 1923. (Перевод: *Бьюкенен*, Мемуары дипломата. Перев. с англ. С. А. Алексеева и А. И. Рубена. Предисл. В. Гурко-Кряжина. Изд. 2, М. [б. г.]. 311 стр.).
- Bülow, B.* Denkwürdigkeiten. Hrsg. von F. Stockhammer. Bd 1—3. Berlin [1930—1931]. (Перевод: *Бюлов, Б.* Воспоминания [1914—1918]. Перев. с нем. Под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М. — Л. 1935. 562 стр.).
- Burian, S.* Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung im Kriege. Berlin 1923. 333 S.
- Caillaux, J.* Agadir: ma politique extérieure. Paris [1919]. VII, 243 p.
- Churchill, W.* The world crisis... New York 1931. XII, 866 p. (Перевод: *Черчилль, У.* Мировой кризис. Перев. с предисл. И. И. Минца. М. — Л. 1932. XIX, 328 стр.).
- Conrad von Hötzenhoff, F.* Aus meiner Dienstzeit. 1906—1918. Bd 1—5. Wien—Berlin 1921—1925.
- Czernin, O.* Im Weltkriege. 2. Aufl. Berlin und Wien 1919. X, 427 S. (Перевод: *Чернин, О.* В дни мировой войны. Мемуары. Перев. с нем. С предисл. М. П. Павловича. М. — Пг. 1923. 295 стр.).
- Eckardstein, H.* Lebenserinnerungen und politische Denkwürdigkeiten. Bd 1—3. Leipzig. 1919—1921.
- Eulenburg-Hertefeld, Ph.* Aus 50 Jahren. Erinnerungen, Tagebücher und Briefe aus dem Nachlass des Fürsten Philipp zu Eulenburg-Hertefeld. 2. Aufl. Berlin 1925. XIV, 299 S.
- Grey of Fallodon, E.* Twenty-five years 1892—1916. Vol. 1—2. New York 1925—1926.
- Hammann, O.* Bilder aus der letzten Kaiserzeit. Berlin [1922]. 163 S.
- Hammann, O.* Deutsche Weltpolitik. 1890—1912. Berlin 1925. IX, 240 S.
- Hansen, Z.* L'Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim, 1884—1898. Paris 1907.
- Hayashi, T.* The secret memoirs of count Tadasu Hayashi G. C. V. O. Ed. by A. M. Pooley. New York — London 1915. V, 331 p.
- Helfferrich, K.* Der Weltkrieg. Berlin 1919. Bd 1. Die Vorgeschichte des Weltkrieges. 230 S.; Bd 2. Vom Kriegsausbruch bis zum uneingeschränkten U-Bootkrieg. 430 S.
- Hohenlohe-Schillingsfürst, C. K. V.* Denkwürdigkeiten der Reichskanzlerzeit. Hrsg. von K. A. von Müller. Stuttgart — Berlin 1931. IX, 637 S.
- Ishii Kikujiro.* Diplomatic commentaries. Transl. and ed. by W. R. Langdon. Baltimore 1936. XXIV, 351 p. (Перевод: *Исии Кикюдзиро.* Дипломатические комментарии. Перев. с англ. под ред. и с предисл. А. А. Трояновского. М. 1942. XXVIII, 236 стр. Библиотека внешней политики).
- Iswolsky, A.* Recollections of a foreign minister. (Memoirs of A. Iswolsky). Transl. by C. L. Seeger. Garden City and Toronto. 1921. XV, 303 p. (Перевод: *Извольский, А. П.* Воспоминания. Перев. с англ. А. Ф. Сперанского. Пг. — М. 1924. 191 стр.).
- Kiderlen-Wächter.* Der Staatsmann und Mensch. Briefwechsel und Nachlass. Hrsg. von E. Jäckh. Bd 1—2. Stuttgart 1925 (Politische Bücherei).

- Lichnowsky, K. M.* Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften. Bd 1—2. Dresden 1927.
- Lichnowsky, K. M.* Meine Londoner Mission 1912—1914. (Originaltext). Mit einem Vorwort von O. Nippold. Anhang: Erklärungen Sir E. Greys am 3. Aug. 1914. Denkschrift von Muchlon, Erklärungen von Minister Pichon am 1. März 1918. Zürich 1918. 55 S. (Перевод: *Лихновский, К. М.* Моя миссия в Лондоне 1912—1914 гг. Воспоминания кн. Лихновского, б. германского посла в Лондоне. Перев. под ред. и с предисл. Н. Нордмана. [Б. м.] 1918. III, 40 стр. Разоблачения кн. Лихновского).
- Lloyd George, D.* War memoirs. T. 1—6. Boston 1934—1938. (Перевод: *Ллойд Джордж, Д.* Военные мемуары. Т. 1—6. Перев. с англ. И. Звавича. С предисл. Ф. А. Ротштейна. М. 1934—1938).
- Louis, G.* Les carnets de Georges Louis, directeur des affaires politiques au Ministère des affaires étrangères, ambassadeur de France en Russie. Vol. 1—2. Paris 1926.
- Ludendorff, E.* Meine Kriegserinnerungen, 1914—1918. Berlin 1919. VIII, 628 S. (Перевод: *Людendorff, Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Перев. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. Т. 1—2. М. 1923—1924).
- Nekudoff, A.* Souvenirs diplomatiques. En Suède pendant la guerre mondiale. Avec une préf. de G. Hanotaux. Paris 1920. 344 p.
- Paléologue, M.* La Russie des tsars pendant la grande guerre. Vol. 1—3. Paris 1926. (Переводы: *Палеолог, М.* Царская Россия во время мировой войны. Перев. с франц. Предисл. М. П. Павловича. М.—Пг. 1923. 314 стр. *Палеолог, М.* Царская Россия накануне революции. Перев. с франц. Д. Протополова и Ф. Ге. М.—Пг. 1923. 471 стр.).
- Poincaré, R.* Au service de la France. Neuf années de souvenirs. Vol. 1—10. Paris 1926—1933. (Перевод тт. 4—10: *Пуанкаре, Р.* На службе Франции... Воспоминания 1914—1918... 1—2. М. 1936).
- Pourtales, F. L.* Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden. Meine letzten Verhandlungen in Petersburg, Ende Juli 1914. Veröffentlicht mit Genehmigung des Auswärtigen Amtes. Charlottenburg 1919. 94 S. (Перевод: *Пурталес, Ф.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. Перев. с нем. М. Алексеева. Предисл. В. Кряжина. М.—Пг. 1923. 80 стр.).
- Rosen, R.* Fifty years of diplomacy. Vol. 1—2. New York 1922.
- Tirpitz, A.* Erinnerungen... Leipzig 1919. XII, 532 S.
- Wilhelm II, Kaiser.* Ereignisse und Gestalten aus den Jahren 1878—1918. Leipzig—Berlin 1922. 308 S. (Перевод: *Вильгельм II, имп.* Мемуары. События и люди. 1878—1918. Перев. с нем. Д. В. Триуса. С предисл. А. В. Луначарского. М.—Пг. 1923. XX, 177 стр.).

в) Исторические исследования.

- Аваган, В.* Империализм в Манчжурии. Т. 1—2. М. 1934.
- Добrorольский, С. К.* Мобилизация русской армии в 1914 году. «Военный сборник». Т. I. Белград 1921. (Нем. над.: *Dobrorolski, S. K.* Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914. Mit Beiträgen von Graf Pourtales, von Eggeling, Graf Montgelas u. einem Vorwort v. E. Sauerbein. Berlin 1922. 52 S. Beiträge zur Schuldfrage. Н. I).
- Коровин, Е. А.* Япония и международное право. М. 1936. 246 стр.
- Миллер, А. Ф.* Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны (1914—1918). «Исторический журнал». 1942. № 12, стр. 12—23.
- Мозилевич, А. А. и Айрапетян, М. Э.* На путях к мировой войне 1914—1918. [Л.] 1940. 293 стр.
- Мотылёв, В. Е.* Зарождение и развитие тихоокеанского увла противоречий. М. 1939. 144 стр.

- Нотович, Ф. О.* К вопросу о значениях мировой войны. (К 24-летию первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг.) «Историк-марксист». 1938. № 4, стр. 20—35.
- Попов, А. Л.* Англо-русское соглашение о разделе Китая. [1899]. «Красный архив». 1927, т. 6 (25), стр. 111—134.
- Попов, А. Л.* Дальневосточная политика царизма в 1894—1901 гг. «Историк-марксист». 1935. Кн. 11 (51), стр. 38—57.
- Попов, А. Л.* Заём 1906 г. в донесениях русского посла в Париже. «Красный архив». 1925. Т. 4—5 (11—12), стр. 421—432.
- Попов, А. Л.* Кризис дальневосточной политики царизма накануне революции 1905 года. «Историк-марксист». 1935. Кн. 12 (52), стр. 3—25.
- Попов, А. Л.* От Босфора к Тихому океану. «Историк-марксист». 1934. Т. 3 (37), стр. 3—28.
- Попов, А. Л.* Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. «Красный архив». 1929. Т. 2 (33), стр. 3—33; т. 3 (34), стр. 3—38.
- Проле русско-японской войны.* Материалы из архива С. Ю. Витте. С предисл. и под ред. Б. Б. Глиньского. Пг. 1916. VII, 352 стр.
- Рейснер, И. М.* Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. (По материалам секретного архива бывшего М. И. Д.). «Красный архив». 1925. Т. 3 (10), стр. 54—66.
- Романов, Б. А.* Россия в Манчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л. 1928. X, 605 стр.
- Саблер, С. В. и Сосновский, И. В.* Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем. Исторический очерк. Сост. С. В. Саблером и И. В. Сосновским. Под глав. ред. Куломзина. СПб. 1903. VIII, 451 стр.
- Хвостов, В. М.* Ближневосточный кризис 1895—97 гг. «Историк-марксист». 1929. Т. 13, стр. 19—54.
- Хвостов, В. М.* Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX века. «Историк-марксист». 1930. Т. 20, стр. 100—129.
- Brandenburg, E.* Von Bismarck zum Weltkrieg. Die deutsche Politik in den Jahrzehnten vor dem Kriege... Berlin 1924. X, 454 S.
- Chirol, V.* The Far Eastern question. London 1896.
- Cordier, H.* Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales. T. 1—3, Paris 1901—1902.
- Curzon of Kedleston, G. N.* Persia and the Persian question. Vol. 1—2. London 1892.
- Forster, K.* The failures of peace. The search for a negotiated peace during the first world war... Introd. by E. M. Patterson. Washington 1941. VI, 159 p.
- Hanotaux, G.* Fachoda... Paris 1909. XII, 356 p.
- Helmreich, E. Ch.* The diplomacy of the Balkan wars 1912—1913. Cambridge, Mass. 1938. XIV, 523 p.
- Herrmann, W.* Dreibund, Zweibund, England. 1890—1895. Eine Skizze zur Aussenpolitik auf Grund neuer Akten... Stuttgart 1929. XII, 176 S. (Beiträge zur Geschichte der nachbismarckischen Zeit und des Weltkrieges, Hft 6).
- Hoffmann, J. S.* Great Britain and the German trade rivalry 1875—1914. Philadelphia 1933. XII, 363 p.
- Joseph, Ph.* Foreign diplomacy in China, 1894—1900; a study in political and economic relations with China. With an introd. by Sir A. F. Whyte... London 1928. 458 p.
- La Pargue, Th.* China and the World war. Stanford university, Cal. 1937. X, 278 p. (Hoover war library. Publ. № 12).
- Langer, W. L.* The Diplomacy of Imperialism 1890—1902. Vol. 1—2. New York — London. Knopf. 1935.
- Lovell, R. I.* The struggle for South Africa, 1875—1899. A study in economic imperialism. New York 1934. XV, 438 p.
- Meinecke, F.* Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblems 1890—1901... München — Berlin 1927. 268 S.

- Michon, G.* L'alliance franco-russe 1891—1917. Paris 1927. VIII, 316 p.
- Morse, H. B.* The international relations of the Chinese empire... Vol. 1—3. London — New York 1910—1918.
- Nintchich, M.* La crise bosniaque (1908—1909) et les puissances européennes. T. 1—2. Paris 1937.
- Notter, H.* The origins of the foreign policy of Woodrow Wilson... Baltimore 1937. VI, 695 p. (The Walter Hines page school of international relations. The John Hopkins university).
- Pingaud, A.* Histoire diplomatique de la France pendant la grande guerre. T. 1—2. Paris 1938.
- Pribram, A. F.* England and the international policy of the European great powers 1871—1914. Oxford 1931. XII, 156 p.
- Rachfahl, F.* Die deutsche Aussenpolitik in der Wilhelmischen Aera. Berlin 1924. 99 S. (Einzelschriften zur Politik und Geschichte. Schrift 6).
- Renouvin, P.* Les origines immédiates de la guerre (28 juin — 4 août 1914). 2-e éd. Paris 1927. 326 p.
- Ritter, G.* Bismarcks Verhältnis zu England und die Politik des «Neuen Kursus». Berlin 1924. 71 S. (...Beiträge aus dem Archiv für Politik und Geschichte... Schrift 7).
- Schmitt, B. E.* The annexation of Bosnia 1908—1909. London — New York 1937. VIII, 264 p.
- Seton-Watson, R. W.* Sarajevo, a study in the origins of the great war... London 1925. 303 p.
- Tansill, Ch. C.* America goes to war. Boston 1938. X, 731 p.
- Tardieu, A.* La France et les alliances. La lutte pour l'équilibre... Paris 1909. III, 365 p.
- Taube, M.* La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars (1904—1917)... Paris 1928. VIII, 412 p.
- Yong Ann Yuen, Th.* Aux origines du conflit Mandchou, Chine — Japon. Paix de Versailles. Préf. de Wellington Koo. Paris 1934. VII, 304 p.

г) Биографии

- Baker, R. C.* Woodrow Wilson. Life and letters... Vol. 6. Facing war. 1915—1917. New York 1937.
- Gardiner, A. G.* The life of sir William Harcourt. Vol. 1—2. London 1923.
- Garvin, J. L.* The life of Joseph Chamberlain... Vol. 1—3. London 1932—1934.
- Gavin, C.* Edward the seventh. A biography. London 1941. 256 p.
- Haller, J.* Aus dem Leben des Fürsten Philipp zu Eulenburg-Hertzfeld. Berlin 1924. XV, 427 S.
- Lee, S.* King Edward VII; a biography... Vol. 1—2. London 1925—1927.
- Nicolson, H.* Sir Arthur Nicolson, bart., first lord Carnock. A study in the old diplomacy. London 1930. XXI, 456 p.
- Williams, A. F. B.* Cecil Rhodes. London 1921. 364 p. (Makers of the 19th century).

IV. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ XIV—XVII

а) Классы и марксизма-ленинизма

- Ленин, В. И.* Второй Всероссийский съезд советов Р. и С. Д. 7—8 ноября (25—26 октября) 1917 г. Соч. Т. XXII, стр. 9—24.
- Ленин, В. И.* Заседание В. Ц. И. К. 17 (4) ноября 1917 г. Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 41—48.
- Ленин, В. И.* Речь на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 17 (4) ноября 1917 г. Газетный отчет. Соч. Т. XXII, стр. 49—51.
- Ленин, В. И.* Разговор правительства со ставкой по прямому проводу 22 (9) ноября 1917 г. Соч. Т. XXII, стр. 69—71.
- Ленин, В. И.* Радио всем. Всем полковым, дивизионным, корпусным,

- армейским и другим комитетам, всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота. Соч. Т. XXII, стр. 72—73.
- Ленин, В. И.* Заседание В. Ц. И. К. 23 (10) ноября 1917 г. Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 74—77.
- Ленин, В. И.* Чрезвычайный съезд советов крестьянских депутатов 23 ноября — 8 декабря (10—25 ноября) 1917 г. Соч. Т. XXII, стр. 79—88.
- Ленин, В. И.* Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 5 декабря (22 ноября) 1917 г. Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 98—102.
- Ленин, В. И.* Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде. Соч. Т. XXII, стр. 121—123.
- Ленин, В. И.* Резолюция Совета народных комиссаров по докладу Прошьяна о переговорах с Радой 1 января 1918 г. (19 декабря 1917 г.). Соч. Т. XXII, стр. 146—147.
- Ленин, В. И.* Постановление Совета народных комиссаров 12 января 1918 г. (30 декабря 1917 г.) об ответе Рады Совету народных комиссаров. Соч. Т. XXII, стр. 148—151.
- Ленин, В. И.* Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира. Соч. Т. XXII, стр. 193—199.
- Ленин, В. И.* Речь о войне и мире на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (6) 24 (11) января 1918 г. Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 200—202.
- Ленин, В. И.* Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. Заседание 26 (13) января 1918 г. Стенографический отчет. Соч. Т. XXII, стр. 226—242.
- Ленин, В. И.* Телеграмма С. Г. Шаумяну. Соч. Т. XXII, стр. 254.
- Ленин, В. И.* Выступления на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (5) 18 февраля 1918 г. (днём). Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 255—256.
- Ленин, В. И.* Речь на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (6) 18 февраля 1918 г. (вечером). Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 257—258.
- Ленин, В. И.* Выступления на заседании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (6) 18 февраля 1918 г. Протокольная запись. Соч. Т. XXII, стр. 259.
- Ленин, В. И.* Первоначальный проект радиogramмы правительству Германской империи. Соч. Т. XXII, стр. 260.
- Ленин, В. И.* О революционной фразе. Соч. Т. XXII, стр. 261—269.
- Ленин, В. И.* О чесотке. Соч. Т. XXII, стр. 272—274.
- Ленин, В. И.* Мир или война? Соч. Т. XXII, стр. 275—276.
- Ленин, В. И.* Речь на объединённом заседании фракций большевиков и левых эсеров В. Ц. И. К. 23 февраля 1918 г. Газетный отчет. Соч. Т. XXII, стр. 279.
- Ленин, В. И.* Речь на заседании В. Ц. И. К. 23 февраля 1918 г. Соч. Т. XXII, стр. 280—283.
- Ленин, В. И.* Тяжёлый, но необходимый урок. Соч. Т. XXII, стр. 290—293.
- Ленин, В. И.* Позиция Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире. Соч. Т. XXII, стр. 294—296.
- Ленин, В. И.* Странное и чудовищное. Соч. Т. XXII, стр. 297—303.
- Ленин, В. И.* Седьмой съезд Р. К. П. (6) 6—8 марта 1918 г. Соч. Т. XXII, стр. 311—374.
- Ленин, В. И.* Главная задача наших дней. Соч. Т. XXII, стр. 375—378.
- Ленин, В. И.* IV Чрезвычайный Всероссийский съезд советов 14—16 марта 1918 г. Соч. Т. XXII, стр. 383—411.
- Ленин, В. И.* Доклад о внешней политике на Объединённом заседании В. Ц. И. К. и Московского совета 14 мая 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 1—16.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 67—69.
- Ленин, В. И.* IV конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы 27 июня — 2 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 73—102.

- Ленин, В. И.* Речь в коммунистической фракции V съезда советов Р., К., С. и К. депутатов 3 июля 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 111—112.
- Ленин, В. И.* V Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов 4—10 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 115—118.
- Ленин, В. И.* Беседа с сотрудником «Известий В.Ц.И.К.» по поводу восстания левых эсеров. Краткое изложение. Соч. Т. XXIII, стр. 136—137.
- Ленин, В. И.* Заявление на заседании В.Ц.И.К. 15 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 141—143.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Лефортовском районе 19 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 144—145.
- Ленин, В. И.* Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 146—149.
- Ленин, В. И.* Речь на объединённом заседании В.Ц.И.К., Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 151—164.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 169—170.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Сокольническом районе 9 августа 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 174.
- Ленин, В. И.* Письмо к американским рабочим. Соч. Т. XXIII, стр. 176—189.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Алексеевском народном доме 23 августа 1918 г. Краткий газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 190—191.
- Ленин, В. И.* Речь на митинге в Политехническом музее 23 августа 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 192—196.
- Ленин, В. И.* Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 197—199.
- Ленин, В. И.* Товарищи-рабочие! Идём в последний, решительный бой! Соч. Т. XXIII, стр. 205—208.
- Ленин, В. И.* Письмо объединённому заседанию В.Ц.И.К., Московского совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 215—217.
- Ленин, В. И.* Доклад на объединённом заседании В.Ц.И.К., Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 228—238.
- Ленин, В. И.* Резолюция, принятая на объединённом заседании В.Ц.И.К., Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 239—240.
- Ленин, В. И.* Речь на торжественном заседании Всероссийского центрального и Московского советов профессиональных союзов 6 ноября 1918 г. Газетный отчет. Соч. Т. XXIII, стр. 242—243.
- Ленин, В. И.* VI Всероссийский чрезвычайный съезд советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 245—272.
- Ленин, В. И.* Речь на собрании уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива 26 ноября 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 302.
- Ленин, В. И.* Речь на II Всероссийском съезде советов народного хозяйства 25 декабря 1918 г. Соч. Т. XXIII, стр. 445—450.
- Ленин, В. И.* VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 116—120; 176—179.
- Ленин, В. И.* О современном положении и ближайших задачах советской власти. Доклад на соединённом заседании В.Ц.И.К., Московского совета Р. и Кр. Д., Московского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 351—361.
- Ленин, В. И.* Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 495.

- Ленин, В. И.* Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 555—578.
- Ленин, В. И.* IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 106.
- Ленин, В. И.* Речь на III Всероссийском съезде профессиональных союзов 7 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 137—140.
- Ленин, В. И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Опыт популярной беседы о марксистской стратегии и тактике. Соч. Т. XXV, стр. 183—184.
- Ленин, В. И.* Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 498—513.
- Ленин, В. И.* Конспект программы переговоров о мире. Соч. Т. XXX, стр. 362.
- Ленин, В. И.* Проект революции Совета народных комиссаров. Соч. Т. XXX, стр. 363.
- Ленин, В. И.* Послесловие к тезисам по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира. Соч. Т. XXX, стр. 369—370.
- Ленин, В. И.* В чём ошибка? Соч. Т. XXX, стр. 371—372.
- Ленин, В. И.* Заметка о необходимости подписать мир. Соч. Т. XXX, стр. 373.
- Ленин, В. И.* Постановление Ц. К. Р. К. П. (б) по вопросу о международном положении. Соч. Т. XXX, стр. 381.
- Ленин, В. И.* Тезисы о современном политическом положении. Соч. Т. XXX, стр. 383—386.
- Ленин, В. И.* Директивы Владивостокскому совету. «Из эпохи гражданской войны». [М.] Партиздат. 1934, стр. 32.
- Ленин, В. И.* Наркому Сталину, 7 июля 1918 г. 1 ч. 00. В кн.: Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II. [М.] Партиздат ЦК ВКП(б). 1937, стр. 137—138.
- Ленин, В. И. и Сталин, И. В.* Разговор по прямому проводу Ленина и Сталина с Юрьевым. «Правда». 1935, 21 февраля, № 51, стр. 1.
- Сталин, И. В.* Логика вещей. (По поводу «тезисов» ЦК меньшевиков). «Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей». [М.] 1932, стр. 11, 13, 17—18.
- Сталин, И. В.* Генеральный секретариат Рады и кадетско-калединская контрреволюция. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 18—19.
- Сталин, И. В.* О взаимоотношениях с Радой. Доклад на заседании Центрального исполнительного комитета 14 (27) декабря 1917 г. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 27—29.
- Сталин, И. В.* Что такое Рада? «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 30—32.
- Сталин, И. В.* О киевской буржуазной Раде. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 33.
- Сталин, И. В.* Украинский узел. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 39—41.
- Сталин, И. В.* Мирные переговоры с Украиной. Беседа с председателем Советской мирной делегации товарищем Сталиным. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 44—46.
- Сталин, И. В.* О Донщине и Северном Кавказе. (Факты и махинации). «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 47—56.
- Сталин, И. В.* Украина освобождается. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 67—69.
- Сталин, И. В.* Политика правительства по национальному вопросу. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 70—73.
- Сталин, И. В.* Народному секретариату Украинской рабоче-крестьянской республики. Записка товарища Сталина по прямому проводу. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 231.

- Сталин, И. В.* Три года пролетарской диктатуры. Доклад на торжественном заседании Бакинского совета 7 ноября 1920 года. В кн.: Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. II. [М.] 1937, стр. 326—332.
- Сталин, И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии (1921 г.). «Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 89.
- Сталин, И. В.* О Ленине. [М.] 1939, стр. 47—48.

б) Источники: документы, переписка, мемуары, дневники и т. п.

- Англичане на севере (1918—1919 гг.).* [Предисл. И. И. Минца]. «Красный архив». 1926. Т. 6 (19), стр. 39—52.
- Брест-Литовская конференция.* Заседания экономической и правовой комиссии. Под ред. и с вступ. статьёй Б. Е. Штейна. [М.] 1923, 154 стр.
- Временное правительство Автономной Сибири.* «Красный архив». 1928. Т. 4 (29), стр. 86—138; 1929. Т. 4 (35), стр. 37—106; Т. 5 (36), стр. 31—60.
- Германская интервенция и донское правительство в 1918 г.* «Красный архив». 1934. Т. 6 (67), стр. 93—130.
- Германские оккупанты в Полесье.* «Красный архив». 1938. Т. 6 (91), стр. 89—105.
- Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году.* Под ред. И. И. Минца и Е. Н. Городецкого. [М.] 1942. 239 стр. (Материалы и документы по изучению истории Великой пролетарской революции и гражданской войны в СССР).
- Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. Первый этап гражданской войны.* Под ред. И. И. Минца и Е. Городецкого. [М.] 1940. 544 стр. (Материалы и документы по изучению истории Великой пролетарской революции и гражданской войны в СССР).
- Из истории гражданской войны на Украине в 1918 г.* «Красный архив». 1939. Т. 4 (95), стр. 73—102.
- Интервенция на Севере в документах.* Подготовил к печати И. И. Минц. М. 1933. 94 стр.
- Из истории интервенции в Сибири.* «Красный архив». 1929. Т. 3 (34), стр. 126—165.
- Крах германской оккупации на Украине. (По документам оккупантов).* Перев. с нем. С. Драбкиной и О. Шаргородской. М. 1936. 205, [2] стр. (Материалы и документы по изучению истории Великой пролетарской революции и гражданской войны в СССР).
- Накануне перемирия.* «Красный архив». 1927. Т. 4 (23), стр. 195—249.
- Пишон.* Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. Перев. с франц. П. Ивангородского. Ред. и предисл. В. Виленского-Сибирякова. М.—Л. 1925, 93 стр.
- Разгром немецких захватчиков в 1918 году.* М. 1943. 335 стр. (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Секретариат главной редакции «Истории гражданской войны в СССР». Сборник материалов и документов).
- Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах.* Подготовил к печати И. Минц. М. 1934. 235 стр.
- Official documents looking toward peace. Series 1—4.* New York 1917—1918. (International conciliation № 110, 111, 119, 133).
- Official statements of war aims and peace proposals, December 1916 to November 1918.* Comp. by J. B. Scott. Washington 1921. 515 p.
- 1918. Russia. Vol. 1—3,* Washington 1931—1932 (U. S. Department of State. Papers relating to the foreign relations of the U. S.).
- Russian-American relations, March 1917 — March 1920.* Documents and

- papers comp. and ed. by C. K. Cumming and W. W. Pettit. New York 1920. XXVIII, 375 p.
- Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918.* Bd 1—12. Berlin, 1925—1929 (Das Werk des Untersuchungsausschusses der verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung und des deutschen Reichstages 1918—1928. Reihe 4).
- Vorgeschichte des Waffenstillstandes.* Amtliche Urkunden. Hrsg. im Auftrage des Reichsministeriums von der Reichskanzlei. Berlin 1919. 186 S. (Deutschland. Auswärtiges Amt).
- Wilson, W.* War and peace. Presidential messages, addresses and public papers (1917—1924). Ed. by R. S. Baker and W. E. Dodd. Vol. 1—2. New York—London 1927. (The public papers of Woodrow Wilson. Authorized ed.).
- См. также выше раздел III б) Документы, переписка и т. д.: House E. M. и др.
- Центервиль, Британский империализм в Баку и Персии. 1917—1918.* (Воспоминания). Перев. с англ. Б. Руденис. Тифлис. 1925. XV, 281 стр.
- Bothmer, K.* Mit Graf Mirbach in Moskau. Tagebuch, Aufzeichnungen und Aktenstücke vom 19. April bis 24. August 1918. Tübingen 1922. VII, 158 S.
- Erzberger, M.* Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart — Berlin 1920. 306 S. (Перевод: *Эрцбергер, М.* Германия и Антанта. Мемуары. Перев. с нем. Е. Федотовой. Вводная статья В. Кряжина: «Крушение германского империализма». М. — Пг. 1923. 365 стр. (Библиотека современных мемуаров)).
- Graves, W. S.* America's Siberian adventure. 1918—1920. New York 1931. XXIII, 363 p. (Перевод: *Гресс, В.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920). Перев. с англ. А. Ф. Сперанского и С. С. Соколова. С вступ. статьёй И. И. Минца. (М.) 1932. XLV, 248 стр.).
- Helfferrich, K.* Der Weltkrieg. Bd 3. Vom Eingreifen Amerikas bis zum Zusammenbruch. Berlin 1919. 658 S. (Перевод последних глав книги: *Гельферих, К.* Из воспоминаний... Перев. М. К. Гринвальд. (Пг.) 1922. 62 стр.).
- Hoffmann, M.* Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. Hrsg. von K. F. Nowak. Bd 1—2, Berlin 1929. (Перевод: *Гофман, М.* Записки и дневники. 1914—1918. Перев. с нем. Л. 1929. 263 стр.).
- Ludendorff, E.* Entgegnung auf das amtliche Weissbuch: «Vorgeschichte des Waffenstillstandes». Hft 1—3, Berlin 1919.
- Max, Prinz von Baden.* Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart... 1928. 698 S.
- Maynard, C.* The Murmansk venture... London [s. a.]. XII, 322 p.
- Mordacq, J. J. H.* Le ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. Vol. 1—2, Paris 1930.
- Word, J.* With the «Die-Hards» in Siberia. London 1920. 293 p. (Перевод: *Уорд, Дж.* Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда Джона Уорда. С предисл. И. Майского. М. — П. 1923. 172 стр.).
- См. также выше раздел III б. Мемуары, дневники и т. п.: Aldrovandi Marescotti, L., Bertie, F. L., Bethmann-Hollweg, Buchanan, G., Burian, S., Czernin, O., House, E. M., Lloyd George, D., Poincaré, R., Wilhelm II.

в) Исторические исследования и политические обзоры

- Гуковский, А.* Разгром Германии в 1918 г. и подготовка интервенции стран Антанты против страны Советов. «Историк-марксист». 1937. № 3, стр. 42—61.
- Недров, М. С.* Без большевистского руководства. (Из истории интервенции на Мурмане). (Очерки). Л. 1930. 191 стр.

- Майский, И.* Пять лет внешней политики РСФСР. 1917—1922. [М.] 1922, 195 стр.
- Манусевич, А.* История захвата Бессарабии Румынией. «Исторический журнал». 1940. № 8, стр. 82—91.
- Миккер, Р.* Борьба за советскую власть в Эстонии в 1917—1919 годы. «Исторический журнал». 1940. № 11, стр. 45—56.
- Миц, И. И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М. — Л. 1931, 256 стр.
- Нотович, Ф. О.* Разгром Четверного союза в 1918 г. «Исторический журнал». 1941. № 7—8, стр. 42—60.
- Рейхсберг, Г.* Подготовка интервенции Антанты и заговор Локкарта. 1918 год. «Исторический журнал». 1938. № 12, стр. 76—83.
- Рубинштейн, Е. И.* Распад Габсбургской монархии в 1918 году. «Историк-марксист». 1940. Кн. 7, стр. 14—34.
- Софинов, П.* Чехословацкий мятеж. «Исторический журнал». 1940. № 12, стр. 47—60.
- Ставровский, А.* Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 года. М. — Л. 1925, 120 стр.
- Albertson, R.* Fighting without a war; an account of military intervention in North Russia. New York 1920. XII, 138 p.
- Coates, W. P. and Coates, S. K.* Armed intervention in Russia 1918—1922. London 1935, 400 p.
- Djuvara, M.* La guerre roumaine 1916—1918. Préf. d'Em. Boutroux. Nancy... 1919. XV, 335 p.
- Jászi, The* dissolution of the Habsburg monarchy... Chicago 1929. XXIV, 488 p.
- Lutz, R. H.* Fall of the German Empire. Vol. 1—2. Stanford univ., Cal. — London 1935.
- Lutz, R. H.* The German revolution, 1918—1919. Stanford univ. Cal. 1922. 186 p. (University series. History, economics and political science. Vol. 1, № 1).
- Maurice, F. M.* The armistices of 1918. London — New York 1943. 104 p. [Documental study].
- Mermeix.* Les négociations secrètes et les quatre armistices avec pièces justificatives. 13-me éd. Paris 1919. 355 p. (Fragments d'histoire 1914—1919. V).
- Mordacq, J. J. H.* Pouvait-on signer l'armistice à Berlin? Paris 1930. 239 p.
- Müller, R.* Vom Kaiserreich zur Republik. Bd 1. Ein Beitrag zur Geschichte der revolutionären Arbeiterbewegung während des Weltkrieges. Wien 1924. 223 S. Bd 2. Die November-Revolution. Wien 1925. 296 p. (Wissenschaft und Gesellschaft. Bd 3—4).
- Nowak, K. F.* Der Sturz der Mittelmächte. München 1921. 435 p.
- Scott, J. B.* Preliminary history of the armistice. New York 1924. 163 p.
- Slovès, H.* La France et l'Union Soviétique. Préf. de H. Torrès. Paris 1935. 409 p.

У. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

а) Внешние сношения

- Annual register*, a review of public events at home and abroad. London—New York 1872—1919... [for the years 1871—1918]. Основан в 1761 г.; с 1915 г. (за 1914 г.) выходит с пометкой: «new series».
- Bengesco, G.* Essai d'une notice bibliographique sur la question d'Orient. Orient européen 1821—1897. Bruxelles — Paris 1897. XIII, 327 p.
- Catalogue of printed books in the library of the Foreign office.* London 1926. 1587 p.

- Gooch, G. P.* Recent revelations of european diplomacy... 3d impression with a supplementary chapter on the revelations of 1927. London... 1928. LX; 218 p.
- Langer, W. L. and Armstrong, H. F.* Foreign affairs bibliography. A selected and annotated list of books on international relations 1919—1932. New York — London 1933. XVII, 551 p.
- List of references on Europe and international politics in relation to the present issues.* Comp. under the direction of H. H. B. Meyer. Washington 1914. 144 p.
- List of the serial publications of foreign governments 1815—1931.* Ed. by W. Gregory. New York 1932; 8, 720 p.
- Meyer, I.* Official publications of European governments... Vol. I. Paris 1929. 255 p.
- Myers, D. P.* Manual of collections of treaties and of collections relating to treaties. Cambridge... 1922. XLVII, 686 p.
- Strupp, K.* Bibliographie du droit des gens et des relations internationales... Leiden (Holland) 1938. XVII, 521 p.
- Temperley, H. and Penson, L. M.* A century of diplomatic Blue books 1814—1914. Lists edited, with historical introductions, by H. Temperley and L. M. Penson. Cambridge 1938. XX, 600 p.

б) Восточные и колониальные страны

- Скачков, П. Е.* Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке. 1730—1930. М.—Л. 1932. XXIII, 843 стр.
- Bibliographie d'histoire coloniale (1900—1930) publiée par...* A. Martineau, Roussier, Tramond. Paris 1932. XVI, 607 p. (Premier congrès International d'histoire coloniale. Paris 1931).
- Cordier, H.* Bibliotheca sinica... 2-me éd. Vol. 3—4, Supplément III et IV. Paris 1904—1924.
- Kerner, R.* Northeastern Asia. A selected bibliography. Contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia, in oriental and european languages. Vol. 1—2. Berkeley 1930.
- Nachod, O.* Bibliographie von Japan. Bd 1—4. Leipzig 1928—1935.
- Praesent, H. and Haenisch, W.* Bibliographie von Japan... Bd 5—6 des von O. Nachod begonnenen Gesamtwerkes. Leipzig 1937—1940.
- Savadjian, L.* Bibliographie balcanique. Vol. 1—7. Paris 1931—1938.
- Select bibliography of recent publications in the Library of the Royal colonial institute illustrating the relations between europeans and coloured races.* Comp. by E. Lewin. [London] 1926. 62 p.
- Addenda to bibliography of relations with coloured races up to february 28, 1927.* London [1927].
- Subject catalogue of the library of the Royal Empire Society.* Comp. by E. Lewin. Vol. 1—4. London 1930—1937.
- Wenckstern, F.* Bibliography of the japanese empire. Vol. 1—2. Leiden—Tokyo 1895—1907.
- Wilson, A. T.* A bibliography of Persia. Oxford 1930, X, 253 p.

в) Мировая война 1914—1918 гг.

- Мировая война.* Указатель литературы. 1914—1918. Л. 1934. 63 стр.
- Bibliographische Vierteljahrshefte der Weltkriegsbücherei.* Hft. 2/3. Bibliographie zur Geschichte Österreich-Ungarns im Weltkrieg 1914—1918. Stuttgart. 1934; Hft. 4. Bibliographie zur Geschichte Österreich-Ungarns 1848—1914. Stuttgart 1935; Hft. 6. Bibliographie zur Geschichte des Britischen Reiches 1870—1914. 2. erg. Aufl. Stuttgart 1936; Hft. 8/9. Bibliographie zur Geschichte des Britischen

- Reiches im Weltkrieg 1914—1918, 2. erg. Aufl. Stuttgart 1936; Hft. 11/12. Bibliographie zur politischen Geschichte Frankreichs in der Vorkriegszeit und im Weltkrieg. 2. erg. Aufl. Stuttgart 1937; Hft. 17/18. Bibliographie zur Geschichte Italiens in der Vorkriegszeit und im Weltkrieg. 2. erg. Aufl. Stuttgart 1939; Hft. 20/21/22. Bibliographie zur Geschichte der Vereinigten Staaten im Weltkrieg. Stuttgart 1939.
- Catalogue méthodique du fond allemand de la Bibliothèque.* T. 1—4. Paris 1921—1923. (Publ. de la «Société de l'histoire de la guerre», 1-re série, Catalogue des «Bibliothèque et Musée de la guerre»).
- Catalogue méthodique des fonds britannique et nord-américain de la Bibliothèque.* Réd. par M. Bourgeois. T. 1—3. Paris 1925—1931. (Publ. de la «Société de l'histoire de la guerre», 1-re série, Catalogue des «Bibliothèque et Musée de la guerre»).
- Catalogue méthodique du fond italien de la Bibliothèque.* Réd. par P. H. Michel. Paris 1923. VI, 468 p. (Publ. de la «Société de l'histoire de la guerre», 1-re série, Catalogue des «Bibliothèque et Musée de la guerre»).
- Catalogue méthodique du fond russe de la Bibliothèque.* Réd. par A. Duménil av. collab. de W. Lerati. Introd. par C. Bloch. Paris 1932. XIV, 734 p. (Publ. de la «Société de l'histoire de la guerre», 1-re série, Catalogue des «Bibliothèque et Musée de la guerre»).
- Contributo a una Bibliographia della guerra mondiale.* Documenti e testimoniarie politico-diplomatiche, cause, origini, responsabilità, significato della guerra. Roma 1937. XXXII, 629 p.
- Laloy, E.* La guerre mondiale, ses origines et l'après guerre d'après leurs principaux historiens... Paris 1930. 702 p.
- Wegerer, A.* Bibliographie zur Vorgeschichte des Weltkrieges. Berlin 1934. 136 S.

Сверх того см. библиографический ежегодник «*International bibliography of historical sciences*». Ed. by the International committee of historical sciences. Vol. 1—[11]. [For the years 1926—1936]. [Berlin...] 1930—[1938], и критико-библиографические отделы следующих журналов¹:

- «*Foreign affairs*», New York 1922 [Quarterly].
- «*Journal of modern history*», Chicago 1929 [Quarterly].
- «*Revue d'histoire diplomatique*», publ. par la «Société d'histoire diplomatique». Paris 1887 [Trimestrielle].
- «*Revue d'histoire moderne*», publ. par la «Société d'histoire moderne», Paris 1926 [5 fois par an].
- «*Berliner Monatshefte*», 1923 [с 1923 по 1929 г. выходил под названием «Kriegsschuldfrage»].
- «*Revue belge des livres, documents et archives de la guerre*» (1914—1918), Bruxelles 1924 [Trimestrielle].
- «*Revue de la guerre mondiale*», publ. par la «Société de l'histoire de la guerre», Paris 1923 [Trimestrielle].

¹ Указанные в описаниях журналов годы обозначают время основания журнала.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

составила Л. А. Телешева

- Абдул-Галид II*, султан турецкий — 35, 118, 137, 184, 189.
Аксаков, И. С. — 51.
Александр Баттенбергский, князь болгарский — 76, 78, 80, 83, 84, 87, 95.
Александр II — 12, 14, 21, 28—29, 33, 44, 51, 53—54, 56.
Александр III — 56, 77, 80, 82, 87, 97, 100, 104—105, 112.
Алексеев, Е. И. — 153—154.
Алексеев, М. В. — 317.
Андраши — 11—13, 17, 23—25, 28—30, 38, 42—43, 46, 48, 53—54, 78.
д'Анжунцио — 276.
Араби-паша — 69.
Арним — 99.
Арц — 360.
Аскаит — 210, 214—215, 252, 262, 265, 293—294.
- Баллин* — 211, 261.
Вальфур — 347, 365, 381, 392.
Барнато — 121.
Баррер — 274.
Безобразов — 157.
Бейт — 121.
Бенедикт XV, папа римский — 274.
Бенкендорф — 202, 245, 251—253, 255—256, 262, 280.
Бера — 14.
Берер — 386.
Бернс — 265.
Бертело — 308, 316.
Берти — 213.
Верхтольд — 232—233, 235—236, 246—247, 249.
Бетман-Гольвег — 200—202, 205—206, 211—213, 224, 226—227, 248, 259—262, 264, 294—295, 297, 301, 312.
Биконсфильд (Дизраэли) — 20, 26, 28, 30—32, 36—41, 44, 46—49, 57, 60—61, 66—67, 112, 119.
Бирилёв — 171.
- Бисмарк, Герберт* — 87, 88.
Бисмарк, Отто — 3—4, 9—21, 25, 28, 30, 32—35, 37—39, 46, 48—49, 51—58, 61, 63—64, 68—69, 71—75, 78—103, 106, 110, 136, 139, 181, 196, 272, 311.
Блейхредер — 39, 68, 72.
Бловиц — 20.
Блюнчли — 261.
Браз, де — 71.
Брайан — 290.
Бранденштейн — 351.
Братиану — 285—286.
Бреар — 63.
Брейтер — 393.
Бриан — 294.
Бройль, де — 9—10, 16—17.
Врусилор — 277, 286, 311.
Буланже — 83, 88—89.
Буриан — 360, 364.
Бьюкенен — 202, 261, 279, 299.
Вюлов — 62, 110, 128—133, 137, 145, 161, 165—166, 168—172, 175, 194, 197—201, 203, 237, 261, 273—276.
- Ваддингтон* — 48.
Вальдерзее — 97, 99, 150—151.
Вангенгейм — 269.
Ванновский — 114.
Варбург — 293.
Васильчикова — 292.
Вебстер — 381.
Венизелос — 280, 283—285, 300.
Вердер — 32—33, 35, 37.
Веселаго — 317, 378, 386.
Виктор-Эммануил III, король итальянский — 198.
Виктория, королева английская — 17, 43, 158.
Вильгельм I, император германский — 11—12, 14—15, 17, 33, 52—54, 74, 99.
Вильгельм II, император германский — 99, 106, 110, 116, 119.

- 122—123, 125, 127—128, 130—131, 136—137, 144—146, 150, 155, 161, 165—166, 168—169, 171—172, 175, 183—184, 195, 197, 203—204, 212, 224, 227, 233, 236, 239, 247—248, 250, 254, 256—259, 272, 292, 300, 305, 311—312, 330, 339—340, 358, 360—362, 368—369, 371, 375.
- Вильгельм фон Урах* — 361.
- Вильсон, Вудро* — 295—299, 348, 359, 364—372, 381, 388.
- Вильсон, Риверс* — 67—68.
- Витте* — 112, 117, 135, 152, 171—174.
- Владимир Александрович, великий князь* — 86.
- Галлиени* — 278.
- Гамбетта* — 9, 69—70.
- Ганзман* — 72.
- Гарден* — 175.
- Гардинг* — 183, 187.
- Гарибальди* — 276.
- Гартвиг* — 216—217, 219—220.
- Гатцфельд* — 90, 119, 129—131.
- Гельферих* — 362.
- Генрих, принц прусский* — 227, 255, 257.
- Георг V, король английский* — 243—244, 255, 280.
- Гертинг* — 313, 321, 329, 340, 369.
- Гетцендорф* — см. *Конрад фон Гетцендорф*.
- Геффтер* — 261.
- Гешов* — 218—219.
- Гизль* — 254—255.
- Гинденбург* — 294—295, 312—313, 321, 325—326, 330, 340, 359, 368—369, 373.
- Гирс* — 45, 56, 58, 77—78, 82—83, 89, 90—92, 96, 104—105, 114—115.
- Гитлер* — 344—345.
- Гладстон* — 12, 20, 30—31, 57—58, 60, 69—70, 74, 84.
- Гогенау* — 166.
- Гогенварт* — 11.
- Гогенлоэ* — 122, 130.
- Гойос* — 247—248.
- Голубович* — 334, 338.
- Гольц, фон-дер* — 351, 362.
- Гольштейн* — 99—100, 108, 122, 129—131, 165, 168, 170, 174—175.
- Гонто-Вирон* — 14, 16, 20.
- Гордон* — 70.
- Горчаков* — 13—15, 17—21, 24—34, 36, 41—42, 44—46, 48, 51—53, 56, 98, 129.
- Готтингер* — 167.
- Гофман* — 312—315, 321—322, 325—327, 330—332, 334—338, 342—343, 345, 361, 364.
- Гошен* — 120, 262.
- Грей* — 176—178, 182—183, 188, 192—193, 202, 206, 209—215, 227, 229, 243—245, 249—252, 255—258, 261—263, 265—266, 270, 279—280, 293—294.
- Гренвиль* — 69, 72—73.
- Гренер* — 373.
- Гроций* — 261.
- Гумберт I, король итальянский* — 64.
- Гурко* — 41.
- Дальбюя* — 354.
- Деказ* — 9—10, 17, 20—21, 32.
- Делькассе* — 134—136, 146, 162—163, 167, 169—170, 176.
- Деникин* — 317, 394.
- Денстеровиль* — 390.
- Дерби* — 20—21, 31, 39—41, 43, 46—47, 66, 72.
- Джемаль-паша* — 268—269.
- Джемсон* — 129—122.
- Джолитти* — 276.
- Джонсон* — 348.
- Диаманди* — 353—354.
- Дизраэли* — см. *Биконсфилд*.
- Дмитриевич* — 246.
- Добророльский* — 259.
- Довбор-Мусницкий* — 315.
- Дрейфус* — 134.
- Дуань* — 152.
- Дурново* — 362.
- Дутов* — 316, 318, 331.
- Духонин* — 308—310, 315.
- Жомини* — 45, 93.
- Жоффр* — 278, 284.
- Игнатъев, А. А.* — 224—225.
- Игнатъев, Н. П.* — 36, 39, 45.
- Извольский* — 178—180, 187—188, 190—195, 197—198, 200, 209.
- Ии Нянь* — 152.
- Иосиф, эрцгерцог австрийский* — 316.
- Исии* — 155, 173.
- Исимото* — 241.
- Ито* — 155—157.
- Кайо* — 204, 206.
- Кайроли* — 63.
- Калашников* — 316.

- Каледин — 316—318, 331, 352.
 Кальюки — 78—79, 83—84, 93, 96.
 Камбон, Поль — 163, 167, 176—177, 213—215, 262—263, 265.
 Камбон, Жюль — 204—205.
 Каприви — 99—100, 104, 108, 130.
 Карл I, император австрийский — 300, 360.
 Карл XII, король шведский — 103.
 Карлотти — 310.
 Карнарвон — 43.
 Кассель — 211.
 Катков — 82, 86, 89.
 Като, министр иностранных дел — 288.
 Като, адмирал — 382.
 Каульбарс — 84.
 Каутский — 261.
 Кацура — 155—156, 241—242.
 Кейс — 66.
 Кемп — 317, 378—379.
 Кемпбелл-Баннерман — 176.
 Керенский — 302, 388.
 Керри — 84.
 Кеттелер — 150.
 Киамиль-паша — 189—190, 195.
 Кидерлен-Вехтер — 110, 200—205.
 Кинг — 347.
 Кирилл Владимирович, великий князь — 362.
 Китченер — 134, 278.
 Клемансо — 308, 318, 365, 372.
 Климент, митрополит — 80.
 Кобургская, герцогиня — 295.
 Коковцев — 167—168, 188, 236.
 Колчак — 394.
 Конрад фон Гетцендорф — 185, 195—197, 224, 226, 246, 294.
 Константин, король греческий — 280, 284, 300.
 Корельский — 386.
 Корнилов — 302, 317.
 Корти — 48.
 Краснов — 358, 361.
 Криге — 261.
 Кроми — 317, 390.
 Кроу — 181—182, 214, 262.
 Крупенский — 274.
 Крюгер — 120—123, 127—128.
 Куно — 166.
 Куропаткин — 135, 138.
 Кюльман — 319, 321—330, 332—340.
 Ламадорф — 56, 89, 151—152, 166, 171, 178.
 Лансинг — 296, 370, 373.
 Лафферт — 235.
 Лебель — 282.
 Леви — 62.
 Ленин — 2, 50, 74, 163—164, 168, 172, 174, 180, 189, 192, 242, 247, 261, 276, 282, 291, 306—308, 313, 328, 340—343, 346—350, 353, 362, 378—380, 383, 385, 390—391, 394.
 Ленсдаун — 161, 163, 176, 186, 293.
 Леонтьев — 269.
 Леопольд Баварский — 319.
 Леопольд II, король бельгийский — 71, 145.
 Ли — 165.
 Либкнехт — 325.
 Ливис — 2.
 Лиман фон Сандерс — 236—237.
 Линевич — 151.
 Лизноеский — 250—251, 255—257, 262—263, 266.
 Ли Хун-чжан — 111, 115, 117—118, 153.
 Ллойд Джордж — 206, 227, 250, 262, 265, 278, 294, 300, 372, 380, 388.
 Лобанов-Ростовский — 115—116, 120, 124.
 Ло-Бенгула — 73.
 Логанн — 209.
 Локкарт — 382, 387, 391—393.
 Лоуренс — 287—288.
 Лофтус — 36.
 Лубэ — 163, 170.
 Львов — 299.
 Люберсак, де — 349.
 Людендорф — 295, 301, 312, 321, 326, 330—331, 336, 339—340, 359—361, 364, 368—371, 373.
 Людерц — 72.
 Мак-Аду — 296.
 Макдональд — 347.
 Макензен — 316.
 Мак-Кинли — 141.
 Маккио — 275—276.
 Маклаков — 304.
 Макс Баденский — 295, 369, 371.
 Маллесон — 390.
 Маннергейм — 350.
 Мантейфель — 33, 53, 57.
 Магвилломан — 356.
 Маркин — 305.
 Мартенс — 261.
 Маршалль фон Биберштейн — 99—100, 122, 209.

- Мариан — 134—135.
 Махди — 70.
 Махмуд-Недим-паша — 25.
 Махмуд-Шевкет-паша — 228.
 Менсдорф — 252, 255.
 Мерей — 344.
 Меттерних — 183—184.
 Мидхат-паша — 37.
 Милан — 28, 31, 77—78, 184.
 Милованович — 217—219.
 Мильеран — 224—225, 278.
 Мильнер — 318, 372.
 Милюков — 299, 310.
 Милютин — 44, 46, 55—56.
 Мирбах — 382, 389.
 Михаил Александрович, великий князь — 299.
 Михаил Николаевич, великий князь — 46.
 Михаэлис — 301, 312.
 Мольтке — 14, 19, 21, 97, 99, 311.
 Мольтке (младший) — 196—197, 224, 264.
 Монсон — 135.
 Морган — 172, 296.
 Моренсейм — 90, 104—105.
 Мори Аринори — 111.
 Морлей — 210, 262—263, 265.
 Мулай-Гафид — 199.
 Мумм — 361.
 Муравьев, М. А. — 389.
 Муравьев, М. Н. — 124—126, 135, 146.
 Муссолини — 276.
 Мюнх — 35, 37.

 Наполеон I, император французский — 20, 103.
 Неклюдов — 218—219.
 Нелидов — 93.
 Нератов — 306.
 Нецлин — 167—168.
 Николай II — 115—117, 125, 130, 155, 157, 159, 166, 171, 187, 198, 201—202, 239, 258—260, 292—293, 299, 305, 350.
 Николай Николаевич («старший»), великий князь — 43, 46.
 Никольсон — 101, 179, 214, 262.
 Новиков — 38.
 Нокс — 380, 388.
 Нубар-паша — 67—68.
 Нуланс — 317, 353, 383, 389.
 Нури — 364.

 Обручев — 82.
 Осман-паша — 41.

 Павел Александрович, великий князь — 362.
 Палеолог — 279.
 Пальмерстон — 119.
 Папен — 298.
 Паунсфот — 147.
 Пашич — 246, 254, 283.
 Пейдж — 297.
 Петряев — 303.
 Пико — 287—288.
 Пиффль — 274.
 Пишон — 192, 308, 318, 392.
 Покровский — 288.
 Поливанов — 188.
 Попов — 319, 322, 334.
 Потанов — 235.
 Проктор — 380.
 Протопопов — 293.
 Пти — 386.
 Пуанкаре — 206, 213—2, 244—245, 253, 263—264, 300.
 Пуль — 384, 386—387.
 Пурталес — 194—195, 197—198, 201—202, 259—260.

 Радовиц — 17—20, 93.
 Радославов — 283.
 Ранда — 356.
 Распутин — 293.
 Раулинсон — 26.
 Рейли — 391.
 Рейс — 54.
 Рейтерн — 46.
 Рибо — 104—105.
 Ричард III, король английский — 181.
 Робинс — 348.
 Родд — 274.
 Родс — 73, 120—121, 144—145.
 Рождественский — 165—166.
 Розенберг — 343—344.
 Россель — 13, 20—21.
 Ротшильд, Н. — 68, 104.
 Ротшильд, Э. — 121, 129.
 Рувьё — 169—171, 176, 203.
 Рузвельт, Теодор — 172—173, 240.
 Рустан — 63.
 Рут — 240, 302.

 Сабуров — 57.
 Савинков — 389.
 Савов — 232.
 Садуль — 349.
 Сазонов — 200—202, 209, 224, 230—231, 239, 245, 252, 254—256, 258—261, 269—272, 279, 281, 283, 287, 293.
 Саид-паша — 208.

- Сайко — 287—288.
 Саландра — 273, 276.
 Сандерс — см. Лиман фон Сандерс.
 Сан-Джулиано — 272.
 Сарре — 354.
 Сафвет-паша — 37.
 Свинхувуд — 350—351.
 Сегени — 247—248, 250.
 Сеймур — 70.
 Сент-Олер — 354.
 Сесиль — 318, 367—368.
 Сикст Бурбонский — 300.
 Сименс — 137.
 Скобелев — 82.
 Скоропадский — 361.
 Солсбери — 36—37, 47—49, 68, 79,
 84, 90, 92, 98, 119—120, 127—129,
 131, 145, 153, 161.
 Соннино — 274.
 Сталин — 54—55, 308, 350, 379—
 380, 383.
 Стамбулов — 80, 184.
 Стенли — 71.
 Стивенс — 302.
 Стиннес — 293.
 Столыпин — 188, 200.
 Сухомятинов — 259.
 Сушон — 271.
 Сю Чжэнь — 152.

 Табуи — 316.
 Такахири — 240.
 Талаат-паша — 268, 319, 334.
 Талый — 386.
 Танака — 241—242.
 Таттенбах — 170.
 Тевфик — 69.
 Тирпиц — 110, 124, 133, 183, 212,
 295.
 Тисса — 195, 246, 249, 330.
 Титтони — 191—192, 194, 198.
 Тишерич — 326.
 Тошев — 217.
 Трепов — 362.
 Троцкий — 334, 340—341, 377—380.
 Тьртов — 114.
 Тьер — 9—10, 15.

 Уайзман — 377.
 Убри — 57.
 Уркварт — 26.
 Урусов — 218, 222.
 Уцида — 242.

 Фавр — 10.
 Фалькенгайн — 277.
 Фахреддин — 271.
 Фей — 183.

 Фердинанд, царь болгарский —
 96—98, 184, 217—218, 224, 230,
 232, 365.
 Фердинанд, король румынский —
 316.
 Ферри — 61—62, 71, 82.
 Филиппс — 121.
 Фишер — 165, 187.
 Флуранс — 89, 91—92.
 Фондере — 204.
 Фош — 318, 373—375.
 Франц-Иосиф, император австрий-
 ский — 11—12, 17, 23, 29, 159, 192,
 197, 246—247, 250, 274, 300.
 Франц-Фердинанд, эрцгерцог ав-
 стрийский — 185, 224, 226, 239,
 246.
 Франше д'Эспере — 278, 365, 368.
 Фрейсинг — 70, 86.
 Френч — 187, 278.
 Фридрих III, император герман-
 ский — 99.
 Фрэнсис — 316, 347, 353.
 Фу Го — 152.

 Хабибулла, эмир афганский — 147.
 Хакки-паша — 319.
 Хауз — 297, 348, 359, 368.
 Хенкель фон Доннерсмарк — 81.
 Херреддин — 62.
 Хикс — 381.
 Хикс-Бич — 134.
 Холден — 176—177, 211—213, 215,
 243, 262.
 Холл — 378.
 Хорнби — 43—44.
 Хэй — 141—142, 147.

 Цанков — 80.
 Церетели — 303.
 Цзай И — 152.
 Цзай Лань — 152.
 Цзай Сюнь — 152.
 Цзи Сю — 152.
 Циммерман — 248.

 Чарыков — 208—210, 216—217.
 Чемберлен, Джозеф — 121, 129—132,
 145.
 Чершин — 300, 319, 321—322, 324—
 326, 328—329, 331—339, 356.
 Чернов — 310.
 Черняев — 28.
 Черчилль, Рандольф — 85.
 Черчилль, Уинстон — 215, 262, 262,
 278.
 Чжао Шу-Цяо — 152.
 Чжуан — 152.

- Шарпантье — 378—379.
 Шаумян — 390.
 Швейниц — 33—35, 52, 91.
 Шейдеман — 301.
 Шемуа — 224.
 Шён — 185, 191—192, 264.
 Шиман — 210.
 Шлиффен — 91, 173—175, 256, 310.
 Штюмер — 293.
 Шувалов, Павел — 81—82, 86—90,
 93—95, 99, 101.
 Шувалов, Пётр — 10, 39—41, 45,
 47—49, 87—91, 93.

 Щербачёв — 316—317, 352.

 Эберт — 375.
 Эдуард VII, король английский —
 158, 161, 163, 182—183, 187, 193,
 211.

 Эйленбург — 175.
 Эклунд — 292.
 Эллиот — 37.
 Энсер-паша — 268—269, 271, 364,
 370.
 Энгельс — 61, 106.
 Энкель — 350.
 Эрбетт — 91.
 Эренвальд — 185, 187—195, 197.
 Эрих Гессенский — 292.
 Эрцберггер — 274, 373—375.

 Юань Ши-кай — 111, 242, 290—291.
 Юй Сянь — 152.
 Юрьев — 317, 377—380, 385—386.

 Яев — 110, 245, 249, 268.
 Ямагата — 156, 242.
 Янушкевич — 259—260.

РЕДАКТОРЫ:

Д. В. ЮДИЦКИЙ и С. М. МАЙОРОВ